

А. ЗИНОВЬЕВ

ЗАТЯЯ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ЗАТЯЯ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

ЗАТЕЯ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2000

САТИРА АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

Этой книге уже более двадцати лет. Она продолжает начатое Зиновьевым в «Зияющих высотах» сатирическое описание советского общества — его образа жизни, общественных отношений, правов, культуры. Читая эту книгу сегодня, часто спрашиваешь себя, что побудило тогда автора — всемирно известного ученого-логика — заняться этим делом, какие цели преследовала его критика, как он сам представлял себе последствия этой работы? И что дает современному читателю знакомство с сатирой Зиновьева?

Последний вопрос имеет особое значение.

Почему? Но об этом ниже, после того, как мы уясним себе, что такое представляет собой эта книга? Что такое, собственно говоря, затея? Затея, замысел, цель — понятия вроде бы ясные, но смысл можно вкладывать в них разный. «Главное — чтоб затея имелась. А когда есть затея, то под это можно пить, гулять, развлекаться — словом, жизнь без затей скучная». Эта версия взята мной из самой популярной сегодня в России газеты. Как ни соблазнительно принять это толкование (в книге Зиновьева о развлечениях ее персонажей написано очень много и смешно), но, конечно, автор под затеей понимал другое.

Затея, по версии Зиновьева, была задумана властью для идеологической обработки населения, чтобы сделать людей послушными и безропотными. Затея — это такое «идеологическое оздоровление» человека, когда его превращают в безликое и со всем согласное существо.

В жизни все вышло иначе. Затеянная советской властью и КПСС перестройка привела к неожиданным и неадекватным результатам. К неожиданным результатам пришел и... сам Зиновьев. Что же вышло из «Затей» Зиновьева? Что случилось с ним самим?

После издания на Западе «Зияющих высот», а позднее других книг автора, после вынужденной эмиграции в Германию за Зиновьевым закрепилась репутация писателя, резко критикующего советский общественный строй, разоблачителя коммунизма — словом, диссидента. Именно так обстояло дело до конца 80-х годов. Начавшаяся горбачевская перестройка, по сути, ничего не изменила в репутации писателя-отщепенца. «Катастрожка», «Горбачевизм», «Кризис коммунизма», другие его книги того времени только усиливали это впечатление.

Но вот с конца 80-х все вдруг резко меняется. С возвращением Зиновьеву советского гражданства начинается его прорыв к советскому читателю. Издаются его книги, в газетах (в том числе партийных) печатается его публицистика. На глазах изумленного читателя из ярого обличителя всего советского Зиновьев превращается в пламенного патриота, защитника ценностей Страны Советов, противника тех, кто называет себя демократами. С развалом СССР в начале 90-х этот процесс идет по нарастающей. «Метили в коммунизм — попали в Россию» — эта фраза Зиновьева становится крылатой, и в ней, по сути, отразился новый этап в творческой эволюции мыслителя.

«Нельзя оплевывать прошлое. Если оплевать прошлое, мы ни шагу не сделаем в будущее» — так пишет Зиновьев о советском прошлом. Или следующее утверждение, в котором перед читателями предстал новый Зиновьев: «Я считаю советский период вершиной российской истории. Не будучи апологетом коммунизма, считаю этот период поистине удивительным. Пройдут века, и потомки будут с изумлением, с восхищением изучать это время, поражаться, как за удивительно короткий срок в стране, жившей в кошмарно трудных условиях, было сделано так много. Да, было много и плохого, были преступления, ошибки, разочарования. Но все равно это была величайшая эпоха в истории России и один из величайших феноменов в истории человечества». Возможно ли было такое услышать от Зиновьева в конце 70-х — начале 80-х годов?

В 1993 году Зиновьев впервые приезжает из Мюнхена на Родину, в новую Россию, и начинается процесс постепенного возвращения. Но это уже другой Зиновьев. Казалось бы, не было «Зияющих высот», «Желтого дома», других его сатирических работ. В это время и совершается переворот в сознании его читателей и почитателей. «Это не Зиновьев, а кто-то другой!», «Что с ним случилось?». Шквал этих и подобных вопросов обрушился на писателя. И в том же духе: «Как вы могли после «Зияющих высот», после жизни на Западе утверждать, что наше советское тоталитарное прошлое — яркая страница отечественной истории?!» В сознании многих его

единомышленников происходила настоящая сшибка при мысли о противоречиях в Зиновьеве. Мне самому часто приходилось слышать подобное. И все-таки почему?

Ответ, думается, найти несложно. В истории страны, можно сказать, наступил момент истины. Горбачевская перестройка, а затем реформы 90-х годов ввергли Россию в пучину бедствий и потрясений. Нашлось много людей, которые с самого начала не приняли реформаторский курс, увидели в подражании западной демократии и в безоглядной рыночной экономике не эталон политической жизни, не спасительное средство для российской экономики, а страшную угрозу для страны, которая может привести к полному и окончательному разрушению государства, к утрате Россией независимости. В этой ситуации отношение к советскому прошлому стало тем оселком, на котором испытывались политика и политики. В этом и надо искать разгадку феномена двух Зиновьевых. Ценители его сатиры ждали от него негативной оценки прошлого, в особенности сталинизма. Но их постигло горькое разочарование. Вопреки логике и здравому смыслу (так казалось многим) Зиновьев давал высокую оценку советского семидесятилетия.

Нет и не было двух Зиновьевых, противоречие это кажущееся. Здесь надо учитывать особенности его сатиры. Она была беспощадной, резкой, но в ней не было злобы, диссидентской злобы. В ней не было злого умысла. Сам Зиновьев никогда не был диссидентом-антисоветчиком и антикоммунистом и не считал себя таковым. Он разоблачал язвы советского образа жизни, высмеивал все негативное и застойное, но при этом всегда оставался патриотом своей Родины. Он не устал подчеркивать: СССР — моя Родина, «моя страна». Другой Родины у меня нет и не будет! На Родине его считали отщепенцем, и он признавал это. Отщепенец?! Да! Но не враг!

Многое в психологии Зиновьева становится понятным, когда вдумываешься в его слова: «Я считал развитие советского общества необратимым, а советский строй незыблемым на века. Кто мог раньше подумать, что случится такое?!»

Живя на Западе, Зиновьев раньше других узнал о глобальных планах западных стратегов, замысливших развалить СССР и затем Россию. Раньше всех он увидел губительные последствия перестройки и либеральных реформ. Потому и отошел он от своей сатиры и стал разоблачать планы превращения могучей советской и российской державы в общество колониальной демократии, полностью зависимое от метрополии, от стран «Большого Запада» (термин Зиновьева).

Россия вступает в третье тысячелетие. Какой она будет в двадцать первом столетии? Что она возьмет из ушедшего в

прошлое двадцатого? От чего раз и навсегда откажется? Вопросы важные, можно сказать судьбоносные. Что может дать нам для ответа эта книга Зиновьева? Сам автор постоянно связывает свой ответ с необходимостью глубоко понять коммунизм — то общественное устройство, в котором жило российское население большую часть прошедшего века.

Современные российские реформаторы уже не один год ищут национальную идею, русскую идею, которая помогла бы сплотить российское общество, примирить раздражающие его острые социальные антагонизмы. Но они до сих пор ничего не добились и не добьются. Потому что они не понимают главного, того, что выразил Зиновьев в своем исследовании коммунизма. Вот квинтэссенция его концепции, сформулированная в книге «Затея»: «...Во всей прокоммунистической и антикоммунистической литературе не сказано ни одного слова о самой главной черте коммунистического строя жизни, которая сделала его таким привлекательным для миллиардов людей, несмотря на очевидные и общеизвестные ужасы становления и бытия его. Это главное состоит в органической способности порождать идеи и средства, организующие жизненный поток в единое осмысленное целое». В этой «последней мысли» (так назвал автор заключительный раздел книги) Зиновьева я вижу ту общую идею, которую пока безуспешно ищут идеологи наших властителей.

Л.И. Греков

ЗАТЕЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В августе 1976 года на Западе были опубликованы «Зияющие высоты». Успех книги на Западе и в России, куда она проникала нелегально, меня изумил. Я на это не рассчитывал. И хотя я жил под строжайшим надзором органов государственной безопасности и в ожидании ареста, тем не менее я решил написать новую книгу, на сей раз — «настоящую». Что я имел при этом в виду? Дело в том, что я писал «Зияющие высоты», вообще не задумываясь над тем, о чем и как писать. Материал для книги был накоплен в голове за долгую жизнь в изобилии. Писал я так, каким был мой привычный способ мышления и речи. Теперь же я решил писать книгу в два этапа: сначала накопить достаточно большую совокупность хаотически написанных текстов, а затем на основе систематизированной обработки их написать задуманную книгу. Я так и делал в течение года с сентября 1976 года по сентябрь 1977-го. Хаотично написанные заметки пересылались на Запад. Многие терялись в дороге. Но значительная часть достигала моего издателя в Швейцарии. Угроза моего ареста становилась вполне реальной. И издатель решил подготовить мои заметки к публикации, если я на самом деле окажусь в тюрьме. Я сообщил ему принципы упорядочения заметок в более или менее связный текст. В августе 1978 года я оказался на Западе. Книга уже была подготовлена к печати. Я не смог даже вставить в предисловие предупреждение о том, что это — не законченное произведение, а лишь черновые наброски, публикуемые в силу из ряда вон выходящих обстоятельств. Книга вышла в свет в

начале 1979 года под названием «В преддверии рая». Моему намерению обработать ее так, чтобы получилось законченное литературное произведение, удовлетворяющее моим критериям, не суждено было осуществиться. Не было времени. А главное — замысел книги фактически реализовывался в совокупности тех книг, которые я начал писать на Западе. И опубликованные в книге «В преддверии рая» черновые наброски так или иначе использовались в них. В предлагаемую вниманию читателя книгу я включил лишь те из этих набросков, которые остались неиспользованными и которые представляют, на мой взгляд, интерес для описания предкризисной ситуации в России в семидесятых годах. К тому же многие социальные явления, казавшиеся специфическими для общества коммунистического, оказались присущими как обществам западного типа, так и постсоветской России, — факт сам по себе заслуживающий внимания.

В книгу включен также текст, который я написал в это же время, восстанавливая по памяти пропавшую часть «Зияющих высот». Этот текст был опубликован в 1979 году под названием «Записки ночного сторожа».

При подготовке к печати этой книги я сохранил все тексты в том виде, в каком они были написаны в 1976—1977 годах, произведя лишь сокращения и некоторые перестановки сравнительно с тем, в каком виде они были опубликованы. Для обработки их до уровня законченного литературного сочинения у меня и на этот раз не было времени и сил. Кроме того, такая обработка означала бы учет тех перемен, которые произошли в нашей стране за двадцать два года, и использование того понимания описываемой реальности, какое у меня сложилось теперь, в конце 1999 года. А для этого надо писать новую книгу, причем писать совсем иначе, чем я это делал в начале моего литературного творчества. А у меня для этого нет не только времени, но и желания.

Должен предупредить читателя о том, что эта книга — не для легкого чтения и развлечения, а для работы и размышлений, причем для размышлений неприятных. Я делал эти заметки, будучи исключен из нормального советского общества в качестве чужеродного для него явления (в качестве отщепенца) и находясь в состоянии безвыходного отчаяния. Но это не значит, что я тогда ошибался. Отчаяние не есть истина, но не есть и заблуж-

дение. Оно есть состояние. Оно было. И боюсь, что оно не ушло насовсем в прошлое.

В то время, когда писались эти тексты, я был убежден в прочности и жизнеспособности Советского Союза и советского (коммунистического) социального строя. Я, конечно, знал о диссидентском движении. Но мои критические умонастроения сложились и развивались независимо от западного влияния и диссидентства, сложились на основе наблюдения и переживания имманентной эволюции советского общества. Я сознательно ставил перед собой задачу изучить и описать в литературной форме именно этот аспект советской истории, отвлекаясь от ее внешнего аспекта. Тем более, в это время наметилась тенденция к спаду диссидентского движения. Я тогда имел весьма смутное представление о ходе «холодной войны» и о ее механизмах. Лишь через несколько лет (в 1984 году) я стал догадываться о переломе в западной стратегии «холодной войны» в направлении подготовки советской антикоммунистической «революции», то есть грандиозной диверсионной операции по разгрому Советского Союза и советской социальной системы. Этот внешний аспект нашей истории отбросил на задний план процессы во внутреннем аспекте, деформировал их и поглотил до такой степени, что специфически коммунистические перспективы эволюции нашей страны остались незамеченными или сфальсифицированными.

Москва, 30 декабря 1999 года

Часть первая

В МОЗГУ РОССИИ

ПРОЛОГ

Не раскаяние (и негодяи иногда раскаиваются), а лишь искупающее действие зачтется тебе, — было сказано в «Евангелии для Ивана». Грешно не сопротивляться насилию, но еще больший грех — оставаться равнодушным при виде насилия. Помни, что даже молчаливое думание есть дело. Именно из незримых мыслей протеста складывается могучее незримое поле протеста, вне которого немислимо зримое действие. Даже думая, ты вносишь крупицу силы в общее дело защиты человека. Все это было сказано в «Евангелии». И еще там было сказано:

Включу телевизор, раскрою газету,
Листаю роман, слышу вопли поэта,
Зеваю в кино, пялю глаз на витрину,
На выставке вижу из красок картину,
Слышу вранье про источник успеха,
Мне хочется, братцы, затрястись от смеха.
До колик в кишках. До слезы. До икоты.
Откуда такие взялись идиоты?!
Но смех, не начавшись, в душе застывает.
Шутливое слово в зубах застревает.
И чувство иное крадется мне в душу.
И шепчет: гляди и внимательно слушай!
Это тебе не шуты-скоморохи.
Это — строители новой эпохи.
От лживых речей не комично, а жутко.
Их пошлый спектакль не подходит для шутки.
Не смеха, а гнева достойно все это.
Здесь матом бы крыть, а не рифмой поэта.

Кричать и ругаться. И в черта и в Бога.
Эй, люди!

Очнитесь!

Тревога!

Тревога!

Там было сказано и многое другое. Теперь это все рассыпалось на кусочки и затерялось в помойке словоблудия наших невероятно говорливых дней. И теперь нестерпимо тоскливо оттого, что нельзя вернуть прошлое, сказать хотя бы одно доброе слово автору «Евангелия» и собрать воедино его мысли, которые он дарил всем без разбора, не ведая того, что творил, и получая взамен только насмешки.

ЧТО ИЗВЕСТНО ОБ АВТОРЕ

Мы терпели его, но относились к нему свысока. Обычно мы смеялись над ним, ибо он, как нам тогда казалось, обычно порол всякую чушь или банальности, а мы были философски грамотными. Мы знали, что такое материя и сознание, производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка. Уже после второй лекции маразматика Бугаева мы знали, что мы на голову выше всех предшественников, включая Аристотеля, Канта и Гегеля. И даже наших соотечественников Герцена и Чернышевского, которые вплотную подошли к..., но остановились перед... А мы перешли и не остановились. И хотя нам об этом говорил косноязычный маразматик Бугаев, нам это льстило, мы этому охотно верили. И отправлялись в ближайшую забегаловку, переполненные величайшей мудростью и беспрельдно обрадованные необычайной легкостью ее приобретения. А он, невежа, болтал о душе, о самоотречении, о духовном единении и о многом другом, для чего у нас не было подходящих названий, поскольку мы превзошли всех. Потом мы узнали, что разговоры о материи, самосознании, производительных силах и прочем суть чушь или банальность. Но мы при этом стали еще более грамотными, приобщились к высотам мировой культуры и заговорили об отчуждении, структуре, изоморфизме, энтропии. А он продолжал болтать все ту же

примитивную чепуху или какие-то нелепые стишки («стишата», как говорили мы).

Он время от времени неожиданно появлялся в нашей среде, читал нелепое стихотворение или изрекал столь же нелепый афоризм. И столь же неожиданно исчезал. И мы не знали, откуда он возникал и куда исчезал. И знать не хотели. Мы даже имени его не знали. Мы презрительно именовали его кто Пророком, кто Апостолом, кто Христосиком, кто Иисусиком, кто Ванькой, кто Иваном. Он одинаково откликался на любую кличку и просто на «Эй, ты!». Наступали либеральные времена. Он все реже появлялся в наших компаниях. Да и компании наши собирались все реже. Распадались, перетасовывались. Мы защищали дипломы и диссертации, писали статьи и книги, продвигались в должностях, становились известными, получали или покупали квартиры на гонорары (а раньше мы эти гонорары пропивали), обрастали дачами и машинами, женились и разводились и снова женились, с широких штанов переходили на более узкие, совсем узкие и снова на широкие, средние юбки меняли на короткие, а короткие — на длинные, обрастали бородами и жирком, обсуждали мировые проблемы, почитывали западные книжечки, наш «самиздат». А он твердил все ту же свою ерунду, носил все то же свое старомодное, потертое, вонючее барахло... Появлялся он все реже. Сроки, на которые он появлялся, все уменьшались, а сроки, на которые он исчезал, увеличивались. И в самый расцвет либерализма, когда мы поднялись на вершины нашего преуспевания, он исчез совсем. Ходил слух, будто его посадили в психушку. Но какое нам до этого дело? Не велика потеря!.. И все-таки грустно оттого, что это ушло в прошлое и никогда не вернется.

РАНЬШЕ

Раньше в Москве было где выпить и чем закусить. Не то что теперь. Да, представьте себе, и закусить. Хотя война кончилась совсем недавно, хотя неурожаи (реальные, а не фиктивные, как теперь) следовали один за другим, и не по вине империалистов и их прислужников-диссидентов (как теперь), а по причине природных капризов, однако в любой пивнушке (а они были на каждом шагу)

можно было получить на закуску бутерброд с колбасой (!), с сыром (!!) или икрой (!!!). На торцах всех устаревших домов и на крышах новостроек с архитектурными излишествами наряду с лозунгами «Да здравствует...», «Вечная слава...», «Вперед...» и портретами мудрейшего из мудрейших красовались рекламы, призывавшие трудящихся употреблять в пищу (обратите внимание на изящество стиля!)... Что бы вы подумали?! Крабы!!! В любом гастрономе можно было купить копченую треску и даже порой судака. Как было сказано в «Евангелии»:

Да, было время, мы жевали
Не обещания траву.
Треску копченую сдали.
И даже крабы мы видали
Не в сладком сне, а наяву.

А уж о выпивке и говорить нечего. Что пить и где пить — над этим голову ломать не приходилось. Захотелось выпить (а какой дурак не хочет этого?!), иди в любом, произвольно выбранном направлении, и ты непременно через сто—двести метров окажешься в пивнушке, в кафе, просто в столовой или в магазине, где продают в розлив все, что содержит градусы, короче говоря — в забегаловке, составлявшей тогда самую глубинную сущность московской жизни. Нет денег? Не беда. На выпивку тебе любой займет рубль или трешку. А то и пятерку. На что другое не займут, а на выпивку всегда. Выпивашные долги, как в свое время карточные, суть долги чести. Они всегда возвращаются в срок. И не было проблемы, с кем пить. Теперь-то это — проблема, и к тому же — почти неразрешимая. А тогда мы даже не подозревали, что такая проблема вообще возможна. Тогда лучшие сыны и дочери народа живо откликались на призыв «тянуть» по поводу и без такового. И что любопытно, хулиганства было не больше, чем теперь, и прогулов не больше, и в вытрезвитель попадали не чаще. Одним словом:

И за гулянки нас не били,
И не корили нас вином.
Нас даже женщины любили,
Хоть мы дышали в них г...ом.

Вот, к примеру, тебе сейчас надо идти на лекцию в «круглый зал» (угол Герцена и Моховой). История КПСС. Читает профессор Гурвич. Читает, конечно, блистательно. От скуки сдохнуть можно, но здорово шпарит. Потом его за космополитизм куда-то убрали. Теперь-то мы знаем, что нехорошо поступили. А тогда мы хихикали: еще одного подонка из этой банды трепачей убрали! Ну да дело прошлое. Итак, читает Гурвич. Ты вспоминаешь об этом. Отчетливо видишь его на кафедре-трибуне. С поднятой рукой. Словно сам Ильич на броневике. Отчетливо слышишь его чеканный голос. Только Маркс и Энгельс!.. Только Ленин и Сталин!.. И тебе становится тоскливо, и не выпить уж никак нельзя. И ты потихоньку, блудливо опустив глаза, проскальзываешь в толпе мимо комсорга группы, парторга группы, старосты группы, старосты курса, уборщицы тети Даши, инспектора учебной части Тебенькова (фамилию его мы произносили без буквы «Т»).... быстро мчишься мимо памятника Герцену (или Огареву?), скрываешься под арку центрального входа, выныриваешь с противоположной стороны во внутренний двор и через ворота налево мчишься на улицу Герцена, как раз напротив скопления пивнушек, полувивших общее название «Ломоносовка». Теперь на этом месте нет ничего. Что-то вроде клумб и газончиков и скамеек, на которых избегают сидеть даже пенсионеры.

И ты не одинок. Вслед за тобой филолог Костя (он чуточку отстал от тебя, поскольку его факультет был этажом выше). С какой лекции удрал Костя, он сам не знает. Около истфака вас уже ждет историк Эдик. Он смылся с лекции профессора Толмачева, одного из самых выдающихся кретинов советской (очень богатой кретином) истории. Того самого, который четвертовал Польшу на три неравные половины. Толмачева мы все хорошо знаем. Им потчуют первокурсников на всех гуманитарных факультетах университета. В аудиторию Толмачев не входит, а врывается, на бегу срывая с себя шляпу, пальто и еще какие-то тряпки. Еще от двери начинает истошно вопить какую-то дребедень. К примеру, такую: в то время, как буржуазия ела цыплят, лимоны, апельсины, шпроты и прочие цитроусы, пролетариат подыхал с голоду на баррикадах. Дорвавшись до кафедры, Толмачев приходит в неистовую ярость. Скидывает пиджак, расстегивает галстук. Говорят, что однажды он чуть было брюки

не снял. И зовет нас спасти жизнь Карла Либкнехта и этой, как ее, Клары Цеткин... Нет, Розы Люксембург. Толмачев — член партии с семнадцатого года. И с тех пор играет роль пламенного революционера.

В «Ломоносовке» нас ждет экономист Степан. Он фронтовик, прошел огни и воды. Три ранения. Куча орденов. Нервы железные, закаленные. Но и он не может выдержать, когда профессор Токмолаев в сотый раз начинает жевать высоты марксистской экономической мысли: одна сапог равен два булка... Степан на четвереньках выползает из аудитории, послав на ... старосту, парторга, комсорга и всех прочих. Ему можно, он — ветеран, золотой фонд университета.

Для начала мы пропускаем по кружке пива. Иногда — по сто граммов водки. Но это реже, в дни выдачи стипендии. А что, если?! Это идея! И мы уже идем вверх по улице Герцена, к Никитским воротам. По пути мы покупаем копченую треску и пару батонов хлеба. Проходя мимо консерватории, вспоминаем Витю-пианиста. Что-то давно не видать его. Может, заболел. Или за ум взялся, к конкурсу готовится. Он же талант, может быть даже гений. Но Витя сам увидел нас из окна столовой и догоняет нас, едва мы миновали аптеку.

У Никитских ворот забегаловок не счесть. Можно остановиться тут. Но мы наметили свой маршрут далее, к площади Восстания. Там, поблизости от площади, есть одно из самых прекрасных мест в Москве — «Грибоедовка». Это — магазин молдавских вин в доме, в котором жил Грибоедов. Витя, однако, уговорил нас задержаться на несколько минут в угловом гастрономе и выпить по фужеру шампанского, постепенно опускаясь до пива, водки и даже денатурата. Мы соглашаемся. Тем более, платит сам Витя. Он подработал, играл на свадьбе на баяне.

Оставшуюся часть пути до «Грибоедовки» мы бредем сначала медленно, смакуя легкое опьянение. Шутим. Хохмим. Знаете, что сейчас идет в Большом? — спрашивает Витя. Галет Близера «Мрасный как». Мы смеемся. До Степана шутка не доходит: он не знает никакого Глизера и тем более того, что он сочинил балет «Красный мак». Потом Витя говорит, что у них в консерватории только один профессор живет с женщиной, это — Варвара Дурова. До Степана опять не доходит, и ему приходится пояснять, что в сфере музыки принято мужчинам сожи-

тельствовать с мужчинами, а женщинам с женщинами. Педерасты, что ли? — спросил Степан. Ну так бы и сказали. А при чем тут эта баба?

Чем ближе «Грибоедовка», тем быстрее наше движение. Садовое кольцо мы пробегаем уже на полной скорости. Впереди мчится Эдик, размахивая копченой треской, за ним я с батонами. Мы захватываем подоконники и угловой столик. Продавцы нас знают и встречают как своих. Особенно они любят Витю, поскольку тот не жалует денег и никогда не берет сдачу.

В один из таких заходов к нам и присоединился Он. Мы сначала встретили его в штыки и хотели отшить. Но он внес свой помятый рубль и остался. После третьего стакана, когда на столе остались только шкура и скелет от копченой трески, Он прочитал нам:

Не могу я понять,
Что со мною творится.
То пятерку занять
Я хочу и напиться.
И тогда не унять
Никаким приговором:
Так и тянет меня
Лечь-заснуть под забором.
А бывает, с тобой
И такое творится:
Из-под крана водой
Чистой хочешь умыться,
Бритвой морду скребешь
И рубашку меняешь.
Просветленный идешь,
А куда — сам не знаешь.
Ты в согласье с судьбой.
Ах, как солнце сияет!
Неба край голубой
Перспективы вселяет.
Все на свете обнять
Твое сердце стремится.
И пятерку занять,
И до рвоты упиться.

Ладно, сказал Степан. Ждите! Тут недалеко у меня знакомые живут. Я сейчас мигом смогаю. На пятерку можете рассчитывать. Заказывайте!

ДРУГАЯ СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Потом мы выгребаем из карманов все, что осталось. На закуску уже ничего не остается. Только на конфетки. Он свою долю конфеток кладет в карман. Плевать мне, ребята, на ваши университеты и консерватории, говорит Он. Мне вообще плевать на ваши спектакли. Я живу в своем мире. У меня есть своя система ценностей. Какая же? — спрашивает Костя. Хотите, говорит Он, могу показать. Тут недалеко. Пошли?

Мы идем в один из глухих переулочков в районе Арбата. Раньше тут был обычный старый дом. В нем был подвал. В подвале жили люди. Как они жили! Семь семей на площади не более ста квадратных метров. Пол на кухне сгнил. Проступала вода и содержимое канализации. Ребята, сказал Он дорогой, там меня принимают за полковника Органов. На оперативной работе. Им так нравится. Не выдавайте меня. Буду благодарен, если вы изобразите моих подчиненных. Пусть кто-нибудь обмолвится и назовет меня полковником. Идет?

Встретили нас в подвале с великой радостью. Два маленьких пацана кинулись к нему на шею, и Он дал им конфеты. И мы почувствовали себя подлецами. И сыграли игру, какую Он просил нас, без всякого усилия. Будем, товарищи, писать письмо по поводу пола, сказал Он. Думаю, лучше Ворошилову. Лучше Буденному, сказал пожилой мужчина. Я служил у него. Буденный сейчас делами не занимается, сказала девочка лет пятнадцати. Надо Ворошилову. Потом мы стали разговаривать с жильцами о том о сем, а Он уселся с несколькими энтузиастами сочинять письмо. Жильцы кивали на Него, говорили, что Он — хороший человек, сразу видно — большой начальник, что если бы все там были такие... Наконец, письмо было готово. Я попрошу вас, товарищ майор, сказал Он Степану, отпечатать эти бумаги на машинке завтра в трех экземплярах. Послезавтра я занесу вам, вы отошлете. Ворошилову одно письмо, а копии одну в райисполком, другую в редакцию газеты «Правда». Поняли? Отошлете по всем правилам отсылки важных бумаг, чтобы документ был.

Потом мы бредем обратно в «Грибоедовку». До закрытия еще полчаса. Еще успеем. Ребята, говорит Он,

надо скинуться и отпечатать завтра эти бумажки. Я прошу вас. Потом я подзашибу немного, расквитаюсь. Очень прошу вас. Так надо, вы же сами видите... Видим, говорит Степан, только почему их благодарность должна достаться Органам? Ребята, говорит Он, иначе они ничему не верят, я же знаю. Они верят теперь только Органам. И самому Ему.

Он привносил с собой в наши попойки нечто возвышенное, просветленное, даже священное. Когда Он долго не появлялся, мы начинали скучать о Нем. Витя предложил, в конце концов, выяснить, кто Он такой, где работает или учится, где живет. И как, в конце концов, Его звать? Степан сказал, что Он типичный трепач, конечно, человек несерьезный, но вроде бы парень свойский. Скорее всего — фронтовик. Похоже, что бывший пилотяга. Они вообще все были пьяницы, бабники и хохмачи. Не то что мы, танкисты. Костя сказал, что это не играет роли. Подумаешь, фронтовик! Если он не успел попасть на фронт, так, значит, он неполноценный человек?! Эдик тоже до фронта не дорос. И не видит в этом ничего преступного. Чудак, сказал Степан, я же не о том. Просто война — это особая жизнь, совсем не такая, как сейчас. И отныне люди на много лет будут делиться на переживших и не переживших войну. Делиться не отделом кадров, не по анкетам, а по психологии. Чем же твоя, например, психология отличается от моей? — спросил Витя. Пьем мы вроде одинаково. И ведем себя вроде одинаково. Это так, сказал Степан. Но мы есть основа, а ты — нечто производное, вторичное. Понял? Не будь этой основы, ты пил бы иначе и выпивка в твоей жизни играла бы другую роль. Ну как бы мне тебе пояснить?.. Не надо, сказал Витя, и так все ясно. Я же не возражаю. Только куда все-таки Он пропал?..

СПОСОБЫ ЖИЗНИ

Жить тогда было трудно. Стипендия грошовая. Естественно, приходилось подрабатывать. Мы со Степаном разнюхали было теплое местечко — вахтерами во внутренней охране в одном министерстве. Сутки дежурить, причем пост — трехсменный, двое отдыхать. Лучше не придумаешь. Зарплата маленькая, зато форма бесплат-

ная. И какой-то паек за копейки, то есть фактически бесплатно. Но нас не взяли, когда узнали, что я старшим лейтенантом был, а Степан — капитаном. Пришлось идти на разгрузку вагонов с картошкой. Вкалывали мы тут до умопомрачения, а получали пустяки: бригадир обирал нас самым бессовестным образом. Потом мы устроились копать ямы под деревья — Москву начали усиленно озеленять. Тут было терпимо. Но лавочка эта скоро лопнула, все наше начальство посадили. Мы еле отвертелись. Наконец, мы нашли роскошную работу — на археологических раскопках в Зарядье. На все лето. Платили хорошо. Плюс премиальные — за ценные находки. Плюс — повышенная плата за аккордную работу, главным образом — за откачивание воды из раскопов после дождей. Работали весело. Он оказался великим выдумщиком. Однажды Он не поленился прийти ночью к соседнему раскопу, аккуратно выкопал глубокую ямку вплоть до материкового слоя и закопал туда медаль «За отвагу». И заделал так, что не подкопаешься. На другой день группа во главе с самим Р., руководителем экспедиции, докопалась до материка и... обнаружила там медаль. Надо было видеть выражение лица Р.! Челюсть отвисла от удивления до самых коленок. Услышав вопли в соседнем раскопе, мы бросились туда. Р. все еще стоял с идиотским выражением лица и с медалью на ладонях. Кто-то сказал, что русский народ храбро сражался с захватчиками еще задолго до татаро-монгольского нашествия. Потом нас собрали, и Р. прочитал нам длинную и нудную лекцию о важности... научной честности... Мы не понимали, в чем дело, и глупо переглядывались: а мы-то, мол, при чем тут. Лишь несколько месяцев спустя Он сознался.

И наговорились мы за это лето до одурения. И во всех беседах Он был заводилой. Во всяком случае, о чем бы мы ни говорили, разговор принимал всегда особое направление, когда вмешивался Он. Так, однажды Р. стал рассказывать о том, что скоро Зарядье снесут, стену Китай-города тоже снесут и тут будет сооружено высотное здание. Ну и идиоты, сказал по этому поводу Он. Во-первых, с чисто архитектурной точки зрения это глупо. Нельзя около Кремля строить высокие здания. А во-вторых, мы уничтожаем свою историю, а потом будем ее измышлять. А народ с фальши-

вой историей — это уже ненарод, а, извиняюсь, г...о. В другой раз разговорились о том, как жить. Это не проблема, сказал Он. Можно жить, не работая в официальном смысле слова, то есть не прикрепляясь ни к какому учреждению. За три месяца вполне можно заработать на жизнь на весь год на работах такого рода, как эта. Прожить можно на... (Он назвал такую сумму, что мы рассмеялись, но Он привел тривиальный расчет, и мы заткнулись.) Конечно, никакой роскоши при этом иметь не будешь. И карьера не получится. Зато при этом ты будешь свободен от всяческих эмоций и устремлений, без которых невозможна наша официальная жизнь. Не нужно унижаться перед начальством и раболепствовать перед ним. Не нужно восхвалять высокопоставленных кретингов. Не нужно испытывать насилия со стороны сослуживцев. Тратиться на полированные шкафы, дорогие тряпки, ковры и т. п. В общем, при этом ты всегда свободен, весел, спокоен. А милиция? — спросил кто-то. А семья? А дети? Ну, это все пустяки, сказал Он. С милицией всегда можно договориться. Без семьи можно обойтись, в крайнем случае, можно найти подходящую пару. Правда, женщины более склонны к обрастанию вещами и заботами. Но бывают исключения... Самая трудная проблема при этом — выпивка. Бросить пьянство, конечно, никак нельзя. Но умеючи можно и тут на гроши выкрутиться. А главное, друзья мои, надо верить. Верить! Во что? В кого? Во что угодно и в кого угодно, только не в эту... вы понимаете, что я имею в виду... только не в эту мразь.

Мы возмущались: что хорошего в такой жизни? Современный человек должен иметь отдельную койку, а то и свою комнату, чистые простыни, приличную одежду. Ходить в музеи, театры. Мир видеть. В мире так много прекрасного. Природа. Города. И есть надо прилично. Вина тоже хорошие употреблять не грешно. Нынешний спорт и то стоит времени и средств. А ты проповедуешь убожество и нищету. Знаешь, кому такая идеология выгодна? Начальству. Хапугам. Карьеристам. Жуликам. Нам — жить на помойке. А им — наслаждаться в прекрасных квартирах, в особняках, на дачах, на курортах. Нет, мне такой способ жизни не подходит. Я хочу жить по-человечески. И без твоего

дурацкого бога. Я предпочитаю верить... В Партию и Правительство? — спросил Костя. В самого себя, сказал Эдик. В свои силы. Между прочим, осенью я собираюсь подавать заявление в кандидаты в партию. Уже согласовано. Как там согласно твоей религии? Можно мне позволить это или нет? Это твое дело, сказал Он. Я же никаких общественных организаций не признаю. Я даже не член профсоюза. А если заболешь? — спросил Костя. А по моей системе болеть нельзя, сказал Он. То есть как это нельзя? — удивился Эдик. А вот так, сказал Он. Зачем болеть? Это вовсе ни к чему. Как ты считаешь? Вопрос застал меня врасплох, я мямлю что-то невразумительное, все смеются... Видите ли, говорит Он задумчиво, есть такая славная штука — свобода. Она, пожалуй, стоит комнаты, квартиры, дачи, машины, курорта. Но все эти штучки, говорит Эдик, не мешают свободе. Скорее наоборот. Вряд ли, говорит Он. Это ты сейчас так говоришь, поскольку только начинаешь свой путь к этим штучкам. погоди, пройдешь немного, сам поймешь, что они у нас несовместимы со свободой. Точнее, путь к ним предполагает добровольный и свободный отказ от свободы. Эти штучки приобретаются дорогой ценой — ценой принятия сознательной несвободы. Ты вступаешь в партию? Прекрасно. Но для этого ты должен от многого отказаться и сделать многое такое, что тебе не очень приятно. Ходить на собрания. Общественной работой заниматься. Одобрять. Осуждать. Ты сам все прекрасно понимаешь, что об этом говорить. К этому легко привыкнуть, говорил Степан. Я, например, член партии с фронта. Ну и что? Я не чувствую себя из-за этого скованным. Конечно, говорит Он, ибо добровольная несвобода не ощущается как внешнее насилие, а только внешнее насилие мы ощущаем сначала как несвободу. Все равно, говорит Костя, игра тут стоит свеч. Беспартийного в аспирантуре не оставят, на хорошее место не возьмут. Для кого как, говорит Он. Для кого стоит, для кого нет. Только по моим наблюдениям от такой сделки люди в конечном счете проигрывают. Что проигрывают? Душу, а значит, жизнь. Твоя «душа» — чушь, говорит Степан, поповские сказки. Что-то в твоих словах есть верное, но сказать это надо как-то иначе.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Жизнь шла своим чередом. Мы все-таки ходили на лекции и не так уж часто удирали с них. Регулярно посещали семинары, писали курсовые работы, занимались общественной работой, в общем — делали все то, что должны были делать наши нормальные студенты. А если мы иногда валяли дурака и развлекались самым нелепым образом, так это было почти незаметно в нашей серой и унылой жизни. Лишь потом эти малозначащие пустяки превращались в легенды и обрастали подробностями, которых не было в действительности. Так, однажды мы объявили конкурс портфелей преподавателей университета. Сами преподаватели об этом и не подозревали. Это мы потешались между собой. Конкурс шел как по внешнему виду портфелей, так и по содержимому. Первую премию мы присудили портфелю одного доцента нашего факультета. С внешней стороны это был гигантский сундук, изодранный до такой степени, что если бы доцент выбросил портфель на помойку, то даже старьевщики не позарились бы на него. А по содержимому он превзошел все наши предположения. В нем рядом с грязным бельем лежал общипанный тридцатикопеечный батон хлеба и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Потом мы устроили конкурс женских задов. На сей раз в жюри вошло около пятидесяти человек с разных факультетов. Было обследовано около тысячи задов. Победу одержал... да, одержал, а не одержала... преподаватель эстетики с филологического факультета, работавший по совместительству также и в консерватории, который впоследствии оказался гомосексуалистом и был осужден на пять лет. По этому поводу у нас возникла острая дискуссия — предшественница нынешних дискуссий о правах человека. Дискуссия была настолько острой, что мы не могли успокоиться даже в «Грибоедовке». Витя сказал (у него был крупный запой, вследствие которого он попал в психиатрическую больницу, где его вылечили, после чего он первым делом посетил «Ломоносовку» и, естественно, оказался в «Грибоедовке»), что мы путаем личные вкусы и правовой вопрос. С правовой точки зрения гомосексуализм признан правомочным во всех цивилизованных странах, кроме нас, хотя мы претендуем быть страной цивилизованной. Если тебе это

противно, спи с бабами или занимайся онанизмом. И предоставь другим позаботиться о себе самим. Степан сказал, что их осудили на растление молодежи. Чушь, сказал Витя. Я же их всех лично знаю. Никакого растления там не было. В конце концов, медицина сейчас в состоянии установить, является человек прирожденным гомосексуалистом или нет. А в принципе любой человек содержит в себе как мужские, так и женские потенции, только в большей или в меньшей степени. К тому же культура... Возьмите Грецию. Или Рим... Тут не Греция и не Рим, сказал Костя, а Москва. И нашему брату предстоит еще догонять Запад по обычным методам, а вы тут про культуру толкуете!

Последней нашей крупной эпопеей был чемпионат университета по пьянству — по водке и по пиву. После этого наша компания распалась. Мы встречались по двое и иногда по трое, но уже реже и уже в несколько иной ситуации. К тому же к этому времени у нас сложились внутрифакультетские питейные группы, отнимавшие у нас львиную долю времени, средств и способностей.

ЧЕГО МЫ ХОТИМ

Чего мы, в конце концов, хотим, говорит Он. Согласен, прожить жизнь благополучно. Но что это значит? Есть социально-биологическое благополучие. И есть человечески-духовное благополучие. Это далеко не одно и то же. Пожалуй, они даже несовместимы начиная с некоторого момента. Поройтесь, например, в своей памяти. Поройтесь! Много ли всплывает в ней? Одни пустяки какие-то. Там-то и тогда-то обожрались до одурения. Или упились. К бабам смотались. А баб даже в рожу не видали. Почему же, протестует Костя. Я вот, например, помню, какое на меня впечатление произвели стихи Есенина и Блока. Не верю, говорит Он. Ты вспомнил о них только потому, что учишь. А Степан мог бы сказать, что его потрясла первая лекция Токмолаева. Одна сапог равен два булка! Такое не забывается. Философ может сослаться на работу Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Тоже есть чему восторгаться. Если пробьетесь в великие люди, так и будете врать. Врать, а не на самом деле! А не пробьетесь, даже вспоминать забуде-

те. И эти наши питейные походы, может, будут единственным светлым воспоминанием. Есть, ребята, социобиологическая продолжительность, содержательность, событийность жизни. И есть человечески-духовная продолжительность, содержательность, событийность жизни. Можно прожить сто лет в здоровье, сытости, в делах, наградах, повышениях, и все же прожить при этом пустую, бессодержательную и бессобытийную жизнь. Скучную, серую. И будет она переживаться как мгновение. Не случайно же наши правители так рвутся жить бесконечно, пичкаются всякими продляющими жизнь средствами. А почитайте их мемуары, когда таковые по воле случая появляются. Тоска зеленая. Кажется, прожита длинная жизнь, насыщенная событиями жизнь, а сказать-то им нечего. Пусто! И можно прожить всего двадцать лет, и будет эта жизнь переживаться как богатая, долгая, насыщенная... Не зря, ребята, люди в свое время изобрели Бога. Не зря люди выдумали сострадание, милосердие, самопожертвование... Когда мы были в окружении, над нами подбили одного пилотягу. Он выбросился с парашютом. А его ведомый сел, отдал ему свою машину и остался с нами. Он скоро погиб. Совсем мальчишка был. А перед тем, как погибнуть, он говорил мне, что у него такое состояние (после того случая), будто он прожил бесконечно большую жизнь. И что умирать ему совсем не страшно. Мы, ребята, в начале пути. У нас у каждого есть выбор: или быть просто Человеком, или советским человеком. Как у нас говорят, «новым человеком».

Ерунда, говорит Степан, можно быть советским человеком и Человеком. Случаев взаимной выручки в бою я сам мог бы рассказать тебе десятки. Мне тоже приходилось с поля боя вытаскивать подбитый танк командира. Ну и что? А если я уцелел... Так и тот твой пилотяга мог уцелеть. Ты же уцелел!.. Не в этом дело, говорит Он. Ты ничего не понял. А я уцелел. Это верно. Но я плачу свой долг тем, кто не уцелел.

О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ

Самая страшная вещь, говорил Он, есть предательство. Нет худшего состояния для человека, чем сознание того, что тебя предали. Это очень тяжело, когда ты один. И это

ужасающе тяжело, когда ты предан вместе с многими другими. Я это, ребята, испытал на себе. Первый раз меня предала девушка, которую я любил. Это была моя первая любовь в жизни. Она некоторое время разыгрывала, что тоже равнодушна ко мне. А между тем носила мои стихи, посвященные ей, своим знакомым и смеялась вместе с ними надо мной. Ладно, пусть стихи плохие. Но я же не претендовал на вклад в поэзию. Я просто таким образом выражал свои мысли и чувства. Мы же не смеемся над тем, что говорим прозой, хотя прозой выражались Достоевский и Толстой. Второй раз меня предал мой самый близкий друг. Я ему излагал свои сокровенные мысли, а он обо всем растрепал комсorghу школы. Тот затеял персональное дело. Друг выступил на собрании с обличением. Меня выперли из комсомола, потом — из школы. Потом... было много всяких потом. Однажды нас... ни много ни мало, а целую армию... предало наше командование. По его глупости и трусости мы попали в окружение. Причем без боеприпасов, без продовольствия. Нас бросили на произвол судьбы без всякой на то надобности. А потом нас за это еще обвинили во всех смертных грехах.

У нас предательство, продолжал Он ту же идею в другой раз, не есть нечто случайное. Это есть необходимая черта общества. Суть ее — вселить в человека постоянное состояние неуверенности в ближнем и в себе самом, лишить всяких опор в людях и в себе, внушить человеку, что он на самом деле не венец творения, а ничего не стоящее г...о. И что обиднее всего в этом деле, занимаются этим настоящие подонки и ничтожества. Вам небось не раз приходилось сидеть на собраниях, на которых инициативу захватили именно такие ничтожества. Вы знаете, что они ничтожества, а поделывать ничего не можете. Так вот, увеличьте эту ситуацию до масштабов страны, и вы получите наше общество.

МЫ НЕ СВЯТЫЕ

Он зашел ко мне на факультет, заглянул в аудиторию и вызвал в коридор. Степан влип в неприятную историю, сказал Он. В вытрезвитель понал. Надо выкуп платить, иначе сообщат на факультет. А для него,

сам знаешь... Я тут кое-что собрал. Нужно еще хотя бы двадцатку.

Я пускаю в ход все свои «связи», и через полчаса мы мчимся на такси на окраину Москвы, в вытрезвитель. Там уже начали «выписку». Степан сидел голый на койке, завернувшись в тощее одеяло. На левой ноге у него химическим карандашом был написан номер. Вид у него был кошмарный. Мы обделали все, что нужно, с администрацией. У нас еще осталось кое-что на опохмелье.

Не беда, говорит Он по дороге к забегаловке неподалеку от вытрезвителя (Он и тут знал все ходы и выходы), главное — все хорошо кончилось. Бывает хуже. Мы же не святые. Ну, ты это брось, говорит Степан. Это мы не святые, а ты... Если бы не ты... Как ты меня нашел тут? Очень просто, говорит Он. Я навел справки в «Скорой помощи», потом — в морге, обзвонил милиции, в одной мне дали твои координаты.

ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мы ходили на лекции, семинары, собрания. Занимались общественной работой. Готовились к экзаменам. Изворачивались с едой и одежкой. Пробивались всеми доступными средствами на поверхность — завоевывали репутацию способных, активных и надежных, выходили замуж за перспективных, женились на благоустроенных. Костя женился на дочери какого-то заместителя какого-то министра и вселился в квартиру из четырех огромных комнат с одуряюще вкусной едой. И естественно, откололся. Степан устроился экспедитором в аппарат ЦК, куда его обещали взять на работу после окончания университета. Еще бы, фронтовик, куча орденов, член партии с войны, язык неплохо подвешен, но не болтлив. Золотой фонд, как говорило о таких университетское начальство. Витя занял первое место на каком-то конкурсе, его имя упомянули в газете, и он где-то бесследно затерялся. Эдик... А стоит ли продолжать?... И все-таки вся жизнь, казавшаяся тогда важной, существенной, содержательной, теперь (оглядываясь назад) не дает материала даже на одну единственную страничку скучного текста. Зато о наших довольно редких побегах с лекций, грошовых попой-

ках и походах через проходные дворы можно говорить без перерыва сутками. В чем дело? Неужели именно они составляли смысл нашей жизни, а не серое и монотонное исполнение рутины жизни? Если так, то мы были жестоко обмануты и наказаны. А за что и ради чего?

Вот, скажем, я сейчас не могу вспомнить в деталях ни одного своего боевого вылета. А ведь их у меня было несколько десятков (сейчас уже не помню, сколько именно). А случай, когда мы в понедельник после воскресного перепоя летали на полигон (дело было уже после войны), помню до мельчайших подробностей. Я тогда забыл (еще не успел протрезвиться) поставить рукоятку предохранителя на положение «ПО» («предохранитель открыт»), так что электросбрасыватель бомб, естественно, не сработал. С земли дали команду продублировать аварийно. Очевидно, посчитали взрывы и двух недосчитались. Аварийный сброс бомб означает, что бомбы не взорвутся. А тебе за это на разборе полетов будет вздрючка. И я спьяну сбросил бомбы электросбрасывателем, то есть на взрыв. В результате одна бомба рванула недалеко от наблюдательной вышки, на которой в тот момент находилось все дивизионное начальство во главе с генералом, а другую унесло на окраину деревни. Что там творилось, описать невозможно. Потом два месяца шло следствие, но разоблачить меня так и не сумели. Спасло меня главным образом то, что мой стрелок тоже был пьян, и каждый раз, как я выводил машину из пикирования на полигоне, он мне кричал (по переговорному устройству), что я попал в самый центр круга. Он видел взрывы чужих бомб! Так вот этот полет я могу описать буквально по минутам и даже по секундам. А один прогремевший на всю армию полет, когда мы уничтожили на стоянках секретного аэродрома противника около сотни самолетов, совершенно стерся в памяти.

Очень просто, сказал мне на это Он. Ты, правда в весьма своеобразной негативной форме, выходишь на путь переориентации сознания в оценке происходящего. Кто его знает, может быть, наступит время, когда тот случай у предсклада (ты говорил как-то, что ты тогда все сухари отдал ребятишкам) затмит собою в твоём сознании не только твои боевые подвиги, но и хождения на женском фронте.

ОТКРОВЕННОСТЬ

Мы сидим в закуской в самой глухой части Нескучного сада. Была там такая когда-то. И в ней, между прочим, можно было превосходную яичницу и сосиски съесть, а не только выпить. Сидим на открытом воздухе, в кустах, на краю крутого обрыва. Погода — лучше не придумаешь. И денег собралось достаточно. И потому настроение... Давно такого не было!

— Нельзя все сводить к патриотизму, к любви к партии и народу, к преданности, — говорит Степан. — Есть же и чисто человеческие, общие качества. Когда мы выходили из окружения, нужно было нескольким человекам остаться прикрыть. На верную гибель. Командир предложил добровольно. Я вышел. Но честно говорю, без всяких соображений. Просто так. Сработал тот же механизм поведения, который заставлял меня мальчишкой первым прыгать в ледяную воду.

— Ты, Степан, молодец, — говорит Он. — Но вот вам, ребята, задачка. Представьте себе, вы сейчас обнаруживаете, что я — американский шпион. Что вы делаете?

Мы сначала оторопели от такого вопроса, потом попытались обратить дело в шутку, но в конце концов начали спорить серьезно. Но найти какую-то надежную нить для рассуждений так и не смогли.

— Не решите вы эту задачу, — сказал Он. — А она одна из самых примитивных в этом роде. А таких задачек я вам могу сформулировать сотни. И ни одну из них вы не решите. Без религиозной точки зрения. Это я к тому, что имеется огромное множество проблем, которые могут быть решены в плане религии. А мы их решаем кто как — научно, юридически, просто как попало. В частности — путем открытого или тайного доноса. Стоит, например, кому-то из вас шепнуть или пару строчек черкнуть о том, что я такую проблему поставил. И меня нет. Исчезну. Хотя я никакой не шпион. Шпионы такие не бывают. Вот вам тоже проблемка!

— Что ты все твердишь: религия да религия, — говорит Эдик. — Есть у нас религия. Какая? Марксизм! И иной нам не надо.

— Марксизм, — говорит Он, — претендует на души человеческие. Он хочет быть религией. И одно время он завладел душами людей, ибо очень был похож на рели-

гию. Но марксизм, ребята, совсем не религия. Это — антирелигия. Религия есть нечто для души, а марксизм апеллирует к разуму и страсти. Душа — это такая штука внутри человека. Она или есть, или нет. Ее не принесешь. Ее можно лишь развить и соединить с другими душами в духовном общении. А марксизм привносит в людей нечто извне и возбуждает страсти внешними соблазнами. Марксизм не для души. Он, скорее, бездушен.

— А ты мне покажи эту штучку — душу, — кричит Костя, — тогда, может быть, я и поверю тебе.

— И покажу, — спокойно говорит Он. — Вот я сейчас официально заявляю, что я — американский шпион, посланный сюда с целью подрыва советской коммунистической идеологии. Действуй! Как советский человек... Ты, кажется, в партию вступаешь? Так как коммунист тем более...

— Не морочь ты мне голову этим шпионством, — возмущается Костя. — Что я, младенец, что ли?! Не понимаю, что к чему?!

— Ты не младенец, — говорит Он. — Видишь, есть же в тебе что-то такое, что мешает тебе вскочить и звать милиционера или звонить в Органы. Кто знает, может быть, ты потом сообщишь...

— За кого ты меня принимаешь?! В морду захотел?!

— Но все равно ты сидишь, не зовешь. Ты себя человеком... обрати внимание, просто **ЧЕЛОВЕКОМ** показать хочешь! С чего бы это, а...

ЗАДАЧКИ

— Представьте себе, — говорит Он, — что вы влипли в такую историю. Чтобы спасти большую группу людей, поручили одному человеку... назовем его просто Командиром... особое задание. Выслушав особое задание, Командир... он еще мальчишка совсем... Командир переполнился великой ответственностью, стиснул челюсти и сказал: «Есть! Будет выполнено!» И начальство увидело и поверило, что будет выполнено. Во что бы то ни стало выполнено! Заметьте, ребятки, во что бы то ни стало! Это — не литературное выражение, а формула жизни. Скольких из нас, сопливых и безвольных, по существу, мальчишек, это благородная формула превра-

щала в свое время в Железных Феликсов, в твердокаменных Иосифов! Командир сказал: будет выполнено, построил людей и сказал, что есть особое задание и что требуется десяток добровольцев. Задание, было ясно всем, верная гибель. И добровольцы находятся не так-то просто, как в кино и книжках. Но тут нашлось девять. Наступила заминка. И вот десятой вышла медицинская сестра, совсем еще девчонка. Вряд ли даже ей было восемнадцать. Командир поиграл желваками, но, воспитанный на киношных и книжных образцах, решил оставить Девочку среди добровольцев.

Сначала нам повезло, мы незамеченными проскочили через линию фронта (если так можно выразиться). Только вот шальная пуля зацепила нашу Девочку. И довольно основательно. Это в кино да в книжках легко таскать на себе раненых. А в реальности... Попробуй, например, потаскай меня тут, в безопасности... А ты здоровый сытый парень. А там... Мы же все измотаны были. Голодные. А впереди — особое задание, которое надо выполнить во что бы то ни стало. Положили Девочку в кустиках. А она молчит, смотрит не мигая. Ведь больно, ребята! И другим обуза. И очень не хочется помирать, хотя тебе еще нет восемнадцати и ты еще не постиг цену жизни. Сели подальше от нее, чтобы не слышала ничего. Стали решать, как быть. И были высказаны все возможные варианты, кроме одного. О нем скажу потом. Было даже предложение использовать ее как женщину, все равно же пропадет. И многие поддержали это предложение. Ведь многие были мальчишки, еще ни разу не видевшие голую бабу, а не то что... А Командир слушал, стиснув еще ни разу не бритые челюсти. Он думал об особом задании. И о том, что **ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО**. Он не подумал только об одном — о главном.

— Ни за что не поверю, — сказал Эдик, — что серьезно обсуждали предложение сначала изнасиловать ее, а потом прикончить.

— Не будь наивным, — сказал Степан. — Когда жить в обрез, а человек ни х... не стоит, и не такое случается.

— Ладно, — сказал Костя, — не тяни kota за яйца. Какой вариант не был высказан?

— И что тут оставалось такое главное, о чем стоило подумать? — сказал Витя. — Измена, что ли? Немцам сдать?

— Эх вы, — сказал Он, — человеки! А еще новое общество строить собираетесь! Светлое будущее! Царство свободы, любви, справедливости! А такую простую житейскую задачку решить не способны.

— Чем же все-таки кончилась твоя история? — спросил Степан.

— Если вас интересует чисто приключенческий аспект, так эта история не кончилась, — сказал Он. — Они все еще там, решают. Девочка лежит, широко раскрыв глаза от боли и от ужаса смерти. Командир в своих одеревенелых мозгах одну и ту же формулу жует: во что бы то ни стало. Он — перед лицом истории. Он творит историю!! Ребята думают о том, как бы «сравить давление», все равно такое добро пропадает. А то ведь все равно скоро убьют, так и не узнаешь самого главного в жизни человека... А начальство, пославшее их на особое задание, уже изменило свои намерения и забыло про них. Как будто и не было никакого особого задания и никакого ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО. И все те, ради которых было задумано особое задание, преспокойно сдались немцам, ибо иного выхода не было, ибо их предали и продали еще более высокие начальники и еще более высокие соображения. Вот она задачка-то. Думайте, мальчишки! Думайте!

— Надо было послать на х... особое задание, забрать девчонку и выходить к своим, — сказал Витя.

— Под расстрел, — сказал Степан. — Это не выход. А ты что скажешь (это вопрос ко мне)?

— Мы не учитываем фактор времени, — сказал я. — У нас в авиации такие проблемы не возникали никогда, поскольку у нас не было времени на размышления. Надо было действовать. Надо было действовать, причем часто в считанные доли секунды. А тут — времени навалом. Сиди, размышляй, взвешивай.

— Не так уж много, — сказал Он. — Мой рассказ был длиннее, чем их реальное совещание; командир сказал, что он расстреляет всякого, кто «тронет» девчонку. Потом приказал троице «убрать» ее, но чтобы без шума. И зарыть так, чтобы никаких следов. И приготовиться... Для него игра еще продолжалась...

— Ну а все-таки, что же тут было главное, о чем они еще не подумали? А тот единственный вариант?

Он пожал плечами. И ушел, как всегда, не попрощавшись.

— Вы недооцениваете нашего брата, — говорит Степан. — Вот я вам расскажу три таких случая. Первый. Устроили у нас соревнования с местными жителями по разным видам спорта. Меня выделили бежать на пять километров. Каюсь, в жизни ни разу на такую дистанцию не бегал. Но захотелось мне прогуляться в город Братиславу, и я согласился. Приехали. Первым делом упились со страшной силой. Когда наутро пришли на стадион, руки-ноги тряслись. Выкурил я перед бегом пару папирос. И рванул. Все пять километров тренированные чешские спортсмены только мои пятки и видели. Второй такой забег я, конечно, не смог бы учинить. Но один этот раз сделал дело по высшему разряду. А в это время мой приятель в бассейне рекорд ставил. Вы же знаете, как мы, русские ребята, плавать учились. Смех один. В лужах да прудах, где воды-то по колено. Вершина плавательной техники — саженки. Ну, мой приятель и задал там всем гонку саженками. По пояс из воды выскакивал, махал. И обошел соперников метров на пятьдесят. А те за ним кролем гнались. Третий случай произошел в тот же день, ночью. Там еще бардаки сохранились. Тайные, конечно. Один сапер и нашел такой бардачок на пару с приятелем. Захватили с собой бутылку шнапса. Выпили перед заходом для храбрости. Зашли к «девушкам» и начали работать. Представляете, как они работали, если через час эти закаленные шлюхи вылетели на улицу голыми с воплями: «П...да капут!!» Мораль? В нас, в русских, есть еще нерастраченная сила. Мы еще способны явить миру чудеса, помяните мое слово!

— Да, мы удивительный народ, — говорит Он. — Довелось мне не так давно подрабатывать в одном почтенном журнале в отделе писем. Ответ на письмо — и пятерка в кармане. Жить можно. По благу устроили. И вот дали мне для подготовки ответа письмо одного пенсионера, старого члена партии, награжденного многими орденами. Он пишет, что он в последнее время стал изучать московские помойки и был потрясен тем, как много хороших продуктов выбрасывают москвичи. А там, на Западе, безработица, тяжелое положение трудящихся, дискриминация и все такое прочее. Вот он и подумал, а что, если предоставить московские помойки голодающим ра-

бочим Запада?! Представляете? Так и написал буквально: предоставить московские помойки голодающим рабочим Запада! Русский человек, между прочим.

— Ну и что же ты ему ответил? — спросили в один голос мы.

— Ответил, что он — кретин и м...к, — сказал Он. — И разумеется, лишился шикарного приработка.

— А где ты сейчас?

— Устроился в школу. Преподаю астрономию, военное дело и, представьте себе, логику и психологию. Ах, если бы вы знали, какой это редкостный идиотизм. Слава Богу, все (и ученики и учителя) это понимают.

— Логику и психологию ввели в школе по указанию Сталина.

— И отдельное обучение тоже.

— Если бы только это!..

— А у нас в квартире, — говорит Витя, — женщина жила. Средних лет. Одинокая. Когда была денежная реформа, она повесилась. Так у нее весь матрац был набит деньгами. Несколько миллионов. Пропали, конечно, все. Но откуда она их достала? И зачем ей столько? А жила плохо, как и все мы. Вот вам тоже русский человек.

— Когда началась война, — говорит Степан, — к нам в часть заехала машина. Полный кузов мешков с деньгами. Шофер умолял принять деньги и дать ему какую-нибудь расписку, что он сдал. Наш начфин принял деньги. И расписку дал. А потом нам самим драпать пришлось. Так начфин закопал деньги где-то в лесу. И у него сил не хватило оставить их и идти с нами. Так и остался там. Его немцы, как мы узнали потом, приняли за политрука или за шпиона. И повесили недалеко от того места, где он деньги закопал.

— А деньги?

— Кажется, кто-то украл их.

— Да, — говорит Костя, — вот бы нам сейчас сюда мешочек!

И ВСЕ ЖЕ

Мы говорили о любви и дружбе, о предательстве, подлости, доносах, изменах. А Он помалкивал. Потом выдал нам такой экспромт.

Становится страшно, послушаешь вас.
Коль любит — изменит. Коль дружит — продаст.
Увидишь — в улыбке скривились уста,
Запомни: идет за тобой клевета.
Помочь обещают в худую годину,
Запомни: удар приготовили в спину.
И слышу, и слышу, и слышу теперь я:
Не помню! Не вижу! Не знаю! Не верю!
Но стойте! Вокруг оглянитесь, о други!
Шагают влюбленные, взявшись за руки.
Бегут ребяташки, и «зайки», и «лапы».
Восторженно смотрят их мамы и папы.
Вон взрослые люди кружком заседают,
Проблему тревожную вместе решают.
И слышится правда порою, не лесть.
Пусть будет, как было!
Пусть будет, как есть!

КОНСПИРАЦИЯ

— Я достал интересную книженцию, — говорит Витя. — Могу дать почитать. Только чур хранить конспирацию. А то, сами понимаете...

— Что за книженция? — спрашивает Степан. — Чушь небось какая-нибудь заумная. Ой! Я бы на твоём месте такими штучками не баловался. Лет десять можно отхватить!..

— Вспоминаю один смешной случай, — говорит Он. — Еще до войны было. Достали ребята у нас в институте Замятина «Мы». Не читали? Любопытная книга. Для конспирации условились называть книгу колбасой, а вместо слова «прочитал» говорить «съел». Встречаются на другой день в коридоре. Так при всех и спрашивает один другого: ты, мол, колбасу, которую я тебе дал, съел? Конечно, отвечает другой. Ну, в таком случае передай ее Сидорову, говорит первый. Слушавший разговор стукач заподозрил неладное, донес куда следует. Ребят, конечно, поймали. Дали по десятке.

— У нас в доме, — говорит Витя, — жил старый большевик. Большой любитель книг. Собирать их начал еще с прошлого века. Конечно, он хранил сочинения Троцкого, Бухарина, Зиновьева и прочих врагов народа. Он

даже газеты и журналы тех лет хранил. Старуха у него умерла. Он один остался. Однажды он попросил нас помочь ему навести порядок в его библиотеке — пыль почистить, хлам всякий выкинуть. А человек он был преданный. И решил, что от врагов ему очиститься пора. Вот он и выбросил в хлам все их работы, включая даже Плеханова. Мы все это добро таскали на помойку. А те книжки, что в приличных переплетах, растащили сами к себе домой. Помойкой заинтересовались другие жильцы и тоже кое-что утащили, в основном — печку растапливать и стены оклеивать под обои. Кто-то донес об этом деле. Что творилось, смех! Дом окружили со всех сторон. Перевернули все вверх ногами. Старого большевика забрали. А зачем? Ему же все равно жить осталось не много. Нас потом больше месяца таскали. Мы все-таки кое-какие книжки зажали. Потом почитывали тайком, но ни шута не понимали. Единственный интерес в них был тот, что они запретные. Мы такую конспирацию развели. Явки, пароли. Нашелся, конечно, допосчик. Но ему почему-то никто не поверил. Игра наша заглохла сама собой. Книжки куда-то затерялись.

О ЛЮБВИ

— Мы часто говорим о женщинах. И почти никогда — о любви. Хватит о б...е, — сказал Костя. — Давайте поговорим, в конце концов, о любви. О настоящей любви.

— Идет, — сказал Эдик. — Хотите анекдот? Старики, сами понимаете, в этих вопросах консерваторы. Дети вперед уходят. Вот выдали родители дочку замуж за иностранца. В Париж уехала. Через год навестить приехала. Вот мать и просит ее рассказать, как там французы любовью занимаются. Дочка выложила ей кучу полезных сведений. Уехала к себе в Париж. А через месяц телеграмму получает: мол, приезжай немедленно, папа сломал шею, прыгая со шкафа.

— Ты, Эдик, ужасно вульгарный парень, — сказал Витя. — Вот я вам расскажу более изящную шуточку. Ты меня любишь? — спрашивает она его. А что я, потвоему, делаю, ... твою мать, отвечает он.

Степан хлопает глазами и спрашивает Витю, а что он на самом деле делает. Мы смеемся. Мы вступаем как раз

в первую стадию опьянения («забурения»). Нам весело и радостно. Анекдоты на любовную тему сыплются из нас как из рога изобилия. Особенно силен на этот счет Витя.

— Идет женщина, — выдает Витя очередной «изящный» анекдот. — К ней подходит забулдыга и предлагает за рубль показать член необыкновенной величины. Женщина соглашается. Член действительно огромен. Ого, сказала женщина, представляю, какой же он должен быть в рабочем состоянии! О мадам, сказал забулдыга, если бы он работал, разве бы я побирался за рубль?!

А Он сказал:

Мы слишком мало про любовь
Толкуем, это да.
Заговорим, так даже я
Краснею от стыда.
Потребность тела. Как отлить,
Попить, поспать, пожрать.
Ну, в крайнем случае сперва
Могем чуть-чуть пожать.
Вон за границей, ходит слух,
Ушли в любви вперед.
Пускай покажут. Наш народ,
Быть может, переймет.
Так разве это все любовь,
Хотел я закричать.
Заткнись, щенок, сказали мне,
Не суйся поучать!
Видали мы без счета баб,
Чего таить греха.
И в этом деле что к чему
Мы знаем, ха-ха-ха!

Потом мы вступили во вторую стадию, сентиментальную и доверчивую. И стали рассказывать про своих первых женщин.

— Я потерял невинность, — сказал Костя, — представьте себе, в кино. Да, в кино. На дневном сеансе. Зал был почти пустой. Я подсел к какой-то бабе. В темноте даже толком не разглядел, старая или молодая. Начал шарить. Она не сопротивлялась, скорее наоборот. В об-

щем, мы пристроились на полу сбоку. И я был сразу готов. Мне стало стыдно, я в темноте потихоньку смылся от нее. Вот и все.

— А мы с девчонками играли в «папы-мамы», — сказал Эдик. — Одна девочка постарше, видать, уже была того... Так она нас и обучила всему, что нужно. Причем довольно толково. Сколько ей было? Не больше четырнадцати...

— Я был вундеркиндом, — сказал Витя. — Однажды после концерта (детский концерт был) пригласили меня к себе домой очень милые люди, муж и жена, тогда они мне казались пожилыми. А сейчас я, пожалуй, дал бы им не больше сорока. Они меня покормили. Вина дали. Ну, поиграл я им немного. Они еще мне винца дали. И затем взялись за меня на пору. Сначала он ей помогал, потом она ему. Противно было, но немпожко и приятно. Я потом похаживал к ним не раз, пока они куда-то не уехали. Но я на них не в обиде.

— А у меня, — сказал Степан, — все произошло прозаично. Познакомились в местном клубе. Я тогда курсантом танкового училища был. Я пошел в атаку. Она ни в какую. Говорит, сначала женись, а потом сама дам. Ну, мы расписались. Потом я на фронт попал. Получил через некоторое время письмо. Написала, что полюбила другого и выходит за него замуж, а меня просит прислать согласие на развод. Я, конечно, послал. Вот и все.

— А ты любил ее? — спросил Он.

— А как же, — сказал Степан. — Я ее измену сильно переживал. Хотел даже, чтобы меня убили в первом же бою. Я ее до сих пор, стерву, люблю.

— А почему же стерву?

— Это так, для красного словца. А ты как расстался со своей невинностью? Если, конечно, она вообще у тебя была, ха-ха-ха!

— Я вам лучше расскажу одну историю...

— Ты вечно со своими историями. Кстати, чем кончилась та история? Помнишь, рассказывал про девчонку-медсестру? Ты тогда зажал...

— Не помню, о какой истории речь идет. И тем более не помню, чем она кончилась. Так будете слушать про мою «первую любовь»? В вашем смысле, конечно.

О ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ЛЮБВИ

— Я был тогда в запасной роте в одной авиационной школе. Нам, конечно, обещали, что мы вот-вот летать начнем, а между тем гоняли в наряды, в караул, на всякие работы. Однажды сел на вынужденную посадку самолет километрах в пятидесяти от аэродрома — по маршруту летали, обрезал мотор. Нас троих послали туда караулить машину. Топали пешком. Места там — жуть. Не то чтобы степь, а так, ерунда какая-то. Овраги, кустиков много. Ни леса, ни деревень. Дело к зиме. Грязь по колено. Ветер пронизывающий. И ни одной живой души. Спать и прятаться от непогоды нам предстояло в кабине и в фюзеляже самолета, в хвосте. Питаться — концентратами и сухарями. Хорошего, одним словом, мало. И не верьте тому, кто вам будет рассказывать романтические сказочки на этот счет.

Добрались мы до места. Освоились. В самолет травы натаскали. Источник воды нашли. Нечто вроде печки оборудовали в ямке неподалеку. Решили обследовать окрестности. А вдруг что-нибудь любопытное обнаружится?! И обнаружили! Километрах в трех в низинке за кустиками видим — стройка какая-то. Бараки сколачивают. Проволокой обтягивают вокруг. Мы туда. Что, мол, такое? Солдат, пожилой мужик, указал на толпу полураздетых женщин и сказал, что тут будет лагерь для «венерических потаскух», главным образом для «сифилитичек». Мы заинтересовались, что это за «сифилитички». Подошли поближе. Ох, братцы, если бы только вы увидели, что тут начало твориться! Брань. Слезы. Проклятия. Мольбы. Угрозы. Скабрзности... Никогда потом я не видел картин человеческих несчастий страшнее этой. И тут я увидел Ее. Понимаете, Ее! И вижу Ее с тех пор всю жизнь. И буду видеть до последней минуты. Ее, только Ее, одну Ее, и никакую другую.

Что дальше? А дальше поделили мы с Ней мои продукты. Отдал я Ей мою самодельную телогрейку. Ребята уступили нам фюзеляж. Я знал, что Она больна. Она знала, чем это для меня кончится. И все же я эти дни и ночи, ребята, не сменяю ни на какие годы любого современного секса. А Ее и память о Ней не сменял бы

на тысячу лучших красавиц мира. Чем все это кончилось? Мне пришили стремление уклониться от фронта таким весьма своеобразным способом, хотя фронтом для нас в запасной роте и не пахло.

ИЗ «ЕВАНГЕЛИЯ ДЛЯ ИВАНА»

Нас молиться никто не учил.
Эти штучки смешными казались.
И небесного света лучи
Наших душ никогда не касались.
Но когда мы встречались вдруг
С убивающей тело силой,
Со слезами молили: друг,
Если можешь, спаси-помилуй!
И как наши отцы испокон,
Бормотали мы скороговоркой...
Словно в школе за Божий Закон
Получали одни пятерки.
А когда проносилась гроза,
Становилось светлей немного,
Мы, стыдливо убрав глаза,
Издевались над сказкой-Богом.

К чему все это? — сказали мы Ему. А я и сам не знаю, ответил Он. А вы, ребята, не придавайте этому значения. Это же пустяки. В таком случае смени пластинку, сказали мы. Надоело! Мы уже готовили дипломные работы, сдавали последние экзамены, становились образованными и мудрыми. И один за другим вступали в партию (кто не успел до этого) и избирались в разные ответственные органы. Пока еще маленькие. Но в большие попасть, миновав их, нам было нельзя, поскольку мы начинали свой путь с самого дна жизни.

ОСНОВАТЕЛЬ

Далее автор «Евангелия для Ивана» фигурирует как Основатель.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА ИЗ «ЕВАНГЕЛИЯ ДЛЯ ИВАНА»

Благодарю Тебя за свет,
За то, что сам восстал с постели
И что источники монет
Пока еще не оскудели.
Меня устроить не прошу
Жить в однокомнатной квартире.
Зла на соседей не держу.
Хочу с милицией жить в мире.
Прости, что веры нет в душе,
Что не приучен я молиться.
Едва очухавшись — уже
Соображаю похмелиться.
Прошу еще поклон принять
За то, что сил даешь трудиться
И что позволишь мне опять
С спокойной совестью напиться.

ЗАКОНЫ ОЦЕНКИ, ИМИТАЦИИ И ДРУГИЕ

— Смешно, — говорит Основатель. — Стоило мне обхамить членов ученого совета, как меня сочли мужественным борцом за новые идеи в науке, реформатором целой области науки. А ты за то, что поддержал меня, зачислен в мои ученики.

— Я не ученик, — сказал Последователь, — а соратник. В крайнем случае — единомышленник.

— Это ты так считаешь. А для ребят ты — всего лишь ученик и последователь. И никуда ты от этого не денешься. Тут действуют железные законы массовой оценки индивидов. Если бы ты ругнулся матом с кафедры первым, ты был бы основателем, а я был бы твоим последователем. Но ты на это не способен.

— Я вообще не способен ругаться матом.

— Ты первым не способен. А после меня ты тоже кое-что выдал, близкое к мату. Вторым! И лишь близкое к мату! И потому ты отныне и навеки всего лишь последователь. Да ты не обижайся, в этом нет ничего плохого. И хорошего тоже. Все дело в том, на какие социальные роли выталкиваются индивиды. Я всегда

выталкивался на роль первого. Первым еще по снегу начинал бегать босиком. Первым ночью шел на подозрительные шорохи. Первым бросался в ледяную воду. Первым бросался в атаку. И в самоволку уходил первым. Мне просто предписана роль инициатора даже тогда, когда я к этому не стремлюсь. А я, между прочим, к этому не стремлюсь и на самом деле. А зачем стремиться, если все равно так получится?! Когда я говорю, что не стремлюсь, мне почему-то не верят. Скажи, вот ты стремишься жениться на Наташке? Нет! А почему? Ты уже женат на ней, то есть ты ее уже имеешь. Так и я. Нет, я имею в виду не Наташку, я таких женщин терпеть не могу. А первенство в скандальных, неприятных и опасных делах. Ты не переживай! Вот создадим группу... Хотя что нам руки марать с группой... Давай школу создадим! Или даже направление! А может, целый этап?! Скажем, эпоху. Одним словом, создадим группку, и я тебе уступлю желанное тобою лидерство. Мне оно ни к чему. А тебе...

— Я к этому не стремлюсь...

— Чудак! Зато оно к тебе стремится. Чтобы такой человек да не руководитель?! Не вождь?! Нет, так не бывает. Человек не может уклониться от той роли, какая уготована ему обществом. Кстати, об обществе...

— Извини, перебью. Что будем пить?

— Мне все равно. Главное — побольше и покрепче.

— А есть?

— Тем более все равно. Главное — подешевле. Зачем зря деньги тратить?! Так вот, об обществе. Видишь ли, есть два общества. Одно — явление историческое, согласно гегелевской терминологии. В этой части истории есть Аристотель, Евклид, Наполеон, Достоевский, Гитлер, Сталин, Ленин, Микеланджело, Шекспир и все такое прочее. Ты меня понимаешь? Это — Большая История. Это — реальность человеческой истории. Другое общество — явление иллюзорное, мнимое, можно сказать — имитационное. Это — Малая История. Это — отражение Большой Истории в том человеческом скоплении, в рамках которого так или иначе приходится крутиться индивиду. Для нас с тобой это — студенты, аспиранты и преподаватели нашего круга, издательства, где мы будем пытаться печатать свои гениальные открытия, вообще — лица, желающие послу-

шать нас и проявляющие интерес к нашей продукции и трепотне. Ты понимаешь, о чем я говорю? Так вот, Малое Общество стремится имитировать Большое Общество, перенося на себя характеристики и оценки первого. В Малом Обществе появляются свои аристократы, наполеоны, микеланджело, достоевские, ленины и т. д. Люди начинают в своих малых масштабах всерьез играть в Большое Общество, распределяя друг друга по его категориям и оценивая в этих категориях свое и чужое поведение. Возьми хотя бы нашу сферу культуры. Сунься в любой крупный город страны, и ты найдешь там своих основателей и последователей. Помнишь, я ездил в этот занюханый Буденновск? Представьте себе, я и там обнаружил нечто подобное. Я чуть не задохнулся от хохота, когда узнал об этом. Они, участники прогрессивной группы, уже сделавшей (по их мнению) выдающийся вклад в науку, обиделись на меня за это и сочли меня махровым реакционером и тупицей. Мой-то двойник там выглядел еще терпимо. Но если бы ты взглянул на своего двойника!! Одним словом, с некоторых пор пошли парочки типа парочек Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина...

— Вторая парочка тут не подходит.

— Почему же? Наши преемники вполне воспроизведут ее. Скажут, мы с тобой заложили фундамент теории, пора создавать глобальную партию и делать эпохальный переворот.

— Хватит шуток! Что ты скажешь, если Борис Зотов будет ученым секретарем нашей группы, а Нелька Подмышкина — техническим?

— Мне на это наплевать. Ты затеваешь это дело, ты и расхлебывай. Только предупреждаю: Зотов стукач.

— Я знаю. Я сам посоветовал ему согласиться. Это выгоднее: будет писать то, что нам нужно.

— Стукач всегда и везде стукач, запомни это. И он никогда не напишет о тебе того, что нужно и выгодно тебе. А Нелька — типичная глупая и слегка ненормальная потаскушка. Пока она не переспит со всеми участниками нашего великого движения, она не успокоится.

— Не надо преувеличивать. Она толковая девка. А насчет переспать — так теперь время не то. Насколько мне известно, ты ведь тоже далеко не святой.

— Но я никогда этим делом не занимался во имя объединения передовых сил и прогресса общества. Меня мутит, когда люди развратничают, обсуждая какую-нибудь дурацкую фразу из Маркса насчет отчуждения или опредмечивания. Или распредмечивания?.. Давай-ка лучше закажем еще бутылку. Так вот, лишь единицам удается вырваться из Малого Общества в Большое. Остальные же обречены влачить иллюзорную жизнь тварей, имитирующих человека.

— Какой же ты злой!

— Это я-то злой?! Как-нибудь я расскажу тебе одну притчу, может быть, ты поймешь, какой я. Хотя вряд ли. Ну что же, давай выпьем за любовь к ближнему! Если не ошибаюсь, наше движение имеет целью благо человечества?..

ИЗ ДОНОСОВ БОРЬКИ ЗОТОВА

Борька Зотов писал доносы (отчеты, как их именовал он сам и товарищ из ОГБ) с большим удовольствием и старанием, вкладывая в них все свои недюжинные способности самого талантливого (после Последователя, конечно) члена группы. Вдохновлялся он прекрасной патриотической целью: убедить высшее руководство (а он был убежден в том, что не ЦК партии, а именно ОГБ есть самое высшее руководство) в том, что их группа стремится преодолеть косность отсталых консерваторов, вывести нашу науку на передний край и завоевать ей мировую славу. И при этом давал подробнейшие описания тех, кому предстояло выполнять эту эпохальную задачу. Описания начинались, естественно, с личности Основателя.

Основателем группы (или кружка) считается Горев Виктор Сергеевич, ныне кандидат философских наук, преподаватель кафедры марксизма-ленинизма в строительном институте, участник войны, офицер, имеет боевые награды. Награды никогда не носит. Где служил и воевал, из его разговоров понять трудно. Судя по его рассказам, был кавалеристом, танкистом, летчиком. Был рядовым и офицером, был в штрафном. Но определенно судить не могу, поскольку все его рассказы (за редким исключением) относятся к кому-то, но не к нему самому. Был женат. Пьяница. Любитель хохм. Одевает-

ся и питается как попало. Для компании готов отдать последнюю рубашу. Это буквально, а не в переносном смысле, ибо были случаи, когда он за пол-литра отдавал пиджак, часы и другие вещи. Где живет, никто не знает. Никто не видел, как и когда он занимается. О том, что он много работает, можно судить лишь по тому, что он много знает, свободно владеет немецким языком и терпимо английским. Свои идеи и мысли раздает всем, кто у него попросит об этом (точнее — вызовет на разговор). Не тщеславен. Но что-то имеет себе на уме, что именно, никто не знает. Смел и находчив. Совершенно бескорыстен. Вместе с тем довольно много зарабатывает всякими путями. Ходит слух, что за деньги пишет кандидатские и докторские диссертации, а также курсовые и дипломные работы для слушателей ВПШ и ОАН. Разумеется, член партии. К участникам кружка относится с насмешкой и даже с презрением, но на заседания ходит довольно часто, делает доклады и высказывается по докладам других. Фактическим руководителем кружка является Горбачевский Петр Исаевич, которого обычно зовут Последователем (что ему не нравится) или Гэпэ (что ему тоже не нравится, но в меньшей мере, чем первое прозвище).

МОЛИТВА ПЕРЕД РАБОТОЙ

Каюсь, Господи, прости!
Одна томит меня забота:
Быстрее, время, мчись к шести!
Скорей кончайсь, моя работа!
Хоть я не верую, молю,
Чтоб день рабочий так промчался,
Как будто он почти к нулю
В своем движенье приравнялся.
Не потому, что я ленив,
На эту тему я шептался.
А чтоб здоровый коллектив
Меня исправить не пытался.
Перед начальством чтобы дрожь
Не ощущалась в мыслях даже,
Не видеть чтоб их гнусных рож,
Не слышать целеста бумажек.

И про успехи чтоб не лгать.
Не выть в восторге без причины.
И никогда не пролагать
Дорогу новому почину.
Кретинов не превозносить,
Стоящих у кормила власти.
И сообща не поносить,
Кто тщится отвратить напасти.
На вахту чтобы не вставать
На благо нашего народа.
И обязательств не давать
Прожить пять лет в четыре года.
А для потребности души
Яви, молю, крупицу блату:
Иметь, как прежде, разреши
Мою грошовую зарплату.

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ

Разделение населения Страны, говорит Основатель, на классы рабочих, крестьян, помещиков и т. п. даже во времена Маркса было настолько глупой абстракцией, что многие весьма неглупые современники отказывались его признать. Вовсе не из желания услужить эксплуататорам и не из страха, как принято считать у нас. А именно потому, что видели: такое разделение имеет весьма ограниченное значение, реальная структура населения куда сложнее. А переносить такое разделение на наше общество, отбросив, естественно, помещиков и капиталистов, есть вообще идиотизм высшей степени. Что остается? Рабочие, крестьяне и прослойка из трудовой интеллигенции. И все они друзья, за редким исключением. Вы знаете, сколько у нас министров, генералов, председателей всякого рода советов, секретарей обкомов и райкомов, директоров заводов и т. д. и т. п.? И что, это все — интеллигенция? Так кто же они? Служащие? Но бухгалтер и завхоз — тоже служащие. Младенцу ясно, что для нас более существенны совсем другие различия между людьми в социальном положении, чем различия между рабочими, крестьянами и интеллигентами. У младшего научного сотрудника с высшим образованием больше общего с рабочим завода, чем с директором

своего учреждения, который мог учиться вместе с ним в институте. А у председателя колхоза больше общего с упомянутым директором, чем со своими колхозниками.

Возьмите любое достаточно крупное учреждение, продолжает Основатель, и вы заметите такие социальные различия между людьми, по сравнению с которыми различия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией отступают на задний план. Мы говорим о классе помещиков, хотя помещиков было меньше, чем теперь директоров, заведующих, начальников. И властью эти директора, заведующие, начальники обладают немалой, часто — не меньшей, а даже большей, чем помещики. И благ имеют не меньше, а то и побольше, чем помещики. Можно не употреблять слово «класс». Но разве дело в словах? Назовите это категорией, видом, рубрикой... Суть дела от этого не меняется. Сходите на любой достаточно современный завод, и вы увидите такие различия в «рабочем классе», что наши представления о классах, навязанные сочинениями классиков, покажутся чудовищным анахронизмом. Работающие на заводе люди различаются по уровню зарплаты, по условиям работы, по роли в производстве и многим другим признакам, исключающим возможность рассматривать их как однородную массу «рабочих». А сколько у нас министерств, трестов, советов, комитетов партии, комсомола и профсоюза, союзов и прочих учреждений! И они не однородны. Самый маленький чиновник в аппарате ЦК партии может оказаться значительнее в социальном отношении самого крупного лица в нижестоящем учреждении. Короче говоря, как бы вы углубленно и творчески ни изучали марксизм, оставаясь на его позициях, вы обрекаете себя заранее на полное творческое бесплодие. Я затронул только один аспект марксизма. Но так обстоит дело с любым вопросом, который бы вы ни затронули. Или вы остаетесь в рамках марксизма, и тогда вы будете наращивать лишь глупость и невежество. Или вы на самом деле будете стремиться понять, что из себя представляет наше общество, и тогда вам надо первым делом покинуть позиции марксизма. Это условие необходимое. Без выполнения его вы ничего в нашей жизни не поймете. Выбор надо сделать сейчас, не откладывая. Иначе скоро будет поздно.

ИЗ ДОНОСОВ ЗОТОВА

Состоялось заседание кружка, на котором сделал доклад Основатель. Он призывал собравшихся порвать с марксизмом и выработать новый способ понимания нашего общества. Но его не поддержал никто. Особенно резко выступил Последователь. Он сказал, что надо различать марксизм подлинный и марксизм вульгаризированный. Марксизм дает научный метод понимания всякого общества, только у нас этот метод применяют лишь к прошлому и к странам Запада, но не к нашей Стране. Основатель назвал Последователя му...ом и покинул семинар.

ЗАТРУДНЕНИЯ СПИРИДОНОВА

Дмитрий Павлович Спиридонов, сотрудник Отдела Идеологической Контрразведки ОГБ, когда-то учился вместе с Основателем, частенько выпивал с ним и почеловечески относился к нему с большой симпатией. По окончании университета Спиридонов ушел на работу в «почтовый ящик» и исчез из поля зрения однокурсников. Встречаясь с ними, он на вопросы о месте работы отвечал весьма уклончиво. И однокурсники сделали безошибочный вывод о том, что он работает Там (при этом они делают испуганное лицо и указывают пальцем вверх). Это никого не удивляло, так как с первого же курса всем было известно, что Спирия (прозвище Спиридонова) стукач. Вполне естественно, что Спири поручили наблюдение за подозрительной группкой, возглавляемой его «университетским товарищем». Тем более, группка занималась делишками по его специальности.

Получив упомянутый выше донос Зотова, Спирия растерялся. В самом деле, как быть? С одной стороны, Основатель зовет покинуть позиции марксизма, что само по себе есть тяжкое преступление. Кстати, такие разговорчики он заводил еще в студенческие годы. Но тогда в пьяных компаниях им не придавали значения, и разговорчики эти имели скорее форму шутовства за счет острой и опасной темы. А Основатель — парень рискованный. Это о нем тогда кто-то сочинил стихотворение:

Хожу по острию ножа,
Не за себя, а за ножа дрожа.

Последователь зовет остаться на позициях марксизма. Конечно, Последователь — штучка. Но в этом он правильное дело делает. Это хорошо. И то, что между Основателем и Последователем произошел раскол, тоже хорошо. Пусть Зотов поддержит Последователя! Но с другой стороны, все дело смотрится иначе. Основатель и Последователь зовут изучать наше общество объективно. К этому, конечно, формально не придерешься. К этому нас всех призывает ЦК и лично товарищ... Это — святой долг... Ибо общество наше наилучшее, пусть все знают, какое оно хорошее. А если не формально? Чего греха таить, мы-то знаем кое-что такое... Значит, если Основатель уведет свою группу с позиций марксизма, они ничего не смогут понять в общественной жизни, ибо марксизм дает единственно верный метод и т. д. Значит, это хорошо. Тогда Последователь, удержав группу на позициях марксизма, начнет копать. А копать у нас есть что. И это плохо. Значит, пусть Зотов поддержит Основателя, так, что ли?

Но в глубине душонки Спири копошилась мыслишка, которую он боялся сформулировать даже самому себе. И мыслишка эта заключалась в том, что марксизм — это трепотня и пустозвонство. Эту мыслишку он почерпнул еще в студенческие годы от Основателя и убедился в ее справедливости, с большой неохотой полистав марксистские первоисточники и нынешние учебники и сдав все экзамены на пятерки без всякого усилия, даже не понимая смысла той окоlesiцы, которую он порол на этих экзаменах. О семинарах и вспоминать не стоит. Сплошное водолейство и демагогия. Правда, сам Основатель отыскивал в марксизме какие-то глубины и тонкости. Но это, надо думать, нужно было ему, чтобы получить диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру. Но если марксизм на самом деле есть то, что о нем в глубине души думает Спиридонов, то Основатель — плохо, а Последователь — хорошо. Зотов поддержит Последователя, это решено!

Но Последователь создает организацию, а Основатель ему мешает в этом! Ну и задачка! Что лучше: организация, занимающаяся темными делишками, прикрываясь пустой болтовней о науке, или разрозненные энтузиас-

ты, думающие о нашей жизни без всякого марксистского демагогического камуфляжа? Без фактических данных, без публикации результатов и т. д. много не надумаешь. Да и много ли таких одиночек найдется? Хотя тут один думатель вроде Основателя может наворочать столько, что потом все ЦК и ОГБ не расхлебают годами. Организация — сборища, разговорчики, сборнички статей, бюллетенчики. Рано или поздно это приведет к листовочкам и к кое-чему похуже. Но одиночек не уконтролируешь. Поди узнай, о чем он думает ночью в кровати? А в организации свои люди. Зотов толковый парень. Надо, чтобы он сосредоточил в своих руках всю документацию группы. Подмышкина... Эту пока не будем трогать. Пусть втянется, подыметя. Потом она пригодится на более серьезном уровне.

Подготовив материалы по группе Основателя—Последователя и изложив свои соображения, Спиридонов направился на доклад к начальнику Отдела. Любопытно все-таки, думал он, идя по бесконечному коридору Управления, как изменилось время. Во времена Сталина никому и в голову не пришла бы сама идея такой группки, а любой намек на нее — расстрел. Десять лет назад за такую группу руководителей посадили бы, а остальных раздолбали бы местными средствами так, что они никогда уже не поднялись бы. А теперь?! Ведь половина группы — члены партии, а остальные комсомольцы!! Что происходит?!

МОЛИТВА ПОСЛЕ ОБЫЧНОГО РАБОЧЕГО ДНЯ

Таким и будь ты на века,
Занудный, серый день работы.
День раздраженья и зевоты.
День ожидания звонка.
С торчаньем в тесном коридоре,
С куреньем в заданных местах,
С пошлейшей шуткой на устах,
С суждением о всяком вздоре.
С решением пустых задач,
К начальству трепетным походом,
С общением со всяким сбродом, —
День без беды и без удач.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ

Последователь и Зотов (правая рука Последователя) решили использовать день рождения Основателя в качестве удобного средства превращения кружка (или семинара) в организованную группу. Празднество решили устроить на квартире Последователя (у Основателя никакой квартиры не было, он снимал комнатухи подешевле). Хлопоты по собиранию средств возложили на Никиту Садова, студента психологического факультета, чудовищно талантливое (по мнению Последователя) ученого, а по организации стола — на Наташу, Нелю и ужасно некрасивую старую бабу по имени Татьяна, официальную любовницу Зотова, игравшую в зародившемся движении вторую (после Нели) скрипку, обладательницу трех старых номеров «Плейбоя» со статьями о новых формах секса и с фотографиями оного. По замыслу Последователя, идейное единство участников кружка должно быть усилено единством эмоциональным. На празднество пришло большое количество народа. Основателю подарили портфель. После третьей рюмки позабыли о том, куда и зачем пришли. Распались на группки, пили локальные тосты, болтали всякую ерунду.

— Почему, вы спрашиваете, я возлюбил проходные дворы, — говорил в одной группе странного вида молодой человек, которого никто не знал. — Встретил я однажды прекрасную деву. Встретил, посмотрел на ее чистый лик и ясные очи. И понял, что готов для нее на все. И она поняла, что я готов для нее на все. Что ж, говорит она, раз такое дело, закрутим любовь. Идет, говорю я. Выскребаю все, что было во мне, захожу в гастроном, беру поллитровку, банку консервов «Мелкий частичек в томате» и двести граммов конфет «Чио-Чио-сан». Ничего другого в гастрономе не было. Да и денег больше не осталось. Пришлось к ее дому пешком топать. Пришли, вошли во двор. Забрала она у меня выпивку и закуску. Подожди, говорит, здесь. Надо проверить насчет родителей. И ушла. Я жду, предвкушая удовольствие. Жду десять минут. Жду полчаса. Жду час. И в конце часа замечаю, что двор — проходной. С тех пор меня неудержимо тянет в проходные дворы. Все еще надеюсь, вдруг она выйдет и скажет: заходи!

— Согласно смыслу самих понятий, — говорил в другой группе лысеющий аспирант-математик, — можно любить или ненавидеть другой народ, но не свой. К своему народу можно испытывать только чувство принадлежности, которое весьма многообразно и изменчиво. Иногда оно бывает похоже на любовь, иногда — на ненависть, но никогда оно не есть ни любовь, ни ненависть. Призывы нашей пропаганды любить свой народ нелепы, если они направлены на представителей этого народа. Сами эти лозунги свидетельствуют о том, что выдвигающие их в глубине подсознания отделяют себя от народа и противопоставляют себя ему как нечто стоящее над народом. Лозунг любви к своему народу по сути есть выражение презрения к упомянутому народу. Наша пропаганда и идеология просто безграмотны с точки зрения психоанализа и социальной психологии.

— Вы упускаете из виду религиозный аспект, — возразила Неля. — Лозунг любви к народу в качестве постулата религии...

— Он не изменится оттого, что переходит из идеологии в религию, — оборвал ее Математик. — Постулатом религии является любовь к ближнему, а не к народу.

— В журнале «Наука сегодня» сообщили, что в Америке вывели лошадок высотой пятьдесят сантиметров, — сказала Татьяна.

— Мы их все равно заткнем за пояс, — сказал Основатель, кочевавший от одной группы к другой. — Во-первых, мы выведем клопов и тараканов длиной в метр, и они будут подчищать наши помойки. Так что отпадет надобность в мусороуборочных машинах. Во-вторых, мы выведем баб трехметрового роста. Зачем? Ямы конать, шпалы укладывать, с авоськами по магазинам бегать, пьяных мужей на себе домой волочь. Очень удобно будет.

— Лучше бы вывели мужиков с членом в пятьдесят сантиметров, — сказала Татьяна.

— Молоток, Татьяна, — сказал Последователь, утирая выступившие от смеха слезы. — Предлагаю тост: за женщин!!

— Существующий у нас социальный строй, — сказал парень, окончивший физический факультет и до сих пор не устроившийся на работу (его почему-то звали Придурком), — никакой не социализм, а лишь государственный капитализм.

— Государственный капитализм, — сказал на это Основатель, — есть такой же нонсенс, как выбор из одного предмета. Государство может выступать в качестве капиталиста, но лишь наряду с другими капиталистами в реальном капиталистическом обществе. Если же государство монополизировало все средства, все предприятия, тем самым капиталистический строй ликвидируется вообще. Понятие собственности в таком обществе теряет смысл. У нас много общего с капиталистическими странами. Но из этого никак не следует, что у нас тот же капитализм, только с одним капиталистом вместо многих. Государственный капитализм есть лишь произвольная абстракция, к тому же — ложная в силу логической противоречивости. Конечно, можно рассматривать наше общество в его чертах, общих с капиталистическими, но мы тем самым заранее обрекаем себя на бесплодие в его понимании. Ибо понять сложное социальное целое — значит понять его внутреннее строение, законы, тенденции, имеющие силу независимо от его сравнения с другими обществами. Меня поражает во всех наших разговорах то, что совершенно не принимаются во внимание правила социального мышления, получившие такое сильное развитие в прошлом веке. Теперь их вытеснили правила мышления, уместные в современном естествознании, но малопригодные для понимания общественных явлений.

— А разве в вашей жизни не было случаев, за которые вам мучительно стыдно до сих пор? — говорил кто-то на другом конце стола. — Лично у меня были. И они гнетут меня до сих пор. К сожалению, мы раскаиваемся тогда, когда уже бывает поздно и ничего уже не исправишь. Правда, мы еще сохраняем способность раскаиваться. В конце войны нам было приказано бомбить мирное население. Женщины, старики, дети. Конечно, мы выполняли приказ. Но я испытывал от этого удовольствие! И я получил за это более высокую награду, чем за настоящие бои! И не испытал от этого угрызений совести. Знаете, мы расстреливали беженцев из пулеметов с бреющего полета. Было очень смешно смотреть, как они бегали по полю и падали. А сами мы были в полной безопасности. Никаких истребителей и зениток. Мне сейчас страшно вспомнить, что я испытывал не просто удовольствие, а сладострастное на-

слаждение. И после этого мы еще удивляемся, узнавая о мерзких поступках Сталина!

— А я, — перебивает рассказчика кто-то другой, — совратил молоденькую девочку. Правда, она сама ко мне пришла, а ее родители были довольны этим. Но она пришла из страха, от голода, а не из любви. Когда она мне надоела, я ее передал приятелю. А потом устроил сцену ревности, узнав о ее «измене». Потом я для развлечения подстроил одному офицеру из политотдела женщину, большую венерической болезнью. Правда, он был политрук. Но он был семейный человек, к нему приехала жена, и он заразил ее. А я, узнав об этом, весело смеялся.

— У меня, — кается третий, — водились приличные деньжонки. Но я их пропил, а не послал родителям, которые жили в ужасной нищете. А главное — по моей вине погиб человек. Правда, я тогда верил. Но ложная вера тоже есть преступление. Это я знаю тоже. Конечно, мы не святые, а простые смертные.

— Но все-таки жаль, — говорит четвертый, — что мы не святые.

— В США, — старается привлечь к себе внимание Неля, — с наступлением темноты на улицу выходить нельзя: изнасилуют или ограбят. Все-таки социализм имеет то преимущество перед капитализмом, что уничтожает преступность как массовое явление.

— А у кого это сперли чемодан, — схищничает Садов. — А в чьем доме недавно ограбили квартиру? А в чьем подъезде женщину убили из-за пятидесяти рублей? А сколько человек одновременно находилось в заключении при Сталине?

— Но это же было нарушение законов, — кричит Неля.

— То есть преступления, — говорит Садов. — И к тому же массовые. Социализм сокращает одни виды преступности и даже устраняет их совсем как массовое явление, но увеличивает другие типы и развивает новые. А известно ли тебе, сколько человек у нас сейчас одновременно находится в заключении? По самым скромным подсчетам — раз в десять больше на душу населения, чем в США. А ты не интересовалась, кто и за что сидит? Походи по народным судам, узнаешь. Это, увы, факты. Конечно, у нас не убивают руково-

дящих лиц (поди доберись до них!), не грабят банки в таких масштабах, как там, с наркотиками намного слабее, самолеты реже угоняют, реже похищают миллионеров, их детей и т. п. Но ты же прекрасно знаешь, что все наши торговые организации превращаются в шайки преступников. А как обстоит дело со взятками?! А всякие организации, имеющие дело с квартирами?! А где еще ты слышала, чтобы людей судили за заявление, якобы порочащее социальный строй? Если заявления эти суть преступления, они — факт. Если судить за них — преступление, это тоже суть преступления. Наконец, есть еще такое обстоятельство, как статистика преступности и раскрываемость преступлений. Многие ли злоупотребления служебным положением у нас раскрываются? Так что, если уж быть точным, то следует признать нечто противоположное: наш строй превращает все общество в потенциальных преступников, лишь осуществляя отбор и держа на определенном уровне число разоблачаемых и наказуемых.

— Вздор, — кричит Неля. — Пьяный бред!

Вечер удался на славу. Через пару дней Последователь созвал совещание актива группы, на котором обсудили итоги вечера и наметили план работы на ближайшие недели. Решили послать нескольких человек на заседание ученого совета на философском факультете, на котором защищается дурацкая докторская диссертация. Делегаты должны задать диссертанту каверзные вопросы. Последователь сначала хотел поручить Зотову выступить на защите, но потом решил взять эту функцию на себя, ибо решил диссертацию раздолбать и тем самым себя показать.

МОЛИТВА ПЕРЕД ВХОДОМ В ЗАБЕГАЛОВКУ

Стезю свою сам выбирай.
Живи не завтра, а сегодня.
Входи... отнюдь не в преисподнюю,
Но далеко не в чистый рай.
Мозги напрасно не крути,
Судьбы своей не уклоняйся.
К привычной стойке прислоняйся.
Другого не ищи пути.

Входи! И ощути души
Родство с таким, как сам, народом.
И на алтарь клади природы
Свои последние гроши.

ИЗ ДОНОСОВ ЗОТОВА

Горбачевский Петр Исаевич (Последователь) — сын того самого генерала Горбачевского, расстрелянного в тридцать седьмом году и реабилитированного теперь, вундеркинд-математик в детстве, окончил Физико-технический институт, защитил кандидатскую диссертацию в ИСАУ, где и работает в настоящее время в качестве младшего научного сотрудника, женат на дочери академика... живет в квартире жены (хотя прописан в квартире матери), имеет сына (два года), член партии, в институте был секретарем комитета комсомола курса и членом вузкома комсомола, имеет несколько публикаций по специальности, увлекается проблемами философии и социологии, имеет несколько публикаций в этой области, фактически является руководителем кружка (семинара). Основателя терпит пока для прикрытия и в качестве генератора идей. Он признает, что Основатель способен выдвигать идеи, но не способен их разработать научно, способен увлечь, но не способен их организовать на серьезное дело.

ПРИТЧА О ШТРАФНИКАХ

— В штабе армии, — говорит Основатель, — тепло и чисто. Генералы и офицеры сыты, хорошо одеты. Многие уже вкусили «боевые сто грамм», многие собираются это сделать. И бабы будут. И бабы дай бог какие! Пройдет война, заполучить таких уже не всякому из них удастся. А пока есть, пользуйся. Даром и без последствий. Генералы решают трудную проблему. Велено взять город *Н*. Если прямо бить — мощная оборона противника. Вряд ли пробьешь, а пробьешь — людей и техники положишь столько, что город *Н* потом ни за что не возьмешь. Справа — болота и трясины. И что ни шаг, то мина. А слева никого нет, там другая армия, и соваться

туда не велено. Враг ждет удара в лоб и готов к этому удару. А со стороны болот враг удара не ждет. Там — трясина, мины, колючая проволока. Разминировать и прорезать проходы в заграждениях практически невозможно. Тут все досконально высчитано. И знает это не только враг. Знают это и наши генералы. Но враг не знает того, что знают наши генералы. Вы видели это в кино? Нет, в кино вы видели совсем не то. То, что было, в кино не показывают. Разминировать болото, делать проходы в заграждениях и делать настилы, говорит главный генерал, бессмысленно. Да и не успеем. Пока мы с этим чикаемся, нас вы...т в ж...у, обойдя с левого фланга. Но на кой х..., собственно говоря, нам разминировать болото и заниматься прочей х...ней-муйней?! Мы вот тут посчитали возможные потери. Выгоднее всего пустить прямо на минные поля, на заграждения сначала штрафников. Потом... И разминируем, и настилы естественные будут, и через заграждения... Одним словом, мы посчитали. Потери меньше, чем бить в лоб. И удар неожиданный... Кто подсчитал?! Не генерал же! Боюсь, что он таблицу умножения забыл, если знал ее вообще когда-нибудь. Подсчитывали умные мальчики вроде нас с вами. С высшим образованием. Способные. А на улице холодно. Поздняя осень. Дождь. Ветер холодный. Ночью уже заморозки бывают. Иногда снежок идет. Мокрый, с дождем и с ветром. А одеты штрафники в драные выношенные шинельки, рваные ботинки с обмотками, заношенные пилотки с заплатками. А еда... Говорить об этом не хочется. За дело? Конечно за дело. Я разве возражаю? Конечно за дело. Вот этот мальчишка опоздал на работу на оборонном заводе на десять минут. Он несовершеннолетний. Но что поделаешь?! Время военное. Пять лет. А этот дал прочитать друзьям письмо от матери из деревни. Десять лет. Этот за дело — парашют украл. Так ведь у него украли его парашют. Этот... Все за дело. И спорить тут не о чем. И вот голодных и продрогших штрафников... Зачем их одевать, согревать и кормить? Ведь все равно они скоро пойдут на минные поля, в трясину, на проволочные заграждения! Вот, друзья мои, чего не знал враг. Враг жестокий и коварный. Но даже ему в голову не могла прийти такая простая и гениальная (все гениальное просто!) идея. Несколько сот человек, и нет минных полей. Несколько тысяч человек, и

нет трясины, и нет проволочных заграждений. И можно не одевать, и можно не кормить, и оружие можно не давать — все равно же пропадет добро. Вот вам проблемы для теоретических рассуждений.

— И чем же эта притча кончилась? — спросил Последователь.

— Как обычно, — сказал Основатель. — Тех генералов и офицеров наградили и повысили в чинах. Из тех, кто пошел на мины, уцелело трое. Двоих тут же расстреляли за то, что они бросили оружие, которого им не давали. А третий...

— А я, — сказал Придурок, — начал службу в кавалерии. О Боже, что это было! Середина двадцатого века, на носу «война моторов», а тут такая дикость, по сравнению с которой гусары времен войны с Наполеоном — верх цивилизации. Посмотрел бы ты на нас тогда! Тощие, обмундирование висит, как на огородных чучелах, шейки тоненькие, глаза сверкают от голода, а морды посинели от холода. А лошади! Маленькие, пузатые, волосатые. И ужасно старые. И нас они глубоко презирали, как старые служаки презирают новобранцев. А командиры! Таких дураков и невежд теперь можно встретить, пожалуй, только в Совете Министров, в Генштабе и Высшем Совете Партии. Объясни, почему в начальство вылезают самые глупые и бездарные люди? Был ли в истории когда-нибудь случай, чтобы большинство населения Страны было умнее своих руководителей?! А знаешь, чем мы занимались? Там, где располагалась наша дивизия, жил древний народец. Его целиком объявили японским шпионом и выселили в глубь Страны, где они (по слухам) все, как один, подошли. Мы окружали поселки, собирали людей и конвоировали их километров за пятьдесят, где передавали спецчастям ОГБ. Причем они топали пешком, без еды и барахла: и старики, и дети. Жуть берет, как вспомню. Гуманизм...

— Одним словом, — сказал Основатель, — мы крепко влипли. Истории потребуется несколько сот лет, чтобы... нет, не исправиться, исправляться ей ни к чему, она и так хороша... а чтобы признать некоторые факты нашей жизни существовавшими на самом деле.

— А третий? — спросил Последователь.

— А третьего не дано, — сказал Основатель.

МОЛИТВА ПО ВЫХОДЕ ИЗ ЗАБЕГАЛОВКИ

Сей злачный дом благодарю.
И, уходя, с ним не прощаюсь.
И, ни к кому не обращаясь,
Речь сам с собою говорю.
Глядите, я плетуся еле,
Смиривши страсти, сер и тих.
Хочу лишь на своих двоих
Дойти до собственной постели.
Иду, душою чист и светел.
Молю Его: будь добр, уважь!
Чтобы во мне порядка страж
Интеллигента не приметил.
Что я качаюсь — пусть не в счет.
Ведь пил, бывало, сам Спаситель!
Ужель районный вытрезвитель
Опять мой путь пересечет?!

ОБ ОППОЗИЦИИ

Во всякой оппозиции, говорит Основатель, бывает нечто подлинное и фиктивное. Известны случаи, когда люди из тщеславия или упрямства готовы отсидеть в тюрьме по десять и более лет. А столько таких, для кого участие в оппозиции есть бизнес! Но поймите главное: в основе всего этого всегда лежит нечто подлинное. Важно то, что люди говорят вслух и что делают явно. И они же так или иначе страдают. Так что даже худшие из них заслуживают сочувствия. А лучшие достойны поклонения. Вы тут можете годами творить некое Дело. И все же вы останетесь ничем, если не выскажете вслух что-то наказуемое, что знают все, но боятся высказать сами. А какой-нибудь полоумный и недоучившийся мальчишка может вдруг выскочить, крикнуть, наплевав на последствия, и стать исторической личностью.

Ну а ты-то сам почему не крикнешь? — спросили Основателя. Не хочу, сказал он. Ибо я из другого измерения. Я не обуреваем тщеславием. Меня не тянет в историю. Меня тянет просто к людям. Нет, не в смысле делать людям благо. Желание осчастливить человечество и есть история. Я просто хочу быть среди лю-

дей. Просто любить их хочу. Причем всяких. Таких, каковы они на самом деле. Поймите самую банальную житейскую истину: других людей нет и вообще не будет. Живите с такими, других не будет. Идея «нового человека» — ложь. Или, скорее, новые массовые убийства и насилия.

Но любовь-то к людям должна в чем-то проявляться, спросили Основателя. В чем? Не знаю, сказал Основатель. Когда любишь, такая проблема не возникает. Если любишь людей на самом деле, они это чувствуют и как-то узнают, если ты даже ничего не делаешь. Любовь к людям есть сначала твое внутреннее состояние. И только потом это что-то замечаемое людьми.

МОЛИТВА В КОНЦЕ ДНЯ

Грязь оботри с усталых крыл.
Спусти на землю дух тревожный.
Скользни в каморку осторожно,
Сосед чтоб матом не покрыл.
И, дверь закрывши на крючок,
Закончи день на жестком ложе.
Скажи Ему: Спасибо, Боже,
Я всем доволен. И — молчок.

ИСТОКИ

Прежде всего на роль родоначальника всякой оппозиционной, критической и даже диссидентской струи в Стране претендует один известный художник, эмигрировавший на Запад. Правда, он заявил свои претензии, оказавшись в полной безопасности на Западе. Но кто знает, если бы он знал заранее, что на эту роль будет претендовать кто-то другой, кроме него, он заявил бы свои претензии ранее. Но тогда неизвестно, смог бы он безнаказанно уехать на Запад и заявить там о своей выдающейся роли. Художник заявил свои претензии и на многое другое, в том числе на то, что он на самом деле продиктовал книги многим критическим авторам и сочинил критические песни, которые распевала вся Страна. Это, надо думать, он сделал с целью защиты своих

друзей, томящихся в застенках Страны, и отвлечения главного карательного удара ОГБ на себя. Что же касается диссидентства, то тут у него права неоспоримые: это он первым в истории Страны схватил за пуговицу самого Вождя и чуть эту пуговицу не оторвал с мясом. По слухам, сейчас эта пуговица хранится в Музее борцов за права человека в Париже.

Услышав о том, что Художник претендует, Неличка Подмышкина (нет надобности ее представлять вам, вы и сами прекрасно знаете ее по замечательным сочинениям о подлинном коммунизме) смеялась до слез. Ха-ха-ха, хихикала она, когда этот хвостун делал вид, что хочет схватить этого болтуна за пуговицу, у нас уже животы болели от анекдотов по поводу кукурузы и «нонешнего поколения». Ха-ха-ха!! Но Неличка молчаливо обошла вниманием тот факт, что сама она и весь ее «салон» («Нелькин салон», как его именовали завистники интеллигенты) вышли из движения методологов, возникшего еще в те далекие годы, когда одни будущие диссиденты сидели в концлагерях, другие укрепляли оборонную мощь Страны, третьи еще не появились на свет, а самой Неличке еще не снилась перспектива стать умнейшей женщиной века. И тут, по всей вероятности, дело не в простой забывчивости. Это уже серьезно.

Услышав, в свою очередь, о претензиях Нелички, один из основателей движения методологов по имени Гэпэ, объявивший себя основателем после того, как реальный основатель, основав движение и увидев, какое из него на самом деле дерьмо получается, покинул движение, заявил на постоянно действующем семинаре невыявленных шизофреников и стукачей, что все началось с его идеи исследования мышления как деятельности. О прочих претендентах говорить пока не стоит хотя бы из конспиративных соображений. Разве что намеком. Например, в Москве насчитывается по крайней мере три человека, которые все это высказали и написали задолго до, причем гораздо лучше, чем это сделали другие после них потом. Кто знает, может быть, напечатают они наконец-то свои соображения на Западе, мир содрогнется, и опять все закрутится сначала.

Большая часть московской интеллигенции встретила разгром диссидентского движения с удовольствием. И не потому, что интеллигенция была против соблюдения

прав человека. Она была очень даже за эти права, признавая право считаться человеком в первую очередь за собою. А потому, что диссиденты незаконным образом сами узурпировали право считаться лучшими представителями советского общества, каковыми они на самом деле не были. Эту сложную и весьма деликатную ситуацию очень точно сформулировала Неличка Подмышкина. Она сказала, что теперь настоящие люди могут спокойно продолжать ранее начатое ими серьезное дело прогресса общества. Сказала она это в компании своих близких знакомых и друзей, которую не только завистники в насмешку, но и историки в знак уважения именовали «Нелькиным салоном». Сказала после того, как по телевидению (в программе «Время») объявили о приговоре последней группке диссидентов, и перед тем, как на столе появилась жареная телятина. Это дало повод остроумным гостям обыгрывать тему прогресса общества под углом зрения потрясающей телятины, которую теперь даже в «Березке» не всегда достанешь.

Движение методологов (по мнению самих методологов) представляет гораздо больший интерес для истории, чем диссидентское движение и чем «Нелькин салон», по многим причинам. «Нелькин салон» не есть движение в строгом смысле этого слова. Это — скорее некое состояние, устремленное вперед, динамическое топтание на месте. К тому же после того, как Неличка завела режим экономии (по слухам — дачу новую собирается строить), кормежки гостей в ее доме прекратились, и салон распался. К тому же и время не то, Неличка собирается быть выдвинутой в членкоры или на премию. Диссидентов же движение методологов превосходит уже тем, что оно выстояло и существует до сих пор. И нет даже намеков на то, что его будут искоренять. А главное — это есть движение как таковое, в чистом виде. Оно не имеет никаких целей и результатов. Оно не имеет никаких причин. Оно движется, и больше ничего. При чем движение это состоит в том, что в него бог весть откуда приходят новые полоумные участники, посещают семинары и совещания, выступают, сочиняют трактаты, становятся талантами и гениями, грозятся перевернуть и исчезают бог весть куда, став старыми неудачниками, бездельниками, шизиками, стукачами, пьяницами... Оно движется как будто бы внутри, но на самом деле где-то

вне и около. Как будто бы с шумом и грохотом, но так, что никто не знает и не слышит о нем. И потому оно есть квинтэссенция и суть оппозиционности, как таковой. И потому оно неуничтожимо, если бы даже Партия и Правительство бросали все силы общества на его уничтожение, ибо оно не существует реально. Оно существует лишь в воображении его участников.

МЕТОДОЛОГИ

А возникло оно так. Один веселый пьяница студент университета, которого несколько раз собирались исключить за сомнительные высказывания, но проявили гуманизм, поскольку студент был участником войны и выходцем из крестьян, поклялся на спор, что он прочтет «Капитал» Маркса от корки до корки. Произошло это, естественно, после того, как студент осушил не менее пол-литра водки и плохо соображал, где он находится и с кем имеет дело. В трезвом виде он такую глупость не сделал бы ни за что, так как был парень неглупый. Очутившись на другой день на квартире у Гэпэ и увидев перед носом три толстенных тома «Капитала» и еще несколько томов сочинений того же автора и его ближайшего друга и соратника Фридриха Энгельса, связанных с «Капиталом» неразрывными узами, будущий основатель движения методологов впал в такое уныние, что его потом три дня не могли сыскать ни в одном вытрезвителе, отделении милиции, морге. Нашли его случайно в чужой квартире на кухне. Он спал на столе, полураздетый, подложив под голову грязную лохматую дворняжку. Осталось неизвестным, пропил ли он свою одежду сам или был раздет грабителями. Раздобыв Основателю кое-какое тряпье, Гэпэ и другие ученики Основателя (а он к этому времени уже имел учеников, хотя еще не имел учения) приволокли его прямо на некое заседание, на котором обсуждалась некая проблема. И с ходу вытолкнули Основателя на трибуну. Выругавшись довольно внятно матом, Основатель закатил совершенно невнятную речь, обнаружив блестящее знание «Капитала» и всех прилегающих к нему сочинений всех авторов. С тех пор Основатель стал считаться самым тонким знатоком «Капитала» в Стране. Пошел слух, что он про-

читал «Капитал» от корки до корки по меньшей мере пять раз. Потом молва увеличила число прочтений до двенадцати. Сам же Основатель не раз в пьяном виде признавался своим собутыльникам, что он скорее сохнет, чем будет тратить время на эту муть, что он сам такую ерунду может выдумать тоннами и километрами. Но ему не верили, ибо никто не был способен сам выдумать даже одной страницы из «Капитала». И Основатель махнул на это дело рукой. Потом он написал о «Капитале» диссертацию, имевшую сенсационный успех, и книгу размером немногим менее самого «Капитала». Но вовремя опомнился и покинул движение, зародившееся в связи с этим. А на том историческом заседании он произнес фразу, положившую начало всему: суть дела в методологии! В философской среде, представляющей помойку идиотизма, невежества, злобности и пошлости, культивируемую в течение десятилетий, слово «методология» произвело впечатление неизмеримо более сильное, чем взрыв атомной бомбы в небе над Хиросимой. Наступило гробовое молчание. Это гениально, сказал Гэпэ единомышленникам в ближайшем к университету кафе, где отпаивали Основателя. Надо бить в эту точку. Но надо это делать методично и организованно. Совершенно верно, сказал Основатель. Хотите, я расскажу вам по сему поводу одну любопытную историю? Но сначала... Вы меня правильно поняли, что свидетельствует о наличии у вас незаурядных способностей к развитию отечественной методологии в мировом масштабе. За методологию!..

САЛОН

— У вас в продаже отсутствуют многие необходимые продукты и вещи, которые у нас продаются свободно и в любом количестве.

— Это верно. Зато у нас то, что есть у вас и отсутствует у нас, стоит гораздо дешевле, чем у вас.

— Чего эти диссиденты все время подают заявления на поездки за границу?

— Безусловно, марксизм есть вечно живое творческое учение. Ведь еще сам Ленин говорил, что марксизм — не догма, а лишь руководство к ней.

— Вследствие наших ужасных условий существования у нас сложилось общество более высокое в духовном отношении, чем западное. У нас все-таки нет такого потребительского мещанства, как там.

— Это есть идеология нашего руководства, причем в самом грустном положении. Сами-то они живут припеваючи. Тратят безумные средства на свои идиотские спектакли, на вооружение, на великодержавные цели. А народ держат в нищете. А тут еще идеологи вроде тебя оправдывают это как благо, как преимущество.

— Я не оправдываю, а констатирую как факт. Я не против улучшения условий жизни. Но согласись, более аскетические условия жизни и ограниченность потребительской ориентации способствуют формированию типа человека, который в каком-то отношении предпочтительнее...

— Чушь! Во-первых, наши условия далеко не аскетические, а потребительская ориентация не ограничена никак. Дело в том, что у нас есть все то, что есть на Западе, но более низкого качества, в уродливых формах, достается уродливыми путями и т. д. Готов держать пари, что в квартире американского профессора твоего масштаба наверняка в десять раз меньше барахла, чем в твоей.

— Конечно, ему нет надобности держать дома все это. Он может в любое время купить все то, что ему нужно.

— Вот видишь! По крайней мере, в отношении вещной ориентации изобилие хороших вещей есть более надежное противоядие, чем их дефицит. А во-вторых, само понятие «тип человека» тут лишено смысла. В большом многомиллионном обществе встречаются все возможные типы людей. И когда говорят о типе человека данного общества, то имеют в виду наиболее часто встречающиеся здесь комбинаторные возможности. О каком духовном превосходстве нашего человека над западным можно говорить, когда наше убожество сравнительно с Западом именно в духовном отношении вполне очевидно.

— Ты меня неверно истолковываешь. Возьмем, например, литературу. Это же факт, что именно наша страна поставляет в мировую культуру подлинно духовную литературу. Пусть в форме «самиздата» и «тамиздата». Но все равно это есть продукт нашего народа.

— О чем ты толкуешь! Литература, разоблачающая зверства сталинского периода и нашу теперешнюю жизнь, — духовная?! Ерунда! Абсолютно ничего духовного в ней нет. Это всего лишь критический реализм, то есть самая примитивная форма искусства.

А в другой группе (на другом конце стола) идет другая, не менее содержательная беседа.

— Согласно Ленину, коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Советская власть есть. Электрификация есть, а коммунизма все нет и нет.

— Скорее наоборот. Коммунизм без электрификации даже легче построить. Почему? В темноте легче любую мразь за благо выдать.

— Ленинские слова нельзя брать как определение. Это — метафора.

— А что у нас не метафора?!

МЕТОДОЛОГИ

Я опускаю бытовые детали, поскольку нам важен лишь методологический аспект дела, сказал Основатель. Я тогда загорал в запасном батальоне. И случилось так, что мой приятель заимел личное знакомство с заместителем начальника Школы по политической части, с Комиссаром, как мы его звали, свято храня традиции Гражданской войны. Знакомство было несколько односторонним, поскольку Комиссар всячески пакостил Приятелю, а тот ничего не мог предпринять в ответ. Приятель регулярно получал наряды вне очереди за всякие пустяки, пару раз отсидел на губе ни за что ни про что, ни разу не был отпущен по увольнительной в город. Поговаривали об его отчислении. И Приятель пребывал в унынии. Что делать? Обратите внимание, роковой вопрос для передовой русской интеллигенции. Сам Ленин был в аналогичной ситуации. И даже книжку по этому поводу настрочил. Приятелю было, конечно, не до книжки. Не было бумаги, карандаша, стола — война! Что делать, сказал я ему, это не проблема. Проблема в том, как делать! Догадываетесь? Не что, а как! То есть методология! Ты, сказал я ему, обязан противопоставить этому говнюку Комиссару силу интеллекта. Интеллект — единственное, чем мы располагаем в той тяжелой борьбе за прогресс, которая нам

предстоит. Но я, кажется, отвлекаюсь. А что это такое, спросил Приятель, — интеллект? Я постучал ему согнутым указательным пальцем по лбу, вот так, и он меня сразу понял. Не то что наши дегенераты философы. Им хоть молотком бей по черепушке, ничего, кроме четвертой главы, не вышибешь. Ты, сказал я Приятелю, должен этому м...у Комиссару в его кабинете насрать. Понял? Вот такую кучу. Лучше, если на стол. Это, сказал я, дело твоей чести. А что это такое, спросил Приятель, — честь? Это, сказал я, пережиток дворянской идеологии в нашем сознании. Но если ты... А я и не спорю, сказал Приятель. Я готов. Знаешь, я дня за три могу накопить столько!.. Но как это сделать? Обратите внимание: опять-таки нет проблемы Что, а есть проблема Как. Благодарю вас, выпьем за методологию! Это — единственное, за что еще стоит выпить!

Так как же это сделать, не унимался мой Приятель. Идея прочно засела в его голове. И его мучила лишь проблема, как ее реализовать. И я ночей не спал, думал: как?? При чем думал я не как начинающий или дилетант, а как профессионал: у меня за плечами было два курса МИФЛИ. Проблема оказалась куда потруднее, чем все то, что мне было известно из всей прошлой и текущей истории. Днем в штабе постоянно люди. Мы топаем строевой, копаем ямы или разгружаем вагоны. Ночью мы в карауле или на кухне. А если в казарме, нас охраняет дневальный, дежурный, пара часовых, патрули. В штабе на улице часовой, внутри — часовой, у знамени Школы, напротив кабинета Комиссара — часовой. Какие будут предложения? Эх вы, мыслители! А еще методологию двигать собираетесь! Итак, за нее, за методологию?

О Учитель, воскликнули потерявшие терпение ученики, кончай тянуть резину, не тяни kota за хвост! Выкладывай поскорее методологический аспект проблемы! А то, видишь, на нас уже косо смотрят сотрудники этого гнусного заведения. Им уже пора закрываться, а нам пора выметаться!

Запомните, друзья мои, сказал Основатель, слив в свою рюмку остатки спиртного из опустевших бутылок, основной принцип методологии: чем сложнее проблема, тем проще метод ее разрешения! Если проблема пустяковая, метод должен быть грандиозным, иначе эту

проблему не решишь. Если проблема сложная, метод должен быть пустяковым, иначе эту проблему не решишь. Ибо сумма величины проблемы и величины метода ее решения есть константа, и равна она единице. Мой приятель нашел-таки гениально простое решение проблемы. И однажды утром Комиссар, войдя в свой кабинет, увидел на столе гигантскую кучу г...а. И по виду кучи он сразу определил, что сотворить мог такое только курсант запасного батальона, по крайней мере три дня не ходивший на двор. Но доказать ничего не мог. Начальник Особого Отдела перевернул всю Школу в поисках улики, но ничего не нашел. Он проделал следственный эксперимент — выстроил весь запасной батальон, заставил оправиться по-большому и сравнил полученные кучки с преступной кучей. Но результат получился обескураживающий: преступная куча была похожа на кучки отличников боевой и политической подготовки и стукачей.

Ты не пудри нам мозги, возопили ученики. Как он все-таки это сделал??!! Этого, друзья мои, сказал Основатель, теперь уже никто не узнает, ибо Приятель мой погиб в штрафном, унеся с тобой в братскую могилу эту самую сокровенную тайну методологии. Наша с вами задача — подхватить выпавшее из его рук знамя методологии и раскрыть эту тайну. Ну, нам пора. Кажется, они вызвали милицию. А вообще, в истории человечества гораздо большее значение имеет постановка проблем, чем их решение. И учтите к тому же, когда Особняк что-то начал соображать и решил повторить следственный эксперимент, преступная куча исчезла из его сейфа! Но эта проблема нам с вами уже не по зубам. Это — загадка для истории.

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЛЮДИ

Вспомни-ка, о чем ты сам думал всю эту неделю, говорит Основатель. Стыдно вспомнить? Я тоже не во всем, что лезет в голову, могу сознаться. Так чего же говорить о прочих людях! Вот возьми эту пожилую женщину. Неужели ты думаешь, что то, что шебуршится в ее черепушке, достойно твоего высокого внимания?! Хочешь, я тебе перечислю все, о чем может ду-

мать женщина в таком положении? Сам знаешь? Конечно. А вот этот сморчок? Наверняка старый член партии. Этот для разнообразия может вспоминать, как сидел в лагерях в свое время или сажал туда других. Этот тип репетирует речь на собрании или кумекает насчет квартиры. Эта девочка думает о модных сапогах, а этот тип — как бы без особых осложнений трахнуть такую штучку. Эти... Эти... Хватит? Проблема тривиальна: люди в массе думают о том, что они так или иначе делают. Отклонение лишь в деталях и в конкретностях. А какая доля делаемого и думаемого выпадает на долю данного индивида и каково соотношение этих компонентов в нем, это зависит от обстоятельств индивидуальной его судьбы и от его места в социальной иерархии общества. В общих чертах это очевидно, а в конкретных деталях непознаваемо.

Если ты хочешь чего-то достичь в этом интересно-го, продолжает Основатель, ты должен поступать скорее не как писатель, а как ученый. По крайней мере, в тенденции. Люди думают молча и вслух, то есть высказываясь (в том числе — сочиняя книги и статьи). Люди думают в одиночку и в группах (в частности — в группе из двух человек). Думание вслух и в группе (групповое мышление) есть главное думание, к которому так или иначе тяготеет и думание молча и в одиночку. Я думаю, что не только в структуре думания современного человека, но и в истории становления человека думание вслух, то есть заметное для других и отчуждаемое другим думание, образует основу и ядро думания вообще. Так что если хочешь знать, о чем думают люди, слушай, о чем они говорят с другими людьми. Это и есть их реальное думание как объективный факт. Остальное суть лишь вздорные домыслы. Вся сумма говоримого населением этой страны и есть сумма думаемого ею, если отвлечься от некоторых второстепенных отклонений. А что это такое, ты сам знаешь достаточно хорошо. Мутный и вонючий словесный поток (я чуть было не сказал: понос) этого общества и есть его подлинный духовный поток. И выудить в нем нечто достойное литературного внимания — все равно что выудить в Москве-реке форель, стерлядь или даже что-нибудь попроще. Консервную банку, старый башмак, битую бутылку — это можно. А форель...

Еще в самый разгар диссидентского движения во второстепенно-политическом журнале появилась статья-очерк-рассказ с громким названием «Жизнь с кого» и сразу же привлекла к себе внимание московской интеллигенции. Название было взято из хорошо известного стихотворения Маяковского, в котором слова «жизнь с кого» рифмовались со словом «Дзержинского». Название тем самым представляло не только то, о чем пойдет речь в статье-очерке-рассказе, но и то, в каком духе пойдет эта речь. Публикация представляла собою сочетание научного и философского трактата, документального очерка и литературно-критического обзора. Изготовлена она была в содружестве тремя авторами, малоизвестными в московских интеллигентских кругах, — научным сотрудником одного из гуманитарных институтов Лежебоковым, очеркистом Блудовым и литературоведом Болтаевым. Именно это сочетание фамилий и послужило первым поводом для разговора и насмешек. Само собой разумеется, пошел слух, будто это — псевдонимы, и выбраны они специально для этой цели. Другие говорили, что фамилии настоящие, но авторов специально подобрали для этой цели, чтобы сильнее выразить основную направленность опубликованного материала (поскольку жанр его определить было невозможно, его так и называли материалом, материалчиком, публикацией и т. п.). Второй повод для насмешек дало название материала. Сразу в ход пошли старые анекдоты про Железного Феликса. Каждый раз, когда где-нибудь раздавался неожиданный шум, всегда находился образованный и остроумный интеллигент, который говорил, что это Железный Феликс грохнулся, а в высших культурных кругах — что это Железный Феликс еб...я. И третий, совершенно неисчерпаемый повод для насмешек дало само содержание материала, ибо в нем в качестве образца для подражания была воскрешена вся официальная обойма литературных и героических персонажей от Павки Корчагина и Павлика Морозова до Дзержинского и полковника Исаева, который был нашим разведчиком в Германии более двадцати лет и блистательно разоблачал и срывал коварные замыслы гитле-

ровцев. Особенно острому обсуждению «материал» подвергся, естественно, в «Нелькином салоне».

— А знаете, что сделали с этим Исаевым, когда наши войска взяли Берлин?

— Само собой разумеется, расстреляли свои. На всякий случай.

— Вы знаете, что планируется юбилей Павлика Морозова?

— А в этом есть смысл. В Павлике Морозове воплощена вся глубочайшая диалектическая сложность нашей эпохи. Он предал своего отца, это факт. Он за это понес наказание: его убили. Но он предал во имя коммунизма, то есть во имя светлого идеала. За это его сделали национальным героем и поставили ему памятник. Шутки шутками, но тут не так-то все просто.

— Его все равно потом расстреляли бы. За что? А чтобы не растрепал, что вся история с кулаками была липой.

— Ходит слух, что Павлик Морозов жив, только под другой фамилией живет.

— Алексей Стаханов.

— Нет, Мария Демченко.

— А мы, между прочим, будем ставить «Как закалялась сталь». Навязали, сволочи. Но мы им выдадим такую «сталь», что за голову схватятся. Эту книжечку можно ведь истолковать очень современно, совсем не так, как эти проходимцы делают.

Потом на столе появилась телятина, и разговор переключился на другие темы, главным образом — на то, как живут люди на Западе. Когда с телятиной было покончено, уговорили своего «домашнего» поэта, опубликовавшего недавно очень неплохую брошюру по критике экзистенциализма, почитать свои сатирические стихи. Потом опять вспоминали о «материале». Признали, что Маяковскому, конечно, далеко до Пастернака и тем более до Мандельштама. Но, несмотря на это, он был все же неплохой поэт. Пожалели, что он талант угробил на пустяки. Кто-то заметил, что талант Маяковского в том и заключается, чтобы писать всю эту апологетическую муть и выглядеть так, будто он гробит свой талант.

— И все-таки, — резюмировала беседу Неличка, — призывать молодежь подражать Дзержинскому было неприлично уже во время Маяковского. А теперь это звучит как попытка оправдать репрессии сталинских времен.

— И как призыв писать доносы.

— Зачем преувеличивать? Сейчас это неактуально. Я был свидетелем забавной истории сегодня. В автобусе подвыпивший мужичок начал поносить наши порядочки. А молодой парень потребовал, чтобы он это прекратил. А ты кто такой? — спросил мужичок. Я из КГБ, сказал парень, предъявив удостоверение, и приказал мужичку следовать за ним. Мужичок струхнул. Но тут в дело вступила старушечка лет восьмидесяти. А вы, молодой человек, проскрипела она, не имели права обнаруживать себя. И потребовала, чтобы кагэбэшник показал ей удостоверение. Она, мол, о его поведении доложит куда следует. На ближайшей же остановке парень смылся под смех пассажиров. А в автобусе началась такая антисоветчина, что наши диссиденты в сравнении с ней выглядели бы почти как апологеты.

— Да, сейчас не то время. КГБ сейчас совсем не тот. И зря на него всех собак вешают.

МЕТОДОЛОГИ

Расставшись с единомышленниками-методологами, Основатель зашел домой к своему постоянному собутыльнику, не имевшему никакого отношения к методологии, и совратил его своим видом на продолжение выпивки. На улице встретили знакомого аспиранта-философа. Через час стали лучшими друзьями и пришли к полному согласию по всем вопросам. Еще через час переругались до такой степени, что Аспирант обозвал Основателя и Собутыльника предателями Родины, пообещал сообщить о их поведении в ректорат и свести их на Лубянку. В конце концов он заявил, что еще со школы служит в Органах и является там далеко не последним человеком. В это время они как раз двигались по улице Герцена вниз к Манежу. Когда они поравнялись с дверью черного хода на философский факультет, Аспирант свалился без чувств. Тащить его не было никакой возможности и тем более никакого смысла. Тут Основатель вспомнил, что у него в кармане валяется на всякий случай ключ, который подходит почему-то ко всем дверям в Москве. С помощью этого ключа он попал и в ту квартиру, где его нашел утром Гэпэ. Ключ, естественно, подошел и к двери факультетс-

кого черного хода, и к кабинету декана. Взвалив Аспиранта на стол, покрытый зеленым сукном, Основатель написал на листе бумаги «Я — стукач» и положил его на грудь Аспиранта. Этим самым, сказал он перепуганному Собутыльнику, мы бросаем вызов всему существующему строю. Имей в виду, если выдашь, убью. Заколю вязальной спицей, так что никто не догадается. Будем стоять до конца, пролепетал Собутыльник, сблевав прямо в деканское кресло.

В России, сказал Основатель, когда они выбрались обратно на улицу Герцена, всякое серьезное общественное движение против существующего строя начинается с непристойности. Хочешь знать, когда у нас кончится коммунизм и начнется что-то более или менее терпимое? Когда какой-нибудь забулдыга наложит кучу в Мавзолее. Бежим! Дружинники!!!

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЛЮДИ

Один мой знакомый, продолжает Основатель, работает в психиатрической больнице. Они там применяют какие-то препараты, из-за которых люди теряют способность думать молча и обязательно должны проговаривать свои мысли вслух. Сотрудники такие мысли вслух записывают и изучают. Ищут какие-то законы. Между прочим, совершенно безуспешно. Мой знакомый показывал мне некоторые записи. В высшей степени интересно. Во-первых, думают люди круглые сутки непрерывно, хотя с различной интенсивностью. Степень интенсивности определяется словесной плотностью и еще какими-то параметрами. Во-вторых, не весь состав сознания людей выразим словесно, так как подавляющая часть говоримого фрагментарна. Больше половины фраз невозможно реконструировать даже приблизительно. Да и неизвестно пока, являются ли при этом слова элементами потенциальных фраз вообще. В-третьих, человек одновременно думает в нескольких различных планах. Самые примитивные люди думают сразу в двух-трех, часто совершенно несовместимых планах. Например, один математик одновременно решал пустяковую задачку на число возможных перестановок вещей в палате, доказывал очень сложную теорему, насиловал санитарку, раз-

рабатывал проект переустройства общества. Некоторые люди думают сразу в десяти или более планах (как, например, этот математик). В-четвертых, все равно можно было различить монологическое и диалогическое (и более) мышление. Причем в процессе групповой беседы одновременно имели место монологи, не предназначенные для других. Наконец, что самое удивительное, так это сохранение различия интимного монолога, который мы скрываем от других обычно, и монолога, доверяемого в принципе другим, скажем — открытого монолога. Просмотрев эти материалы, я пришел в ужас. Мой знакомый сказал, что за все девять лет работы над такими материалами он не встретил в них ничего особенного, отличающего их от тех, которые просмотрел я. Это были типичные и характерные материалы. А между тем подопытные люди во многом прочем были здоровы и представляли все слои нашего общества. Догадываешься, к чему я клоню?

Все то, что толкуют некоторые досужие люди насчет духовного превосходства нашего населения над населением стран Запада, продолжает Основатель, есть наглая ложь. Наша официальная пресса, наше подцензурное искусство, наши гуманитарные науки в преобладающей части и вообще все сферы нашей дозволенной духовной культуры выражают общее состояние духовности нашего населения очень точно. Если и появляются на всю эту гигантскую страну отдельные исключения, так они не влияют на общую картину. И тебе хорошо известно, как с ними поступают. Бессмысленно, повторяю, в затемненном, пошлом, вульгарном, примитивном и т. д. сознании этого общества искать нечто значительное, скрытое от внимания людей. Если тут появляется нечто значительное, оно рано или поздно само заявляет о себе. Оно тогда само найдет себя.

МЕТОДОЛОГИ

Почему ты такой похабник? — спросили ученики у Основателя. Не мог бы ты выражаться поинтеллигентнее? Ведь среди нас есть женщины, а некоторые из них еще девицы. У них уши вянут, слушая твои непристойные речи. Мог бы, сказал Основатель. Но не буду, ибо

Когда помойку гоношится
Превознести подонков рать,
Блажен тот будет, кто решится
На их историю насрать.

После этого одна из девиц попросила Основателя лишить ее невинности во имя прогресса. Я, сказал Основатель на это, совращаю людей через уши и души, а не... А что касается прогресса, то в том же первоисточнике говорится следующее:

Когда все тянутся к прогрессу
И рвутся в сказки-облака,
Блажен, кто так, для интересу,
Грустит за прошлые века.

САЛОН

— Эти «борцы за права» далеко не святые. Получали они средства из-за границы? Получали, это факт. Когда еще до погрома было далеко, они сами этим хвастали. И чтобы при этом не нарушали законы?! Не поверю. В какой форме они получали? Подарки. Прекрасно! Но одни джинсы — подарок, а полсотни — валютная махинация. Один магнитофон — подарок, а десяток...

— Они и в рублях получали крупные суммы, я это точно знаю. И в иностранной валюте. Характерный факт: С. четыре года был без работы, а имел сберкнижку, и на ней денег — у меня никогда столько не было. Откуда?

— И насчет психушек явное преувеличение. Все диссиденты, с которыми мне приходилось сталкиваться, ненормальные.

— А надо же как-то им жить?! А ты попробуй остаться нормальным, окунувшись в такую жизнь!

— Я их не осуждаю. Я лишь о том, что власти имеют основания сажать их в тюрьмы и психушки. Я думаю, что власти даже не используют свои законные права в полной мере, побаиваются шумихи.

— Дискредитация человека не опровергает сказанное им. Кто бы ни были диссиденты, важно то, что они говорят и делают. Может быть, они на самом деле престу-

пают закон и ненормальны. Но нам обращать на это внимание и говорить об этом — подло. Мы тем самым становимся на позиции ЦК и КГБ.

— А мы от этих позиций не отрекаемся.

— Ты меня неверно понял. Я сам член партии. И диссидентом быть не собираюсь. Я хочу сказать, что не наше дело говорить о нарушении законов и заболеваниях. Наше дело — содержание их заявлений.

— Отгадайте, — сказала Неличка, — что такое «Пять-четыре-три-два-один»? Это пятилетка в четыре года на трех станках двумя руками за одну зарплату. Хи-хи-хи!

— А вы знаете, — сказал супруг Нелички, — как называется безрукий бюст Маркса? Маркс Милосский! Ха-ха-ха! Ну-с, кажется, нам пора приступить к делу. Сегодня, между прочим, у нас молочный поросенок!

— Хотите хохму? Слушай, Карл, спросил Маркса его друг и соратник Фридрих Энгельс, а что ты скажешь, если русские первыми построят коммунизм? Твою мать, ответил Маркс, начавший к тому времени изучать русский язык с намерением прочитать сочинения Ленина в оригинале.

МЕТОДОЛОГИ

Как различно живут люди, говорит Основатель. Встретил я тут одного знакомого. Он только что с курорта приехал. А я только что из вытрезвителя вышел. Я ему говорю, что ни разу не был на курорте, а он говорит, что мне грешно на жизнь жаловаться. Вот он еще ни разу в вытрезвителе не побывал, и то не жалуется.

О Учитель, воскликнули ученики, скажи нам, много ли раз ты бывал в вытрезвителе? Не помню, сказал Основатель. А какой случай тебе из них больше всего запомнился? — спросили ученики. Разумеется, первый, сказал Основатель. Первое все запоминается. Первая любовь. Первая пятерка. Первый трактор. Первая пьянка. А первый мой вытрезвитель не забуду вовек. Не помню, при каких обстоятельствах я туда попал. Помню только, очнулся утром, дрожа от холода. Вижу — лежу голый на металлической сетке. На ноге — номер химическим карандашом написан. Подумал, что я в морге, и содрогнулся. Сел, огляделся. Вокруг меня на таких же

железных койках синие, фиолетовые, серые существа. Где я? — спросил я. Никто не ответил, и я понял, где я. После бюрократических формальностей нас отпустили. Вышел я на улицу. И странно — ощутил в себе необычайную легкость и бодрость. Мимо прошла добренькая старушечка. Я было собрался идти в том же направлении, но старушечка остановила меня. Тебе туды, милоч, сказала она и указала на тропинку, ведущую от вытрезвителя через пустырь к видневшемуся зданию, в котором я без труда узнал забегаловку. Это было именно то, куда мне было нужно. Я нащупал в загашнике монеты, которые так и не обнаружили служители вытрезвителя, тщательно очищая карманы посетителей, и двинулся туда, куда мне указала сама судьба в образе этой милой и доброй старушечки. Спасибо, мамаша, сказал я. Будете там, молитесь за раба Божия... На этом отрезке от вытрезвителя до забегаловки и родилась моя основополагающая идея насчет методологии. И вообще я должен признать, что все свои открытия я сделал в треугольнике «Вытрезвитель — Забегаловка — Факультет». Я его называю творческим треугольником. Этот треугольник — одно из самых таинственных явлений природы. Вы можете как угодно расставлять вершины этого треугольника и все равно получите те же самые варианты маршрутов. Какая сторона треугольника и в каком направлении является наиболее творческой, трудно сказать. Ньютон, по слухам, считал таковым вектор «Вытрезвитель — Забегаловка», а Эйнштейн — наоборот: вектор «Забегаловка — Вытрезвитель». Карл Маркс считал их одинаково продуктивными. Но он никогда не ходил на факультет. Между прочим, он был беспартийный. Парадокс?!

ИЗ ПРОПОВЕДЕЙ ОСНОВАТЕЛЯ

Я призываю вас прекратить спор о словах, сказал Основатель. Какое нам дело до того, что люди употребляют слова «коммунизм» и «социализм» в разных смыслах?! И кто может установить, какое из этих употреблений «подлинное»? Если даже люди договорятся употреблять эти слова однозначно, ситуация ничуть не изменится. Какое бы общество тут ни построилось, в нем всегда можно будет обнаружить нечто такое, что не соответствует «под-

линному социализму» или «подлинному коммунизму», и нечто такое, что свидетельствует о соответствии построенного общества идеалам. Обратитесь к самой реальности! Возьмите в качестве предмета исследования тот тип общества, который уже сложился или складывается в Советском Союзе, Китае, Югославии, Восточной Германии и многих других странах. Если хотите знать, что такое социализм (или коммунизм, что одно и то же) в реальности, смотрите на Советский Союз и прочие страны социалистического (коммунистического) лагеря. Другого не будет. Могут быть пустяковые вариации, связанные с особенностями прошлой истории, географической среды и т. п. Но суть дела везде одна и та же. Не стройте иллюзий! Если вы хотите воплощения в жизнь чаяний коммунизма, будьте готовы к мерзостям, без коих они в принципе невозможны. Добродетели коммунизма приходят в мир не в светлых одеждах ангелов, а в черном облачении дьяволов. Добродетели коммунизма реализуются лишь через его мерзости. Они существуют не рядом, а друг в друге. Их нельзя разъединить, так чтобы можно было отбросить мерзости и сохранить добродетели, ибо они суть одно и то же. Это одно и то же, лишь воспринимаемое одними как благо, а другими как зло. Но это не есть ни добро, ни зло. Это есть лишь факт, переживаемый одними как зло, а другими как добро, подобно тому как рабство переживается рабом как зло, а рабовладельцем — как воплощение справедливости.

Обратитесь, повторяю, к эмпирическим фактам. И тогда вы увидите, что трудность познания состоит не в недостатке фактических данных, а в их изобилии. Их слишком много, потому нам кажется, что их мало или нет совсем. Ибо они стали привычными и не вызывают удивления. Удивитесь им! И тогда вы ощутите потребность понять их. И тогда вам потребуется методология. Именно для понимания, как средство, а не сама по себе, не как самоцель. В качестве самоцели она скучна, как речи руководителей, и банальна, как восточная мудрость. Как сказано в «Евангелии для Ивана»,

Утри слезу и будь мужчиной!
Восточной мудрости внимай!
Без уважительной причины
Штаны загодя не снимай!

О Учитель, воскликнули ученики, понявшие в речи Основателя только намек на штаны, а по какому поводу возник сей поучительный стих? По очень важному, сказал Основатель. Один курсант долго хранил невинность, опасаясь вылететь из школы за поведение, недостойное сталинского сокола. Наконец, он не вытерпел и решил сорваться в самоволку. А чтобы не терять зря времени, заранее расстегнул штаны, придерживая их через карман шинели, чтобы они не свалились. По выходе на стратегический простор он случайно напоролся на старшину и инстинктивно вытянулся по стойке «смирно». Штаны, естественно, свалились, и преступное намерение курсанта раскрылось. На утренней поверке старшина рассказал эту историю. Вся эскадрилья покатывалась от хохота. А когда вернулись из столовой, обнаружили, что курсант повесился в сортире на брючном ремне. Он был отличником боевой и политической подготовки.

САЛОН

— Меня возмущает то, что все, кому не лень, начинают говорить от имени народа, от имени нации, от имени интеллигенции. Кто их уполномочивает на это? Стоит какому-нибудь недоучившемуся студенту выразить протест, подписать бумажку или прочесть запретную книжонку, отсидеть за это пару лет в лагере или в психушке и быть упомянутым в списке невинно осужденных или излечиваемых, как он начинает вещать во имя народа, всех «угнетенных». Откуда это?

— Это, между прочим, чисто советское явление. У нас все действуют во имя и на благо. Это же наша привычная форма демагогии. У нас же и партия действует во имя и на благо народа и всего прогрессивного человечества. Так почему бы недоучившемуся студенту не последовать ее примеру?!

— Партия имеет на это право.

— Не право, а силу. В нашем законодательстве нигде...

— А в новой Конституции черным по белому это записано! Так что партия именно по праву выступает от имени народа.

— Это юридический нонсенс. Наша Конституция в принципе не есть правовой документ. Это псевдоправовое явление. Тут другое. Партия по своим масштабам соразмерна народу, и, когда она заявляет, что выступает от имени и во имя народа, это никого не удивляет. А когда это делает хилый одиночка или небольшая группа, как вы изволили заметить, уголовников и шизофреников, это вызывает чисто психологический протест. Что же касается первого аспекта, то любому человеку и любой группе людей во всяком праве (если это, конечно, есть реальное, а не фиктивное право) не запрещается никакая мотивация их поведения.

— Но я говорю о моральном праве!

— С моральной точки зрения партия имеет не более прав выступать от имени народа, чем отдельный (пусть самый ущербный) индивид.

— О чем спор? — сказала Неличка, и все смолкли. — К чему такие высокие материи? Есть такая простая вещь, как обычная скромность. Мы с вами имеем гораздо больше оснований выступать от имени народа, интеллигенции, мировой культуры. Но мы же воспитанные люди, мы не делаем этого.

— А не пора ли нам приступить к более существенному делу?! Прошу за стол! Сегодня будет сюрприз!

— Опять что-нибудь такое выдумали?!

— Терпение, друзья мои, терпение! Сначала закуски! А уж потом...

— А вы слышали, Славская разошлась с Талановым и вышла замуж за космонавта.

— За Хабибулина! Ха-ха-ха!.. За того самого... Помните, «Я — Сокол!»...?

— Хороший анекдотец мне сегодня рассказали. Армянское радио спросили, можно ли наших руководителей показывать по телевизору. Можно, ответило армянское радио, но по частям. Верхнюю часть в программе «В мире животных», а нижнюю — в программе «Очевидное — невероятное».

— А мне еще одного аспиранта выделили. Забавный тип. Говорит, что он — интеллигент во втором поколении, у него папа был майором КГБ.

— А в самом деле, куда отнести сотрудников КГБ? К рабочим и крестьянам нельзя. К интеллигенции вроде бы неудобно.

— Вообще классификация населения в современных развитых странах дело довольно сложное. Так что идея бесклассового общества не лишена оснований.

— Очень удобная идея для лодырей.

МЕТОДОЛОГИ

Все дело не в исследовании самого общества, как такового, сказал Основатель, тут делать умному человеку вообще нечего, ибо само по себе общество просто, как картофельное пюре, а в разработке современной методологии его исследования, что требует ума, способностей и титанических усилий. А чтобы разработать упомянутую методологию на уровне современной науки, нужен, в свою очередь, особый подход. И не просто подход, а в некотором роде подходец! Нам нужна не просто методология социальной науки, а метаметодология для построения методологии социальной науки. А с этой точки зрения исходным для нас должно быть понятие деятельности. Деятельность же есть совокупность действий. Наш анализ должен начаться с рассмотрения любого отдельно взятого действия, далее должен перейти к выяснению типов действий и закончиться установлением устойчивых корреляций действий, дающих уже типы деятельности. Без этого приступать к исследованию нашего прекрасного социалистического общества так же бессмысленно, как бессмысленно начинать совращение женщины, не зная конкретно, в чем именно должно состоять совращение и с помощью какого именно орудия это должно быть осуществлено. Я вам расскажу одну забавную историю по сему поводу, которая приключилась с моим приятелем по полку. Дело было в конце войны. Мы вступили в Германию. Баб, конечно, навалом. И почти все с триппером. Но разве нас могло удержать такое препятствие? Тем более, попадались и здоровые. Мой приятель ужасно боялся подцепить это дело. Его должны были назначить командиром эскадрильи. Ему светила Летная академия под Москвой. И рисковать такой перспективой из-за минутного удовольствия (почему, кстати, минутного?) он не хотел. И вместе с тем искушение одолевало его со страшной силой. Он часами ходил мрачный, погруженный в глубокие думы. И представьте себе, надумал. Однажды

отозвал меня в сторону. Веселый такой. Пошли, говорит, к бабам. Ты по-немецки калякаешь, договориться можешь. Главное — скажи ей, чтобы не рыпалась, а делала так, как я захочу. Ладно, говорю, пошли. Только за последствия я не отвечаю. А захотел он, между прочим, нечто противоречащее законам природы, так что мое замечание о последствиях было вполне уместно.

Каждое отдельно взятое социальное действие характеризуется целевой установкой и средствами ее достижения. Цель есть содержание действия, средства суть форма его осуществления. Существует закон соответствия цели и средств. Когда говорят в каких-то случаях, что цель не соответствует средствам или наоборот, то смешивают разные вещи. В таких случаях правильнее будет сказать, что если действие совершено, то его фактическая цель иная, нежели считает кто-то. Например, если я сейчас вышибу стекло в этом магазине и скажу, что имел целью благо народа, то я просто-напросто совру. Реальной целью этого моего действия, если я это сделаю как социальное действие, то есть отдавая себе отчет в последствиях и преднамеренно, будет нечто иное, соответствующее самому же этому действию как средству. Например, причинить зло обществу. Подчеркиваю, цель действия есть само это действие, рассматриваемое с одной точки зрения, а средство — это же действие с другой точки зрения. Тут полное соответствие. Расхождение цели и средства начинается тогда, когда речь заходит о групповых действиях и о действиях как акциях общества в целом. Слушайте меня внимательно и шевелите мозгами! Я вам выдаю идею по крайней мере на десяток кандидатских и на пару докторских диссертаций. Если действие осуществляет группа из двух и более людей, цель действия привносится из одних источников, а средства — из других. Тут несовпадение возможно, а в случае массовости таких действий — неизбежно.

Мой приятель по полку, о котором я вам говорил, был (как и вы все, между прочим) полным профаном в социологии, и приведенных мной азбучных истин, еще до сих пор не открытых мировой наукой, не знал. В результате он был истолкован превратно. Его изнасиловали прятавшиеся на хуторе дезертиры-гомосексуалисты, пока я трудился в поте лица с хозяйкой и ее тремя аппетитными дочками. Хозяин стоял в это время на шухере.

— У нас диссидентство стало выгодным бизнесом для особой категории людей.

— Ну, ты тут слегка перегнул.

— Ничего не перегнул. Вот факты. Большинство диссидентов — евреи. Как они попадают в диссиденты? Очень просто: их не выпускают за границу, они начинают скандалить, властям надоедает шумиха, их выпускают постепенно.

— Ну а Сахаров? А Григоренко?

— Типичные неудачники и честолюбцы.

— Чушь! Какие же они неудачники?! Сахаров — академик, трижды Герой, много раз лауреат. Григоренко — генерал, крупный пост занимал. Сахаров потерял огромные материальные блага. Григоренко потерял все, много лет отсидел в психушке.

— И все-таки я настаиваю на своем. На этих именах даже еще четче можно проиллюстрировать мою мысль. Возьмем Сахарова, фигуру номер один, так сказать. Великий физик? А кто об этом знает?! И потом, вы же знаете наше общество. За одну физику столько наград и таких наград не получишь. Если будет написана история современной физики, имя Сахарова в лучшем случае будет упомянуто лишь в связи с водородной бомбой. А претензия на гениальность и великость есть! А компенсация за ущемленное самолюбие требуется. Известности хочется. Вот и начинается понемногу втягивание в эти диссидентские штучки.

— Ерунда все это. Сахаров крупный физик.

— Крупный, не спорю. Но как общественный деятель он крупнее. Это ему принесло больше славы. А материальные потери... Для таких людей материальные интересы второстепенны.

— Когда он начинал свою диссидентскую карьеру, он не рассчитывал на такой успех.

— Бросьте! Мы же не младенцы! Будь Григоренко лейтенант, а Сахаров — младший научный сотрудник, приобрели бы они такую известность? И начали бы они свою диссидентскую деятельность? Сначала обеспечили себе защиту, а уж потом...

— А что в этом плохого? Значит, они не дураки.

— Я не говорю, что они дураки. Как раз наоборот. Я говорю о том, что тут расчет...

— Что касается меня, — сказала Неличка, приглашая гостей к столу, — то мое мнение было и остается определенным. Я не считаю всю эту публику морально безупречной. Мы с вами делаем для улучшения нашего общества не меньше, чем они. А может быть, и побольше. Но мы же не бегаем к иностранным журналистам, не устраиваем пресс-конференций, не лезем со своими заявлениями и интервью. Есть определенные моральные нормы, которые обязан соблюдать всякий общественный деятель. У меня в «Мысли» книга выходит. Я в ней критикую некоторые отрицательные стороны нашего общества порезче и уж во всяком случае поглубже, чем Сахаров. Так что, мне давать интервью на «Голос Америки» или «Немецкую волну»? А стоило бы мне только намекнуть, как...

— Еще бы! Это была бы сенсация. Один из крупнейших теоретиков марксизма в беседе с иностранными корреспондентами заявил...

— Что, по его мнению, материя все-таки не совсем первична...

— Тебе бы только позубоскалить! Ты готов любую святыню опошлить!..

— А у нас сосед завел щенка и назвал его Диссидентом. Разумеется, кто-то донес. И теперь власти не знают, как это расценить — как насмешку над диссидентами или как их поддержку.

— Все зависит от того, какой породы пес.

— Он беспородный.

— Тогда это соседу пахнет неприятностями.

— Все то, чего добиваются наши диссиденты, у нас будет и без них. Только постепенно, без шума, спокойно. Явочным порядком. Вы же не будете отрицать, что прогресс сравнительно со сталинскими и даже с хрущевскими временами колоссальный. Пастернака травили за книгу, которая даже в рамках советской подцензурной литературы не произвела бы впечатления критической по отношению к нашему обществу. Синявского и Даниэля посадили за публикацию на Западе по нынешним оценкам сравнительно безобидных сочинений. А теперь? Владимов, Войнович, Ерофеев, Копелев и многие другие печатают на Западе книги, резко бичующие наше общество, и спокойно гуляют на свободе.

— Не думаю, что это дальнейшая либерализация. Скорее всего, это — признак слабости властей. Еще год-два, и всю эту лавочку прикроют. Бессмысленно рассчитывать на то, что время и обычный ход жизни сами по себе внесут улучшения.

— А я тоже считаю, — сказала Неличка, — что, если наши власти не провоцировать на ответные репрессивные меры, они будут сами вынуждены допускать какие-то послабления.

МЕТОДОЛОГИ

В забегаловке шум, дым, вонь. И тихо и плавно струится беседа.

— У меня дружка выселили из Москвы. Соседи подстроили, гады. Он парень добрый. Но выпить не прочь. А как выпьет, высказаться любит на политические темы. Соседи уловили это. Как приходил он домой, они ему стакан водки без закуски. Потом другой. Ну, он за свое. А они милицию вызывают. Протокол. Другой. Пятнадцать суток за хулиганство. И вот выселили. И главное — комнату им так и не отдали, нового дворника-татарина вселили. Они теперь, гады, со слезами вспоминают о прежнем жилье. Собираются ему посылочку послать. О русский народ! Чтоб ты провалился и подавился своей пошлостью и подлостью!

— Русский народ тут ни при чем. Дело все в системе.

— А кто эту систему держит? Разве не народ? А КГБ разве не русский народ? Вот уж где русский-то народ во всей его красе!

— А партия разве не русский народ?

— Между прочим, знаете, каков средний возраст членов партии сейчас? Около пятидесяти лет. Молодежь не очень-то охотно идет. Если можно, уклоняется. Рабочие не очень-то хотят идти в партию, а интеллигенцию придерживают. Партия все больше отождествляется по составу с чиновничье-бюрократическим аппаратом. В нашей отрасли, например, встретить заведующего лабораторией или начальника цеха беспартийного — большая редкость. А ведь у нас политикой и не пахнет.

— Ты слышишь, о чем говорят люди, — обращается Основатель к Гэпэ. — А мы лучшие силы отдаем какой-

то идиотской методологии. Нет, не по мне это переливание из пустого в порожнее. И вообще, какое значение имеет, начнем мы с понятия действия и социальной деятельности или с понятия социального отношения и социальной системы? Могу показать, что эти подходы равноценны.

— Пойми простую вещь, — говорит Гэпэ. — Если мы прямо и открыто выразим наши намерения, то нас сразу же уничтожат. Мы и шага сделать не сможем. А так к нам не придерешься. Мы занимаемся отвлеченной наукой, не имеющей никакого отношения к политике и идеологии. Люди же понимают, что к чему. Зреют постепенно, идеи распространяют...

— Зреют для того, чтобы лучше устроиться. А что это за идеи, если к ним не придерешься. Наш семинар все более превращается в замкнутую секту, которая для видимости занимается наукой. Какая к черту тут может быть наука, если почти все участники группы бездарны, серьезно не учатся, не работают так, как требуется от настоящего ученого. Это, повторяю, определенная форма спектакля. Для нас это — возможность поруководить чужими душами и походить в гениях. Иногда — выпить, переспать с руководимыми душами. Для них — возможность походить в талантах (без реальных способностей), побыть в безопасной оппозиции, выпить опять же и переспать, поговорить о чем-то туманном и возвышенном. Одним словом, бери бразды правления в свои руки. Тебе этот спектакль нравится. А я больше не играю. Мне жаль сил и времени.

ИЗ ПРОПОВЕДЕЙ ОСНОВАТЕЛЯ

Подчеркиваю, говорит Основатель, метод нам нужен для того, чтобы не заблудиться в дебрях разнообразных, взаимосвязанных, изменчивых, противоречивых фактов действительности и выйти на светлый путь истины. Да, вы не ослышались: противоречивых фактов. И от этого никуда не денешься. Вот, например, на историческом факультете произошел такой случай. Один студент, между прочим член КПСС, предпринимал всяческие попытки совратить студентку первого курса, пришедшую на факультет сразу со школьной скамьи. Чего он только не

сулил ей! Но безрезультатно. Тогда он пошел на крайнюю меру: пообещал построение полного коммунизма в недалеком будущем. И добился тем самым своего. Потом все вылезло наружу. Затеяли персональное дело. Собрание приняло резолюцию, в коей записали, что студент обманул студентку, пообещав возможность построения коммунизма в близком будущем. Но какой-то дотошный прохвост в райкоме партии обратил внимание на формулировку. И такое закрутилось! До сих пор не знают, как выбраться из затруднения.

О Учитель, воскликнули ученики, а что все-таки стало с той студенткой и тем студентом? Вопрос явно по существу, сказал Основатель. Студента избрали в партбюро факультета, а студентку исключили за провокацию: она хотела сделать аборт, не будучи беременной или будучи беременной, но от другого студента, не имевшего к этой истории никакого отношения. Как сказано в упомянутом «Евангелии» в связи с проблемой «научного коммунизма»:

Ах, будь я сторож Небесам,
Туда закрыл бы напрочь двери
Не только тем, кто брешет сам,
Но и тому, кто в бред тот верит.
Я б во все Небо начертал
Свое учение простое:
Сюда войти любой достоин,
Кто им не верит ни черта.

МЕТОДОЛОГИ

Это общество, говорит Основатель, нельзя критиковать всерьез. Его надо, извини за выражение, обсирать, как оно того и заслуживает. Причем спокойно, методично, как это делает опытная квартирная склочница в отношении нелюбимой соседки. Так, чтобы общество на стенке полезло от злобы и бессилия. Именно от бессилия. Если критикуешь серьезно, ты — враг, и с тобою легко расправиться. Если же ты умело делаешь то самое, о чем я уже говорил, ты уже не просто враг. Ты тогда — Судия! Понятно? А твое намерение делать это дело серьезно по меньшей мере несерьезно. Серьезно — это значит уклон-

чиво, намеками, по пустякам, уныло. В общем, это будет тот же беспредметный бюрократизм, только на уровне самостоятельности и завуалированного бытового мелкого разврата. Когда люди говорят о пустяках, они говорят долго и скучно. Когда люди боятся дела, они много суетятся. Одним словом, я ухожу. Куда? Да никуда. Уходят ОТКУДА, а не КУДА. КУДА приходят. А я приходить пока никуда не хочу. Хочу погулять неорганизованным. Скорее всего, вступлю в КПСС. Это — единственная организация, в которой можно ничего не делать. Я шучу, не пугайся. Впрочем, ты, кажется, уже вступил?

Это индивидуализм, говорит Гэпэ. Добавь еще — буржуазный, говорит Основатель. Другого не бывает, говорит Гэпэ. С таким интеллектуальным багажом претендовать на роль вождя движения — большое мужество нужно, говорит Основатель. Слушай, пока я еще трезв. Человеческие объединения можно разделить на две группы: единства (или братства) и организации (или партии, секты, мафии и т. п.). Они принципиально различны, а временами противоположны. В случае единства людей объединяет ощущение друг в друге родственной души, и только. Здесь нет иерархии, ибо здесь господствует принцип: никто не хуже и не ниже никого другого. Здесь нет разделения функций, ибо здесь господствует принцип: каждый обладает всем тем, чем обладает любой другой и обладают все вместе. Здесь нет господства и подчинения, нет приказов и указаний, нет порицаний и наказаний, нет поучительства и назиданий. Здесь есть лишь духовное общение, причем в большой мере безмолвное. Здесь возможен лидер, но только как Учитель, то есть по принципу: я пошел, всякий желающий может идти со мной, за мной, рядом. Я мог бы быть лидером такого братства. И какое-то время такое братство у нас было. Но тебя обуял дух вождизма, а не учительства. У тебя нет данных быть учителем. И потому ты ищешь замену в вождизме, а для вождя нужна организация. Организация начинается с разделения функций и отношений господства и подчинения. Единство есть объединение сильных духом. Организация есть объединение посредственностей, ущербных, нездоровых, неполноценных. В единстве человек полностью сохраняет свою личность, — это есть объединение личностей. В организации человек отчуждает имеющиеся у него

крохи личности в личностное начало целого или получает эти крохи от организации как единой личности. Организация в целом есть личность, и представляет это личностное ее начало ее руководитель. Организация есть удовлетворение тщеславия, жажды силы и власти и т. п. Единство не тщеславно, не властолюбиво. Организация цинична и жестока. Единство добро и свято. Нет надобности продолжать, ты, я думаю, сам эту трепотню можешь продолжить с блеском.

Жаль, что ты покидаешь нас, сказал Гэпэ. Ты мог бы быть очень полезен нам. Организация претендует принести пользу и облагодетельствовать человечество, говорит Основатель, извлекая пользу в конечном счете лишь для себя самой. Единство не стремится приносить пользу человечеству, но лишь оно хранит огонь человеческого бытия. Организации что-то делали для людей лишь постольку, поскольку на первых порах содержали в себе элемент единства. Но учти, организации имеют один крупный недостаток: чтобы существовать нормально, они должны обнаружить себя для окружающих и пройти проверку по социальным критериям объективности. Без этого они вырождаются в коллективную шизофрению. Ну, прощай! После этого стакана я, пожалуй, перестану тебя узнавать.

Основатель оставил нас, сказал Гэпэ. Но это к лучшему. Он вносил в наше движение разъедающий элемент непристойности и шутовства. Мы же должны отнестись к делу со всей серьезностью. И первое, на что мы должны обратить внимание, — это организация. При наличии хорошей организации мы можем сделать много даже при отсутствии значительных идей. Тогда как даже гениальные идеи суть ничто при отсутствии хорошей организации. Идей у нас достаточно. Основатель отрекся от них, и теперь они наши. Не имеет значения, кто высказал те или иные идеи. Важно, кто их подхватил, сохранил и развил далее. Я хочу сформулировать наши основные организационные принципы, которым мы будем следовать впредь неукоснительно. Прежде всего, следует различать две формы объединения — единства (братства) и организации. Они принципиально различны, а временами противоположны. В случае единства...

Речь Гэпэ была записана на магнитофон, затем перепечатана на машинке во многих экземплярах и роз-

дана всем участникам семинара. Это был первый исторический документ в многотомном архиве движения методологов, которому суждено было через двадцать лет украсить собою многие московские помойки. Движение методологов было настолько хорошо организовано, настолько широко разветвлено, настолько глубоко проникло в бесчисленные учреждения, настолько... настолько... что ОГБ даже не заметили его существования, а если и заметили, не обратили на него должного внимания, а если и обратили, то не сочли нужным преследовать его участников.

ТОСКА О БУДУЩЕМ

— Далеко ли собрался?

— В командировку.

— Куда?

— В будущее.

— Шутишь, как всегда?

— Нет, на сей раз серьезно. В город, который занял первое место в соревновании за звание «Города образцового коммунистического быта».

— Ясно. А цель командировки?

— Лично у меня никакой цели нет. Цель, надо думать, имеют ОГБ. На всякий случай на время предстоящего съезда партии они кого сажают в психушку, кого высылают из столицы «законно», кого отправляют в командировку или на отдых. Я попал в число «командированных».

— Ну, не беда. Отдохнешь на самом деле, повеселишься.

— Само собой разумеется, если они не задумали какую-нибудь гадость посерьезнее.

— Странно все-таки, почему ты остался в стороне от диссидентства. Ведь ты начал поносить наше общество и коммунизм, вообще еще когда одни нынешние диссиденты были верными сталинистами, другие — примерными комсомольцами, третьи еще не родились или ходили под стол пешком. Мы все время ждали, что вот-вот где-то мелькнет твое имя. В составе какого-нибудь комитета, в заявлении, в письмах протеста, в связи с разоблачением нашей «карательной медицины».

— Именно потому я и остался в стороне, что роль была сыграна еще до того, как появилось нынешнее (и, пожалуй, уже минувшее) диссидентство. Только о таких, как я, стараются умалчивать. Всем ведь хочется считаться главными и первыми.

— И все-таки ты же мог потом принимать активное участие в движении.

— А я принимал. Я и сейчас принимаю. И буду принимать. Только я это делаю реально, в недрах общества, в тени, не вылезая на вид. Нужно же кому-то кривляться на сцене, а кому-то неизвестному и незаметному готовить и обслуживать это представление.

— Ты хочешь сказать, что ты...

— Я хочу сказать совсем о другом. Обрати внимание, у нас почти все так или иначе тоскуют о прошлом. Народ ворчит: при Сталине цены постоянно снижали, а теперь они постоянно растут. Руководители шипят: при Сталине порядок был, а теперь распустились. Молодежь вздыхает: тогда идеалы были, а теперь — нет. И поет с умилением о том, что ей хотелось бы подохнуть на той, на Гражданской войне, и чтобы комиссары и т. п. Целый косяк передовой интеллигенции с апломбом твердит, что надо было остановиться на Феврале. А есть правдоборцы, которые считают, что и Февраля не надо было. А сколько у нас борцов за прогресс, которые тоскуют по подлинному Марксу, подлинному Ленину, подлинному социализму. Даже неглупые люди полагают, что социализм у нас построен неправильно, что надо вернуться... А ты на себя посмотри! Ты же тоже живешь образцами прошлого. Пример Ленина, Троцкого, Сталина тоже маячит перед твоими глазами. Тебе тоже хочется вести за собой, указывать пути...

— А как же иначе? Есть общие законы и формы социальных движений...

— И есть естественный процесс жизни, отмечающий одни надуманные формы и порождающий другие, которые умники и теоретики зачастую не признают в качестве таких «форм». Какие? В наших условиях это — все то, что делает людей так или иначе свободными от официального строя жизни и официальной идеологии. Ты знаешь, сколько сейчас мужчин и женщин уклоняется от создания семей, сколько молодых людей ведет свободный образ жизни с точки зрения сексуальных отноше-

ний, сколько людей увлекается религиозными и около-религиозными идеями, сколько людей жаждет покинуть эту страну?! Я приветствую явления такого рода. И сам вношу в этот естественный жизненный процесс свою лепту. Мы подвергаем осмеянию все официальные святыни этого общества и создаем новое братство людей, основанное просто на взаимном понимании, сочувствии, сострадании. Нас много. И будут миллионы. И это мы определим дальнейший ход истории. Просто фактом своего существования и сознанием того, что мы есть и чувствуем друг в друге собрата. Мы о прошлом не тоскуем и не ищем в нем для себя образцов. Мы тоскуем о будущем, ибо мы несем его в себе. Нас невозможно задушить, ибо мы рождаемся независимо друг от друга. Мы лишь узнаем друг друга. Постулаты нашей общности просты и общедоступны. Каждый может открыть их со временем сам.

ИЗ «ЕВАНГЕЛИЯ ДЛЯ ИВАНА»

Странички эти вы, допустим, пролистали.
И вывод сделали: мы пили лишь да о питье болтали.
И вам ясна тому бесспорная причина:
Нас извела, как пели встарь, тоска-кручина.
И следствия ясны вне всякого сомненья:
Впустую отпило и отболтало поколенья.
Не спорю, было. Мы запоем пили.
Здоровье гробили. Таланты зря губили.
Вздыхали, видя мрачность перспективы
И невозможность сущему иной альтернативы.
И все же дела суть была совсем не в этом.
Мы тем путем влеклись к божественному Свету.
Нам были наши пьяные бессмысленные бредни
Что праведнику чистые причастья и обеды.
Нам в души мутные пропойцы лишь вникали.
И их грехи мы сами щедро отпускали.
Вам всем казалось, что мы просто в стельку пьяны.
Мы ж Небо зрили через дно граненого стакана.
Трубой архангела гремела нам бутылка
И просветляла нас от пяток до затылка.
Жаль, не поймете вы: в конце концов
Исповедали этим мы религию отцов.

Часть вторая

В ЗАДНИЦЕ РОССИИ

ГОРОДА

Почти все города Страны называются по имени ныне (и такое впечатление, что отныне и навеки) здравствующего Вождя. Вождянск, Вождеград, Вождегорск, Вождейск, Вождяйск, Вождлюйск, Вождятка, Вождица, Вождеасы, Вождеасы, Вождекызылоглы, Вождеата, Вождерадзе, Вождешвили, Вождекурулхурарлы... Каких только городов нет в Стране! Есть даже Вожделенск, Вождесенск, Всевождьдвиженск... Есть даже Вождегадан и Вожделыма. Сколько в Стране разных городов!!

ПОРЫВЫ

Когда сотрудника столичного учреждения посылают в командировку в один из бесчисленных Вождеградов, Вождегорсков и т. п., он сам и посылающие его инстанции никогда заранее не знают, в каком именно из них он окажется на самом деле. Да это и знать совсем ни к чему. Зачем зря разводить бюрократическую волокиту и заси... — прошу прощения — забивать мозги всякими пустяками?! Они и без того забиты до такой степени, что еще одному пустяку там уж поместиться совсем негде. А сотруднику еще предстоит сдать зачет в Вечернем Университете Марксизма-Ленинизма по последней (но далеко не последней) речи Вождя. К тому же в любом Вождянске, Вождяйске и т. п. есть такое учреждение, в которое посылается столичный сотрудник, а в том учреждении есть такая наболевшая проблема, решать которую посылается сотрудник, или такое же средство

решения столичной проблемы, за которым посылается все тот же или любой иной сотрудник. И вообще, совсем не играет роли, этот ли сотрудник посылается, да и посылается ли он вообще.

Выписав положенные документы и получив аванс, Командированный немедленно направляется в ближайшую забегаловку, хватает без закуски стакан все равно какой дряни (лишь бы градусы были!) и мчится на вокзал покупать билет. Суется, естественно, в окошко, где народу нет. Ты что, неграмотный, орет на него возмущенная кассирша. Здесь же бронь! Ну и народ пошел! Получив от ворот поворот, Командированный становится в длинную очередь. Но не в самую длинную, а в ту, что покороче. В самую длинную становиться бессмысленно, все равно не достоинься. Заняв очередь в очереди покороче (она как раз для командированных, вот удача!), то есть спросив, кто последний, сказав, что он «за вами», сказав вновь пришедшему, что он последний, узнав у вновь пришедшего, что тот будет стоять, сказав ему, что он намерен на минутку отлучиться, в общем — проделав все, что положено делать привычному стояльщику в очередях, Командированный мчится в ближайшую забегаловку, берет стакан все равно какой дряни (лишь бы градусы были!) и выпивает его опять-таки без закуски. Без закуски не от бедности и жадности, — слава Богу, на конфетку-то денег хватило бы, да и не жалко вовсе, — а чтобы градусы зря не пропадали. Они, градусы то есть, счет любят! Как сказано в «Евангелии для Ивана»:

Чтобы тебе стало жить интересней,
К жидкости с градусом нежно прильни,
Таким закушай иль грустною песней.
В случае крайнем — Их матом пульни.

Простояв после этого два часа, так и не излив никому душу (а потребность в этом уже назрела; а очередь совсем неподходящее место для этого), Командированный чуть не целиком влезает в окно кассы, суя мятые рубли свирепой старой кассирше, которую он ласково называет «девушкой». Куда тебе? — обрывает его ледяной голос «девушки». Тебя русским языком спрашивают, куда?

Гражданин, слышатся сзади голоса из очереди, не задерживайте очередь! Вы же не один! Безобразия!! Мне в Вожде... — начинает лепетать растерявшийся Командированный. Говорите яснее, чеканит кассирша. Вас не поймешь. Что вам нужно? В какой Вожде...? Прекратите это безобразие, кричат сзади в очереди. Вождеград или Вождегорск? — режет кассирша, наслаждаясь своим явным превосходством над Командированным (интеллигент небось!). Какой Вождюйск? Их несколько. В Вождеславской области или в... О Господи, бормочет Командированный. Дайте в любой. Хоть в Вождебург. Не морочьте мне голову, кричит кассирша. Вождебург во Франции или в Англии. А может быть, и в Чили. Если вы иностранец, так идите в «Метрополь». Следующий!! Ррр-р-р-брр-аа-уу-жж-зз... — грохочет, шипит и гудит очередь. Позвать милиционера! Хулиган!! Что вы, чуть не плачет Командированный. Какой я иностранец?! Да разве я позволю себе что-нибудь подобное! Я же член... Мне же в... Все билеты уже проданы, говорит кассирша более миролюбиво. Вот остался один в Вождедырбулвычегодск. Берете?..

Схватив билет, Командированный чешет домой, кидает в драный чемодан всякое барахлишко и мчит на вокзал, хотя до отхода поезда еще два часа. Он знает, зачем он мчит на вокзал за два часа: на вокзале есть ресторан! Вот он, родимый. Ради такого момента можно ехать хоть в Вождетьмутараканск. Жизнь прекрасна! Это место свободно? Очень хорошо! Не возражаете? Позвольте!.. Вам куда, если не секрет? В Вождеисыккурдюк? Ха-ха! Так мне же тоже туда! Ну, за успех нашего общего дела! Как говорится, чтобы все они сдохли! Помните, в «Евангелии для Ивана» сказано:

Слезы, ребята, утрите,
Нигде это вам не зачтется.
Лучше стаканы берите
И пейте, пока еще пьется.

ДОРОГИ

А время летит. Собутыльники позабыли про свои командировки, излили друг другу свои души, просядив чуть не половину командировочных денег. Ресторан закрыва-

ют. И тут только они вспоминают, зачем они здесь, залезают в первый подвернувшийся поезд, идущий в Вождеславль, и мирно засыпают на багажных полках, куда их общими усилиями водрузили подобревшие пассажиры. Ворвавшись в вагоны и захватив положенные места, русские люди становятся теми самыми добрыми русскими людьми, какими их до сих пор по наивности считают на Западе.

Проспав кучу Вождеградов и Вождегорсков, наш Командированный поутру отправляется в вагон-ресторан, если таковой имеется в поезде, или скидывается на бутылку с соседями, каковые всегда имеются в изобилии в каждом поезде, в каждом вагоне, в каждом купе. Вчерашний собутыльник забыт — он уехал в другом направлении. Новые собутыльники тоже готовы раскрыть ему свои души — рассказать, что им приходится жрать (мяса нет, за молоком очередь до рассвета, колбасу не нюхаем), как и с кем спать, что носить, рассказать, какое у них сволочное начальство (сами, б...и, жрут всюю, квартирки отхватили, дачки отгрохали!), как трудно теперь с ребятишками... И готов наш Командированный ехать так бесконечно, если бы не безжалостный проводник. Холодной слякотной ночью он вытряхивает бесчувственного Командированного на первой же остановке. И что удивительнее всего, он оказывается именно там, где ему нужно быть. Вождянск, читает ошалевший Командированный, оставшись один под морозящим дождем на пустынном перроне. И как сказано в «Евангелии»:

Если не держут усталые ноги,
Если покажется, выхода нет,
Не торопися, подумай немного.
Вдруг обнаружится рядом буфет!

И он направился в вокзальный буфет.

СУДЬБЫ

И тут к нему подходит существо не иначе как из иного мира. Вы, товарищ, из Столицы, спрашивает существо голосом явно полахивающим портвейном... да,

конечно, портвейном «Три семерки»!.. Боже мой, неужели здесь еще «Три семерки» продают?! Мне велено вас встретить, говорит существо. И устроить в гостиницу. Может быть, сначала в буфет заглянем? Не беспокойтесь, я угощаю. Ну, с приездом!

И за всю историю Страны еще не было случая, чтобы человек в таких ситуациях попал не туда, куда следует, или куда не следует. Ибо он — наш человек. А если он не наш, то он попадает именно туда, куда следует.

— А ты, собственно говоря, к кому прибыл? — спросил Встречающий после третьей стопки.

— В «Кибернетику», — сказал Командированный. — А кормят у вас тут х...во.

— Что еще за «Кибернетика»? — удивился Встречающий. — Разве ты не в «Разинку»?

— Что еще за «Разинка»? — в свою очередь удивился Командированный.

— Сумасшедший дом. А ты разве не...

— Не... А ты разве не...

— Не... Ну да ... с ним! Давай еще по одной, а там видно будет. Гостиница у нас, брат, отличная. В одном доме с вытрезвителем. Очень удобно. В случае чего мигом в чувство приведут. А на «Кибернетику» плюнь. Да у нас в городе никакой «Кибернетики» нет. Я тебе завтра все растолкую, что к чему. Ну, твое здоровье!

Очнулся Командированный под утро на незнакомом пустыре. Его трясло от холода и перепоя. Ни денег, ни документов, ни чемодана. Даже часы сняли, сволочи. И конечно же никакого Встречающего. Первая мысль, мелькнувшая в его пробуждающемся сознании, была мысль о том, что опять о его приключениях напишут на работу и опять будут неприятности. Он полез в загашник, где у него было кое-что припрятано от жены и на всякий случай. Живем, братцы, еще не все потеряно!

И он побрел на поиски какой-нибудь забегаловки, твердя сквозь слезы обиды строки из «Евангелия»:

Напрасно на нас, словно зверь, ополчилось
Наше прекрасное трезвое общество.
Полвека промчалось. А что получилось?
С чего оно начало, там же и топчется.

Нас крыли в комиссиях. Били в милиции.
С трибуны высокой грозили правители.
А мы устояли, не сдали позиции.
Мы клали с прибором на их вытрезвители.

Чтоб строить грядущее им не мешали мы,
Рефлексы по Павлову выправить тщились.
И все ж по звонку перегаром дышали мы,
А не слюною, не зря ж мы учились.

Уколы кололи. Пугали психичками.
Даже пытались ввести облучения.
И само собой, нас до одури пичкали
Прекрасными сказками Маркса учения.

Но пусть эта муть хоть столетие тянется.
Нас не согнуть никакой тягомотиной.
Друзья алкаши! Собутыльники! Пьяницы!
Зарю человечества встретим блевотиной!

Иначе строители нового рьяные
Во имя прогресса совсем перебесятся.
И трезвые даже, не то что мы, пьяные,
Завоют с тоски и от скуки повесятся.

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Когда Командированного в одном нижнем белье подобрали на перекрестке проспекта Карла Либкнехта и Розы Люксембург и улицы товарища Хлюпикова, его тут же отправили в «Разинку». После первого укола он перестал всхлипывать и мирно уснул. После второго укола он стал улыбаться и назвался товарищем Хлюпиковым. Услышав это, врачи переглянулись и сделали ему третий укол, после которого он четким и ясным голосом сказал, что он готов дать любые показания, подписать любую бумагу и послать письмо лично самому товарищу... как его?... с предложением ставить к стенке всех, кто... Врачи опять переглянулись, но на сей раз с удовольствием. У Командированного спросили, чем бы он хотел теперь заниматься. Он бодро заявил, что поскольку он забыл, сколько будет дважды

два, а об остальном и говорить нечего, то он теперь способен только на одно дело — двигать дальше вперед марксистско-ленинское учение.

ВОЖДЯНСК

До революции Вождянск был, как говорил Первый Секретарь Городского комитета Партии Фрол Нилыч Дубов, отсталым сельскохозяйственным городом. На том месте, где сейчас раскинулись величественные корпуса завода имени Ворошилова (завод электронно-вычислительных машинок) и Института кибернетики, до революции пасли крупный рогатый скот (именно так товарищ Дубов и выразился). А на месте мясо-молочного техникума, представьте себе (старожилы это должны были бы помнить, если бы сохранились), было озеро. И в нем даже рыба водилась. Зато теперь Вождянск превратился, как сказал пьяница из ЧМО Стопкин, в отсталую промышленную деревню. На том месте, где сейчас выпускают безнадежно устаревшие и совершенно не пригодные для эксплуатации ЭВМ, когда-то паслись коровы. Да, братцы мои, настоящие коровы. А на месте никому не нужного мясо-молочного техникума, поставляющего выдающихся кретинов вроде Сусликова, можно было купаться и рыбку ловить. Жили же люди!

За годы советской власти в городе построили пять заводов союзного значения, шесть высших учебных заведений, три техникума, более десяти промышленно-технических училищ. Филиал консерватории, три научно-исследовательских института союзного значения, две психиатрические больницы областного значения, тюрьму европейского значения (в ней, по слухам, саживали деятели братских стран). А обычных учреждений (школы, больницы, конторы и т. п.) вообще не счесть. По числу докторов и кандидатов наук на душу населения город превзошел Англию и Францию и стремительно настигает теперь даже Грузию, Армению и Бурят-Монголию. К концу века, как пообещал товарищ Дубов, Вождянск будет городом поголовной высшей грамотности, поскольку поголовно все население города будет (это — точные слова товарища Дубова) охвачено высшим образованием.

Но самым важным достижением Вождянска явилось не производство ЭВМ и заменяющих человека автоматов, разработанных в Институте кибернетики, но не нашедших пока применения за пределами района, а создание знаменитого УППГЧМО, или, короче, ЧМО.

УППГЧМО

Сотрудники УППГЧМО, склонные к юмору, расшифровывают первую часть названия своего учреждения в шутку как «Управление (или Учреждение) по Проектированию и Производству Говна». На самом деле в слове УППГ есть другой, более серьезный смысл, но теперь никто не знает, какой именно. Вернее, не хочет знать, ибо это теперь уже никого не интересует. Важно лишь то, что УППГ является в высшей степени важным учреждением в городе. В этом-то никто не сомневается. Не зря же во главе его поставили такого человека... Вторую часть названия (буквы ЧМО) те же самые остряки расшифровывают как «Чудят, мудрят, объебывают». Но и среди реакционных сил учреждения нашлись свои остряки, которые дали этому выражению иную интерпретацию, а именно — «Чудаки мудаков обслуживают». Сокращенно все в городе называют учреждение просто ЧМО.

По данным отдела кадров, в ЧМО числится около шестисот сотрудников. Сообщив эту цифру на закрытом партийном собрании и попросив не разглашать ее посторонним (особенно иностранцам), директор сказал, что такие учреждения даже в Москве не на каждом углу встретить можно. Предупреждение насчет иностранцев вызвало в зале смех. Директор истолковал смех превратно и заявил, что мы не против культурных обменов, но чтобы не... и чтобы не... а что касается... то... И вообще пора прекратить это вмешательство в наши внутренние дела и т. д. А причина была простая: город за все время его существования посетил лишь один иностранец, да и то из Болгарии. На встречу высокого (кстати, он был маленький и толстенький, вроде нашего директора) гостя согнали весь город, включая детишек из детских садов и стариков из дома для престарелых. Пригнали даже обитателей пансионата для старых большевиков (есть в

городе и такой, хотя большевиков в городе не было даже во время революции). Но гость почему-то уехал в другой город, тоже Вождянск, но в другой области.

Как и все советские учреждения достаточно большого размера, ЧМО делится на отделы, отделы на секторы, секторы на группы. Кроме того, тут имеются особые группы и секторы, непосредственно подчиняющиеся дирекции, имеется административно-хозяйственный... не то отдел, не то сектор... в общем, нечто. Научный кабинет, исполняющий одновременно функции хранилища, архива, справочного сектора. Так что на шестьсот сотрудников приходится около сотни всякого рода лиц, так или иначе причастных к руководству. Это — по производственной (или деловой) линии. На каждом уровне дифференциации и организации в деловом аспекте есть свои руководящие лица и целые группы в общественном аспекте — партийные, комсомольские, профсоюзные и т. п. (в и т. п. входит, например, Общество Содействия Армии). Хотя это общественная работа, то есть по идее безвозмездная и добровольная, она играет весьма существенную роль в жизни учреждения и в судьбе людей. А это — еще около сотни лиц, причастных к управлению. Наконец, по меньшей мере еще сотня лиц устраивается хотя и на неруководящих должностях, но так, что не хуже (а часто — и получше) руководящих. Это — официально признанные паразиты всех сортов и рангов. В их число входят, например, штатные работники органов; организаторы общественных мероприятий, без которых не может существовать ни одно учреждение (например, участие в избирательной кампании, выезды с лекциями на заводы, поездки в деревню на уборку урожая и т. п.); лица, так или иначе обслуживающие высшее начальство; доставалы, пробивалы и т. п.; просто сплетники. Остальные триста сотрудников из шестисот заняты непосредственно делом. Но как?!

С точки зрения «интересов дела» каждое подразделение учреждения разделяется по меньшей мере на три враждующие группы: 1) группа, которая играет наиболее активную роль и считает, что она организует дело наилучшим образом; 2) группа, которая хочет играть более активную роль и считает, что она может лучше наладить дело; 3) остальные, которые примыкают к тем или другим в зависимости от обстоятельств или остаются нейтраль-

ными по тем или иным причинам. Иногда такое «деловое» деление охватывает более крупные подразделения, то есть происходит консолидация более мелких групп на единой платформе. Редко такая консолидация охватывает все учреждение. Редко, но бывает и такое. Например, в связи с разоблачением жулика из месткома ЧМО раскололось на упомянутые три группы. Третья (нейтральная) часть сначала поддержала «радикалов», настаивавших на передаче дела в суд, а потом (после разъяснений на уровне райкома партии) перешла на сторону «мироотворцев». Такие объединения и деления на уровне всего учреждения непродолжительны и неустойчивы. Обычно борьба идет на уровне локальных дрязг. Враждующие пользуются всеми обычными методами борьбы, выступают в словесном оформлении борьбы «нового» и «старого», «прогрессивного» и «консервативного», «современного» и «отсталого», возвышаясь время от времени до уровня борьбы с идеологическими «искривлениями» и «диверсиями», борьбы за «чистоту» и т. п.

Наконец, в учреждении образуются группировки по линии личных симпатий и антипатий, взаимной выручки и круговой поруки, сходства намерений и убеждений, влияния окружения и внешних связей и т. д. В результате образуется такая путаница и мешанина человеческих отношений и поступков, о которой хочется сказать лишь слова «болото», «трясина», «помойка». Или, что то же, «здоровый коллектив», «сплоченный коллектив», «монолит» и т. п. И все же как сами рядовые члены коллектива, так и руководящие лица всякого рода прекрасно разбираются, что к чему, кто и чего стоит, кого и что ожидает впереди. Судьбы людей тут определены, а потому они известны заранее.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ ЧМО

Самой выдающейся личностью ЧМО является, вне всякого сомнения, Жидов. Он далеко не еврей. Фамилия его произошла вовсе не от слова «жид», а от орфографической ошибки при заполнении свидетельства о рождении. Однако в ЧМО подозревали, что он замаскированный еврей. Слухи об этом распускали и поддерживали, как это ни странно, самые откровенные евреи ЧМО —

Ойзерман, Рабинович, Абрамович и Фриш. Постоянный собутыльник и его любимый ученик Стопкин (еще когда Жидов был аспирантом мехмата в Московском университете, Стопкин делал под его руководством курсовую работу, а потом сделал диплом фактически по идеям Жидова) говорил, однако, что ничего в этом странного нет, так как если уж еврей решился навеки остаться в Вождянске, ему не остается ничего иного, как быть антисемитом и вести себя хуже самого поганого Ивана. Терпят Жидова в ЧМО (несмотря на все его хулиганские выходки) только потому, что все серьезные дела ЧМО делаются по идеям Жидова и по его расчетам. Если дело серьезное, Жидова каждый раз «откомандировывают» в распоряжение дирекции, дают ему возможность сколотить по своему усмотрению спецгруппу (разумеется, в нее всегда входит Стопкин) и предоставляют свободу действий. За одно такое дело жидовской группы директор с холуями отхватили Государственную премию. На радости он пропустил малюсенькую статейку Жидова в столичный журнал. Статью сразу перевели в США. На имя «профессора» Жидова посыпались письма с Запада и приглашения на международные встречи. После этого на время Жидова отстранили от дел, имя его запретили упоминать и ни одну «писульку» его (даже пустячную) в печать уже не пускали.

Стопкин стал пьяницей из-за фамилии, как он сам признавался. Он мог остаться в аспирантуре в Москве. Но в знак протеста недопуска Жидова к защите (из-за каких-то писем) уехал на родину в Вождянск. Тем более, он рассчитывал вместе с Жидовым создать здесь новую школу в математике, разработать специальный математический аппарат для социальных наук. Тогда на это началась мода, вследствие которой навывдумывали всякой заумной ерунды, утопив в ней здравые идеи. В этой суе и шумихе, решил Стопкин, не сделаешь ничего путного. Нужны тишина, бескорыстие, вдохновение. И потому еще на вокзале надрался до бесчувствия. Очнулся на другой день в вырезвители без пальто, пиджака и документов (деньги пропил сам с какими-то личностями). Неподалеку от него на пустой койке сидел голый Жидов с номером на левой ноге, написанным химическим карандашом. Привет, сказал Жидов. Пойдешь в мою группу. Мы сейчас такую штуку надумали, пальчики оближешь! Вот слушай!..

Следующая по значимости выдающаяся личность ЧМО — заведующий сектором Иван Васильевич (или Василий Иванович, точно неизвестно). Это — существо настолько ничтожное, что фамилию его вообще не стоит упоминать. Невозможно объяснить, как он стал заведующим, но, став таковым, он занимался одним-единственным делом: самосохранением. Любой ценой удержаться на этой должности, извлекая из нее все положенные привилегии. Его включали во все комиссии и советы, избирали во все выборные органы, сажали в президиумы, назначали представителем. Избрали в конце концов депутатом Городского Совета, где он возглавил какую-то очень важную комиссию. Он систематически ничего не делал, но регулярно получал премии и благодарности. В связи с пятидесятилетием его наградили орденом. И что любопытнее всего, у него не было никаких семейных связей в вышестоящих инстанциях, не было никакого блата, никаких дружеских отношений с сильными мира сего. Он никому не делал никаких услуг, в благодарность за что он мог бы иметь то, что имел на самом деле. Он публично не хвалил директора и прочих вершителей судеб всякой мелкоты ЧМО. Он имел то, что имел, в награду исключительно за свое полнейшее ничтожество. Он был символом и воплощением ничтожности, никчемности, пустячности, безликости, мелкости и прочих черт, которыми в изобилии снабжены среднестатистические люди нашего общества.

Всеми делами в секторе фактически заправлял заместитель заведующего Неунокоев. Этот, напротив, рвал и метал, лез во все дыры, выпендривался, изощрялся. Но (это другая странность нашей жизни) у него ничего не выходило. Спихнуть Зава ему не позволял здоровый коллектив ЧМО, а обойти его и скакнуть выше не давало бдительное начальство. Неунокоев вполне соответствовал своей фамилии, что давало лишнее подкрепление для теории Стопкина о фатальной роли фамилии в формировании личности.

Но самой значительной личностью ЧМО является, безусловно, Сусликов. О нем стоит сказать особо, ибо он, как о нем сказал Жидов, рожден для гнусной истории. Ничтожество, символизирующее величие эпохи, добавил к этому Стопкин.

Заслуживает упоминания еще один персонаж ЧМО — некто Кобытов. Лодырь и холуй, Кобытов сразу почувствовал, что от дружбы с Сусликовым ему может кое-что перепасть. Во-первых, пожать и выпить задарма. Во-вторых, переписать с Сусликовой при удобном случае. В-третьих, подъехать к тестю и т. д. Будучи человеком от природы способным и сообразительным, Кобытов решил стать своего рода мыслительным органом тупого и вялого Сусликова. Он взял на себя подготовку Сусликову его выступлений на собраниях и докладов. Сотрудники ЧМО, не знавшие подлинного положения дел, единодушно признали, что за эти два года Сусликов здорово продвинулся вперед, стал одним из самых грамотных и творчески мыслящих молодых специалистов.

КАНАЛЫ КАРЬЕРЫ

Имеется несколько каналов карьеры. Каждый из них характеризуется возможной высотой подъема, шансами вознестись на ту или иную высоту, выгодами, которые сулит этот путь, и ценой, которую приходится за это платить. Внутри каждого канала имеются свои подразделения, но это уже тонкости карьерологии, в которые мы тут входить не можем. Между каналами имеются различного рода взаимоотношения. Отметим один из законов для этого, который сыграл существенную роль в судьбе некоего Мити. Пусть имеются три канала *A*, *B* и *C*, такие, что *A* превосходит *B*, а *B* превосходит *C* по высоте подъема. Пусть вы делали карьеру по каналу *B* и решили почему-то или вынуждены сменить канал. Если вы переходите в канал *A*, то независимо от должности в глазах людей, от которых зависит ваше дальнейшее продвижение, вы опускаетесь на ступень карьеры ниже, чем были в канале *B*, то есть ваше продвижение относительно задерживается. И наоборот, при переходе в канал *C* продвижение относительно ускоряется. Сохраняется некоторая константа карьеры: в первом случае вы платите за улучшение перспектив, во втором вам платят за их ухудшение.

Основные каналы карьеры: героический труд, подвиг, область культуры, производственно-хозяйственная деятельность, армия, КГБ, МВД и т. п., идеология, партий-

ная работа. Шансы выбраться вверх за счет героического труда или подвига ничтожны, ибо желающих много, а мест мало. Кроме того, отбор в герои производят многочисленные общественные и специальные организации настолько тщательно, что проскочить туда с дефектами биографии невозможно. Уровень этого канала невысок. Самое большое — член или председатель комитета защиты чего-нибудь от кого-нибудь или общества советско-скем-нибудь дружбы, генерал (редко — маршал рода войск), депутат, кандидат в члены ЦК КПСС, профсоюзный босс и т. п. Конечно, для героев и это хорошо, и это слишком много, поскольку не их это геройское дело сидеть в президиумах и осуществлять руководство. Для приличного карьериста этот путь не подходит. Ни на какое геройство он не способен. Он готов с детства носить очки, имея отличное зрение, лишь бы его не... А от работы, как он полагает, даже лошади дохнут (теперь уже можно сказать, что сдохли).

Производственно-хозяйственная деятельность дает больше шансов для карьеры. И отбор тут более свободный. И высоты повыше. Можно в министры выйти. Но тут есть неприятные стороны. Риск, например. Не то что у космонавтов. Там риска никакого. А тут вдруг скинут?! Между прочим, процент погибших в этом канале (инфаркты, инсульты и т. п.) куда выше, чем у космонавтов. Скидывают тут довольно часто. Дело завалил, или оно само завалилось. Или козел отпущения потребовался. Или новые веяния. Или более высокое руководство сменилось. Сын высокого начальства твой пост занять хочет. Потом, тут кое-какое образование нужно. И вкалывать приходится. Мотаться туда-сюда. Одних совещаний столько, что, если бы справку о них сообщали карьеристам заранее, кое-кто избрал бы иной путь. Провороваться и злоупотребить служебным положением здесь — раз плюнуть. И даже избежать этого порой нельзя. И пить надо. Иначе никак. Непьющий деятель — подозрение для партийных и прочих органов. И изъян в твоей биографии найти легче легкого. И все же карьеристы охотно избирают этот путь, ибо помимо высоких шансов на удачу он создает иллюзию кипучей деятельности, больших способностей и ума, нужности обществу, отсутствия всеми порицаемого карьеризма. И выгоды от него немалые.

Насчет военной карьеры все ясно. Заметим только, что возможности насчет маршалов сильно расширились. Но не в пользу военных. Теперь маршалами будут партийные руководители. Судя по всему, тут установка на полный коммунизм, когда армия отомрет, то есть вырастет втрое, и кухарки будут не только государством управлять, но и армией командовать. Преимущества этого пути — чин генерала — сулим, но не гарантируем, но зато чин полковника в конце жизненного пути или, по крайней мере, прапорщика дадим обязательно. Приличный карьерист этого пути избегает, потому как тут культуры мало, пьют много, усрать могут туда, откуда за сорок лет не выцарапашься. А главное — и тут вкалывать надо. И ответственность нести. Можно, конечно, по политической линии пойти, но это скорее относится к идеологии, партийной работе и даже культуре (газета и т. п.).

Область культуры заслуживает особого внимания. Тут культура, что видно невооруженным глазом. А современному человеку без культуры никак нельзя. Ему культуру подай в первую очередь. А все остальное он добудет сам. Правда, при ближайшем ознакомлении с этой областью оказывается, что тут культурой и не пахнет. Но если человек начал это ближайшее ознакомление, то на культуру ему уже наплевать. Он уже начал понимать, что к чему, и его не проведешь разговорчиками о колорите, сюжете, гипотезе, сумасшедших идеях, хромосомах и меченых атомах. Его уже интересует не культура в нем самом, а он сам в культуре. Достоинства культуры общеизвестны. Необъятное поле деятельности. Боже, сколько у нас ученых, писателей, художников, хоккеистов, футболистов, певцов, плясунов, журналистов... А сколько тут должностей! И какие! И как тут все чистенько, красиво, изящно. И весело. И на людях все время. Среди людей. Для людей. Конечно, многие должности тут достаются партийным карьеристам и лицам из КГБ. Но это другой вопрос. Они — руководящая и направляющая сила. Большинство из них, между прочим, все равно начинает в качестве деятелей культуры и лишь затем переходит на партийную и иную работу. Но опять-таки в области культуры. Кое-кто успешно сочетает и то и другое.

Нет надобности расписывать достоинства этого пути. Здесь и таланты не последнюю роль играют. И образо-

вание иногда чего-то стоит. И любимый труд. Редко, но бывает. А главное — на виду и с приятностью. Поездки. Премии. Аплодисменты. Мелькание в печати. Телевидение. Коньячок. Девочки. Мальчики. Гонорарчики. Дачки. И никто не подкопается. Все это за дело, за ум, за талант, за труд. И никакой уголовщины. Бывает, конечно, но редко. Нет надобности. И коллектив в обиду не даст. И высшее начальство заступится. Изнасиловал известный футболист малолетнюю девочку, избил ее (зубы вышиб), — ничего не значит. Сам Первый Секретарь его обожает. Судить — ни в коем случае. Пусть годик поиграет в заводской команде. Преступления тут совершать не нужно, ибо тут то же самое можно иметь честно и открыто. Если, конечно, не выпендриваешься и не впадаешь в это самое... чтоб оно слохло!.. инакомыслие. Вот уж чего не нужно тут делать, так это инакомыслить. А еще лучше — если совсем не будешь мыслить. Дерзай, твори! Но мыслить?.. Не советуем!

Молодежь с пеленок знает об этом пути и идет туда в невероятных количествах. Партия и Правительство прилагают огромные усилия, чтобы переманить молодежь на производство. Соблазняют всячески, главным образом — рублем, телевизором и первой страницей газет. Но не очень-то успешно. Молодежь предпочитает культуру. А глядя на них, не выдерживают и другие. Партийные руководители и их родичи в писатели, академики и профессора рвутся (не всем же в маршалы идти!). К телевизору пристрастились. В кино снимаются. Речи шпарят, как чтецы-декламаторы.

Дипломатическая карьера целиком идет по линии партийной работы и КГБ. Как выразился один дипломат во время празднования юбилея нашей дипломатии (и такое бывает!), «мы все сотрудники ЦК КГБ». А о линии КГБ, МВД и т. п. говорить не стоит, ибо это небезопасно. К тому же эту тему наши диссиденты и беглые полковники КГБ уже осветили с исчерпывающей полнотой.

Самой большой высотой подъема обладает канал партийной работы. Здесь есть свои подразделения. В частности, идеологическая работа есть подканал партийной. Чисто партийная работа разделяется на выборно-представительную и аппаратную. Все эти подразделения взаимно переплетены. Строгие грани тут провести невозможно. Но все же различия тут имеют место. И весь-

ма существенные, с точки зрения участников. Так, идеологическая работа имеет тенденцию образовать самостоятельный канал, отличный от партийно-аппаратного и партийно-представительного по всем основным параметрам. Лишь последний дает возможность вознестись на высочайшие вершины карьеры, то есть иерархии власти. Здесь уместно сказать «что есть», ибо у нас нет иной карьеры, кроме продвижения по иерархической лестнице системы власти.

Подобно тому как в армии есть общевойсковые командиры и командиры родов войск, так и в деле карьеры есть карьеристы широкого и узкого профиля. Карьеристы широкого профиля идут путем общепартийной или партийно-представительной работы (секретари парторганизаций учреждений, райкомов, горкомов, обкомов и т. п.). Желających идти этим путем много, но выбиваются на него немногие. Общая цифра таких выбившихся по стране колоссальна. Она невелика сравнительно с числом претендовавших.

Отбор на общепартийную карьеру производится самый тщательный и по многим параметрам — это святая святых системы воспроизводства власти партии. И именно потому, что отбор производится многими лицами и инстанциями и по многим параметрам, отбирается самый средний и заурядный человек с безупречной анкетой. Здесь происходит нечто подобное тому, как если бы устроили соревнование по ста видам спорта, то чемпионом оказался бы весьма посредственный с точки зрения отдельных видов спорта человек. Когда впоследствии Митя сделал попытку встать на путь общепартийной карьеры, она сорвалась из-за того, что он уже заимел репутацию талантливого ученого.

Идеологический канал по отношению к общепартийному есть канал второго ранга и в известной мере узкопрофессионален. По этому каналу выбиваются в самые верхи, но довольно редко. От силы — в фигуры второго ранга (заведование отделом в ЦК, секретарь ЦК по идеологии). Зато этот канал имеет самое малое число ступеней. Зато эти ступени здесь проходят быстро. Здесь через три-четыре ступени можно вознестись довольно высоко. Например, заведующий кафедрой — заведующий отделом в газете — редактор — секретарь ЦК; или старший научный сотрудник — заведующий

отделом института при ЦК — директор института — член ЦК и заведующий отделом ЦК. И материальное благополучие здесь приходит сразу. И почет. И степени. И звания и т. п.

Канал партийного аппарата отличается от общепартийного, как штабной путь военной карьеры от командного. Карьеристы общепартийного канала избираются в партийные бюро, на районные, городские и партийные конференции, на партийные съезды, избираются секретарями бюро, райкомов, горкомов и т. п., членами ЦК и Политбюро. Хотя эти выборы суть липа с западной точки зрения, они факт с нашей точки зрения. Формально это — выбор. Члены же партийного аппарата отбираются на обычных основаниях. Строго, по особым признакам. Но формально не выбираются на собраниях. Многие из них также и выбираются. Но не в этом их дифференция специфика. Этот канал карьеры сам по себе тоже редко выводит в самые верхи иерархии власти. Чтобы подняться туда, надо так или иначе перейти в канал представительно-партийный. Но этот канал с первых же шагов дает отобраннным лицам материальное благополучие, привилегии, чувство превосходства, власть. Например, выпускник философского факультета, отобранный на самые низшие должности в аппарат ЦК, скоро приобретает такую силу, что даже ректоры университетов и директора институтов с академическими званиями ходят перед ним на цыпочках.

Но работа в аппарате имеет свои недостатки. Это действительно тяжелая работа. Так что не случайно многие работники аппарата уходят на более легкую преподавательскую и научную работу. Здесь все время надо быть начеку и не срываться. Некоторые уверенные в себе карьеристы используют работу в аппарате лишь как удобный переходный этап или трамплин. Отсюда легче попасть в директора и в академии, например.

В аппарат люди уходят тихо и незаметно. Отбор людей туда не афишируется. Отбираются туда люди не то чтобы способные и не то чтобы очень серые, а такие, чтобы могли выполнять чиновничье-бюрократические функции и чтобы были надежными по иным критериям, ибо в аппарате приходится иметь дело с реальной властью и делами важными. Многие (если не все) работники аппарата ЦК в известной мере суть сотрудники КГБ

или в контакте с последними. Так что иногда бывает нельзя узнать, является такой-то твой знакомый сотрудником КГБ или аппарата ЦК.

СУСЛИКОВ

Петька Сусликов, самый глупый аспирант (теперь во всех учреждениях есть аспиранты) ЧМО, проделал довольно сложный жизненный путь, прежде чем стать хоть и самым глупым, но все же аспирантом. Подавляющее большинство не достигает и этого уровня. В школе Петька был троечником. И если бы не повышенная комсомольская активность, то мог бы оказаться двоечником. Рассчитывать на успешное окончание школы и поступление в институт он никак не мог. Поэтому после девятого класса он поступил (тетка устроила) в мясо-молочный техникум. В это время как раз было принято постановление о всемерном подъеме сельского хозяйства (в особенности по мясу и молоку). Было решено догнать и перегнать Америку. Сеть учебных заведений такого рода расширили и повысили их статус. Так что попасть в техникум было не так-то просто. Тетке пришлось подарочек подбросить. А ее муж еще целый год заходил каждую неделю. Петькин отец должен был ставить поллитровку. Надо признать, делал он это не без удовольствия, к великому огорчению матери.

В техникуме Петька сделал безуспешную попытку выделиться за счет общественной деятельности. На роль комсомольских вожakov тут нашлись более видные и горластые претенденты. Однажды Петьку выдвинули кандидатом в делегаты на районную конференцию. Но его провалили. Прошел другой, отличник и спортсмен. Петька сильно переживал эту историю. Даже проболел две недели. В это время он подружился с бесцветной девочкой с их курса, которая однажды зашла с другими навестить больного Петьку. Сначала он вообще не обратил внимания (как сказал его отец, у нее не было ни рожи, ни ж...ы). Но когда узнал, что ее отца избрали вторым секретарем райкома партии, впился в нее как клещ (это сравнение высказал тоже его отец, но на сей раз одобрительно). Они поженились на последнем курсе. В результате молодые Сусликовы сразу же по окончании техникума оба были

зачислены на историко-литературный факультет Педагогического института, хотя не имели пятерок даже по физкультуре и по обществоведению.

Тесть возлюбил Петьку с первого же взгляда. Но жить совместно с молодыми не захотел и устроил им отдельную квартиру. Это было выдающееся для Петьки событие, ибо такую квартиру выдавали далеко не всем преподавателям института, да и то за многолетнюю безупречную работу. Хотя тесть просил Петьку не трепаться насчет квартиры, Петька потихоньку выдавал эту «семейную тайну» всем желающим. Он знал, что делал. Благодаря этому учился он легко. К активности он на сей раз не рвался. И его избрали сначала в комсомольское бюро курса, а потом в комитет комсомола института. На последнем курсе его приняли кандидатом в члены партии. Диплом он написал на редкость посредственный даже с точки зрения уныло-серой институтской профессуры. Ему поставили пятерку. Дали рекомендации в аспирантуру. На семейном совете пересмотрели все возможные варианты аспирантур. Остановились на ЧМО. Митрофан Лукич (тесть) тут же снял трубку телефона и позвонил директору.

ПРОФСОЮЗНОЕ СОБРАНИЕ

При всей видимой фиктивности профсоюзная организация у нас играет существенную роль в жизни людей. Путевки в дома отдыха и санатории. Особенно — соцстраховские. Стоят они пустяки, а отдохнуть иногда прилично можно. Устройство детей в детские сады и лагеря. Билеты в театры и на выставки. Ссуды. Решение вопросов о премиях сотрудникам и о надбавках к зарплате зависит от профсоюзной организации. Не говоря уж о вопросах распределения жилой площади. Зная эту важную роль профсоюза, многие сотрудники, не имеющие перспектив улучшить свои жизненные условия иными путями, весьма активно включаются в профсоюзную работу. Для многих профсоюзная работа есть одна из сфер общественной работы, которой почти все сотрудники обязаны заниматься. Многие начинают свою партийную и административную карьеру с самых ничтожных должностей в профсоюзах.

Другое дело — профсоюзные собрания. Это, конечно, чистая фикция. Партийные органы заранее решают, кто должен быть избран на руководящие посты в профсоюзах, а более мелкие посты распределяются на более низком уровне или по взаимной договоренности. Так что профсоюзные собрания обычно проходят быстро и без эмоций, в отличие от отчетно-выборных партийных собраний, которые решают судьбу сотрудников на более серьезном уровне.

Когда Петька вошел в кабинет своего сектора, все были уже в сборе. Курили. Говорили о том о сем. Ждали представителя профкома института, без которого собрание нельзя проводить. Потому старый профорг Субботин, довольно противный тип с большим самомнением, не сделал Петьке даже замечания за опоздание. Представитель пришел. Выбрали председательствующего и секретаря — вести протокол. Субботин сделал отчетный доклад, который никто не слушал. В общем, за час провернули все формальности. Приступили к избранию профорга, культорга, страждегата. И тут произошло непредвиденное. Субботин, которого хотели избрать на новый срок, взял самоотвод. Ему предстояла командировка в Москву. Заведующий сектором предложил кандидатуру Сусликова, охарактеризовав его как способного и перспективного работника. Тем более, Сусликову скоро в члены партии надо вступать, так что ему надо показать себя на руководящей работе. К тому же в свете последнего события... Сотрудники единодушно поддержали предложение. Так Сусликов стал профоргом сектора. Как раз к этому времени закончилось время, отведенное на субботник. Сотрудники разошлись по своим делам. Аспирант Стопкин и младший сотрудник Жидов предложили Сусликову отметить радостное событие (имелось в виду не избрание Сусликова, а досрочное окончание субботника) в кафе «Космос». Сусликов отказался, сославшись на домашние дела. На самом же деле он решил, что в его нынешнем положении руководящего работника водить компанию с такой шантрапой предосудительно. Он догнал парторга сектора старшего сотрудника Убогатова, пригласив его зайти к себе домой обсудить план совместной работы на год. Заодно — распить графинчик водочки, настоянной на лимонной корочке. И обед, надо полагать, будет отменный. Сусликовы держали домработницу, которую им

оплачивал тесть. Правда, не из своего кармана, а из кармана государства: домработница числилась шеф-поваром в столовой. Убогатов сказал, что он бы на месте Сусликова пригласил Ивана Васильевича (это — заведующий сектором). Сусликов так и поступил, разыскав заведующего в районе дирекции. Добираться решили на такси. Хорошо, что такси подорожало, сказал Убогатов, теперь, по крайней мере, можно взять такси. На улице они увидели потрясающее зрелище. Портрет Вождя сорвался и повис поперек. Лапоть на всю улицу орал что-то насчет того, что он не хочет класть партбилет из-за этих идиотов. Стопкин довольно громко сказал Жидову, что он бы оставил портрет так. Так интереснее. На Сусликова они посмотрели с насмешкой.

РУКОВОДЯЩИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

— Можешь меня поздравить, — сказал Сусликов жене. — Я теперь профорг сектора. Это — заведующий сектором... А это — парторг... Руководящий треугольник в полном составе. Надо отметить такое событие. Надеюсь, ты в грязь лицом не ударишь. Отец сейчас дома или в райкоме? Позвоню Митрофану Лукичу (это Сусликов сказал гостям). Может быть, он по такому случаю сам сюда выберется.

Сусликов знал, что тесть ни под каким видом к ним не «выберется». Знали это и гости. Но, услышав имя Митрофана Лукича, они подтянулись, посерьезнели и стали обращаться к Сусликову на «вы». Секретарша сказала Сусликову, что Митрофан Лукич занят, и спросила, кто звонит и по какому делу. Сусликов сказал (так, чтобы слышали гости), что говорит зять, что у него радостное событие, что, если Митрофан Лукич освободится, он будет рад, если Митрофан Лукич позвонит. Вот за такое, как заметил Митрофан Лукич, прирожденное умение вести себя в свое время и оценил он Сусликова.

— Ты настоящий талант, — говорил тогда Митрофан Лукич, осушив графин водочки на лимонной корочке. — Из тебя хороший руководитель вырасти может. Дурак будешь, если свой талант в землю зароешь.

А Сусликов зарывать свой талант и не собирался. Хотя бы потому, что зарывать — значит работать, а ра-

ботать он не хотел, он хотел руководить теми, кто должен работать. Усадив гостей за аппетитно сервированный стол, он с некоторой долей руководящего юмора (без видимой усмешки; так, где-то за зубами) предложил обсудить некоторые принципиальные проблемы сектора в предстоящем выборном году.

МНЕНИЕ ТЕСТЯ

— Главное, — говорил Митрофан Лукич, — держись с достоинством. Нет мелких должностей. Настоящий руководитель может проявить себя на любой должности. И не выпендривайся. Не вылезай. Наберись терпения. Работай добросовестно и скромно, и тебя наверняка оценят. Я поговорю с твоим директором. И с секретарем партбюро. Ну, за твои успехи!

Главное, — продолжал Митрофан Лукич после повторной стопочки, — не увлекайся этим делом. Опасное это дело, скажу я тебе. Поверь моему опыту. Сколько талантливых русских людей погибло из-за него! Почитай, брат, Чехова. Смешно пишет! И насчет этого дела разбирается. Если бы не это дело, знаешь бы кем я сейчас был? То-то! Ну, будь здоров!

— А у вас, Митрофан Лукич, пост и так дай бог всякому, — возразил Сусликов, подобострастно глядя в краснеющую рожу тестя и подкладывая ему грибочки.

— Так уж и всякому! Нет, брат, такие посты всякому не дают. Это ты загнул. Вы, молодежь, наслушались всяких там рокинролов и вообразили о себе. Такой пост заслужить надо.

— Я не в том смысле, Митрофан Лукич. Я как раз наоборот. Я...

Но тесть уже перестал что-либо соображать, понес несусветную чушь, накинулся на второго секретаря горкома партии, которого, по слухам, собираются снимать и на место которого собираются назначить Митрофана Лукича, и захрапел, не dokonчив обличительную фразу о тех, кто «там наверху зажрались». Сусликов помог теще перенести тестя в кабинет на широченный кожаный диван — подарок мебельной фабрики ко дню рождения.

ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ СУСЛИКОВА

— Знаешь, Петр, — сказал Корятов, чтобы сгладить неловкость, наступившую из-за того, что Сусликов преждевременно вернулся домой и чуть было не застал свою преданную супругу с Корятовым за тем самым занятием. — У меня великая идея возникла. А что, если тебе выступить с инициативой на завтрашнем расширенном заседании месткома... С какой?.. Ну, скажем, вызвать на соцсоревнование... допустим, КНТ... допустим, в честь предстоящего всенародного праздника... Наверняка сейчас с этим делом нечто подобное начнется везде. Лови миг удачи, будь одним из первых. Понял?..

Сусликов, конечно, понял. Мелькнувшее было подозрение молниеносно улетучилось. Он даже не обратил внимания на валявшиеся на полу трусики супруги.

— А ты, Корятов, молоток, — сказал он, неторопливо раздеваясь. — Когда я буду секретарем горкома или обкома... или министром, возьму тебя помощником. А теперь, надеюсь, нас покормят чем-нибудь подходящим!.. За обедом мы и обсудим конкретно, по каким пунктам будем их вызывать и в какой форме подводить итоги. Надо будет посоветоваться с Митрофаном Лукичом. Он в этих делах большой специалист. Неплохо бы было потом тиснуть заметочку в газету насчет нашей инициативы. Ты организуй заметку в стенгазету, а я попробую корреспондента вытянуть... Это можно через тестя провернуть. Ну, будем! За успех!

УСПЕХ

Идея Сусликова насчет новой формы соцсоревнования имела успех. Через несколько дней ЧМО выступило с инициативой, которую подхватили все учреждения города. В газете «Вождянская правда» была опубликована статья на эту тему, в которой среди прочих имен было упомянуто и имя товарища Сусликова. Теперь твое дело в шляпе, сказал Корятов. Теперь тебе местком гарантирован. А там... Молодец, сказал тесть. Из тебя толк выйдет. Меня тоже можешь поздравить, перехожу в горком. Пока на отдел, а там и в секретари. Так что мы, брат, теперь с тобой горы свернем. Ну, будь здоров! Главное — не

поддавайся этой гадости. Закусывай! Пить — пей. Но умеючи. И закусывай как следует. И в руках себя держи. Помалкивай, будто ты совсем трезвый. А там, вверху, пьют не то что мы. Там, брат, такие крепкие головы сидят, нам далеко до них. Ну, будь здоров!!

После той знаменитой инициативы товарища Сусликова выбрали сначала председателем месткома ЧМО, а затем — в партийное бюро, где ему поручили самую незатейливую работу — собирать партийные взносы. Хотя и прогремел человек на весь город, и связи есть, но нельзя же такому лаптю и болвану доверить что-то серьезное. Дурак же дураком. Любое серьезное дело завалит. Пока раскачается и шевельнет извилиной (если таковая у него вообще имеется), так вся работа прахом пойдет. Не обращай на них внимания, старик, говорил Корытов. Пусть себе бегают, суетятся. А толку-то что из их беготни? Надо держать себя солидно. Не переживай, сказал тесть, все идет как надо. Ты знаешь, с чего я начинал? Я, брат, печки топил в райисполкоме, письма разносил. Даже нужник секретарю чистил. Ну, будь здоров! За твои успехи!

К этому времени супруга Сусликова уже донашивала в чреве второго младенца, который обещал (судя по огромному животу) быть богатырем, в отличие от их первенца, чахлого, апатичного, белобрысого, как две капли воды похожего на самого Сусликова. Осмотрев однажды (с удовлетворением) свою раздавленную во всех частях (и в плечах, и в талии, и в бедрах) супругу, Сусликов признался себе, что, значит, есть в нем некое незаурядное начало, если такая бабенция (или даже бабища) полюбила его и навеки связала с ним свою судьбу. А ведь вполне могла тогда выйти за капитана милиции, который скоро наверняка станет начальником отделения. И решил Сусликов, что отныне он уже не будет ходить в Петьках и Сусликах. Отныне и навеки он будет Петр Степанович Сусликов.

Диссертацию Сусликов защитил без особого блеска, но спокойно и солидно. На банкете присутствовали все высшие чины научной интеллигенции города, видные деятели партии и правительства города, сам Митрофан Лукич, ставший, как и следовало ожидать, вторым секретарем горкома партии.

А в следующем году Сусликов был снова единогласно избран в партком ЧМО. На сей раз он стал секретарем

рем. Это была уже весьма серьезная заявка. Заместитель председателя Городского Совета, ведающий жилищными делами, сам подъехал к Сусликову и предложил поменять квартиру на другую, более соответствующую, как он выразился, текущему моменту.

СМУТЬЯНЫ

В ЧМО, как и во всяком другом крупном учреждении Страны этого периода, завелись свои смутьяны. Они основательно портили настроение руководящих и ведущих работников и сплотившихся вокруг них актива и почти всего здорового коллектива учреждения. Со смутьянами боролись. Кое-кого даже убрали. Кое-кого отправили в «Разинку». Но как-то так складывалось, что совсем справиться с ними не могли. Даже наоборот. Смутьяны наглели, становились хитрее и изощреннее. Научились ловко ссылаться на цитаты из классиков, назубок шартели резюльции последних съездов и речи руководителей.

Первыми смутьянами были, конечно, Стопкин и Жидов. Но не они страшили здоровый коллектив ЧМО в первую очередь. Стопкин и Жидов всегда на виду и вечно пьяные. И болтают они чушь несусветную. И все их болтовню слушают и смеются над ней. Страшны те, кто тихой сапой делают свое черное дело. И разговорчики ведут такие, что ой-ой-ой! За такое не так уж давно без звука к стенке ставили. И пописывают, сволочи! И читать кое-кому дают. И перепечатывают. И бородами обросли, чтобы не видно их было. И джинсы наняли. Музыку закручивают такую, что хоть уши затыкай глушителями. А главное — они всячески подрывают авторитет руководящих товарищей. Глумятся. Но хитро так, не придерешься. Всем ясно. Всем понятно. Все смеются. А не придерешься. Комиссию из райкома партии вызывали. Так и те на первых порах на их удочку попались. И сколько времени прошло, пока разобрались, что к чему.

Став членом парткома, Сусликов решил заняться смутьянами всерьез. Он в этом был лично заинтересован: смутьяны систематически издевались над ним, рисовали на него карикатуры в стенгазете, пели про него

сатирические частушки на вечерах самодеятельности. Сусликов терпел и ждал своего часа. И вот час его пришел. Он лучше всех в ЧМО понял две истины. Первая — самые опасные смутьяны суть те, кто смеется над ним, над Сусликовым, ибо он, Сусликов, есть символ, воплощение и опора нашего замечательного социального устройства. Вторая — уничтожение их надо начать с их заводил, и в первую очередь — с демагога Самохвалова и его потаскухи Чижиковой. Хотя Демагог и Потаскуха внешне Сусликова никогда не обижали, но он чуял, что все зло в конечном счете исходит от них. Он же сам все время крутился среди смутьянов и видел, с каким почтением они слушали Демагога и Потаскуху и выполняли все их подрывные советы. В это время как раз вышло постановление ЦК о мерах усиления политико-воспитательной работы среди и т. д. В Столице в каких-то учреждениях молодые смутьяны намудрили, а расплачиваться за это должны все! На заседании парткома по этому поводу и выступил Сусликов. Скромно. После всех. И сказал, что коллектив здоров, и не надо напрасно на себя кликать беду. Есть, конечно, кое-что. Но лучше спокойно, ибо не так уж и опасно... Коллектив, главное, здоровый... Надо повысить трудовую требовательность... Уровень поднять... Вот, например, у нас есть сотрудники, не отвечающие занимаемой должности. Я имею в виду, например, Самохвалова, Чижикову и других. Надо с этого начинать — с повышения требований к профессиональной подготовке сотрудников...

К словам Сусликова прислушались. Лапоть-то лапоть, а сечет, в корень глядит! Секретарь райкома, присутствовавший на заседании, взял Сусликова себе на заметку. Стоящий парень! Демагога и Потаскуху скоро провалили при переаттестации. Смутьяны притихли сначала. Потом снова стали давать знать о себе. Вот стенгазету выпустили, Сусликова обсмеяли. Имя прямо не называли... Речь шла о неких грызунах. И нарисовали совсем не похоже. Но даже ежику было ясно, что к чему. Газету хотели снять, но Сусликов воспротивился (ну, голова!!). Пусть повисит. Скоро же праздники, надо предпраздничный юмор выпустить. Надо обязать редколлегия сделать это быстрее, так как... И при утверждении характеристик для туристи-

ческой поездки за границу Сусликов был за. К чему голосовать против? Достаточно снять трубку, звякнуть в райком, намекнуть... Короче говоря, когда вновь избранный партком собрался решать вопрос о секретаре, двух мнений быть уже не могло...

КОВАРНЫЕ МЕТОДЫ

После провала со стенгазетой смутьяны прибегли к новым коварным методам. Однажды ночью Стопкин и Жидов исписали все афиши от ЧМО до дома Сусликова похабными словами и оскорблениями в адрес Сусликова. Преобладали надписи типа «Сусликов дурак» и «Сусликов подонок». На другую ночь они совершили еще более подлый поступок. В ЧМО давно уже заметили, что Сусликов равнодушен к секретарше директора Дусе, обладающей могучими формами, превосходящими таковые самой Суслихи. Пустили слух, что Сусликов вегукает в связь только с женщинами тяжелее восьмидесяти килограммом. Причем, прежде чем приступить к совокуплению, взвешивает свою партнершу на весах. Так хулиганы на всех афишах от дома Сусликова до дома секретарши написали: «Дуся! Я хочу тебя! Твой Суслик». Эти надписи прочитал ревнивый муж Дуси и вышел по ним к самому дому Сусликова. Подкараулив его вечером, он здорово набил ему морду. Сусликов так перепугался, что стал после этого слегка заикаться. И не смог от этого дефекта избавиться всю жизнь. Наконец, хулиганы из стенгазеты достали из секретного фонда диссертацию Сусликова (она считалась закрытой почему-то), сделали из нее выписки, размножили их на машинке и раздали всем членам ученого совета, где проходила защита, и всякого рода лицам, которым не следовало давать ничего. Послали и в редакции газет. Даже в Москву не поленились послать (в «Литературку», в частности). Над Сусликовым смеялась вся местная интеллигенция. Появился специальный термин «сусливки» для обозначения языковых нелепостей такого типа, как «марафонская труба», «между Сицилией и карбидом», «недерасты и кастраты» (это — сусликовская интерпретация латинского выражения «Пер аспераад астра») и т. д. Но все это не имело последствий.

— Главное, — говорил тесть, — выдержка. Раньше мы бы их в два счета. Сейчас пока еще рано. Ну да погоди! Мы их еще скрутим в бараний рог. Ну, будь здоров! Главное — закусывай как следует!..

УТРО НАШЕЙ РОДИНЫ

Петр Степанович не спеша (теперь в его положении надо все делать солидно, без спешки) проснулся, медленно раскрыл подслеповатые глазки и начал постепенно мыслить. Мыслю, сказал он себе, подражая интонации Самого, следовательно, существую. Кто это сказал? Надо узнать у Корытова. Хотя это и идеализм, но неглухо звучит. Сам Ленин отмечал, что идеалисты не такие уж дураки и что он сменял бы глупого материалиста на умного идеалиста. Стопкин говорит, что все материалисты дураки по определению. Что значит «по определению»? Абракадабра какая-то!

Петр Степанович вспомнил вчерашнее заседание вновь избранного парткома и довольно усмехнулся. Молодец, Петька! Тьфу, Петр Степанович. Хвалю. Ловко ты уел этого карьериста Сеньковича. Вот болван! С такой фамилией и рожей, в такое время! Зачем это он пустился в эти дурацкие объяснения насчет фамилии? Явно тут что-то неладно. Нет дыма без огня! Все-таки ты, Петр Степанович, не дурак. Один вопросик — и нет Сеньковича. А что это вы, товарищ Сенькович, так пространно распространяетесь насчет вашей фамилии? Если бы у нас были сомнения, то вам не пришлось бы присутствовать здесь, смею вас уверить. И все!!!

Размышляя подобным образом, Сусликов спустил коротенькие ножки на ковер, согнул в локтях коротенькие ручки и дважды сделал глубокий вдох-выдох. Потом он долго умывался, гневаясь на неисправные краны. Долго одевался, гневаясь на плохо сшитый костюм. Долго и плотно завтракал, пересказывая жене в деталях и в лицах вчерашнее заседание парткома. Вызвал по телефону машину. Пока еще не персональную. Но скоро будет и персональная, директор обещал. До работы отсюда не так уж далеко. Можно пешком дойти. И для здоровья полезно. Но в его положении теперь это исключено. Не положено. Ожидая машину, он еще раз продумал свое

поведение в этот первый день на высоком посту. Главное — не торопиться, обдумывать каждое слово. Лучше помалкивать. А если уж говорить, так чтобы в точку. Вот Сталин, говорят, был великий мастер, как себя держать. Кстати, он тоже был невысокого роста. Так говорил тещь (мудрейший все-таки человек!): если в чем-то не уверен, предлагай не спешить и обсудить еще раз. Железное правило! Работает безотказно.

В это утро Сусликов еще представлял себе свою будущую карьеру лишь в виде поста инструктора Горкома Партии, болсе смутно — в виде поста заведующего отделом, а о месте секретаря даже и думать не осмеливался. И именно в этом было его великое преимущество перед всеми прочими бесчисленными карьеристами нашей необъятной Родины. Каждый шаг своего славного пути он делал как бы с неохотой, лишь по настоянию товарищей, коллектива, соратников, широких народных масс.

На работе Сусликова ждал сюрприз: немедленно вызвали в райком. Я должен тебя огорчить, Петр, сказал секретарь райкома. Начинать с такого не очень-то приятно. Дело очень щекотливое. Вот товарищ... Он из Органов... Он тебе все объяснит. Потом зайдешь ко мне, посоветуемся.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

— В вашем учреждении, — сказал товарищ из Органов, — имеется нелегальная группа. Вот список членов группы. Это — руководитель. Не ожидали? Для нас это тоже полная неожиданность. Сын такого уважаемого человека!.. Смотрите дальше. Этот и этот — наши осведомители. Этот — сын народного артиста... Эта — дочь директора... Как видите, ситуация сложная. Вы не видите здесь знакомых вам фамилий? Стопкин, Жидов и тому подобные... Мы за ними следим. Но это пустяки. Это несерьезно. А эти... Чем они занимаются? Литературу Оттуда получают и распространяют. Мы уже установили каналы. Два номера уже подготовили. Ну, конечно, коньячок, мальчишки, девочки... Не исключено, что наркотики. От них, знаете ли, всего можно ожидать. Мы могли, конечно, вызвать их по одному и побеседовать.

Но обстановка... Нельзя без последствий. Надо ударить и воспитательную работу провести. И чтобы тихо. Без огласки особой.

Товарищ из Органов еще долго говорил об обстановке, а в головке Сусликова неторопливо зрел план. Это даже хорошо, что это стряслось. Я за это ответственности не несу — это до меня было. Зато разделаться с этими мамиными сынками я смогу запросто. Не надо торопиться, сказал он товарищу из Органов. Пусть себе собираются. Пусть себе выпивают. Наркотики, говорите?.. Сейчас молодежь, знаете ли, такие штучки вытворяет!.. Заграничные вещички... Мальчики... Девочки... Пусть ваши товарищи в эту сторону... Понимаете? Конечно, сказал товарищ из Органов, конечно. Я доложу... Я с вами, Петр Степанович, согласен... А вы меня, между прочим, не помните?.. Вспомнили?.. Это хорошо. Благодарю вас. Вот мой телефон. Будем совместно... Торопиться, конечно, не следует. Надо дать дозреть. И с личным... И открытым...

— Слушай, Петр, — сказал секретарь райкома. — Что-то мне ваш Сенькович перестал нравиться. Я вот получил насчет него письмо. Анонимка, но нет дыма без огня. А что, если покопать, нет ли тут ниточки к... Как ты считаешь?

РАССУЖДЕНИЯ СТОПКИНА И ЖИДОВА

Раньше жизнь какая-то была, говорит Стопкин. Сажали, расстреливали пачками. Но были события, страсти, фигуры. История! А тут? Тьфу! Персонажи — Сусликовы. События — липовые соревнования. Представляешь, на что идут результаты творческой деятельности величайших гениев человечества! Использовать электронно-вычислительные машины для выяснения итогов соцсоревнования всех учреждений города со всеми! Поручить Вычислительному центру ежедневно (!) отправлять в машины итоги работы учреждений за сутки и к вечернему выпуску «Новостей» выдавать сводную таблицу хода соревнования в честь и т. п.! Каково? Только таким выдающимся дегенератам, как Сусликовы, могла прийти в голову такая эпохальная идея. И люди подхватили идею! Сколько подонков на этом начнет карабкаться вверх! С ума сойти

можно. А рядом с «Разинкой» начинается Великая Стройка Коммунизма: завод чемоданов! И строить его будут французские инженеры. Как будто у нас своих нет! А чемоданы будут делать из материала, привозимого из Франции. Что творится?

Ничего особенного, говорит Жидов. Чемоданы — это хорошо. По крайней мере, вещь полезная. Тут другое интереснее. Кто на этом заводе работать будет? Надо полагать, психи. А откуда ты психов столько наберешь? Чушь? Значит, не исключено, что нам переквалифицироваться придется на чемоданных мастеров. А наше прошлое ты не приукрашивай. Эти фигуры были такими же ничтожествами, как и Сусликов. Только время для них было немножко другое. У Железного Феликса, между прочим, был скошенный подбородок, и он его маскировал выступающей вперед бородкой. И человек он был безвольный. Потому и изображал «железную волю». Они все переворачивали, переименовывали, перевирали. Это была великая революция, но революция ничтожеств. Кто был ничем, тот стал всем. И вся наша история есть история ничтожеств. И вообще, история человечества вся такова...

Не могу согласиться, говорит Стопкин. А Христос? А Будда? А великое искусство прошлого? А понятие личности? Нет, люди наизображали и много по-настоящему великого. Все-таки не Сусликовы венец творения. Я бы хотел, чтобы ты был прав, говорит Жидов. Но боюсь, что человечество прошло тернистый путь только для того, чтобы породить Сусликовых и создать благоприятные условия для их процветания. Я несколько не удивлюсь, если нас однажды заставят класть цветы к прижизненному памятнику этой погани. Кстати, ты не знаешь Канлинского из отдела народов Африки? Приглашает зайти. Знаю я эту публику, говорит Стопкин. Выпендриваются. Интеллигенцию из себя корчат. А сами ни одной проблемы всерьез даже поставить не могут.

КРЕСТ РУКОВОДСТВА

Дав согласие быть секретарем парткома ЧМО, Сусликов обрекал себя на тяжелый труд, а отнюдь не на райское времяпровождение, — в этом состоит одна из самых

тайнственных и парадоксальных черт нашего общества. Быть секретарем парткома или учреждения значит большую и лучшую часть своей жизни торчать в учреждениях, вникая в тысячи и тысячи всяких текущих дел, сидеть на бесчисленных совещаниях в райкоме или в горкоме партии, проводить бесчисленные собрания, совещания, заседания, беседы, и т. п., и т. д., и т. п. Если сотрудник учреждения идет на это, он должен отказываться от выполнения своих прежних профессиональных обязанностей и сделать своей основной (и обычно — единственной) профессией на этот срок (а часто — навсегда) исполнение функций партийного руководителя. И нужно быть человеком особого склада, чтобы не свихнуться от потока поразительно ничтожных, серых и занудных дел, с которыми приходится иметь дело и тратить на них все свои ограниченные силы и способности. Сусликов был рожден для этого.

Когда говорят, что Сусликовы рвутся к власти, вцепляются во власть и не уступают ее добровольно, это не следует понимать, будто Сусликовы делают это в борьбе с умными, талантливыми, работающими и т. д. сотрудниками своих учреждений, откуда они начинают свое продвижение вверх по иерархическим лесенкам и лестницам власти. Суть дела в том, что в учреждениях умные, талантливые, работающие люди отдают посты руководителей Сусликовым охотно и добровольно. Сами они идут на такие посты очень неохотно, в крайнем случае на время или обнаружив в себе сусликовские начала. Наши первичные коллективы и условия работы и жизни в них устроены так, что выдвижение Сусликовых во власть происходит как естественный и здоровый процесс вполне добровольно со стороны большинства активных работников. Отбираются люди наиболее подходящие для отправления функций руководства в этих условиях, и в этом смысле — лучшие люди. Вот в чем одна из основ всей нашей системы власти. Власть — это прежде всего определенный человеческий материал, исполняющий функции власти, воспитанный и отобранный по самым фундаментальным законам жизни этого общества. И этот человеческий материал (скажем, вещество власти) поступает адекватно своей натуре, какие бы веяния ни будоражили общество и какие бы распоряжения ни спускались свыше. Любые веяния, любые распоряжения и призывы,

попадая в данный человеческий материал и трансформируясь в нем, реализуются в нашей жизни только определенным, сусликообразным способом.

Сусликов не стал на первом заседании парткома информировать членов парткома о «группе», хотя в ЧМО уже ползали слухи на этот счет. Первое заседание — распределение обязанностей, утверждение плана работы на год. И на втором заседании было еще рано. Да и вопросы были поважнее: итоги соревнования за месяц, последнее выступление товарища... на... прием в партию. И только через три месяца Сусликов сообщил членам парткома, что поступили сигналы, что в такой обстановке, что в свете последних указаний и т. д., в общем — что надо создать комиссию и расследовать факты аморального поведения и т. д. Ну и жук, шептались между собой члены парткома. Ну и пройдоха! Вот тебе и самый глупый сотрудник!.. Но все были довольны при этом. Молодец, Суслик (теперь это слово звучало уже почти ласково). Главное — не допустить, чтобы тут политику раздули. Если этой истории придадут политический характер (а именно к этому стремились недобитые сталинисты), то житья всем не будет. А так — аморалка... Пусть даже уголовщина... Это пустяки, где этого нет. Лишь бы не политика! Сам директор (теперь он как рядовой член парткома в некотором роде подчинен Сусликову) долго жал руку Петру Степановичу, приглашал его с супругой посетить... И вообще, ему очень приятно... Он надеется и впредь...

ИЗ КОРИДОРНЫХ РАЗГОВОРОВ

Какой кошмар, шептались сотрудники ЧМО. Живем, работаем честно, а тут рядом с тобою, оказывается, такое вытворяют! Гомосексуализм. Наркотики. Спекуляция. И все — сынки и дочки! Зажрались, сволочи! Небось из этих? Ну, мы так и думали! Давно пора! Распустились! Мы тут... А они...

Этот подонок Сусликов, говорит Стопкин, наверняка раздует дело с компанией Каплинского. Политический капитал себе в глазах начальства зарабатывает. Ходит слух, что там наркотики и валюта, говорит Жидов. Вранье, конечно. Для отвода глаз, говорит Стопкин. Навер-

няка там книжечки и писанина. Теперь на этом вся Страна помешалась.

Пока еще трудно сказать что-либо окончательное, говорит член комиссии по расследованию деятельности группы Каплинского, но дело серьезнее, чем мы предполагали. Петр Степанович очень обеспокоены... Делают все возможное... Надеюсь, удастся...

МНЕНИЕ ДИРЕКТОРА

Я бы предложил им уволиться по собственному желанию, говорит директор. Зачем людей будоражить, от важных дел отрывать?! Коллектив у нас здоровый... Вы правы, если подходить с точки зрения узких интересов ЧМО, говорит Сусликов. Но тут надо смотреть шире, с общепартийной и общегосударственной точки зрения. Ну, уйдут они отсюда. Так ведь группа-то все равно останется. Хорошо, уберем их по одному, тихо. Но останутся другие, а дурной пример заразителен. Нет, тут нужно серьезно ударить. Так, чтобы другим неповадно было. И чтобы резонанс широкий был. Выходит, мы на весь город развоним, что у нас творится, говорит директор. Как же так? Нас же потом на всех уровнях склонять начнут, до Москвы дойдет! Что поделаешь, говорит Сусликов, интересы Партии и Государства превыше интересов какого-то маленького учрежденьца ЧМО.

Ого, как заговорил, мерзавец, думает директор. А давно ли еще хвостом крутил, патриотом ЧМО прикидывался. Да, такой негодяй мать родную продаст «ради интересов Партии, Государства, Народа». Уж не под меня ли он копает? Вряд ли. Такой говнюк с сектором не справится, не то что с такой махиной, как наше ЧМО. Нет, для него это дельце — трамплин. В горком метит, подонок! Ему и плевать на нас. Он свое здесь уже взял.

Директор, конечно, толковый руководитель, хороший специалист, думает Сусликов. Но он явно политически слеп. Дальше своего ЧМО он не видит ничего. Нет у него политического кругозора и перспективы. А за то, что он допустил такое у себя под крылышком, по головке его не погладят. Надо будет на парткоме поставить вопрос о взыскании. Конечно, серьезное взыскание райком не пропустит. Но небольшое явно

одобрит. Можно подумать и о снятии директора как... Кого можно на его место? Надо своего человека подобрать на всякий случай...

ПУТИ НЕИСПОВЕДИМЫЕ

В пьянстве имеет силу закон, хорошо известный всякому регулярно пьющему: выпить больше всего хочется тогда, когда нет денег на выпивку или негде достать спиртное. Когда кафе «Зори революции» закрылось и Стопкина с Жидовым выбросили на улицу, желание выпить еще достигло у них самой высшей точки: денег ни копейки не осталось, и податься некуда — все закрыто, поздно. Стопкин приготовился произнести очередную обличительную речь по поводу язв коммунизма, но не успел. К ним подошел человек, представился как Командированный, сказал, что он готов помочь их несчастью. Дело в том, что он свел знакомство в одном месте, где в любое время дня и ночи... В общем, айда к Дусе! О деньгах не беспокойтесь, на малый запой у него хватит. А там видно будет.

А что такое Дуся? — спросил Жидов. И кто ты такой есть? — спросил Стопкин. Откуда ты такой добрый взялся? Откуда я взялся, не знаю, сказал Командированный. Забыл. Может быть, вообще ниоткуда. Врачи и персонал «Разинки» звали меня Командированным. Теперь считается, что я здоров. Работаю в новой больнице за озером. Как она называется? Это трудно произнести. Да это и не важно. А ну ее! А что касается Дуси... Неужели вы не знаете? Это в некотором роде символ нашего общества, его характерный продукт. Работает буфетчицей в кафе «Луч». Зарплата — семьдесят рублей. Пара ребятишек. Муж болван и пьяница. Мать больная. В общем, все хозяйство на ней. А на работе — начальство кафе и милиция на ее шее. Вот она и заколачивает, как может. Продает спиртное из-под прилавка в неположенное время. Конечно, обсчитывает, недоливает разбавляет. Из бутылок и стаканов сливает, сполоснув водичкой, добавляет водочки и загоняет за портвейн высших марок. В общем, ворует и обманывает на каждой мелочи. Зашибает уйму денег. Но все куда-то утекает. Иногда с ней переспать можно. Не бесплатно, конечно, а за «угощение». Но быва-

ет и бесплатно. Дает в долг за «проценты». Скажем, сейчас она с нас сдерет вдвое, а если в долг, то втрое. Я лично пью в долг у нее уже третий раз подряд. А если откажет? — усомнился Стопкин. Нет, сказал Командированный. Она умная баба, вдвое, а если в долг, то втрое. Я лично пью в долг у нее уже третий раз подряд. А сюда.

Собутыльники получили у Дуси то, что хотели: пол-литра водки, пачку печенья и горсть конфет. Стопкину пришлось оставить в залог паспорт, ибо Дуся почему-то не оценила Стопкина и Жидова с первого взгляда, а Командированному сказала, что больше ему не даст ничего, пока он не рассчитается за прошлые разы. Пить расположились в первом подвернувшемся подъезде. Выпив водку, разбили бутылку о батарею, пожевали черствое печенье, выкинули конфетки, помочились перед дверью, обитой дерматином (богачи живут, сволочи!). Но содеянным не удовлетворились. Чтобы зря не пропадали дорого доставшиеся градусы, решили учинить более значительное. Когда проходили мимо портретов руководителей на площади Хо Ши Мина, Командированный предложил пририсовать Вождю сталинские усы и надеть на него ленинскую кепочку с пуговкой. Кепку предложил свою Стопкин. Ее прикололи к портрету в положенном месте острыми щепками, валявшимися за портретом в изобилии. Хуже было с усами. Пробовали их рисовать шариковыми ручками, но это было незаметно. Надо достать уголь, сказал Жидов. Полночи искали кусок угля, обсуждая походя сложнейшие проблемы мироздания. Уголь нашли совершенно неожиданно — он просто валялся под ногами. Пририсовав Вождю усы, отправились куда глаза глядят, используя остаток угля для неприличных надписей на стенах.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ

На другой день по городу поползли слухи об идеологической диверсии на площади Хо Ши Мина и об антисоветских лозунгах на прилегающих к площади улицах. Эту часть города оцепила милиция. В полном составе прибыло городское отделение ОГБ, затем — половина областного отделения ОГБ, затем — специальная груп-

па ОГБ из Москвы. Последняя прилетела на двух сверхзвуковых лайнерах и сразу взяла инициативу в свои руки. Товарищ Сусликов, переведенный несколько дней назад в аппарат Областного Комитета Партии, сразу догадался, что эту хохму устроили хулиганы Стопкин с Жидовым, но вслух высказал убеждение, что это дело рук группы Каплинского—Вайсберга—Воронова. В ЧМО тоже подумали первым делом о Стопкине с Жидовым, тем более, кепочка явно стопкинская. Но Стопкин заявил, что кепку он потерял давно, а скорее всего, ее у него похитили. И тогда сотрудники ЧМО стали шептаться о диссидентской (а как же иначе?!) группе Каплинского. Директор ЧМО ринулся в горком партии, но там его не приняли: сейчас, мол, не до тебя. Директор понял, что его отъезд в Москву срывается, и руки у него опустились. Лишь бы сохранили партийный билет, думал он в перерывах между стопками водки, которые он опрокидывал одну за другой в кабинете дома в полном одиночестве. А там мы еще покажем!! Приезд высокого иностранного гостя отменили. Секретарь горкома умчался в обком, а оттуда вместе с секретарем обкома срочно вылетел в Москву. Группу Каплинского арестовали. В городе начались обыски. Милиция начала задерживать всех подозрительных. Каплинского, Вайсберга и Воронова опознали постовой милиционер, дежуривший в районе площади Хо Ши Мина (иначе, сказали ему, пиши пропало), и лейтенант, дежуривший в отделении милиции. Сознательные граждане, жившие неподалеку от площади Хо Ши Мина, дали свидетельские показания, что видели ночью в кромешной тьме (освещение вышло из строя), как диссиденты Каплинский, Вайсберг и другие писали антисоветские лозунги и совершали богохульство. Один атеистически настроенный гражданин употребил, однако, более подходящее выражение «богохуйство», поскольку лозунги состояли в основном из одного слова из трех букв. Каплинский в ночь преступления был у любовницы. Но та отказалась подтвердить его алиби. И вообще она заявила, что она — честная, и мужу никогда еще не изменяла. Вайсберг спал с женой. Но ее и спрашивать не стали, поскольку она сама Вайсберг. Что касается Воронова, то он парень вроде свой, но у него жена — Гамбургерович, которая имеет связи и вообще... Воронов был в командировке, но его тоже все

опознали. Через несколько дней жизнь вошла в привычную колею. Началась кропотливая работа ОГБ по сбору доказательств преступной деятельности диссидентской группы Каплинского—Вайсберга—Воронова.

ПУТИ ИСПОВЕДИМЫЕ

Мы дешево отделались, сказал Стопкин Жидову. Всего лишь старая кепка с пуговкой. Но на будущее надо сделать железный вывод: максимум осторожности, никаких следов! Смотри! Это тот самый хмырь! Действительно, навстречу им, улыбаясь от уха до уха, шел Командированный. У меня есть идея, сказал Командированный. У нас в больнице есть отделения для алкоголиков. В одном из них пробуют лечить новым методом — поят алкашей бурдой, от которой их выворачивает наизнанку. Называется «Напиток космонавтов». Противно, конечно. Но разок мы спокойно выдержим. А градусов в этой бурде достаточно. За рубль нам ее дадут хоть бочку.

В битком набитом автобусе доехали до больничного района. Прошли мимо открытой части больницы. На здании кардиологического отделения висели портреты Ленина и нынешнего Вождя. Под ними — цитата из речи Вождя: «Имя Ленина вечно живет в наших сердцах». Жидов неуютно поежился, ему стало не по себе. Не обращайтесь внимания, сказал Командированный. На корпусе педерастов в секторе половых извращений висит изречение Ленина «Верной дорогой идете, товарищи!».

На территорию больницы проникли через пролом в заборе. Попробуйте объясните такое явление, сказал Командированный. Через нормальный вход нужны пропуска. Строжайшим образом проверяют карманы и сумки. Причем как при входе, так и при выходе. А тут хоть на грузовике въезжай и выезжай. Мы ходим только через пролом. А нормальным входом пользуется только начальство — их не обыскивают. А как вы ухитрились проломить такой мощный забор? — спросил Жидов. Тут отбойные молотки и то не возьмут, надо думать. Это вторая необъяснимая загадка, сказал Командированный. Когда меня сочли вылечившимся и предложили работу в штате, тут была маленькая дырка. Еле рука пролезала. Через нее больные общались с родственниками, а персонал выбра-

сывал за забор добро, которое нельзя было пронести через проходную. Через неделю дырку расширили настолько, что можно было уже пролезать. Попытались заделывать дырку кирпичами. Заливали бетоном. Но все впустую. Через несколько дней она опять сияла, как луч света в темном царстве, и вселяла надежду. А через месяц тут уже ездили на мотоциклах.

Пожилая уборщица из алкогольного отделения провела собутыльников под лестницу, где у нее были сложены ведра, тряпки, веники, швабры. Вытащила бутылку литра на три с желто-фиолетовой жидкостью, стакан, железную кружку и консервную банку с отбитыми от заусенцев краями. Пока собутыльники рассаживались на перевернутых ведрах и приспособляли под стол картонный ящик из-под туалетной бумаги (откуда тут туалетная бумага?!), уборщица принесла целый ворох засохших кусков хлеба. Сидите тихо, сказала она. Я вас запроу. Приду через час или два. Тихо чтобы, поняли?! А то тут по случаю праздника усиленное дежурство.

Ничего себе жизнь, сказал Стопкин после ухода уборщицы. Кому рассказать, не поверят. И это мы — образованные люди! Мужчины!! Хватит философии, сказал Жидов. Начнем! Начинайте вы (это — Командированному), а мы посмотрим, чем это кончится. Командированный наполнил сосуды, и в камерке повисло ужасающее зловоние. Это не самое страшное, сказал Командированный. Тут все в комплексе: вкус, затем — внутреннее ощущение. Целый институт изобретал эту гадость в течение пяти лет. Пить ее — вот тут действительно нужно большое мужество. А вы говорите — мужчины. Ну, поехали! Командированный одним махом опрокинул в себя консервную банку «Напитка космонавтов». Лицо его посинело, глаза разбежались в разные стороны, закатились и буквально на глазах полезли из орбит. Длилось это несколько секунд. Проглотив напиток, он занюхал корочкой черного хлеба, но есть не стал. Главное, сказал он спокойно, это — проглотить. Тут нужна сила воли. И не дышать несколько секунд. Есть сразу нельзя, вырвет. Надо пять минут выждать. Тут алкаши разработали целую систему питания. Как-нибудь на досуге могу рассказать. Ну, как видите, я жив-здоров. Давайте, двигайте! Трудно только по первой, а вторая и третья пойдут как по маслу.

Забавно, сказал Командированный после того, как Стопкин и Жидов пришли в себя после первой и самой трудной порции. Перечитал я тут Хемингуэя. Кстати, у нас неплохая библиотека. Разворачивают только, сволочи. Образ настоящего мужчины! Бородка! Свитер! Виски! Охота на львов! Перечитал и подумал: неужели этот дегенерат в самом деле воображал себя мужчиной?! Попробовал бы он сражаться с членами месткома и партбюро! Или с коллегами! Или с продавцами в магазинах! Львы — жалкие щенки в сравнении с активистами и членами комиссии партийцев-пенсионеров. Вы знаете, какая самая страшная казнь? Быть съеденным клопами! Или крысами. Раньше я от ужаса просыпался, когда мне снилась акула, собирающаяся меня сожрать, или крокодил. Но после того, как мне пришлось однажды ночью отбиваться от нападения крыс... И не так уж давно это было, отнюдь не при Сталине... Я мечтаю быть съеденным акулой. По крайней мере, океан. Ну, теперь трахнем по второй, и можно будет закусить.

После второй звон в ушах затих, желудок перестал вибрировать, несколько прояснилось зрение. Стало теплее. Расскажите об этом заведении, попросил Стопкин. Извольте, сказал Командированный.

МИСТИКА

Я слышал, сказал Командированный, в других местах применяют недозволенные методы «лечения» и держат насильно здоровых людей. Особый термин появился — «карательная медицина». Не буду это оспаривать. Но что касается нашей лечебницы (у нас ее называют здравницей), то у нас нет абсолютно ничего недозволенного. Тут все дозволено. Это мое утверждение допускает двоякую интерпретацию. Выбирайте любую, в этом вас тоже насиловать не будут. И насильно здесь вообще никого не держат. Уходи, если хочешь. Что, дверь заперта? Помочиться хотите? Дуйте в угол, за раскладушку. Подушку только отодвиньте. Мы всегда туда делаем. Вот я и говорю, все равно не выйдешь. А выйдешь, далеко не уйдешь. Куда ты денешься без копейки в кармане в чужом городе, где все на тебя зверем глядят? А обработают тебя тут так, что на тебя

все собаки кидаются, а дети и пенсионеры сразу волокут в милицию. Да и куда ты уйдешь в этом мире? И зачем? Здесь хотя бы койку дают и кормят, внимание оказывают. Большинство больных свободно гуляет по территории, в городе бывают. Правда, не более одного раза. Второй раз их туда ничем не заманишь. Вы сами знаете, что такое наш город. Полное отчуждение всех от всего и вся. Никуда не зайдешь уютно посидеть, выпить чашечку кофе или стаканчик вина. Не говоря уж о прочих причинах, о которых я уже упоминал. А местных психов у нас не держат, их отправляют в другие города. Тут только иногородние. Это — первый принцип укомплектования здравницы: больной должен быть изъят из его родной среды, помещен в чуждой ему среде и обрести такой вид, чтобы местные жители воспринимали его враждебно, а он испытывал страдание от пребывания в этой чуждой среде и избегал ее. Поверьте, эта здравница для подавляющего большинства больных — дом родной. Мне повезло, что я наткнулся на вас. К тому же я — персонал, а не больной. Среди больных до сих пор не было ни одного контакта с местными жителями. Даже на почве секса: секс здесь почему-то полностью исключен. Даже сексуальные маньяки ограничиваются чисто теоретическими рассуждениями на эту тему. И в основном врут. Вранье здесь процветает. Оно есть в некотором роде компенсация за утраченную реальность и единственно доступная форма творчества. Короче говоря, человек тут должен себя чувствовать «как дома», только дома, а «домом родным» для него должна стать чуждая для него среда, в которой его держат так, что даже сбежать из нее он уже не хочет, а если и захотел бы, то не смог бы. А если бы смог бы, то не обрадовался бы и т. д. В общем, тут хитрая диалектика. Читайте «Капитал» Маркса, особенно первый раздел. Насчет стоимости. С ней тоже нечто подобное происходило на ста страницах мелким шрифтом...

Первое время здесь развели всякого рода самодеятельность. Кружки. По примеру американцев устроили самодеятельный театр и студию рисования. И тут началось такое! За полгода местные художники обставили даже помоечных художников-нонконформистов Москвы, а театральная группа заткнула за пояс зна-

менитую Таганку, не говоря уж о такой шпане, как Малая Бронная и «Современник». Особым постановлением все это дело прикрыли. Рисовать в духе передвижников и играть по системе Станиславского психи... нет, не отказались, а просто не умели. Для этого надо было таланты иметь и много трудиться. А современные формы искусства никаких талантов и трудолюбия не требуют. Оставили только вокальную студию. От этих стервецов тут временами спасения нет. Поют похлеще Пьехи, Кобзона, Хиля и прочей безголосой швали. Одна потешная девица тут есть. Имма Сумак отечественная. Задирает подол, сует микрофон в задницу и шпарит весь репертуар Сопота. С первой до последней песни. И мужские, и женские. И здорово так, животики надорвете. Пляски еще оставили и футбол. Хоккей нельзя — клюшками дерутся, сволочи. Ансамбль песни и пляски даже на областном фестивале выступал, премию получил. А футбольная команда играет в лиге «Д» (по местной шкале). Это — второй принцип нашей здравницы: пусть дрыгают ногами и дерут глотку, но чтобы никаких проблем, никакого своеобразного видения и понимания.

Есть тут корпуса для «политических». Целых три. Кстати сказать, самые свободные. За исключением одной секции, о которой скажу потом. И что поразительно — свихиваются у нас в полном соответствии с принципами нашего строя, генеральной линией и последними установками. Я уже насобачился сразу определять, сколько человек тут сидит, стоит ему рот раскрыть. Раз говорит об увеличении приусадебных участков и разведении индивидуальных кроликов — два года, столько-то месяцев и столько-то дней. Как раз после апрельского пленума ЦК ВСП. А если поносит Картера за вмешательство в наши внутренние дела — три года, столько-то месяцев... Понятен принцип? Надо только газетную подшивку смотреть, и все. Подавляющее большинство свихивается вполне положительно, то есть начинают с удесятеренной силой превозносить мудрость Партии, Правительства и руководителей. И помогать им. Эти самые опасные. Их хватают сразу и изолируют. Но они здесь себя чувствуют превосходно, ибо верят в справедливость своего пребывания здесь. К тому же их тут (и только тут)

охотно слушают. Их тут почти не лечат, зачем зря лекарства тратить?! Поскольку они поддерживают Партию и Правительство, любые лекарства их только укрепляют в вере и намерении служить светлым идеалам. Иногда их выписывают. Но внешнее общество принимает их без особого энтузиазма. Все они, как правило, бездарны в творческом отношении, почти ничего, кроме газет, не читают. Разве что Кочетова, Горького, Евтушенко, Маркова... Чисто эмпирические наблюдения подсказали третий фундаментальный принцип нашей здравницы: полную свободу бессовестности, беспринципности, безыдейности и т. п. В результате по уровню коммунистической сознательности наша психушка не уступит самому ЦК ВСП. Тут есть один тип, бывший профессор философии, который считает секретаря по идеологии диссидентом, и один бывший партийный секретарь, считающий диссидентов реакционерами. А вот, кажется, идет и наша уборщица. Ну, дай Бог, чтобы не последняя! Я же говорил, что теперь пойдет, как компот.

РЕАЛЬНОСТЬ

Насчет диссидентов я вас должен разочаровать, говорит Командированный. В секции специально для диссидентов держат настоящих психов, свихнувшихся на почве политики, но в обратную сторону. Это — ненормальные психи. Их строго охраняют, к ним никого не пускают в силу инструкции, а не потому, что общение с ними опасно для посетителей и для общества. Хотя они призывают к крайним мерам (строить новую революцию, ввести партийный максимум зарплат, отменить закрытые распределители и персональные машины, выпустить на свободу Ленина, кидать бомбы в руководителей и т. д.), они фактически суть совершенно безобидные существа. И ужасно глухие. Я бывал там много раз и ни разу не встретил существа, разбирающегося в литературе или изобразительном искусстве, знающего иностранный язык, умеющего вообще прилично вести себя с другими людьми. Никто из них понятия не имеет о музыке. Это для них нечто несуществующее или блажь зажавшихся снобов. Един-

ственное, что они признают, — это лагерные песни. В общем, это публика крайне неинтересная. Не понимаю, почему власти боятся их. Они неизбежны во всяком обществе, число их никогда не превышает априорно высчитываемую величину. Но они иногда выкидывают довольно опасные номера, возражает Стопкин. Помните, тот человек, переодевшийся в милиционера, хотел стрелять именно в Вождя. Помню, говорит Командированный. Но Вождь почему-то уезжает другой дорогой и подставляет вместо себя другого. Тут пахнет провокацией. Тут скорее не покушение провалилось, а от провокации почему-то решили отказаться. А взрыв у Мавзолея Ленина, не унимался Стопкин. Опять-таки не в Мавзолее, а снаружи, говорит Командированный. Взрывы в метро и в гостиницах серьезнее, но все равно это — капля в море сравнительно с Западом. Гораздо интереснее другое, продолжает Командированный. Сюда поступает довольно большое количество людей, которые не являются диссидентами в установившемся смысле слова. Они проходят специальную обработку в секретных корпусах. В эти корпуса никого не пускают. Мы не знаем, что вообще там творится. Часть этих людей затем поступает в отделения обычных сумасшедших. Но большинство исчезает неизвестно куда. Не надо нас пугать, говорит Жидов, страшными сказками. Мы уже не дети. Я вас не пугаю, говорит Командированный, ибо тут нет ничего страшного, кроме неизвестности.

РАЗГОВОРЫ

Чем больше пили, тем серьезнее становился разговор.

Мы — народ-рассуждатель, сказал Командированный. Никто в мире не говорит столько впустую, сколько мы. Зайдите в любое наше учреждение. И вы засомневаетесь, стоит ли верить вывеске. Мы не столько решаем проблемы, указанные на этой вывеске, сколько болтаем о высшей политике, об искусстве, об американцах, о тряпках, об очередях, о психушках, о диссидентах, о взятках и вообще обо всем на свете. Разговаривают за рабочими столами, у приборов, в коридорах, в кабинетах, в туалетах... Особенно моло-

дежь. Дымят сигарету за сигаретой и шпарят без умолку. Разговор есть наша основная способность и наше основное дело. Описать суть нашей жизни — значит записать наши разговоры.

ФОРМУЛА ЖИДОВА

Я вывел любопытную формулу, говорит Жидов. Оказывается, есть довольно строгая зависимость степени замкнутости и контрастности слоев от ранга территориальной единицы. Так, на районном уровне в начальство выйти легче, чем на областном. И вообще здесь переход из одного слоя в другой проще, чем на уровне города или области. И разница в уровне жизни между слоями не так велика. Как сказать, говорит Стопкин. Все зависит от способов измерения. Для районного масштаба, может быть, разница в сто рублей и в одну комнату жилья существеннее, чем разница в пятьсот рублей и в пять комнат в столице. И слоев там, в столице, куда больше. Так что есть переходные слои, что соответствует нашей районной размытости. Но в целом ты прав. Чем выше ставки, тем серьезнее игра. Конечно, наше районное начальство живет паскудно с более высокой точки зрения. Но на своем уровне оно правдами и неправдами устраивается куда лучше, чем рядовые граждане. А возьми нашу городскую верхушку. Секретарей горкома, чинов из Горсовета, КГБ. Они живут дай Бог всякому. Не хуже столичного начальства, а то и получше. Правда, уже на гангстерской основе. Но все равно безнаказанно, значит, «законно». Мне Каплинский рассказывал, какие они там пиры закатывают. И насчет девочек не теряются. В столице, пожалуй, такое позволить себе они не могут. Там на виду. Хотя... В общем, дай мне твои расчеты, я подумаю.

ДИАЛЕКТИКА

Война в Юго-Восточной Азии между коммунистическими странами ставит под сомнение тезис марксизма о природе войн, говорит Стопкин, значит, коммунизм не устраняет возможности войн. Тут надо мыслить диалек-

тически, говорит Командированный. Войны и при коммунизме сохранятся. Но они будут справедливыми для всех участников. Это будут особые войны, дружеские.

ВЕЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Есть проблемы вечные как мир. Их любят ставить перед современниками самые бездарные и глупые писатели. Ставить, но не решать. Их дело — будить мысль, а не питать голодную пробудившуюся мысль готовыми продуктами творчества. Решать должны сами читатели. С помощью литературоведов и философов, которые сами тоже ничего не решают, зато знают, как эти вечные проблемы в свое время решали выдающиеся мыслители прошлого, не подозревавшие, что имели дело с вечностью. Вот, скажем, Ромео и Джульетта, говорит Стопкин. Любовь? Любовь. Проблема? Проблема. Трагедия? Трагедия. А Леночка... Это — дочка соседа по квартире... И Витька — это ее «мальчик»... Это что, не любовь? Не проблема? Не трагедия? Полностью согласен с тобой, говорит Жидов. Но объясни, в чем дело? Ничего особенного, говорит Стопкин. Девчонку после школы для стажа устроили в почтенное учреждение. Там ее совратил почтенный чин. Девчонка забеременела, хотя любила Витьку. И Витьке не давала, боялась забеременеть. А Витька ее любил. Обнаружилась беременность. Как быть? Свалила на Витьку. Витька повесился. Обнаружилось, он невинен. А чин ни при чем, не придерешься. Клевета, мол. В суд за клевету! Девочка что-то выпила. Жива осталась, но глядеть страшно. Одним словом, поехали! Чтобы Они там все сдохли!

ПРОГНОЗЫ

— Какой-то классик марксизма говорил, что при коммунизме золото пойдет на унитазы, — сказал Командированный. — Это весьма символическое заявление. Но не в смысле выражения идеалов коммунизма, а в смысле проявления интеллектуального уровня классиков. Во-первых, делать унитазы из золота весьма неудобно. Во-вторых, золота не так уж много, чтобы делать унитазы. В-третьих, золото имеет ценность как металл: не

ржавеет, годится для украшений. Классик ляпнул демагогическую фразу, не подумав об очевидных вещах. Так и со всеми прочими их мыслями о коммунизме. Но черт с ними, с золотом, классиками и унитазами. Вернемся к реальности. Сейчас мы с вами идем по улице Ульяновых. Параллельная улица — улица Сталина. Первая улица налево — улица Калинина, затем — Дзержинского, затем — Ворошилова, затем — Жданова. Потом — площадь Ильича, за ней — Ленинский проспект. Его пересекает улица видного партийного деятеля товарища Хлыстова, затем — маршала Кулакова, затем... Короче говоря, дело идет к тому, что скоро:

Требованиям времени внемля,
Переименуется Земля.
И будет прозываться до скончанья века
Именем очередного Генсека.
Ближайшая планета будет не Марс,
А, само собой разумеется, Маркс.
И будет для всех последующих поколений
В небе сиять не Солнце, а Ленин.
И даже на вывесках забегаловок и вытрезвителей
Появятся имена начальников и руководителей.

— А не все ли равно, что и как называется, — сказали собутыльники.

— Все равно, — сказал Командированный, — если назвали один раз, и дело с концом. Но ведь это делается систематически. Обставляется спектаклями. Тысячи и тысячи ничтожеств куражатся и выламываются на наших глазах, чтобы закрепить свое имя хотя бы на короткий срок и хотя бы за маленьким кусочком мира. Разве это не омерзительно?

— Названия — пустяк, — сказал один из собутыльников. — Вы слышали о новой реформе школы? Теперь выпускников школ будут распределять государственным порядком по предприятиям, причем будут посылать туда, где потребуется рабочая сила, а в высшие учебные заведения будут направлять уже с работы. Представляете, что начнет твориться?

— Ничего особенного, — сказал Командированный. — Просто эти идиоты в самом деле хотят назвать галактику именем какого-нибудь партийного руководителя.

— Сусликова, например. Сусляктика!..

Мнение, будто наше общество создано по плану классиков и вождей, есть нелепейший предрассудок. Вожди либо планировали сделать нечто совсем иное, либо ловко использовали естественный процесс в своих эгоистических интересах. Они неслись на волне неподконтрольной социальной истории, воображая себя ее рулевыми. «Мудрость» вождей в таких случаях сопоставима с наивностью малолетних детей или самообольщением шизофреников.

Вот два любопытных примера для размышления. После революции в некоторых отдаленных от центра и изолированных друг от друга районах Страны, в которых не было ни одного члена Партии, быстро сложилась такой же строй жизни, как в центре и в районах, находившихся под контролем центра. Почему это произошло? Сходный человеческий материал, сходные условия и возможности открыли простор для действия одних и тех же законов формирования цивилизации. Пример второй. Однажды власти решили организовать в районе *Н* образцовое коммунистическое общество (как они его понимали, конечно, согласно указаниям классиков). Отобрали самых сознательных добровольцев членов Партии и Комсомола со всей Страны. Обеспечили их предметами потребления по тем временам в изобилии («по потребностям»). В общем — рай земной. Живи, трудись, раскрывай свои способности. Но уже через несколько месяцев там установился режим еще более жестокий, чем в остальной Стране. Нищета для одних (при реальном изобилии продуктов!!) и избыток всего для привилегированных. Ужасающий террор. По газетам и фильмам там была благодать. А на деле — кошмар. Попытки бегства пресекались как своими силами, так и органами власти вне *Н*. Беглецов уничтожали без суда и следствия. Неизвестно, чем бы этот опыт закончился, если бы начальство не перегрызлось между собою в борьбе за власть. Их расстреляли по очереди как «врагов народа», а об *Н* просто перестали говорить как о «коммунистическом примере». Весь район превратили в концентрационные лагеря. Эту функцию он выполняет до сих пор.

В учебнике «научного коммунизма» написано следующее. При коммунизме все источники общественного

богатства польются полным потоком. Осуществится принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Будет обеспечен неизмеримо более высокий жизненный уровень, чем в любой стране капитализма. Труд перестанет быть просто средством заработка. Человеческие отношения полностью освободятся от расчета и корыстных соображений. Человек получит возможность всегда бесплатно получать из общественных запасов все то, что ему нужно для обеспеченной и культурной жизни. Это освободит его от тягостных забот о завтрашнем дне, и он посвятит себя высоким интересам. Всемирное развитие получит свобода личности, а также политические и социальные права граждан. Наступит полное социальное равенство и свобода. Различие в деятельности не будет вести к привилегиям и неравенству владения и потребления. Исчезнет почва для каких бы то ни было мер принуждения. Отношения господства и подчинения окончательно заменяются свободным сотрудничеством. Отпадает необходимость в государстве как политической организации. Методы убеждения полностью заменят административно-принудительные меры воздействия на людей. Общественное самоуправление будет действовать в атмосфере полной гласности, информированности масс о делах общества и чрезвычайно высокой активности людей. Во всю гигантскую силу развернется человеческий разум. Огромных высот достигнет культура характеров и чувств людей. В полную силу разовьются новые моральные побуждения, солидарность, взаимное доброжелательство, чувство глубокой общности с другими людьми — членами одной человеческой семьи. Сплочение, сотрудничество и братство станут принципами отношений между людьми внутри общества и между народами. И так далее в том же духе.

А пока все наоборот. Вопиющее социальное и экономическое неравенство. Массовые насилия. Дезинформация. Обман. Бесхозяйственность. Нищенский жизненный уровень для большинства. Взаимная злоба. Дефицит всего необходимого. Очереди. Полное бесправие. Прикрепление к месту жительства и работы. Злоупотребления служебным положением. Взятничество. Цинизм. Расточительство властей. Гонения на мыслящую интеллигенцию. Насилие над соседними народами. Идиотизм руководства. Славословие. Демагогия. Холуйство. Всеоб-

щая скука. Массовая преступность и т. п. Все это теперь общеизвестно. И в коммунистический рай, описанный выше, теперь мало кто верит.

Но это неверие несколько не ослабляет само реальное коммунистическое общество. Последнее крепнет и расширяется, заражая собою весь мир. Его претензии на мировое господство имеют реальные основания. Естественно, возникают проблемы. Являются ли упомянутые мерзости преходящими или они суть неизбежные спутники реального коммунизма? Приблизится ли реальный коммунизм когда-нибудь к своему прекрасному идеалу? Как далеко коммунизм может зайти в своих мерзостях? Имеются ли внутри коммунистического общества силы, способные ограничить буйство этих мерзостей? Очевидно, решить такого рода проблемы без серьезного изучения коммунистического общества нельзя. А откладывать их решение на будущее с расчетом на то, что опыт истории даст свои ответы, по меньшей мере глупо, если только не преступно, ибо история очень скоро может сказать свое беспощадное «уже поздно»!

В реальном исполнении коммунизм выглядит совсем иначе, чем его представляли себе основатели «научного коммунизма», их прекраснодушные предшественники и не в меру рьяные последователи. Тут есть одна лазейка для апологетов. Мол, это еще не коммунизм. Вот подождите еще немного, мы вам построим коммунизм в полном соответствии с чаяниями. Но эта лазейка — только для кретин и жуликов. Когда мы проектируем и строим, например, новый прекрасный дом, мы не планируем в нем клопов и тараканов, неисправные краны, скверных соседей и т. п. Однако это не дает нам основания утверждать, что мы еще не построили то, что нужно, или что построили нечто иное. Дом построен в соответствии с замыслом. И живите! Другого не будет! Так и здесь. Имеются наиболее существенные признаки коммунизма, реализация которых по замыслу основоположников необходима и достаточна для построения самого настоящего коммунизма. По их замыслу, реализация этих признаков и будет иметь следствием все те прелести человеческой жизни, о которых люди мечтали веками. То самое светлое будущее, которое... В общем, никаких «клопов» в этом светлом будущем быть не должно, раз самые фун-

даментальные условия будут выполнены. А раз «кюпы», значит, еще не достигли!

Но благими намерениями вымощена дорога в ад. Создание условий, необходимых и достаточных, по мысли основоположников, для коммунизма, одновременно означает создание другого, такого, что никак не согласуется с обещаниями основоположников, ибо это многое другое довольно отвратно и омерзительно. И оно, это другое, неразрывно связано с прекрасными фундаментальными признаками коммунизма. Оно-то и есть материальная, осязаемая реальность этих фундаментальных признаков. Это и есть та самая сказка, которая стала былью. Как говорится, наши недостатки есть продолжение наших достоинств.

У нас давно построен самый полный коммунизм. А разговоры о низшей и высшей ступени — бред сивой кобылы. В жизни так не бывает. Тут за короткий период пролетают все стадии, и образуется некое качественное определенное целое. Ребенок не рождается по частям. Он рождается целиком. Он растет, взрослеет, стареет, впадает в маразм, подыхает. Но это — иное дело. Это — жизнь все того же человека. Так что фактическое положение совсем не таково, будто наука о коммунизме уже есть, а самого коммунизма еще нет. «Научный коммунизм» на самом деле есть идеологический мираж. Это — «райская» часть нашей идеологии. Надо же людям сулить что-то прекрасное, если не можешь толком наладить даже производство картошки, свести мордобой до терпимого уровня. И никакой науки о коммунизме еще нет. А вот сам коммунизм давно есть и уже успел проявить все свои прелести. Условием науки о коммунизме является констатация самого факта его существования.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

- Неплохо бы бабу поймать, — сказал Стопкин, когда средства на выпивку были исчерпаны.
- Где ты ее сейчас возьмешь, — сказал Жидов.
- Пошли к Дусе, она добудет.
- Меня мутит от этих уродин.
- Не бывает некрасивых баб. Бывает лишь мало выпивки.

— Будь я евреем, давно бы на Западе в приличном борделе сидел.

— Теперь, говорят, и русских по еврейской линии выпускают.

— Выпускают, если хотят избавиться. Все равно это пустое дело. Нам, иванам, Запад противопоказан. Там работать надо. Вот, например, после такого перепооя смог бы ты там, на Западе, работать? Нет. Значит, по шапке, пополнять ряды безработных. А тут красота! Придем на работу, отметимся. И добирай себе на своем рабочем месте или в каком-нибудь закутке. Нет, брат. Я нашу жизнь ни на какую другую не сменяю. Давай лучше просто так зайдем к Суслику. Мол, товарища проведать. Авось расщедрится на рюмочку-другую.

— Ни под каким видом! От этой твари — ни сигаретки! А что, если в нашей конторе вышибить стекло?

— Ты что, забыл? Теперь же во всех учреждениях ночные дежурства. После тех взрывов и пожаров в Москве и по всей Стране бдительность проявляют.

— Вот идиоты! А у нас-то зачем? Да пусть наша вшивая контора хоть с потрохами сгорит! Кому она нужна?!

— Никому. Потому и охраняют.

Переговариваясь подобным образом, собутыльники добрались до дома, где жили Сусликовы. Хитроумными математическими методами рассчитали, где должны быть окна Сусликовых. Убедились в том, что те уже спят. Выключили в подъезде свет на всякий случай, поднялись на седьмой этаж и ошупью подкрались к двери Сусликовых. Стопкин шепнул, что они, б...и, уже дрыхнут и что можно начинать. Спустив штаны, собутыльники наложили перед дверью две мощные кучи.

В понедельник Сусликов, слегка усмехаясь, рассказывал в секторе, что неизвестные бандиты наложили две кучи перед дверью их соседей. Сосед, работник Органов Безопасности, поклялся, что не оставит дело без последствий и непременно разыщет этих диссидентов.

Стопкин отозвал Сусликова в сторонку и шепнул ему, что кучи сделали его вчерашние гости, упившись и обожравшись на даровых харчах. И если Органы раскопают, будут неприятности. Сусликов слегка побледнел и пообещал через тестя принять меры, чтобы дело не раздували.

— Эх ты, теоретик, — сказал Стопкин Жидову с обидой, — я же говорил, надо рассчитывать до пятого знака.

Часть третья

ЗАТЕЯ

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В социальной истории Страны имели место четыре периода: 1) революция, Гражданская война, восстановление; 2) кровавый террор, беспредельная демагогия, неслыханная эксплуатация населения и вместе с тем иллюзии, реальные успехи; 3) разоблачение ужасов второго периода, либеральные веяния; 4) ликвидация недостатков третьего и возрождение достоинств второго периода, стабилизация системы. Совершенно очевидно, что движение протеста против отрицательных проявлений коммунизма не могло зародиться в первую эпоху (коммунизма еще не было) и во вторую (всякое недовольство нещадно подавлялось). Оно зародилось лишь на третьем этапе. Напрашивается вывод: лишь наличие некоторого минимума благополучия рождает возможность протеста. Родившись однажды, движение протеста не могло быть уничтожено совсем. Оно перестало быть таким массовым, как на третьем этапе, в смысле участия в нем населения. Зато оно стало более широким в смысле участия в нем людей, посвятивших ему свою жизнь, и углубилось. Раньше борьба шла за мелкие уступки, которые делались почти автоматически самим ходом жизни. Теперь борьба затронула самые основы социального строя, коснувшись «прав человека».

Хотя это движение и не имело поддержки в широких слоях населения, оно напугало власти и привилегированные слои, ибо грозило перерасти в разоблачение сущности и структуры коммунистической формы эксплуатации. Именно этот страх, хотя и не всегда осознанный,

лежал в глубине мероприятий властей, вылившихся в описываемую здесь Затею.

В движении протеста этого периода наметились две ветви: персональный бунт видных деятелей культуры и мелкие организации, составленные из представителей интеллигенции среднего и ниже среднего (в профессиональном отношении) уровня. Обычно эти группы были совершенно беспомощны в организационном отношении, были напичканы осведомителями и провокаторами ОГБ, занимались не столько делом, сколько игрой в дело, стремились не столько к борьбе за некие «права человека», сколько к самоутверждению за счет проблемы «прав человека» и к известности. В какой-то мере они были удобны для ОГБ. Они отвлекали общественное мнение от действительно важных проблем жизни общества на второстепенные. Через них можно было легко выявлять недовольных людей и группы недовольных, возникающие в различных уголках Страны (например, списки таких групп «обнаруживались» при обысках, так как никакие правила конспирации не соблюдались). И тем не менее эти группы сыграли значительную роль в истории Страны.

Основными средствами борьбы против нарастающего недовольства были, во-первых, первичные деловые коллективы, в которых работали люди, и, во-вторых, Органы Государственной Безопасности (ОГБ). Коммунистическая пропаганда и улучшение бытовых условий теряли свою былую силу.

ЛИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВ

Рядовой гражданин коммунистического общества живет под неусыпным наблюдением и контролем своей первичной социальной ячейки, через которую он добывает средства существования и реализует свои потенции. Если индивид не «выпендривается», ведет себя «как все», коллектив оказывает ему внимание и даже предоставляет защиту. Но основная задача ячейки — помешать человеку выделиться из коллектива, возвыситься над ним, противопоставить себя ему в качестве автономной личности. Случаи, когда коллектив выказывает почтение к какому-то своему члену и возвеличивает его, не проти-

воречат этому правилу, так как это означает признание заурядности (а не превосходства!) данного члена коллектива, но в особой социально значимой (дозволенной и признанной) форме. Между прочим, культ Вождей в нашем обществе есть культ ничтожеств, а не выдающихся личностей.

Меры первичных коллективов в отношении тех, кто обнаруживает признаки выделения индивида в качестве личности, весьма ощутимы, хотя они и кажутся для посторонних сущими пустяками. Например, лишение премии или надбавки к зарплате, невключение в очередь на жилье, отказ повысить в должности, выговоры, бойкот, сплетни. Существенное место в этой системе давления занимают партийные и комсомольские организации, от решения которых судьба членов партии и комсомола, которые суть члены коллектива, зависит роковым образом. В большинстве случаев эти меры достаточны, чтобы «образумить» человека или жестоко расправиться с ним. Если же меры коллектива не дают желаемого эффекта, в силу вступают специально созданные органы подавления, работающие в тесном контакте со всеми прочими формами власти и с первичными коллективами. Ядро, вдохновляющее начало всей системы подавления, образуют Органы Государственной Безопасности. Они суть лишь отчужденная и обобщенная в масштабах всего общества сила коллектива, направленная против личности.

Интимная жизнь коллектива не исчерпывается совместной производственной или служебной деятельностью. Она включает в себя также разнообразную совместную общественную деятельность (собрания, вечера, поездки, награды и т. п.), а также личные взаимоотношения, вырастающие на этой основе (сплетни, гостевание, любовные связи, совместные выпивки, локальные группки, мафии, круговая порука, взаимные услуги). Последние-то и придают внутриколлективным отношениям характер интимности. Они сплавляют коллектив в единую семью не в фигуральном, а почти в буквальном смысле слова. Они сплавляют коллектив в нечто большее, чем семья, а именно — в своего рода единую личность (суперличность) нашего общества, в такое «мы», которое имеет право рассматривать себя как «я». Это очень важно для понимания всего происходящего у нас. У нас, подчеркиваю,

носителем личностного начала является не отдельный человек, а целостное учреждение. Отдельный человек есть лишь частичная личность, претензия на личность, протест против обезличивания, воспоминание о личности. Так что в применении к нашему обществу полноценным субъектом права и морали является не отдельный человек, но лишь отдельное, целостное и автономное в своей деятельности учреждение (предприятие). Когда нормы права и морали, сложившиеся в условиях цивилизации Запада, переносят на нас, получаются те самые курьезы, из-за которых столько десятилетий идет совершенно бесперспективная борьба.

Интимная жизнь коллектива — это огромное число действий и связей, которые в большинстве случаев привычны, автоматичны, неявны, незаметны для посторонних, но существенны для посвященных. Это — все то, что делает человека своим в некоторой части коллектива и через эту часть — своим для коллектива в целом. Благодаря этому в интимной жизни человека не остается ничего такого, что неизвестно коллективу (начиная от состояния кишечника и кончая амурными делами). Чтобы человек был признан в коллективе своим, он должен обладать некоторым набором пороков, допускаемых коллективом фактически, хотя порицаемых часто официально. Например, пьянство (в меру, конечно, чтобы не было «пятна» на учреждении и чтобы жена не жаловалась), двуличность, подхалимаж, склочность, бездарность. Человек еще более принимается коллективом, если с ним приключаются неприятности (болезни, раздоры в семье, неудачи с детьми). Коллектив, например, готов с сочувствием зацеловать человека, у которого ограбили квартиру, сперли шубу. Коллектив по самой сути есть объединение ущербных, серых, несчастных существ в некое целое, компенсирующее их дефекты.

В коллективе выделяются люди, которые становятся профессионалами по его интимной жизни. Они вникают во все детали жизни сотрудников, распространяют новости, слухи и сплетни, мобилизуют сочувствие или осуждение. Одним словом, коллектив учреждения, в котором работает индивид, есть его основная и органическая жизненная среда, без которой он вообще не мыслит себя в качестве личности. И общество не признает в качестве полноценного гражданина такого человека, кото-

рый сам или через членов своей семьи не приписан (не прикреплен) к какому-нибудь учреждению, как принято говорить — нигде не работает. И это — объективный факт нашей жизни, а не пропаганда апологетов и не клевета врагов. Это — фундаментальный факт всей социальной структуры общества.

ОТЩЕПЕНЦЫ

Отличительная черта выпадающего (отщепенца) — неучастие в этой самой интимной стороне жизни коллектива, которое членами коллектива расценивается как противопоставление коллективу, зазнайство, отрыв от коллектива. И не спасет то, что такой человек — хороший работник. Если коллектив почувствует, что этот человек — отщепенец, он сделает все, чтобы разрушить представление о нем как о хорошем работнике. Выглядит это как разоблачение, выведение на чистую воду, сдергивание маски. Обычно это потом преподносят так, будто под личиной честного и хорошего работника скрывался чуждый нам враг.

Надо признать, что коллектив не сразу относит сотрудника к категории отщепенцев. Проходят годы, иногда — десятилетия, прежде чем это случается. Да и сам сотрудник не всегда сразу становится отщепенцем, а став — не всегда сразу это осознает. Иногда он этого вообще не осознает и впадает в крайнее недоумение, когда коллектив начинает с ним расправу. Коллектив сначала яростно борется за то, чтобы сотрудник не оторвался от него и не противопоставил себя ему. Применяются всевозможные меры от ласки до угроз и нанесения ущерба. И обычно редко кто не поддается натиску коллектива. Последний в отношении сотрудника, за которого идет борьба, может себе позволить многое такое, что недопустимо в отношении тех, насчет которых нет сомнений. Например, коллектив может скрыть от начальства факт попадания сотрудника в вытрезвитель и тем самым завлечь его в некоторые интимные отношения с доверенными лицами коллектива.

Как правило, сотрудники не стремятся стать отщепенцами, а коллектив искренне стремится приобщить человека к своей жизни. Здесь действует глубинный закон

нивелирования индивида и прикрепления его к коллективу, причем обе стороны естественным образом стремятся к этому. И если происходит выпадение человека в отщепенцы, то это есть уклонение от общей нормы. Это уклонение не есть случайность, — есть другие законы, порождающие его. Но само по себе оно есть уклонение от норм жизни, вырастающих из недр этой формы жизни. В силу тех же законов единства индивида и коллектива последний предпочитает не выбрасывание, а обламывание его и удержание в себе в обработанном виде. Тут имеет силу принцип: стань как все мы, и мы тебя простим. Отщепенец выбрасывается вовне лишь в крайнем случае, когда не остается надежды обломать его, или по указанию властей. Обычно тут имеет место совпадение.

Одно из самых мощных средств воздействия коллектива на человека, который выпадает из него или имеет к этому тенденцию, — это клевета. Клеветали люди и в прошлом. Но только в нашем обществе клевета стала нормальным социальным явлением, не вызывает открытого осуждения и никаких угрызений совести. Только здесь она достигает чудовищной силы и применяется на всех уровнях жизни Страны. Примеры клеветы на крупных оппозиционных деятелей культуры и диссидентов общеизвестны. Конечно, все зависит от того, на кого она направлена. Если она направлена на своего или (Боже упаси!) на вышестоящее начальство, она есть уголовное преступление. Она не наказуема лишь тогда, когда объект ее вытолкнут коллективом и одобрен начальством в качестве индивида, противопоставляющего себя коллективу и обществу в целом. Такой индивид живет в атмосфере постоянной клеветы. Поскольку у людей нет никаких внутренних ограничителей (вроде страха Бога, совести, моральных принципов, воспитанности), а внешние ограничители сняты, люди не скупятся на клевету и проявляют при этом бездну изобретательности. Талант народа в огромной степени уходит в клевету на ближнего. Когда-нибудь на это явление обратят внимание и создадут науку клеветологии. И это будет практически очень важная наука, открытия которой в полном соответствии с партийными установками будут немедленно претворяться в жизнь.

Навыки клеветы в обществе развиты настолько высоко и привычка клеветать вырабатывается из поколения

в поколение настолько последовательно и систематично, что люди даже не отдают себе отчета в том, что они занимаются клеветой. Способность клеветы им органически присуща как одно из величайших исторических достижений народа. Клевета есть фактор нашей повседневной жизни на всех ее уровнях.

Практически клевету невозможно разоблачить, ибо в ней принимают участие все, никогда не обнаруживаются ее источники и инициаторы; посторонние не в состоянии отличить ее от правды, разоблачение ее легко превращается в пустяк, шутку.

Что поделаешь, скажете вы. Мы живем в грязи, и нелепо лезть в эту грязь в белых праздничных одеждах, надо надевать такую же удобную для этой грязи робу, как все. Верно! Именно об этом я все время и говорю. Я только делаю тут небольшое дополнение: эту грязь источаем мы по своей доброй воле. Зачем? Да потому что нет у нас белых праздничных одежд, а есть лишь ужасные робы, и, чтобы они выглядели терпимо, мы создаем соответствующую им грязь. Дело обстоит вовсе не так, будто мы отражаем в себе внешние условия и становимся таковыми, как есть, в силу необходимости. Дело обстоит так, что мы творим нашу общественную жизнь в соответствии с тем, что мы представляем собою как исторически сложившиеся существа. Как мы сложились такими, другой вопрос. Только изменение условий нашей жизни не влечет за собой автоматически изменения типа человека, живущего в этих условиях. Социальная природа человека не менее консервативна, чем биологическая. Не знаю, где этот консерватизм оседает в человеке. Но твердо знаю, что мы любые условия загаживаем в соответствии со своей социальной натурой (пусть даже она сложилась исторически).

Поразительным, однако, является не то, что коллектив расправляется с отщепенцем, а то, что он с необходимостью выталкивает какого-то своего члена на роль отщепенца. Отщепенец чужд этому обществу, но он чужд ему в такой форме, что он одновременно и необходим ему. Выталкивание подходящего человека в отщепенцы, одновременное стремление сделать его своим, затем — стремление дискредитировать и подавить его, наконец, исключение из общества — все это суть необходимые элементы тренировки общества на монолитное единство, демонстрация этого единства для себя и для

других, средства постоянного воспитания общества в определенном духе и поддержания этого духа. Врагами общества люди не рождаются. Они ими становятся, причем по воле и желанию общества. Коллектив намечает человека определенного типа в качестве будущей жертвы, и, приобщая его к коллективу, он делает это так, что в качестве неизбежного следствия имеет место выталкивание жертвы на роль врага. Врага обычно фиктивного, иллюзорного. Очень редко — реального. Здесь действует свойство нашего общества, аналогичное изгнанию путем невыпускания и задерживанию путем изгнания, а именно — свойство приобщать путем выталкивания или выталкивать путем приобщения. В этом есть какой-то глубокий смысл, непонятный участникам и аналогичный смыслу ритуальных жертв в обществах прошлого, основанных не на правовых, моральных и христианско-религиозных принципах.

Прежде всего, что собой представляют кандидаты в отщепенцы по своим личным качествам? Это — люди высокоодаренные, оригинальные, смелые, прямые, независимые в своем мировоззрении, яркие, то есть самые незащитные в социальном отношении, самые уязвимые и самые ненавистные для средней серой массы сотрудников коллектива. В отношении таких людей все меры коллектива, имеющие целью приобщить их к своей интимной жизни, вызывают естественным образом лишь усиление сопротивления индивида коллективу и стремление выделиться из него в качестве суверенной личности. И кончается это либо гибелью индивида на уровне коллектива (запой, апатия, авантюризм), либо фактическим изгнанием его вовне, что также ведет к потере его обществом. Очень часто это — физическая изоляция индивида от общества силами карательных органов.

Поступки людей, вызывающих повышенное внимание коллектива, не воспринимаются объективно, а подвергаются особому истолкованию — интерпретации. Суть последней состоит в том, что окружающие по своему усмотрению приписывают поступкам таких людей мотивы, цели, причины и последствия — то есть определенный смысл. И далее люди имеют дело фактически не с поступками, как таковыми, а со своей их интерпретацией. Они при этом не замечают, что им навязывается некоторая наиболее удобная для данной

ситуации и для доминирующей части коллектива интерпретация.

Члены коллектива прибегают к этому не потому, что они не знают подлинных причин, мотивов, целей и последствий поступков данного человека, а потому, что это для них удобно. Это дает им психологическое самооправдание, настраивает их определенным образом, дает аргументы для наказания жертвы. Они сами судьи и исполнители решений. Для них не играет роли истина. Им важен лишь факт выпадения человека из коллектива и их реакция на это.

Получив определенное истолкование, поступки отщепенца подвергаются оценке. Таким образом, оцениваются не поступки сами по себе, а их интерпретация в атмосфере клеветы. Оценки поступков людей разделяются на личностные и коллективистские. Первые имеют место в рамках нравственности. При этом отдельный человек и группа людей (или другой человек), с которой он вступает в отношения, суть равноправные партнеры. И предпочтение отдается более слабому. У нас такие оценки исключены. В случае же коллективистской оценки поступки человека рассматриваются с точки зрения их роли в жизни коллектива. Интересы коллектива здесь выше интересов отдельного человека. Сам коллектив здесь поставлен в такое положение, что он в ответе за поведение своих членов. Это удобно. С одной стороны, с каждого индивида снимается ответственность за коллективное насилие над ближним, а с другой стороны, коллектив вынуждается на злобную реакцию против отклонившегося от него члена и на беспощадную расправу с ним.

Само наказание жертвы осуществляется по определенным правилам. Целая система организаций и лиц следит за тем, чтобы эти правила были соблюдены и чтобы наказание было доведено до конца. Все заинтересованные и ответственные лица должны убедиться в том, что коллектив правильно реагировал на «чепе», что коллектив в основе здоровый, а руководство справится с ситуацией и примет меры, предупреждающие повторение случаев такого рода. Иначе этим надсмотрщикам будет, в свою очередь, указано на их просмотры в этом деле. И так до тех пор, пока волна ответственности не заглохнет в глубинах социальной иерархии.

Основные принципы ритуального наказания таковы: 1) всячески очернить жертву; 2) выразить свое возмущение ее поведением; 3) признать свою вину в том смысле, что проглядели, проявили либерализм, не обратили должного внимания на сигналы; 4) наказать тех, кто считается виновным в том, что проглядели; 5) принять профилактические меры.

Цель наказания — месть преступнику и назидание другим. Наше общество мстительное по существу. Мстят даже без выгоды для себя, даже во вред себе. Нет целей для этого. Сама месть есть самоцель. Психологически — на преступнике такого рода вымещают злобу, накопившуюся в людях из-за того, что они сами создали и поддерживают ненавистную им систему взаимного рабства. Коллектив сам поставлен в такое положение, что вынужден наказывать преступника самым жестоким образом. Коллектив в ответе за поведение своих членов. И родственники в ответе тоже. Методы расправы стандартны: дискредитация провинившегося во всех отношениях, и в деловом — в первую очередь; «разоблачение» морального облика; желательно подвести под обычный Уголовный кодекс. Наказание — не отдельный акт, а постоянное состояние провинившегося на всю оставшуюся жизнь. Жизнь должна выглядеть так, будто этого человека вообще не было. Существенно то, что при этом наказываемый лишается защиты коллектива от хулиганов, воров, бандитов, милиции, соседей. В обществе, в котором индивид не имеет правовой защиты от произвола местных властей, единственной защитой для него в этом плане является коллектив. Без нее человек становится игрушкой в руках случая даже при сравнительно слабых наказаниях.

ОГБ

Органы Государственной Безопасности (ОГБ) являются ясной для всех и вместе с тем не понятной никому организацией в Стране. С одной стороны, это есть лишь веточка и орудие аппарата Партии. С другой стороны, такая веточка, которая по мощности имеет тенденцию превзойти дерево, веточкой которого она является, и такое орудие, которое постоянно стремится превратить в

свое орудие весь остальной аппарат Партии. Подчеркиваю, речь идет о тенденции, а не о реальном положении дел. В свое время эта тенденция была доминирующей, и ОГБ были реальной господствующей силой в Стране, подчинившей себе весь аппарат Партии и государственной административной власти. Потом (после «разоблачения культа», в «либеральную» эпоху) эта позиция ОГБ была нарушена, и им была на довольно длительный период отведена незавидная (хотя и по-прежнему гнусная) роль. Теперь, судя по всему, мы вступаем снова в период, когда роль ОГБ сильно возрастает. И не исключено, что они еще могут проявить себя более роковым образом, чем ранее.

Упомянутое положение ОГБ связано с особенностями структуры и статуса аппарата власти в Стране. Чтобы понять, в чем тут дело, надо принимать во внимание следующее. Первое — различие фактической и номинальной власти и их несовпадение. Примеры такого рода общеизвестны. Например, Вождь Партии незаконно выполняет функции главы государства, вступая в переговоры с главами западных стран и подписывая договоры. В силу закона тенденции власти к сужению круга носителей власти (вплоть до единовластия) во главе Страны, фактически, оказывается сравнительно небольшой круг лиц из самых различных органов, слоев, сфер общества (вплоть до близких родственников Вождя, занимающих официально не самые высокие посты). Естественно, должен сложиться фактический механизм власти, позволяющий правящей группе держать всю Страну. Таким механизмом (тоже естественно) становятся ОГБ, а их глава входит в правящую группу и становится одним из ближайших подручных Вождя. Второй фактор — дифференциация различных функций единой власти (идейных, административных, представительных-показных, управленческих, социальных) и воплощение их в различных организациях. Создаются организации, воплощающие в себе и реализующие на деле социальные функции власти. Это и есть аппарат ОГБ и совокупность других организаций, так или иначе подчиненных ему и контактирующих с ним. А в силу особенностей коммунистического общества именно социальная функция власти является доминирующей. Это и есть здесь коммунистическая власть, как таковая, в чистом и натуральном виде, как

бы ее ни маскировали и какое бы место в системе власти ни отводили ей номинально. Это и есть та самая власть коллектива над индивидом, отчужденная социальными группами общества в силу разделения функций и объединения в масштабах всего общества. Представительно-показная власть, по идее воплощающая общее руководство, оказывается иллюзорно-политической. По самой сути нашего общества здесь реальная власть не может быть открытой и явной. Это очевидно в отношении «выборных» органов власти. Но это имеет силу и в отношении номинального аппарата партийного руководства. Всем хорошо известно, что бесчисленные члены бюро районных, областных, краевых комитетов партии и даже члены центральных комитетов партии суть пустое место, что заправляют всем в этих органах первые секретари, навязываемые сверху и фактически неподконтрольные своим избирателям и прочим членам органов «коллегиального» руководства. Только в некоторых случаях высшее партийное руководство обретает видимость коллективного. Причем для посторонних остается скрытым тот факт, что оно при этом либо является переходным, либо выступает как фактическое представительство и власть ОГБ. Дело тут не в названиях и не в формально-бюрократических отношениях. Дело в том, подчеркиваю, что социальная власть общества есть власть в собственном смысле слова, что она воплощается в определенной организации и что в данном случае это ее воплощение принимает форму ОГБ. Так что выделение здесь ОГБ в качестве предмета внимания есть просто выделение социальной власти общества в ее техническом исполнении. Это не есть шизофреническая идея, как полагают многие (часто неглупые) люди. Это есть неизбежное следствие научной абстракции при анализе сложного механизма этого общества. Оставить без внимания ОГБ при анализе коммунистического общества значит оставить без внимания то, как конкретно осуществляется техника специфической социальной власти общества — власти «мы» над «я».

Вот, к примеру, простая задача для упражнений в социальном мышлении. У власти стоит «коллегиальное» руководство, а фактически — два или три человека. Одному из них надо спихнуть двух других и стать единоличным правителем. Почему это нужно — другой

вопрос. Важно, что это не просто хочется, а необходимо по не зависящим от отдельных людей причинам. Не ты их, так они тебя. И речь идет не просто о борьбе внутри тройки, а о борьбе за власть в огромном аппарате, воплощающейся и фокусирующейся в борьбе двух-трех (как правило, маразматиков) за личную власть (которой они фактически иметь не будут). Так, напоминая, одному из них надо захватить единоличную власть. Как это сделать технически? Одними разговорами? Чушь! Устраняемых надо изолировать от своих групп и от прочих членов власти, надо за ними в оба смотреть, а то и уничтожить совсем. Надо организовать давление на прочих членов органа власти, принимающих то или иное решение. Словами их не убедишь. Единственное, что может их убедить, — это угроза отстранения от власти, понижения и даже ликвидации (организовать «инфаркт» ничего не стоит). Для этого нужны люди. А это — ОГБ.

Реальная часть общества состоит в том, чтобы ежеминутно отдавать приказы. Она может сделать лишь одно или два дела за большой промежуток времени. Часто — совершенно незаметных дел. Может вообще ничего не делать, — само ее существование есть дело. Подобно тому, как старшина роты, отдающий сотни приказаний в день, не есть командир роты и тем более не командир полка, который вообще может лично не соприкоснуться с солдатами. Принятие бугафорской и демагогической Конституции Страны и грандиозная шумиха вокруг этого с точки зрения реальной власти есть ничто в сравнении с решением ОГБ объявить одного диссидента американским шпионом и начинать постепенно раздувать в Стране шпиономанию.

ОГБ суть явление в высшей степени в духе законов и обычаев коммунистического общества. С одной стороны, они вполне определены и образуют строгую организацию — «аппарат ОГБ». Здесь не играет роли то, что это — типичное коммунистическое учреждение, что работает оно на низком интеллектуальном уровне, халтурно, нелепо, что занято в основном очковничеством и липовыми делами (имитацией дела), что сотрудники его — типичные лодыри, хапуги, халтурщики, невежды. Важно, что это — «аппарат» со всей своей строгой иерархией и рутинной. С другой же стороны,

ОГБ суть нечто аморфное и расплывчатое, разлитое повсюду и не локализуемое нигде.

Выражение «аппарат ОГБ», в свою очередь, двусмысленно. В узком смысле оно охватывает совокупность организаций, профессионально занятых осуществлением социальной власти, и лиц, получающих средства жизни в этих организациях. С этой точки зрения аппарат ОГБ сопоставим с аппаратом Партии (тоже в узком смысле слова) и аппаратом Правительства. В широком смысле слова аппарат ОГБ охватывает огромную армию добровольных и принудительных осведомителей, экспертов, советников, особых отделов в учреждениях и т. д., а также воспитание всего населения в таком духе, что оно становится послушным телом ОГБ, их естественным продолжением и завершением. Гражданин Страны, отказывающийся так или иначе сотрудничать с ОГБ, является здесь настолько редким исключением, что его можно вообще не принимать во внимание. Такой человек самым фактом отказа ставит себя в такое положение, что с ним обращаются как с фактическим или потенциальным врагом общества. С этой точки зрения ОГБ суть организация всего населения Страны, которая фактически накладывает свою печать на организацию населения по линии партийной и комсомольской (и всякой иной социальной жизни). Если нужно, например, группу людей послать на окраину Страны на временную или постоянную работу, то эта группа еще может оснаживать решение партийных или комсомольских органов, но никогда не будет спорить с ОГБ.

ОГБ суть неполитическая организация населения в систему господства и подчинения, на деле воплощающая идею об отмирании политической власти на высшей стадии коммунизма. Аппарат Партии и Правительства не в состоянии справиться с социальным управлением Страной без аппарата ОГБ. Недавняя вспышка оппозиционных настроений и диссидентства была обусловлена в значительной мере тем, что руки ОГБ были основательно связаны, и партийные власти мешали им отправлять их функции естественным образом. Аппарат же ОГБ вполне способен решить эту задачу управления и без представительного аппарата Партии, который все более вырождается в средство удовлетворения корысти и тщеславия. Между прочим, фактически работающий аппа-

рат партийного руководства почти поголовно состоит из сотрудников ОГБ, так что лишь вывески различные (впрочем, тут вывески прячут). Если допустить на минуту, что исчезла представительная и «выборная» власть и «выборный» партийный аппарат, то общество все равно будет функционировать почти или совсем нормально (многие считают — лучше!), если сохранится система ОГБ. Но если рухнет последняя, начнется хаос и развал, и никакая заседающая на собраниях партийная и «светская» власть не спасет дело. Нормальная жизнь этого общества просто немыслима без ОГБ.

Считается, что основная функция ОГБ — разведка и контрразведка, борьба с шпионами и диверсантами и т. д. Конечно, эту функцию ОГБ отчасти выполняют. Но основная функция ОГБ — держать в страхе и повиновении население, предупреждать и искоренять возникновение враждебных строю настроений, действий, организаций, людей, пресекать всякие попытки нарушения коммунистической монолитности Страны. В функции ОГБ входит также ограничение appetites власть имущих, поскольку привилегированные и правящие слои имеют постоянно действующую тенденцию перерождения в гангстерскую мафию, — то есть предохранение строя от угроз не только снизу, но и сверху, со стороны самих хозяев общества. Это — жизненно важный и глубокий орган самосохранения и самоупрочения коммунистического общества. Он может менять названия, формальный статус, структуру, состав, численность и т. п. Он может на время как будто бы исчезать совсем. Но он не может изменить свою суть. И при подходящих условиях он молниеносно разрастается, обретает чудовищную мощь, проникает во все стороны жизни общества.

Не случайно потому лояльность всякого гражданина по отношению к обществу здесь выступает в конце концов как сотрудничество с ОГБ, а всякое инакомыслие и оппозиционная деятельность (здесь инакомыслие есть вид оппозиции) немедленно ставят дерзнувшего на это лицом к лицу с ОГБ как с его могущественным личным врагом. Конфликт с обществом здесь с необходимостью перерастает в конфликт с ОГБ. И если конфликт индивида с его окружением не дозрел до конфликта с ОГБ, значит, он еще не дозрел до конфликта с обществом.

ОГБ обладают мощной Службой Осведомления и Доносов (СОД). В нее вовлечено поголовно все население Страны. Так что идея классиков марксизма об отмирании государства путем вовлечения всего населения в управление обществом сбылась с ужасающей точностью. И вообще, все предвидения классиков сбываются. Но с небольшим коррективом: самые розовые мечты, сбываясь, оборачиваются самой черной мерзостью. Повторяю и подчеркиваю: все трудности и кошмары нашей жизни в обществе в целом вырастают из тех легкостей и приятностей, какие мы обрели в самых основах нашей жизни. Реальное облегчение, улучшение, обогащение и т. п. жизни лежит лишь на пути трудностей, строгостей, ограничений и т. д. в тех самых основах жизни. Но это отступление от моей основной темы.

Дело, конечно, обстоит не так, будто буквально все граждане являются осведомителями и все пишут или произносят доносы. В Стране много младенцев, еще не научившихся говорить и писать, престарелых пенсионеров, которым не до этого, начальников, которым нет надобности это делать... Дело в потенциальной способности властей почти каждого намеченного ими человека (за редким исключением, когда намеченная жертва имеет тенденцию стать отщепенцем) сделать своим осведомителем и в том, что кто-то сделает донос. Об этом знают все. В практической жизни исключений на этот счет почти не бывает. Вся жизнь коллектива протекает с априорным расчетом на то, что донос так или иначе будет сделан. В этом, а не в раскрытии неких тайн, подрывающих устои и наносящих ущерб, заключается сущность и основная функция СОД.

Сотрудники СОД разделяются на такие группы: 1) штатные офицеры ОГБ; 2) штатные осведомители; 3) спорадические осведомители. Вторые для отвода глаз числятся на каких-то должностях в учреждениях. Обычно это — бездельники, пьяницы, бабники и трепачи. И пользы от них мало. Зато они сами извлекают из своего положения немалую пользу. Пьянствуют (с хорошей закуской, конечно) они за счет сотрудников учреждения, но секрету показывая им служебные удостоверения, раздувая до невероятных размеров свою роль в ОГБ (многие из них «лично знакомы с...») и обещая поддержку. Часто это неплохие ребята на бы-

товом уровне, действительно способные помочь в пределах отношений блата. Они знают кучу криминальных анекдотов и все новейшие сплетни о высших руководителях, которых они презирают по праву почти близких знакомых, а отчасти потому, что это им дозволено по положению — чтобы войти в доверие при выявлении инакомыслящих. Будучи повышены по службе, они становятся важными, таинственными, недоступными. И тогда рассчитывать на их помощь не следует. Прежние знакомства они обычно при этом порывают. Их не следует путать с офицерами ОГБ и МВД, которые официально и открыто числятся в качестве начальников первых, особых, секретных и т. п. отделов.

Штатные осведомители — основной состав СОД. Полчища их неисчислимы. Думаю, что полный список их не способны составить даже сами ОГБ. Многочисленные должности в Стране вообще нельзя исполнять, не став штатным осведомителем (штосом). Таковы, например, сотрудники отделов кадров, секретарши начальства, сотрудники спецкабинетов, экскурсоводы-переводчики, лица, имеющие дело с иностранцами, сотрудники гостиниц, шоферы такси и т. д. и т. п. Штатные осведомители (штосы) работают по своей профессии, получая вознаграждение по общим нормам их легальной жизни. Вознаграждение за свои услуги они получают косвенно — в виде допуска к выгодной работе, разрешения заниматься делами, запрещенными для прочих (например, вести предосудительные разговоры, общаться с иностранцами), премий, прибавок к зарплате, путевок в санаторий, поездок за границу, повышений по службе, освобождений от неприятных нагрузок, облегчения наказаний за проступки. Их почти невозможно уволить с работы за безделье, пьянство и даже за мелкие уголовные преступления. Многие из них довольствуются самим фактом бескорыстного служения обществу и сознанием, что их, возможно, не посадят, а если и посадят, то в последнюю очередь, и какие-то преимущества они от этого иметь будут. Многие из них принуждены быть штосами, «подценив на крючок» на каком-нибудь предосудительном деле (например, на гомосексуализме, на венерической болезни, на совращении малолетних) и пообещав оставить все без последствий. Многие из них используют свое положение штосов, причиняя вред тем, кто им мешает или не нравится, и устраи-

няя со своего пути более способных конкурентов. Многие действуют просто в силу холуйской природы помогать начальству, пресекать, предупреждать, выявлять.

Помимо общей СОД существуют свои локальные службы доносов в каждом учреждении. Они возникают стихийно, в силу имманентных законов существования здорового коммунистического коллектива. Такие локальные СОД являются коллективными агентами ОГБ. Существует также открытая система доносов — намеки, выступления на собраниях, ученых советах, в печати и т. п., «дружеские» советы, «обмен мнениями», оговорки и т. п. Система открытых доносов постепенно переходит в систему общепризнанных форм коммунистического воспитания, образуя с нею единое целое. А так как в другом направлении имеется плавный переход в систему тайных доносов, то образуется монолитное общество единообразно думающих, говорящих и действующих стукачей.

Но ОГБ оказались не в состоянии остановить рост недовольства привычными методами. И тогда зародилась Затея.

ЗАТЕЯ

Все станет пустого пустее.
На рыло сменят все лицо.
И сотворите вы затею
Ценою в тухлое яйцо.

Когда, с какой целью и в чьем мозгу зародилась эта Затея, теперь установить уже никому не удастся. Когда она началась и сулила большие перспективы, на авторство ее претендовали многие. И они имели на то веские основания. Когда же она кончилась ничем и возникла потребность от нее отделаться и найти виновных, все представили неоспоримые доказательства своей непричастности к ней. И отыскать виновных стоило большого труда, ибо таковых вообще не было. Виновных пришлось назначить в соответствии с соображениями государственной целесообразности.

Затея явилась грандиозным проявлением великой истории Страны, ее характерным суммарным продук-

том. В ней приняли участие миллионы людей, начиная с Вождя и кончая лифтершей кооперативного дома в Юго-Западном районе столицы. И вклад Лифтерши в Затею был не меньше вклада Вождя. Вождь лишь зачитал бумажку, которую ему подсунули помощники, тогда как Лифтерша дала показания, позволившие засудить на приличные сроки группу оппозиционно настроенных интеллигентов, хотя в слове «интеллигент» делала ошибок не меньше Вождя — замечательный пример единения народа и руководителей. Тогда-то Лифтерша и сказала в суде фразу, которую потом подхватили подхалимы всех рангов и приписали самому Вождю. Вот эта фраза: «МОЗГИ ИМ, МЕРЗАВЦАМ, ВПРАВИТЬ НАДО». И сбылось то, что было сказано в «Евангелии для Ивана»:

И даже дурень будет вправе
Сказать чистейшим мудрецам:
Мозги мерзавцам надо вправить
Или отправить к праотцам!

То, что произошла именно эта, а не другая Затея, есть дело случая и стечения обстоятельств. Но не случайно то, что какая-то Затея произошла. И в отношении этой другой Затеи так же бессмысленно было бы спрашивать, почему произошла именно она, как и в отношении первой. Дело в том, что в истории Страны время от времени в некоей «точке» фокусируются (совмещаются) интересы и конфликты многих влиятельных лиц, организаций, слов общ. Можно подсчитать примерную периодичность таких «точек»-Затей. Тут имеет место нечто подобное экономическим кризисам в буржуазном обществе. Эта «точка» с поразительной быстротой обрастает такой системой суетни, дела, неразберихи, шумихи, вранья, демагогии, что раскусить невозможно. Впечатление такое, будто полчища голодных, жадных и вместе с тем жалких хищников всякого рода, ранга, размера накидываются на жертву, рвут ее на части и каждый стремится ухватить себе кусок поболее и повкуснее. И потом выясняется, что жертвой-то являются они же сами. По крайней мере, отчасти они же сами. С этой точки зрения вся история Страны в целом есть Затея такого рода, есть совокупность и последовательность Затей. Если при этом делается ка-

кое-то Дело, оно делается лишь постольку, поскольку здесь любое дело не есть цель, а лишь вариант, часть, средство, условие Затеи. И все, что официально пишется и говорится на эту тему, есть столь же характерное для нашей системы вранье, изображаемое общими усилиями, чтобы скрыть свое фактическое поведение от исторической оценки. К тому же участники Затеи не ведают, что творят совместно.

ОДИН ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ ИСТОРИИ

Мы все прекрасно знаем, сколько в нашей Стране выплавляется металла, добывается руды, собирается зерна, ткется тканей и т. д. в течение одного дня. Но многие величины нам остаются неизвестными. Если бы их опубликовали, они произвели бы на обывателя гораздо большее впечатление, чем упомянутые выше, набившие оскомину цифры. Например, если бы нам сообщили, что ежедневно сто тысяч человек привлекается к уголовной ответственности, а десять тысяч просто изымается без суда и следствия неизвестно куда, мы бы... все равно не поверили. Сказки, сказали бы мы. Мы же, как видите, на свободе. Никто нас не забирает. И это была бы самая сильная реакция на ошеломляющее известие. Сильнее не придумаешь. Поэтому наше руководство, оберегая наш покой, ничего подобного нам не сообщает. Оно, наоборот, сообщает нам систематически (сиськимасиськи, как говорит Вождь), что никаких нарушений у нас вообще нет. И в это-то мы, разумеется, верим. Но дело совсем не в этом.

Рабочий день высших лиц Страны до такой степени заполнен визитами, встречами, приемами, оздоровительными процедурами и прочими мероприятиями исторического значения, что на совещание по вопросам коммунистического воспитания не удавалось выкроить свободный вечерок уже скоро целый год. Его раз десять откладывали. То неожиданный приезд заграничной персоны. То у Вождя померла мама, и он «загрустил» от переживаний. То физики открыли новый химический элемент и решили назвать его именем Вождя. И надо было выяснять, почему открыли физики, а не химики, как положено. Надо будет Главного Химика отправить

послом куда-нибудь в Африку, а Главного Физика перебросить в химию. Потом выяснилось, что новый элемент — липа, и ему не могли найти место в периодической таблице (почему до сих пор ее не переименовали?!). Пришлось опять собирать внеочередное совещание. Выручил Первый Помощник (Перпом): предложил поместить Вождевый над таблицей, во главе ее. Перпома надо будет выдвинуть в Секретари. И нажать на страны нашего лагеря, чтобы признали новую таблицу. Потом братское государство наградило Вождя высшим орденом, продемонстрировав тем самым всему миру, что разговоры о давлении Страны на это государство с целью заполучить картошку, помидоры и яблоки лишены оснований. Потом вождь этого братского государства сам приехал в Страну, и его самого пришлось награждать высшим орденом. И поставки нефти этому государству немного сокращать (самим не хватает!). И фотографироваться. И речи зачитывать. И коммюнике подписывать. То еще что-нибудь. Кстати, давно пора исправить эту историческую нелепость: Вождь, а почему-то до сих пор не Глава Государства! Почему? Чунь какая-то! Сам бумажки подписываю. Сам всех принимаю. Сам ко всем езжу. А не Глава!..

Секретарь по Идеологии (Идеолог), который должен быть докладчиком на этом совещании, в конце концов не выдержал. Его можно понять: доклад, речь с портретом в газетах и журналах, показ по телевизору, кино, брошюра, статьи с ссылками на доклад. Идеологу за семьдесят, а речей всего томов на пять, не более. Вот он и не выдержал. И в присутствии Начальника ОГБ (высшим лицам не положено встречаться вдвоем) выложил Вождю все свои претензии. Все члены ПБ уже дважды Герои, а он только один раз. Им даже уже статуи поставили, а ему лишь бюстик. Они все уже маршалы, а он лишь генерал армии. Они все академики, а он лишь членкор. У него даже улицы его имени нет, а не то что завода или города. Это — явная недооценка роли идеологии. НачОГБ поддержал Идеолога. Идеолог намекнул, что готов поддержать Вождя в борьбе с Главой Государства (или, как его все называли, Два Гэ, или Сплошное Гэ). И Вождь признал, что пора за идеологию взяться как следует. Скоро Идеологу семьдесят пять. Надо отметить и исправить все упущения. Что касается совещания — давайте в ближайший понеделник.

Потом Вождь понес окоlesiцу по поводу роли сознания, будучи уверен, что Перпом записывает каждое его драгоценное слово. Перпом делал вид, что именно этим он занят, нетерпеливо поглядывая на часы: через пять минут прием главы какой-то чернокожей страны, стряхнувшей на прошлой неделе иго империализма (конечно, с помощью нашего оружия) и ускоренными темпами строящей коммунизм (предварительно расстреляв одну треть своего населения и оставив без еды оставшихся в живых). Причем глава государства был одновременно Генеральным Секретарем вчера созданной Коммунистической Партии этой страны.

Потом была встреча с Чернокожим (или с Черножопым, как о нем выразился сам Вождь) по всем правилам (речи, коммюнике, фотографии). Потом был банкет в честь гостя. Вождь слегка перепил. Он постоянно путал гостя то с сослуживцем по работе в ОГБ, то с секретарем Компартии одной непокорной страны, грозил ему пальцем и обещал ввести танки. Два Гэ пытались возразить: мол, зачем танки, хватит бронетранспортеров. Но его оттер Идеолог и предложил тост за Вождя всего прогрессивного человечества, дорогого и любимого... верного... Когда Вождь сделал попытку облобызать Черножопого, который, хотя и был чернокожим, учился в Оксфорде, банкет прикрыли. Вождя отвели в спальню рядом с банкетным залом и передали на попечение врачей, медсестер, массажистов, косметологов, охранников.

СОВЕЩАНИЕ ПО ИДЕОЛОГИИ

Совещание по идеологии прошло обычно, скучно. Идеолог два часа читал доклад — набор надоевших цитат и демагогии на уровне газетных передовиц. Каждые пять минут он прикладывался к графину с тонизирующей жидкостью, так как голос у него все время садился от ликующего рева до зловещего шепота. Так бы и кончилось это совещание ничем, то есть хвастливой резолюцией и призывами усилить, укрепить и поднять, если бы Вождь не ляпнул по поводу фразы Идеолога об отставании формы от содержания, что к предстоящему съезду Партии это отставание надо ликвидировать. Перпом не-

медленно сделал пометочку в блокнотике. Потом он предложил руководителю референтской группы, готовившей этот раздел доклада Вождя на съезде, включить в доклад вопрос о ликвидации отставания общественного сознания от общественного бытия. Это будет сенсация, подумал Перпом. Теперь я наверняка пройду в ВСП. ВСП — Высший Совет Партии.

УЧЕНИК

По окончании университета Ученик был принят на работу в одно из секретных учреждений ОГБ, занимающихся исследованием инакомыслия и выработкой мер против него, а также обработкой психики инакомыслящих.

УЧИТЕЛЬ

Учитель — начальник Ученика, дающий ему задания и обучающий его навыкам его новой профессии.

Судя по огромному числу рукописей, поступающих к нам, говорит Учитель, и по их содержанию, общество напряженно думает о себе, причем в нежелательном направлении. А сколько таких думальщиков останется невыявленными? Наша задача не просто изъятие выявленных рукописей и изоляция их авторов, но исключение самой возможности их появления, то есть профилактика. А для этого надо научно изучить причины появления людей такого рода, их опознавательные признаки, методы их лечения. Чем раньше мы распознаем начало заболевания и его характер, тем больше шансов, что мы сохраним для общества здорового гражданина, а само общество охранит от влияния больного. Кроме того, в некоторых рукописях обнаруживаются вполне здравые идеи и результаты размышлений. Мы должны выявить их и передать в распоряжение Объединенной Академии Наук (ОАН), где они распределяются среди ведущих ученых страны или готовятся для распределения среди руководящих лиц Партии и Правительства. Ваша задача — обрабатывать тексты, объединяемые названием «Затея».

МОГИЛЬЩИК

В столовой Ученик оказался за одним столом с пожилым мужчиной, который ему представился как Главный Могильщик Страны. Новенький? — спросил мужчина. Сразу видно по выражению лица. Как? Вы еще способны удивляться. А мы эту способность давно утратили. Вы вот наверняка хотите спросить, что это за должность — Главный Могильщик. Так ведь? Насчет главного я малость загнул, признаюсь. Я всего лишь младший сотрудник сектора некрологов в отделе... А, это не играет роли! Зато я — действительно работающий сотрудник. И уникальный, между прочим. Я держу в памяти десять тысяч некрологов на высших лиц Страны, постоянно их корректирую, исключаю ненужные, включаю новые и т. д. Карточка на покойников? — удивился Ученик. Зачем это? На каких покойников? На живых! На покойников мы уже не держим, выбрасываем. Как на живых? — изумился Ученик. Неужели вы не знали об этом? — в свою очередь удивился собеседник. Вы, молодой человек, пришелец из космоса. Или иностранный агент. На всех высших лиц Партии и Правительства, выдающихся деятелей культуры и военачальников, известных Героев Труда и спортсменов заранее (на всякий случай) заготавливают некрологи. Эти некрологи утверждаются на соответствующем уровне, корректируются со временем, устанавливаются лица, подписывающие некрологи, и места публикации, в общем — все до мельчайших деталей заранее утрясается. Например, некрологи на народных артистов и маршалов утверждаются на заседаниях Политбюро ВСП. Тут, брат, целая система разработана. Это на высшем уровне. Некрологи рангом ниже рассматриваются и утверждаются на уровне республиканских ВСП, краевых и областных комитетов Партии. Мы делаем это на высшем уровне. И в этом деле я — фигура номер один. И представьте себе, за двадцать лет — ни одной промашки. Говорят, мы — самая точно работающая контора в Стране. Была одна промашка, да и то не по моей вине. Помните, умер композитор Ш.? Тогда некролог задержали на сутки: надо было слово «великий» заменить на «гениальный», а без решения Политбюро нельзя было... Ну, я вас, кажется,

заговорил. Если заинтересуетесь, заходите. Это в голубом корпусе. Вы из хранилища? О! С вашим допуском к нам можно входить свободно. Пока!

БОРОДАТЫЙ

В кабинет вошел молодой человек с бородой. Каковы ваши первые впечатления? — спросил он. Кошмар, сказал Ученик. Ничего, сказал Бородатый. Привыкнете. Тут все проходят через это. У многих бывает психический срыв.

Нам прислали статью из партийного журнала, говорит Ученик. Называется «Что такое народ». Вполне здравая. Написана на основе материалов Центрального Статистического Управления. Велено срочно составить заключение о нарушении ею СК. В чем дело? А вы обратите внимание на ее акцент и эмоциональную окраску, говорит Бородатый, перелистывая статью. Автор намекает на то, что слово «народ» приобрело чисто идеологический смысл. Часто апелляция к «народу» означает апелляцию к самым низкокультурным слоям населения, изъятым из сферы социальной активности, плохо оплачиваемым, к «непосредственным» производителям (к рабочим и крестьянам). Если же понимать под народом самую производительную часть общества, то на самом деле это масса лиц со средним и высшим образованием. Под народом можно понимать вообще массу населения, не входящую в систему высшей власти (номенклатуру) и в привилегированные слои. Употребляя слово «народ», часто имеют в виду вообще все население Страны. Так что здесь мы имеем типичный случай идеологической дезориентации мышления, отклонения его от ясности в понимании социального расслоения общества.

ОДНОРУКИЙ

Бородатый ушел. Что за человек? — подумал о нем Ученик. Но не успел найти для себя свой ответ, как зашел Однорукий. Занятный тип, сказал он о Бородатом. Между прочим, большая шишка. Тут с ним явно считаются. Говорят, перспективный ученый. Возможно. Он

мне симпатичен. Только какая тут может быть наука? Хочешь хохму? Наш Вождь тоже решил свою конституцию создать. В ней всего одна статья: гражданин Страны имеет право быть обязанным. Да плюнь ты на эту бодягу! В секторе «улучшенцев» отмечают защиту. Да, прямо в секторе. Шампанское, кофе, коньяк. Это можно. Немного, конечно. Что за сектор? Их сфера — лица, говорящие и пишущие об улучшениях, которые нужно осуществить в нашей Стране. Советую познакомиться с ребятами этого сектора поближе. Там много забавного. И каких только «улучшенцев» у нас нет! От пионеров до пенсионеров. От уборщиц до академиков. Ничего не скажешь, мыслит народ. Опять «народ»! Тьфу! Один академик, например, предложил впрыскивать всем молодым людям, достигшим половой зрелости, антисексин. При этом люди будут меньше творческих сил тратить на пустяки (по его словам) и всецело отдаваться делу строительства и т. п. А одна посудомойка из общественной столовой предложила, чтобы высшие руководители жили у всех на виду под особыми прозрачными колпаками. Тогда, мол, им неудобно будет перед народом жрать всякие вкусные вещи, когда народ питается помоями. И тут «народ», прости Господи! Ну вот мы и пришли. Привет, ребята! Поздравляю!! Теперь ты поступаешь в мое ведение (это — новоиспеченному доктору). Зайди как-нибудь, я заготовлю карточку для будущего некролога. Подумай, кто будет подписывать.

Ученик сделал круглые глаза, узнав имя защитившегося: статьи, подписанные этим автором, часто появлялись в партийной и иной печати, даже в газетах. А при подготовке к экзамену по «научному коммунизму» ряд статей его рекомендовали им в качестве дополнительной литературы. И тема диссертации «Проблема улучшения условий жизни при коммунизме» Ученика уже не удивила. И не удивили разговоры, которые ему довелось услышать. И все-таки я не пойму, сказал Однорукий, как еще можно улучшать жизнь, если полное изобилие? Это — задачка для слабоумных, сказал Диссертант. Например, в сфере потребления фигурируют продукты $A^1 \dots A^n$, где $n=1$. Они в изобилии. Но вот изобрели продукт B . Новый. Будет это улучшением? Как сказать, возразил Однорукий. Не всякое расширение ассортимента полезно. Но допустим, продукт B

полезен. Он будет производиться сразу в изобилии или нет? А если его нельзя вообще производить? Значит, его — особым лицам, так, что ли? Ты вульгаризируешь, сказал Диссертант. Не забывай об уровне сознания. Оно тогда... Знаю, не унимался Однорукий. Но скажи, пожалуйста, а что ты понимаешь под изобилием? Есть по крайней мере два различных понимания изобилия в отношении продукта данного рода A : 1) каждый берет, сколько хочет; 2) избыток. Первое возможно и при довольно скромных возможностях производства, а при втором возможен дефицит, например вследствие неполадок в технике распределения. Факты такого же рода вам хорошо известны из газет. Добавим сюда факт множества родов продуктов — A^1, A^2, A^3 ... Плюс к тому — разные сорта... Начался спор, в котором трудно было что-либо понять. И Ученик незаметно ушел, — на него никто тут не обратил внимания.

ФЕНОМЕН

В Творческий Отдел, говорит Девица, привезли на редкость интересного типа. Выдающийся феномен. С ним даже запретили первичную обработку производить. По профессии — слесарь-водопроводчик. При какой-то домовой конторе. Жуткий пьяница и матершинник. Это обычное дело, говорит Ученик. Все они там... Не в этом суть, говорит Девица. Это настоящий феномен. Окончил три факультета, не получив ни одного диплома. Знает несколько западных языков. В том числе — португальский. Зачем? Во всяком случае, готовит школьников к экзаменам в институты по английскому, французскому и математике. И представь, весьма успешно. Но и не в этом дело. Главное — он писал кандидатские диссертации... Вы не поверите!.. По медицине. И так насобачился, что отличные работы делал. Пара месяцев, и готова работа. И все успешно защищались!.. Вот небось денег захибал, говорит Ученик, миллионером стал!.. Ерунда, говорит Молодая Девица, только на выпивку. Все деньги забирали себе дельцы, которые устраивали диссертантам публикацию статей, постановку их на защиту и прочие чисто технические вещи. А ему гроши платили. Но знаете, на чем он попался?! Жуть! Ему заказали доктор-

скую по микробиологии! Да еще по секретным штучкам, имеющим военное значение. Он попросил, чтобы ему дали кое-какие закрытые материалы. Так он их по пьяной лавочке где-то посеял... Скандал, говорят, ужасающий поднялся. И что с ним теперь? — спросил Однорукий. Хотят вроде подлечить слегка, говорит Девица, и определить в одну из спецлабораторий. Там таких любят! А по-моему, говорит Однорукий, следовало бы самому рядовому следователю и эксперту изучить ситуацию в той самой области медицины. Наверняка все эти диссертации — сплошное жульничество. Да нет же, говорит Девица. В том-то и дело, что его диссертации — самое приличное в этой области за последние двадцать лет.

ОДНОРУКИЙ

Ученик все чаще встречался с Одноруким (в курилке, в столовой, в забегаловках). И разговоры с ним его забавляли все более. Он не воспринимал их всерьез, как и сам Однорукий. Да и можно разве в этом мире что-то принимать всерьез?! Везде и во всем сплошной обман, липа, подделка, фальсификация, имитация... И в дружбе тоже. Так что если уж встречаться с кем-то, так чтобы не было слишком скучно. А Однорукий ошарашивал его неожиданными суждениями. А ты знаешь, говорит Однорукий вдруг (ни к селу ни к городу), почему у нас с детства людям официально стараются прививать доброту, отзывчивость, верность дружбе, человеколюбие и прочие прекрасные человеческие качества? Ты думаешь, чтобы люди выросли хорошими? Нет. Люди воспитываются все равно не призывами, а реальной жизнью. Но и призывы быть хорошим имеют свое великое воспитательное значение. Так зачем же это делается? А затем, чтобы сделать людей не способными к сопротивлению, слабыми.

Ученик спросил, чем занимается Однорукий. Тот сказал, что у него уникальная профессия: письма трудящихся. Что это значит? Дело в том, что в многочисленные наши учреждения, в редакции газет и журналов, на телевидение и радио поступают ежедневно десятки тысяч писем трудящихся. В основном это обычный идиотизм, восторги, ращпредложения, благодарности, пустяковые

просьбы и т. п. Очень много пишут «воины» от скуки и нормальные шизофреники. Пенсионеры, конечно. Но довольно большое число писем так или иначе подпадает под СК. Где они проходят первичную сортировку и по каким каналам направляются, невозможно узнать. Тайна за семью печатями. Часть попадает к нам. Около ста писем в день. Наша задача — установить, какие направлять на уничтожение, какие в архив («на всякий случай»), какие оставить у нас. Кроме того, мы делаем выписки в соответствии с текущими заданиями. Например, сейчас нам приказано просмотреть все (!!) письма, относящиеся к проблеме семьи в коммунистическом обществе, и выбрать из них материалы по предложенным критериям. Ну и как, спросил Ученик, бывают интересные письма? Бывают, сказал Однорукий, но редко. В основном одно и то же: рушится семья, дети эгоистичны, браки не прочны, жить негде, дети обходятся слишком дорого и т. п. Но бывают весьма любопытные. Вот сегодня целый день сижу над одним письмом. Автор, конечно, не специалист. Но человек неглупый. Он как-то попал на лекцию в лекторий общества «Знание». Тема лекции — семья при коммунизме. Лектор шлеп обычную белиберду. Любовь, дружба, высокоразвитое чувство ответственности... Цитаты из классиков. Цитаты из речей Вождей. Кстати, я благодаря этому без особого труда установил, когда было написано письмо. Три года где-то бродило, прежде чем у нас осело. Логика у автора несокрушимая, это и посчитали главным симптомом заболевания высшей категории. Для рассмотрения проблемы семьи надо принять во внимание такие элементы: муж, жена, дети, родители, другие мужчины и женщины. Можно посчитать все комбинаторные возможности. И житейские обстоятельства могут быть точно перечислены — физиология, психология, зарплата, квартира, имущество. И опять-таки можно посчитать все мыслимые возможности. Огромное число вариантов исключается, поскольку они оказываются логически противоречивыми. Чтобы установить какие-то зависимости и тенденции, нужно провести серьезные социологические исследования в масштабах Страны, причем в течение многих лет. А без этого все разговоры в перспективах семьи в будущем беспредметны. А так примеры имеются для всех мыслимых вариантов. Например, в их доме

живет пара интеллигентов. Детей у них нет. Любви (по наблюдениям автора письма) давно нет и в помине. Да и дружбы особой не наблюдается — они без раздражения не могут говорить друг о друге. Но они друг другу не изменяют, это точно, хотя заиметь любовника или любовницу для них не проблема. Другой пример: семья его директора. Любовниц меняет регулярно. Жену презирает. А между тем эта семья никогда не распадется. У него же, автора письма, семья распалась, хотя он любил жену, и она вроде бы его любила, и квартира у него была приличная (две комнатки на троих). А что же в этом криминального? — спросил Ученик. Тут вроде все правильно. Ну и ну, сказал Однорукий. А сомнение в истинности прогнозов классиков и предсказаний Вождей? А примерчики? А требование опытного исследования (как будто у нас без этого нет ясности!)

БОРОДАТЫЙ

Профессия Бородатого — преступления против социального строя Страны, или социальные преступления (СП). Никакой научной криминалистики у нас нет и быть не может, сказал Бородатый. Вернее, она есть, но для исключительных случаев, а не для массового употребления, как вообще все настоящее. Вот вам пример. Один бдительный гражданин нашел в туалете на захудалой железнодорожной станции обрывок письма, в котором высказывались нехорошие слова о Вожде. Вот тут мы проявили чудеса криминалистики. Всю Страну на ноги подняли. Какую технику применили! И нашли-таки автора письма и того, кому оно было адресовано. А в обычных случаях нам никакая криминастика не нужна. Во-первых, характер преступлений. Подавляющее большинство наших правонарушителей — обычные граждане, совершившие преступления либо случайно, либо в силу работы и жизни (у нас же нельзя шагу ступить, так или иначе не нарушая законов), либо по неведению, по глупости. И раскрытие таких преступлений не требует никакой криминалистики. Они очевидны. Раскрытие их зависит не от способности наших органов порядка и правосудия раскрывать преступления, а от обстоятельств совсем иного рода. Ну, например, от сан-

кий райкома или обкома Партии, от занятости милиции, от пропускной способности судов. Во-вторых, теоретически у нас нет массовых преступлений (хотя, между прочим, число заключенных у нас перевалило за пять миллионов!). Мы не заинтересованы даже в том, чтобы фиксировать все преступления. Начни мы это делать, нам же по шанке дадут. Куда, мол, смотрите! Предупреждать надо! Опять же проблема раскрываемости. Премияльные, повышения. Так что первое дело, которое стремится сделать милиция, это по возможности исключить признание самого факта преступления. И в общем-то это не так уж плохо. Если бы у нас педантично фиксировали все случаи нарушения правопорядка, число заключенных у нас утроилось бы. В-третьих, следователи завалены делами. Сроки ограничены. Борьба за стопроцентную раскрываемость преступлений и все такое прочее. Наше положение зависит не от наших способностей раскрывать запутанные преступления, а от умения крутиться в нашей среде, имеющей какое-то отношение к преступлениям. Видите того рыжего парня? За ним сейчас более двадцати дел. К концу месяца он обязан их все завершить. Дела пустяковые. Но все-таки это дела людей. Судьбы. А он тоже человек. Одно из его дел ограбление квартиры. Можно найти грабителей? В принципе, конечно, можно. Но для этого он должен по крайней мере месяц только этим делом и заниматься. К тому же в банде грабителей могут оказаться сынки и дочери влиятельных лиц. Есть такие подозрения. Попробуй копни! К тому же начнешь копать, и вечерком схлопочешь удар бутылкой по голове. Или кирпичом. Выход? Склонить пострадавших прекратить дело. Сделать вид, будто никакого ограбления не было. На этом, кстати, можно неплохо подзаработать. Как? Очень просто. Допустим, у вас ограбили квартиру. Вы заявляете. Милиция прежде всего наводит справки о вас. Ага! Молодой, выпивает, с девочками водится, интеллигент. Наверняка вещи продал сам и инсценировал ограбление! Найти улики против вас труда не стоит. Тут наша передовая «криминалистика» достигла выдающихся успехов. По части фальшивок мы большие мастера. И народ нам помогает вовсю. Понемногу на вас начинают жать, чтобы вы забрали свое заявление об ограблении обратно. Вам надоела волокита. Забираете. Все равно грабителей

не найдут и украденное не вернут. Теперь завести дело на вас самого уже ничего не стоит. Пройдет пара недель, и вам могут начать шить минимум пару лет. Понимаете? А еще хуже обстоит дело с социальными преступлениями. Тут вообще надо начинать с нуля.

СОЦИАЛЬНО-ПОСТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Как живем? — сказал Однорукий. Как все молодые соотрудники в моем положении, сказал Ученик. Выясняю, как выражается моя жена, социально-постельные отношения. Какие? Например, правомерна ли в наше время для культурных людей супружеская неверность? Если да, то до какой степени, то есть как часто можно изменять и как далеко могут заходить измены? Нужно ли информировать об этом другую половину? Должны ли мы учитывать прогресс секса, имевший место на Западе? Как быть с нашими народными обычаями и самобытным опытом предков? Как быть с местными условиями? Скажем, он не может повести ее к себе, она не может пригласить его к себе. Выход? Лестничная площадка, недостроенные новые дома, зеленые насаждения, скамейки. Тут есть риск. Могут ограбить, избить, изнасиловать. Можно схватить простуду прямой кишки или мочевого пузыря. И случайные свидетели, торопиться надо. И погода не всегда благоприятствует. Тут как с урожаями: вечно то дождь, то снег, то мороз. Есть другой выход: выбирать одиноких партнеров с отдельной комнатой или даже квартирой. Но это тоже имеет свои неудобства. Мужчины в таких случаях обычно потаскуны, меняющие женщин чуть не каждую ночь и ужасно неопрятные. Это приличной женщине надоедает. А женщины в таких случаях бывают обычно с какими-либо телесными или душевными дефектами. Одним словом, тут не до совершенствования техники совокупления. И с противозачаточными средствами у нас туго. Только по благу и для высших кругов (а им-то зачем?!). Гомосексуализм — лишь для избранных утонченных натур. Нам же, нормальным грешникам, остаются традиционные формы на уровне пещерного человека. Одна моя знакомая достала несколько старых номеров «Плейбоя». Мы попробовали последовать его советам, но ничего хорошего не получилось.

Не беда, сказал Однорукий. Зато мы имеем шансы сделать выдающийся вклад в философию б...ва. Мы зато приспособлены мыслить на эти темы на высочайшем уровне. Если бы ты знал, какие мы вели разговорчики на эти темы Там! И что нам Там мечталось! Бывало, за одну ночь до сотни всяких баб любого возраста, размера, строения, темперамента трахнешь. В мечтах, конечно. И такие штучки с ними вытворяешь, что твой «Плейбой» постеснялся бы напечатать. Милый мальчик, я берусь весь твой «Плейбой» за двадцать лет выпуска в одиночку выдумать за полгода, хотя баб у меня в жизни было раз-два и обчелся. И ни одной стоящей, между прочим. Задача-то тривиальная. Чистая комбинаторика из небольшого числа исходных данных: дырок, выступов и т. п. Разве дело в технике секса? Дай нам мало-мальски тернимые условия жизни, мы через пару лет обставим Европу по е...бе, свою рационализацию произведем, — у нас же миллионы рационализаторов. Кстати, ты не мог бы мне эти журнальчики дать полистать на пару дней?

О РЕЧИ ВОЖДЯ

Состоялся обычный исторический съезд Партии. Был обычный грандиозный треп до, во время и после съезда. Вождь зачитал обычный гениальный доклад, внеся очередной выдающийся вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Доклад напечатали во всех газетах и журналах, издали отдельной брошюрой стомиллионным тиражом, десятки раз передавали по радио и телевидению, выпустили в специальной стереофонической грамзаписи, изучали в сети политпросвещения, включили в списки обязательной литературы к любым экзаменам. Ссылки на доклад Вождя стали обязательными во всех публикациях и устных выступлениях. И пикого это даже не удивляло. Все воспринимали это как неотвратимое явление природы, подобное наступлению холодной дождливой осени — предвестницы бесконечно длинной зимы с грязным снегом и продовольственными затруднениями. Конечно, большое число людей наживалось на этом. Но и они не испытывали особых эмоций, потому что все равно нажились бы на чем-нибудь другом.

Но одно место в речи Вождя было необычным. Для подавляющего большинства людей оно тоже выглядело как обычная демагогия. Лишь немногие заметили его грозную необычность. Мы уже построили материально-техническую базу высшей стадии коммунизма, сказал в этом самом месте Вождь. Но общественное сознание отстает от нее. И наша насущная задача — теперь — ликвидировать это отставание, привести общественное сознание в полное соответствие с материально-техническими предпосылками коммунизма. Без этого мы не можем установить производственные отношения полного коммунизма. Задача эта не из легких. Решение ее потребует от нас огромных усилий, выдержки и жертв. Да, жертв! (Здесь речь Вождя была прервана бурными аплодисментами.) Мы должны со всей ясностью осознать, продолжал Вождь, что решение этой задачи методом постепенного перевоспитания людей может растянуться на многие десятилетия. Такое положение нас не может устроить. Мы обязаны решить эту задачу в кратчайшие сроки, используя мощные достижения современной науки и техники. Мы не можем ждать милостей от истории. Взять их у нее — вот наш девиз. (Опять бурные аплодисменты, возгласы «Давно пора!», «Наконец-то!».)

Вскоре после съезда состоялся закрытый Пленум ВСП специально по этому пункту доклада Вождя. На пленуме создали чрезвычайную комиссию по претворению решения съезда о ликвидации упомянутого отставания общественного сознания. Председателем ее назначили Начальника ОГБ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Директор Института Проблем Личности (ИПЛ) легко, но сытно поужинал, посмотрел спортивные новости, принял успокаивающий душ с ароматным витаминизирующим экстрактом, надел привезенный недавно из Парижа роскошный халат, взял томик Руссо и направился в спальню. Спальня — предмет особой гордости Директора. Таковую спальню имеет не более пятидесяти человек в Стране. Эти пятьдесят спален были изготовлены по специальному правительственному заказу в Финляндии. Президент этой дружественной, но все еще суверенной державы был

специально вызван в Столицу Страны, где высокие договаривающиеся стороны и подписали договор на эти спальные гарнитуры, опубликовав совместное коммюнике на другую тему. Несколько гарнитуров досталось по разнарядке Объединенной Академии Наук.

Собственно говоря, Стране требовался всего один гарнитур такого рода. Престарелая супруга одного из влиятельных министров, просматривая запрещенный в Стране (как порнографический) журнал, увидела в нем великолепную цветную фотографию спальни по последнему слову сексологии. На широченной штуковине, называемой у нас по старинке кроватью, лежала голенькая девица в такой позе, что целомудренный Министр застыл в оцепенении и целый вечер не мог оторвать от нее глаз. Рядом с девицей стоял голый узкоплечий волосатый (ну и вкусы!) молодой человек с великолепными зубами (наверняка искусственные!) и с откровенным намерением насчет девицы (вот идиоты, от жиру бесятся!). Ткнув толстым коротким волосатым пальцем в картинку и ощерив рот, свидетельствующий о том, что проблемы зубологии еще не стали в Стране предметом внимания расширенного Пленума ВСП, супруга сказала Министру, что она хочет такую же. Министр, облизнувшись на девицу, сначала было подумал бог знает что насчет желания своей выжившей из ума на старости лет супруги. Да, слишком поздно у нас приходит признание способностей и заслуг! Слишком поздно назначают на высшие посты! Скинуть бы хотя десяток лет! Мы бы тогда! Когда же до него дошло скромное желание супруги иметь всего-навсего спальный гарнитур, Министр даже пукнул от разочарования: такой пустяк! Но чтобы не было лишних разговоров, заказали на всякий случай полсотни гарнитуров.

В Президиуме ОАН долго решали, кому выдать (именно выдать, ибо плата пустяковая, не в счет) гарнитуры, выпавшие на долю Академии. И выбор среди прочих пал на Директора. Еще бы: молодой академик, талантливый ученый с мировым именем. О том, что Директор — зять первого заместителя Председателя Кабинета Министров (ПКМ), умолчали, ибо это обстоятельство никакой роли в решении членов Президиума играть не могло.

Одно омрачало обычно прекрасное расположение духа Директора: мысль о том, что в эту великолепную, по пос-

ледному слову сексологии сделанную спальню войдет преждевременно растолстевшая и постаревшая жена, а не молоденькая девочка. Эх, сейчас бы сюда секретаршу! Нет, лучше бы ту молоденькую дипломницу! Надо будет ее взять на работу. А с секретаршей пора кончать. Слишком обнаглела, стерва! Завалившись на широченную и страшно неудобную для нормального сна кроватюшкообразную штуквину с многочисленными приспособлениями для любовных развлечений, Директор раскрыл томик Руссо. Считая себя крупнейшим теоретиком по проблемам личности, сомасштабным по крайней мере Руссо, Директор давно порывался почитать довольно скучные и давно устаревшие сочинения этого автора, но засыпал на первой же странице. Что поделаешь. За день наматывается до такой степени на разных заседаниях, совещаниях, собраниях, что не до этих (черт бы их побрал!) дурацких проблем личности. Личность — это я, Директор! И проблемы личности — это мои, директорские проблемы! Ладно, пару лет подожду, а там перейду на заведование Отделением ОАН. А там... И Директор заснул, выронив томик Руссо в ящичек, предназначенный для предметов совсем иного рода.

Но поспать Директору на сей раз не удалось. Раздался звонок, и в квартиру вошел человек с пакетом. Он попросил разбудить Директора, а того — вскрыть пакет, прочитать его содержимое, расписаться в книге, указав точное время прочтения, и вернуть пакет обратно. В пакете было уведомление: предлагается вам немедленно явиться на совещание, которое... Сказав жене, чтобы не беспокоилась и не ждала, Директор быстро оделся. У подъезда их ждала черная «Ласточка». И они помчались в один из закрытых районов около Столицы, в которых размещены секретные службы ВСП и ОГБ. Директор знал о них, но бывать там ему до сих пор еще не приходилось. При входе в здание Директора обыскали, взяли подписку о неразглашении всего, что он здесь увидит и услышит, заставили поставить свою подпись в конце чистых бланков. Директор удивился, зачем это. Ему сказали, что здесь это положено. Войдя в просторное фойе, Директор увидел множество известных ему лиц. Некоторых из них он знал лично. Директор Института Научного Коммунизма (ИНК). Президент ОАН. Директор Института Психиатрии (ИП). Председатель Союза Пи-

сателей. Редактор философского журнала. Ведущий в Стране химик-органик, академик. Вон показался сам Начальник ОГБ. Зачем нас собрали? — спросил Директор у Редактора. Понятия не имею, ответил тот. Может быть, война!

НАЧАЛО

Актовый зал Института Научной Идеологии (ИНИ) был переполнен сверх всякой меры. Даже в коридорах и на лестничных площадках толпились люди. Дышать буквально было нечем. Время от времени из зала выносили кого-нибудь в обморочном состоянии и волокли в зависимости от ранга кого в дирекцию, кого в партийное бюро, кого в канцелярию, кого просто в коридор или на лестницу. Пришлось даже вызвать «скорую помощь». Это когда проректора Академии общественных Наук (АОН), еще не пришедшего в себя после вчерашнего перепоя, вырвало прямо на трибуну, с которой он произносил взволнованную речь в защиту не столько диссертанта, сколько того, кому была посвящена эта на редкость вшивая диссертация. Дело в том, что здание ИНИ было построено по последнему слову науки и техники, то есть без туалетов и форточек. Отсутствие первых с успехом компенсировалось скудной едой рядовых сотрудников, считавшейся официально верхом изобилия (начальство, естественно, питалось дома или в специальных столовых, куда рядовых не пускали). Что касается форточек, то их должен был заменить кондиционер. Но работу его почему-то связывали со строительством бассейна, который должен вступить в строй лишь в конце следующей пятилетки. А пока на месте бассейна построили статую Вождя на два года раньше намеченного срока, и теперь статуя нуждалась в капитальном ремонте. Ее огородили высоким забором, все подходы к ИНИ перекопали. Строители монумента включились во всенародное соревнование... Одним словом, дышать в актовом зале ИНИ было действительно нечем. Призывы председателя ученого совета прекратить курение в зале действия не имели. Но народ все-таки не расходился.

Как утверждают очевидцы, за всю историю марксистской (а значит — домарксистской) философии такое ко-

личество народа не собиралось на защиту докторской диссертации. И какой диссертации! Даже выдавший виды девяностолетний академик, широко известный как выдающийся кретин и мерзавец, не скрывал своего полнейшего презрения к диссертанту и его сочинению. Такое дерьмо, сказал он, не пропускали даже в наше время. Это, однако, не помешало ему дать самую высокую оценку диссертации, выступая в качестве официального оппонента. Именно эта высокая оценка служила собравшимся бесспорным доказательством того, что диссертация на самом деле еще хуже, чем об этом во всеуслышание говорил маразматик академик в своих неофициальных заявлениях.

Причиной столь необычного интереса к самой бездарной за всю историю марксистской философии диссертации явилась ее тема: «Вклад Вождя-Завершителя в развитие марксистско-ленинской философии в период после победоносного окончания...» Хотя время замалчивания имени этого Вождя закончилось, его поклонники не решались открыто заявлять о себе. Защита данной диссертации была первым крупным случаем публичной реабилитации мерзостей периода Вождя-Завершителя. И самая гнусная философская мразь съехалась со всех концов Страны, чтобы на месте своими глазами оценить ситуацию, вовремя сориентироваться в нужном направлении и как-то нажиться на повороте в умонастроениях, который давно уже назрел и вот-вот должен разразиться. Вице-Президент ОАН, открывая заседание ученого совета, прямо обратил внимание на этот факт, сказав всего несколько фраз, которые вскоре обрели мировую известность: чиновник такого масштаба не мог без санкции самых высших инстанций сказать такое, значит... И всем стало очевидно, что защита этой вшивой диссертации и вступительное слово Вице-Президента суть лишь пробный шаг в осуществлении более глубоких и далеко идущих замыслов.

НАЧАЛО

А Вице-Президент сказал следующее. Вождем-Завершителем в последние годы были допущены отдельные практические ошибки. Они были в свое время

подвергнуты суровой критике и своевременно преодолены. Но при этом, в свою очередь, было сделано серьезное упущение, а именно — из актива марксистско-ленинской идеологии были временно вычеркнуты величайшие теоретические творения Вождя-Завершителя. Долгое время наша пропаганда избегала ссылаться на его сочинения, а работа по дальнейшему развитию его гениальных идей застопорилась. Это отрицательно сказалось на общем состоянии нашей идеологии. Пышным цветом расцвел ревизионизм, буржуазная фразеология заполонила страницы марксистской литературы. Дело дошло до того, что философы-марксисты стали бояться произносить фундаментальнейшие положения нашей философии, ибо аудитория часто встречала их смехом (шум в зале, гневные выкрики «Позор!», «До чего докатились!»). Например, недавно в редакции философского журнала в статье всеми уважаемого заслуженного ученого вычеркнули фразу «материя первична» как примитивную (крики возмущения в зале «Судить мерзавцев!»). С этим пора кончать (бурные аплодисменты в зале). Обсуждение данной диссертации и должно послужить...

Защита прошла блестяще. Все выступавшие превозносили диссертацию до небес. Особо отмечали гражданское мужество диссертанта. После защиты, когда закончился поток поздравлений, к диссертанту (теперь уже доктору) подошел знакомый инструктор Отдела Науки ВСП с незнакомым человеком. Последний протянул новоиспеченному доктору бумажку с номером телефона и попросил позвонить по этому телефону в ближайшие дни.

На другой день молодой Доктор философии очнулся поздно. Настроение было отвратное. Банкет был, конечно, грандиозный. Но какой сброд приперся на него. И жрали, паразиты, как будто их только что из концлагеря выпустили. А высшие лица на банкет не пошли, сволочи! Решили на всякий случай поостеречься. Если что у них там сорвется, на мне отыграются, гады! А сколько денег ушло на этот идиотский банкет!

Потом Доктор вспомнил про бумажку с телефоном. Вчера он этому эпизоду значения не придавал. Не до того было. Теперь он почувствовал, что в этом телефоне его судьба. И он тут же позвонил. Его спросили, как он себя

чувствует, и, не дожидаясь ответа, попросили быть готовым. Через полчаса за ним прибудет машина. И ровно через полчаса Доктор мчался в черной «Ласточке» по одному из закрытых шоссе. Он ощущал себя важной персоной в механизме власти Страны.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вы, конечно, догадываетесь, где вы находитесь, сказал человек, вручивший накануне доктору философии бумажку с номером телефона. Ваша диссертация произвела на нас впечатление, и потому мы хотим сделать вам предложение. Мы создаем комплексный отдел. Вам предлагается заведование сектором философии в этом отделе. Вот этот товарищ будет вашим заместителем. Он вас введет в курс дела.

Заместитель, такой же ничем не примечательный человек, повел Доктора в идеологический корпус. Договоримся с самого начала, сказал он по дороге, я являюсь начальником исследовательской группы, и вы подчиняетесь мне. Формально вы — заведующий, а я — заместитель. Это для сотрудников и возможных посторонних. А на работе вы будете получать от меня инструкции и отчитываться о сделанном. Ясно, вы здесь будете получать зарплату заведующего сектором независимо от вашей теперешней зарплаты. Квартира в городе за вами сохраняется. В вашем распоряжении будет машина, два раза в неделю вы будете являться сюда в обязательном порядке. Вы здесь будете получать задания и подписывать документацию сектора. Сейчас я вас познакомлю с сотрудниками. С целями работы сектора вас ознакомит Старший Теоретик. Вы выслушаете его, продумаете свои соображения. И недели через две мы соберем небольшое совещание по поводу плана исследований на ближайший год. Потом вас проводят в отдел кадров, где вы оформите необходимую документацию. Проходите сюда! Вот здесь — рабочие кабинеты сотрудников. Это ваш кабинет. Это — зал заседаний. Это — кабинет заказа литературы. В нашем распоряжении все библиотеки Страны без всякой очереди и без ограничений. Это мой кабинет. Сюда сотрудникам вход воспрещен.

Наконец стало известно, что прибывает Секретарь по Идеологии, и собравшихся пригласили пройти в зал и занять места согласно жетонам, которые им были вручены при входе в помещение. Директору место было пре-
дуказано в предпоследнем ряду, что несколько разочаровало его. Но он вскоре утешился, так как в его ряду сидело всего несколько человек, а последний ряд был заполнен полностью. Особенно приятно было то, что его приятель-конкурент Редактор и враг-соратник шеф ИП были в последнем ряду. У Редактора при виде этой несправедливости вытянулась рожа. Директор слегка ему кивнул, а Редактор заискивающе улыбнулся. Зато было совершенно непонятно, почему на три ряда впереди сидел один молодой человек, совсем недавно защитивший слабую докторскую диссертацию. Директор и Редактор переглянулись по сему поводу и пожали плечами: вот, мол, проходимец!

Директор надел наушники и услышал предложение ознакомиться с документом, лежащим перед ним. В документе была указана очередность выступления Директора, тема выступления и тезисы. Четкими большими буквами было отпечатано вступление и заключение к его выступлению — дифирамбы Партии и лично Вождю, клятвы и т. п. Было точно указано место и время, когда выступающий (то есть он, Директор) должен высказать свои соображения. К такой форме выступлений на важных совещаниях вынуждены были прибегнуть по той причине, что ораторы много говорили о гениальности Вождя, несли всякую околесицу и общие фразы ни о чем, а на суть дела места не оставалось. Причем о главном обычно забывали сказать. Исключить совсем словословие было нельзя, потому его слегка ограничили. Специалистам в той области деятельности, к которой принадлежал намеченный и одобренный выступающий, поручали составлять деловые тезисы выступлений и обязывали выступающего зачитывать их вслух как его собственные соображения. И некоторое время оставляли для проявления творческой индивидуальности. Впрочем, выступающие редко укладывались в этот регламент, и их приходилось обрывать, оставляя выступление в письменном виде.

Прочитав свое выступление, Директор остался доволен. Выступление было составлено очень толково, он сам свои мысли изложить так не смог бы. Тем более — чужие. Ему мало что оставалось добавить от себя. Надо будет похвалить вступительную речь Идеолога, подумал он и пришел в восторг от своей оригинальности. Ему и в голову не пришло, что именно так же подумали все прочие участники совещания, начиная с третьего ряда.

Открывая совещание, Идеолог пересказал место из доклада Вождя о задаче ликвидации отставания общественного сознания и призвал собравшихся обсудить меры по скорейшему ее решению. Это совещание, сказал он, является лишь предварительным. Оно должно помочь ВСП вырабатывать конкретные рекомендации к предстоящему Пленуму ВСП. Тщательно отработанная машина совещания была пущена в ход. Очередь Директора была во второй половине выступающих, но не в самом конце. Впрочем, порядок выступлений устанавливался не в соответствии с рангами выступающих, а по никому не ведомым и еще совершенно неизученным правилам. Делал это помощник лица, председательствующего на совещании. Председательствующий вносил свои исправления и согласовывал порядок совещания в вышестоящих инстанциях. В данном случае — с другими секретарями ВСП. Так, на этом совещании первое слово предоставили Президенту ОАН, а последнее — Начальнику ОГБ. Редактор главного партийного журнала выступал после Директора, и это было показателем того, что он рангом выше Директора. А редактор философского журнала выступал раньше Директора, и именно потому всем было ясно, что Директор ставится выше его. Фактическое место выступающего в социальной иерархии, однако, ощущалось в таких случаях по неуловимым для посторонних штрихам самого выступления, замечать которые чиновники Страны приучаются с детства и в результате длительного жизненного опыта. Так, Президент Медицинской Академии выступал вторым, но присутствующие сразу же заметили, что им недовольны и что дни его сочтены. Это почувствовал и он сам. И в панике начал чрезмерно превозносить гений Вождя, просрочил регламент и сошел с трибуны, скомкав речь.

Директор репетировал свое выступление и почти не слушал ораторов. Однако три выступления невольно при-

влекли его внимание. Первое — выступление академика, имя которого Директор слышал впервые. Этот академик, как было объявлено, заведовал лабораторией психотрансформатологии. Директор никогда до этого не слышал о существовании такой науки, хотя сам работал в области, смежной с психологией и психиатрией. Выступавший сначала говорил общеизвестные истины о человеческом сознании. Но то, что он начал говорить после этого, изумило даже привыкшего ко всякого рода шарлатанству Директора. Чушь невероятная, подумал он. Впрочем, кто знает? Может быть, это одно из великих открытий века? Человеческое «я», говорил выступавший психотрансформатолог, комбинируется из отдельных, точно фиксируемых элементов самосознания. Имеются закономерные корреляции между этими элементами, благодаря которым образуются их устойчивые ансамбли. Человеческую психику можно очищать от отдельных элементов и их ансамблей, заменять их другими, комбинировать их в желаемых комбинациях и пропорциях и т. д. Можно даже полностью изъять из индивида его «я» и поместить его в психику другого индивида, предварительно очищенную от его старого «я». Перспективы здесь открываются огромные. Методами психотрансформатологии можно будет в массовых масштабах очищать человеческое «я» от неугодных элементов и вживлять в него желаемые элементы, вселять в психику индивидов одобренные образцы «я». Хотя исследования в этом направлении начались совсем недавно, успехи уже неоспоримы. Так, мы начали исследования, имея всего двух докторов наук и пять кандидатов. Теперь у нас работает более ста одних только докторов наук... По числу публикаций в этой области мы также во много раз опередили американцев. По вполне понятным причинам эти исследования пока секретны. В условиях буржуазного общества открытия психотрансформатологии будут использованы во вред трудящимся. Только в условиях социализма... Ну и ну, думал Директор. Это же шарлатанство чистейшей воды. Неужели Там не понимают это? Почему Они Там так охотно клюют на такие штучки? Телепатию разгромили официально, а Они устроили для нее секретный институт. Теперь эта психотранс...

Второе выступление было выступлением академика по психохимии. Выступавший говорил об открытиях в этой области, удостоенных Государственной премии, в

особенности — об изобретении лоялина. Этот препарат безвреден для здоровья и весьма благотворно влияет на психику как больных, так и здоровых. Никаких противопоказаний не имеет. Характер воздействия — элиминируется негативизм, устанавливается хорошее расположение духа и доброжелательное отношение к коллективу, повышенная стойкость по отношению к трудным условиям существования. Достаточно одного укола, чтобы... Достаточно двух уколов, чтобы... Достаточно... В ближайшее время возможно наладить массовое производство... Охватить уколами все население в порядке профилактики.

Директор вспомнил чистые бланки, подписанные им, и ему стало не по себе. Впрочем, подумал он, зачем Им это? Я и без этого всегда готов...

Третьим было выступление известного философа, имя которого мелькало в печати уже более сорока лет. Философ предложил покрыть Страну сетью культурных учреждений, осуществляющих идеологическую профилактику населения, — сетью сознаторисв. Распределить их так, чтобы из любой точки Страны до ближайшего сознатория было не более десяти часов пешего хода. В результате в случае надобности все население Страны может быть в течение полусуток сосредоточено в сознаториях и подвергнуто идеологической обработке. В обычное же время все граждане будут находиться под неусыпным контролем специалистов-идеологов. В сознаториях можно будет сосредоточить продовольственные и вещевые пункты, а также места выдачи зарплаты и официальной документации.

Самому Директору было предложено сказать, что обсуждаемая задача является комплексной, что тут нужны методы системного исследования, что целесообразно создать координационный совет и т. п. Во время выступления Директора сам Секретарь несколько раз одобрительно кивнул, и у Директора появилось радостное предчувствие большого успеха.

Последним выступил Начальник ОГБ. Он сказал, что ВСП и лично Вождь поручили ОГБ шефство над решением задачи. По всей вероятности, будет создан комплексный Институт Системных Исследований (ИСИ) с широкой экспериментальной и производственной базой. Главное внимание надо будет сосредоточить на разработке не методов исправления (хотя, конечно, это важ-

но), а методов предупреждения. Далее Начальник ОГБ предостерег против одностороннего увлечения каким-либо одним средством. Например, лоялин — прекрасный препарат. Однако в связи с массовым его использованием возникают сложные и незаметные до этого проблемы отбора лиц для уколов, экспертизы, правового оформления. К тому же неизвестны последствия его массового применения для последующих поколений. Или взять идею сознаториев. Идея хорошая, спору нет. Но опять-таки возникает целый ряд проблем. Кто будет собирать население в сознатории и охранять? Если охватить системой сознаториев всю Страну, то по крайней мере половину населения так или иначе придется оставить на свободе. А это — опять-таки сотни миллионов людей со всеми теми же проблемами. И начинай все сначала. Конечно, мы должны создать серию опытных сознаториев. Но в масштабах Страны все же главной является линия поголовного вовлечения населения в решение поставленной задачи в условиях нормального строя жизни.

После окончания совещания (уже рассвело) Директора попросили зайти в кабинет Идеолога. Похвалив Директора за дельное выступление, Идеолог сказал, что его кандидатура утверждена на Секретариате ВСН в качестве директора вновь создаваемого Института Системных Исследований. Вот этот товарищ, сказал Идеолог, представляя Директору невзрачного человека, введет вас в курс дела. Он будет вашим заместителем.

ПРАЗДНИКИ

К празднику Ученику выдали премию пятьдесят рублей, а Художнику повысили зарплату на пятерку. Пятью двенадцать, считал Художник, будет шестьдесят. Минус восемь на налоги. Минус на то да на се. В общем остается пятьдесят. Кое-что подкинули и прочим сотрудникам. Кому премию, кому грамоту, кому благодарность. В буфете продавали пакетики с продуктами, которые невозможно достать в магазинах. По списку, конечно. На радостях сколотили небольшую компанию и отправились отмечать это событие в кафе «Василек». Оно оказалось на ремонте. Пошли в ресто-

ран «Гавана». По дороге Девица свалилась в яму, пересекавшую тротуар. Отчистить брюки не удалось. Вот сволочи, ворчала со слезами Девица, придется в химчистку отдавать, а это время ходить без штанов. Однорукий сказал, что он приветствует такое начинание. Другая Девица сказала, что слишком много развелось теоретиков по сексу, а работать никто не хочет, облепились и исхалтурились все. Лысый вспомнил старый анекдот об ученике, который пропустил два дня в школе: первый день из-за того, что мать его штаны постирала, а второй день из-за того, что по дороге в школу увидел сохнувшие штаны у дома учительницы и вернулся обратно. Что за жизнь, сказал Художник, учимся десятками лет, а запасные штаны купить не можем. Переходи в ОГБ, там в три раза больше платят. Майора дадут сразу. Лучше в Духовную Академию, сказал Очкарик. Сразу звание протодьякона или протоиерея присвоят. Это больше, чем майор в ОГБ. И никаких профсоюзных, комсомольских и прочих собраний. И матом не ругаются. Нам еще повезло, сказала Девица, денег отвалили. А у нас в прошлом году одну старую заслуженную дуру наградили бюстом Вождя. Тяжеленный, вчетвером несли, когда вручали. Старуха на такси убухала уйму денег и на грузчиков, чтобы отвезти подарок домой. Хотела потихоньку разбить, а черепки выбросить. Не тут-то было! Теперь их льют из какого-то очень прочного материала. Пришлось заказывать постамент. Теперь этот подарочек у нее полкомнаты занимает. Пыль вытирать с него надо. А выкинуть нельзя. Соседи сразу донесут. Дура она, эта ваша партийная старушенция, сказал Художник. На бюст Вождя большого габарита положена дополнительная площадь. Как на служебных собак, шесть метров. Чушь, сказал Очкарик. Теперь даже на докторов наук и профессоров дополнительную площадь отменили. Верно, сказал Художник, на эту шпану отменили и за счет образовавшегося резерва ввели для бюстов. Надо будет сказать этой дуре, сказала Девица, она горы свернет, а эти метры выбьет. У старых большевиков энергия неисчерпаема. Великая энергия рождается для великой цели, сказал Однорукий.

У «Гаваны» стояла длинная очередь. Решили отправиться к Девице. Это рядом. Тем более, на закуску пой-

дуг пакеты, полученные по списку в буфете, а выпивон можно закупить в магазине напротив. На сей раз выпивка вышла такая грандиозная, что Ученик первый раз в жизни не смог позвонить домой и сказать, что он уезжает с Директором срочно в филиал.

ПРОБЛЕМА ПАРТИЙНОСТИ

Мне с вами надо поговорить по важному вопросу, сказал Учитель. Хотя вы еще в комсомольском возрасте, вам уже сейчас надо подумать о вступлении в партию до истечения комсомольского возраста. Мы обсуждали вашу кандидатуру в парткоме и пришли к выводу, что вы заслуживаете. Так что будем вас готовить. Вам следует начать более активно вести себя на собраниях. В пере-выборную кампанию вас надо будет избрать для начала в комитет комсомола отдела. Проявите себя на выборной работе. Рекомендацию я вам дам. Другую, я полагаю, вам может дать Бородатый. Вы же с ним контактируете постоянно. А комсомольская организация вас рекомендует, это вне сомнения. А теперь о деле. Нам поручено подготовить справку для дирекции...

Ученик с тоской слушал разглагольствования Учителя. Надо как-то выкручиваться, думал он. Тут каждый стремится навалить на тебя какую-нибудь скучную трудоемкую работу, привлечь, вовлечь, завлечь, поручить, попросить, заставить... Нет, так не пойдет. Так можно погибнуть под грузом пустяков. Надо научиться каждое дело делать так, чтобы казалось, что ты трудишься в поте лица и преуспеваешь, а чтобы на самом деле ты делал самый примитивный минимум. Когда тут сотрудники отчитываются, то послушать их, они горы ворочают. А в действительности они занимаются чем угодно, только не делом. Надо работать не для дела, а для отчета о деле. А эффект дела и эффект отчета — разные вещи. Надо пробиваться к эффекту отчета! Насчет партийности это неплохо. Потом легче будет на защиту диссертации выйти. А после защиты... Надо закругляться с халтурой для Зама. Это существенней той дребедени, о которой тут бормочет Учитель. Зачем это им нужно? Все равно наши данные о соотношении тематик текстов не показательны, ибо у нас уже ото-

бранные, а не первичные и случайно собранные материалы.

Кстати, у нас организуется методологический семинар специально по изучению речи Вождя на... — сказал Учитель. Я бы советовал вам посещать его. Для будущего коммуниста... Вы и сейчас коммунист по убеждениям, я имею в виду партийность...

ИЗ МЫСЛЕЙ КОМАНДИРОВАННОГО

Если допустить, что ряды причин в прошлое и ряды следствий в будущее бесконечны, то можно доказать, что следствия становятся причинами своих собственных причин, а причины — следствиями своих собственных следствий. Это — аргумент в пользу утверждения, что упомянутое утверждение логически противоречиво и потому ложно. Так что тот профессор философии, который хотел найти способ, как изменить прошлое путем воздействия на будущее, был не сумасшедший, а обычный наш советский болван. И выпустили его правильно. Там, на вашей свободе, ему самое подходящее место. Но не в этом дело. Надо установить, что возможно в этом мире и что нет, что будет происходить обязательно, какие бы меры против этого ни предпринимало начальство, и что не произойдет ни в коем случае, как бы к этому ни стремились вожди прогрессивного человечества и само идущее за ними прогрессивное человечество. А для этого надо научиться правильно шевелить мозгами. На свободе этому научиться никак нельзя, ибо там тучи ученых, писателей, философов, политиков, журналистов, пропагандистов, учителей делают все от них зависящее, чтобы помешать этому и убить в людях прирожденную крупицу здравого смысла. Поскольку мне повезло, то есть поскольку я избавлен от такого всеобщего мозговредительства и от заботы о завтрашнем дне, я имею шансы разработать здесь особую инструкцию для правильного шевеления мозгами на уровне здравого смысла. Местный персонал добр ко мне. Мне дают бумагу и карандаш. Так что не буду терять времени даром. За дело!

В свое время было сказано: вначале было Слово, и Слово было Бог. Сколько смеялись над этой фразой

умники всех времен и народов! А между тем в ней заключена мудрая истина. Начинать надо именно со слова, и, начав с него, вы скоро сами убедитесь в том, что оно обладает силой и властью Бога и Дьявола (в зависимости от обстоятельств, о которых скажу ниже). Не случайно же сказано в «Евангелии для Ивана»:

В нас входят истины святые
Одной случайною строкой.
Но льются в головы пустые
Помои слов густой рекой.

Мы — языковые существа. Мы образуем общество именно языковых существ. Мы организуемся, управляемся и угнетаемся через язык. Мы организуем, управляем и угнетаем через язык. В нашем мире все ценности являются таковыми лишь постольку, поскольку могут быть так или иначе выражены в языке, отображены в языке, порождены в языке. Подчеркиваю, мы цивилизация, то есть цивилизация языковых существ. А раз так, мы так или иначе находимся во власти слов. Но власть эта двойка. Во-первых, это — власть Дьявола. Как сказано в том же «Евангелии для Ивана»:

Ответь, откуда завелась
Могучая над нами слова власть?
Ткнут пальцем в черное пятно,
А нам прикажут: белое оно.
Назначат свыше — скажут: выбирай.
Устроят ад, а скажут: суций рай.
Намылят шею и намнут бока.
Вот вам свобода, скажут, на века.
И верим мы. И видеть все таким
Нам почему-то хочется самим.

Но силе можно противостоять только силой. Власть может победить только другая власть. И потому этой дьявольской власти слов хочу противопоставить другую власть слов — власть слова-Бога.

Возьмем, например, слово «выбор». Положат перед тобой какую-то вещь, скажут — бери, ты схватишь ее, и это тоже называют у нас выбором (за примером далеко ходить не надо: «выборы» депутатов в советы). Положат

перед тобой две одинаковые вещи (обычно — обе одинаково дрянные), скажут — выбирай любую, ты хватаешь какую-то, и это тоже называют выбором. Такой выбор можно осуществить по принципу «в какой руке?». Или предложат: колхоз или единоличное хозяйство? И это тоже выбор, хотя у предлагающего на столе лежит наган, а пара милиционеров стоит наготове, чтобы забрать выбирающего второе. Это все — от Дьявола. Как сказано в «Евангелии»:

И выбираем мы судьбу
Не ту, что любим сами.
И выбираем мы судьбу
С закрытыми глазами.

А что, спросите, от Бога? Отвечу. Мы — люди. Для нас выбирать — значит иметь по крайней мере две возможности, которые существенно различаются в том аспекте, в каком нам важно избрать какую-то одну из них, и выбор должен быть актом доброй воли и не может быть наказуем какой-то социальной силой.

Думаете, все равно, что и как называют? Мол, мы сами знаем, чего стоят наши «выборы», чего стоит наша «подлинная демократия», чего стоят наши «стабильные цены», «устойчивая валюта» и т. п. Не все ли равно, как и что называют! Увы, вы ошибаетесь. Навязывая вам свой язык, Они навязывают вам тот строй думанья, какой Им нужен, Они разворачивают ваши мозги в том направлении, в каком выгодно Им, а не вам. Хотите вы этого или нет, но такова неотвратимая сила слов. Если вас всю жизнь будут учить и заставлять передвигаться только на четвереньках, называя это полетом, и вы поймете, что ползаете, и будете над этим шутить, вы тем самым еще не научитесь ходить и летать. Если вас приучили к такому употреблению языка, то даже в случае критического к нему отношения и даже будучи предоставлены самим себе, вы не сможете изменить ориентацию, строй, способ своего мышления. Вы все равно остаетесь вещью, пригодной лишь для того употребления, для какого вас создали. А если вы не хотите быть ею, подумайте о слове и о другой его силе и власти.

Многочисленные случаи изъятия и изоляции граждан наводят на мысль, что борьба с инакомыслящими в этом является делом второстепенным. Точнее говоря, борьба с инакомыслящими дала толчок этому процессу и социальное оформление. Затем процесс вышел за рамки этой первоначальной задачи, став наряду с другими своими сторонами также и удобным средством решения этой задачи. Подавляющее большинство изолированных, относительно которых удалось получить достоверные сведения, абсолютно никакого отношения не имело к инакомыслию и к действиям, которые можно было бы истолковать даже лишь как недружелюбные по отношению к существующему строю. Они были вполне лояльными гражданами. Единственная их «вина» состояла в том, что они не имели ощутимой социальной защиты, — они не имели сильных групповых связей на производстве (за них не вставал горой коллектив), не имели влиятельных и способных на борьбу за их освобождение родственников и друзей, не имели известности. Их изъятие проходило почти бесследно, лишь нелепая случайность выбирала их из большого числа аналогичных индивидов в качестве жертвы. Но ради чего приносились и приносятся (и, надо полагать, будут приноситься во все более расширяющихся масштабах) эти жертвы?

ФОРМУЛА НЕДОВОЛЬСТВА

Каждая стабильно существующая социальная система порождает определенные типы и число недовольных ею, зависящие прежде всего от самого типа системы и числа людей той страны, в которой эта система является господствующей. Типы и число недовольных зависят от других факторов, в частности — от материального благополучия или неблагополучия, от жестокости или нелиберальности политического режима, от исторических и биологических особенностей населения. Однако зависимость от этих других факторов не столь значительна, как принято думать. А главное, она не поддается учету. Достаточно длительные наблюдения за жизнью Страны показали, что иногда ухудшение материальных условий

(при прочих постоянных факторах) вело к сокращению числа недовольных, а иногда улучшение этих условий — к увеличению числа недовольных. А иногда — наоборот. И так для прочих факторов. Что же касается типологии недовольных, то обнаружить какую-то зависимость ее от этих прочих факторов не удалось вообще. Типы недовольных оказались весьма стабильным отображением типа системы, а число их в каждой категории — более или менее стабильной функцией от числа населения и коэффициента системности — некоторой априорной константы, характеризующей коммунистическое общество.

Основная трудность при выведении формулы недовольства (вернее, формул для разных категорий недовольства) заключалась не в установлении математических соотношений величин, а в определении самого понятия «недовольный» и в установлении критериев различения недовольных и лояльных лиц. К последним относятся довольные и социально безразличные, которых большинство. Слово «социально» здесь мелькнуло не случайно: именно выделение социально недовольных (а не недовольных вообще) позволило решить рассматриваемую проблему. Человек может быть недоволен тем, что нет мяса, что фальсифицировано молоко и масло, что плохо с жильем и т. п., оставаясь социально лояльным. Человек может быть доволен условиями своей личной жизни или быть равнодушным к ним, будучи социально недовольным (нелояльным). Социально недовольным индивидом является такой, который недоволен самыми существенными явлениями данной социальной системы — ее неотвратимыми законами или их проявлениями, то есть закономерными явлениями данного общества.

Не существует общего определения на этот счет. Имеется лишь перечень социальных явлений, найденных чисто эмпирическим путем, отношение к которым и является показателем типа индивида. И установлены реакции индивидов, которые являются критериями знака отношения индивида к этим явлениям (плюс, минус, ноль, то есть безразличие). Причем эти реакции опять-таки выявлены опытным путем. Они могут меняться в зависимости от обстоятельств. Например, отношение к выборам в органы номинальной власти, которые (как выборы, так и официальный статус органов) фиктивны,

одно время и для некоторой категории лиц служило индикатором, а в другое время или для других лиц — нет.

К открытию теории недовольства (нелояльности) шли совершенно независимо с двух противоположных сторон. С одной стороны, к этому шли органы охраны существующей системы и органы наказания за выступления против нее. Они чисто опытным путем выработали совершенно безошибочные критерии и методы распознавания нелояльных и наладили общеизвестную грандиозную систему практической деятельности в этом направлении. Эта деятельность не прекращалась никогда, даже в самые либеральные годы жизни Страны. В отношении каждого гражданина уже со школьных лет вырабатывалась некоторая ясность в оценке его социального лица. И ошибки почти полностью исключались. На два обстоятельства здесь следует обратить внимание. Рассматриваемая деятельность была отнюдь не отклонением от некоторой нормы и проявлением злых намерений темных сил, а совершенно нормальным проявлением и условием существования коммунистической системы общества, вполне адекватным его светлым идеалам и лучшим сторонам натуры коммунистически воспитанного индивида. Коммунистическая система общества не просуществовала бы и пары десятков лет без нее. Когда в свое время («либеральное») говорили, что органы охраны и наказания превратились в самодовлеющую силу, стоящую над обществом, то были глубоко правы, констатируя этот факт, и глубоко ошибались, считая это явление ненормальным и временным. Самосохранение и самоочищение — закономерный результат и основа действия законов коммунизма, как таковых, а все остальное идет из других источников. Коротко коммунизм можно охарактеризовать как систему выявления, уничтожения, нейтрализации индивидов, нелояльных к самой системе выявления, уничтожения, нейтрализации. Так что попытки теоретиков найти какие-то первоосновы, первопричины, первопринципы коммунизма обречены на неудачу уже самой этой установкой. Разумно лишь думать над изобретением удобного метода изучения этой замкнутой на самой себе, самопожирающей и самопорождающей системы. Впрочем, сотрудники органов пресечения никогда над этими ложными (с их точки зрения) проблемами не задумывались. Их дело — пресечь. А зачем это и с какими

последствиями, их не касается. И одно они постигли на опыте с полной ясностью: дело пресечения никогда не будет закончено, пока стоит сама система, ибо жизнь системы, с их точки зрения, есть порождение того, что подлежит пресечению.

С другой стороны, к открытию теории недовольства шли очень немногие интеллигенты, по тем или иным причинам заинтересованные в выяснении возможностей сопротивления режиму, заложенных в самом режиме. Когда ОГБ в конце концов заполучили рукопись одного малоизвестного ученого, который в течение нескольких десятков лет тайно занимался научным изучением коммунизма (а не «научным коммунизмом», как называли чисто идеологическую болтовню о коммунизме), сотрудники ОГБ были потрясены совпадением его теоретических выводов со сверхсекретными инструкциями, созданными на базе опытной деятельности ОГБ за всю историю Страны в качестве коммунистической системы. Однажды, когда ученый ехал домой с работы в тесном автобусе (в час пик), он почувствовал легкий укол и потерял сознание. Сослуживцам потом сообщили, что он скончался от инфаркта. Поскольку было время отпусков, официальных похорон не было. Ходили слухи, будто ученого убрали. Но так как никто не знал, за что именно (официально он был всегда ортодоксальным марксистом-ленинцем и добросовестным членом Партии) его убрали, то слухи скорее вызвали усмешку, чем озабоченность. А ученый через некоторое время появился в палате номер восемь под псевдонимом Критик.

КГ

Согласно теории Критика, одной из важнейших форм протеста против отрицательных явлений коммунизма должно стать стремление к широкой гласности официально скрываемых фактов жизни Страны. Возможно образование такого рода групп в рамках легальности или, скорее, псевдолегальности: когда группы существуют открыто, власти их не признают, но по тем или иным причинам не уничтожают. Но сбор сведений о скрываемых фактах жизни Страны есть тяжкое преступление при всех обстоятельствах. А так как без этого открытые груп-

пы существовать не могут, то потребуются группы тайные для сбора сведений. И если открытая группа существует и действует, значит, наверняка есть обслуживающая ее тайная группа (или даже группы). Критик не знал, что к моменту его исчезновения его предсказание осуществилось. Появился Комитет Гласности и подал просьбу в органы власти признать его существование официально. Шутники, считавшие этот комитет часто кагэбэвской затеей, прозвали его «КГ без Б». Власти разрешения не давали, но и не отказывали. А КГ между тем приобрел международную известность, был включен в качестве филиала в международную организацию того же рода. В прессе последнюю поносили как шпионский и разведывательный центр, начав тем самым подготовку общественного мнения к предстоящей (это лишь вопрос времени) расправе с КГ.

ГРУППА

А группа, поставлявшая информацию для КГ, действительно существовала. Ее назвали просто Группой. Никто (даже сами члены КГ и даже ОГБ) не знал толком ничего о составе и характере деятельности Группы. Известен был только главный принцип ее: полное самоотречение и отсутствие тщеславия есть основа основ надежной конспирации.

— В последнее время, — сказал Руководитель Группы на очередном заседании, — резко возросло число лиц, которые просто исчезают бесследно или изымаются под предлогом обычных заболеваний. Мы установили более двадцати случаев только в Столице, когда лица, помещенные якобы в определенные медицинские учреждения, там фактически не содержатся. А между тем родственники и знакомые получают от них письма из этих учреждений и посылают туда же. Пока трудно усмотреть принцип отбора изымаемых лиц, но чувствуется, что он имеется. Так, большая часть из упомянутых мною двадцати лиц так или иначе выражала свою нелояльность по отношению к фактам нашей жизни. В частности — недовольство линией на реабилитацию Вождя-Завершителя, продовольственными затруднениями. Так что общая тенденция проводимой кампании (а она на-

чала осуществляться, что несомненно) ясна. Впрочем, она ясна априори. И мы ее предвидели в свое время. Надо теперь во что бы то ни стало выяснить конкретно, что она представляет собою, как мыслится и какие имеет перспективы.

Имеются данные, — продолжал Руководитель, — что некоторые видные специалисты и директора крупных научных учреждений на длительные сроки исчезают из своих институтов и лабораторий, чего не было ранее. Некоторые из них замечались в черных «Ласточках». У некоторых «Ласточки» постоянно дежурят недалеко от дома. Я предлагаю начать со следующего. Установить наблюдение за научными учреждениями, которые могут иметь какое-то отношение к изучению человека. Составить список лиц, регулярно «исчезающих» из них. Установить наблюдение за передвижением черных «Ласточек». Начать это с центра, постепенно расширяя круг наблюдений с одновременным выделением магистралей, где «Ласточки» стали наблюдаться чаще, чем ранее, и чаще, чем в других местах. Я думаю, где-то недалеко от Столицы должно быть (или будет) какое-то крупное заведение, имеющее отношение к исчезновению людей. Затем установить наблюдение за «перепиской» изъятых лиц. Желательно доставать их «письма» или снимать копии. Мне кажется, что переписка фиктивна. Но она может пролить некоторый свет на суть дела. Наконец, нам есть смысл пойти на то, чтобы проникнуть в предполагаемое заведение. Для этого...

К сожалению, — сказал Руководитель Группы, — никого из нас для этой цели нельзя использовать. Вы прекрасно знаете, какими психологическими средствами располагают наши органы пресечения. И хотим мы или нет, понав им в лапы, мы расскажем абсолютно все о Группе и ее участниках, что нам известно. Нам надо найти постороннего человека, который согласился бы выполнить задание Группы, ничего не зная о ней.

ДЕЛО

Все события и стороны жизни Страны, которые, по мнению начальства, могут так или иначе компрометировать существующий в Стране социальный строй,

Партию, руководителей Партии и вообще все то, что есть власть, являются в Стране величайшей тайной. Причем само начальство не различает явления, которые суть следствия существующей социальной системы, и явления, которые имеют совсем иные причинные источники. Например, в какой-то области имеет место неурожай по вине плохой погоды. Но от населения скрывают сам факт неурожая. В газетах печатают материалы о необыкновенных успехах хлеборобов этой области. Начальство готово примириться, что, например, на Западе пронюхали о новых испытаниях ядерного оружия в Стране или о местоположении новых ракетных установок, чем с тем фактом, что, например, стало известно о склонности Вождя к спиртным напиткам. И надо признать, что тайны такого рода тщательно хранятся на самом деле. Но не потому, что очень трудно их раскрыть, а потому, что никто не хочет их раскрывать. Стоит же кому-нибудь захотеть разоблачить какой-то секретный факт жизни Страны, как он, к удивлению своему, скоро обнаруживает, что сделать это тривиально просто. Был же такой период в истории Страны, когда ухитрились сохранить в тайне арест десятков миллионов ни в чем не повинных граждан. Почему? Очень просто: никто не хотел раскрывать эту «тайну» или никто не хотел ее слушать и верить ей, когда попытки разоблачения предпринимались. С другой стороны, в последующий «либеральный» период, когда появились желающие разоблачать и потребность в таких разоблаченных, никакой пустяк уже нельзя было скрыть от мирового общественного мнения. Например, у одного взбунтовавшегося писателя начали производить обыск, и через пару часов об этом уже передавали враждебные «голоса», хотя никого к дому не подпускали и никого не выпускали.

Тайная группа Комитета Гласности, приступив всерьез к решению упоминавшейся выше задачи, уже через две недели установила расположение интересующего ее объекта (по движению «Ласточек»; потом «туристическая» группа обогнула всю территорию ИСИ), примерную численность занятого в нем населения (по числу машин, подвозящих продовольствие, и другим очевидным показателям) и примерную цель его (по составу специалистов, привлекаемых для работы или консультаций).

Когда задача была решена, обнаружилось, что значительное число сотрудников секретного объекта живет в Столице, приезжая на работу обычным общественным транспортом. Еще через две недели члены Группы, замешиваясь в толпах пассажиров, знали о загадочном учреждении такие детали, о которых не догадывалось само начальство, причастное к его деятельности. Например, они узнали, что девятый корпус построили лишь наполовину, а десятый даже не начинали, хотя в отчетах строителей Начальнику ОГБ они числились принятыми в эксплуатацию с оценкой «отлично»; что питательная система вышла из строя, и ее заменили обычными котелками; что бурда, которую давали больным («пища космонавтов»), оказалась негодной, что было несколько сот смертельных случаев (отравление), что у остальных уцелевших был сильнейший понос, который в сочетании с испортившейся канализацией привел к чудовищному загрязнению палат; что больных пришлось всех вывести на открытую площадку, что противоречило замыслу, и мыть из брандспойтов какой-то дезинфицирующей жидкостью. Одним словом, когда участники Группы собрались на итоговое совещание, они рассказали такие подробности, что поверить в них не было способно ни одно здравомыслящее существо.

— Нужны убедительные, несокрушимые доказательства, — сказал Руководитель. — Нужны показания очевидцев и участников. Не будем торопиться. Дело слишком серьезное. Нам предстоит скрупулезное исследование с документально точным фиксированием всех мелочей. Нужны магнитофонные записи, фотографии, бумаги. Нужно, чтобы наши осведомители появились среди сотрудников и жертв объекта.

СЛУХИ

По Стране давно уже ходили слухи о странном исчезновении людей. Но власти даже не считали нужным опровергать их. Если западные журналисты упоминали конкретное имя, им предлагали обратиться к родственникам и сослуживцам упомянутых лиц, в МВД, в суд и т. п., в общем — действовать на законных основаниях. И слухи глохли сами собой, как и возникали.

Однажды, когда исчез видный ученый, член-корреспондент ОАН, крупный специалист в области социальной психологии, на Западе подняли шум. Но газеты опубликовали протест ученого, а Агентство Печати созвало пресс-конференцию и предъявило заявление ученого на официальном бланке руководимого им института, скрепленное его подписью. Журналистам предложили произвести экспертизу подлинности подписи, что и было сделано. Тогда журналисты потребовали личного свидания с ученым. В ответ газеты опубликовали отказ ученого от встречи. И снова был предъявлен документ с подписью.

Наконец, на Западе наступило охлаждение к слухам о странной изоляции граждан в Стране. Поскольку изоляция такого рода казалась бессмысленной, западные обыватели ударились в другую крайность: сочли слухи такого рода враньем и признали, что у них дела обстоят хуже, чем в Стране. Негров обижают. Арабов обижают. Индейцев обижают. Карануасы вымирают. Эти умонастроения умело использовало руководство Страны, выпустив за границу с десяток настоящих психов (мол, сами и лечите их, коли заступаетесь!) и одного нормального видного религиозного деятеля, которому перед отлетом незаметно сделали какой-то укол. Через неделю деятель устроил дебош в Париже в гостинице, так что в результате даже члены комитета, многие годы добивавшиеся освобождения деятеля, вынуждены были ходатайствовать об изоляции его от общества. Известные куплетисты-юмористы, выступая по телевидению в программе «Голубой огонек», спели песенку, в которой предложили во всех случаях, когда на Западе сочтут изоляцию наших психов несправедливой, выдавать этих психов заинтересованным государствам с обязательством оказать нужное лечение. Эффект был потрясающий. Один выдающийся государственный деятель Запада, которого никак нельзя было заподозрить в симпатиях к Стране, потребовал прекратить кампанию клеветы против Страны, утверждая, что эта кампания вредит разрядке напряженности (так стали называть натянутые международные отношения на грани крупных потрясений), Министр Иностранных Дел Страны внес предложение в Совет Безопасности запретить передачи радиостанций Запада («голосов») на языке Страны. Мировая прогрессивная обществен-

ность поддержала справедливое требование Страны. «Голоса», правда, запретить не удалось. Но передачи их скоро стало трудно отличить от внутренних передач самой Страны.

А между тем в закрытых учреждениях Страны уже накопился огромный человеческий материал, который нуждался в обработке и употреблении. Обнаружилась возможность увеличить поставки этого материала и сделать их систематическими без всякого ущерба для хозяйственной жизни и престижа Страны.

СОЗНАТОРИЙ

Образцовый сознаторий создали в очаровательном месте недалеко от захолустного районного городка. Вскоре это место запаковали так, что оно стало похоже на зону отдыха трудящихся в «зеленом поясе» вокруг Столицы. Битые бутылки, консервные банки, молочные пакеты, битый кирпич, гнилые доски, кучи строительного мусора стали обычным непреходящим явлением. Канализацию спустили в речку, и в ней стало опасно купаться. Выше по течению построили химическую лабораторию, и речку на несколько километров огородили колючей проволокой, а затем спрятали совсем в подземную бетонную трубу. Живописное озерко почему-то засыпали. На этом месте устроили сначала футбольное поле, потом вырыли пруд. Но купаться в нем запретили, поскольку дно оказалось настолько вязким, что несколько детей утонуло у самого берега. Наконец воду из пруда откачали и в яме заложили фундамент для нового высотного корпуса сознатория. Лучшие участки с лесом и озерами отделило себе начальство сознатория под свои личные особняки и начальству городка под дачи. Эти участки огородили заборами с колючей проволокой. По проволоке пустили ток. Вдоль заборов пустили злых собак.

Жизнь городка в связи с сознаторием преобразилась. Сначала многие молодые люди нашли там себе интересную работу и времяпровождение. За ними потянулись пожилые. Все учреждения городка переориентировали свою деятельность на интересы сознатория. И последний поглотил городок, сделав его своим под-

собным хозяйством и местом жительства своих сотрудников.

Первоначально сознаторий был рассчитан лишь на десять тысяч исправляемых. Но благодаря почтенному коллективу сотрудников в нем удалось разместить в пять раз больше. Совместно с жителями городка образовался значительный резерв рабочей силы. К счастью, к концу времени закончили строительство комбината по обработке радиоактивных руд неподалеку от городка. Комбинат соединили с сознаторием железнодорожной веткой. Задолго до запланированного срока труженики района рапортовали родному ВСП и лично Вождю о том, что комбинат вступил в строй и выдал первую продукцию в мирных целях. Многих строителей комбината и сознатория и руководителей района наградили орденами и медалями. Сознаторию присвоили имя Вождя-Основателя, комбинату присвоили имя Вождя-Завершителя, а городок переименовали в Вождеград в честь здравствующего Вождя-Окончателя.

О жизни сознатория много писали, показывали по телевидению, выпускали специальные фильмы. И изображали ее так, что... В общем, вот вам почти что коммунизм, если не полный, настоящий коммунизм. А на самом деле прошло не более года со дня пуска комбината, как сознаторий выродился в обычный захолустно-промышленный городишко. Он еще оставался закрытой зоной для посторонних (особенно для иностранцев). Но не по той причине, что здесь когда-то размещался сознаторий, а из-за секретности комбината. Секретность же его заключалась не в характере выпускаемой продукции (это было уже общеизвестно), а в степени вредности условий труда и в образе жизни населения. Здесь коммунизм достиг своих вершин, и показывать его посторонним было категорически запрещено. Вовне распространяли слухи об изобилии в Вождеграде. Некоторые кретины добровольцы клевали на эту удочку и исчезали. Большинство же схибно усмехалось. Прогрессивно настроенным иностранцам показывали под видом Вождеграда специально построенный городок, населенный сплошь сотрудниками ОГБ. И эти «наши» иностранцы захлебывались от восторга и в один голос вопили о том, что эксперимент с сознаториями удался. И требовали завести нечто подобное у себя дома.

Одновременно с началом строительства ИСИ началась подготовка кадров для него — врачебного, подсобного и излечиваемого персонала. Была создана специальная закрытая школа. В нее отбирали проверенных людей различного возраста с хорошей биографией, членов Партии и Комсомола. На первом курсе студенты обучались совместно, на втором намечалась некоторая дифференциация, с третьего начиналась узкая специализация. На четвертом курсе присваивали офицерские звания. Особенно тщательно отбирали на факультет больных. Тут требовалось хорошее здоровье и знание иностранных языков. Предпочтение отдавалось спортсменам, выпускникам спецшкол (художникам, музыкантам, математикам) и театральных училищ.

Обучение медицинского и подсобного персонала особой проблемы не представляло. Главная трудность заключалась в подготовке больных. Тут приходилось начинать с нуля. Студентов надо было обучить способности имитировать нужные психические заболевания так, чтобы никакая медицинская экспертиза не смогла обнаружить имитации. Надо было обучить способности ухудшать свое состояние по заданию врачей и сотрудников ОГБ или выздоравливать по всем правилам медицины. Хотя начали, повторяем, с нуля, успехи были достигнуты колоссальные. Когда специальная международная комиссия, созданная по настоянию правительства Страны в ответ на злобную кампанию на Западе по поводу заключения инакомыслящих в сумасшедшие дома, прибыла в один из психиатрических центров и изучила здесь содержание больных и методы лечения, она была потрясена успехами нашей медицины и гуманностью системы лечения. Она отвергла клеветнические слухи и призвала Запад перенять опыт Страны.

По окончании школы обученные больные распределялись по различным учреждениям. Вечерники, окончившие школу без отрыва от производства, оставались на прежних местах. Выпускникам рекомендовались формы поведения, приносящие им репутацию критически настроенных, ненадежных, инакомыслящих. Им рекомендовали вступать в связи с иностранцами, распространять запретную литературу, подписывать нисьма. Многие из

них преуспели в этом деле. О некоторых писали на Западе и передавали «голоса». Один разошелся до того, что его пришлось пустить на Запад, так как в его защиту создали целый комитет. Пришлось ему автомобильную катастрофу организовать. Когда представлялся подходящий случай, зарекомендовавших себя диссидентами выпускников школы забирали в психушки и лечили их там (довольно успешно) открыто для всех желающих посмотреть. Лечили их тоже выпускники школы. Лечили в больницах, являющихся филиалами ИСИ.

Перед окончанием учебного года в школах стали появляться молодые люди, хорошо (модно) одетые, с приятной внешностью в духе зарубежных журналов, щеголяющие знанием иностранных языков, джазовой музыки и полузапретной литературы. Им устраивали встречи с выпускниками школ на тему о выборе профессии. Молодые люди смело критиковали устаревшие жизненные пути (школа — институт — и т. д.) и рассказывали о совершенно новых, гораздо более интересных и перспективных.

— Вот я, например, работаю старшим лаборантом в одном «почтовом ящике» (п/я), — рассказывал один такой молодой человек в одной школе (и это же самое говорили другие молодые люди в других школах). — Наше учреждение (я не могу его раскрыть по вполне понятным причинам!) занимается исследованием проблем, связанных с космическими полетами. Вообще говоря, это — цикл проблем, касающихся человека, главным образом — функционирования его психики и форм поведения в необычных условиях. Например, в длительном полете в космосе. У нас прекрасные лаборатории. Великолепный жилой комплекс с первоклассным бытовым обслуживанием. Зарплата младших лаборантов... (и молодой человек назвал сумму, приближающуюся к зарплате обычного кандидата наук в обычном исследовательском институте). Работа в лабораториях — четыре часа в день. Остальное рабочее время — занятия в институте при п/я. Да, есть такой. И зачисляют в него младших лаборантов без вступительных экзаменов при условии дисциплинированности и добросовестной работы. Разумеется, надо научиться держать язык за зубами. Сами понимаете...

Многоопытные родители сразу смекнули, что тут нечисто, и категорически запретили своим единственным

чадам поступать в это райское заведение. Родители с положением не проявили к делу никакого интереса: их дети с пеленок научились понимать, что к чему, — «обычный» жизненный путь (школа — институт — аспирантура — Министерство Иностранных Дел или Внешней Торговли и тому подобные перспективные места) им был гарантирован, и он их устраивал. И все же желающих пойти работать в п/я, занятый проблемами космических полетов, было больше чем достаточно. И скоро ИСИ был полностью укомплектован низшим обслуживающим персоналом — молоденькими девочками и мальчиками, желающими сразу иметь жизненные блага и без экзаменов учиться в ультрасовременном институте.

В первые же дни работы мальчиков и девочек, подписавших многочисленные серьезные бумаги, ожидало ужасающее разочарование. Были случаи самоубийства, помешательства и дезертирства. Однако сознание, что подопытные существа («чучела», «комики») находятся в еще более ужасном положении, сделало свое дело. А некоторые реальные привилегии, а главное — большая, чем обычно, терпимость к современным отношениям в среде молодежи, компенсировали неудобства соблазнительного жизненного пути. Для значительной части младших сотрудников обнаружилось возможности, о которых ранее никто не подозревал. Одних секретарш потребовалось более двухсот. Несколько сот мальчиков присосалось к машинам, магнитофонам и начальникам разного рода и ранга. Вскоре табуны бездельников, выглядевших с претензией на новейшие западные моды, можно было видеть во всех коридорах и служебных кабинетах (только не в районе лабораторных корпусов). Менее удачливые мальчики и девочки устраивались иными методами. Появились многочисленные «сачки», которые ухитрялись исчезать на идеально просматриваемой территории ИСИ так, что их не могли сыскать даже с собаками. Наконец, в таком скоплении разносортного народа неизбежно должны были появиться мальчики и девочки, способные пойти на более серьезный риск. И они появились. И когда начальнику ИСИ (то есть заместителю Директора) доложили, что замечены случаи наркомании и алкоголизма не только среди персонала (в этом нет ничего особенного), но и среди «комиков», тот лишь пожал плечами. Он-то хорошо знал,

что по крайней мере один из первых каналов связи «комиков» с внешним миром был устроен специально по указанию свыше. Он лишь не понимал, зачем нужна эта идиотская затея. Он лично считал, что самое разумное было бы стереть с лица земли это учреждение со всеми его участниками (за исключением, конечно, его самого).

В то же самое время, когда модные молодые люди рассказывали выпускникам школ о райских условиях работы и жизни в учреждениях, связанных с космическими полетами, более солидные люди с внешностью преуспевающих ученых появились на некоторых факультетах институтов и университетов Страны. Они встречались с дипломниками, подлежащими распределению, и предлагали весьма заманчивые условия работы в одном закрытом учреждении, связанном с космическими полетами, с одновременной сдачей кандидатских минимумов и ускоренной защитой диссертаций. Желающих, разумеется, тоже было достаточно. И разочарование потом тоже было некоторое, но гораздо меньше. А выгоды работы оказались настолько значительным, что от первого разочарования скоро не осталось и следа. Условия работы гигантского исследовательского учреждения явочным порядком породили непредвиденную и незапланированную иерархию и дифференциацию в среде среднего персонала ИСИ, так что многие молодые начинающие ученые быстро начали делать карьеру, становясь руководителями группок, групп, секций, отделений, тем, проблем, проектов, авторских коллективов. Всего за полгода около трехсот бывших выпускников институтов сдали кандидатские экзамены.

В библиотеках и кабинетах ИСИ можно было получить любую (в том числе и самую запретную) литературу. Конечно, на многие книги образовывалась очередь, так что порой приходилось ждать по нескольку недель. Но за это время на долю желающего выпадала другая, не менее запретная книга, так что ожидание не замечалось. В специальных кинозалах можно было посмотреть любые западные фильмы. А что касается научной работы, то в ИСИ дозволялось многое такое, что в обычном внешнем мире публично объявлялось шарлатанством или преступлением против человечности. Так что число срывов в среде среднего научного персонала было так ничтожно, что их считали вообще несуществующими.

СОЗНАТОРИЙ

В центральной партийной газете «Истина» дали подборку материалов о создании системы сознаториев. В передовой статье, озаглавленной «Последний шаг», излагалось содержание доклада Вождя. Говорилось, что сознатории — одно из самых мощных средств поднятия общественного сознания до уровня коммунистического. Что в них будут созданы прекрасные условия, так что лица с отдельными пережитками в сознании, с рудиментами и родимыми пятнами капитализма и с признаками тлетворного влияния Запада смогут в этих благоприятных условиях осознать и исправиться. На второй полосе была помещена статья известного философа, Академика, Героя, Лауреата, Депутата, члена ВСП. Статья называлась «Бытие и сознание». В первой части статьи нудно пережевывался тезис о первичности материи и вторичности сознания, поносились те, кто думал наоборот, ругались вульгарные материалисты, объективные и субъективные идеалисты, агностики, дуалисты и все прочие, которые не поняли, спутали, не дошли, исказили в угоду, остановились перед, скатились в болото и т. д. Во второй части так же нудно пережевывались цитаты из доклада Вождя. И лишь в самом конце проскользнула суть дела. Сознание, конечно, отражает бытие. Но не сразу, а с некоторым отставанием и искажением. Надо приложить усилия, чтобы бытие отразилось в сознании адекватно. Наше общественное бытие достигло высочайшего уровня. Мы вступили в преддверие коммунизма. Но еще не все это осознали в полную меру и правильно. Еще есть лица, сознание которых еще не отразило наше прекрасное бытие или отразило его искаженно. Ждать пассивно, пока все поймут, в каком прекрасном обществе мы живем, нужно многие годы. Мы не можем себе позволить это. Общество вправе потребовать от всех своих членов, чтобы их сознание было адекватно нашему бытию, не отставало от него.

На третьей полосе газеты была дана подборка фотографий: жилые корпуса сознатория, процедурные корпуса, клуб, стадион, группы веселых и здоровых людей, проходящих курс оздоровления. Даны ответы оздоравливаемых на вопросы корреспондента газеты. Ответы все одинаковые: нам здесь очень хорошо, хотелось бы остаться тут навсегда.

На четвертой полосе была помещена справка о целях сознатория, о распорядке дня, о нормах содержания, о правах и обязанностях оздоравливаемых, о правилах направления в сознатории. Под справкой напечатали очерк всемирно известного писателя, которого на Западе считали чуть ли не диссидентом. Писатель был потрясен увиденным. Раньше таких к стенке ставили, писал он об оздоравливаемых, а теперь нянчимся с ними в санаторных условиях.

А вот что рассказал членам Комитета Гласности один из оздоравливаемых, которому удалось убежать из сознатория и некоторое время скрываться. Между прочим, был объявлен общегосударственный розыск сбежавшего. Его фотографию показывали по телевизору. Выдали его друзья, случайно увидевшие его на улице.

— Я был студентом филологического факультета. Мы с группой ребят организовали кружок. Сочиняли стихи, обсуждали. Один подонок как-то пронюхал и рассказал о нас на собрании СКМ. Нас начали прорабатывать. Ребята струхнули и раскаялись. А я уперся. Меня, естественно, исключили из СКМ, а затем и из университета. Сразу получил повестку из военкомата: призывают в армию. На комиссии признали негодным, хотя я спортсмен. Направили к психиатру. В итоге — белый билет. Я сначала обрадовался, хотел на работу устроиться. Нигде не берут. Через месяц вызвали в административную районную комиссию. Комиссия — пенсионеры, старые коммунисты, один из них доцент. Присутствовал офицер из МВД. Постановили: направить в сознаторий. Что это такое, спрашиваю. Там узнаешь, ответили. На другое утро к нам пришли два здоровых парня. Я собрал вещички, и меня доставили в Вождеград.

Место там отличное. Я даже повеселел. Потом мы подошли к участку, огороженному забором с колючей проволокой. Вышки. Ну, думаю, влип. Это же обычная каталажка. Прошли через проходную. Внутри корпуса казарменного типа. Правда, без решеток. И народ свободно бродит. Зашли в один из корпусов. На меня заполнили анкету. Проверили вещи. Пропустили через дезинфекционную камеру. Потом отвели в палату (или камеру?). В палате десять коек впритык. Тумбочки. Портреты вождей. Познакомили с ребятами. Все примерно моего возраста. В основном студенты.

Кормили отвратно. Пичкали политбеседами. Гоняли на подсобные работы. Через несколько дней повели на медицинские процедуры. Я был наслышан об этом. Решил — не дамся. Ребята махнули на это рукой и приняли уколы спокойно. Я отказался. Пытались силой. Я в ответ учинил там полный погром. На меня набросилось человек десять. Ребята из нашей палаты помогали им. Меня запихнули в какую-то темную комнату и заперли там. Кто-то снаружи сказал, что без карцеров все равно не обойтись. И строить их надо было сразу. Мол, все равно на этих дурацких уколах далеко не уедешь. Карцеры надежнее. И охрану надо усилить.

Я обследовал помещение. Оказалось — кладовка. С окном. Но шестой этаж: не выскочишь. Однако я добрался до водосточной трубы и спустился. С территории вышел через проходную. Вахтер, должно быть, за своего принял. Я — на станцию. Повезло: ехала грушка студентов со стройки. Я им нащел что-то. Спал на багажной полке. Один из ребят заподозрил, что я не сказал истины. Отозвал меня в тамбур, и мы потолковали по душам. Он мне и дал ваш адрес.

На другой день после расширенного совещания, на котором обсуждались мероприятия по поднятию общественного сознания на высшую ступень коммунистического сознания, состоялось узкое совещание высших чинов ОГБ. Об этом совещании не сообщили никому из высших лиц Партии, за исключением, конечно, самого Председателя ОГБ, который и проводил это совещание. Конечно, высшие лица Партии прекрасно понимали, что какое-то совещание такого рода должно произойти, если оно не произошло уже ранее. Они, высшие лица Партии, прошли школу коммунистической жизни от рядовых демагогов, доносчиков, холуев, осведомителей до великих теоретиков и практиков, освещающих пути прогресса всему трудовому свободолюбивому прогрессивному человечеству. Они сами не раз бывали в таких ситуациях. И уже в речи Вождя на съезде Партии содержались прямые указания начать мероприятия, которые нельзя толково начать без данного совещания. Надо только уметь слушать и читать наши партийные документы. Это для посторонних они — демагогия. Для нас же — руководство к действию. Но так как руководителям Партии официально не сообщили об этом совеща-

нии, так как они не принимали о нем своего решения, не почтили его своим присутствием и не давали никаких конкретных указаний, будет считаться, что они не знали о нем и не несут ответственности за его последствия. Но это уже пустяки. Кто и когда в Стране из высоких лиц бывал наказан за дела такого рода?! В свое время ликвидировали одного, да и то не как подручного Палача (Вождя-Завершителя), а как конкурента в борьбе за власть. Когда помощник Председателя на всякий случай спросил, не следует ли об этом совещании информировать Вождя и Секретарей, Председатель презрительно усмехнулся:

— Зачем? Установка дана. Средства отпущены. А техника исполнения — наше чисто профессиональное дело. Эти старые маразматикѣ наверняка разболтают все, если им станет известно о совещании. От них в первую очередь надо держать конкретные результаты совещания в секрете. Вмешаются, набаламутят и испортят все. Пусть они там играют со своей научно обоснованной перестройкой сознания, а мы будем делать свое дело. Они — пена власти, а мы — ее реальное течение. Их идиотская затея все равно скоро лопнет. Она нам на руку: отвлекает внимание. И когда лопнет, мы извлечем свою пользу. Имеются данные, что Комитет Гласности интересуется ИСИ. Надо им кое в чем помочь. Документы. Факты. Лица. Впрочем, вы сами понимаете. Только осторожно. И смотрите за ними в оба. Фиксируйте каждый их шаг. На этом деле мы построим грандиозный процесс. Открытый. С журналистами. И никакой липы. Это будет, пожалуй, первый настоящий процесс в истории Страны. Так что надо постараться.

Председатель прекрасно понимал, что он никогда не будет Вождем Партии, что он достиг максимума возможностей для себя. И все же он начал подготовку грандиозной акции, которая не изменит его социального положения в лучшую сторону, а может лишь сбросить его в небытие и забвение как в случае успеха (и тогда его спихнет более ловкий проходимец), так в случае провала (и тогда его сделают козлом отпущения). Зачем же он все это затевает (а он думал, что это исходит из его воли и сознания и создается именно им)? Он не отдавал себе в этом отчета. Во-первых, сам громоздкий механизм власти начиная с некоторого момента работал так, что ино-

го пути не было. Выбора не оставалось, хотя принудительный путь казался делом свободной воли. А во-вторых, действовали незримые уроки истории. Напрасно говорят, что политические деятели никогда не извлекают уроков из прошлого. Именно уроки прошлого незримыми опорами поддерживают здание истории. Не будь их, все рухнуло бы до основания. А уроки прошлого давали великий образец исторических деяний и вселяли надежду избежать его ошибок. Окончится эта Затея успехом или провалом, не имеет значения. Важен замысел, который так или иначе станет достоянием истории. И потомки прекрасно разберутся в том, что не этот косноязычный маразматик (Председатель имел в виду Вождя), а именно он был подлинным вдохновителем и организатором великих событий этой эпохи.

Лишь об одном Председатель забыл или не хотел вспоминать (а он не мог этого не знать, ибо и он когда-то учился в школе и несколько лет числился студентом исторического факультета): для реальной истории существенны не подпольные гении, творящие процесс, а видимые ничтожества, дающие имя процессу. И этот новый очередной гнусный период в истории Страны войдет в память человечества под именем Вождя-Маразматика.

На узком совещании высших органов ОГБ Председатель зачитал четырехчасовой доклад. В отличие от докладов Вождя и Секретарей, доклад Председателя не содержал ни одного лишнего слова, был четок, лаконичен и категоричен. Он выглядел как проект системы мероприятий, которые следовало осуществить. Но все собравшиеся (кроме самого докладчика) понимали, что это был итог того, что уже сделано, оформление того, что они сами уже начали делать. Ибо они сами готовили этот доклад.

ПРОЕКТ ЭПОХИ

Вы все слышали доклад Вождя на съезде, сказал Председатель ОГБ, и понимаете смысл изложенной в нем установки Партии. В резолюции съезда буквально записано следующее: мы не можем ждать милостей от истории, взять их у нее — вот наша задача. На нас с вами возложена ответственность за выполнение этой задачи.

Наша работа должна протекать по следующим основным направлениям. Первое направление — подготовка материально-технической базы к приему, постоянному содержанию и использованию примерно тридцати миллионов человек. Разумеется, мы должны будем модернизировать и использовать старые законсервированные лагеря. Однако этого совершенно недостаточно. В старых лагерях можно содержать не более пяти миллионов человек одновременно. Кроме того, они расположены в местах, которые неудобны с точки зрения транспорта и использования заключенных. Они предназначались скорее для уничтожения излишнего человеческого материала, чем для его использования. Думается, что эту функцию за ними и надо сохранить. По расчетам Объединенной комиссии, в которую были включены ряд институтов Медицинской Академии и вычислительных центров, в настоящее время избыточное население Страны достигает десяти миллионов взрослых индивидов. В ближайшие годы оно возрастет до пятнадцати миллионов. Учитывая тот факт, что избыточное население играет существенную роль в воспроизводстве населения, а также уровня и строя жизни, мы не намерены уничтожать его полностью. Мы должны иметь постоянный резерв человеческого материала, например — на случай войны, стихийных бедствий, эпидемий и т. д. Но третью часть мы можем безболезненно изъять из общества. Это и будет составлять цифру пять миллионов. Эта цифра, как и прочие основные цифры, о которых я буду говорить ниже, уже утверждена на закончившемся вчера особом Пленуме ВСП.

Но основные усилия мы должны сосредоточить на строительстве новых пунктов содержания заключенных (ПСЗ), отвечающих современным требованиям к учреждениям такого рода и использующих новейшие достижения науки и техники. При этом мы должны руководствоваться следующими принципами. Все ПСЗ должны быть построены по единому стандарту. Вы здесь сможете ознакомиться со стандартным ПСЗ, утвержденным строительным отделом ОГБ. Из таких ПСЗ теоретически исключены побеги и передача информации вовне. Строить ПСЗ следует в местах больших строек, куда добровольно никто не поедет. Причем размещать их нужно так, чтобы по завершении строительства объекта их можно было демонтировать или уничтожить. Причем ПСЗ должен образо-

вывать с сооружаемым объектом одно целое, что позволит исключить перемещения заключенных на большие расстояния и за пределы зоны ПСЗ. Целесообразно контингент ПСЗ после завершения строительства передавать в старые (ассенизационные) лагеря (АЛ) для последующей ликвидации. За исключением ценных специалистов, которых целесообразно ликвидировать лишь после вторичного использования. Мы считаем, далее, целесообразной систему пунктов предварительного заключения и пересылки. Изолируемый индивид должен сразу направляться в соответствующий ПСЗ и переводиться затем лишь в АЛ. Есть смысл обсудить комбинированные пункты, объединяющие ПСЗ и АЛ. Это сократит передвижения заключенных.

Второе важнейшее направление работы — регистрация лиц, подлежащих изоляции от общества в ПСЗ и АЛ. Списки таких лиц должны составляться в соответствии с инструкцией, с которой вы точно так же получите возможность ознакомиться здесь. Списки следует согласовывать с местными партийными и административными органами и постоянно корректировать. Составление таких списков должно стать постоянной обязанностью ОГБ, а не временной кампанией. Какими принципами руководствоваться при составлении списков? Тут следует проявить разумную гибкость. Прежде всего, следует помнить, что незаменимых индивидов не существует, и списки должны будут составляться в соответствии с запросами, которые будут поступать из специального отдела ОГБ. Такой отдел уже утвержден и скоро приступает к работе. Но при этом следует отдавать должное предпочтение лицам определенных категорий. Например, если требуется включить в список одного слесаря, а имеется два кандидата, то включать следует того из них, кто имеет худшую социальную характеристику (в частности, замечен в критических высказываниях о нашей системе, игнорирует общественные мероприятия).

Вообще говоря, проблема «кого изымать?» представляется трудной только теоретикам. Мы, практики, прекрасно знаем, что в течение трех-четырёх лет мы без особого труда и без заметного ущерба для общества сможем довести число изолируемых до утвержденной нормы. Проблема не в том, кого изолировать, а в том, как их содержать и использовать и как уничтожать отработанный матери-

ал, чтобы общество относилось к этому как к нормальному явлению нашей повседневной жизни. Много ли знакомых у среднего гражданина являются хроническими алкоголиками? А между тем в Стране около пяти миллионов алкоголиков. Часто ли среднему гражданину приходится сталкиваться с проститутками, наркоманами, гомосексуалистами? А между тем в Стране более пяти миллионов лиц этих категорий. Аналогично обстоит дело с людьми, которых сами граждане, а не только ОГБ, считают враждебно, скептически, иронически, критически настроенными по отношению к нашему обществу и нашему образу жизни. Но меньшей мере каждый десятый гражданин таков. Среди этой огромной (примерно около тридцати миллионов) массы людей есть представители всех специальностей, необходимых на отдельных стройках, на секретных, на вредных для здоровья предприятиях. Как показал опыт прошлого, именно массовая изоляция не вызывает протестов у населения. Протесты возникают лишь тогда, когда изолируются отдельные граждане, имеющие хотя бы некоторую известность. Социальная психология дала научное объяснение этому странному на первый взгляд факту. Чтобы люди почувствовали себя в раю, нужен ад. Рай мы, как известно, построили. Но люди перестали его ощущать, ибо нет ада для сравнения. Так создадим же его, и остающиеся в раю будут курить нам фимиам. По данным наших социологических лабораторий, население Страны уже более десяти лет ждет от нас именно этого.

Коротко о содержании изолированных. Мы не считаем психохимические методы универсальным и надлежащим средством воспитания нового человека. Мы не отвергаем их в качестве средств воздействия на отдельных индивидов в отдельных случаях. Но мы против применения их в массовых масштабах. Дело в том, что создаваемая система ПСЗ—АЛ должна будет не только окупать себя, но и приносить обществу прибыль. А для этого заключенные должны работать. А по условиям современного производства они должны быть психически нормальны. Конечно, психохимические методы уместны после истечения установленного срока использования заключенного. Несколько позднее вы сможете ознакомиться с инструкцией по содержанию заключенных в ПСЗ и АЛ. Указанные в ней нормы питания придется,

разумеется, пересмотреть в связи с временными продовольственными затруднениями в Стране. «Систему космонавтов» придется тоже отменить, ибо она не оправдала себя даже в идеальных условиях ИСИ.

Следующее направление нашей работы — подготовка общественного мнения. Существует точка зрения, согласно которой общественное мнение внутри Страны не играет заметной роли, так что его вообще можно не принимать во внимание. Это грубая ошибка. Сила общественного мнения у нас не ощущается лишь постольку, поскольку вся деятельность ВСП осуществляется в полном соответствии с ним. Говоря о подготовке общественного мнения, я имею в виду лишь оформление его с таким расчетом, чтобы население Страны активно одобрило наши мероприятия, выражающие суть фактического общественного мнения Страны, — чтобы население Страны узнало в наших делах свои собственные чаяния и приняло добровольно участие в доведении их до логического завершения, как это уже имело место однажды в нашей славной истории. Подготовка общественного мнения включает в себя: организацию потока писем трудящихся в органы печати и власти; публикацию их и комментарии к ним; выступления деятелей Партии и работников идеологического фронта; создание специальных фильмов и книг; признания и раскаяния специально подготовленных лиц, приобретших известность в качестве врагов, оппозиционеров, диссидентов; организацию серии публикаций в западной прессе и т. д. Это направление работы мы будем осуществлять совместно с отделом идеологии ВСП.

Вам хорошо известно, что мы никогда не прекращали работу по изоляции лиц определенных категорий от общества и постоянно расширяли масштабы ее. Однако если мы будем наращивать ее масштабы прежними темпами, мы и через пятьдесят лет не достигнем запланированного и научно обоснованного уровня. Нужно резко увеличить темпы роста изолируемых. А для этого нужна достаточно уважительная и бесспорная не только для внутреннего, но и для мирового общественного мнения причина. Нужно тщательно подготовить и умело провести серию открытых и показательных процессов против наших диссидентов. Для этого мы считаем целесообразным не принимать никаких карательных мер

против них, дать им возможность вырасти численно, осмелеть и утратить осторожность. Надо подключить к диссидентскому движению наших сотрудников. Увеличить число диссидентов, выпускаемых или высылаемых за границу. Внедрять в их среду наших сотрудников. Организовывать на Западе из наших эмигрантов различные враждебные нам группы. Через наших людей наладить связь этих групп с органами разведки западных стран. Наладить через них же связь зарубежных групп с диссидентами — в форме пересылки запрещенной литературы оттуда и информации, порочащей нашу Страну, туда. И тщательнейшим образом собирать свидетельства деятельности диссидентов, неопровержимые даже с точки зрения западного судопроизводства. Особое внимание надо уделить деятельности запрещенного законом, но пока допускаемого фактически Комитета Гласности. Постепенно ориентировать его деятельность в направлении все более очевидного нарушения законности. И вообще, надо создать для инакомыслящих и оппозиционеров условия, вынуждающие их преступать наши законы.

Коротко о названии репресслируемых. Известно, что эта проблема имеет огромное значение. В некотором роде она сложнее, чем практическая организация репрессий. Если дело репрессий вступило в практическую стадию, оно само собой за кратчайшие сроки воспроизведет все свои наиболее целесообразные формы. История не знает других примеров самоорганизующихся массовых процессов, которые могли бы сравниться с процессами массовых репрессий. И тем, кто усматривает в репрессиях не столь отдаленного прошлого злой умысел отдельных личностей, совершает детски наивную ошибку. Это теперь очевидно всем. И не стоит на этом задерживать внимание. Совсем иначе обстоит дело с названием. Оно должно выражать суть дела, за которое (или под видом которого) индивид подвергается репрессии, и должно быть при этом настолько гибким и широким, чтобы любого намеченного индивида можно было без всяких интеллектуальных усилий подвести под это название. Кроме того, оно должно выражать суть настроений эпохи, чтобы никому в голову не пришло сомнение в его неадекватности ситуации. В свое время таким было выражение «враг народа». Но времена изменились. Название это скомпрометировало себя и не выражает уже духа эпохи.

Люди! Я обращаюсь к вам, хотя знаю, что мой вопль никогда не будет услышан вами. Чтобы говорить, я должен видеть ваши глаза и слышать ваше дыхание. А я должен говорить, ибо что-то чужеродное мне вынуждает меня делать это. Я хочу научить вас видеть жизнь и думать о ней, научить стратегии думания о жизни. Именно стратегии, а не тактике. Тактику каждый изобретает свою применительно к своим обязанностям, а стратегия едина для всех, от уборщицы и до Вождя.

Поясню популярно различие между стратегией и тактикой размышлений о жизни, а затем обрисую в общих чертах задачи первой. Допустим, вы — уборщица почтенного научно-исследовательского учреждения Академии Наук, и вам известно, что в Центральном Универмаге будут продавать шапки-ушанки из ондатры. Откуда известно? Во-первых, вы не новичок в этом деле, и, что и где «выкидывают», «выбрасывают», «подбрасывают» и «забрасывают», вы знаете наперечет. Во-вторых, вы еще вчера заняли очередь на эти шапки, то есть вписались в многосотенный список в нескольких местах под разными вымышленными фамилиями и трижды за ночь бежали проверяться. Зачем вам пять шапок? Не будем наивными: место в очереди без гарантии купить шапку стоит пятерку, очередь с гарантией — десятку, готовая шапка приносит чистыми двадцать рублей. Это очевидно младенцам, а вы — взрослые люди, а задаете такие глупые вопросы. Стыдитесь! Итак, возникает проблема: сматываться с работы за шапками или нет? Стратегия думания на этот счет говорит: тут и думать нечего! Конечно сматываться, и как можно быстрее! А вот как конкретно и под каким соусом смыться, это уже проблемы тактики реализации стратегического принципа. При этом вы стремитесь изловчиться так, чтобы и шапки были целы, и институтские начальники были сыты. Теперь допустим, что вы — нормальный бездарный старший научный сотрудник того же учреждения, которому слава научного открытия не только не светит, но даже не греет. И перед вами встает проблема: поддержать вновь назначенного директора, кретина и прохвоста, или нет? Что скажет по сему поводу стратегия размышления о жизни? Верно! Видите, вы сами и без моей помощи на-

чинаете соображать. Тут и думать нечего, не говорит, а вопит стратегия. Конечно поддержать! А что шепчет тактика? И тут вы правы. Если стратегия — ваш первый полномочный министр, то тактика — всесильный тайный советник. Она шепчет: надо, брат, изловчиться так, чтобы ты при этом выглядел как принципиальный крупный ученый, озабоченный интересами дела. Или вы все тот же (и даже еще более побездарневший) старший научный сотрудник, впервые удостоенный чести быть избранным в партбюро учреждения. Это после того самого выступления тебя как коллеги, так и начальство оценили и решили избрать. Как себя вести? Опять же что скажет по сему поводу стратегия? Тут и думать нечего, держи себя так, как будто тебя вообще нет. Тактика же скажет: изловчись так, чтобы тебя сочли толковым работником, скромным, умным, надежным. Как? Не мне тебя учить! Два-три замечания в год. В самом начале, в самой середине и перед перевыборами. Коротко (старшие товарищи не любят начинающих трепачей, хотя сами любят трепаться), но совершенно невразумительно. Остальное время аккуратно ходи на заседания. Собирай взносы. Следи за исполнением. И результаты не замедлят сказаться. На следующий год ты пройдешь в партбюро первым по списку. Три-четыре голоса всего будет против. Естественно, мысль о том, что ты будешь секретарем, будет носиться в воздухе. И пусть носится. Тут и думать нечего... Ясно? Думаю, что примеров достаточно. Перейдем к обобщениям.

Стратегия размышлений о жизни трактует такого рода проблемы, которые можно обобщить понятием «тут и думать нечего», а тактика — «надо изловчиться так, чтобы». Стратегия, повторяю, есть наука о правилах размышления о проблемах типа «тут и думать нечего». Звучит несколько парадоксально, но что поделаешь, таков сам мир, в который мы появляемся из небытия, чтобы подтвердить лишний раз правоту доктрины, и из которого исчезаем в небытие, чтобы ее окончательно и бесповоротно отвергнуть. Первый фундаментальный принцип рассматриваемой стратегии звучит совершенно однозначно: не думай! Ибо не стоит. Так как все равно ничего не поделаешь. Поскольку это ничего не даст. Эти детали можно опустить, ибо они ясны уже из самой формулировки принципа. Второй принцип, относящийся к

первому аналогично тому, как относится одна сторона основного вопроса марксистской философии к другой, звучит столь же категорично: если нельзя не думать, то думай так, чтобы всем без исключения было ясно, что не думаешь и думать не собираешься.

В ЗАДНИЦЕ РОССИИ

— Что со мной, где я?! — закричал Ученик, сбросив дырявую дерюжку с голого тела и опустив посиневшие ноги на холодный цементный пол.

— На том свете, молодой человек, — услышал он насмешливый голос обросшего седой щетиной существа на койке рядом. — В вырезвители, конечно, где и подобает быть порядочному человеку.

— Как я сюда попал? Что же теперь со мной будет?

— Ничего особенного. Напишут на работу. Сообщат в особую комиссию вашего района. Вызовут, оштрафуют, на первый раз (а вы, судя по всему, начинающий) предупредят. И все. Министром и партийным секретарем вы, конечно, уже не будете. Жаль, конечно, но что поделаешь. А потом... В общем, как сказано:

Запомни, друг, кто хоть однажды
Преступает сей порог,
Тут будет непременно дважды,
И... одним словом, знает каждый,
Не хватит пальцев рук и ног.

Кто я такой? Я уже представился вам некоторое время назад. Что же, могу напомнить: Командированный. О себе можете не говорить, я помню все в деталях.

— Мы вчера здорово заложили, — говорил Ученик, когда они с Командированным незнакомыми переулочками двигались к Дусе. — Премию пропивали. А где мы, собственно говоря, находимся?

— В славном городе Вождянске, — сказал Командированный.

— Не может быть?! А как я сюда попал?! Мне же на работу надо!..

— Вы прибыли ночным самолетом. Требовали, чтобы вас доставили к самому товарищу Сусликову.

— Кто такой Сусликов? Я не знаю никакого Сусликова!..

— Я тоже не знаю, хотя тут весь народ только и говорит о нем. Что касается работы... Работа не волк, в лес не убежит. А если и убежит, туда ей и дорога. Как сказано все в том же «Евангелии»:

Я верю, день придет такой,
Свобода снова возродится.
Святое право не трудиться
Добудем собственной рукой.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Далее идет описание структуры и деятельности секретных учреждений ОГБ, занятых разработкой средств борьбы с инакомыслием. Кризис советского общества начался с кризиса идеологической сферы и вообще психического состояния общества. Власти замечали это, но понять природу этого явления и выработать эффективные средства против него не сумели. Наоборот, они стали прибегать к таким средствам, которые лишь ускорили и углубили кризис. Персонажи книги вовлечены в эту деятельность. В частности, они заставляют пациентов рассказывать свои жизненные истории. Начальству это нужно для того, чтобы открыть какие-то закономерности инакомыслия. Автору же этой книги это нужно, чтобы описать различные аспекты советской жизни тех лет. При этом автор сосредоточивал внимание на таких явлениях советской жизни, которые, как правило, игнорировались в литературе или считались малозначащими. Эти явления (автор назвал их коммунальными) свойственны не только советскому обществу. Они универсальны. Но в условиях коммунистической социальной системы они проявили себя с особой силой.

Часть четвертая

ИСПОВЕДЬ ОДИНОКОГО МУЖЧИНЫ

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Первый из них — ответственный работник аппарата не то ЦК, не то ОГБ, не то Совмина. В общем — аппарата. Однажды я спросил его сына, с которым был некоторое время близко знаком (конечно, не сейчас, когда он сам вылез в фигуры, а еще в аспирантские годы), чем все-таки занимается его папаша. Он посмотрел на меня в полной растерянности. Он — номенклатура, промычал он в ответ. Ответственный работник, короче — отраб. Ясно, сказал я, хотя лишь много времени спустя стал догадываться о том, что быть ответственным или номенклатурным работником само по себе есть профессия и работа.

Отраб, о котором идет речь, имел сначала хорошую квартиру недалеко от центра Москвы, затем отличную квартиру на Кутузовском проспекте, затем — превосходную в «Царском селе» (в Рублеве), наконец, — умопомрачительную квартиру опять близко к центру. И конечно, дачу. Сначала — несколько комнат в общем доме, но в закрытом районе. Наконец, целый двухэтажный дом в сверхзакрытом районе и на полном пансионе. И само собой разумеется — персональную машину. Сначала — серую «Ласточку» с особым номером. Потом — черную «Ласточку» с номером, с которым никакая милиция не имеет права остановить. Наконец, черную «Чайку», которая может ехать на красный свет и которую все машины и регулировщики должны пропускать без задержки. Правда, пока еще без охраны и без сопровождения.

Я говорил «наконец», поскольку по моим предположениям наш Отраб (или Нораб, но Отраб звучит лучше)

достиг потолка, и ему впереди больше ничего не светит. Впереди его ждет небольшая ниша на Новодевичьем кладбище, где-нибудь в углу, между каким-нибудь народным артистом и никому не ведомым (за исключением разве что кассирш, выплачивавших ему гонорары) инженером человеческих душ и яростным поборником социалистического реализма. И небольшой некролог во второстепенной газете на третьей странице с подписью «Группа товарищей». Перед этим, разумеется, музыка, цветы и почетный караул в актовом зале закрытого учреждения. Но это — формальные пустяки (похороны согласно инструкции по такому-то разряду). После этого, разумеется, грандиозный банкет с обжорством и пьянством. Но это — чисто национальный колорит. Мы, русские, неиспорченный, как известно, народ. И веселимся главным образом на похоронах близких нам и дорогих людей. Хотя отрабы обычно к русскому народу имеют весьма сомнительное отношение (походите по кладбищам, почитайте фамилии!), они с остервенением хранят наши русские традиции.

А не рано ли я заговорил о месте в истории — о некрологе и дырке в стене крайне перегруженного историческими личностями кладбища? Наш Отраб еще не достиг пенсионного возраста простых смертных. А у руководящих работников, как теперь установлено, средний возраст только с семидесяти начинается. И все-таки я заговорил об этом не случайно. Дело в том, что всякий отраб, достигший ранга, в коем пребывает наш Отраб, вынуждается стремиться к следующему рангу. Обстоятельства при этом складываются так, что всем начинает казаться, будто его вот-вот выдвинут и поднимут. И сам он начинает готовиться к этому переходу в новое качество. И от этого находится в постоянном напряжении, трепещет и вибрирует от ожидания и предвкушения. Чаще и больше пьет в одиночку для успокоения. Далее у него две возможности: либо он в положенное время действительно переходит в желанный высший ранг, и тогда он становится долговечным (чтобы стать вечным, надо потом еще в более высокий ранг подниматься), либо не переходит, и тогда его хватает инфаркт, инсульт, рак и прочие модные болезни. Конечно, не исключено, что он дотянет до обычной пенсии. Но для него это хуже, чем упомянутые бичи современного общества. Отраб, увольняемый на пенсию, это

почти что диссидент. Хрущев, будучи уволен на пенсию, пожалел, что он не довел дело с разоблачением Сталина «до логического конца» (?), а другой отраб рангом поменьше, скинутый на пенсию совсем недавно, дошел до того, что обложил родной ЦК и лично товарища... матом. Впрочем, это слухи. А слухам верить нельзя. Я не в смысле мата сомневаюсь, а в смысле его адресата.

Второй из основных персонажей — самый захудалый забулдыга, растерявший за свою не такую уж долгую жизнь все свои таланты, идеи, семью, друзей. Он довольствуется комнатухой в коммунальной квартире в старом доме, предназначенном на слом еще десять лет назад, но сохраненном вследствие свертывания жилищного строительства, которое, в свою очередь, явилось следствием переброски всех средств на предстоящие Олимпийские игры. Слова «дача», «машина», «некролог» звучат кощунственно в ассоциации с этим Забудыгой. Он тоже скоро загнется, поскольку уже начал жаловаться на печень (как и Отраб). Чем он занимается, я тоже не знаю. Я спросил было его об этом. Он сказал, что это не играет роли. Он зарабатывает честным трудом, на выпивку хватает, закуска — предрассудок. Остальное — мелочи. Я стал было сочувствовать ему: докатиться до такого состояния! Он сказал, что никуда он не докатился, ибо у него никогда ничего другого и не было. После этого он меня заинтересовал. И я пожертвовал на пропивон последнюю трешку. Это правильно, сказал он. Когда у человека нет ничего, все подлежит пропитию.

ЗНАКОМСТВО

Раздался вой сирены. Автомобили, автобусы и троллейбусы немедленно приткнулись к тротуарам и остановились. Замерли прохожие. Послышалось шуршание шин. Тяжелые черные «Соколы» промчались по середине проспекта. Пока это происходило, я слушал разговор. Царь ходил в сопровождении одного жандарма, сказал один из собеседников, ездил в открытой коляске среди толпы зевак, хотя страна кишела революционерами, жаждавшими его убить. А эти — слуги народа, выходцы из народа, живущие на благо народа. У них единство с народом. Считается, что народ их обожает. А ездят они

в бронированных машинах с мощной охраной. Кому они нужны? Чего они боятся? Для них бронированные машины и охрана есть явление престижное и символическое, сказал другой человек. Оно есть показатель их социальной значимости. Они могли бы передвигаться так, что их никто не заметил бы. Но они должны передвигаться открыто и с помпой, но вполне безопасно. Во-вторых, эта система, однажды сложившись, поддерживается большим числом влиятельных лиц, которым она дает возможность жить безбедно. В-третьих, в народе немало таких, кто с удовольствием кинул бы в них бомбу или стрельнул. В-четвертых, система власти и карьеры у нас такова, что у них складывается гангстерское подсознание, и потому они ведут себя как главари мафии. Хватит? Кто это проехал, как ты думаешь? Не успел разглядеть, сказал первый собеседник. Похоже, что сам Сусликов. Не пойму все-таки, как такая мразь выбивается на поверхность, сказал второй.

На душе стало пакостно. Я свернул в переулок, где во дворе продовольственного магазина можно было выпить на двоих, троих и т. д. Я недавно облюбовал это местечко. Эй, приятель, услышал я знакомый голос, присоединяйся на троих. Говоривший был один из тех, кто разговаривал рядом со мной на проспекте. Идет, сказал я. И вытащил помятый рубль. Так состоялось мое знакомство с Забудыгой.

СЫН

Мой путь к Отрабу был сложнее. Сначала я познакомился с Сыном. Когда мы подружились, я не знал, что он есть сын того самого Отраба. Он делал доклад на семинаре. Доклад получился интересный. Все хвалили. А я раздолбал его из духа противоречия. Эффект получился неожиданный. В заключительном слове он сказал, что моя критика для него более лестна, чем похвалы прочих выступающих. После семинара мы направились в ресторан, основательно набрались и наговорились. Потом мы несколько раз провели время в одной компании. Потом он пригласил меня к себе на день рождения. Когда он продиктовал мне адрес, я сказал «Ого!», спросил, как он попал в такой дом. Зять? Нет, сказал он, сын.

Принято ругать Москву как скучный город. Но я не сменяю его ни на какой другой. Мои знакомые думают, что я лицемерю или рехнулся. Но я не рехнулся и говорю чистую правду. Один Забулдыга согласился со мной и поверил в мою искренность. Дело в нас самих, а не в Москве, сказал он. Говорят, в Москве с едой плохо. Но меня вполне устраивает то, что можно купить в магазинах. В рестораны меня не тянет, я предпочитаю за углом, в подъезде, в подворотне. Романтичнее. И публика приличнее, чем в ресторанах. Говорят, в Москве с жильем плохо. Это раньше вот было действительно плохо. А теперь благодать. Сколько вам лет? Мальчишка! А уж отдельная квартира. Разврат, молодой человек! Меня моя комнатуха устраивает вполне. И коммуналка мне не мешает. Я даже комнату не запираю, все равно у меня взять нечего. Развлечения? А знаете, сколько в Москве музеев, выставок, театров?! А людей всякого рода! А стадионов! А забегаловок! Зажрались люди, не умеют ценить то, что есть. А главное, за что я ценю Москву, — это неслыханный демократизм населения. Где еще в мире возможно такое, чтобы рядовой забулдыга мог вот так запросто беседовать с лучшими писателями, художниками, учеными страны? И вообще, здесь лучшие люди общества лежат на самом его дне и доступны всякому, кто готов проявить хоть какое-то любопытство к ним. А жить в этом слое и есть высшее наслаждение для умного и порядочного человека. Надо лишь отречься от корыстных и тщеславных намерений и научиться отличать подлинные ценности от мнимых. Вот если бы мне, например, предложили на выбор — беседу с Вождем с последующей публикацией ее в газетах и эту встречу с вами, я предпочел бы вторую без всяких колебаний. О чем мне говорить с тем дегенератом?

Я медленно тянул отвратное вино, не замечая его отвратности, слушал добродушную болтовню Забулдыги и блаженствовал. В Москве, сказал я, можно создать свою собственную среду обитания и стиль жизни, независимые от официального общества. Последнее вообще можно рассматривать как внешний источник существования. Верно, сказал он. Есть много способов добывать деньги, не вступая в тесные контакты с официальным

обществом. А милиция? — сказал я. Могут посадить или выселить как тунеядца. Если не лезть в политику, не тронут, сказал он. Я плачу участковому десятку в месяц и поллитровку, и он меня даже охраняет. Если человек решит оторваться и обособиться от официального общества, приспособиться жить в таком состоянии можно научиться быстро. Хотите, научу? Спасибо, сказал я. Пока я пытаюсь делать то же самое на более высоком уровне. У нас иногда и в учреждении можно приспособиться жить так, как будто тебя вообще нет.

ДРУГ

Из нашей конторы на вечере у Сына был еще один парень, который сейчас всюю обхаживал Сына и считался его лучшим другом. Друг — парень не без способностей, но лодырь и ловкач. Большой специалист по женской части и по выступлениям на собраниях. Одержим автомобилем и туристическими походами. Автомобиль, по его мнению, есть не средство передвижения, а средство совращения. А турпоходы — единственное место, где возможны подлинно человеческие отношения. Последние у него сводились опять-таки к песням у костра и ночи с женщинами в палатке. На работе к Другу относятся скорее с юмором. Ловкие речи его на собраниях мало что дают ему, но избавляют других от этой мерзости. Иногда он выступает очень рискованно, но всегда ловко выкручивается в самом конце под дружный смех аудитории и покровительственные улыбки сидящих в президиуме ответственных лиц. Он — самое «левое» крыло нашего учреждения, но такое, что начальство довольно такой «левизной» чрезмерно и поощряет Друга на такие «смелые» шаги. На последнем собрании мы должны были клеймить диссидентов. А Друг вдруг заболел. Температура под сорок. Секретарь партбюро велел доставить его на собрание во что бы то ни стало, обещая за это неделю отгула. Его привезли. И он выступил так эффектно, что минут пять аплодировали. Особенно эффектно прозвучало у него одно место. Допустим на минуту, сказал он, что «борцы за права человека» действительно те, за кого они себя выдают. Назовите теперь имена тех, в защиту прав которых они выступили. Вот

они... А теперь посмотрим, кто они, эти жертвы нарушения «прав человека». Ба, знакомые все лица! Так это же те же самые члены того же самого комитета борьбы за те же самые «права человека». Так не будет ли справедливым и научно точным считать их лишь борцами за то, чтобы их считали борцами за «права человека», то есть в некотором роде — метаборцами.

О Друге, как и о всяком другом более или менее заметном сотруднике, у нас распускали самые разнообразные слухи (отец крупный чин, стукач). Но Друг никому зла не причинял, умел хранить чужие тайны, сам презирал стукачей, происходил из самой пролетарской семьи, деньги на квартиру в самом грошовом кооперативе ему помогли собрать родственники (еще три года долги отдавать!), а на машину, подержанную основательно, он копил, питаясь в течение ряда лет хлебом с чаем и нося одно и то же рваньё. И подрабатывал он, где только мог. Одних рефератов в «Реферативный журнал» написал не меньше сотни.

ОНА И ДРУГИЕ

Самым интересным персонажем из собравшихся была Она. Ей под сорок. Она довольно странная, но в современном стиле. Известная журналистка, специалист по моральным и социально-психологическим проблемам. Несколько раз я ее видел по телевизору. Она постоянно курила и довольно много пила. И напропалую хохмила. Вот, например, одна из ее хохм на этом вечере. Одна крашенная дама сказала, что ее подруге привезли дубленку, дубленка ей тесновата, она может ее продать. Кто-то сказал, что дело идет к лету. Сын сказал, что у нас все наоборот, именно к лету надо покупать шубу, а к зиме — купальный костюм. Верно, сказала Она. В сувенирном ларьке около вашего дома зимой продавали бюсты Ленина без головного убора, а сейчас пила — вижу, продают бюсты Ленина в зимней шапке. Мать Сына (она ненавидит Ее, поскольку Сын собирается на Ней жениться) заметила, что эта шутка сомнительна. Она сказала, что это не шутка, если хотите, можете сходить и сами убедиться. Сын сказал, что теперь не те времена. Кто-то сказал, что времена снова те самые. Вчера, например, фильм по те-

левизору показывали. Больше половины — о Сталине. И Сталин в нем красив, добр, мудр, дальновиден. Кто-то сказал, что сажают теперь частенько. Сын заметил, что теперь это делают с умом, не то что раньше. Хотите анекдот? На выставке висит картина. Называется «Ленин в Польше». На картине изображен шалаш, из шалаша торчат голые пятки Крупской и Дзержинского. А где же Ленин? — спрашивают посетители. Ленин в Польше, говорит экскурсовод. Все смеются. Кто бы мог подумать, сказала крашенная особа, что Ленин станет предметом насмешек. Произошла переоценка ценностей, сказал Сын.

Я смотрел на этих сытых, хорошо одетых, образованных, веселых и иногда красивых людей и вспоминал свой последний разговор с Забуддыгой.

НЕ ТАК-ТО ПРОСТО

Правду о жизни и о себе самих мы узнаем иногда самыми неожиданными и странными путями, говорил Забуддыга. Я из благополучной семьи. Был рьяным комсомольцем. И в кавалерию попал добровольно. Насмотрелся «Чапаева». Я искренне верил в эти идиотские «Кони сытые бьют копытами, встретим мы по-сталински врага». И встретили! Между прочим, и стукачом я был. Без всякой душевной драмы. Был, и все тут. Потом перестал. И не из принципа, а просто надобность во мне отпала. Как я мог пойти на это? Юноша, не надо преувеличивать важность этого явления. Это сейчас начали драматизировать. А тогда это был самый суший пустяк, не игравший той зловещей роли, какую ему приписывают сейчас. Мы к стукачам относились даже с долей почтения и страха, а они особенно не скрывались, корчили из себя важных персон. Я, по крайней мере, этого не делал. Хотите верьте, хотите нет, но для меня основная проблема заключалась не в том, чтобы решиться доносить, а в том, чтобы найти, о чем доносить. Не о чем было доносить, не на кого, вот в чем беда. Одни пустяки, не стоящие внимания. Начальник Особого отдела нас прогонял вон с нашими писульками. Приходилось выдумывать всякую чушь. По моим доносам никто не пострадал. Это я не для оправдания, а для объективности. А хотите знать, как я стал стукачом? Нам сообщили,

что придет сам Буденный проверять нас. Заставили драить лошадей чуть ли не круглые сутки без отдыха. У одной лошади нашли вшей. Лошадь поместили в умывальник, и мы перестали вообще умываться. Вот я и ляпнул по глупости, что у нас из-за какой-то вшивой клячи целый эскадрон ходит с немывтыми рожами. Кто-то донес. Меня вызвал начальник Особого отдела. Предложил на выбор: пять лет за антисоветскую агитацию или вот эту бумажку подписать. Конечно, я выбрал второе. Я не испугался пяти лет — я еще не знал, что это такое. Я просто не хотел хуже. Жилось в этой проклятой кавалерии и без того отвратно. А в штрафном, надо думать, и того хуже. Перед войной службу построили по принципу: тяжело в учении, легко в бою. Идиоты! На самом деле в бою никогда легко не бывает. Бой есть то же учение, только в ухудшенных условиях. Тяжело в учении, еще тяжелее будет в бою. Да если бы нас действительно к бою готовили! А то ведь чистая бессмыслица была. Политподготовка на улице на тридцатиградусном морозе. Никакого особого зимнего обмундирования. Для согревания — штурмовая полоса. Что это такое? Бред шизофреника для выматывания сил, больше ничего. Когда началась война, все это пошло прахом. Я не знаю ничего такого, чему нас научили бы до войны и что пригодилось бы в бою. Мы даже из автоматов стрелять не умели, они были засекречены от... нас! А у немцев было полно этих наших секретных автоматов. И бежали мы пехом, а не верхом. Лошадей бросили почему-то в первые же дни. Подняли по тревоге, построили, повернули, скомандовали «Шагом марш!». Началась неразбериха. В казармы свои мы так и не вернулись. Тогда я понял, что ноги — самый надежный транспорт. Мы пешком успели выскочить из окружения, а моторизованные части застряли.

Жизнь я начал постигать не через обличение несправедливостей и углубленные размышления о сути бытия, а черт знает через что. Вот послали нас, например, яму копать. Работать бессмысленно. Сачкуем. Только делаем вид, что работаем. Баланду травим. Отгадайте, спрашивает взводный хохмач, что такое наивность? Это когда дочь думает, что мать целка, отвечает сам же он. А что такое сверхнаивность? Это когда мать думает, что дочь целка. Мы хохочем. А душа начинает покрываться

ржавчиной больше, чем рассказ очевидцев о кошмарах колхозной жизни. А что такое лицемерие? — не унимается хохмач. Это когда теща, сожрав мясо из миски зятя, говорит ему: кушай, сынок! А что такое сверхлицемерие? Это когда зять выбросит тещу с седьмого этажа, высунется из окна и спросит ласково: куда же вы, мамочка? И такого рода пошлая и скабрзная «народная мудрость» начинает заполнять все поры твоего сознания, вытесняя из него все чистое и святое. Несколько месяцев такой жизни, и ты уже во всем видишь обман, подвох, издевательство. И не веришь уже ни во что и никому. Жизнь народа в самой его основе есть постоянное обсирение светлых идеалов и чаяний. А уж насчет коммунистических идеалов вообще смешно говорить. В самые страшные годы ничто так педантично не обсирилось, как эти идеалы.

ОТРАБ

Часов в одиннадцать приехал сам Отраб. Его приветствовали стоя, улыбками, возгласами. Усадили на самое почетное место. Разговор принял полусерьезный государственный характер с некоторыми осторожными намеками в адрес руководства. Больше всех усердствовал Сын, демонстрируя свою преданность, и Она, демонстрируя, что ей позволено многое такое, что не позволено другим. В конце концов разговор скатился к основной проблеме нашего времени: как это могло случиться, куда глядели вы, неужели ничего не знали и т. п. Позиция Отраба меня удивила. Теперь храбрцом и умником быть просто, сказал он. А тогда? Попробовали бы вы тогда задать такие вопросы! Да они и не возникали. И дело тут не в страхе. Дух времени — известно вам такое явление? Великая революция, триумфальное шествие нового строя. Цена? А о цене не думали. Любой ценой! А разве вы сейчас сами не поете «Мы за ценой не постоим»? Всякого рода прохвосты наживались. Так их и теперь хватает. И тогда людей, охваченных искренним порывом, было больше, чем прохвостов. А сейчас разве все гладко? Действуйте! Дерзайте! Тут в разговор вмешалась Мать: зачем так шутить, люди могут всякое подумать! Не беспокойся, сказал Отраб. Они умные. Умнее

нас, стариков. Вот, скажем, ты (это — к Сыну). Собрание по поводу диссидентов у вас было? Было. А что же ты не выступил в защиту? Из комсомола выгонят? В партию не пустят? Диссертацию не дадут защитить? Не пугайся, я поддержу. Десять лет еще буду кормить. В тюрьму посадят? Пустяк. Лет пять — отличная школа жизни. Вот в том-то и дело, друзья мои. По сути дела, и тогда было так же. Несколько иначе по форме, а по существу так же. Вы же все — наши, советские люди. И нет в вас внутренней уверенности, хотя и говорите вы на эти темы умно и красиво. В целом, повторяю, вы с партией. Иначе вас здесь не было бы. И партия знает это. Многое вам прощается. Партия уверена, что вы еще разберетесь во всем...

Отраб ушел в свой кабинет где-то в глубинах длинного коридора. Наступило неловкое молчание. Мы не смотрели друг другу в глаза. Тишину нарушил Друг. Крепкий мужик твой отец, сказал он Сыну. Не думал, что там могут быть такие люди. Предлагаю тост за хозяина этого дома! И вечер вошел в привычную колею.

О НАЧАЛЬНИКАХ-БАБАХ

Когда мужики властвуют, это еще терпимо, говорит Забулдыга. Это вроде естественно. Для мужика власть — компенсация за хилые мускулы и природную трусость. И за глупость, конечно. Но ум ведь не есть дифференция специфика мужчины. Но вот когда бабы пробиваются к власти, это, брат, кошмар получается. Свое природное безволие и дурость они скрывают за формой все сокрушающей решительности и безапелляционности. И по виду они сразу становятся похожими на китайских мандаринов и монгольских бонз. Ни крупницы чувства не остается. Одна мертвая безжалостная природа с клопиными... нет, с крысиными мозгами. Слава Богу, что баб у нас пока не пускают в вожди. А то такое закрутили бы, что Сталин показался бы гнилым либералом. Меня подкосила одна такая руководящая стерва. Нет, лучше сказать, сука. Парень я тогда был ничего себе. Вот она и решила использовать меня для известной цели. Вызвала в кабинет. Сидит за письменным столом, как китайский император. А мне даже сесть не предложила. И почти прямо шпарит,

что Они, мол, соизволили решить предоставить... точнее, обязать меня в такие-то дни и часы удовлетворять Их естественные потребности. Им, мол, сообщили, что я по этой части парень талантливый, что член у меня превосходит обычные размеры. Я ей на это сказал вежливо, что, мол, я-то могу стоять перед руководящей потаскухой, но мой ... прошу прощения за неприличное выражение, стоять перед нею не в состоянии. Что тут было! Я еще дешево отделался. Даже прокурор (а мне вскоре пришили дельце на пустом месте) говорил, что можно было ограничиться пятью годами.

УБИЙСТВО КИРОВА

Никаких сомнений в правильности линии Партии у нас не было, говорит Забудыга. К разоблачениям «врагов народа» мы уже привыкли. И все же убийство Кирова нас поразило как гром среди ясного неба. Негодование против коварных «врагов народа» было таким мощным, что мы готовы были расправиться с любым, на кого нам указали бы. Говорят, что сталинская банда развязала самые темные силы общества и стороны человеческой души. Нет, это неверно. Она пробудила лучшие силы общества и стороны человеческой души, но направила их на осуществление гнусных дел. В этом суть трагедии. Это был сговор массы не злодеев, а честных и непорочных людей на грандиозное преступление. После создания аппарата подавления уже не играет роли, есть вера или нет. Место подъема, веры, энтузиазма, фанатизма и т. п. занимают теперь рутинка и скука.

Был у нас в классе мальчишка. Его семья бежала из деревни от голода и как-то ухитрилась зацепиться за Москву. Не помню, как звали парня. Мы его просто звали Ванькой, выражая тем самым свое превосходство над ним. Мы с этим Ванькой сидели за одной партой. Парень он был башковитый. Мы подружились. Когда Кирова убили, этот Ванька сказал мне, что его «Они сами шлепнули», что теперь «начнут гайки закручивать, только держись». Я рассказал об этом разговоре родителям. Вы думаете, по молодости, по глупости? Нет, я же понимаю, что это не так, хотя мог бы этим оправдаться. Рассказал потому, что уже сам тогда становился типичной советской

гадиной. А рассказав, я переступил человеческую черту и стал «нашим, своим человеком». Через несколько дней семья Ваньки (вместе с самим Ванькой) куда-то исчезла. Нам сказали, что якобы переехала в другой город. Но я-то знал, в чем дело. Я ничего плохого не могу сказать о своих родителях. Они были хорошие и честные люди. Но слишком поздно я понял тривиальную истину: все лучшие чаяния людей реализуются так, что порождают самую гнусную тварь природы — советского человека, «нового человека». Вот в чем загвоздка! Объясните, почему так происходит? Сумеете — ставлю пол-литра! А Киров, между прочим, был типичным представителем их банды. Это он предложил создавать культ Сталина. Это он выдал Сталину список тех членов ЦК, которые хотели его, Кирова, избрать Генсеком. Впрочем, а ну их в...

ОБЛАСТЬ

Никто уже не помнит, как эта область называлась до революции. Никто уже не помнит и того, что в двадцатых годах ее переименовали в честь легендарного полководца Гражданской войны, что в тридцатых годах того полководца расстреляли как японского шпиона, и область назвали именем другого легендарного полководца, возглавлявшего «тройку», приговорившую первого к расстрелу, что после смерти Сталина выяснилась гнусная роль второго полководца во всех прошлых событиях, и область опять переименовали... Сначала хотели назвать именем одного из хрущевских сподвижников, но не успели, а именем сподвижников Брежнева называть еще было рано... И назвали столицу области Вождеградом, а область — Вождеградской, зарезервировав тем самым названия для нынешних выдающихся деятелей, имена и портреты которых стали стремительно заполнять страницы газет и журналов, экраны телевизоров, витрины магазинов, фасады зданий. После того как уроженцу области товарищу Сусликову присвоили вторично звание Героя Труда и поставили бронзовый бюст в его родном городе Вождянске, пошел слух, будто Вождеград будет скоро переименован в Сусликовград, а область будет, соответственно, называться Сусликовградской. И основания для такого слуха имеются весьма основательные,

поскольку товарищ Сусликов не так уж давно был первым секретарем Вожеградского Обкома Партии, и с именем его связана славная страница в истории этой области. О ней есть смысл рассказать, поскольку наш Отраб оказался причастным к этой истории. Собственно говоря, о ней я узнал частью от самого Отраба, частью от Сына, частью от Нее, поскольку Она обрабатывала тогда для Отраба какие-то материалы.

До революции область производила масло, мясо, мед, картофель, яблоки и многое другое, в общем — была отсталой сельскохозяйственной. Теперь же в области — ни масла, ни мяса, ни колбасы, ни селедки. За всеми этими предметами старины жители области ездят в Москву, где эти редкие предметы иногда «выбрасывают» в продажу. Область стала считаться поэтому промышленной. Как говорили руководители — передовой промышленной, как острили местные интеллектуалы — была отсталой сельскохозяйственной, а стала отсталой промышленной. Промышленность тут действительно развилась, так что острота интеллектуалов, как справедливо заметил в свое время еще сам товарищ Сусликов, повисла в воздухе. Первым делом в области вырубали деревья и пустили их на бумагу для сочинений классиков марксизма и руководителей Партии и Правительства. Отчасти также на спички и водку. Потом лес стали вывозить за границу, где из него для нас стали делать бумагу лучшего качества и в большом количестве, ибо речи руководителей стали чаще и длиннее, а интерес к ним в мире возрос. Потом построили химический гигант, сырья для которого в области не было. Потому пришлось провести несколько железнодорожных линий и шоссе-ных дорог, наладить серию подсобных предприятий. Так одно тянуло за собой другое, и скоро в области появились заводы велосипедов, холодильников, резиновых калош и сапог, стирального порошка, счетно-решающих устройств, авиационных приборов и т. д. Поскольку значительная часть населения области еще до войны разбежалась по городам, вымерла от голода и была посажена в концлагеря, пришлось основательно сократить выезд молодежи на учебу за пределы области и расширить лагеря для заключенных, а главное — ускоренными темпами вводить механизацию и автоматизацию производства. За границей закупили несколько поточных линий для

химического комбината. И разумеется, угробили их. Причем потери оказались настолько ощутимыми, что в центральной прессе даже поместили разоблачительный фельетон по этому поводу. Именно в этот момент товарищ Сусликов и выступил с призывом лучше использовать современную технику, за что и был избран членом Обкома Партии. Через несколько лет стали ощущаться продовольственные трудности. Их сначала отнесли за счет плохой погоды. Но погода установилась, как в насмешку, отличная, а с продовольствием стало еще хуже. Тогда-то товарищ Сусликов и напечатал в областной газете статью (согласованную, конечно, с Москвой), в которой выдвинул идею превратить передовые в промышленном отношении области также и в передовые сельскохозяйственные. Статью перепечатали в центральной прессе. Почин вождеградцев подхватили трудящиеся других областей. А товарищ Сусликов стал первым секретарем Обкома.

Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Одно дело — подписывать статейки, будучи сотрудником отдела пропаганды. И другое дело — заставить область, производящую всякого рода промышленное дерьмо и полудерьмо, поставлять государству съедобное масло и мясо. Неизвестно, сам ли Сусликов додумался до этой гениальной идеи или ему подсказал какой-либо местный жулик (скорее всего — последнее), только решил Сусликов бросить все силы и средства руководимой им области на... закупку мяса и масла в других уголках Страны, по возможности отдаленных, чтобы затем эти мясо и масло сдать государству как произведенные в области под его мудрым руководством. На этом товарищ Сусликов заработал первое звание Героя Труда и честь быть избранным в кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС. Но прежде чем это произошло, Стране, области и лично товарищу Сусликову пришлось пережить драматическую ситуацию.

МАТЬ, ОНА, СЫН

Сын собирается жениться на Ней. Мать против. У Сына еще все впереди. Она много старше, курит, пьет, пару раз уже была замужем. Сын говорит, что женятся

не только для постели. Она умная, небанальная, пишет здорово. Но я не верю в серьезность намерений Сына. И сомневаюсь в том, что Она вообще будет выходить за кого-то замуж. Зачем? Денег Она имеет достаточно. Любовников Ей хватает. Однажды Она позвонила мне и попросила поехать с ней к Матери. Та ее пригласила для серьезного разговора. По дороге Она мне рассказала, что познакомилась сначала с Отрабом, а уж потом с Сыном. Она напечатала в газете довольно острый очерк. На другой день позвонил Отраб, пригласил на дачу. Заехал за ней на машине. Встретили потрясающе. Оказывается, он написал книгу. Нужен редактор, но не официальный. За хорошую плату, конечно. Попросила на пробу кусок. Полистала — чушь, серятина, общий треп. Зачем ему потребовалась эта муть? Впрочем, они все, преодолев некоторый рубеж, становятся весьма тщеславными. И отказать опасно. Может основательно напакостить. Скажет словцо, и пиши пропало. Ничего приличного не напечатает.

Мать говорила долго, невнятно и довольно оскорбительно. Она спокойно выслушала. Потом сказала следующее. Сын далеко уже не мальчик. За плечами у него не меньше полсотни женщин, несколько аборт. Он не злодей, но так или иначе мы все жертвы друг друга. Плохо с противозачаточными средствами. Отсутствует сексуальное воспитание молодежи. Цинизм, лицемерие. Но вернемся к вашему мальчику. Он был болен гонореей, с испугу наделал много глупостей, с трудом удалось замять эту грязную историю и вытащить его. В этом месте Матери стало дурно. Ваш сын, продолжала Она, когда Мать очухалась, средних способностей, и не надо приносить жертв ради его карьеры. У него поэтому (благодаря посредственности) все будет благополучно. Наконец, это он хочет жениться на мне, а я не хочу выйти за него замуж. Я еще не решила, как поступить. В деньгах я не нуждаюсь. Я зарабатываю в два раза больше вашего мальчика. Квартира у меня есть, работа меня устраивает. В мужчинах недостатка нет. Ко всему прочему я не настолько его люблю (как вы справедливо заметили, я уже не первой молодости), чтобы очертя голову бросаться в этот брак. Так что вы напрасно беспокоитесь.

После Ее ухода у Матери повторилась истерика. Она обзывала Ее последними словами, требовала, чтобы я

как друг Сына заявил на Нее в редакцию, а если я это не сделаю, она пойдет туда сама. Я еле отговорил ее от этого шага. Подействовало только то, что Она может фельетон написать и это может повредить Отрабу. Сошлись на том, что ноги Ее в этом доме больше не будет. Сыну я сказал, чтобы он некоторое время не приглашал Ее домой. Кстати, спросил я, а кто Ее родители? А разве я не говорил? — удивился Сын. Она же дочь... Мне стало весело, когда я услышал эту фамилию. Так вот в чем секрет Ее «свободных» суждений! Я сказал Сыну, чтобы он не сообщал об этом своей матери, иначе ее инфаркт хватит.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Почему передали строительство нового аэропорта западным фирмам? — спрашивает Сын. Неужели у нас нет своих хороших инженеров и архитекторов? Или это высшая политика? Дело не в этом, говорит Отраб. Во-первых, руководство и коллективы ни в коем случае не допустят, чтобы действительно талантливым инженерам и архитекторам поручили это строительство. Тут мы бессильны. Откуда нам знать, кто на самом деле способен. Мы же должны доверять мнению специалистов. А как оно создается, не мне вам об этом говорить. Вы тут целый вечер об этом красноречиво беседовали сами. Во-вторых, если даже допустить, что делом займутся действительно способные специалисты, которые могли бы сделать его на уровне мировых стандартов, им надо предоставить широкие полномочия и на время на данном участке отменить советскую власть. Без этого, вы сами знаете, беспхозяйственность, показуха, очковтирательство, халтура. А нам тут дело нужно. Мы тут с Западом лицом к лицу сталкиваемся. Поэтому мы и решили передать строительство западным фирмам. Это надежно. И дешевле. И советскую власть никак не ущемляет. А что касается престижа, так многие ли об этом деле знают?! А космос? — спрашивает Сын. С космосом нельзя было, говорит Отраб. Секретность. Престиж. Так зачем вам вся эта грандиозная система? — говорит Сын. Распустите ее, всем будет легче, выгоднее. Поздно, говорит Отраб. Наша система может распасться только в

случае грандиозной катастрофы. Например — разгром в войне. Но мы этому будем сопротивляться. А все прочее — мелочи. И ваша болтовня о «правах человека» тоже. Тогда почему же такая острая реакция на нее? — спрашивает Сын. Сила реакции всегда зависит от размеров угрозы, говорит Отраб. Тут политические соображения.

После ухода Отраба мы «распоясываемся». Сначала перемываем косточки диссидентам. Кто они такие? За что на самом деле воюют? Неудачники. Недоучившиеся студенты. Бывшие ученые и писатели с уязвленным тщеславием. Этим обидели, тем недодали. И борются они за себя, а не за других людей. Известности добиваются. Одним словом, делают свой бизнес на оппозиции. Потом говорим о возможностях современной науки и техники манипулировать людьми. Например, уже сейчас в пищевые продукты добавляют «успокаивающие» средства, снижающие жизненную активность населения. Слава Богу, говорит Сын, мы кормимся из закрытого распределителя. Так что наваливайся, ребята!

Я И ОНА

По телевизору выступает известный юрист. Тема лекции — суд при коммунизме. Основной тезис — суд есть функция государства, государство отомрет, а вместе с ним отомрет и суд. Его заменят «суды чести», которые уже и судами-то не будут. Ну и логика, говорит Она. Суд чести все равно суд. И расправиться он может не хуже обычного. При Сталине большинство расправ вообще проходило без суда. Сейчас в психушки сажают за политику и высылают из больших городов тоже без суда. Насильственное трудоустройство тоже не суд. Сейчас носятся с идеей особых поселений под усиленным надзором. Суд-то, может быть, и отомрет. Скорее всего, действительно отомрет. Но отомрет ли расправа?! А ты хочешь без наказаний? — спрашиваю я. Нет, говорит Она. Просто надоела эта болтовня. Скажи, прошу я, ты не в курсе, что это за история была в Вождеграде? К ней вроде бы Отраб руку приложил? Кое-что знаю, но далеко не все, говорит Она. Там всем делом закручивала жена секретаря. Она на-

ладила там грандиозную гангстерскую шайку. Понимаешь, секретарь сдуру взял на себя (и на область, конечно) реально невыполнимые обязательства по мясу и молоку. Заметил, что попал в ловушку. Хоть стреляйся. Жена выручила. Завела нужные связи. Частным порядком закупили мясо и масло в других областях. Но потребовались огромные нелегальные средства. Откуда взять? Опять «гениальная» идея: организовать производство вещей, имеющих спрос, и загонять по всей Стране. Так постепенно вся область обросла системой шаек жуликов, в которые было вовлечено высшее начальство (включая Начальника ОГБ, прокурора, начальника милиции). Главой мафии стала жена секретаря. Лишь с ее ведома назначались на все должности. За все — строгая такса. Власть, ничем и никем не ограниченная. Создали самые большие лагеря для «политических». Сажали молодежь даже за заявления о допуске к вступительным экзаменам в московские институты. Самая большая психушка тюремного типа. Долго такое безгласно продолжаться не могло. Столичные ответственные организации и газеты были засыпаны тысячами писем. Создали специальную комиссию во главе с Отрабом. Ну и чем, спрашиваю я, все это кончилось? Мелочь всякую арестовали, говорит Она. Судили. Жену секретаря попросили умерить аппетиты. Область наградили орденом за перевыполнение повышенных обязательств. Секретарю присвоили звание Героя Труда. Ты лучше расскажи о себе.

Я пожал плечами в ответ на Ее просьбу. А о чем говорить? Мой отец сбежал от алиментов. Что он и где он, не знаю. Мать умерла. С родственниками контакта не поддерживаю. Институт. В аспирантуру комитет комсомола не пропустил. Сейчас ишачу на шефа. Диссертацию делать уже не хочу. Квартиру (крохотную, однокомнатную) получили с матерью на двоих в связи со сносом дома, где у нас была комната. Вот и все. Давай поженимся, говорю я вместо рассказов о себе. Поздно, мой мальчик, говорит Она. А кто тебе готовит обед, стирает, убирает квартиру? Дай я поухаживаю за тобой немного. Если я и выйду замуж, то только за Сына. Зачем? Хотела бы я ему жизнь покалечить основательно. Но, увы, я не умею это делать. Я все-таки слишком добрая для этого.

МАНЕКЕНЩИЦА

У нас тоже начинается сексуальная революция, но, как и все прочее, в уродливой и подражательной форме. Меняют часто любовников и любовниц. Имеют по несколько связей сразу. Супружеская измена стала обычным делом. Повысилась «культура» секса. Но пока эта «революция» охватила в основном мало-мальски обеспеченные и культурные слои. Плюс к тому — непрочность брака. Причин этому много. Главная, на мой взгляд, — отсутствие духовной близости. Сейчас вот у меня есть «девочка». Манекенщица. На вид приличная. Неглупая. Но у нас с ней заведомо семья не получится. Она мечтает выйти замуж за иностранца. В крайнем случае — обобрать иностранца за счет «Березки». Ради благополучия она готова на все. Хоть с семидесятилетним маразматиком готова спать. А женщины в сфере науки и искусства мало чем отличаются от моей Манекенщицы. Даже еще глупее, безвкуснее, грубее, тщеславнее. Друг прав: мы почти все делаем плохо, так почему должны хорошо самую тонкую и сложную вещь — человека?! После встречи с Ней я понял, почему Сына потянуло к Ней. Она — редкое исключение. Сын будет круглый болван, если потеряет Ее. Я говорю своей Манекенщице, что ей есть смысл поставить на Сына. Для этого надо сначала завоевать Мамашу. Ее можно взять скромностью, наивностью, целомудрием. До женитьбы Сыну не давай. Забуди свои познания в этой области. При первой же возможности я тебя введу в это семейство. Готовься!

МОЯ ОШИБКА

Она мне дала почитать рукопись своей книги. А я совершил грубую ошибку, высказав Ей, что думаю о ней на самом деле. Впрочем, я все равно не смог бы установить, в каком духе я должен был врать, чтобы сохранить Ее расположение. Я сказал, что стиль книги прекрасный. Много журналистских находок. Местами остроумно. Местами умно. Но в целом все же... ложно. Почему такое впечатление? Дело в том, что, когда рассматриваешь человека, все поддается объяснению. Но когда дело касается миллионов, объяснение оказывается в принци-

пе невозможным. Тут нужна совсем иная система понятий, иная ориентация внимания. Например, нельзя объяснить, почему произошли массовые репрессии, ибо для этого нет необходимых условий и средств познания; можно лишь более или менее полно описать, как они происходили, а люди сами сделают для себя выводы соответственно своим индивидуальным настроениям, целям, идеям. Она молча выслушала мои замечания, сухо поблагодарила, сказала, что у Нее дела, и ушла. А я отправился в то место...

КТО МЫ

Почему мы такие? — спрашиваю я. Странный вопрос, говорит Забуддыга. На хорошем месте растут стройные, гладкие сосны, а на плохом — хилые, искривленные. Когда это становится наследственным, получаются разные виды. Мы — хилые, искривленные, ползучие. Из поколения в поколение. Можно почву изменить, говорю я. Нет, говорит он, в обществе мы сами создаем собственную почву. Мы сами и есть почва. На века. Других условий не будет, ибо в любой ситуации мы воспроизводим себя как условия своей искривленности и ползучести. Мы и Запад — разные виды цивилизаций, какой бы строй ни был у них и у нас. Дело не в строе, а в человеческом материале.

Мы бредем по Москве. Прекрасная погода. Меня никто и нигде не ждет. Забуддыгу тоже. Раньше, говорит он, в Москве было лучше. Заборы, проходные дворы, забегайки на каждом шагу. А сейчас квартирами обзавелись, дачами. Мещанский муравейник растет! Но есть и хорошее, говорю я. Вот, например, наше знакомство. Да, говорит он. Но это — на стыке. Я в прошлом. Вы в будущем. Ваша жизнь только начинается. Моя кончается.

ГНУСНАЯ ИСТОРИЯ

Есть у нас один сотрудник, говорит случайный собутыльник. Способный, добрый, веселый, жуткий пьяница, словом, типичный русский человек. Его терпели, поскольку он никому не мешал и ни на что не претендовал.

Но началась кампания по борьбе с пьянством. Ему предъявили ультиматум: либо завязывай, либо уволим. Он дал слово покончить с пьянством. Лег в специальную больницу. Там ему ввели лекарство, действующее по принципу страха смерти: выпьешь хоть каплю — капут. В середине курса лечения ему продемонстрировали, что это не шутки, — устроили имитацию умирания. Выйдя из больницы, парень проявил поразительную силу воли и находчивость, чтобы... избавиться от этого лекарства. Начав с капли пива, он в конце второй недели уже мог выпивать стопку водки, а в конце месяца пил напропалую. Как раз к этому времени про антиалкогольную кампанию забыли. Способ избавления от этого лекарства парень разболтал всем желающим. В результате теперь алкоголики используют это лекарство вместо закуски. Довольно символическое явление. Мы волевой и изобретательный народ, но только в весьма своеобразном направлении.

Наступило лето. Манскенница уехала на юг с прогрессивным, но состоятельным художником. Сыну папаша достал путевку в Италию, а потом — на модный курорт в Болгарию. Друг с Рыжим (и с парой девочек) уехали на машине в Прибалтику. Она тоже уехала, но не сказала куда. Меня шеф не отпустил: без меня выдающееся «открытие» довести до конца не могут. Исчез и Забуддыга. Целые дни провожу в лаборатории. Мои побочные наблюдения (я их веду втихомолку) мне кажутся более важными и перспективными, чем основное направление наших исследований. Если я сообщу о своих наблюдениях, то либо пойду в гору, и тогда прощай покой души от соблазнов, либо ототрут, и тогда прощай покой души от обиды и несправедливости. Скорее всего — последнее. Но остановиться я уже не могу. Ко мне пришло ощущение удачи.

Молодежь организовала поездку на несколько дней по маршруту Владимир—Суздаль—Ростов. Стоит ли говорить, какие это места. Все вернулись с ощущением: какие у нас богатства и как скверно мы с ними обращаемся! Я всю дорогу флиртовал с одной лаборанткой. Девочка очень милая, но слишком серьезно относится к науке и лишена чувства юмора в отношении наших порядочков. Заниматься перевоспитанием бессмысленно. Я избрал среднюю линию заинтересованности, но сдер-

жанной. Поэтому у нас сложились хорошие отношения, каких у меня не было со времен школы.

В наших условиях реализовать результат индивидуального творчества без участия многих людей невозможно. Причем тебе отводится второстепенная роль. Львиную долю твоего труда с чистой совестью присваивают ответственные лица, доктора, академики. Без них твое открытие не станет фактом науки. Чтобы ты в полной мере пожал плоды своего открытия, оно должно быть сделано в контексте всей твоей социальной жизни. Делая карьеру, ты теряешь способность делать открытие сам, но обретаешь возможность присваивать сделанное другими. Как быть с моим результатом? Делать обычную карьеру и через десять лет заявить о нем? А если за это время другой мальчик додумается до этого же и за копеечную премию или за упоминание своего имени на закрытом заседании сообщит? В журнал? Но это исключено без визы начальства. Выступить на международном симпозиуме? С докладом не выпустят, а в прениях — не заметят. Или засадят за выдачу секретов. Я был бы рад, если бы мое исследование кончилось провалом. Но, увы, сомнений уже нет. Скоро я все закончу. Гулял с Лаборанточкой. Предложил зайти ко мне. Отказалась. Говорит, дома скандал устроят. Вот родители уедут в санаторий, тогда быть может... Что тогда? Что-то шеф стал слишком ласков со мной. Уж не пронюхал ли? Он хитрый, сволочь. Лаборанточка сказала, что скоро... Но мне не хочется, чтобы ее родители уезжали в отпуск.

Вернулась Она. Но Ей не до меня. Дела. Появилась неотразимая Манекенница, которая решила претворить в жизнь свою (!) программу насчет Сына. С Лаборанточкой ничего не вышло. Она предъявила ультиматум: или я женюсь на ней, или она выйдет замуж за одного парня, с которым она «жила», пока я тут «созревал». Но я не переживал. Скорее — наоборот. Работу свою я закончил. Это — результат! Ради такого стоит жить! Обнаружил вокруг себя ужасающий беспорядок. Два дня приводил себя и квартиру в божеский вид. Теперь — в отпуск. Но куда податься? Санаторий, дом отдыха, туристическая поездка? Все это надуманно и противоестественно. Не хочу. Буду болтаться в городе. В институте перемены. Директор ушел в «ящик». На его место идет шеф Сына, а тот, само собой, получает лабораторию.

Болтают, что Сыну сразу присудят докторскую степень. Мой шеф, метивший на директорское место, слег от огорчения с инфарктом. Отраба передвинули на более секретную работу. Он теперь ездит на «Чайке» с телохранителем. Новый завлабораторией — враг бывшего шефа. Поносит вовсю прошлые порядочки, перечеркнул все, сделанное ранее. Это неплохо. Обо мне на какое-то время забыли. Началась омерзительная склока. Как-то Забудыга говорил, что наше общество отличается от буржуазного тем, что в буржуазном действует принцип «человек человеку волк», а у нас — «человек человеку товарищ волк». Точно сказано. Куда он запропал? Мои попытки разыскать его не увенчались успехом. Пока я был в отпуске, Сын с блеском защитился. Говорят, был грандиозный банкет.

О ДИССИДЕНТАХ

В газетах — статьи о диссидентах. Их смысл — диссиденты суть агенты иностранных разведок. Другого объяснения не может быть, пишет автор одной из них. Автор — сам бывший иностранный шпион. Вот это — позиция правительства. Плюнь, говорит мне моя новая знакомая. Но людей же посадят, возмущаюсь я. Они знали, на что шли, говорит знакомая. Ты лучше о себе подумай. Почему ты не защищаешь диссертацию? Все равно в нашем народе нет силы, способной что-то изменить. Мы не евреи. Впрочем, их скоро всех выгонят. Не все диссиденты евреи, говорю я. Есть и русские. Значит, у них жены еврейки, говорит она. Хочешь, я поговорю с директором, и тебя выпустят на защиту? Как хочешь, говорю я. Мне все равно. Под утро моя знакомая уходит. Эта почтенная дама даст сто очков вперед пресловутым «распущенным девицам». А мировоззрение... Эдакие дамы (а их миллионы) не допустят никакой демократизации общества. Она им ни к чему. Им так удобнее. В разговоре знакомая упомянула о Спецотделе. Это меня насторожило. Всего пятнадцать страничек формул. Как мало нужно места для дела! А отчеты института займут десятки томов. Где-то я за эти пятнадцать страничек получил бы все. А здесь? Нет, с меня хватит! Я беру спички и поджигаю первый листок, второй, третий...

последний. И спокойно засыпаю. На работу опоздал на два часа. Явился — немедленно в дирекцию вызывают. Пиши объяснительную записку. А я улыбаюсь. Я почти счастлив — я сделал дело!

ОНА

С Ней мы все-таки встретились. Я спросил, почему Она так неожиданно и жестоко бросила меня. Она рассмеялась. Ты думаешь, что если я с тобой переспала пару раз (три, поправил я)... ну, три раза... какая разница?... так, значит, ты имеешь право претендовать на такие вопросы? — сказала Она. Ты ко всему прочему еще и наивен. Счастливый человек! Но если уж начистоту... Видишь ли, в тебе ощущается некая нестабильность. Даже обреченность. С тобой грустно становится. А Сын? — спросил я. Он хотя и хам, эгоист и прочее, сказала Она, но в нем есть стержень. Он — живой человек. Он из нашего болота. Но он не для тебя, сказал я. Она пожалала плечами и ушла. Женщина средних лет, одетая под иностранку и страшная, как иностранка. И вместе с тем — типичный житель нашего болота. Удастся ли ей зацепиться за кочку? Навряд ли. Мне кажется, Она допускает какую-то фундаментальную ошибку.

Я думаю так, сидя в дирекции, перед кабинетом Директора. Сижу уже полчаса. Меня это не удивляет уже, привык. У нас и более важные срочные дела тянутся годами, откладываются совсем, забываются. Год назад нам спустили сверхсрочное секретное задание, открыли для него новую лабораторию, переключили на нее все основные фонды. Сейчас об этой лаборатории никто не помнит. Кажется, ее ликвидируют за ненадобностью. А тут — полчаса младшего сотрудника без степени...

СЮРПРИЗ

Мои наблюдения за «шевелением» в приемной Директора навели меня на мысль, что всего того, что здесь делали десятки людей, едва хватило бы на половину рабочего дня сотрудника ниже средней квалификации. Я собрался посчитать, как это выглядело бы во всей на-

шей отрасли науки, а затем — всей Страны. Заранее было очевидно, что мы по всем позитивным показателям живем не как трехсотмиллионное государство, а как (самое большое) двухсотмиллионное. Остальное — балласт, паразитические наросты, недоброкачественные ткани. Но меня пригласили к Директору. Я был готов к чему угодно, к самому худшему. Но только не к этому: меня зачислили в отряд, посылаемый на уборочные работы в совхоз. От неожиданности я рассмеялся. В чем дело? — спросил меня sereneкий человечек (из райкома партии, как я узнал потом). Я ответил, что ожидал вопросов по поводу эффекта... обнаруженного нашей лабораторией. И вообще, спросил я, нельзя ли вместо меня послать одного из многочисленных бездельников, околачивающихся в районе дирекции? У меня серьезная работа. И физически я не... И морально-политически тоже не, сказал человечек из райкома. Вот вас и посылаем для воспитания. А насчет «бездельников» — это не вашего ума дело. И вообще, добавил Директор, вы в последнее время... В последнее время, оборвал я его резко, я получил пять благодарностей от дирекции и две премии. В совхоз я поеду, мне не привыкать. Я, между прочим, пятый раз посылаюсь на это... воспитание. А многие сотрудники моего возраста не были там еще ни разу. И вообще эта система посылки людей в деревню порочна и убыточна, я берусь это доказать неопровержимыми цифрами. Человечек сказал, что тут дело не в цифрах, а в политике и т. п. Во время этой беседы в кабинет вошел Сын, но со мной он даже не поздоровался.

В лаборатории спросили, зачем меня вызывали, хотя сами знали об этом отлично еще до моего прихода, ибо они сами решили «выделить» меня для этого дела. Я сказал, что посылают дышать свежим воздухом и питаться витаминами. Этот день я занимался вычислениями, касающимися нашего подшефного колхоза. Выезжает туда на время полевых работ до тысячи горожан. Дорога, питание, зарплата на производстве остается. Работают плохо. Болезни. Антисанитарные условия. Но удивительно, многие едут охотно. Почему? С работы удрать, из семьи смыться, попойнствовать на свободе, с бабами погулять и т. п. Найти разумное объяснение в силу массовости явления и разнородности его участников невозможно. Интересно, что перед отправкой нам каждый раз говорят, что поездки из городов на уборку урожая в деревню суть

зримые черты коммунистического труда. То же самое говорят перед посылкой на овощные базы и в строительные отряды, перед субботниками. Трудно сказать, чего больше в таких уверениях — наивности, цинизма, идиотизма или презрения к нашим интеллектуальным способностям. И каждый раз нам напоминают о том, что утопические коммунисты прошлого и основатели «научного коммунизма» предсказывали это прекрасное явление будущего (с их точки зрения) светлого общества. Но почему, если они были такие умные, они не предсказали крыс и клопов, ужасающую бестолковость местного и вышестоящего начальства, идиотскую организацию труда, пьянство, разврат, очковтирательство? Отраб сказал по сему поводу (случайно возник разговор на эту тему на вечере у Сына), что не следует смешивать глубинную сущность процессов и мелкие, преходящие недостатки. В масштабах Страны и истории все это выглядит иначе, чем кажется нам, раздувающим негативные стороны дела. Все зависит от того, откуда смотреть на Страну и на историю, заметил я. Но мое замечание утонуло в гуле одобрения по адресу мудрой государственной мысли. Из присутствующих только я один регулярно участвовал в этих коммунистических формах труда. Не считая субботников, относительно которых даже Отраб высказывал скептически-юмористические замечания. В одном учреждении, сказал он, за время субботника собрали пустых бутылок на десять рублей, а на другой день уборщицы сдали пустых бутылок, оставшихся после ухода сотрудинок, на двадцать.

СНЫ

Известно ли вам, говорил Забулдыга, что сонология (или снометрия) возникла сначала как хохма? В «Евангелии для Ивана», например, четко сформулирован принцип соответствия сновидений социальному статусу человека.

Я знаю, будете смеяться:
Нам даже сны по рангам снятся.
Пока не удостоен ты
Занять высокие посты,

Пока к чинам не приобщился,
То сколько бы во сне ни тщился,
Ты не узришь себя царем
И партбюро секретарем.
И потому, упившись в стельку,
Ляг под забором, не в постельку,
Пуская с храпом пузыри,
Сны преуказанные зри.

А почему? А потому, что состояние опьянения есть самое блаженное для мыслящего существа: оно приобщает к Богу. А сам-то Он пил? — спросил я. А как же, сказал Забулдыга. Он даже воду превращал в вино перед тем, как пить. Но Он никогда не надирался до такого свинского состояния, как мы порой, сказал я. Ваше утверждение недоказуемо, сказал Забулдыга. И неопровержимо. Впрочем, у меня есть большое подозрение, что Новый Завет сочиняли забулдыги вроде нас, а они несколько романтизировали фактический ход жизни. Если хотите, я могу обосновать свое предположение более подробно. Не надо, сказал я. Я готов его принять на веру.

Мы сидим на подоконнике в незнакомом подъезде. Жильцы, проходя мимо, зло смотрят на нас, шипят проклятия, грозятся милицией, но мы их игнорируем. Мы знаем, что они нас боятся как огня. И молят судьбу, чтобы мы помочились и сделали по-большому не у их двери, а у двери соседей этажом выше или ниже.

Согласно теории Великого Сновидца, сказал Забулдыга, когда мы прикончили трапезу и аккуратно завернули ее неизбежные отходы в газету, только младшие научные сотрудники без степени остаются подобными детям до защиты диссертации. Я еще не кандидат, сказал я. И не будьте им, сказал Забулдыга. Став им, вы покинете Бога, а Он покинет вас. Но ведь Его же все равно нет, сказал я. Из того, что Его нет, логически не следует, что Он не покинет вас, сказал Забулдыга. Аминь!

ПРАЗДНИКИ, БУДНИ, ИЗОБИЛИЕ

Я полный профан в музыке. Никогда не хожу на концерты. И больше десяти минут хорошую музыку вынести не могу. И это вовсе не потому, что у меня отсутству-

ет музыкальный слух. Скорее, наоборот. В детстве у меня обнаружили какие-то незаурядные способности и хотели учить музыке. Но ничего не вышло: я начинал плакать и стремился убежать. Просто убежать куда-нибудь. Так и теперь. Как только я начинаю слушать хорошую музыку, во мне подымается звенящая тревога и тоска, и я убегаю. Музыка есть для меня самое высшее, что создали люди (а люди ли?), и я считаю для себя кощунством вообще говорить о ней. Если, конечно, это хорошая музыка, а не наша советская дребедень. Эту я могу слушать сколько угодно. Она на меня не действует. Она вообще не есть для меня музыка, и я не обращаю на нее внимания. А заговорил я о музыке потому, что сейчас праздник, юбилей какой-то. Повсюду грохочет... нет, не музыка, а песни советских композиторов. Сочинения, в общем. И я вспомнил Забуддыгу. Тогда тоже был какой-то юбилей. И тоже стоял грохот, ложно именуемый музыкой.

Что такое праздник, говорил Забуддыга. Для большинства населения праздник — это отдохновение от трудов, сытость, нарядность и развлечение. И как следствие — возвышенное состояние духа. Это состояние передается прочей части населения, праздной. Это по идее. А что мы имеем теперь? Работаем мы шаляй-валяй. Праздничная еда мало отличается от будничной. Одеваемся мы тоже примерно одинаково. Развлечения, как и еда и одежда, тоже дерьмо, но в изобилии. Мы их имеем ежедневно в избытке. Что получается? Ни праздников, ни будней. Сплошная однообразная серость и слякоть. Праздники теперь — лишь повод начальству потешить тщеславие, посидеть в президиумах, речи произнести. Понятие праздника в применении к нам утратило смысл. Так же, как понятие искусства — к этому идиотскому грохоту.

В общем так, сказал я. Но кое-что в праздниках все-таки есть. Например, общепринятая санкция на пьянство. Смотрите, сколько бухих, а в милицию не забирают. Компании собираются. Это подобие праздника, сказал он. Имитация, подделка. В этом нет возвышенности и одухотворенности, то есть главного. А теперь допустите на минуту, что на самом деле их принцип «каждому — по потребности» осуществится. Что будет? Кошмар! Серость и уныние возрастут во сто крат. Нет, это хорошо, что их принцип никогда не осуществится. Для человека всегда

должно оставаться нечто труднодостижимое и желанное, достижение чего должно создавать праздник, причем это нечто должно быть общим для большинства населения.

ПОДШЕФНЫЙ СОВХОЗ

Наш подшефный совхоз возник так. Коллективизация и вообще гениальная политика Партии в области сельского хозяйства, неуклонно проводившаяся в течение десятилетий, превратили этот некогда оживленный и зажиточный район в целину и труднопроходимые заросли. Когда еще более гениальная политика целинных земель в Казахстане и Алтайском крае провалилась, вспомнили, что под боком лежат пустые земли, когда-то дававшие Москве в изобилии овощи, фрукты, мясо. Устроили совхоз, согнав уцелевших жителей из уцелевших деревень в одно место. Дали машины, установки, планы. Дали десяток шефов — поставщиков «даровой» рабочей силы. Это — мы. Хотя мы обходимся государству в копейчку (нам платят зарплату на работе и здесь кормят), мы почему-то считаемся дешевой или почти бесплатной рабочей силой. Жизнь совхоза поставляла бы неистощимый материал для юмористов, если бы при этом не вставали волосы дыбом от нелепости и бессмысленности происходящего. Например, дорогие машины пропадают под открытым небом. Сеют и сажают намного больше, чем смогут убрать, и это известно заранее. Убирают намного больше, чем сохраняют, и это тоже знают заранее. И иначе нельзя, ибо план, цифры, показатели, соцобязательства. Автоматические линии и установки работают так, что народу с ними крутится больше, чем нужно было без них. Пьянство ни с чем не сравнимое. Встретить трезвого мужчину почти невозможно. Без выпивки ни одна гайка не отвинчивается и не завинчивается. Всю грязную и трудоемкую работу сваливают на нас, городских. Молодежь любыми путями стремится удрать в город. Тучи бездельников ошиваются возле клуба и магазина. А нас почему-то считают паразитами, хотя мы все-таки как-то работаем. В общем, говорить на эту тему уже не хочется. Тошно. Но самое ужасное во всем этом — то, что местные жители в общем довольны своей жизнью. Старики и пожилые люди помнят, как было раньше, и рассматривают нынеш-

нее положение как рай земной. Они не стремятся к лучшему. Они хотят одного: чтобы не было хуже. И боятся, что будет хуже, если... если диссиденты будут продолжать нападки на наш образ жизни и на власть.

О ЗАПАДЕ

Пришлось мне однажды беседовать с группой иностранцев, рассказывал Забулдыга. Кагэбэшники не успели меня убраться и подсунуть своих «произвольно выбранных» граждан, и иностранцы вцепились в меня. Я им кое-что выдал о нашей житухе теперь, кое-что из истории. Ну, обычное — лагеря, репрессии, психушки и т. п. Слушали, кивали, но явно скучали. Им, очевидно, надоело все это добро. Случайно я упомянул об очередях за туалетной бумагой. Бог мой, что тут начало твориться! Загалдели все сразу, руками замахали. И представьте себе, не поверили, сволочи. Решили, что это — явная клевета на наш строй. Потом кагэбэшники даже документы у меня не проверили. Посмеялись только. А один даже по плечу похлопал, сказал, что хотя я и дурак, но молодец.

Что нам Запад, говорил Забулдыга, если мы сами не знаем, чего хотим. Благополучие? Вот вы, например, согласитесь сменять свою теперешнюю тоску на безмятежное существование в качестве академика? Нет? Я вам верю, не согласитесь. Так на кой нам Запад? Сможем мы скинуться на двоих или троих на Западе? Нет. Только у нас от этого можно получить удовлетворение.

НАШ СОВХОЗ

Поселили нас в развалюхе, похожей на сарай. Сосед, парень из конструкторского бюро, начал заколачивать дыры. От крыс, объяснил он. Крыс тут тьма. Если бы этот совхоз превратили в крысосовхоз, через пару лет он стал бы крупнейшим поставщиком мяса и шкур. Чем кормить крыс? Ерунда! Например, такими специалистами по патентному делу с двумя иностранными языками, как ты (это — другому моему собеседнику). Или диссидентами. Благо их развелось не меньше, чем крыс. Забавная мы страна, говорит Патентчик. Люди создают комитет с на-

мерением помочь властям выполнить их же собственные намерения, а их сажают в тюрьмы и сумасшедшие дома. Наша жизнь скорее смеха достойна, чем сочувствия, говорит солидный мужчина с завода авиационных приборов. Разберем вот, к примеру, такую историю. В Африке зашибутилось отсталое племя. Почему? А кто его знает? Мы вот тут к концу срока передеремся. И что, из этого мировую политику делать? Вернемся домой, соберемся, выпьем и с великой любовью вспомним эту драку. Это — наша жизнь. Посторонним лучше не соваться, морду набьем. Тем более Африка. Чего мы там не видали? Они там надрались банановой сивухи и начали друг другу морды бить. А морды у них дай боже! В наши морды уже после пол-литра попасть невозможно. Я лично каждый раз целюсь в нос, а попадаю в ухо или в стенку. Хватит трепаться, говорит Сосед. Ближе к делу. При чем тут Африка? И я говорю, при чем тут Африка, говорит Приборист. Так нет же, нам до всего есть дело. Мы сразу вой поднимаем: долой империализм! А сами, между прочим, половину Европы захапали. Посылаем мы в Африку своих людей. Танки, самолеты, ракеты. Обращаться с ними туземцы не умеют. Но это не играет роли: техника все равно устаревшая, а людям все равно делать нечего. Техника куда-то исчезает. Куда они ее девают? Пропивают, что ли? Просят еще танки, самолеты, ракеты. Мы им: переходите, мать вашу растак, на позиции коммунизма. Перейдете — мы вам синхро... тьфу!.. в общем, трон построим. А что им этим синхрофазоциклобетатвоюматътроном делать? Орехи расщеплять? Тогда дикари переметнулись к американцам и получили от них, что хотели: штаны и жевательную резинку. И демократию, заметил Патентчик. Это само собой, говорит Приборист, демократия без штанов и резинки немыслима. За хорошие штаны и мы бы побунтовали, сказал Сосед. И попросили бы танки и ракеты, добавил Очкарик, наш бригадир. Надев штаны, продолжает Приборист, эти идиоты сразу же переходят на позиции коммунизма. На другой день создают компартию. Ихний Генсек (он же Главком и Премьер) прибывает к нам с визитом. Нас гонят на Ленинский проспект изображать энтузиазм и интернационализм. Черножопый Генсек встречается с нашим... А знаете, что общего и в чем разница между гомосексом и генсексом? — перебивает Сосед. Погоди, говорит Очкарик. Дай человеку развить мысль до

логического конца. Подписывают коммюнике, продолжает Приборист. Клянутся в вечной дружбе. Возлагают венки. Посещают образцовые предприятия. Нас опять гонят на Ленинский проспект, теперь — провожать. На другой день по возвращении домой этот друг советского народа вырезает вчерашних «коммунистов», поносит СССР за то, что мало дали. Что это? Мистика. От таких общений все же польза есть, говорит Очкарик. С Индией примерно то же самое было. Но все же благодаря прошлой дружбе русская культура обогатилась новым ругательством «йог твою мать».

Такого рода разговоры не умолкают целый день. Кончатся они обычно тем, что кто-то высказывает общее неоспоримое мнение: «В нашем бардаке все равно ничего не изменишь» и предлагает завершить трудовой день традиционной выпивкой.

О СОБАКАХ

Вспоминаю Забулдыгу. Какое это было прекрасное время! Мы купили чекушку водки, пару бутылок вина, двести граммов резиновой колбасы (говорят, из нефти), пару конфеток. Нашли уютное место между бетонными плитами за забором, огораживающим новое строящееся здание Института Общественного Питания. К нам присоединилась грустная дворняга. Она ничего не просила, не виляла хвостом, а именно присоединилась, как мы присоединились бы к кому-нибудь «на троих». Спокойно, без высокопарных фраз и поэ. И я бы не удивился, если бы в зубах у пса оказалось тридцать три копейки. Вот нас и трое, сказал Забулдыга. Интересно, будет она пить? — спросил я. Однажды на Севере мы влипли в грязную историю. Ни крошки жратвы и в изобилии спирт. Большинство загнулось с перепоя. Но кое-кто уцелел. Собаки (их две было с нами, сторожевые, конечно) пить отказались. Так и пришлось их сожрать трезвыми. Во всяком случае, точно знаю одно: чокаться их не научишь ни за что. Иностранцы по интеллекту даже превосходят собак, годами живут тут, а чокаться никак не могут научиться. Забулдыга разделил колбасу на три части, одну протянул мне, другую отдал собаке, третью молитвенно приблизил к себе. Мы чокнулись.

О КАРЬЕРЕ

Мы не спеша осушили чекушку, закусили колбаской, закурили. Был за мной такой грех, сказал Забулдыга. Однажды я начал делать карьеру. И довольно успешно. Меня даже представили к званию заслуженного работника культуры. Когда мне сообщили об этом, я чуть не подох от смеха. Что с вами? — спросили меня. Значит, теперь меня будут величать Засракуль, прохрипел я сквозь слезы. Засракуль такой-то! Каково звучит? Мое представление, разумеется, тут же забрали обратно. Использовали первый пустяковый повод, сняли с поста. Сотрудники, сволочи, еще год дразнили меня Засракулем. Пришлось одному типу за это морду набить.

Покурив, мы приступаем к первой бутылке вина. К той, которая послабее. Я никогда не запоминал названий вин. Я вообще все напитки делил на три категории: крепкие (сорок градусов и выше), крепленые (между девятнадцатью и тридцатью) и слабые (от десяти до семнадцати). Пиво так и шло по категории пива. А воду мы напитком не считали. Мы ее не пили, а ели. Конфетку одну отдали псу, оставшуюся разделили на две части.

О ПЬЯНСТВЕ

Люди, говорил Забулдыга, делятся на трезвенников и выпивающих. Классификация первых есть дело социологии. Ко вторым же нужен диалектический подход. Это, пожалуй, единственный случай, когда без пол-литра... прошу прощения, без диалектики никак не разберешься. Здесь имеют место две линии развития. Одна линия: прикладывающиеся — ньющие — гуляки — забулдыги. Упомянутые категории суть ступени развития от низшего к высшему. Эта линия в основном для интеллигенции, для творческих работников. Другая линия: закладывающие — пьяницы — пронойцы — алкаши. Эта линия в основном для трудящихся и руководителей (помните: единство партии и народа?). Примыкающие к первой линии держатся в тени, их преследует милиция, коллектив их не защищает, при первом же подозрении их волокут в вытрезвитель, сообщают на работу, вызывают на спецкомиссии, сажают в каталажку и в психуш-

ки. Примыкающие же ко второй линии пьют дома (начальники) или на виду у всех (трудящиеся). Они шумят, куражатся, валяются на тротуарах, милиция их забирает в крайнем случае. Слегка качающийся интеллеktуал считается пьяным до бесчувствия, валяющийся пролетарий считается слегка подвыпившим, — в этом прежде всего сказывается народность нашего строя. Странно, почему отказались от формулы «диктатура пролетариата»? В отношении милиции к представителям той и другой линии сказывается (помимо высших идейных соображений) и чисто экономический фактор. Если представитель второй линии — он пьет дома. К тому же он сам тебя в любое время засадить может. Если он пролетарий, у него в карманах нет ни шиша. А у представителей первой линии даже в самых тяжких случаях в карманах что-нибудь найдется (сигареты, носовой платок). И выкуп потом можно будет взять за несообщение на работу.

ПАРАДОКСЫ ЖИЗНИ

Вот, например, мчится объятая паникой толпа мужчин, говорил Забуддыга, за ними — немецкие танки. На пути — женщина с ребенком. Толпа втаптывает их в грязь. Толпа не должна была это делать? Некоторые так считают. Другие думают иначе: женщина и дитя — единицы, толпа — тысячи. Должное, молодой человек, не обязательно происходит. Недолжное не всегда не происходит. Что делать? Оценить ситуацию с нравственной точки зрения? Пусть толпа поступила безнравственно. Но если бы я был в этой толпе и захотел поступить иначе, я не смог бы этого сделать физически. И никто другой не смог бы. Вот в чем загвоздка! Любой из нас может поговорить красиво на тему о том, что нужно и что нельзя. А оказавшись в реальных ситуациях вроде той, о которой я говорил, мы лишаемся возможности следовать моральным критериям. Я годами думал о морали. Мораль, религия — это хорошо. Но они слишком немогущи в наших условиях. Они бессмысленны, как бессмысленны в наш век рыцарские доспехи. Нужно что-то иное, а что именно — не знаю. Наше положение безнадежно. Мы никогда не попадем в прекрасные дворцы, в ярко освещенные залы, к красивым и добрым людям.

Таких дворцов вообще нет. И детские сны тоже выдумка. Только пьянство есть объективная реальность. Будущее, юноша, за ними — за теми, кого мы презираем.

ПО ЗАКОНАМ НЕГОДЯЙСТВА

Я не против хорошей квартиры, еды, выпивки и прочих житейских благ. Но чтобы это происходило на основе некоторой справедливости. В институте, например, знали прекрасно, что я способнее Сына и сделал много больше, но делали вид, будто ничего подобное им не ведомо. Меня упорно не выпускали на защиту. А Сына раздували. Я досконально изучил состояние своей области науки. Я сделал серьезное открытие. Но мне не дадут это реализовать как МОЕ. Десятки влиятельных и цепких людишек поделили бы его между собой, а меня оттерли бы, упрятали бы в сумасшедший дом или лагерь. А драться за блага жизни по законам мафии я не хочу. Я хочу только некоторых гарантий справедливости. Сын говорил мне на это, что я хочу слишком многого. Чего тебе не хватает? Квартира есть. Заботиться не о ком. Баб в избытке. Денег пока хватает. Защищайся — больше будет. Зажрались вы! Кто «вы»? — спросил я. Я — рабочий в науке, мастеровой. Из тех, кто может блоху подковать. Помнишь? Но я хочу, чтобы мой труд был обозначен моим именем, а не именем шефа, директора. Сейчас я — крепостной. Вкалываю за десятерых, ты знаешь. И задачи решаю, какие не под силу нашим академикам. А как мой труд входит в историю? Как достижения шефа, директора, профессора, академика... А кто они? Но в современных условиях нельзя иначе, сказал Сын. Вранье, сказал я. Формула маскировки для бездарей, ловкачей, хапуг. Не смешивай трудовую рутину с творческим элементом труда. Да, современные приборы делают и обслуживают тысячи людей, но основные творческие идеи и решения предлагают мыслящие единицы. Выше ушей не прыгнешь, сказал Сын. К чему рыпаться? Сомнут. Надо извлечь из этой системы максимум возможного. А потом...

Я рассказал Забулдыге об этом разговоре. Ваши проблемы еще как-то разрешимы, сказал он. А вот мои — в принципе нет. В Индии, говорят, стерилизовали миллион человек. А может, у них другого выхода нет, сказал я.

Но человек от этого не перестанет быть человеком, а преступление — преступлением, сказал он. Кто-то присваивает ваш труд? Но с точки зрения прогресса науки безразлично, кто сожрал за это вкусный кусок благ жизни. Читая историю Древнего Египта, мы лишь констатируем разделение людей на рабов, чиновников, жрецов и т. п. А если выйдет указ кастрировать во имя прогресса мужчин и вас выделят для этой прогрессивной операции? Вас, а не Сына? Сталинские репрессии тоже «оправдывались» интересами прогресса. Преступления масс людей, партий, классов, правительств — суть нашей эпохи. Вот от этого я страдаю. Это — моя проблема. Неужели ничего нельзя придумать, сказал я. Придумали уже, сказал он. Истребляют честных. В обществе негодяев им нет места.

ГНУСНАЯ ИСТОРИЯ

Каждый раз во время нашей работы происходит какая-то безобразная и жуткая история. Например, в соседнем районе местные парни подловили городского, который соблазнил местную девчонку, сунули его в какую-то машину. Парню оторвало обе руки до плеч. У нас произошел более банальный случай: изнасиловали девчонку. Она сначала показала на местных парней, а потом изменила показания. Милиция арестовала городского парня, который спьяну сболтнул, что тут только колючей проволоки не хватает. Нашлись «свидетели», что якобы он изнасиловал. Мы подняли хай. Тогда в райкоме партии нашли компромиссное решение: взяли еще деревенского парня. Для чего? Для единства рабочего класса и крестьянства? А кого в этой паре сочтут гегемоном? Очкарик вернулся из района пьяный и злой. Бессмысленно рыпаться, ребята, сказал он. Там все согласовано. Им нужен пример для назидания. Я написал письмо Ей, прося приехать по этому делу. Она ответила (и на том спасибо), что у Нее дел по горло, не до этого. Я написал Сыну, прося его обратиться к Отрабу и обратить внимание на это вопиющее беззаконие. Но он не ответил. Это было еще до возвращения Очкарика. Ночь я не спал, думал. Утром сказал, что в знак протеста покидаю бригаду и уезжаю в Москву. Они встретили мое заявление мрачным молчанием.

БЛИЖНИЙ

Наша жизнь, говорил Забулдыга, не изменится существенным образом до тех пор, пока мы не начнем переживать судьбу ближнего как свою собственную. Причем без колебаний, не задумываясь над тем, стоит ближний этого или нет. Сказал он это после того, как мы вступились за женщину, к которой прицепились пьяные хулиганы, получили от хулиганов по морде, попали за это в милицию, где нам добавили еще, и вышли из милиции опозоренные и оплеванные.

Приехав в Москву, я позвонил Ей. Она сказала, что у Нее дела поважнее, и Она не будет рисковать ими из-за какого-то пьянчуги, который наверняка не без греха. Я позвонил Сыну. Он сказал, что слух о моих безобразиях дошел до института, что влезать в эту грязную историю он не намерен. Я решил выступить на комсомольском собрании, но меня опередили: райком комсомола исключил меня из комсомола потихоньку. Когда я заявился на работу, меня вызвали в дирекцию, предложили сдать материалы по летним исследованиям и подать заявление об уходе по собственному желанию. Подписывая мое заявление, Директор сказал, что я не оправдал их доверия. Оказывается, мы рождаемся и живем лишь постольку, поскольку Они оказывают нам доверие.

В этот день я упился до умопомрачения, подцепил случайно подвернувшуюся бабу на улице. Что было дальше, не помню. Очнулся на другой день довольно поздно.

ЖЕНЩИНА

Когда я очухался, рядом со мной сидела незнакомая женщина. Кто ты? — спросил я. Твоя мечта, сказала она. Не думал, что моя мечта выглядит так, сказал я. И я до вчерашнего дня не думала, сказала она. Но ты сам мне об этом вчера сказал. И я поверила. Ты лежи. Я сейчас позвоню к себе на работу, придумаю что-нибудь. И домой. Тут труднее. Ну да как-нибудь выкручусь. Я опять уснул. Проснулся вечером. С трудом сообразил, где я. Квартира моя преобразилась. На столе стояла чекушка и еда. И записка: «Лечись! Целую! Твоя мечта». Я вскочил, кинулся на кухню, заглянул в

ванную и в туалет. Где она? Ушла? Неужели совсем? Неужели не вернется? Я потом исходил всю Москву в поисках ее, но так и не встретил больше нигде. Я внимательно вглядывался в лица женщин, они шарахались от меня. И ни в одних глазах я не увидел своего отражения.

Потом все было просто. Мне выплатили зарплату за две недели вперед. Я ее пропил в два дня. Затем пропил все, что можно было пропить. Приемник, например, мы с одним алкашом продали за два пол-литра. Пил я с остервенением, на износ. И ничего не ел. Только пил.

Потом они пришли за мной.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

В палате у нас десять человек. Не знаю, кто они. Скука. Равнодушие. Вялость. Тупое ожидание неизвестно чего. Весь день грохочет радио. Принята новая Конституция. Кто-то сказал, что такого славословия и самодовольства не было даже при Сталине. Кто-то сказал, что в Конституции хватило бы двух статей: 1) гражданин обязан; 2) гражданин имеет право. Кто-то сказал, что хватило бы одной: гражданин обязан иметь право. Вспоминаю слова Забурдыги: все равно у Них ничего не выйдет, человек все равно выстоит, а если не выстоит, то и Их не будет.

Часть пятая

ИСПОВЕДЬ ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ

СМЕХОТВОРНОСТЬ ТРАГЕДИИ

Почему я здесь? Скучная и пустяковая история. Но я все же расскажу ее вам, раз вы этого хотите. Я же не в силах отказаться, вы сами об этом знаете. К тому же я не раз наблюдала в жизни случаи, когда одаренные тратили силы на ловлю блох, а отважные и сильные погибали, поскользнувшись на арбузной корке. Я же стала жертвой банальной квартирной сделки.

Всякая жизненная борьба имеет свои непреложные законы. И квартирная борьба тоже. А может быть, тут даже следует сказать: тем более. Имеется некий закон для законов жизни: чем мельче жизненная борьба, тем жестче и суровее ее законы. И тот, кто не считается с ними, тот погибает. Борьба времен Сталина особенно страшна была не своей возвышенностью и грандиозностью, а своей приниженностью, пошлостью, никчемностью. Да, никчемностью, хотя цену люди платили огромную. Даже наша квартирная склока была рангом выше той эпохальной борьбы. Она была, по крайней мере, за реальные, а не воображаемые ценности.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Как только мой «молодой» муж прописался в мою однокомнатную квартирку, доставшуюся мне ценой многих лет каторжного труда на благо Родины (точнее — моего шефа) и унижений, он стал вести себя подчеркнуто грубо и игнорировать свои супружеские обязанности. Однажды он заявился домой пьяный с такой же пьяной

девицей. Я сказала ему и себе: хватит с меня этой счастливой семейной жизни. Сделала аборт: не хочу иметь ребенка от такого негодяя! Через полгода мы расторгли брак, разделили жилплощадь и разъехались. Мои знакомые сказали, что они это предвидели, что они меня предупредили, что глупо в мои годы (какие годы?!) заводить семью, что у него на морде было написано... Чудаки! Я сама не надеялась на то, что из этой затеи выйдет что-то путное. Но мне так захотелось иметь свой дом, ребенка и прочее, что я готова была клюнуть на любую приманку. Мне захотелось немного старомодного, отжившего. Как говорил мой бывший муж, большой любитель старых анекдотов и каламбуров, мне захотелось быть «закобыленной».

Мой бывший супруг ухитрился выменять себе двухкомнатную (!) квартиру. Не могу понять, как это ему удалось. У нас же такие строгие нормы на жилплощадь. Впрочем, он парень пробивной, все ходы и выходы в нашей системе знает. Приехал с отдаленной окраины Страны и за три года «сделал» себе степень, квартиру и работу с большими возможностями для безделья, распутства и карьеры. Думаю, что он сотрудничает с КГБ. Любопытное это все-таки явление — завоевание Столицы представителями одуревшей от спекулянтских и взяточных денег провинции. Они абсолютно беспринципны, нахальны, изворотливы, способны на все. Проникновение их в Столицу позволяет поддерживать моральную атмосферу столичного «светского» общества на некотором низком и пошлом уровне, устраивающем сильных мира сего. А методы их временами просто восхитительны. Мой шеф, например, весь отпуск провел у родителей моего бывшего мужа на полном пансионе. Ему был предоставлен целый дом у моря, машина с шофером и целый гарем женщин. В уплату за это шеф устроил «бывшему» сдачу кандидатских минимумов, компилирование диссертации и рекомендацию на работу в отдел самого Сусликова. Карьере Бывшего благоприятствовала и общая политика, проводившаяся с первых дней после революции, — возвысить окраины за счет основного народа Страны. В результате в республике, откуда появился здесь Бывший, на душу населения кандидатов и докторов наук приходится в три раза больше, чем даже в столичной области. Я не говорю о их качествах, ибо все это — сплошное жульничество.

Мне досталась комнатуха в коммунальной квартире. Десять квадратных метров. Теперь почему-то снова появилась тяга к «коммуналкам». В газетах целая кампания была проведена в их пользу. Лейтмотив: мы должны привыкать жить единой семьей, ибо идем к коммунизму, а отдельные квартиры приучают к разобщенности. Но это, очевидно, демагогия. Просто семьи пошли маленькие (от силы три человека), и на всех отдельных квартир не напасешься. К тому же в отдельных квартирах за народом следить труднее. Подслушивающие устройства обходятся в копейчку и ненадежны. А сосед надежен (не сломается) и не стоит ничего.

Жаль, конечно, было терять квартиру. Я уже стала привыкать жить независимо хотя бы от соседей. Я говорила Бывшему, что он мог бы купить квартиру в кооперативе. Но он поступил так, как подобает современному мужчине: лишил меня отдельной квартиры, а деньги, которые мог бы потратить на кооператив, истратил на банкеты и подарки влиятельным лицам. И все-таки, разъехавшись с Бывшим, я вздохнула с облегчением. И приняла твердое решение начать новую жизнь. Ты дура, сказал мне Бывший на прощанье. Ты не понимаешь главного и никогда не поймешь: наше общество — общество людей без всяких внутренних ограничений и сдерживающих начал, общество людей, готовых на все, на любую пакость. И чтобы выжить в такой среде, надо быть больше чем человеком — надо быть сверхчеловеком, то есть подонком беспредельным.

КВАРТИРА

В нашей квартире пять комнат. В самой большой живет инженер с женой и дочкой. Сам инженер мужик вроде ничего, но тюфяк. Его жена, видать, порядочная стерва (первые впечатления меня никогда не обманывают), а дочка — что называется, «штучка». В этом году школу кончает. Родители по сему поводу загодя закатывают истерику каждый день. В комнате поменьше живет персональный пенсионер с дочерью, которой тоже скоро пора на пенсию. Пенсионер — старый член партии, отсидевший в свое время в сталинских лагерях уйму лет и потом реабилитированный, но отнюдь не поумнев-

ший. Когда я въехала сюда, он мне сказал, что Партия и Правительство дали мне прекрасную комнату, и я должна оправдать это высокое доверие... Меня начало от этого мутить, и, если бы не Штучка, мне стало бы дурно. Она вежливо затолкала Пенсионера в его собственные восемнадцатиметровые хоромы на двоих, сказав при этом, что ему пора делать клизму. Представляю, сколько народу передушило это чучело, прежде чем само стало «невинной» жертвой такого же чудовища. Штучка сказала, чтобы я не обращала внимания на этого выжившего из ума (еще до революции!) дегенерата, и начала помогать мне устраиваться с мебелью и тряпьем. Она же мне сообщила, что дочь Пенсионера — искусствовед, знает кучу иностранных языков, работает в музее, получает (смешно сказать!) восемьдесят рублей в месяц. Им обещают в следующем году повысить зарплату на пятерку, и она безумно этому рада. Могла бы зарабатывать на уроках. Боится, хотя говорит, что это безнравственно. Что, работать безнравственно? А просиживать стулья в музее, ни черта не делая, нравственно? А этот старый идиот (мало ему тогда дали!) видит в этой обещаемой пятерке следующий шаг на пути к коммунизму. У нее, у Штучки, отец получает около двухсот, мать (она — учительница) — сто пятьдесят, а они втроем на эти деньги еле концы с концами сводят. В общем, пока мы двигали шкаф из одного угла в другой в поисках наивыгоднейшего варианта, я узнала о жильцах квартиры все самое основное.

В комнате напротив Пенсионера живет одинокий молодой человек, старший научный сотрудник в каком-то институте Академии Наук, кандидат наук. Эту комнатку он получил тоже в результате размена, но со своими родителями (Господи, с ними-то он что не поделил?!). У Кандидата приличная зарплата, со временем он рассчитывает вступить в кооператив. Кандидат накатал «левой ногой» (как выразилась Штучка) халтурную книжонку и надеется отхватить за нее гонорар. Парень он ничего, веселый и остроумный, сказала Штучка, но порядочный жмот. И бабник. Впрочем, теперь все мужчины бабники.

В комнате у входной двери живет Йог. Это — самая плохая комната в квартире. В ней хорошо слышно, как грохочет лифт, а окно выходит на стенку, — тут дом де-

дает архитектурный изгиб (или излом?). Йогом его Штучка прозвала за удобу и горбатый нос. На самом деле он математик и пьяница. Постоянно меняет работу. Одним словом, йог.

Мы со Штучкой быстро сдружились. Хотя мозги у нее набекрень, девчушка она славная. Очень даже неглупая. Все понимает с полуслова.

Я

Я работаю в Институте Народного Творчества. Что это такое? Это — одно из крупнейших научно-исследовательских учреждений Страны, уступающее по числу сотрудников и по материально-технической базе разве что только институтам ядерной физики, космонавтики, кибернетики и марксизма-ленинизма. Возник наш институт по инициативе самого Вождя. На встрече с выдающимися деятелями науки и искусства он сказал, что мы явно недооцениваем народное искусство. Что он имел в виду, трудно сейчас сообразить, ибо за пять минут до этой идеи он обозвал народным все наше искусство вообще. После встречи деятели культуры, надо полагать, провентилировали вопрос в ВСП и пришли к гениальному выводу: надо различать народность искусства как черту всего нашего искусства и народное искусство как творчество непрофессиональных художников, сочинителей, танцоров и т. п., но не любителей, творящих в духе профессионального (народного в первом смысле слова, как и любительское) искусства, а в духе определенных древних народных традиций. Правда, в понимании того, что такое народ, авторы сочинений на эту тему основательно запутались, но из примеров можно было понять, что они имели в виду: матрешки, расписные чашки и ложки, вышивки, разные наличники у окон, частушки. И конечно, сказы. Конечно, поскольку это и есть моя узкая профессия.

Дело поставили на широкую ногу. Буквально через несколько лет в нашей области появилось с полсотни докторов наук, две сотни кандидатов наук, три членкора и даже один академик (в академики был избран заведующий отделом изобразительного искусства ВСП). Институт разросся до тысячи человек. Появились фили-

алы в республиках, лаборатории в областных городах, самодеятельные группы, кружки и т. д. Одних только сказителей стало столько, что пришлось создавать Союз Сказителей с отделениями в областях, городах и районах. Ввели почетные звания Народного и Заслуженного Сказителя. Создали творческий журнал «Былина» (мы в шутку называем его «Ой ты, гой еси»). Стыдно признаться, что выдумала всю эту мразь я сама. Вот как это произошло.

Послали меня в командировку на север Страны собирать фольклор. Намучалась я с нею, страшно вспомнить. Ни гостиниц, ни еды, ни транспорта. Ночевала, где придется. Даже на вокзалах. Питалась хлебом в основном. Пешком прошла сотни километров. И ничего похожего на фольклор. Да и смешно его теперь искать. Даже в этой глуши большая часть молодежи имеет среднее образование. С высшим образованием людей — пруд пруди. Везде телевизоры, радио, кино. Транзисторы. Зарубежные передачи даже старухи слушают (старикам не до этого, пьянствуют). А тут — какой-то фольклор выдумывают. Смешно, слово «фольклор» почти никто тут не знает, а диссидентами даже детишки дразнятся.

Чувствую, горит моя командировка. Вернусь — житья не дадут, сожрут. И решила тогда я выдумать сказительницу. Нашла девяностолетнюю слепую и глухую старуху, которая бормотала невразумительную чушь, и «записала» несколько ее сказов. Вот один из них, к примеру:

Ой ты, гой еси, наша Партия!
Ты орлиная да соколиная!
Что ведешь свой народ да к победушке!
Эх да к победушке да коммунизмушка!
Того самого, что по потребности!
Ах его самого, что по способности!
Ой люли-люли, люли-люлюшки!
Коммунизмушка высшей стадии!

Послала я эти сказы в институт. Написала, что ничего хорошего не нашла. Только, мол, вот эти пустяки. Я, конечно, знала, что делала. Через неделю ко мне целая группа из двенадцати человек нагрянула во главе с моим

Шефом нынешним (тогда он был молодым начинающим проходимцем, едва успевшим вырвать кандидатскую степень). На сей раз Краевой Комитет Партии предоставил нам все удобства.

Послушали наши сотрудники полоумную старушенцию и сразу поняли все. Но виду не подали. Похвалили меня. Но сказали, чтобы я от сказительницы не отходила ни на шаг и записывала все ее сказы. И слала их в Столицу. Дали мне примерную тематику на первое время. Обещали выслать более подробные разработки. Попьянствовали еще пару недель (за это время я сочинила им еще с десятков сказов). И укатили. А я осталась в этой дыре еще чуть не на целый год. Скоро я убедилась, что выдумывать эти сказы не так-то легко. Так что пришлось мне основательно потрудиться. Когда я вернулась в Столицу, ураган сказительства уже пронесся по всей Стране. Моей полоумной старухе присвоили звание Народной Сказительницы, построили ей новый дом, дали приличную пенсию, наградили Государственной премией. А я... я так и не смогла защитить кандидатскую. И лишь после того, как я сказала Шефу (он уже стал членкором), что пусть он теперь пишет свои годовые работы сам, он выхлопотал мне ту злополучную однукомнатную квартиру.

Но я не обижаюсь на судьбу. В общем, я и этим довольна.

СОСЕДИ

Мы с Пенсионером выстояли длинную очередь за капустой. Я ругалась. Пенсионер уличал меня в неверии в идеалы, бубнил о решении Пленума ВСП увеличить производство овощей, о временных трудностях. Соседи по очереди ворчали по поводу того, что нам полмира кормить приходится — негров, арабов, поляков, чехов... И американцев, съехидничала я. И всех их понесло. Мол, глядя на Запад, наша молодежь стала с ума сходить. Мол, если бы не Запад, так помалкивали бы. Пожили бы в «наше» время, не то запели бы! Тут подошел Йог, он заскочил захватить (без очереди, конечно) пару огурцов на закуску, но таковых не оказалось. Это обстоятельство и толкнуло его на полемику

со стариками. Если бы собрать все постановления об увеличении производства фруктов и овощей (кстати, огурец — это фрукт или овощ?) за последние пятьдесят лет, то по идее от персиков и винограда прохода не должно быть, а капусту и картошку пришлось бы вывозить за пределы Галактики, сказал он. Вот и космические исследованиягодились бы.

Дискуссию продолжали уже дома, на кухне. Штука рассказала последние сплетни о летающих тарелках. Инженер сказал, что в одной деревне инопланетяне (Искусствовед поправила его: инопланетяне, а иначе — это инакомыслящие) украли трактор. Очевидно, нашу технику изучали. Потом вернули. И даже отремонтировали. Видать, соображают, сволочи! Потрясающе, сказал Кандидат. Лететь за тридевять земель, чтобы изучать допотопный трактор! Идиоты эти ваши инако... инопланетяне. В этот момент вышла Стерва (жена Инженера) и потребовала очистить ванную. А я только было собралась постирать. Я попросила подождать пару часов. Тем более, сегодня моя очередь. Но она ни в какую. Обозвала меня ни за что ни про что. Спасибо, Искусствовед выручила. Она сказала одно слово: стыдитесь! И Инженер увел орущую Стерву в комнату. Как только таким людям доверяют учить детей?! Впрочем, чего я-то.

Пока я стирала, Инженер изливал мне душу. Дочь школу кончает, а теперь без блата никуда не попадешь. Нет ли у меня знакомых? Я сказала, что таких знакомых у меня не водится. Но я могу помочь устроить Штуку в наш институт техническим сотрудником, и через пару лет она спокойно пройдет на филологический факультет. Инженер сказал, что жаль два года терять. Я сказала, что мы всю жизнь теряем и не жалеем, а из-за каких-то двух лет трясемся. Но он не понял. В общем, уже в первый месяц я убедилась в том, что коммунальная квартира имеет свои преимущества: не соскучишься.

К кандидату пришла смазливая девица. Аспирантка. Стерва по сему поводу заметила, что все б...и аспирантки, а все аспирантки б...и. В комнате Пенсионера грохочет на всю мощность телевизор. Известный философ читает лекцию о бесклассовом обществе. Доразвивались, говорит Йог, даже классов и то нету, а не то что мяса.

Великая сказительница сдохла. И поскольку я была в институте на плохом счету (уклонялась от общественной работы, не вступала в партию), меня собрались выгонять, отыскивая подходящий предлог. Но я подбросила Шефу идею издания полного собрания сказов моей старушечки с предисловием и большой вводной статьей и комментариями Шефа. И меня оставили. Поскольку полное собрание будет в трех томах и будет издаваться в течение пяти лет, на пять лет мне гарантирована спокойная работа. Я перечитываю сейчас свои «гениальные» сказы и веселюсь от души. Неужели никто не видит, какая это жуткая халтура? Или всем плевать на это? Но один сказ мне все-таки жаль отдавать этой дохлой ведьме. Он мне стоил кое-чего. Но что об этом говорить! Я за свое «творчество» получила положенный мне кусок благ. Еще некоторое время продержусь. А там надо полумать о новом месте, где я спокойно смогу дожить оставшуюся жизнь. Свои сто тридцать рублей я как-нибудь заработаю. А к этой сумме я привыкла и не рассчитываю когда-нибудь превысить ее.

Что такое сто тридцать рублей? Во-первых, долой налоги, взносы и всякие мелкие поборы (кому на юбилейный подарок, кому на похороны и т. п.). Остается сто десять. Долой плату за квартирные услуги и транспорт. Остается меньше ста. С едой я укладываюсь в пятьдесят. Хозяйственные и случайные траты (гости, например, а это — бутылка вина, сыр, колбаса, конфеты) — двадцать пять, остается двадцать пять. В год это триста рублей. Это — на туалеты, культуру (кино, музеи, театры, книги) и отдых. Сапоги стоят за сто. Колготки рвутся каждую неделю... Приличные духи... Лучше не говорить обо всем этом. В общем, выкручиваюсь. А большинство женщин даже этого не имеет. Мой уровень даже считается выше среднего. Я свою «шубу» седьмой год ношу, а белье... Бывший говорил, что он «охладел» ко мне главным образом из-за моих туалетов. Врет, конечно. Но доля истины в этом есть. Искусствовед, например, могла бы выглядеть интересной женщиной и выйти замуж, но в том виде, как она одевается (а у нее зарплата восемьдесят!), на нее не обращают внимания даже пьяницы. Когда я сказала Йогу, что у нее прекрасная фигура,

он рассмеялся. Я, извиняюсь, сказал он, в баню с ней не ходил, а в этих лапсердаках, извиняюсь, она напоминает мне Бабу Ягу перед выходом на пенсию. Многие молодые и красивые женщины улучшают свой бюджет за счет подачек любовников. Но это тоже не так часто. Любовники сами пошли нищие. Или, чаще, паразиты, лишь бы урвать задарма. В большинстве случаев они «оплачивают» любовниц за счет учреждения. Но и тут на многое рассчитывать не приходится. Повышение зарплаты на пять—десять рублей, премия, выгодная поездка. Я интересовалась этим (меня считали любовницей Шефа, хотя это была неправда). В среднем таким путем даже любовница директора «получала» не более двухсот рублей в год. Говорят, на высших уровнях таким путем «зарабатывают» побольше. Но я думаю, сильно преувеличивают. Любовные связи дают возможность предприимчивому человеку пробиться выше и быстрее к более сытной жизни, но сами по себе они такую жизнь еще не гарантируют. Мои друзья, не верившие мне, что я не имею никаких связей такого рода с Шефом, говорили мне, что я дура, что они на моем месте давно защитили бы диссертацию.

Остается замужество. Что это такое, я насмотрелась достаточно. Сама попробовала. Семья Инженера — в некотором роде типична на этот счет. Конечно, семья есть семья. Дом. Ребенок. Но семейная идиллия недолговечна и стоит титанических усилий. Приличные семьи, не оскорбляющие личное достоинство и дающие удовлетворение, можно перечесать на пальцах. Одним словом, куда ни кинь, всюду клин. Выход один: пробиваться в высшие слои общества, а это — определенным образом построенная (и потерянная для таких людей, как я) жизнь. Или родиться в тех самых высших слоях, что удастся далеко не всякому. Как говорил Кандидат, жизнь надо начинать уже с достаточно высокого уровня. Он начал с достаточно высокого для такой шпаны, как мы, — с генерала. Но теперь генералов развелось много, они сами разделяются на «вшивых» и успевающих. Он, увы, начал со «вшивого». Но это все же терпимо. В двадцать шесть лет он кандидат наук. Эта комната у него — «для работы». Вот получит гонорар, отец подкинет немного, устроят ему хорошую квартиру в кооперативе и т. д. Почему он не живет с родителями? Это банально. Тесно. Сестра вышла замуж.

Ребенок. Зять проходимец. В общем, на семейном совете решили... Как ему устроили эту комнату? Это пустяк. Райком партии, райсовет, жилищный отдел... Это еще что! У них один парень за три года трехкомнатную квартиру урвал, начав с нуля. Но он — гений в этих делах. Этот далеко пойдет!

РАЗГОВОРЫ «ЗА ЖИЗНЬ»

Жильцы квартиры все вместе собираются очень редко. Йог где-то пропадает неделями. Стерва утверждает, что в вырезвителях и в тюрьме (за хулиганство). И вообще, таких надо выселять, им не место в нашем обществе. Кандидат тоже появляется редко, «для работы». Но у него папа генерал, и сам — «крупный ученый», и Стерва имеет виды на него (Штучка кончает школу, надо пристраивать). И потому таких выселять не надо, им — место в нашем обществе. Инженер пропадает на работе (он там парторг помимо всего прочего). Пенсионер редко вылезает из своей «прекрасной и светлой» комнаты, он пишет мемуары. Помню, как сейчас, было это в тысяча девятьсот семнадцатом... пародирует Йог сочинение Пенсионера, или, скорее, в восемнадцатом... Дочь, погляди по энциклопедическому справочнику, когда началась Февральская... Нет, Октябрьская... или, скорее, Ноябрьская... революция?! Так вот, как сейчас помню, началась... эта самая... революция. Я пошел в Смольный... Боюсь, что пародии Йога недалеко от истины.

С одной такой пародии начался спор о революции и о сущности нашего общества. Пенсионер поносил молодежь, болтал о светлых идеалах, о героизме, об отклонениях, уклонениях, нарушениях и т. п. Его поддерживали Искусствовед и Стерва. Йог кричал, что их, кто устроил эту заварушку (он имел в виду революцию), судить надо. Кандидат подливал масла в огонь. Инженер призывал к спокойствию и осторожности в выражениях. Мы со Штучкой стояли обнявшись и укрывшись шалью (было довольно прохладно) и симпатизировали явно Йогу и Кандидату. Стерва обвиняла нас в исторической безграмотности, в игнорировании очевидных фактов, Пенсионер бормотал, что он все сам видел своими глазами. Йог завел речь о репрессиях. Пенсионер сказал, что сам пере-

жил это, это надо правильно понять. Стерва сказала, что это — выдумка диссидентов. Кандидат спросил, а как в том случае быть с речью Хрущева. Стерва сказала, что и скинули за это. И правильно сделали. Кандидат сказал, что одно дело — причины революции, ее ход, движущие силы, а другое дело — что из этого получилось, кто пользуется благами этого общества, кто тут страдает, а кто процветает. Как это ни странно на первый взгляд, но именно исторический подход к нашему обществу исключает возможность его правильного понимания.

ЛАГЕРИ

Население нашей квартиры постоянно распадается на два враждующих лагеря. На какие именно, зависит от обстоятельств. Если к Кандидату заходят его шумные подружки или тихие «аспирантки», в один лагерь объединяются семейства Инженера и Пенсионера, в другой — все остальные. Даже Штучка покидает меня, ибо ревнует Кандидата ко всем его «отвратным» (как она считает) девицам. Если же в квартиру заявляется орава соучеников Штучки, Пенсионер с Искусствоведом сколачивают свой блок, вовлекая в него Йога и временами меня. Мне компания Штучки не нравится. Мальчишки довольно глупые и циничные. Поют плохо. Говорят о пустяках (о тряпках, транзисторах, выпивке). Но потом мне становится почему-то жаль ребят, и в лагере Пенсионера, который хотел бы завлечь молодежь в лоно революционной романтики прошлого, я играю скорее роль соглашателя. Ходила я недавно со Штучкой в кино, смотрели фильм о Гражданской войне. Мне было скучно, хотя фильм был сделан на совесть со всех точек зрения. И Штучке тоже было скучно. Вранье все это, сказала она. Не надо так, девочка, сказала я. Тут другое — просто то время ушло. Мне стало грустно. И я тут же придумала такой экспромт:

А кони те все-таки сдохли.
Клинки те давно поржавели.
И песни, которые пели,
Давно в нашем сердце заглохли.

Бойцы те на вечном покое.
Горящее слово — остыло.
И мы уж не верим, что было
Когда-то на свете такое.

Наши квартирные склоки далеко не всегда поверхностны и безобидны. Стерва убеждена, что Йога надо выселить из квартиры как тунеядца. В жилищном отделе ей намекнули, что, если Йога выселят, комната достанется Инженеру. Но для этого нужны достаточно серьезные основания. Вот если Йог связан с предосудительными организациями и занят враждебной деятельностью, тогда... Тогда Стерва мечтает переселить меня в комнату Йога, мою соединить с их комнатой, заделав дверь в коридор, и обменять свои две комнаты на двухкомнатную квартиру. Она уже присматривает подходящий вариант. С этой точки зрения в один лагерь попадает семейство Инженера и Пенсионера, в другой — я и Йог, а Кандидат остается нейтральным.

КАНДИДАТ

Искусствовед забыла ночной горшок Пенсионера в ванной. Стерва выбросила его на кухню. Кандидат (он как раз делал кофе для очередной «аспирантки») поднял горшок, осмотрел его. Обратите внимание, сказал он, насколько наше общество целомудренно. Этот горшок официально называется «ночная ваза». Сходите как-нибудь в городской суд, когда там рассматриваются дела об изнасиловании или о половых извращениях. Живот надорвете от хохота. Нет, не от самих фактов. Это — кошмар. А от того, в какой словесной форме это у нас протекает. Пострадавший, спрашивает судья, например, расскажите, что с вами делал обвиняемый. Как что, говорит пострадавший. Он надругался надо мною. Как именно? — настаивает судья. Посредством использования того, на чем мы сидим, говорит пострадавший. Кто это «мы»? — спрашивает судья. Как кто, говорит пострадавший. Ясно, вы, я и все другие. А я при чем? — спрашивает судья. И потом, говорите точнее, на чем мы сидим. Я, например, сижу на стуле... И так далее в том же духе, присутствующие хохочут. Судья наслаждается.

Кандидат — любопытный экземпляр человеческой природы. Очень даже неглуп. Знает два иностранных языка. Начитан. Воспитан. Но — абсолютно циничен. То, что он сочиняет, сплошное дерьмо. И он сам это признает со спокойной совестью. Становиться мучеником науки, говорит он, я не хочу. К тому же у нас все равно за счет настоящей науки не пробьешься. А халтура дает мне средства, авторитет в среде коллег (я им не опасен, я — свой), надежную перспективу. Мне ведь не так уж много нужно. Комфорт. Приятное общество. Хочу по загранице поездить, посмотреть, что к чему. А там видно будет. Может быть, за ум возьмусь. Раньше молодые люди из знатных семей в гусарах служили. Вот считайте, что я пока служу в гусарах.

ЙОГ

Приглядитесь, как мы живем, говорит Йог. Мерзость! Мы привыкли и не замечаем многое. А если подробно описать хотя бы один день нашей жизни и потом беспристрастно оценить это, мы бы сами не поверили, что это было на самом деле. Мне кажется, вы много пьете, говорю я. Вы же способный парень, возьмите себя в руки. Вы еще можете многого добиться. Чего, например? — спрашивает он. К тому же пьянство — это не самое плохое, что делают люди. В нашей компании, по крайней мере, начисто отсутствуют все те проблемы, из-за которых люди бесятся. Хотите, я вас познакомлю с моими собутыльниками? Среди них есть интереснейшие люди. Нет, я не идеализирую. Все мы — дерьмо, это ясно. Но вам было бы небезынтересно. Зачем? Просто так. Людям, знаете ли, бывает приятно, когда к ним проявляют интерес. Не КГБ и не милиция, конечно, а порядочные люди. А что на вас так взъелась Стерва? — спрашиваю я. Дура потому что, говорит он. Она надеется мою комнату заполучить. А кто ей даст? У них жилья больше минимальной нормы, таких теперь даже на учет не ставят. А если со мной что случится, в жилотделе найдут, кого сюда пристроить. Они даром такие куски не упускают. Но все-таки будьте поосторожнее, говорю я. Жаль будет, ни за что пропадете. Кстати, давайте-ка я постираю вам и комнату помою. Мне все равно делать

нечего. Бесконечно вам признателен, говорит он, но не могу позволить себе воспользоваться вашей помощью по очень простой причине: стирать у меня нечего, а в комнату посторонних пускать стыдно. Я сначала сам разгребу грязь, а уж потом...

ИСКУССТВОВЕД

Искусствовед выходит на кухню крайне редко. Она устроила в комнате свою отдельную кухню. Пользуется кухней только тогда, когда требуется огонь и вода. Мне ее нестерпимо жалко, хотя она человек не очень приятный. После ареста отца вскоре умерла ее мать. Воспитывали ее дальние родственники, от которых она сбежала, как только кончила школу (поступила чудом в университет). Отец вышел из заключения больным. С тех пор вся ее жизнь была отдана ему. А он никаких уроков из своего печального опыта не извлек (как он там жил, чем занимался?). Сразу же засел за написание «подлинной» истории Партии. О его затее узнали компетентные органы. Его вызывали, предложили все собранные бумажки сдать, сказали, что история Партии — не его ума дело, пусть лучше пишет мемуары, они помогут потом напечатать. Спорить он не стал, ибо был напуган насовсем. После этого к служебным обязанностям Искусствоведа прибавилась работа по перепечатке сочинений Пенсионера, по редактированию их, по подбору ему литературы и т. д. Эта работа ее увлекла, судя по всему, и ни о чем другом она уже не помышляла. На нас на всех она смотрела свысока. Особенно она презирала Йога, главным образом за то (как рассказывал мне сам Йог), что однажды он в нетрезвом виде попытался ее соблазнить, она отвергла его притязания, а он не повторил попытку, на которую она надеялась.

РАССКАЗ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Если бы можно было точно установить, как девочки и мальчики теряют невинность, сказкам о первой любви пришел бы конец. Насколько мне известно, сре-

ди моих знакомых не было ни одного случая, похожего на литературно известные образцы первой любви. Случаи любви я наблюдала, но скорее у взрослых и даже пожилых, выдавших виды людей, а не у молодежи. Когда-то я сочинила сказ на эту тему, который тогда отказались напечатать, а теперь не включили в собрание сказов моей Сказительницы. Я вспомнила о нем, когда ко мне однажды зашла Штучка, села на кровать и сказала совершенно спокойно, что она беременна, что надо как-то выкручиваться, что надо уложиться в один день, в крайнем случае — в два, а то в школе догадаются, с характеристикой будет скверно. Я сказала, что аборт очень вреден для здоровья, а в таких условиях может иметь тяжелые последствия, что, может быть, лучше выйти замуж и перейти в школу рабочей молодежи. Она сказала, что замуж за виновника не пойдет, так как он — законченный подонок, что он ей гарантировал безопасность и потому обучил ее всяким гадостям (тьфу!). Она бы пошла замуж за Кандидата, но тот ее не возьмет. Йог не в счет, он вовсе не мужчина. В общем, как быть? Нет ли у меня связей по этой части? Я сказала, что связей такого рода у меня нет, но я попытаюсь разузнать у знакомых. Вроде бы для себя. И все же я посоветовала ей рассказать родителям, ибо дело серьезное, всякое может случиться. Она устроила истерику, сказала, что лучше удавиться. Я сказала, что на это потребуются большие деньги, которых у меня нет, так что без родителей не обойтись. Она пообещала обдумать эту проблему, взяла с меня слово не говорить родителям. Ничего себе история, подумала я, когда Штучка ушла. Не хватает только быть запутанной в чужие сомнительные хлопоты. При чем тут я? Или я действительно в чем-то виновата, дав повод для нашей близости? Жаль, конечно, девчонку. Как-то помочь ей надо. Ребенок — это хорошо для кино и литературы, а не для жизни. В жизни это — слишком дорогое удовольствие. С родителями надо бы поговорить. Но как? Инженер — круглый дурак, к тому же тряпка. А Стерва угробит девчонку, взбаламутит всю округу. А между тем именно в такую трудную минуту очень нужны понимающие и тактичные родители, чтобы не дать цинизму перейти в устойчивое мировоззрение. А где их взять, таких родителей?

Почему-то я решила осторожно поговорить с Кандидатом. В комнате у него был порядочный беспорядок. На виду торчали огромные гантели — первое, на что я обратила внимание. Ого, сказала я, да вы никак спортсмен? Ерунда, сказал он. Присаживайтесь вот здесь. Извините за беспорядок, не ожидал гостей. Это вы насчет гантелей? Теперь модно заниматься упражнениями, улучшающими фигуру и развивающими способности к самозащите. А то бандитов много развелось. Но у меня почему-то ничего не получается. Хотел мускулы набить на руках, а вместо этого начал увеличиваться зад. Почему бы это, как вы думаете? Зад у людей увеличивается и без гантелей, сказала я. Очевидно, это — знамение времени. Слишком много люди стали заниматься интеллектуальным трудом. Мой шеф, например, носит брюки пятьдесят шестого размера, а головной убор — пятьдесят четвертого. Интересное наблюдение, сказал он. Так в чем дело? Без дела вы бы не зашли. Дело у меня очень деликатное, сказала я. Среди ваших знакомых много женщин... Меня интересует... Как бы выразиться?... Говорите прямо, сказал он, мы же не младенцы. Аборт? Кому? Штучке, надо полагать? Наверняка ей. Из-за себя вы бы не пришли. А эта Штучка очень скользкая, имейте в виду. Она меня пыталась обработать. Но у меня на этот счет строгие принципы: ни в коем случае не иметь амурных дел по месту работы и жительства. Знаете, я бы на вашем месте не стал ввязываться в эту историю. Запутают. И вас же потом оплюют за вашу доброту. С людьми теперь вообще надо ухо держать востро. Нынешний человек на все способен. И хороший в том числе, между прочим. Извините за нравоучения, это я из величайшего уважения к вам. А что касается... Я дам вам один телефончик. Но прошу вас, никаких ссылок на меня. Сумеете договориться, считайте удачей. Не сумеете (вас могут принять за провокатора из...), ничем другим помочь не могу. А вообще зря вы хлопочете. Пусть бы сами выкарабкались... Хотите чаю? Или кофе? А может быть, вина?... Что же, рад был вас видеть у себя. Заходите и так, без дела. А то сколько времени живем в одной квартире, а видимся только на кухне да по пути в туалет.

СИСТЕМА ПОШЛОСТИ

Во время одного из моих путешествий за памятниками народного творчества познакомилась я с одним парнем — с математиком по профессии (он преподавал в техникуме), пьяницей, любителем поговорить «за жизнь». До этого знакомства я не приглядывалась особенно внимательно к местной жизни. Убожество, пьянство, грубость и все такое прочее было очевидно, никто (в том числе и я) не принимал это близко к сердцу. К этому ко всему привыкли, как к неизбежной унылой осени, грязной весне, холодной зиме и сухому пыльному лету. Местная интеллигенция (правда, это слово потеряло смысл, ибо чуть не половина взрослого населения тут есть интеллигенция в старом смысле этого слова, так что лучше говорить о местных интеллектуалах) принимала меня приветливо. Во-первых, я хотя и грошовая, но птичка из Столицы, и они передо мной старались; во-вторых, встречи со мной давали им повод устроить нечто вроде праздника для себя и поиграть друг перед другом. С другой стороны, я тут сама была временно, как на празднике, и потому стремилась в людях видеть хорошее, — я не вступала с людьми в жизненно важные повседневные отношения. Разговор с Математиком отрезвил меня. Он окончил университет, мог остаться в аспирантуре, но проявил сознательность, согласился поехать сюда. Собирался улучшить систему математического образования. Но все впустую. Все, имеющие дело с преподаванием математики здесь, оказывается, связаны в группу, не допускающую никаких нововведений. У них тесные связи с начальством всякого рода. На все его попытки (даже самые невинные) изменить что-то они ответили такой бешеной травлей, что... В общем, его обвинили в невежестве, в неспособности к преподаванию и в конце концов — в политической неблагонадежности. За каждым его шагом следили, создавали комиссии, настраивали против него студентов. В чем дело? А в том, что они кое-что имеют от своего положения и содружества. Рвут по мелочам, но в целом терпимо устраиваются. Чтобы его реформы приобрели смысл, надо менять многое — отбор студентов, всю систему образования. А это — безнадежное дело. Они охотно болтают о новых открытиях и новой методике обучения, но на

деле делают все, чтобы сохранить статус-кво. Чтобы тут нормально жить и работать, надо полностью принять их образ жизни и погрузиться в их среду без остатка. А это для него — кошмар. И не столько из-за того, что пришлось бы отказаться от честолюбивых намерений (от них все равно пришлось отказаться и без этого), сколько из-за атмосферы серости и пошлости, царящей в этой среде. Именно пошлости. Вы, сказал он мне, даже представить себе не можете, как они ведут себя, когда бывают в «домашней» обстановке, среди «своих». Для них тогда нет ничего святого. У них выработана целая система опошления всего и вся. Причем это неуловимые с точки зрения посторонних и вроде бы малозначащие пустяки — особый взгляд, пожимание плечами, словечко, брошенное вскользь, сплетня, слух и т. п. Но в совокупности и в поразительном постоянстве действуют сокрушительно. Смысл всего этого один — унавозить человека, низвести до своего пошлого уровня, адекватного условиям их существования. Основной их принцип — все мы (заметьте, мы) г...о, и вообще все и все г...о. Поверьте, если кто-то и вносит в это царство пошлости кусочек возвышенности и просветленности, так это — официальная жизнь. Да, да! Комсомольские и партийные собрания, общественная работа, субботники, коллективные поездки. В Столице все-таки есть отдушины. Люди встречаются интересные. Можно создать микрообщество с системой ценностей более высокой, чем официальная и пошло-бытовая.

Я встречалась с Математиком несколько раз. После этого я начала понемногу приглядываться к людям именно с этой точки зрения — с точки зрения действия всеобщей (теперь я убеждена в том, что она всеобща) системы опошления. И я ни разу не встретила значительного исключения из нее. И я пришла к печальному выводу. В силу наших условий социального существования в нас развивается особый защитный механизм, механизм самосохранения. Назначение этого механизма — внушить людям, что мы вполне соответствуем тем условиям, в каких мы живем и какие порожаем сами, поскольку все мы г...о. И рыпаться нам бессмысленно. И всякий, кто пытается изобразить у себя крылья, выглядит в нашем обществе смешным, ненавистным, лицемерным, себе на уме и т. д. Пред-

ставьте себе, говорил мне Математик, они создали обо мне мнение (ко всему прочему) как о карьеристе!

Я сказала Математику, что у нас, помимо официальной системы давления на человека, существует самодетельный механизм опошления, понижающий человека до общего примитивного уровня. Он рассмеялся. Чувствуется, что вы — женщина, сказал он. А разве это и так не заметно? — сказала я. Я не об этом, сказал он. Вы стали жертвой исторической иллюзии. Растворите все то святое и возвышенное, что нам известно из истории, во всей массе населения и растяните это на много столетий. И вы не уловите там это святое даже с помощью современных приборов. Наше время, должен я вам сказать, еще ничего. Оно, пожалуй, самое возвышенное и святое. И по этой части у нас не хуже, чем на Западе. Вы бывали на Западе? Только рассказы очевидцев и радио? И вы им верите?

КОНЕЦ ИСТОРИИ С ШТУЧКОЙ

С тем телефоном ничего не вышло. Я начала щупать своих знакомых, но без особого успеха. И пока я рассказывалась, Штучка ухитрилась выкрутиться сама. Через несколько дней она как ни в чем не бывало трещала на кухне, попивала вино с мальчиками, когда родителей не было дома, пела песенки. Она сделала попытку заводить со мной доверительные разговоры, как одна опытная женщина с другой. Но я пресекла это. Я ей сказала, что я по этой части — лапоть, а говорить на эти темы мне неприятно. И что я вообще смотрю на это с некоторой долей святости, тайны и целомудрия. Она рассмеялась, рассказала пошлый анекдот о невинной девице, переспавшей до этого (до того, как она стала девицей) с ротой солдат. Наши отношения охладели. И слава Богу.

КОНЕЦ ЙОГА

За хулиганство в пьяном виде Йога осудили на пятнадцать суток. Какое хулиганство? Я в это не поверила. Йог очень добрый и мягкий человек. На работе его защищать не стали и скоро вообще уволили... за прогул

(это там, где подавляющее большинство сотрудников хронически бездельничает!). Стерва сразу стала носить-ся с письмом в милицию с требованием выселить Йога из квартиры, поскольку он устраивает систематические пьяные дебоши. Пенсионер и Искусствовед подписали письмо. Кандидат уклонился. Я со своей стороны написала контрписьмо, попросила Кандидата подписаться, но он отказался. С Пенсионером и Искусствоведом я перестала здороваться (не говоря уж о семье Инженера, за исключением Штучки — иногда мы с ней перекидываемся парой слов). На работу Йогу устроиться на сей раз не удалось. Его вызвали на административную комиссию, которая занимается принудительным трудоустройством. Он напился в тот день и на комиссию не явился. И по суду его выселили из Столицы куда-то очень далеко. Но комнату Инженеру не отдали. Вселили молодого парня, племянника (как выяснилось потом) начальника милиции. Этот оказался пьянчугой похлеще Йога, но, в отличие от Йога, хамил всем подряд, кроме Кандидата. Тот дал ему по морде, когда он ругнул его неприлично, и предупредил, что, если это повторится, он изорвет его в клочки и спустит в унитаз или мусоропровод. Племянник был напуган не столько пощечиной (он видывал и кое-что похуже), сколько угрозой унитаза. Кандидат смеялся, говорил, что это доказывает преимущество высокой культуры. Стерва сникла и притихла, начала лебезить передо мной. Но я была неумолима. Искусствовед переживала историю, пыталась оправдываться, даже признала вину. Вот так, мы сами несчастны и стремимся сделать всех окружающих несчастными, а потом на минутку раскисаемся, когда обнаруживается бесполезность для нас наших подлостей. Надолго ли?

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Хотя наступило затишье, я постоянно чувствовала, что что-то липкое и паутинное происходит... как бы это выразиться?... за моей спиной, что ли. Или под ногами, вокруг меня... Не пойму, где именно. И что именно. Однажды у меня собралась небольшая компания. Мы мирно беседовали. Вдруг появился милиционер. Потребовал предъявить документы. Переписал фамилии гостей к

себе в книжечку. Предупредил, что шуметь и оставаться ночевать нельзя. Я возмущилась: на каком основании? Он сказал, что поступили сигналы. Настроение было испорчено. Знакомые скоро разошлись по домам.

Кандидат сказал, что сейчас надо быть очень осторожным. Обстановка сложная. За диссидентов взялись как следует. Тех, кто на виду, особенно не тронешь. Шум будет. Потому отыгрываются на неизвестных. Вот у них... Но какое мне-то до этого дело, сказала я. Я не диссидент. И никакого отношения ни к какой оппозиции не имею. Я вполне лояльная гражданка. Этого теперь мало, сказал он. Вы пассивны, а это — особая форма поддержки диссидентства. Скрытое и потенциальное диссидентство. Есть решение осуществить профилактические мероприятия. Предупредить возможность появления нового диссидентства. Со старым практически покончено. Так что будет проводиться (уже проводится) чистка учреждений от сомнительных элементов.

Беседа эта встревожила меня. Я и на работе почувствовала, что отношение ко мне стало настороженным. Шеф предложил мне помощницу и попросил передать все материалы по второму тому ей (первый том я уже подготовила).

РАЗВЯЗКА

Получила повестку к следователю. Показала Кандидату. Он пожал плечами. У меня такое впечатление, кивнул он на комнату Инженера, что она написала на вас крупный донос. Я слышал как-то разговорчики насчет сборищ и антисоветских заявлений... Думаю, что имелись в виду ваши знакомые... Она намекала на письмо совместное... Но я не придавал значения. У меня, знаете ли, сейчас свои сложные проблемы. Кооператив. Эту комнату я терять не хочу. Она недешево обошлась. Так что сами понимаете.

Следователь больше часа читал мне мораль о ситуации, о долге и т. д. Потом начал меня потихоньку толкать к признанию моего участия в какой-то группе, занимавшейся распространением антисоветской литературы и клеветнических измышлений. Он сулил мне

златые горы, обещал безнаказанность, угрожал, шантажировал и т. д. Шесть часов длилась эта подлая процедура. В заключение он сказал, что вызовет снова. Я отказалась подписать протокол и заявила, что добровольно на допрос больше не явлюсь, что я протестую против этих методов, осужденных, насколько мне известно, на... не помню точно, на каком именно... съезде Партии, что я предаю все это гласности... Еще час меня продержали там. Зачем, не знаю. Наконец, отпустили.

А вечером пришли Они...

Я устала. Я хочу уснуть. Нет, лучше умереть. И прошу вас, не надо меня больше воскрешать.

Часть шестая

ИСПОВЕДЬ САМОСОЖЖЕНЦА

Началось это в конце войны. Я был уже майором и командовал полком. Разумеется, был членом партии. Имел с десяток орденов. Готовился в ближайшее время стать подполковником. Был представлен к званию Героя. Большинство орденов я получил ни за что. К званию Героя был отобран тщательнейшим образом: пролетарское происхождение, прошел путь от командира взвода до командира полка, три ранения, десять орденов, член партии... Но совесть моя была чиста. На войне я с самого начала. Три раза ранен, один раз — тяжело. Дважды выводил людей из окружения. Меня ничуть не беспокоило, что я не получал никаких наград за свои фактические подвиги со смертельным риском, зато получал награды бог знает за что потом. Причем чем выше я поднимался по служебной лестнице и чем безопаснее становилось мое положение, тем крупнее становились положенные (!!!) мне награды. И вот теперь мне присвоят Героя, ибо я подхожу для этого по всем показателям.

Жил я тогда — лучше не придумаешь. Отличная еда. Каждый день выпивка. Чистое белье. Почет. Власть. Повседневный спектакль, в котором я играл заметную роль. Молод. Здоров. Самоуверен. Любовницы по выбору и в изобилии. В перспективе блистательное окончание войны, еще куча наград, повышения, академия Генерального штаба, чин генерала впереди, крупные посты. Я об этом даже не мечтал, ибо это было очевидно всем и не вызывало сомнений. Обо мне писали в газетах. Сейчас мне страшно подумать, как я мог допустить себя до такой жизни.

Однажды я возвращался из штаба дивизии. Около железнодорожной станции пришлось задержаться — дорогу перегородила странная колонна. Я вылез посмотреть. Молодые здоровые парни в полушубках и валенках, с автоматами и собаками конвоировали... полураздетых женщин! Среди конвоируемых были совсем молоденькие девушки, дети. Что это такое? — спросил я у одного из конвоиров. Немецкие подстилки, ответил он, венерические. Колонну гнали к эшелону из товарных вагонов, опутанных колючей проволокой. Станция была оцеплена солдатами. Больше часу двигалась колонна. А я стоял и стоял окаменев. Колонна уже прошла. Дорога освободилась, а я все не мог сдвинуться с места. Адьютант несколько раз напоминал мне, что пора. Наконец, я очнулся. Как же так, пробормотал я, ведь они же наши люди, они же не по своей вине. Стоит ли волноваться, сказал адъютант. Потаскухи, туда им и дорога! Шофер пробурчал что-то вроде «мы воюем, а они...». И я вдруг почувствовал себя совершенно одиноким. Не могу объяснить, почему именно ощущение одиночества овладело мною. Но я точно помню, что это было действительно так.

Прибыв в полк, я первым делом написал письмо об увиденном мною Самому, не как Верховному Главнокомандующему, а как Вождю Партии. Замполиту и начальнику Особого отдела стало, конечно, известно об этом. Очевидно, от ординарца, адъютанта или от последней моей наложницы, которые все были (само собой разумеется) осведомителями. Они пытались отговорить меня от этого шага. Но я стоял на своем. Скоро, придравшись к какому-то пустяку, меня сняли с полка, похерили представление к Герою, задержали присвоение звания подполковника. Странно, я ничуть не переживал из-за этого. Наоборот, я почувствовал облегчение. Войну я завоевал командиром батальона. Довольно вяло. Безо всякого энтузиазма. И в первый же демобилизационный поток был уволен из армии. И только тут я вспомнил, что за всю войну почти ничем не помог своим родителям и младшим братьям и сестрам. И мне стало нестерпимо стыдно. Мерзавец, говорил я себе, ты жрал, пьянствовал, валандался с бабами, а самые близкие твои люди голодали и мерзли, и ты не послал им ни копейки. А ведь мог послать, и немало! И я решил все нако-

пившиеся на полевой книжке деньги отдать матери. Но, увы, благими намерениями вымощена дорога в ад. Инерция прошлой жизни еще владела мною. Поворот к моему новому «я» еще только начинался. И почти все эти денежки я потом пропил с такими же демобилизованными горемыками, как я.

Я ждал, что меня посадят. Но меня не посадили. Учили боевые заслуги. Даже из партии не исключили. Да и письмо-то было написано в таком холуйском тоне, что... Впрочем, оно было написано. Сам факт его написания неоспоримо свидетельствовал о том, что во мне завелась червоточинка, как тогда выразился мой замполит.

Годы после демобилизации были самыми трудными в моей жизни. Я разгружал вагоны с картошкой и дровами, спекулировал хлебными карточками, копал землю, был инженером в артели инвалидов и даже учителем в школе. Сначала — физкультура и военное дело. Потом обнаглел и взялся за логику и психологию. Впрочем, последнее было легче всего, так как это была сплошная галиматья, которую никто не принимал всерьез. Но мой вклад в семейный бюджет был все равно ничтожен, так как большую часть моих доходов мне приходилось пропивать. Почему? Очень просто. Разгружали мы, например, картошку. Работодатель вместо одного вагона записывал три. Значит, часть денег ему. Потом его надо было поить. Бригадир требовал того же, иначе не попадешь в бригаду. Так что хочешь не хочешь, а пей. К тому же всеобщее состояние в это время было такое, что пьянство было единственным выходом из положения. В школу я пошел работать отчасти для того, чтобы избавиться от этого кошмара и взяться за ум. Устроил меня старый знакомый, бывший фронтовик, работавший тогда директором школы. Но и тут я попал в болото вранья, подлогов, блага. Только более хитрое и утонченное. Что вытворял мой знакомый, стыдно вспомнить, и меня он взял сначала в помощники, а потом начал дело клонить к тому, чтобы спрятаться за мою спину. Мне случайно повезло. Прибыла какая-то комиссия из министерства, и меня отчислили из школы. Разоблачения, которые произошли там потом, меня уже не коснулись. Наконец, я устроился старшим инженером (!) в артель, делающую замки для чемоданов и дамских сумочек. Артель мизерная. Но вскоре я убедился, что у нее есть вторая, весьма

серьезная жизнь. Некоторое время я сопротивлялся. Но незаметно втянулся. Женился и зажил как все. Но счастье было недолговечно. Жена уже через несколько месяцев наставила мне рога. Ребенка иметь не захотела. Мы, конечно, развелись. Я опять вернулся к родителям, в тесную комнатку (четырнадцать квадратных метров), где без меня жило восемь (!) человек. Из артели я ушел. Руководство артели через полгода засудили. Меня оставили в покое: спас мой иконостас из орденов. В это время я встретил своего бывшего замполита (по батальону). Он уговорил меня поступить в университет. Поступил без всякого труда, так как отметки мне поставили, даже не спрашивая.

Начинались занятия в университете. С меня слетел весь мой прежний житейский опыт. Я снова стал мальчишкой в нелепом костюме довоенного фасона. Мой бывший «комиссар» пришел на занятия в форме, со всеми регалиями. Впрочем, так сделали почти все бывшие вояки. Меня приняли за десятиклассника, который «пробился» в университет сразу со школьной скамьи. И я был этому рад. Когда узнали, кто я был, все удивлялись, почему я это скрываю. Я сказал, что я не скрываю, всего лишь не афиширую. Но меня все равно зачислили в чудаки. Комиссар стал секретарем бюро курса, затем его выбрали в партбюро факультета. Говорят, что хотели выдвинуть и меня, но комиссар дал кое-какие разъяснения о моем прошлом.

С первой же лекции мне стало скучно. Через месяц я не вытерпел и закатил криминальную речь. Историю хотели замять, но ничего не вышло. Комиссар решил, что время мальчишеских шуток кончилось, и сделал открытый (и, надо полагать, закрытый тоже) донос. И за этот пустяк я получил десять лет. Как я прожил эти годы, не стоит говорить. Это было подробно описано даже в нашей литературе. Я не могу добавить ни одной новой строчки. Да и дело не в том. Поскольку началась либеральная эпоха, меня без особых затруднений восстановили в университете. Правда, уже на другой факультет, подальше от идеологии, поскольку я не хотел восстанавливаться в партии. Комиссар за это время вырос, защитил диссертацию, стал секретарем парткома университета, а затем скакнул сразу в аппарат ВСП на серьезную должность. Мне

передали, что он готов меня принять, побеседовать и даже оказать помощь. Но я на это просто никак не отреагировал. За эти годы я выработал в себе способность относиться к происходящему вокруг меня (в том числе — к людям типа Комиссара) как к неодушевленной природе.

Пять лет учебы в университете пролетели ужасающе быстро. Любопытно, что я не чувствовал своего возраста и прошлой жизни. Ничего существенного за эти годы в моей жизни не произошло. Потом я устроился в заурядный научно-исследовательский институт младшим сотрудником. Твердо сказал себе, что на этом моя научная и всякая иная карьера заканчивается. И решил потихоньку дожить оставшуюся часть жизни, не претендуя ни на что, кроме одного: не делать людям зла. Но реализовать этот замысел мне не удалось даже в течение года. Я, сам того не ведая, оказался причастным к одному из самых гнусных зол нашего времени.

Наша лаборатория занималась исследованием высшей нервной деятельности животных. Номинально заведовал ею известный старый ученый (Старый), но фактически руководителем и душой исследований был молодой и чудовищно одаренный (как говорили о нем в кулуарах) парень лет на двадцать моложе меня (Молодой). Все понимали, что из себя представляет Старый. Если собрать все его двадцать книжек и двести статей, говорили молодые (и, естественно, талантливые) сотрудники, и основательно отжать их, то останется на маленькую серенькую статеечку для популярного журнала. Я тоже сначала разделял это мнение. Потом начал возражать из духа противоречия. Старый был хороший, добрый человек, терпимый, заботливый, совсем не тщеславный, работать никому не мешал. Я перечитал все его работы. Однажды, когда возник очередной треп на эту тему, я сказал примерно следующее. Мы несправедливы к Старому. Мы просто не учитываем того поворота в жизни и в мозгах людей, который произошел в последнее время. Старый сложился в ученого и добился крупных результатов (не зря же он имеет мировую известность!) в то минувшее время, когда наша наука имела гуманистическую ориентацию. Или, скажем, психологическую. А кто мы теперь? Боюсь, что мы не столько физиологи (я уже не говорю о психологии), сколько химики и фи-

зики, упражняющиеся на материале физиологии. Но назовите мне хотя бы один общий вывод из наших ультрасовременных экспериментов, который не содержался бы в работах Старого в виде идеи, очевидной истины или гипотезы!

Сослуживцы, пресмыкающиеся перед Молодым (Старого, очевидно, скоро на пенсию выгонят), возненавидели меня за такие речи. Бог мой, что они только не выдумывали обо мне! Даже провокации и подлоги устраивали, чтобы подвести под увольнение. Странно, Старый меня совсем не защищал, хотя до него доходили слухи о моей позиции, я это знаю. Скорее наоборот. Он боялся, что его обвинят в поддержке «подхалима». А он был довольно трусоват, этого у него не отнимешь. Спасло меня мое «героическое» прошлое и то, что я был добросовестным работником. Сам Молодой не раз признавал, что он полностью доверяет только тому, что делаю я. А прочих он открыто ругал халтурщиками и жуликами. Они в ответ подобострастно хихикали. А между собою говорили, что Молодой — хам, но ученый настоящий. Не то что Старый. Лишь потом мне стала понятна причина их неприязни к Старому: это была неприязнь ничтожеств к крупной личности. А Молодой был им соразмерен. И раздували его только потому, что он на самом деле был лишь по видимости талантлив. Открылся мне и секрет плохого отношения Старика ко мне: ему внушили, что я — стукач, специально приставленный к нему. Он в это поверил, хотя я не предпринимал никаких шагов, чтобы сблизиться с ним.

Я собрался добровольно уйти из лаборатории и стал приглядывать подходящее место. Но в это время в деятельности нашей лаборатории обнаружился аспект, который меня заинтересовал. Вернее — два. Один — личный, другой — научный.

По поводу одной круглой даты бывших фронтовиков наградили медалями. После торжественной части я сделал попытку смыться, но меня перехватили. Сначала ветераны: фотографироваться. Потом девчонки: танцевать. Я махнул рукой на свои настроения и выдал вальс в том стиле, как мы танцевали в конце войны и первые годы после войны. И имел успех. И кончилось это тем, что я попал «в лапы» к Ней. И мы танцевали, как в те далекие годы и перестали танцевать потом. Ночью я прово-

жал Ее домой. Говорили о взаимоотношениях поколений, об отсутствии контактов и взаимопонимания. Она ругала реабилитированных: такая огромная масса несправедливо осужденных вернулась оттуда, и никаких последствий после этого тут! Все реабилитированные, с кем Ей приходилось встречаться, махровые реакционеры, невежды, тупицы, злобные завистники. Впрочем, сказала Она, не принимайте это на свой счет. Возможно, вы — исключение. Отчего же, сказал я. Я готов принять это на свой счет. Тюрьма не способствует моральному совершенствованию и образованию. Тем более подавляющее большинство репрессированных вовсе не были борцами за справедливость, за новые идеи в науке и искусстве. Это ясно, сказала Она. И все же они были несправедливо обижены. Тогда большинство не мыслило в таком разрезе, сказал я. И вы? — спросила Она. И я считал, что попал за дело, сказал я. Люди прошли через ужасы концлагерей, сказала Она. Должны же они как-то прореагировать на это. А как иначе? Скажите мне, как иначе, и я поступлю в соответствии с вашим советом. Я не знаю, сказала Она. Я тоже, сказал я.

Оставшуюся часть пути мы прошли молча. На другой день просто кивнули друг другу и разошлись по своим местам.

Обсуждали работу одного аспиранта. Хвалили, но не столько автора, сколько его руководителя — Молодого. Делали мелкие критические замечания, давали полезные советы. Я отмалчивался. Молодой упрекал меня в пассивности. Его поддержал Старый. Пришлось выступить. И я раздолбал работу как типичное пустозвонство, прикрытое бесконечными ссылками на новейшие достижения. Но это еще полбеда, сказал я. В работе проступает тенденция распространить некоторые методы воздействия на психику животных и на человека, что явно означает нарушение норм если не права, то, во всяком случае, морали. Работу аспиранта все равно одобрили. Потом Старый пригласил меня в свой кабинет. Разговаривали мы долго, но бессистемно. Все вокруг да около. Но подспудно чувствовался один вопрос: что дозволено и что не дозволено в научном исследовании в отношении человека? Абстрактно рассуждая, наука вправе вторгаться в любые области и использовать любые методы, дающие истину. В свое время ученым запрещали препарировать животных и

трупы людей. Что было бы, если бы наука остановилась перед такими запретами?! Я возражал на это так. Мы теперь видим лишь одну сторону этих запретов — тормоз развитию науки. А разве наука — самоцель человека? И кто может доказать, что от таких запретов было больше вреда, чем пользы? А может быть, в тех запретах был какой-то рациональный смысл, а не только мракобесие? Тем более теперь. И мощь науки не та. Тогда наука — нечто гонимое. Теперь — нечто чтимое и поощряемое. Наука теперь способна на многое такое, что угрожает существованию человечества вообще. И где оно, то еле уловимое начало преступного направления умов? Адекватны ли наши методы нашим целям? Мне кажется, мы декларируем одни цели, а фактически действуем в пользу других. Мы даже себе боимся сформулировать их явно. Неужели вы думаете, есть проблема средств, благодаря которым можно сделать коров и овец более управляемыми? А обезьян? Много ли у нас обезьян, чтобы думать о том, как их сделать более послушными и дисциплинированными?

В итоге меня отстранили от экспериментальной работы и перевели в теоретическую группу.

По поручению Старого я занялся проблемой соотношения познавательного, управленческого и нравственно-правового аспектов в изучении психической деятельности животных. Работа захватила меня. Иногда я просиживал по двадцать часов подряд, раздражаясь из-за того, что надо отвлекаться на еду и сон. И я установил следующее. Познание законов явления и отыскание способов управления ими — задачи далеко не всегда совпадающие. В рассматриваемом случае они принципиально не совпадают. Можно путем многочисленных экспериментов найти способы воздействия на психику животного, дающие желаемый эффект, и при этом не знать строения и законов функционирования аппарата психики. В наше время это особенно доступно. Но возникает вопрос: о каком управлении психикой животных может идти речь? Управление поведением? Но тут вообще никакой проблемы нет, если это рассматривать само по себе. Управлять домашними животными люди давно научились. Дрессировщики в цирках тоже вряд ли нуждаются в наших услугах. Для диких животных нужны охранные меры и заповедни-

ки. Очевидно, все исследования рассматриваемого типа ориентированы на человека. Практически есть одна проблема: проблема управления людьми. И от нас требуют разработки подходящих средств для этого. Фактически люди уже не верят в светлые идеалы коммунизма. И манипулировать ими, ограничиваясь лишь демагогией, пропагандой и репрессиями, становится все труднее. Мы должны найти «научную» компенсацию утраченной веры. Если конкретно присмотреться к тому, что делается в нашей и других лабораториях, сомнений не остается. Все наши исследования построены так, что даже на морских свинок и мышей мы смотрим как на потенциальных человечков. Суть наших исследований сводится к тому, чтобы найти химико-психофизические средства воздействия на организм животных, благодаря которым они стали бы более послушными и доброжелательными, менее агрессивными, быстрее запоминали бы примитивные навыки и т. д. И то, что мы экспериментируем на животных, а не на людях (а может быть, кто-то где-то на людях?), дела не меняет. Сейчас уже точно установлено, что с точки зрения таких воздействий человек мало чем отличается от морских свинок, мышей, собак, кроликов. И что бы там ни говорили о безвредности и даже полезности этих средств для организма (что, однако, есть нонсенс в силу определения самих понятий здоровья и нормы поведения), остаются неконтролируемые последствия с точки зрения эволюции биологического вида. А главное — возникает иная проблема. Раз эти средства связаны с проблемами взаимоотношений между людьми, они становятся орудием одних против других, и тут мы вступаем в сферу социальности, права, морали и, может быть, религии.

Я привел несокрушимые аргументы в пользу тезиса о принципиальной неконтролируемости эволюционного процесса вида вследствие рассматриваемых воздействий на психику. Я использовал новейшие материальные методы, предложив решить на вычислительных машинах самую простую задачку хотя бы с пятью существенными для эволюции признаками. Закончив свой опус, я отдал один экземпляр Старому, один оставил в научном кабинете, один отдал почитать приятелю, один оставил себе.

Она сказала, что моя работа пользуется большим успехом, что читать ее в кабинете образовалась очередь, а Ей хотелось бы посмотреть. И я дал Ей мой оставшийся экземпляр. И написал на нем свой телефон: позвонить, как прочтет. К этому времени решилась моя квартирная проблема. Решилась сама собой. Братья и сестры разъехались, родители умерли. И я стал обладателем довольно большой комнаты (на одного, конечно, большой) в коммунальной квартире старого дома. Дом пошел на снос, и мне как ветерану войны с тремя ранениями дали однокомнатную квартирку на окраине города. Хотя квартира обладала всеми дефектами наших новых жилищ (трудность с транспортом, далеко магазины, грязь на подступах к дому, плохая изоляция), я был безумно рад. Иногда я часами сидел на пружинном матрасе с ножками (это — самое дешевое ложе, а ножки прибил я сам), туло уставившись в косо наклеенные обои идиотской расцветки, или без конца бродил из комнаты в кухню и обратно, твердя про себя только одну фразу: наконец-то ты один, наконец-то ты можешь закрыться от людей и отключить этот сволочный мир от себя.

Как это ни странно, когда на работе пронюхали, что я имею однокомнатную квартиру на одного (!!), я стал завидным женихом. Однажды молоденькие лаборантки прямо сказали мне (хотя они вроде бы шутили), что если меня слегка подкормить, то я могу иметь успех. Сейчас седые и худые мужчины в моде. К тому же я могу сойти за йога. А это очень выгодно в хозяйстве: йоги, говорят, пьют только воду, все свободное время стоят на голове и едят один кочан капусты в месяц. Короче говоря, вскоре Она позвонила и сказала, что у Нее куча вопросов, замечаний и возражений. Потом взяла такси и приехала ко мне. И осталась у меня. Просто так, без всяких предисловий и психологических драм. Это, между прочим, в духе времени. Один мой знакомый, школьный учитель, много лет изучающий эту проблему, говорил, что из общения полов почти начисто исчез самый чистый, возвышенный, романтический и красивый период, который был одним из самых выдающихся продуктов цивилизации, — период влюбленности. Если он и проявляется, то очень редко и к тому же лишь после того, как мужчина и женщина длительное время состояли в половой связи, то есть оказывается неестественно

сдвинутым в линии человеческих отношений и выглядит как отклонение от нормы. Этот период есть состояние духовности, а в нашем обществе, враждебном всякой духовности, ему вообще нет места. Лишь после нескольких наших встреч Она сказала, что Ее почему-то тянет ко мне. А я почувствовал, что у меня появился близкий и дорогой мне человек.

Знакомый, которому я дал почитать свой доклад, зашел ко мне с маленьким человечком, каких теперь можно часто увидеть на улицах города. Потертые джинсы, толстый драный свитер, нейлоновая куртка, интеллигентская небритость. Знакомый сказал, что дал почитать мой доклад этому человечку, и тот изъявил желание побеседовать со мной.

Человечек стал задавать мне вопросы, которые меня сразу насторожили. Что из себя представляет наша лаборатория? Закрытая или нет? Давали ли мы подписку о неразглашении? В какой стадии исследование такого-то препарата? И т. д. Я, естественно, спросил, с какой целью задаются подобные вопросы. Мой знакомый сказал человечку, что я человек надежный, можно говорить прямо. И тогда человечек сказал, что мои материалы представляют интерес для хроник Комитета Гласности. Я об этом Комитете, конечно, слышал. Но представления о характере деятельности не имел. И хроник в руках никогда не держал. Человечек предложил мне сотрудничать в хрониках, но я отказался. Я не знаю толком, кто вы, сказал я. Материалами моими я разрешил воспользоваться, поскольку сам я в них ссылался исключительно на опубликованные уже работы, а общие выводы, к которым я пришел, мог сделать всякий человек, решившийся подумать над этими вполне официальными данными. Впрочем, сказал я, готов ознакомиться с деятельностью, целями, программой Комитета, но без спешки и особых усилий.

Честно говоря, этот человечек и представляемая им организация вызывали у меня необъяснимый протест. Людей такого сорта я встречал. Они всегда производили на меня впечатление чего-то поверхностного, сектантски-стадного, изворотливого. Я отдавал им должное за их протест. Но сам протест этот казался мне идущим не из глубин нашей жизни, а из удобной ситуации и стремления к самоутверждению за счет этой ситуации. Желание этих людей быть во что бы то ни стало на виду, причем

не за счет своих способностей и вкладов в культуру, а за счет легкодоступных и, как правило, слабонаказуемых действий, вызывало отвращение. Причем даже наказание эти люди ловко использовали в своих интересах. Среди этих людей я ни разу не видел ни одного по-настоящему способного и делового человека. Все они не без способностей, но способности их обычно невелики или не настолько велики, чтобы дать им желаемую известность. И протест их обычно был продиктован неспособностью или невозможностью иметь жизненные блага и привилегии, которые другие на глазах имеют даже с меньшими, чем у них, данными. Мой знакомый уверял меня, что среди них встречаются и крупные личности. Но у меня не было никаких оснований принимать его слова на веру.

— Если даже допустить, — сказал мой знакомый, когда человечек ушел, — что они там мелкая шпана и ловкачи, суть дела от этого не меняется. То, что недовольство существующим порядком вещей выражают ущербные индивиды, это естественно. Так было и так будет всегда. Такова природа недовольства вообще.

Я чувствовал, что мой знакомый прав. Но сам я не принадлежал к этой категории индивидов. Я не был недовольным. Я был что-то совсем иное, а что — я еще сам не понимал тогда.

Старый прочитал мою работу. Он восхищен, но умоляет спрятать и не давать на обсуждение. Я сказал, что уже поздно. Он сказал, что ему жаль меня, но помочь он мне не в силах.

Обсуждение с первых же слов превратилось в погром. Особенно старался Молодой. Громя меня, он подкапывался под Старого. В мою защиту никто не сказал ни слова. Даже сам Старый ругал меня. Я слушал его и думал: а ты-то чего боишься? Все равно тебя же уберут! Это же тебя самого бьют! В конце обсуждения выяснилось одно обстоятельство, в свете которого стала понятной жесточенность критики: нашу лабораторию отделяют от института, расширяют, делают закрытой и передают в ведение очень высокой инстанции. Значит, все предрешиено. Молодой будет заведующим, Старого отправят на пенсию. А меня?

Она сказала, что Ей выступать было неудобно, тут зубры в бой вступили, а Она — мелочь.

Наше объяснение началось издалека.

— Гляди, — сказала Она, — еще одному партийному боссу второго Героя дали. Еще один памятник при жизни. Тебя это не удивляет?

— Эта наградная оргия началась с первого дня жизни этой власти. Это в ее природе. Я это на себе испытал. В начале войны я действительно бывал в переделках, за которые должны были бы дать высокие награды. Но мне не дали ничего или ограничились самыми маленькими медальками. И я не испытывал никакой обиды. А когда я вышел в чины, мне пошли награды неизвестно за что, мое отношение к ним изменилось. Чем меньше я мог рассчитывать на заслуженную награду, тем больше мне хотелось получить незаслуженную. И когда однажды командиру соседнего полка дали орден побольше, чем мне, я был смертельно обижен. Я тогда встал на путь власти, и мои реакции стали типичными для людей такого рода. Я благодарю судьбу за то, что однажды остановился.

Я открыл ящик стола и выгреб все свои награды. Она стала их рассматривать, делая ничего не значащие замечания. Потом я достал наградные документы и начал их рвать. Она сказала, что я свихнулся. Я сказал, что это вполне возможно. Если и сошел, то давно, когда Ее еще на свете не было. С этим пора кончать. Эта мразь мне давит на душу. Потом я начал кромсать свои «железки». Она смотрела на меня с ужасом. Я собрал образовавшуюся кучу мусора и отнес в помойное ведро.

— Вот и все! Не пойму, почему не сделал этого раньше?

— В таком случае рви заодно и это, — сказала Она, протянув мне мой доклад. — От этого хоть какая-то польза будет.

— Ты так считаешь?

— Написано здорово. Но это — беллетристика, а не наука нашего времени. Ты просто отстал.

— В каком смысле отстал? Кажется, я использовал именно новейшие данные.

— Не в этом дело. Старый тоже все это знает, но он все равно есть прошлое науки. Есть нечто большее, чем эрудиция. Стиль мышления. Дух современности. Ты старомоден.

— Ты дала самую высокую оценку моему сочинению. Я действительно старомоден. Но из принципа, а не от слабости и недомыслия.

- В таком случае вряд ли ты чего-нибудь добьешься.
- А я ничего и не добиваюсь.
- А зачем же это написал?
- Чтобы последовать твоему совету.

Я изорвал доклад и отправил обрывки туда же, куда выбросил свои боевые награды. А что мне оставалось с ними делать? Хранить? Работа по специальности для меня теперь закрыта навсегда. Теперь мне самое время искать заработок подальше от моей академической (как думали до сих пор наивные старомодные люди) профессии.

Она не сказала больше ничего. Собрала все свои вещички, которые постепенно проникали в мою квартирку и застревали в ней. И ушла не попрощавшись. И я опять остался один.

Из лаборатории меня убрали. Но «из уважения к прошлым заслугам» меня устроили в хорошее место — в музей. Зарплата, правда, меньше. И никакой научной работы. Но я уже не переживал. Я привык терять. Зато работа в музее легкая. В любое время можно уйти «по делам». Два библиотечных дня в неделю. Официально считается, что сотрудник в эти дни занимается в библиотеке. А на самом деле имеющие право на такие дни используют их по своему усмотрению. И я, используя представившуюся мне свободу, отправился на поиски... Чего? Не знаю. Вернее, тогда не знал. Теперь-то я знаю, куда несла меня спрятанная в глубинах моей души тревога. А тогда я еще не знал.

В один из библиотечных дней я позвонил своему старому приятелю. Приятелями-то мы были давно. Потом остались просто хорошими знакомыми. Встречались редко, но при встрече были рады друг другу. Приятель в жизни преуспел. По слухам, приобрел даже мировую известность в своей области науки. Мне было любопытно узнать, что стало с человеком, который в юности покорял всех бесшабашностью, а потом погряз в никому не нужных изысканиях. Неужели он выбрался на поверхность за их счет?

Перед тем как идти к приятелю, я посмотрел фильм о нашей жизни. Фильм любопытный — был снят группой иностранных киношников совместно с нашими. Из фильма явствовало, что у нас — рай земной. Потрясающие условия жизни и работы для женщин, каких нет на

Западе, великолепные санатории, детские учреждения, больницы, школы, исследовательские учреждения, оранжереи, библиотеки... Все, что показывали в кино, было само по себе верно — все это у нас на самом деле есть. И вместе с тем ощущение какой-то гнусной и подлой лжи не покидало меня с первой до последней минуты. Вроде все так. И в то же время — не так, ибо опущено нечто более важное, чем красивые здания, виды природы, пляжи, приборы, книги... Смещено внимание с главных аспектов нашей жизни на второстепенные и внешние. Вот, например, показали новый многоквартирный дом, счастливых людей, въезжающих в него. Осталось, однако, за экраном то, как люди получили ордера на квартиры в этом доме, как у них дела на работе, как с их детьми, которым не удалось поступить в институты... За экраном осталась разница в уровне жизни нашей номенклатуры и рядовых граждан. Вот показано здание новой столовой. А что едят в таких столовых люди? В общем, попытка моя примириться с существующим строем жизни, признать его и махнуть рукой на все то, что можно отнести за счет мелких отдельных недостатков, не удалась. А такие попытки я предпринимал сотни и тысячи раз. И каждый раз безуспешно.

Когда я нажимал кнопку звонка в кооперативном доме на окраине города, я ожидал увидеть большую, богато обставленную квартиру зажиточного интеллигента с типичными аксессуарами (полированные гарнитуры, книжные шкафы и полки с нечитаными книгами на многих языках, подсвечники, иконы...). Но то, что я увидел, обескуражило меня. Малюсенькая двухкомнатная квартирка. Не видно никаких книг и икон. Одна комната — для дочери. А другая («большая») — гостиная, спальня и кабинет одновременно. Насчет кабинета я ошибся: работал Приятель в основном ночью и потому в качестве кабинета использовал кухню. Встретила меня жена Приятеля, а сам он ушел в магазин. Я попросил жену Приятеля показать мне его работы. Посмотреть, чем он занимается. Она вытащила из тумбочки под телевизором несколько книг на английском, французском, немецком и еще каких-то языках и тоненькую потрепанную брошюрку на русском. Но толком посмотреть книги не удалось — пришел сам хозяин.

— Идет очередная кампания против пьянства, и во всей округе невозможно водку купить. А за этой вот дрянью пришлось выстоять дикую очередь. Господи, что за идиоты! И чего они этим добиваются?! Водку же все равно продают из-под прилавка и с черного хода. Только на этом наживаются работники магазинов. Скоро на пенсию, а все привыкнуть не могу к нашему идиотизму. Извини, пожалуйста! Сам понимаешь! Рад тебя видеть. Выглядишь ты превосходно. Во всяком случае, очень эффективно. Ты, случаем, не йог? Нет? Странно. Сейчас все увлекаются йогой. Во всяком случае, много говорят на эту тему. Рассказывай, как живешь.

— Живу пока, как видишь. Я же простой смертный. Мне нечего рассказывать. Это ты рассказывай.

— Вот, гляди сам. Только никому это тут не нужно. Есть люди (не здесь, конечно), которые считают, что я сделал переворот в этой области.

— А ты сам как?

— Я знаю ситуацию, тенденции общие, перспективы. Думаю, что кое-что серьезное я сделал. Только все это впустую. Единственный итог — полная изоляция. Сначала мы сильно переживали. Потом привыкли. А сейчас даже довольны, что нас забросили совсем. По крайней мере, не дергают. Свою зарплату старшего сотрудника я имею. Мизер, конечно. Но нам хватает. Перспективы? Умрем. Лет через пятьдесят какой-нибудь подонок раскопает мои работы и сделает на этом карьеру. Докажет, что я опередил свое время. В общем, обычная скучная история. А ну их всех к чертям! Лучше выпьем! Давненько не виделись. Как твои-то дела? Было же у тебя что-нибудь значительное за это время! Ты же человек крупный, не то что мы! Давай, выкладывай. Ни за что не поверю, что ничего особенного не было.

А я не смог ничего рассказать.

От Приятеля я ушел с ощущением несправедливости общества по отношению к этому человеку. Скромный, честный, талантливый, трудолюбивый человек больше двадцати лет бился над тем, чтобы передать обществу продукты своего творчества без каких бы то ни было претензий на исключительное вознаграждение. И что же? Общество отказалось принять этот дар!! Почему? Разве то, что стремился отдать обществу этот человек, хуже того, что отдали ему другие деятели того же рода? Ничего подоб-

ного, как раз наоборот. Именно потому, что продукты труда этого человека несли на себе печать настоящего таланта и трудолюбия, они оказались неприемлемыми здесь. Это никак не укладывалось в моем сознании. В общей форме это выглядело совершенно бессмысленным и надуманным. Но когда Приятель по каждому пункту, вызывавшему у меня недоумение, до деталей излагал систему его среды, недоумение исчезало. И нелепым уже начинало казаться нечто противоположное тому, что случилось с ним. Когда мы расставались, я сказал ему какую-то банальность вроде «держись», «не сдавайся». Он сказал, что у него другого выхода вообще нет, кроме этого «держись» и «не сдавайся».

— Если бы я даже захотел капитулировать, моя капитуляция не была бы принята. Только одно устраивает Их: полное уничтожение и полное забвение. Спасибо, что зашел. Не забывай. Хотя бы иногда звони. Мы будем рады.

Я шел к этому человеку с надеждой найти опору в моем смятенном состоянии. А что я увидел? Я увидел состояние еще более тяжкое, чем мое. И я, безнадежно больной человек, вынужден был выступить в роли лечащего других. Вернее, страдающего за других.

Замечание Приятеля, что я стал похож на йога, навело меня на мысль почитать что-нибудь на эту тему. Мода модой, подумал я, но в этом должно быть что-то и серьезное. Не может быть, чтобы у такого сильного тяготения людей к определенной системе мировоззрения и поведения не было реальных оснований. А поскольку это тяготение с годами не ослабевает, а крепнет, эти основания должны корениться в самом строе нашей жизни. Я прочитал кучу книг. Познакомился со многими людьми, так или иначе причастными к этому делу. Литература мне сначала показалась многословной и мало-содержательной, а люди — убогими или комичными. Но чем больше я вчитывался и вдумывался в эти книжки и чем больше я приглядывался к этим людям, тем лучше становилось и мое мнение о них. Наконец я понял, что это явления, заслуживающие уважения (за некоторыми исключениями, конечно, ибо и в эту среду проникают неумолимые законы нашего общества). И вместе с тем я понял, что они глубоко враждебны моей натуре. На этом пути человек должен начисто отречься от забот об

окружающем мире и полностью погрузиться в себя. А я всю свою жизнь, начиная с того самого мига, когда я вдруг увидел и ощутил чужое несправедливое горе, копил и нес в своей душе только боль этого окружающего мира и ничего своего персонально. Мне нужен был иной путь, прямо противоположный погружению в себя и самосовершенствованию в себе независимо от внешнего мира: мне нужен был путь полного отречения от самого себя и полного погружения в страдания окружающего мира. А был ли он вообще, такой путь?

— Твой путь давным-давно открыт, — сказал Знакомый, когда я высказал ему свое отношение к йоге и свое тяготение к противоположному пути. — Добровольная жертва во имя страдающего человечества.

Знакомый последнее время часто бывал у меня. Обычно он использовал мою квартиру для встреч со своей любовницей. Но иногда заходил и просто так, поболтать, выпить кофе или вина. Говорил он с некоторым оттенком юмора. А я не старался показывать ему, что меня эта проблема волнует как проблема реальной жизни.

— Идея жертвенности стара как мир, — говорил Знакомый, развалившись в моем кресле-инвалиде и потягивая вино, которое он на сей раз принес с собой (в нашем районе продается одна только дрянь). — Она, должно быть, в самой натуре человека, как биологического существа, заложена. И самая сильная жертва во имя рода человеческого — жертва своей собственной жизни. Жизнь есть самое дорогое достояние человека. Потеря ее всегда есть трагедия, а добровольная потеря — трагедия вдвойне.

Знакомый вошел в роль, прочитал мне популярную лекцию на эту тему. Наконец, он добрался до самосожжения.

— Жертва жизни производит сильное впечатление на свидетелей. В особенности, если это совершается достаточно ярко. Самосожжение с этой точки зрения особенно впечатляюще. Присоединяется общее отношение людей к огню. Обрати внимание, ад у христиан (а мы в глубине души до сих пор еще христиане) — Геенна Огненная. А самое страшное для современного человека — атомная война, которая тоже есть всеуничтожающий огонь. Не случайно потому идея жертвы путем самосожжения снова стала популярной в наше время. Самосо-

жжение интересно еще и тем, что оно оставляет людям широкие возможности для интерпретаций. Человек поджигает себя! Значит — худо! И каждый подставляет на место этой переменной «худо» свое близкое понятие худа. Само по себе самосожжение выражает крайнюю степень страдания и протест против того, что порождает страдание. Оно гораздо сильнее воздействует на души людей, чем покушение на чужую жизнь, какой бы мерзкой ни была последняя. Оно очень емко по последствиям в душах людей, хотя видимой реакции может и не быть. В случае покушений на чужую жизнь обычно бывает сенсационный эффект. Но он сродни нездоровому любопытству. Эффект самосожжения уходит вглубь.

Знакомый увлекся темой, рассказал о многих известных случаях и попытках самосожжения. Оказывается, и тут есть целая теория. Например, далеко не безразлично место акции, отношение к свидетелям и т. д. Можно поджечь себя на крыше дома и горящим броситься вниз. Преимущество — наверняка не потушат (теперь, сволочи, обычно успевают потушить!). Но эффект самосожжения резко снижается: оно воспринимается просто как акт самоубийства, а огонь приобретает смысл лишь средства привлечения внимания. Мистическая или хотя бы иррациональная сторона сжигания живого человека исчезает. А это — главное.

— Особенность нашей Страны, — продолжал Знакомый, — состоит в том, что граждане враждебно относятся к самосожженцам. Свидетели самосожжения, а без них оно лишено смысла, обычно стремятся потушить горящего человека. Но отнюдь не из сострадания. Потушив, они обычно избивают самосожженца до полусмерти, а иногда до смерти. Причем с невероятной злобой.

— Но почему же? Разве человек не вправе распорядиться своей жизнью?

— Конечно вправе. Но только если это соответствует официальной идеологии: интересам властей и духу населения. В нашей Стране акт самосожжения выступает как сильнейший акт обличения зла, разлитого во всех обычных людях не в меньшей мере, чем во властителях-насильниках. У нас обличение язв общества равносильно обличению язв в душе и в поведении ближнего. Народ у нас ненавидит обличителей. А самосожженцев — в первую очередь. Так что лучше шлепнуть пару круп-

ных вождей. Вот за это многие спасибо скажут. Какая тема для разговоров! К тому же кое-кто по службе продвинется.

Но ведь рассуждать можно и иначе, говорил я себе, оставшись один. Почему следует принимать во внимание реакцию очевидцев? И адекватна ли их реакция состоянию их духа? А Христос? Он же принес жертву, и те, ради кого Он это сделал, насмеялись над Ним. А так ли? Кто насмеялся? Были же такие, кто страдал вместе с Ним и за Него! К тому же Христос не добровольно полез на крест. На то была не Его добрая воля, а воля Божия. И воля властей к тому же. И воля многих других людей. Нет, ситуация Христа к нам никак не подходит. У нас жертва тина жертвы Христа стала настолько обычным делом, что на нее уже никто не обращает внимания. Она уже не воспринимается как жертва. В нашей ситуации вопреки здравому рассудку жертва должна быть сделана ради всех. И потому она должна быть сделана против всех. Один против всех!

Я почувствовал, что я вышел на путь, ведущий к открытию некоей формулы жизни. И, измученный, заснул под утро. И увидел я светлый, радостный сон. Первый светлый сон за все последние тридцать с лишним лет жизни. И последний. Мне приснилось, как мать привела меня в церковь на причастие или исповедь (или то и другое, сейчас я уже не помню, как называются эти процедуры и в чем они конкретно заключаются). На другой день я отправился в церковь — посмотреть, что это теперь такое.

После того как колонна несчастных женщин пересекла мне дорогу, я все время находился в состоянии оцепенения. Меня всего заполнил один вопрос, одно недоумение: что происходит?! Мне хотелось кричать: люди, опомнитесь, что вы творите?! Но я не мог. Как во сне, крик не получался. Я немного отошел, оттаял в университете. Но лишь настолько, чтобы на время забыться, и тут я снова погрузился в еще более тяжкое оцепенение. Я получил несокрушимо убедительные свидетельства того, что к людям взывать бессмысленно. И это убеждение уже не оставляло меня и, я знаю, не оставит до конца жизни. И я вспомнил о Боге.

Как и большинство людей моего поколения, я был крещен. Лет до двенадцати верил в Бога и соблюдал ми-

нимальные религиозные обряды: молитва перед едой, молитва после еды, молитва на сон грядущий, причастие, исповедь, религиозные праздники. Потом — школа (образование) и антирелигиозная пропаганда, проводившаяся с ужасающей методичностью. И верующим быть сначала стало просто нехорошо, потом стыдно, потом опасно, потом привычно. И Бог превратился в нашем сознании в продукт невежества, в поповскую выдумку, в старушечьи сказки. Откуда нам было знать, что вместе с Богом уходит от нас человеческая теплота, доброта, отзывчивость, сочувствие и многое другое, о чем теперь люди не знают даже понаслышке. Например — состояние просветленности, душевного очищения, всепрощения. Но Бог все же был где-то в самых глубинах души. Иначе чем же объяснить тот факт, что я замер тогда при виде той страшной колонны? И я вспомнил о Нем лишь постольку, поскольку Он был там.

И все те десять лет... Как же долго тянулись они! И как быстро промчались! Все те десять лет я помнил о Нем, обращался к Нему, молил Его, благодарил Его. И сопротивлялся Ему всеми силами. Сопротивлялся проникновению Его в мою душу. Что-то мешало мне принятию Его. Что?

Сидел вместе со мной один религиозный деятель. Он вроде бы был даже крупным чином там у них. Вроде бы даже близок к самому Патриарху был. Мы с ним частенько обсуждали проблемы Бога. Но хотя этот человек говорил хорошие слова, сам он в поведении ничем не отличался от нас, и слова звучали холодно и неубедительно.

— Вы смешиваете религиозность и Церковь, — говорил он, — веру и способ ее проявления. Мы же живем в коммунистическом обществе. Здесь все несет на себе его печать и испытывает его влияние. И Церковь в том числе. И даже люди и организации, которые открыто конфликтуют с коммунизмом или тайно борются с ним. Мы во всем люди этого общества — и в вере и в неверии. Отсюда и идет ваше неприятие Бога. Но у вас нет иного пути.

Конечно, — говорил он, — Церковь прошлого не надо идеализировать. Но факт остается фактом: это именно она вносила в человечество ту крупицу добра, милосердия, правды и многого другого, на отсутствие чего в ны-

нешних людях вы жалуетесь. И потому тогда человек мог взывать к людям. Пусть эта крупица была ничтожно мала. Но она была заметна. Знаете, мы иногда рассуждаем чисто количественно. Мол, подумаешь, какое дело — было немножко больше добрых людей. Но как знать, может быть, именно это «немножко» и решает дело. Может быть так, что даже наличие всего лишь одного доброго человека делает общество иным. Кто измерил меру доброты? Христос пришел в мир один, а глядите, какой был результат. Ладно, пусть для вас это — сказки. Но отнеситесь к этому хотя бы как к поучительной сказке. А теперь исчезло это «немножко», что прививала людям Церковь. Наша Церковь в теперешнем ее состоянии уже не способна на это. И что же нам остается? Не надейтесь на людей. Не взывайте к ним — бесполезно. Призыв к людям был призыв к Богу, который был в них. Обращайтесь прямо к Богу. Теперь вы сами себе религия, Церковь, человечество. Впрочем, у вас все равно нет иного выхода.

Я обошел чуть ли не все действующие церкви города и был крайне разочарован увиденным. Я рассказал о своих впечатлениях Знакомому.

— Наивный человек, — сказал он. — Наша Церковь и до революции-то была придатком государственной власти. А теперь это — ублюдочное во всех отношениях явление.

— А секты?

— Лучше и не суйся. Мразь сплошная. Впрочем, я могу свести тебя с одним человеком. Любопытный тип. Но иллюзий на этот счет строить не советую. В наших условиях традиционные формы религии обречены на полное вырождение или в лучшем случае на жалкое существование под контролем наших властей. Подпольные секты? Я же сказал, сплошная ерунда. Патология или жульничество. Откуда я знаю? Видишь ли, подпольной религии не бывает. Религия может быть сначала запретной. Вообще может быть запретной. Но не подпольной. Религия есть нечто просветляющее, возвышающее, очищающее и т. п. А подпольность никакой просветленности и возвышенности не несет в себе. И она принижает, мельчит, заземляет, опошляет.

Лично для меня проблема Бога есть проблема божественного в человеке, — сказал мой собеседник. — Нам родители с детства прививали религиозность в таком

смысле, какой находится совсем в ином разрезе сравнительно с обычным, вульгарным пониманием религии. В этом обычном смысле я атеист. Я религиозен в том смысле, что чувствую и несу крупицу Бога в себе. И потому он для меня есть. Вопрос о существовании Бога не есть вопрос естественно-научный. Его существование или несуществование не докажешь и не опровергнешь никаким научным наблюдением и экспериментом. Он есть или Его нет в каждом данном человеке, для меня, для тебя, для него... Вопрос о Боге есть вопрос о том, кто ты и как ты будешь вести себя в этом мире. Мне трудно это пояснить тебе, ибо это надо почувствовать самому, чтобы сказать себе: мне ясно, я понимаю.

Мы долго беседовали так о самых различных аспектах положения религии в наших условиях, но я остался холоден к словам Знакомого. Я верил в его искренность, я не сомневался в том, что он имеет в себе ту крупицу Бога, о которой говорил. Но что-то оставляло меня в тревоге. Знакомый мой чувствовал это и сам стал заражаться моим беспокойством. Пора кончать, решил я, не надо разрушать то, что человек создал ценой целой жизни.

— Я верю тебе, — сказал я. — Я ценю мудрость твоих слов. Но то, что постиг ты, есть в некотором роде религия в себе и для себя, выражаясь языком Канта. А я ищу нечто для других. Понимаешь, я не ощущаю себя в себе, как таковом. Я ощущаю себя только в других и в другом.

— Но это то же самое, — сказал Знакомый. — Всякая религиозность есть религия в себе и для себя, а потому — для другого.

— Возможно, — сказал я. — Значит, мне не дано. Понимаешь, то, чего я хочу, есть сияние, свет, пламя, гром небесный. Но не тление, не журчание, не воркование. Рад был побеседовать с тобой. Прощай.

— Что ж, — сказал он, — прощай. Дай Бог тебе того, что ты ищешь.

И я принял решение...

ИСПОВЕДЬ ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА

Всем ясно, что меня сделали козлом отпущения за всю эту глупую историю с мясом и маслом в области. Открыто об этом не объявили, но и без этого ясно, что к чему. Раз нужен виноватый, кто-то должен им быть. Не я, так другой. Когда меня провожали на пенсию, сам Вождь встретился со мной и имел душевную беседу. Не мне тебя учить, сказал он, ты сам все понимаешь. Но в обиду мы тебя не дадим, не бойся. Пусть они там мелют что угодно, а мы будем хранить спокойствие. Главное — живи себе тихо, будто это совсем и не ты. А там... Как же, сказал я, ведь узнают же, мерзавцы! Не узнают, сказал он. Меня и то не всегда узнают, а уж на что как похож! Как-то раз решил я проверить и пошел просто так по улице. Охрана, конечно, переоделась и замаскировалась. Никагнита это называется. Понял? Иду, значит. Слышу — говорят: гляди, мол, рожа какая! Кого-то она мне напоминает. А другой отвечает: а ну их в п... они все на одно рыло, не различишь. А тебя и подавно никто не узнает. Кто ты такой, чтобы тебя узнавали?!

Квартиру отобрали. Но дали другую, очень хорошую, из пяти комнат. Нам со старухой на двоих хватит. Зато дачу обещали оставить. И машину. И закрытый распределитель. Орденом наградили. Обидно, конечно, что на меня все свалили, хотя (честно-то говоря) я был совсем ни при чем. Ну да я не в претензии. Все равно я достиг потолка. Выше меня все равно не пустили бы. Собирались, это верно. Но для отвода глаз. У нас всегда так делают. А высоты я достиг, надо сказать, такой, о какой и мечтать не смел.

Обидно, конечно. Я еще поработать мог. И не такой уж я старый. Они там постарше меня. И не глупее их. Хорошо, еще ребят успел пристроить. Сын — посол. Конечно, страна вшивая. Но все-таки посол. Послужит — страну поболее дадут. Всему свое время. Зятя успел в академию пропихнуть. Институт ему выбил. Под самый занавес, как говорится. Он, стервец, теперь скрывает, что мой зять. Ну да это уж их дело. Что касается внуков, то Жена категорически заявила: с ихними сраными пеленками возиться не стану, я им не кто-нибудь. Впрочем, они у нас появляются так редко, что их почти что и нет. Появляются, когда им крупные суммы денег подзанять надо или пустить в ход мои старые связи.

Квартиру мы выбрали в «генеральском» доме. Квартира удобная, тогда строили не то что ныне. Потолки высокие. Ванна во весь рост. И метро рядом. Машиной мы не пользуемся. На шофера теперь тратиться дороговато, а сам я водить боюсь, хотя права имею. Мне их сделали за пару часов еще перед пенсией. Так что метро нам бывает иногда нужно. Дом когда-то строился действительно для генералов. Но потом многие генералы повысились в должностях и съехали, многие разменялись, разъехались с детьми. Так что теперь в доме живет сборная солянка. Подо мной этажом ниже живет академик, тоже уволенный на пенсию за что-то. Первый раз в жизни вижу, чтобы академик был на пенсии. Странно. Ну и времена пошли! Все перед Западом выслуживаемся. Тыфу, противно даже думать об этом!! Прямо надо мною этажом выше генерал живет. Настоящий. Еще с тех пор. Правда, ему две квартиры в одну объединили. Но это ни к чему уж, излишества. На двоих и пяти комнат хватило бы. Тем более он тоже, как и мы, на пенсии. Академик говорит, что Генерала уволили на пенсию за выдающуюся тупость и грубость. Но Академик сам в таких вопросах дурак, хотя и начитан. Генералам положено быть такими. Воля! Жена говорит, что Генерала уволили за беспробудное пьянство. Но Жена тоже дура, поскольку непьющих генералов в природе вообще не бывает. Генералам без этого никак нельзя. А я так считаю, что Генерала уволили за то (слух такой был), что он матом пультнул нового министра вооруженных сил, которого выташил сам Вождь на этот пост. Ходил и другой слух, будто в свое время Генерал уволил Вождя из армии.

Вождь хотел тогда остаться в армии, он тогда стал генерал-майором. А Генерал тогда там округом командовал. И на рапорте Вождя написал «Отказаться!». И еще приписал что-то нелестное для Вождя.

С Академиком и Генералом я обычно гуляю по проспекту Вождя-Основателя. Гуляю-то я то с одним, то с другим. Втроем мы собираемся в исключительных случаях, поскольку Академик презирает Генерала и считает, что все наши мерзости идут от таких вот держиморд, а Генерал презирает Академика и считает, что все наши послабления идут от таких вот гнилых интеллигентишек. Ко мне оба они относятся с почтением, и каждый стремится склонить на свою сторону. А я твердо держу генеральную линию и не впадаю ни в какие уклоны. Все-таки многолетний опыт партийного руководства не прошел даром.

Иногда я люблю гулять один. Иду себе не спеша. Кругом людишки бегут, суетятся. Особенно молодые. В разных заграничных штучках-дрючках. С волосами. В бороде. А я иду себе и посмеиваюсь. Я-то знаю цену всему этому. Меня видом не обманешь. Я думаю, знали бы вы, кто этот тихий, добрый на вид, благообразный старичок! Да, было времечко, было, этого у нас не отнимешь. И плевать нам было на все эти ваши штучки-фючки. И кому вы этим своим видом могли заси... тьфу, прости Господи! С кем поведешься, от того и наберешься. Чуть было не выразился по-генеральски. В общем, кому вы этим своим видом мозги засоряете?! Нам, что ли? Так мы вас всех пасквось видим! Вот ты, с бородой! Ишь, корчит из себя свободолюбивую персону! А ведь холуй холуем. Ну а ты, что ты-то изображаешь недотрогу?! Видали мы таких десятками. Да и похлеще еще. А как вы, уважаемые новые поколения, одетые и стриженные (или раздетые и нестриженные) по последней моде, дома живете? Что кушать изволите? Как на хлеб с маслом зарабатываете? Вот то-то и оно! От меня это вы не скроете. Я-то все знаю.

Мне спешить некуда. Я своего достиг. И смешно мне глядеть, как все вокруг бегут куда-то, торопятся, нервничают, взгляды всякие бросают. И выражаются. А я иду себе потихоньку. И мысли журчат в моей голове. Нежатся. Неторопливо переваливаются с боку на бок. Лениво потягиваются. А что им еще остается делать? Заслужили

свое, и баста. Эх вы, думаю, модники вы мои, торопыги, попрыгунчики бородатенькие, красоточки вы мои костлявенькие! Знали бы вы, что на одни только денежки, незыблемо лежащие на моих сберкнижечках, я мог бы закупить все заграничные штучки-дрючки на этом проспекте! А, какво! Но я помалкиваю. Мне вовсе ни к чему, чтобы вы узнали об этом. Не та теперь эпоха.

А они там чудачки все-таки. Думают, наказали меня, убрав на пенсию. А я свое место знаю. И меру свою знаю. Я даже рад, что теперь не у дел. Только теперь я получил возможность по-настоящему оценить то, чего я достиг в жизни, и насладиться этим. Только вот Генерал слишком громко сверху топает. И мебель двигает, грохочет. Зачем ему это? Жена говорит, что он со своей Генеральшей собачится. Стульями в нее кидает. Надо будет намекнуть ему еще раз, чтобы чуть-чуть потише. Не один же он в доме живет. Как-никак, а мы ведь тоже люди. И собачка его прямо на лестнице гадит. Это безобразие.

Я предпочитаю гулять с Академиком, а не с Генералом. Генерал хам, матерщинник. Ко всем обращается на «ты», хотя не терпит, когда к нему обращаются так же. Он в жизни не прочитал ни одной книжки. Стоит заговорить с ним на какую-нибудь тему, как он обрывает тебя: ты, мол, мне мозги не засирай, говори прямо без этой ...йни-муйни. Конечно, книжки ему ни к чему. У него жизненный опыт. Но иногда хочется поговорить, а с ним это не получается. Далее, у Генерала «собачка». Собачка эта размером с африканского льва. И зачем только таких разводят? Ничего в ней, кроме размеров, нет. Ни ума, ни игривости. Даже на задних лапах стоять не может. А палку бросишь — даже глазом не поведет. Ленился. Академик говорит, что эту породу у нас специально вывели для престижа. Западу нос утерли. Переплюнули ихних сенбернаров и ньюфаундлендов. А главное — с такой собакой сразу видно, кто ее хозяин. Она — как погоны генеральские и ордена. Сразу видно. Чтобы такую собаку держать, площадь нужна, специальная кормежка, уход как за балериной. Это со всякими волосатыми козявками пыль в глаза пускать можно. В Министерстве Стройматериалов, например, вахтер имел точно такого же пуделя, как у министра. А такую псину даже генерал-лейтенант еще не может себе позволить. Выходит наш Генерал со своей такой «собачкой» на проспект,

и уж никто ничего не видит, кроме этой тупой твари. «Собачка» спокойно рассекает людской поток. Генерал, занимающий своим мощным пузом три четверти тротуара, прет за ней. А ты вынужден приспособливаться где-то сбоку, как будто ты не тот самый, а просто так, какой-нибудь. И наконец, у Генерала убеждения сохранились нетронутыми еще с тех времен. Убеждения-то, конечно, правильные. Но нельзя же так прямолинейно. Чуть что, Генерал орет на весь проспект: сажать, к стенке ставить, дать по мозгам, заткнуть глотку! Прохожие усмеваются, оглядываются. Того и гляди узнают. Неприятности могут быть.

Избежать прогулок с Генералом я не могу, поскольку он живет надо мной и в любое время может устроить такой топот, что с квартиры сбежишь. Он так прямо и сказал мне, когда я однажды возразил ему что-то, что устроит такой топот, что на край света сбежишь. И что ему ничего за это не будет. Я залепетал что-то об обмене, а он только посмеялся. Я, говорит, сделаю так, что никто не поедет сюда ни за какие деньги. Или, говорит, добьюсь, и тебя выселят подальше на окраину. Вождю пожалуешься? Ха-ха! Жалуйся! Я, мол, срать на него хотел! Тоже мне маршал нашелся! Маршал, а близко к фронту на тыщу километров не подъезжал! Пулемет от зажигалки отличить не может!! Ха-ха! А не то, говорит, я тебе и кое-что похуже устрою. Кран, к примеру, забуду на кухне или в ванной на ночь закрыть. Мне что, подберут бабы воду с кафельного пола, и все. А у тебя штукатурка с потолков обвалится. Знаешь, во что ремонт обойдется? То-то! За счет ЖЭКа? Ха-ха-ха! Да тебе десять лет делать будут. На поллитровки сдеруг еще больше. А ты скупердяй, я знаю. Вы все там скупердяи!

Вот и толкуй с ним после этого! Выход один: ответить на удар ударом. Ладно, говорю я, в таком случае можете не рассчитывать на строительные материалы для новой дачи. Удар попадает в цель. Генерал начинает заискивающе хихикать: мол, он пошутил. Знаем мы эти солдатские шуточки! С такими самодурами можно иметь дело только с позиции силы.

Зато Академик у меня в руках: я сам могу устроить ему топот и потоп. Академик для меня — мелочь. Хотя тут тоже нужна осторожность. Вдруг донос напишет! Они, ученые, в этих делах мастера.

По праздникам Генерал надевает парадный мундир, увешивается орденами, и его возят в какое-нибудь учреждение (согласно распределению Горкома Партии) сидеть в президиуме, приветствовать, поздравлять, вручать, делиться воспоминаниями. Академик, увидев однажды сверкающее орденами необъятное пузо Генерала, сказал, явно сгорая от зависти: и за что только этому чурбану дали столько наград?! Как за что, возмутился я, он же командовал войсками при взятии *Н*. Как могли этому болвану доверить командование войсками, не унимался Академик. Войсками командовать, сказал я, — это не книжки сочинять. Тут образование не нужно. Опыт нужен. Воля. Преданность. Приказано взять — возьми любой ценой. Умри, но возьми. А вот вам, ученым, даже взводом командовать нельзя доверить. У вас кишка тонка для этого. Хлипкость преобладает. Либерализм, что ли. Гуманизм там всякий. А тут рука твердая нужна. Почему же нам нельзя доверить командование, обиделся Академик. Я вот институтом руководил, и не маленьким, союзного значения. Подумаешь, институт, сказал я. Институт не больше батальона. А тут знаете какой масштаб? Войска! Знаете, сколько тыщ он положил за этот *Н*? То-то! Тут масштаб не тот. Академик бормочет о неоправданных потерях. Где он этого начитался? Было, конечно. Но в самом начале. Потом сразу исправили. А где он сам в это время был?

Академик постоянно злоупотребляет научными и иностранными словечками. Когда увлекается, начинает говорить нараспев и слишком громко, намеренно привлекая к себе внимание прохожих. Это тоже действует неприятно. А в остальном он хороший собеседник. Он понимает ход моих мыслей и обычно соглашается. Живет он с дочерью и зятем. Дочь — страшная и неопрятная женщина за сорок. С приветом, как говорит моя Жена. Зять — молодой парень лет тридцати, с бородой, с гонором и себе на уме. Ядовитый и противный парень. Но его прогрессивность не мешает ему жить за счет тестя, пользоваться его квартирой и дачей. Кстати, о даче...

С дачей меня тогда надули: отобрали. Но в порядке компенсации мне дали отличный участок недалеко от города и безвозмездную ссуду на постройку дома. Если бы я оставался на прежнем посту, на такую ссуду можно было бы два дома построить, так как я все необходи-

мое имел бы по государственным ценам, то есть за гроши. А теперь пришлось покупать все у леваков, то есть втридорога. И тут я пожалел, что своевременно не занялся своей дачей (помимо казенной), на имя Жены. Я не ожидал, что меня отставят. Это моя ошибка. Мой приемник, еще будучи моим помощником, ухитрился отгрохать дачу на имя матери, потратил он на нее тысяч десять, а сейчас она оценивается в сто пятьдесят.

Однако у меня сохранились некоторые полезные прежние связи. Плюс к тому меня включили в комиссию по оценке иностранных автомашин, сдаваемых на продажу в комиссионные магазины. Включили, конечно, по решению Горкома Партии. Это партийное поручение открыло мне путь к власти не менее значительной, чем прежний пост, но совершенно не обременительной и безответственной. Уже через пару месяцев трудно было назвать влиятельное лицо в городе, к которому я не имел бы доступа. Номинально (по официальной должности) это все лица второго и третьего сорта (заместители, помощники, секретари, референты, кладовщики, завхозы и т. п.), а фактически, в чем я убедился, это обладатели реальной несокрушимой власти общества. Только теперь я начал понимать, что ранее я имел все свои жизненные блага исключительно за призрак власти, прикрывающий собою власть в собственном смысле слова. Мне платили за то, что я не мешал властвовать фактическим хозяевам. От меня, можно сказать, откупались. Мне предложили пост председателя оценочной комиссии. Но я отказался. И правильно сделал. В качестве рядового заслуженного члена я значил бы больше. Председатель комиссии (кстати сказать, бывший секретарь Обкома Партии) уже через полгода ходил передо мной на задних лапках. Вот тогда-то я и начал строительство своей дачи. Ссуда, конечно, пригодилась. Но она ушла вся на поллитровки шоферам, сторожам, рабочим и прочей мелюзге. Что же касается материалов и самого строительства, на это не пошло ни копейки. Многие даже в долгу у меня остались. При этом я ни на йоту не вышел за рамки законности. И я пришел к выводу, что наши законы суть наилучшие за всю историю человечества, если, конечно, у тебя есть голова на плечах. Главное — занять такое официальное положение, чтобы каждый твой шаг был оправдан законом и чтобы у тебя просто не было возможности преступить закон.

За полгода я построил самую роскошную дачу в нашем дачном поселке. Я это знаю, ибо был сразу же избран членом правления дачного кооператива и знаю все дачи поселка лучше их владельцев. Начиная строительство, я дал архитектору, инженеру и прорабу особое задание: чтобы дача была просторной внутри и скромной снаружи; чтобы она терялась в глубине участка и не привлекала внимания. Прочие дачевладельцы обвиняли меня потом в безвкусице, в жадности и т. п. Но я не был тщеславен и знал, чего хочу.

После того как дача была построена, выяснилось одно обстоятельство, о котором я раньше не думал: на даче надо жить, за ней нужен уход. Дети мои на даче жить отказались. Им, видите ли, это неудобно. Они наезжали иногда на несколько часов, в крайнем случае — на день или два, подъедали все запасы, производили разрушения и исчезали на большой срок. А трудиться и обживать дом и участок никто не хотел. Все хотели брать. И никто не хотел отдавать. Я уже в таком возрасте был, что не до работы. Да я и не привык к этому. Сама собой в голову пришла простая идея: сдавать дачу. В поселке все так делали. Сдавали даже те, кто не нуждался в деньгах. Просто установилось неписаное правило: сдавать и в течение нескольких лет оправдать расходы на строительство. Сели мы с Женой за стол, взяли лист бумаги и прикинули. Можно комнату с террасой слева сдать одним жильцам, комнату с верандой справа — другим, две комнаты на втором этаже — третьим, комнату во времянке — четвертым. По пятьсот с каждой — выходит две тысячи. За собой оставим две комнаты в центре на первом этаже и комнату на втором. А если в гараже пробить пару окон и поставить перегородку, то... С жильцами договорился, чтобы помогали обрабатывать участок.

Так и сделали. От желающих снимать отбоя не было. И мы еще немного накинули под тем предлогом, что надо платить за свет и газ, в кооператив, в милицию. Жильцы попались в общем спокойные. За исключением одних, о которых скажу особо. Из-за них-то все и завертелось в нашей жизни не так, как следовало бы.

Странно, академиком у нас на пенсию никогда не переводят. Разве что в крайнем случае. Например, если враг. Врагов на пенсию не отправляли, сказал Академик. Их расстреливали. Тех расстреливали ни за что, сказал я. Вы

же сами знаете, перегиб был. Я про сейчас говорю. Вот почему вас на пенсию уволили? Потому что я настоящий ученый, сказал Академик, а не карьерист и не холуй, как прочие. И потом, я ведь академик там, а не здесь. Где это «там»? — спросил я. На Западе, сказал он. Это вы плохо поступили, что вас там выбрали, сказал я. Нехорошо. Надо было отпор дать. Какой отпор? — удивился Академик. Я же лингвист. К политике никакого касательства не имею. Как это не имеете, сказал я. У нас все имеют отношение к политике. А кто уклоняется, тот... Теперь мне все ясно. А я-то голову ломал, за что это вас. Не зря, выходит. Я, между прочим, лауреат, сказал Академик. Лауреат, а в нашу академию не выбрали, удивился я. Так не бывает. Зачем же тогда премию дают? Тут что-то не так. Разобраться надо. Поздно, сказал он. Да и не в чем разбираться. Все и так ясно. Я же говорю вам, что я — ученый, а не карьерист. Что вы заладили: карьерист да карьерист, сказал я. А знаете ли вы, что такое карьерист? Имею некоторое представление, сказал он. Например, нынешний директор нашего института молодой, а уже член-корреспондент. А как ученый — абсолютный нуль. Вот то-то и оно, что у вас только некоторое представление, сказал я. А я, по-вашему, карьерист? А Генерал? Генерал, без сомнения, карьерист, сказал он. Услышал бы Генерал, сказал я, он бы вас со своей «собачкой» в ключья разорвал. Да он этих карьеристов поносит в таких выражениях... Мало ли что, сказал он. Нет, уважаемый ученый, сказал я, вы заблуждаетесь. Генерал не карьерист. И я не карьерист. Если человек занимает крупный пост, достигает высоких званий, это еще не значит, что он — карьерист. Вы в своей лингвистике собаку съели. А я — в этих делах.

И я впервые с удовлетворением почувствовал свое превосходство над Академиком в этом вопросе. Я хлопал его по плечу и рассказал кое-что... так, самую малость... из того, что я знаю на эту тему. А знаю я немало. И такое, что, если записать, ни за что не поверят, что это было на самом деле.

Считается, что наше общество заражено карьеризмом. Наивные люди! Наше общество страдает от отсутствия карьеризма. Не знаю, почему это происходит. Я не ученый. Я практик. Но я точно знаю, что это так. У нас смешивают разные вещи: обилие должностных лиц, продви-

жение по службе, жизненный успех, стремление добиться успеха, занять пост, с одной стороны, и карьеризм как определенное качество человека, с другой стороны. Генерал, например, был службист, успешно продвигался по службе и стремился к этому. Но он не был карьеристом. Карьеристов он ненавидел от всей души. Я не карьерист. А мой Зять карьерист. Сын мой — нет. Да, тут не так-то все просто.

Возьмем Генерала. Как вы думаете, добился бы он большего успеха, если бы был карьеристом? А я? Так вот, будь мы карьеристами, мы бы не поднялись на такую высоту. Сын мой не карьерист, а Зять — карьерист, но еще неизвестно, кто дальше продвинется. Подозреваю, что Зять достиг потолка. Почему? Потому что карьерист! Если человек карьерист, из этого еще не следует, что он преуспеет. У нас миллионы служебных лесенок. Кто-то должен по ним продвигаться. А сколько ступенек в тех лесенках? Порой — десяточки. Если все начнут снизу и полезут с одинаковой скоростью, до верхних ступенек никто не доберется. А если и доберется, то сразу на пенсию или на кладбище. Случайно, думаете, высшие руководители все престарелые? А ведь все ступеньки и вершины лесенок должны быть заполнены. Иначе жизни не будет. Иначе — развал.

Наше общество, смею вас уверить, враждебно карьеризму как качеству личности. Карьеризм у нас не поощряется. Говорите, карьеристы маскируются? Ага, значит, не хотят, чтобы их карьеристами считали. Я об этом и говорю. Маскируются, конечно. И не так-то просто их разоблачить. И покровителей они обычно сильных имеют. Без меня мой Зять, например, дальше доцента не пошел бы. Но чаще мы карьеристов разоблачаем и говорим им «стоп!». Вот в чем загвоздка. Я лично считаю, что именно от этого у нас неполадки в аппарате управления. Потому-то у нас хороший руководитель — редкость. Сметесь? А у вас ценится настоящий ученый? А художник? А писатель? Не очень? И в нашем деле то же самое.

А кто называется карьеристом? — спрашиваю я у Академика. Карьерист, говорит он, стремится любой ценой быстрее и выше продвинуться по служебной лестнице, используя конкретное дело лишь как средство. Такое определение, говорю я, было пригодно раньше, когда должностей было поменьше и лесенки покороче. А теперь

чуть ли не все должны как-то продвигаться. И с таким определением не отличишь генералиссимуса от уборщицы. У нас нет генералиссимуса, говорит он. Пока нет, говорю я, но скоро будет. Вот стремление Вождя стать генералиссимусом есть признак карьеризма или нет? Говорите, ему выше двигаться некуда? Ну и что? Трус останется трусом, если ему и не приходится убегать от противника. А карьерист остается карьеристом, если даже достиг вершины или не достиг ничего. Со мной в школе учился парень — прирожденный карьерист. И данные имел. А зачах где-то на пустяках. А я тогда и не думал о руководящей работе. И данных не имел. А результат? Шевелите мозгами, ученый! Сколько вы книжек нацарапали? А ваш директор? И фигура у вас — для президиумов. А директор? Сморчок, говорите? И все-таки его в академию выбрали, а не вас. Так что же такое карьеризм?

В связи с продовольственными затруднениями у меня отобрали закрытый распределитель. Это существенно ударило не только по нашему бюджету, но и по времяпровождению. Питаться с рынка дорого. Блат в магазинах мы не завели. Да моя Жена и не научилась этому — не было необходимости. Так что приходится теперь мотаться по магазинам и стоять в очередях. А это сплошная нервотрепка. И продукты не те. У меня началась изжога. Надо провериться у врачей. Хорошо, еще от поликлиники ВСП не открепили, а то пришлось бы торчать в очередях в районной больнице. Да и какое там лечение?! Если от поликлиники ВСП открепят, будет совсем плохо. Надо сказать Жене, чтобы запаслась лекарствами. А то в наших обычных аптеках днем с огнем не сыщешь, когда нужны будут. Из-под полы только. И опять же втридорога.

Я гулял как обычно. И думал о превратностях и несправедливостях судьбы. И возмущался безобразиями, которые видел теперь на каждом шагу. И чем больше возмущался, тем больше видел. А чем больше видел, тем больше возмущался. Когда пришел домой, на меня накинута Жена: отключили горячую воду.

— Вот мерзавцы, — кричала она, — только собралась помыться, как отключили.

— Потерпи, — сказал я. — Скоро включат.

— Ты что, ненормальный, что ли?! Ты наши порядки не знаешь? Теперь недели две не включают. Им лишь бы отключить! Давай, звони в Горсовет!!

Я позвонил заместителю председателя Горсовета. Он обещал выяснить. Через пару часов он сам позвонил мне и сказал, что он принял меры, что нас пропустят в первую очередь.

— Так что не волнуйтесь, дней через десять вам включают.

Когда я сказал об этом Жене, она ошалело поглядела на меня и плюхнулась в кресло.

— О Господи, что происходит на свете?!

Я молча пожал плечами. Включил телевизор. Передавали выступление Вождя по поводу успешного выполнения пятилетнего плана. Вождь как раз читал раздел о росте благосостояния трудящихся.

— Выключи ты этого болтуна ко всем чертям! — взвела Жена.

Пришлось вызвать «неогложку». Врач осмотрел жену, сказал что-то о нервном переутомлении, посоветовал санаторий.

— А что, в самом деле, — сказал я Жене потом, — не съездить ли нам в хороший санаторий, а? Тем более пока в этом отношении у нас проблемы нет.

На другой день позвонил в санаторно-курортный отдел поликлиники, но безрезультатно. В этом отделе меня с учета уже сняли. Пришлось звонить Зятю. Тот обещал помочь, но гарантий не дал.

Ликвидировали комиссию по оценке автомашин.

Впереди важно шествует генеральская «собачка». За ней, не разбирая дороги, прямо по лужам и грязи шлепает Генерал. Впрочем, под ноги ему смотреть бессмысленно: из-за пуза все равно ничего не увидишь. А глядеть далеко вперед он не привык. И если даже он замечает впереди лужу, которую следует обойти, он о ней забывает, пока дойдет до нее, а гонор не позволяет обойти. Чтобы он из-за какой-то паршивой лужи?! Да кто она такая, чтобы он?! Боком, аккуратно обходя все, за что можно задеть и испачкаться, крадусь я. Ты мне устрой этот участок на берегу, орет Генерал на весь проспект, а я за ценой не постою. Знаешь, сколько я отхватил за ту свою

дачку? Я говорю «ого!», хотя знаю, что Генерал продешевил. За его ту дачку умеючи можно было взять в два раза больше. Но я подозреваю, что тут кроется какая-то военная хитрость. Не может быть, чтобы такой бывалый человек такую оплошность допустил. Хотя военные хитрости, они все такие: хитрят-хитрят, а потом добиваются победы такой ценой, что лучше бы этой победы и не было. Но хитрость тут все-таки была. И Генерал выдал ее через сотню шагов, не удержался. Тщеславие! Оно и не таких губило. Вон наш Вождь. Над ним все смеются уже, а ему все мало! А знаешь, орет Генерал, какую я хохму отмочил? Ха-ха-ха! Так дачку-то все равно должны были отобрать. Оказывается, мне не положено ее оставлять. Хотя меня перевели с повышением, а по ихним бумажкам на этой должности обеспечение ниже. Неувязка! Как так? Да ты что, с Луны свалился?! У нас же везде неувязки!

Я обещал Генералу содействие. Он расчувствовался. И стал рассказывать, как он брал *Н.* Думаешь, раз-два и готово, заорал он опять. Противник? Да чхать мы хотели на противника! Не в нем дело. Ты слушай и мотай на ус!.. Может, поумнеешь на старости... И замелькали имена, звания, полки, населенные пункты, приказы, распоряжения... Как в такой маленькой черепушке уместается все это?! Пока мы шли до дому, Генерал нарисовал мне такую картину, что мне стало страшно, честно говоря. А ты говоришь — Наполеон, сказал напоследок Генерал охрипшим голосом. Да ты дай Наполеону дивизию в наших условиях и посмотри, что с ним будет. А взять *Н* твой Наполеон вместе с Суворовым и Александром Македонским ни в жизнь не смог бы. Это я тебе точно скажу! Кишка тонка!..

С домработницей пришлось расстаться тогда же, и на нас обрушились житейские заботы: магазины, уборка, приготовление пищи. Жена решила вызвать к нам свою сестру.

— Она все равно на пенсии бездельничает. И здоровая как лошадь. Что им там делается?! Живут себе без забот, не то что мы. Только ценные вещи надо поубирать. Кто их знает, на что они способны?! И где мы ее поселим?

Я считал, что в нашей гигантской квартире это не проблема. Но ошибся. Оказывается, не так-то просто найти

место в пятикомнатной квартире на двух человек еще для одного человека. Наконец, мы решили поселить Сестру в самой маленькой и холодной комнате, которую мы использовали в качестве чулана. Но вспомнили, что скоро у нас будет жить внук и эта комната будет его. Я предложил поставить койку для Сестры в моем кабинете — все равно я им не пользуюсь. Но Жена категорически отвергла мое предложение.

— Ты забыл, что будешь писать мемуары! Потом, тут ценные книги. Еще два книжных шкафа придется ставить. Мы подписались на... на... на... Где ставить?

Кабинет отпал. И нам пришлось поставить для Сестры в холле кровать-диван из гостиной.

— В гостиную надо купить новый гарнитур. А это дерьмо все равно давно пора выбросить.

— Зачем выбрасывать? Отвезем на дачу.

Когда Жена в свое время говорила насчет пеленок, она преувеличивала. Внуки наши давно выросли из пеленок. А старший готовился уже оканчивать школу, так что Сын решил подкинуть его нам. Мы долго обсуждали эту проблему и наконец согласились. Дело решило простое житейское соображение: случись что с нами, кому мы оставим все нажитое? Дети, конечно, не откажутся взять, что дается даром. Но особой радости не проявят — они устроены, и мозги у них повернуты не в том направлении. Иное дело — Внук! К тому же — любимый.

Внук в «чулане» жить отказался и занял мой кабинет. Кабинет пришлось перебазировать в «чулан». Перетащили столы, шкафы, полки, тахту. Свалили как попало. Закрыли и забыли. И про «мемуары» забыли. Не до этого.

Сестру кровать-диван в холле вполне устроила. Она только тумбочку попросила для всяких там мелочишек (лекарства, расческа и т. п.). Но это даже удобно оказалось: на тумбочку перенесли телефон. И Сестра взяла на себя функции не только домработницы, но и телефонистки. Зато кормилась она у нас бесплатно. И вещи свои ей Жена отдавала.

— А жрет она за двоих, — сказала однажды Жена.

Но проблему эту решить не было никакой возможности. Единственное, что удалось, — питаться отдельно: мы в столовой, Сестра — на кухне. Ну, если иногда удавалось достать икру, ценную рыбку, свежие фрукты,

копченую колбаску и другие редкие продукты, Жена убираала это в спальню — пришлось там поставить еще холодильник.

Внук переташил к нам всю свою грандиозную радиомангитофонную аппаратуру. И в квартире начался грохот. Академик стал жаловаться и просить потише. Кстати, в последнее время он начал прихварывать, и встречаемся мы все реже и реже. Надо мне будет как следует провериться у врачей. За здоровьем надо следить. Но на жалобы Академика нам наплевать. Вот с Генералом хуже. Грохот стал доходить и до него и беспокоить «собачку». Сам Генерал мог спокойно переносить даже артиллерийскую канонаду. На Генеральшу ему начхать, лишь бы жрать давала да пол-литра всегда было на столе. А вот «собачка» оказалась слабонервная. И Генерал пригрозил затопить нас, если мы не прекратим безобразия. Пришлось побеседовать с Внуком. В нашей дружной семье начались первые конфликты.

Желающих снять дачу оказалось в избытке. И я тщательно отобрал наиболее подходящих. Чтобы не было маленьких детей: они шумят, портят клумбы, рвут ягоды. Тут ягоду, там ягоду, глядишь — накапливается на целую банку варенья. А на базаре ягодки-то по рублю стаканчик. К тому же из-за детишек на участке вечно всякое барахло на веревках болтается. Чтобы не было взрослых детей: эти шумят еще больше, компаниями собираются, вечерами болтаются, музыку и мотоциклы гоняют. А у нас Внук. Нам его воспитывать надо. Он у нас мальчик еще неиспорченный. Чтобы не пьяницы. Я и сам выпить не дурак, но это дело другое. Я один, спокойно, без криков. А если лишнюю хвачу, тут прием отработанный есть: сердечный приступ, мол. Одним словом, отбирать приходилось по многим показателям или, как теперь любят говорить, параметрам. Хотя чем параметры лучше показателей? А самое главное в моей политике отбора — принцип партийности, то есть чтобы не проникли подозрительные субъекты. В поселке такие случаи были. На соседней улице (хозяин дачи — бывший ректор крупного института) даже обыски производили и задержали нескольких молодых людей с бородами. Правда, их потом отпустили. Но все же... Нет дыма без

огня. Так что я тщательно проверял документы и наводил справки. Если беспартийные, я даже в переговоры не вступал.

Вообще-то говоря, жильцов пускать по закону запрещается. Но законы те устарели, все владельцы дач спокойно сдают что хотят и на сколько хотят, милиция и правление кооператива смотрят на это сквозь пальцы. Разумеется, за соответствующее вознаграждение. Но за одним смотрят строжайшим образом: кому именно мы сдаем дачи. Поэтому мы перед тем, как дать согласие, выписываем данные (параметры?) желающих снять дачи и несем их в милицию. Они тоже наводят о них справки по своей линии и потом нам рекомендуют кое-кого отклонить. Так что мы работаем с милицией в контакте. Что касается Органов, то это само собой разумеется. Об этом и говорить не нужно. Мы сами все прошли эту школу с юности, нас учить не надо.

Хотя жильцов мы отобрали таких, как надо, хлопот с ними немало. Во-первых, их надо постепенно привлечь к работе на участке. И смотреть за ними в оба надо. Чужое добро не берегут. То по тропинке не ходят, а норовят напрямик. То ягоду мимоходом сорвут. Им пустяк, а набирается много. На рынке вон рубль стаканчик. Газ жгут без экономии. Ночи напролет свет не тушат. Надо будет десятку накинуть при расчете. В уборной мимо мочатся. А иногда и по-большому делают не так, как велено. Хорошо, еще Сестра приглядывает за ними, убирает. А с мусором прямо-таки беда. Я им каждый день говорю, чтобы складывали в пакеты и уносили подальше, а они всю рощу поблизости засорили. И еще отпираются, говорят, что это не они. А я же досконально изучил, кто из них и как мусорит. Ихний мусор я из тысячи других узнал бы. Во-вторых, с жильцами надо воспитательную работу вести. На даче люди расслабляются, говорят много лишнего. Надо останавливать, одергивать. Пусть опасаются и тут. Хоть тут и дача, а наша власть и тут имеется. От нее не убежишь. Воспитывать людей надо осторожно, все-таки дачники. Но у меня опыт. Вот, скажем, утром собираются люди на кухне, во времянке. Я сижу в комнате рядом с кухней. Просматриваю газеты. Дверь открыта. И я говорю так, между прочим, что почему-то не вижу радости на их лицах. А по какому поводу? — удивляются они. А газеты читать надо, говорю. Новый космический

корабль запустили. Особый! Наверняка рекорд продолжительности ставить будет. Как эти американцы ни пыжались, а с нами тягаться у них кишка все равно тонка. Но на Луне они высаживались, говорит Жильчиха. А мы, говорю я, людей бережем, автоматы на Луну посылаем. А на Западе им на людей плевать, им людей не жалко. Вот так ненавязчиво начинается у нас беседа на важные политические темы. К тому же они и себя раскрывают при этом, показывают, кто чем дышит.

В воскресенье к Жильцу приехали гости. Четверо. С провизией и вином. Я предупредил, чтобы никаких ночевок. На всякий случай решил послушать, о чем они разговаривают. Как слушать, это я придумал здорово, ни за что не догадаетесь. Это мой секрет. Разговор меня насторожил.

— Слышали, один видный деятель Итальянской компартии напечатал ответ Социологу по поводу его статьи о еврокоммунизме. Обвинил его в том, что он — дилетант в политике.

— А Социолог что?

— Ерунду какую-то наговорил.

— Жаль. Я бы на его месте влепил бы этому итальянцу. Что-нибудь в такой манере. Уважаемый господин итальянец! Вы правы, я дилетант в политике. Но у меня есть два преимущества перед вами. Первое — я родился в Советском Союзе и прожил в нем более пятидесяти лет. И что такое коммунизм, я знаю не из книжек столетней давности, не из окон гостиницы «Интурист», не из бесед с руководителями КПСС, не из газет, не из витрин магазинов «Березка», а в самой его глубинной натуре. Второе — я не политик, а ученый. И как ученый, я вас уверяю, что построить «коммунизм с человеческим лицом» столь же возможно, как долететь до Луны верхом на самоваре, который продается иностранным туристам за валюту в упоминавшемся магазине «Березка». И уж во всяком случае, бесспорно одно. Если «коммунизм с человеческим лицом» действительно возможен, то вы до него не доживете, ибо вы и все подобные вам будут уничтожены при этом именно за болтовню насчет «человеческого лица». Заранее с искренним сочувствием по сему поводу и с пожеланием реабилитации в ближайшие после вашей ликвидации пятьдесят лет, искренне ваш такой-то. Каково?

Послушал я и успокоился. Это хорошо, что они евракоммунистов ругают. Это по-нашему, по-партийному. Ничего не скажешь, грамотные. И я проникся к Жильцу большим уважением. Но, как говорится, доверять доверяй, а проверять проверяй.

Я опять прислушался к разговорам у Жильца.

— Пойми, при оценке исторической личности главным является установление адекватности или неадекватности ее масштабам событий эпохи. А была эта личность лысой, маленькой, пьяницей, коварной, жестокой и т. п. — это уже второстепенные мелочи. С этой точки зрения Ленин был великим историческим деятелем. И Сталин тоже. Да, да. Это не означает, что я ему симпатизирую. Я лишь измеряю. Тебя это удивит, но я скажу нечто вообще возмутительное, с точки зрения наших либералов и диссидентов: я считаю Хрущева и Брежнева вполне соизмеримыми со Сталиным. Какими бы они ни были, они — крупные исторические фигуры.

Это меня успокоило окончательно. Сейчас все только и делают, что смеются над нашими руководителями. Анекдоты рассказывают. А это... Надо будет поближе познакомиться с Жильцом, нам есть о чем побеседовать.

— Но возможен и другой подход к оценкам тех же личностей. Возьмем такие фигуры, как Керенский и Гитлер. Оба неудачники. Как их оценивать? По твоим критериям это тоже выдающиеся исторические деятели. Если это сомнительно в отношении Гитлера, то уж в отношении Керенского совсем смешно. Или, скажем, Троцкий, Бухарин...

Правильно, подумал я. Эти — совсем дерьмо, а не деятели. Тоже мне деятели! Я знал, кого пускать к себе на дачу! Опыт партийной работы, это у меня не отымешь.

— Дерьмо эти твои Троцкий и Бухарин, как и Сталин.

Насчет Троцкого и Бухарина, подумал я, верно. Но насчет Сталина — так нельзя. Были ошибки, перегибы. Партия поправила. И все. А в борьбе против Троцкого и Бухарина у Сталина заслуги несомненные.

— К чему финтить, Сталин был верным учеником Ленина. Когда говорили, что Сталин — это Ленин сегодня, говорили правду. Сталинизм это есть ленинизм, только четко проведенный и сформулированный...

Верно, подумал я. Что верно, то верно. Есть еще настоящие коммунисты! Молодец, Жилец!

— ...Не спорю, — слышу я голос Жильца, — я мог бы создать хорошо работающее учреждение. По числу сотрудников раз в пятьдесят меньше нашей богадельни, по продуктивности... Тут и сравнивать нечего. Но только не в нашей системе. В нашей системе я на роль руководителя совершенно непригоден. И то, что назначили А, это нормально и справедливо. Каковы у нас функции директора? Мотаться по инстанциям, согласовывать, утрясать, проводить, указывать, вникать... Это — особая профессия, ничего общего не имеющая с делом. Для дела у него есть заместители... А их, между прочим, тоже избирают, назначают, утверждают. Есть заведующие отделами, секторами. И дело его интересует лишь постольку... Ему важно одно: чтобы учреждение выглядело здоровым в морально-политическом и деловом отношении с точки зрения принятых в обществе критериев, в глазах высших инстанций (Райком и Горком Партии, ЦК, министерство, Президиум Академии), большинства активных сотрудников и т. д. Цель нашего учреждения — не абстрактное служение некоему делу, лишенному временных рамок и государственных границ, а функционирование в конкретном организме нашего общества, в конкретное время, среди конкретных людей. Меня интересует Дело как таковое, отвлеченно от всего прочего. Поэтому я не могу быть нормальным руководителем. По своим установкам и интересам не могу.

— Они же могли бы создать тебе особые условия, — говорит Лысый (это дружок Жильца, он часто тут бывает; думаю, что не из-за умных разговоров, ха-ха-ха, а из-за Жильчихи), — это же выгодно всем. Создал бы ты свой отдел, работающий на уровне мировых стандартов. Тому же директору было бы выгодно. И государству.

— Опять абстрактные рассуждения. Для одного такого отдела отменять наш строй жизни не будут. Пример дурной не разрешат. К тому же в общей среде такой отдел долго не просуществует, а коллеги сделают все, чтобы свести его к обычному уровню или разрушить. А они всеильны в массе.

Нет, рано я решил, что Жилец свой человек. Есть в его речах что-то не наше. Не пойму, что именно. Тон, что ли? Нет в нем нашей партийной боевитости.

С этого проклятого мусора и начались все наши неприятности. Прогуливался я под вечер по роще. Гляжу — крапива примята. А там в самой глуши — чудовищные заросли крапивы и всякой ненужной травы. Пошел я по примятой крапиве вглубь. Гляжу — сверток валяется. Я его сразу узнал: сверток Жильца. Жильчиха всегда перевязывает аккуратно бечевкой, петельку делает, чтобы удобно нести было и чтобы все думали, будто не мусор там, а торт. А в этом «торте», ха-ха-ха, она иногда такие мерзости укладывает, что даже вспомнить противно. Дай, думаю, посмотрю, чем эти паразиты на сей раз засорили окружающую среду. И вещественное доказательство будет. Можно будет серьезно поговорить, замечание сделать. Взял я сверток, перенес поближе к дороге и бросил. Думал позвать Жильца, указать на беспорядок и неопровержимо доказать вину. В случае чего потом легче будет заставить поработать на участке или накинуть еще десятку за уборку территории. Вообще-то говоря, по нынешним ценам можно было с жильцов взять на полсотни больше. С четверых двести получается, а это уже деньги. На гараж пошли бы.

Бросил я сверток и иду домой. Но вдруг меня кольнуло в сердце. Стой, говорю я себе. Если бы это был просто мусор, зачем было его прятать в крапиву. Я же все руки пожег, пока достал. И что это они целыми днями на машинке печатают? А вдруг! Я вернулся, взял сверток, ушел подальше, развернул и среди всякой мерзости обнаружил обрывки записок и копировальной бумаги. Рвут, сволочи, значит, не зря я... Я отобрал обрывки, сложил в карман (в следующий раз надо носить с собой целлофановый пакет!). Круглым путем потихоньку вернулся домой. Дома заперся у себя в комнате, сложил обрывки, начал читать...

На листе, который я собрал из обрывков, я прочитал следующее.

«Считается, что история повторяется, но один раз — как трагедия, а второй раз — как фарс. Сейчас многие, глядя телепередачи, слушая радио, просматривая газеты и журналы, со все понимающей насмешкой произносят эту фразу. Вождю присвоили пятое звание Героя? Ха-ха-ха! Тщеславный болван! Маршала присвоили! Ха-ха-ха-

ха! Совсем рехнулись, идиоты! На каждой странице его имя по полсотни раз упоминают? Ха-ха-ха! Взбесились совсем! В наших условиях эта «крылатая» фраза на самом деле звучит как цинизм и пошлость, если не хуже. Люди уже позабыли, что в первый раз такие смехотворные штучки (Сталин гений? Ха-ха-ха!) поставили Страну на грань катастрофы. А чем может кончиться этот «фарс»? Возьмите хотя бы листок бумаги и произведите простой подсчет, сколько стоит только одно внешнее оформление культа Вождя (ссылки, речи, бюсты, портреты, плакаты и т. п.). И вы получите ужасающую сумму по Стране в целом за десять только лет. И все это — за ваш счет. За счет того, что вы недоели, недополучили, недоотдохнули, потеряли зря время, проторчали в очередях, остались без квартиры... Весь этот пошлый спектакль «фарса» производится за ваш счет, запомните это. И стоит он дорого. А кто может подсчитать, к каким последствиям в духовном состоянии общества ведет этот тщеславно-исторический маразм? Неужели вы думаете, что эта банда липовых генералов, маршалов, академиков, героев и т. д. не занимает мест, которые должны были бы занимать настоящие генералы, маршалы, герои... А ведь именно они, эти липовые и дутые фигуры, решают судьбы Страны, наши судьбы, судьбы наших детей».

Прочитав эту страничку, я не стал собирать остальное, выпил валерианки и побежал скорее на станцию. Прямо с вокзала позвонил в Органы. Все по тому же телефону, номер которого я с юности запомнил навечно. Он так и не изменился с тех пор. Только спереди одну цифру добавили. Поразительно, сколько перемен произошло в мире, а номер телефона отдела ОГБ, по которому я позвонил первый раз сорок с лишним лет назад, остался тот же. Хотя у меня был довольно большой период, когда у меня не было надобности пользоваться этим номером, я набрал его автоматически. Мне даже показалось, что голос, ответивший мне, был тот же самый. Не может быть! Волна воспоминаний юности нахлынула на меня. Стало грустно. Я вышел из автомата и отправился в условленное место. Скоро рядом со мной затормозила черная «Ласточка»...

Меня попросили, чтобы я виду не подавал, будто узнал, чем занимался Жилец, а последил за ним — с кем встречается, какие разговоры ведет. А главное — собирать все бумажки, которые он выбрасывает. На свой страх и риск я решил привлечь к этому делу Внука. Пора. Парень он уже большой. Надо подумать и о будущем.

Внук в ответ на мое предложение сначала рыпался, бросал модные словечки, в позу становился. Но в конце концов согласился. Еще бы не согласиться! Я пообещал ему замшевую куртку с десятками карманов на «молниях». Согласившись, он признался, что сам давно присматривается к Жильцу. Он частенько заходит к нему, разговорчики заводит. А Жилец говорит такие вещи, за которые по шапке могут дать. Я велел Внуку (как меня просили), чтобы Жилец отпечатал на машинке какую-нибудь бумагу, допустим отчет для комитета комсомола о выполнении поручений. Затем поручил Внуку установить все места, где Жилец разбрасывает мусор. После этого мы разделили зоны осмотра и сбора обрывков. Один раз я поручил Внуку проследить, куда поедет приезжавший к Жильцу молодой человек с бородой. Внуку это все понравилось. Он вошел в роль, делал все с удовольствием. Что поделаешь, юность! Романтика! Временами его приходилось даже одергивать, а то мог бы провалить всю операцию. К счастью, эти наши подпольщики настолько наивны и беспечны, что слежка за ними не представляет особого труда. Она доступна всем гражданам. Если издать инструкции и справочники по этому делу, то работа Органов сильно облегчится. А теперь время наступает такое, что работы будет прибавляться. Я бы со своей стороны мог поделиться опытом.

Слушание разговоров у Жильца я никогда не прекращал. Втянулся в это дело. Не только из-за партийного долга, но и из интереса. Разговаривают эти мерзавцы все время на важные темы. И признаюсь, не так уж глухо.

— Ты бы поосторожнее со своим хозяином, — слышу я голос Лысого (вот мерзавец-то!). — Он же типичный стукач-доброволец. Эта гнида кого угодно предаст и заложит, лишь бы его Там похвалили за это.

— Это ясно, — говорит Жильчиха. — И Внук у него тоже из этой крысиной породы. А что с ними поделаешь? Они во все дыры лезут, везде свой нос суют. Се-

годня этот сопляк весь день проходу не давал, просил отпечатать ему какую-то комсомольскую бумаженцию. Шито все белыми нитками, зачем все это придумали.

— Вот идиоты, — говорит Жилец. — Я же сдаю свои сочинения в отдел отпечатанными на этой машинке мною или женой. Если им нужно иметь «почерк», давно могли на работе узнать. Зачем им пацана в это дело втягивать?

— Натаскивают, — говорит Лысый. — Ты бы поосторожнее с этой... Ты понимаешь, о чем я говорю... Всякое может быть. Не следует их недооценивать. Они свое дело делают все-таки профессионально.

Да-а-а-а... Я ошибся насчет наивности и беспечности этих мерзавцев. Эти — не то что раньше. Вот раньше, так... Впрочем, раньше и врагов-то настоящих не было. Они только теперь стали появляться. Наше руководство это явно недооценивает.

Наша работа с Внуком облегчилась. У нас под видом моего младшего брата, приехавшего с Севера, поселился сотрудник ОГБ. По случаю приезда Брат устроил попойку. Пригласил всех жильцов дачи — широкая натура, денег полно! «Напившись» (а пьет он здорово, там, видно, учат этому специально), он начал рассказывать всякие ужасы про лагерь на Севере. Жилец слушал внимательно, выспрашивал детальнейшим образом. Судя по всему, клюнул. А я восхищался Братом. Ох и ловкая же ты bestия, думал я, как несет наши порядочки! Любой диссидент позавидовал бы. Со знанием дела, а не с бухты-барахты.

— Любопытный человек ваш брат, — сказал Жилец на другой день. — Где он работает?

Я растерялся перед таким вопросом. Но... —
руки.

— Это уж вы сами спросите, он на эту тему не пасмурно.

Умер Академик. Это подействовало на меня удручающе. Мы с ним как-никак сдружились. А во-вторых, у меня у самого сердце стало давать знать о себе самым ощутимым образом. Хотел лечь в больницу ВСП, но меня там сняли с учета. Зять предложил положить в академическую. Я отказался: об этой больнице дурная слава.

ва ходит. А тянуть нельзя, плохо кончиться может. Вчера мне стало плохо, когда я в поисках мусора Жильца отошел от дачи километров на пять.

На похороны Академика собралось много народу. Большинство собравшихся — молодые люди. Жилец потом говорил (он был на похоронах), что Академик — выдающийся ученый. Если бы, мол, не идиотские условия Страны в те годы, он мог бы стать фигурой мирового значения. А тут его низвели до жалкого уровня. Зато теперь, после смерти, его начнут раздувать официально и со ссылками на его авторитет будут давить талантливую молодежь. У нас официальное признание равносильно превращению в консервативность и реакционность.

Генерал тоже хотел речь сказать, но не смог: упилился до полного безобразия. Я таким его видел впервые. И мне показалось, что Генералу тоже недолго осталось устраивать топот у нас над головой. Брат с Жильцом ездили на кладбище. Ловко у него получается. Он в этой компании теперь свой человек.

Академика схоронили на кладбище недалеко от нашего поселка. После похорон у Жильца собралась компания. Пили и разговаривали до утра. Когда все разошлись, я подслушал разговор Брата с Жильцом.

— Вы осторожнее с моим братом, — сказал Брат. — Вы знаете, кем он был?

— Да. Но неужели такой человек опустится до такой низости...

— Прежде чем подняться на высокие посты, такие люди всегда сначала бывают рядовыми стукачами. В войну он служил в войсках МВД, политработником в заградотряде. В общем, биография у него дай боже всякому.

— Так он лезет.

— А вы его в шею. С ними вообще...
нее. Их бить надо, тогда они начинают тебя ^{улы} понахальнее. Они силу любят и поклоняются ей.

Я слушаю, и глаза мои буквально вылезли на лоб. Но я оправдывал это интересами дела. Значит, так надо, утешал я себя, значит, дело тут нешуточное. Но не перегибает ли палку мой «младший братец»?! Надо на всякий случай проконсультироваться.

У нас в поселке есть специальное место, куда сносят мусор, поддающийся сжиганию, и жгут. Мой Жилец,

негодяй, приспособился носить туда свои бумажки и жечь. Я ему сказал, что напрасно он себя утруждает, что может сгораемый мусор кидать в бочку, а я потом сожгу. Он поблагодарил, но продолжал свое: жег.

Однажды я пошел на станцию — надо было съездить в город по одному делу с участками. Около станции ко мне подошел молодой человек, предъявил удостоверение ОГБ, пригласил в «Ласточку». Мы поехали прямо в управление. Там меня спросили, почему я перестал поставлять информацию о Жильце. Услышав такой вопрос, я потерял сознание. Очнулся, смотрю — лежу на диване, рукав засучен (очевидно, укол сделали), врач складывает свои инструменты в сумку.

— Пусть полежит минут десять, — сказал врач. — Ничего особенного. Это скоро пройдет.

Отлежавшись, я рассказал о Брате. Меня попросили подробно описать внешность. Когда я это сделал, беседовавший со мною сотрудник снял телефонную трубку и попросил принести фотографию из личного дела такого-то (он назвал фамилию, которую я не расслышал). Фотографию сразу принесли, показали мне. Я узнал Брата. Сотрудники начали смеяться. Наконец, старший из них назвал кого-то халтурщиками и паразитами. Мне сказали, что я могу быть спокоен, Брат — наш человек, только из другого отдела. Попросили возобновить работу, которую мы вели с Внуком до появления Брата. На другой день Брат срочно «по семейным обстоятельствам» уехал к себе «на Север».

Внука я люблю, он в меня. А джинсы, магнитофоны, мотоциклы, длинные волосы и прочее — все это наносное, внешнее, преходящее. Сын и Дочь мне совсем чужие. Не поймешь, чего они хотят. Устраиваются в жизни поудобнее и повкуснее, а делают вид, будто думают совсем о другом. Изображают из себя передовых и прогрессивных. Прошлого стыдятся. Внука этим не возьмешь. Прошлого его не касается. Он твердо знает, чего хочет. Никакой интеллигентской раздвоенности в нем нет.

— Главное, — говорю Внуку, — не поддавайся на модные политические идейки. Штаны, машинки — это пожалуйста. Хочешь, сам тебе подарю. Но идейки —

это все дерьмо. Кроме неприятностей, от них никому ничего нет. Поверь мне, у меня за плечами опыт жизни и большой работы. Настоящая история не так делается. И не в этом она состоит. Если хочешь знать, настоящие революционеры — это мы. Пройдут века, потомки это лучше нас поймут. Вот послушай, я тебе расскажу, что значит одно такое пустяковое (на первый взгляд) мероприятие в масштабах государства.

— Ты мне, дед, мозги не полощи, — морщится Внук. — Я эту политграмоту на пятерки отвечал сам. Ты лучше расскажи мне про Сталина. Ты же встречался с ним лично, правда? Какой он был на самом деле?

Я рассказываю, как все было на самом деле. Я лично с ним встречался два раза, один раз — с группой товарищей (мы входили в комиссию, выполнявшую важное поручение ЦК), другой — один на один. Речь шла о «космополитах». Почему он выбрал меня, не знаю. Только привели меня к нему, а он без лишних слов: говори, мол, честно и прямо, враги они или нет, соврешь — проверю и расстрелять велю. Я сказал, что ради и т. д. в любую минуту готов. Делайте что хотите, но говорю честно: да, враги! Внук слушает со вниманием, задает вопросы: во что был одет, как сидел, что курил, кто был еще...

— Ну а репрессии были же?

— Были. А как же без них?! Революция была? Была. Гражданская война была? Была. Ты что думаешь, так сразу все и приняли новый строй? Врагов еще и сейчас полно, а тогда чуть ли не каждый третий был враг. Это тебе история, а не богадельня.

— Дед, а нынешние враги все родились после революции, а большинство — так вообще после Второй мировой войны.

— А Запад? И пережитков прошлого еще полно, они живучи.

— А что Запад? Запад нам даже очень полезен. Хлеб, например...

— И идеология...

— Мы все это учили...

— Плохо учили...

— Да нет, не так уж плохо. Мы ведь понимаем, что к чему. Нам могли бы и побольше порцию правды выдать. Любопытно все-таки.

Мне интересно так беседовать. Вспоминается юность. Как все изменилось! Куда девалась революционная боевитость и романтика?! Наконец, я пускаю в ход свой главный педагогический козырь:

— Пойми, не для себя мы боролись, а для вас. Все же достанется тебе. И дача. И машина. И квартира: я договорился, тебя пропишут к нам. Главное — будь достоин всего того, чего я добился ценой крови и труда.

Оказывается, Академик был верующий. Вот негодяй, а я еще гулял с ним, разговаривал. Умеют они прикидываться, приспособляться! Рано мы стали благодушествовать! Куда девалась старая партийная гвардия, закаленная еще в те годы?! Встретил я сослуживца по особому отделу дивизии. Тоже на пенсии. Что это, сказал я, мы все по нормам позабылись? Потерпи, сказал он, наше время еще вернется. Призовут. Держи карман шире, сказал я. Если сами о себе не заявим, не призовут. Там теперь молодежь засела. Молодежь не помеха, сказал он. Основная линия все равно в руках старой гвардии. А что эта гвардия вытворяет, сказал я. Речи, заседания, награды, памятники. Показуха. А в это время враждебные силы выросли и распустились. Встань в любую очередь, сядь в любой вагон и послушай, что люди болтают. Вспомни, мы раньше за сотую долю такого к стенке ставили. Слушал, сказал он. А что сделаешь? Теперь иначе нужно это... к стенке ставить. Теперь не скроешь. Запад... С умом надо.

Жилец рассказывал, что хоронили Академика с попом. Поп совершил свой обряд. Потом выступали представители. Первым выступил декан факультета и сказал, что он согласен в оценке творчества покойного с предыдущим оратором (то есть с попом). Начался смех. И собравшиеся так и не привели себя в унылый вид до конца процедуры. Я удивился, как мог он, Жилец, позволить себе присутствовать на религиозных похоронах, будучи членом партии. Жилец сказал, что теперь глупо относиться к Православной Церкви серьезно. Это теперь вполне послушное учреждение. Теперь надо опасаться потребности в новой форме религии. В какой? Он сам не знает. И никто этого пока не знает.

Жена привезла из города ужасную весть: умер Генерал. Упал на улице. К нему долго не могли подойти, бо-

ялись собаки. А собака сама его бросила, ушла домой. Тогда его и подняли. Думали, пьяный. От него и на самом деле несло. Но он был к тому же еще и мертв. В последнее время он зверски пил. А я уже устроил ему участок. И насчет стройматериалов договорился. Теперь все прахом пойдет. А кто будет расплачиваться? Пушкин, да? Надо будет нажать на Генеральшу. Пусть компенсацию выплатит. А участок и материалы надо переадресовать. Лучше футболисту, он больше даст. Теперь футболисты идут на уровне членов ЦК. Хотя Внук считает, что футболисты подешевели. Теперь хоккеисты на первом месте.

Похороны Генерала были куда более бедными, чем я ожидал. У Академика народу было раз в двадцать больше. Зато тут оркестр, солдаты. Ордена несла целая колонна. Я представил себе, как будут меня хоронить. Народу еще меньше. Солдат никаких. Ордена и у меня есть, но с Генералом не потягаешься.

Генерала сожгли в крематории. «Собачку» Генеральша продала. Квартиру, конечно, отберут. Интересно, кого теперь поселят наверху? Жена говорит, из генеральской квартиры будут делать четыре обычные и раздадут полковникам, профессорам и прочей мелюзге.

О смерти Академика сообщили в городской газете на последней полосе в малюсеньком четырехугольничке. О смерти Генерала дали большой некролог на второй полосе центральных газет. Некролог подписали высшие лица Партии, Правительства и Армии. А где сообщат о моей смерти? Кто подпишет некролог? Отделаются короткой заметкой с подписью «Группа товарищей»? Или поступят, как с Академиком? Это несправедливо. Я все силы отдал Партии, Государству, Народу. И вот итог: пара слов в захудалой газетенке. Несправедливо это!

Жилец с женой уехали в город. Я отправил Внука последить, чтобы они не застали врасплох, пока я буду выполнять последнее задание. Я открыл комнату Жильца и произвел доскональный осмотр, как меня об этом просили. Я составил список бумаг и книг, которые обнаружил. Выписал все имена, адреса и телефоны из записной книжки. На столе валялось кольцо. Как можно такие вещи оставлять, подумал я. Я взял кольцо и положил его в карман. Я вправе это сделать. Снимать такую комнату куда дороже стоит. А сколько сил я потратил на

них! Сколько нервы трепал! Так что... В чемодане на дне я нашел пачку облигаций трехпроцентного займа. Ничего себе, подумал я. Тут сотни на три будет! Я отобрал несколько штук. Потом увидел, что мало взял. Можно было больше. Ну да ладно. Так больше шансов, что не сразу заметят. А если заметят, поди докажи!

Меня принял сам заместитель Начальника ОГБ. Пожал руку. Сказал, что я им очень помог. За это я буду представлен к ордену. Мой Внук — толковый парень. Я правильно воспитал его. Если надумает поступать в Высшую школу ОГБ, ему гарантируется прием. Впрочем, целесообразнее будет использовать его на дипломатической работе.

Окрыленный успехом, я поехал на дачу на такси. Всю дорогу я твердил себе, что пока еще нужен Партии и Родине. Размечтался о том, что меня снова призывают... пусть не на тот же пост, пусть пониже... но все-таки на ответственный. Орден — это замечательно. Знакомым скажу, что выполнял особое задание, для этого меня для виду на пенсию отправили.

На даче меня ждал сюрприз. Жена выбежала навстречу с разинутым от ужаса ртом. Жильцы толпились кучкой у террасы. Жена Жильца вытаскивала на улицу вещи. Увидев такси, она попросила его подождать. Со мной не поздоровалась. Не глядя на окружающих, она носила вещи к такси. Шофер не выдержал, стал ей помогать. Наконец, она уехала.

— Что происходит? — спросил я.

— Жильца арестовали, — сказала Жена. — А ведь добрыми прикидывались, мерзавцы. Расстреливать таких надо!

Жильцы разошлись по своим комнатам. Я осмотрел комнату Жильца — не захватила ли эта стерва что-нибудь наше. Потом я написал в нескольких экземплярах объявление, что сдается до конца сезона комната с террасой. Пришел на станцию и наклеил одно объявление около кассы, другое — у буфета, третье — у магазина, несколько штук — на... Впереди еще половина лета. Не пропадать же деньгам!

Когда шел домой, мне в голову пришла новая, замечательная идея. А что, если... — подумал я. Больше ничего не помню.

Часть восьмая

ИСПОВЕДЬ СЕКТАНТА

Члены комиссии вошли в кабинет заведующего диспансером и не спеша расселись за гигантским столом, покрытым зеленым сукном. Расселись в строгом соответствии с должностями, званиями, степенями, известностью, весом в науке, возрастом. Это получилось само собой, в силу многолетнего опыта, приобретаемого гражданами Страны с самого рождения. Для постороннего неискушенного глаза такое рассаживание показалось бы хаотическим. Да и сами члены комиссии вряд ли смогли бы внятно объяснить, почему они расселись так, а не иначе. Но беспристрастный социолог смог бы очень быстро обнаружить тут строгое следование некоей закономерности, выразимой даже на языке математики.

В ожидании председателя комиссии и представителей Органов Государственной Безопасности и Идеологического Отдела Высшего Совета Партии переговаривались на самые разные темы. Молодой человек с бородкой и в огромных заграничных очках, недавно защитивший докторскую диссертацию на очень модную тему, рассказывал новейшие анекдоты своей соседке, мрачной и опрятной женщине средних лет, только что вернувшейся с международного конгресса, где она сделала интересное выступление. Толстый лысый мужчина, недавно окончивший лекцию, которое сейчас занимает председатель комиссии, объяснял высокочасному пожилому человеку, почему столичная сборная по хоккею выиграла последний матч «этим вшивым полякам». Молодая, когда-то красивая женщина с многочис-

ленными украшениями на руках, на шее и в ушах шептала своей апатичной соседке о том, что скоро увеличат вдвое цены на золото и меха.

Наконец вошел председатель, сопровождаемый двумя мужчинами, которые сначала произвели на собравшихся впечатление сереньких незначительных субъектов, а потом, когда те спокойно приткнулись где-то у краешка стола, показались исполненными силы личностями «оттуда». Председатель комиссии, известный ученый, действительный член Академии Медицинских Наук, член ряда зарубежных академий, Герой Труда, Лауреат премий, Депутат и т. п., постучал карандашом о графин, призывая собравшихся к порядку и тишине, откашлялся и начал вступительную речь. Говорил он долго и нудно, повторяя многократно газетные штампы о сложности переживаемого момента, о воспитании нового человека, об идеологических диверсиях. Часто цитировал классиков и последние речи Вождя. Говорил, любуясь своей собственной значительностью и воображая, что собравшиеся испытывают наслаждение от близкого общения с ним и слушания его содержательной речи. Он знал, что все они потом будут рассказывать друзьям и сослуживцам о том, что лично знакомы с ним. Он знал также, что представитель Органов доложит о его поведении где следует, и его утвердят главой делегации на предстоящий международный конгресс, а представитель Идеологического Отдела доложит Секретарю, и тот предложит назначить его главой этой самой делегации. Да, чуть было не забыл, подумал председатель, пока его язык привычно нес чепуху, надо сослаться на Секретаря.

— Так вот, друзья мои, — наконец закруглился председатель, — сейчас введут сюда человека, который претендует на роль создателя новой религии. Новый Христос, так сказать. Нам предложено побеседовать с ним, дать свое заключение о состоянии его здоровья и установить меру лечения.

— Но это же тривиальный случай, с которым может справиться любой районный психиатр, — сказал лысый голстяк. — Отрывать из-за этого от важного дела большое число специалистов...

— Дело, товарищи, серьезное, — возразил председатель. — Наша комиссия утверждена Высшим Советом

Партии. У обвиняемого есть последователи. Его деятельность приняла довольно широкий размах. Вопросов больше нет? Прошу ввести обвиняемого в душевном заблуждении!

Санитары ввели в кабинет обвиняемого. Был он одет в серый балахон с завязанными сзади рукавами. Волосы были острижены наголо. Рядом с рослыми санитарями он казался карликом. Члены комиссии на мгновение замерли в недоумении. Потом они испытали чувство неловкости от вопиющего несоответствия своей высокой комиссии и этого жалкого червяка. Чувство неловкости скоро сменилось игривым состоянием, какое появляется у членов педагогического совета школы, когда перед ними предстает нашаливший ученик младших классов.

— Вы, молодой человек, хотя бы поздоровались, — сказала бывшая красивая женщина с претензией на шутку. — Вы же, кажется, интеллигентный человек. Элементарные нормы поведения...

— Я вас не знаю, — резко оборвал ее вошедший. — И здесь я не по своей воле.

— Ничего, ничего, — засуетился председатель. — Храните спокойствие. Вас тут никто обижать не собирается. Пройдите вот сюда. Присаживайтесь. Чувствуйте себя, так сказать, как дома.

— У меня нет дома.

— Я же не в прямом, а в переносном смысле слова. Вы же понимаете.

— Я не обязан понимать всякую чепуху.

— Конечно, конечно. Вот, товарищи, перед вами тот самый создатель новой религии. Христос новый, так сказать. Или Магомет? Будда? Впрочем, вы, надеюсь, сами нам расскажете об этом. А это — члены специальной комиссии, которой поручено дать оценку вашего учения. Для этого мы должны побеседовать с вами. Задать вопросы. Выслушать ответы. Если, конечно, вы не возражаете.

— Спрашивайте.

— Не очень-то вы любезны, — сказал молодой очкарик.

— Я презираю таких, как вы, и не скрываю этого.

— Ого! Это любопытно!

Председатель постучал карандашом по графину и попросил членов комиссии соблюдать некоторый порядок.

— Простите за нескромный вопрос, — сказала неопрятная сердитая женщина, — сколько вам лет? Ведь чтобы создать новое учение, надо накопить жизненный опыт хотя бы. Я уже не говорю об изучении всего того богатства мыслей, которое накопило человечество...

— Спрашивайте по существу, — сказал обвиняемый. — Иначе я отказываюсь от беседы с вами.

Опять началась беспорядочная перепалка. И председателю с большим трудом удалось навести порядок.

Ниже приводится краткое изложение беседы, составленное секретарем комиссии по стенографической записи и по своим заметкам. Беседа велась беспорядочно. Секретарь придал изложению некоторую упорядоченность. Это изложение было приложено к заключению комиссии.

Вопрос. Что побудило вас заняться выдумыванием новой религии?

Ответ. Наше общество рождает зло и не способно официальными средствами бороться с ним. Я хотел научить людей противостоять злу по своему почину и своими силами. Создать религию — значит изобрести определенные образцы поведения (религиозного поведения), дать им словесное описание, объяснение и оправдание, организовать подражание и обучение им, вести борьбу за возможность такого поведения. Затем постараться сместить систему оценок и ценностей общества таким образом, чтобы спектакли власть имущих стали выглядеть смешными, глупыми и достойными презрения, а образ жизни с религиозным сознанием и поведением стал восприниматься как прекрасный, достойный восхищения.

В. Как вы различаете добро и зло?

О. Общих критериев нет. Это должно быть ясно в каждом конкретном случае.

В. Не означает ли это произвол в оценке действий людей и событий?

О. Религия на то и создается, чтобы такого рода произвола не было.

В. Почему бы не использовать для этого старые религии?

О. Старые религии неадекватны нашему обществу в целом, хотя их отдельные элементы сохраняют значение и воспроизводятся в моем учении. Но не как заимствования, а как его имманентные следствия.

В. Что вы называете религией?

О. Я различаю религиозную потребность и религиозную интуицию, встречающуюся в людях, религиозное учение, исходящее из этой интуиции и развивающее ее далее, и религиозное сознание и поведение, основывающееся на принятии и усвоении учения. Вас, очевидно, интересует религия, поскольку она воплощается в определенном учении. Всякое религиозное учение имеет своим ядром и основанием учение о Душе, о Боге и о поведении человека, затрагивающем Душу и Бога.

В. Что такое Душа?

О. Я исхожу из факта существования Души и не ищу ему научного объяснения. Это — некоторая данность, осознаваемая некоторыми людьми и очевидная им самим. Определение Души может быть дано лишь изложением самого учения.

В. Душа бессмертна?

О. Есть научное понимание смерти и бессмертия и религиозное ощущение. Душа не есть нечто переживаемое во времени. Это есть некоторое бескрайнее и не текущее состояние. Условно это можно представить установкой на бесконечность. Признание бессмертия Души в религиозном смысле есть отрицание ее ориентации на время и на его окончание.

В. А что есть Бог?

О. Бог есть отвлеченная человеческая Душа (духовность), противопоставленная человеком самому себе. Различны формы этого противопоставления. Например, Бог понимается как некое верховное существо, как особая субстанция, разлитая в мире. В моем учении на этот счет предоставляется свобода выбора. Если хочешь Бога, создай его сам — вот принцип. Жажда Бога есть также изначальное и спонтанное состояние Души. Такое состояние либо есть, и ему не найдешь объяснения, либо его нет, и его не вызовешь по произволу. Точное определение Бога также дается перечнем правил религиозного поведения, то есть в самом изложении учения.

В. Каково содержание вашего учения в общих чертах?

О. Это совокупность постулатов, норм, советов, запретов и т. п., определяющих отношение человека к себе, к людям, к власти.

В. Но все эти вопросы рассматриваются в различных науках, касающихся человека: в идеологии, в этике, в

законодательстве и т. д. Чем отличается от этого ваше учение?

О. Оно иначе ставит и решает эти вопросы. Оно рассматривает чисто религиозный аспект дела. Иногда он пересекается с другими. Но это пересечение либо случайно, либо иллюзорно. Например, требование выполнять обещание приемлемо в официальной «морали». Но сколько обещаний нам давали наши руководители и не выполняли?! Вы сами отлично знаете, насколько ненадежны наши люди и организации. Так что этот постулат не есть практически действующий в нашем обществе. Более того, нарушение его на деле означает измену обещанию в зависимости от корыстных интересов минуты. Но в подавляющем большинстве случаев принципов, аналогичных принципам религии, вы не найдете нигде в ином контексте. Например, возьмите такой постулат религии: живи так, как будто каждый твой шаг виден некоему абсолютно справедливому существу и не остается без его оценки.

В. А разве это не есть постулат морали?

О. Подлинная мораль есть часть религии. Мораль, лежащая вне религии, не есть мораль. Это обман или нечто иное.

В. В чем состоит ваше учение в той части, которая рассматривает отношение человека к себе?

О. Здесь речь идет прежде всего о том, что есть человек для самого себя с религиозной точки зрения, то есть что есть Душа. Религиозный человек есть существо, обладающее Душой, знающее об этом (нельзя иметь Душу, не зная об этом) и заботящееся о Душе (нельзя сохранить Душу, не заботясь об этом постоянно). Нерелигиозный человек имеет психику, мозг, сознание и т. п. Но что касается Души, то в нем можно признать лишь наличие ее задатков или предрасположенности к ней. У большинства эти задатки ничтожны, а предрасположенность дунится в самой основе. Но многие обладают сильными задатками Души и отчетливой предрасположенностью к их развитию. Многие способны развить в себе Душу под влиянием подлинно религиозных людей. Многие способны подражать религиозному поведению других, причем переживать имитацию религиозности как подлинную, свою религиозность. Религиозное общество — это отнюдь не общество, все граждане или большинство граждан кото-

рого имеют развитую Душу. Это есть лишь такое общество, в котором лица с развитой Душой встречаются более или менее часто, оказывают влияние на окружающих, на весь строй их жизни. Первая часть моего учения и говорит о том, что значит иметь Душу, как ее развить и хранить. Разумеется, обнаружить в себе возможность Души и развить ее можно только в отношении к другим людям, к внешним событиям, в поведении. Так что, начиная свой рассказ с этого раздела учения, я вовсе не считаю, что с этого надо начинать само формирование своей Души. Просто нужен какой-то порядок изложения. Для конкретных людей начало Души и последовательность ее развития зависит от индивидуальных особенностей и обстоятельств. Но во всех вариациях остается нечто устойчивое, что я и выделяю в качестве основы учения и выражаю в системе постулатов, определяющих основные понятия учения, то есть в системе определений. С этой точки зрения никакое религиозное учение нельзя опровергнуть, ибо оно в основе своей есть не система гипотез или опытных утверждений, а система определений, то есть соглашений о смысле языковых выражений. Обычно эта суть религиозных учений остается неявной, что порождает ненужные споры. Я выражаю это явно. Замечу, между прочим, что и система норм и рекомендаций, развиваемая в религиозном учении на основе системы определений (явных или неявных), также может быть сведена к некоторой системе соглашений. Не случайно поэтому религиозные учения принимают или не принимают на веру, но не доказывают и не опровергают. Всякие попытки доказательств и опровержений терпят крах. Я использую доказательство и опровержение в своем учении (и могу вам проиллюстрировать это), но совсем в ином плане — в плане развития учения как языковой конструкции, то есть для выведения следствий из данных постулатов, норм, рекомендаций и т. д., и для установления того, соответствует или нет то или иное утверждение, норма, совет и т. п. основам моего учения.

В. С чего начинается Душа?

О. Каким бы ни был индивидуальный путь человека к своей Душе или, что то же самое, к Богу, начало есть озарение — сознание некоей (сначала смутной) высшей тайны бытия и своей сопричастности к ней, состояние страдания как следствие этого и состояние сострадания

к тому, на что направлено сознание верховной тайны. Это состояние приобретает для человека высшую ценность жизни, которую он уже не сменяет ни на какие другие блага мира. Если в вас появилось нечто подобное, знайте: это зародилась Душа или, что то же, вас посетил Бог. Если в вас не было ничего подобного, я не способен объяснить вам, что это такое. Как слепому невозможно объяснить световые ощущения, глухому — музыкальные ощущения. Начало Души, выражаясь научно, есть эмпирический данный факт. Затем в силу должен вступить религиозный опыт, тренировки в религиозном поведении, чтобы развить зародыш в зрелую Душу, дать ему вырасти и созреть.

В. Каково конкретно содержание религиозного озарения в вашей религии?

О. Тут могут быть вариации, но в них содержится так или иначе нечто общее. Это — суммарное и нерасчлененное понимание (если хотите — ощущение) того, что наше общество в целом и во всех его существенных проявлениях и звеньях устроено несправедливо. Оно неоправданно щедро в отношении одних, кто не заслужил награды, жестоко в отношении других, не заслуживших наказания. Здесь много несчастных и несправедливо обиженных и обокраденных людей. И много таких, кто пользуется благами и почестями, не имея к тому достаточных заслуг, ума, таланта, трудолюбия. Когда человек внезапно осознает это, перед ним открываются три пути: 1) пробиваться в привилегированные; 2) оставаться безразличным и идти сугубо личным путем; 3) встать на путь сострадания к жертвам общества и служения им. Собственно говоря, только в третьем случае упомянутое понимание выступает как озарение, как зарождение Души. В первых двух оно остается незамеченным и не оставляет следа.

После выбора пути остаются еще две возможности реализовать выбор: светская деятельность (реформы, революционная деятельность) и религиозная. Первая стремится к преобразованию общественного устройства, вторая — к улучшению жизни людей в данном обществе в той мере, в какой это может зависеть от каждого человека по отдельности. Религиозная деятельность имеет целью сделать жизнь людей мягче, милосерднее, человечнее, делая самих людей менее жестокими и злыми, более добрыми и чуткими. В общем, сделать людей та-

кими хорошими, как вы отчасти провозглашаете в демагогии, но к чему вы фактически не способны вообще, ибо вы всем строем вашей жизни делаете людей злобными, жестокими, завистливыми, жадными, тщеславными, лживыми, ненадежными, неустойчивыми. Одним словом, развить в людях некие внутренние ограничители, благодаря которым в конечном счете их жизнь станет ближе к человеческому идеалу.

Из этой фундаментальной установки вытекают методы религиозного воздействия на мир: духовное просвещение и усовершенствование людей, то есть пробуждение в людях Души, развитие и упрочение ее. Это и есть обращение к Богу, если отбросить все то, что ваша антирелигиозная деятельность приписала религии во имя торжества вашей идеологии. Главное в религии — Душа, а не Бог. Бог есть нечто производное от Души.

В. Но каковы же все-таки ваши правила отношения человека к себе?

О. Самое фундаментальное правило я уже изложил. Вот оно, коротко говоря. Если ты ощутил в себе Душу, то есть испытал озарение, знай, что тебе судьбою дан высший дар из всех мыслимых даров бытия. Обладание им и есть высшее счастье. Береги этот дар, храни его в чистоте, упрочивай и обогащай своей последующей подвижнической жизнью. Как это сделать, я расскажу тебе дальше, я научу этому тебя. Не меняй этот дар ни на что иное, ибо мена будет неравной для тебя. Ты всегда при этом потеряешь. Все остальное в сравнении с ним есть прах, есть суета сует. Сделай шаг по пути, к которому зовет тебя необыкновенный дар, и ты сам убедишься в этом.

Затем следует совокупность правил, вытекающих из этого фундаментального правила. Я их называю правилами самоотречения. Они определяют отношение к своему телу и телесным потребностям, к материальным благам, к карьере, к почестям, в общем — ко всему мирскому, общественному. Тело есть слуга Души. Тело для Души, а не наоборот. Отсюда — требование содержать тело в таком состоянии, чтобы из-за него было меньше хлопот и чтоб оно максимально хорошо служило Душе: быть чистоплотным, физически закаленным, выносливым, здоровым. Потому быть умеренным во всем. По возможности обходиться без врачей. Для

этого мною разработана система телесных упражнений, включающая в себя упражнения и для психики, которая есть часть телесной жизни. Система проста и общедоступна. Если хотите, я могу ее изложить.

В. Нечто вроде йоги?

О. Нет, нечто принципиально иное. Моя система рассчитана на человека, живущего в нашем обществе, вынужденного ходить на работу, пользоваться транспортом, стоять в очередях и т. д. Основная цель моей системы тренировки тела — чтобы Душа по возможности полно сосредоточилась на своих делах. Тело должно стать хорошо налаженным механизмом для нее.

В. Могут ли этой вашей системой воспользоваться лица, не разделяющие вашу религию?

О. Могут, но с меньшим успехом. Моя система, например, не рекомендует сидение в таких комиссиях, как данная. И вообще она категорически против траты времени и сил на заседания, совещания и всякого рода руководящие пустяки.

В. Значит, руководители не могут исповедовать вашу религию?

О. Это их дело. К тому же к деятельности руководства можно относиться по-разному. То, что у нас считают руководящей деятельностью, в большинстве случаев есть пустая и бессмысленная формальность. Если руководство есть тяжкий труд, то оно нравственно (при условии нравственности цели, конечно). Ну а главное в моей системе — состояние веры, делающее всю совокупность правил моей психогимнастики осмысленной.

В. Является ли регулярный режим питания и жизни вообще обязательным по вашей системе?

О. Режим желателен, но не обязателен. Нужна некоторая регулярность и равномерность в течение более или менее длительного периода. Это не обязательно сутки. Это может быть неделя, месяц и даже год. Моя система удобна тем, что упражнения можно делать в любом месте и в любое время, когда о них вспоминают и появляется желание выполнить какое-то упражнение. К тому же можно подобрать систему упражнений по его особенностям и возможностям.

В. Например, какие упражнения можно делать сейчас вот здесь?

О. Не сидите на стуле, например, так, как вы сидите сейчас. На стуле надо сидеть так, как будто вы сейчас собираетесь встать. Во всяком случае, время от времени вспоминайте об этом и принимайте такую позу. А позы, в которых сидите вы, деформируют и размягчают тело, способствуют лени, рожают скуку и раздражение.

В. Очевидно, вы отвергаете и стремление к карьере, материальным благам, почестям?

О. Отвергаю стремление, но не настаиваю на отказе. Если блага и должности приходят сами, пусть приходят. Важно, как ты относишься к этому и как при этом поступаешь. Богатство, должности и славу, если они есть, можно использовать на благо людей. Но не следует добиваться их с целью облагодетельствовать людей, ибо сама эта цель есть обман, раз она достигается таким средством. Подлинная цель воплощается в средствах. Например, если человек делает гнусность ради некоей благородной цели, последняя есть обман, а реальная цель и есть эта гнусность.

Современная жизнь в изобилии рождает соблазны. Но она вместе с тем создает удивительные возможности довольствоваться малым. Она производит дешевые средства личного потребления, которые позволяют самому бедному человеку вести образ жизни, мало отличающийся от образа жизни самого расточительного человека. Вот на вас, например, костюм стоимостью двести рублей, но вы не выглядели бы принципиально иначе, если бы были в костюме, который стоит в три раза дешевле. А ваш образ жизни нисколько не изменился бы, если бы на вас не было этих колец, серег, браслетов с драгоценными камнями. А они ведь стоят больших денег. Для такого, как я, одно ваше кольцо — год жизни, а то и более. Наверняка многие из вас потратили тысячи рублей на дорогие мебельные гарнитуры, которые с точки зрения удобств и бытовой эстетики ничуть не лучше дешевых вещей такого же рода. А должности? Пойдемте, я проведу вас по маленькому кусочку реальной жизни, и вы убедитесь, что их не ставят там ни в грош. Аналогично со славой. Возьмите вот это заведение хотя бы. И посчитайте, многие ли находящиеся здесь люди знают ваше, например, имя. И знают ли они, за что вы получили награды, титулы, звания? А между тем даже ничем не выдающийся рядовой человек может завести широ-

кий круг знакомств и обрести в нем известность, вполне удовлетворяющую его тщеславие. При желании любой ничтожный червяк может занять в нашем обществе положение, удовлетворяющее его властолюбие. Так что презрение к материальным благам, должностям, почестям в нашем обществе есть лишь объективная оценка существа этих факторов нашей жизни. Здесь все, не освещенное духовностью, уродливо, фальшиво, ничтожно. Я уверен, что со временем даже власть имущие поймут простую истину: лишь в религиозном свете мирские блага обретают человеческий высокий смысл. Богатство, власть и слава — одно в обществе, в котором заметную роль играет религия, и совсем другое в обществе с разрушенной религией.

В. Но ведь и в нашей Стране существуют религиозные организации и верующие. И они имеют возможность служить своей вере. Почему вы так настаиваете на своих утверждениях?

О. Я говорю о религии, адекватной данному обществу. То, о чем вы сказали, суть лишь трупы прошлого, поддерживаемые из тех или иных соображений, фактически враждебных религии. Так, Православная Церковь вам весьма удобна как мощное средство предотвратить вспышку реальной религиозности, порождаемой всем строем нашей современной жизни. Потому-то вы сажаете в тюрьмы и сумасшедшие дома таких, как я, а не православных попов или служителей других форм традиционных старых религий.

В. Как вы решаете вопрос о смерти?

О. Смерть неизбежна. Надо жить так, чтобы в любую минуту быть готовым к ней. И встретить ее человек должен спокойно и достойно, как должное. Страх смерти не должен заполнять Душу и овладевать ею. Имеется система упражнений, благодаря которым достигается такое отношение к смерти. Это главным образом молитвы с благодарностью за дарованную жизнь и о готовности расстаться с нею. Но они дают эффект лишь при том условии, что сама ваша жизнь праведна и отвечает нормам религии. Однако такое отношение к смерти не есть полное отсутствие мысли о смерти и страха смерти. Религиозный человек должен постоянно думать о скоротечности жизни и о предстоящей смерти, ибо только сознание праведно прожитой жиз-

ни, которая скоро оборвется, дает подлинно человеческое удовлетворение. О смерти не думает животное.

В. Каковы принципы вашей религии, касающиеся отношения человека к окружающим людям — к коллегам, сослуживцам, знакомым, друзьям, врагам и т. д.?

О. Система правил, определяющих отношение к другим людям, базируется на следующих принципах: сохраняй личное достоинство, держи людей на дистанции, сохраняй независимость поведения, относись ко всем с уважением, будь терпим к чужим убеждениям и слабостям. Не насилуй и не допускай насилия над собой. Сопrotивляйся насилию до последнего вздоха. Никогда и ни перед кем не унижайся, не холуйствуй, не подхалимничай, чего бы это тебе ни стоило. Не смотри ни на кого свысока, если даже человек ничтожен и заслужил презрение. Заслуживающему воздай должное. Гения назови гением. Героя назови героем. Если тот, кому воздают почести и награды, не заслужил этого по своим личным качествам и поступкам, презирай его. С плохими людьми (карьеристами, интриганами, доносчиками, клеветниками, трусами) не имей дела. Из общества плохих людей уйди. Обсуждай, но не спорь. Беседуй, но не разглаговльствуй. Разъясняй, но не агитируй. Если нет надобности говорить, молчи. Если не спрашивают, не отвечай. Не привлекай к себе внимания. Если можешь обойтись без чужой помощи, обойдись. Свою помощь не навязывай. Приди на помощь тогда, когда помощь нужна, и тебе за нее будут благодарны. Не заводи слишком интимных отношений с людьми, оставь кое-что для себя. Не пускай других копаться в твоей Душе и ни перед кем не раскрывай Душу. Самая ценная часть Души есть твоя тайна. Не исповедуйся ни перед кем, кроме Бога. Обещай только тогда, когда уверен, что сдержишь обещание. Пообещав, сдержи обещание любой ценой. Не обманывай, не хитри, не интригуй — в этом нет надобности, и это убивает Душу. Обращайся с другом на «вы» и веди себя с ним так, как будто вы суть независимые, равномошнные, дружественные державы. Будь терпим к чужим убеждениям и недостаткам. Избегай поучать и делать замечания. Игнорируй врагов. Не злораджствуй. В борьбе предоставь преимущества противнику. И так далее. Продолжать? Я думаю, нет надобности. Суть этого раздела учения должна быть очевидна из при-

веденных примеров: выработать в себе способность противостоять давлению и сохранить свое «я».

В. Что ваше учение говорит об отношении к организациям, группам, собраниям людей?

О. В нашем обществе хлеб насущный можно иметь только через какое-то учреждение. Будь добросовестным работником — вот наш совет. Это дает какую-то защиту и некоторое внутреннее ощущение правоты. Что касается прочих объединений людей и коллективных действий — уклоняйся. Не вступай ни в какие партии, секты, общества. Не присоединяйся ни к каким коллективным акциям.

В. Значит ли это, что вы против коллективных действий вообще?

О. Нет. Если участие в коллективном действии неизбежно, участвуй в нем как автономная единица в том смысле, что не поддавайся настроениям и идеологии толпы, а действуй лишь в силу личных убеждений. Делай это как свое личное дело, а не как дело других.

В. Что говорит ваше учение об отношении к официальной власти общества и к нашим законам?

О. Насчет законов ответ очевиден — вести себя так, чтобы была всегда уверенность в том, что ты не совершил и не совершаешь ничего противозаконного. Но вы же сами прекрасно знаете, что у нас ничего не стоит обвинить в нарушении законов всякого, если по каким-то причинам считается нужным это сделать. Так что этот вопрос интереса не представляет как чисто софистический. Во всяком случае, он выходит за рамки религии. Вопрос же об отношении к власти интересует религию как часть вопроса об отношении к другим людям и к обществу. В нашем обществе официальная власть в единстве со средой, в которой живет человек, осуществляет ничем не ограниченное насилие над личностью. Уметь противостоять этому насилию — одна из важнейших (если не главная) задач религиозного развития и воспитания человека. Всякая власть враждебна человеку. Это не есть анархизм. И нелепо бояться, что призыв противостоять власти и относиться к ней враждебно равносителен ликвидации власти. Всякая борьба против засилия власти в нашем обществе может иметь следствием лишь некоторое ограничение ее и рационализацию, очеловечивание ее. Основные принципы отношения к власти таковы. Не уча-

ствовать во власти. Не содействовать ей ни в чем. В конфликтах власти и человека быть на стороне человека. Прошу иметь в виду, что из ранее рассмотренных постулатов вытекает наше враждебное отношение к уголовным преступлениям против человека, так что здесь имеется в виду чисто гражданский аспект дела, связанный со стремлением людей отстаивать свои человеческие права и свое достоинство в борьбе с властями.

В. Но разве враждебное отношение к власти не есть нарушение законности?

О. Речь идет об отношении определенного рода, а не о любви. А это отношение вполне в рамках закона. Причем любого закона. Неучастие в органах официальной власти не есть нарушение закона. Неучастие в выборах представительной (то есть фиктивной) власти не есть преступление. Если человек не аплодирует речам вождей и постановлениям разных высших инстанций, он не нарушает законов. И так далее. Имеется много способов выразить свое религиозное отношение к власти, не нарушая законности. Другое дело, в нашем обществе такие люди воспринимаются как враги, и общество (и официальные власти) обрушивают на них свою карающую мощь. Самим же фактом своего законного, но нежелательного для власти отношения к ней человек становится врагом власти помимо своей воли и вопреки формальным законам самого этого общества. И основной принцип моего учения для этой ситуации — стой твердо на своем, чего бы это тебе ни стоило. Власти и среда сами выталкивают такого человека в положение мученика и борца против самих себя. Для этого общества самый страшный враг — человек, который решился отстаивать свое человеческое достоинство и свою духовную независимость от насилия со стороны общества. И общество прилагает всяческие усилия, чтобы не допустить появления таких людей или уничтожить их, если они появились. Хотя именно в таких людях, только в них заключена гарантия от превращения общества в бездушный механизм, в нечто муравейникоподобное.

В. Как вы относитесь к коммунистической идеологии?

О. Мое учение призывает игнорировать ее. Всякое внимание к ней укрепляет ее. Особенно — борьба против нее. Самый большой ущерб ей наносит вполне законное безразличие к ней. Не тратить средств на приобретение

идеологических книг, журналов, газет. Не читать и не слушать ничего идеологического. Не смотреть по телевизору и в кино ничего связанного с идеологией (и со спектаклем власти вообще). Не слушать лекций, докладов. Не посещать идеологических сборищ.

В. Как вы относитесь к науке, образованию, культуре?

О. Мое учение призывает к настоящему, добросовестному, широкому и глубокому образованию. К знакомству с лучшими образцами искусства. К подлинной культуре. В моем учении наиболее детально разработан тот отдел, который касается как раз данного вопроса. Это — программа общего образования и культурного развития. Вплоть до подробного списка литературы, музеев, фильмов, концертов. В частности, рекомендуется изучение основ логики, математики, теоретических разделов физики, лингвистики, психологии, которые в совокупности дают действительно научное мировоззрение (в отличие от идеологического). Рекомендуется регулярное изучение истории общества и истории культуры, этнографии, антропологии, социологии, дающих научное понимание общественной жизни. Аналогичные рекомендации имеются в отношении других областей культуры и образования. И конечно же рекомендуется изучение истории религии и основ религиозных учений. Причем можно показать, что средний человек вполне в силах справиться с этой задачей, если он будет заниматься систематически и организованно. Это проверено и на практике. Я знаю многих людей, которые находятся в своем развитии на уровне науки и культуры нашего времени. Причем я считаю это необходимой частью духовности (Души) современного религиозного человека. Высокая общая образованность и культурность наряду с высокой профессиональностью и добросовестным исполнением своих рабочих обязанностей и с образцовым поведением в быту есть для религиозного человека средство выжить или хотя бы более или менее длительное время не подвергаться открытым гонениям. Стремление быть лучше других исключительно за счет своих личных способностей, трудолюбия, положительных личностных качеств (честность, надежность), разумной организации жизни — это дает удовлетворение и некоторую защиту.

В. Какую роль в вашем учении играет Бог?

О. Я уже говорил, что Бог есть отчужденная Душа человека. Могу добавить, что Бог есть также идеальная Душа. Идеал, к которому стремится верующий человек. Поскольку такой человек все силы черпает в самом себе, в своей собственной Душе, он обращается к своей Душе как к чему-то противостоящему ему самому, — обращается к ней как к Богу. Сейчас модно искать или допускать какие-то особые материи, волны, энергии или даже внеземные существа, связанные с молитвами, Богом. Это — одно из нелепых влияний раздутой научности нашего века. Все религиозные явления суть реальный факт, но отнюдь не в смысле физики, психологии, космонавтики, а как особые объективные явления, имеющие основания лишь в человеке самом. Религиозная потребность есть такая же естественная потребность, как и прочие — потребность в общении, в существовании другого пола, в искусстве и т. п. Это — потребность в определенном понимании себя и общества, в котором живешь, в определенном образе жизни, в развитии в себе самом особого внутреннего существа и мира, который становится высшим критерием оценки всего происходящего, высшим судьей твоих собственных поступков, источником сил, опорой. И когда человек этого достигает, он сам предстает перед своей Душой как перед существом принадлежащим, ему и подвластным ему, как перед своим «я». А с другой стороны, он предстает перед ней как перед существом, отличным от него и диктующим ему свою волю, — как перед Богом. Происходит внутреннее раздвоение личности. Причем вторая сторона выступает для человека как наделенная общими и абстрактными атрибутами. В этом — источник для мистификаций и мистики. Мистификации я отклоняю как продукт языковых спекуляций и умствований. Мистику признаю как субъективное переживание реальной ситуации, только что описанной мною. Если вам не нравится слово «Бог», употребляйте любое другое выражение. Например, «абстрагированная Душа», «общая Душа». Это не меняет сути дела. Все равно какие-то общие слова нужны, чтобы религиозные люди могли установить свою общность (средство) и чтобы верующий мог общаться со своей собственной Душой как со своим вторым отчужденным «я», которое в этом отношении выступает как «мы», «он», «оно» и т. п.

В. В какой форме должно происходить, по-вашему, общение с Богом?

О. Исповедь, покаяние, обещание, благодарность, просьба. Все они возможны без посредника, то есть перед самим собой, и через посредника (духовника), которого выбирают добровольно на время или навечно. Возможны также в присутствии других верующих, причем исключительно добровольно. Все они касаются личного поведения и состояний своей Души, а также других людей, в отношении которых проявляется личное сопереживание. Просьбы относительно лично себя касаются только состояний Души, а не обстоятельств. Например, не надо просить, чтобы Бог избавил тебя от несчастья, надо просить о том, чтобы он помог тебе перенести его достойно. Нет строго определенного времени обращаться к Богу. Обращайся всегда, когда вспомнишь об этом. К Богу не следует обращаться с жалобой на людей и на судьбу. Предпочтительнее благодарить его за то, что он дал Жизнь, Душу и все остальное. Благодарите за все то, что имеете хорошего. И говори Ему, что готов встретить трудные испытания и в любую минуту готов спокойно встретить смерть как неизбежное. Проси силы делать людям добро.

В. Как вы относитесь к религиозным организациям?

О. Не отвергаю, но не призываю к ним. Если организация и получится, то это должно произойти само собой, исключительно на основе личного общения и признания. И на этом должна держаться. В нашем обществе всякая организация людей в группы дает типичные социальные учреждения со всеми их атрибутами. Наша религиозная общность с этой точки зрения враждебна организованности. Это — братство рассеянных в обществе одиночек. Наш принцип: я поступаю так-то, ты можешь следовать моему примеру. Кроме того, религиозная община уязвима для репрессий со стороны властей. Рассеянное братство менее уязвимо.

В. Разве с одиночками не легче справиться?

О. С одиночкой легче. С одиночками, если их много, нет.

В. Но вы собираетесь вместе в большом числе для обсуждения каких-то вопросов?

О. У нас нет собраний. Конечно, мы встречаемся и обмениваемся мнениями. Но лишь в ходе обычной жизни.

В. А как распространяется ваше учение? ·

О. Когда как. Я об этом не забочусь. Оно само растекается по свету. Растекаясь, оно уточняется, обрастает деталями, систематизируется.

Замечание. Но ведь вы теряете авторство!

О. Это не имеет значения. Акт творчества сам по себе награда. Я сказал свое слово и тем самым вознагражден сполна.

Замечание. Вас и ваших последователей все равно уничтожат. И от вашего учения не останется следа.

О. Придут другие и сделают то же.

В. А если не придут?

О. Тогда участь этого общества не будет стоить даже сочувствия.

После того как обвиняемого увели, члены комиссии быстро пришли к единому мнению.

— Случай, конечно, тривиальный, — резюмировал председатель комиссии. — Но вы, конечно, сами понимаете... Нас обвиняют... На нас клеветают... Мы должны максимально...

— А вдруг Бог на самом деле есть? — шутливо сказал лысый толстяк. — Вы читали, конечно, о летающих тарелках?..

— Существует гипотеза, — сказал очкарик с бородкой, — согласно которой мы есть продукт эксперимента высших существ...

— Отвергать факты передачи мысли на расстояние нелепо...

— Говорят...

— Ходят слухи...

Переговариваясь таким образом, члены комиссии покинули кабинет и разошлись по своим учреждениям и домам с сознанием честно выполненного долга. Совесть их не мучила. Ее у них просто не было.

Часть девятая

ИСПОВЕДЬ ОТЩЕПЕНЦА

ОТЩЕПЕНЕЦ

Итак, я — Отщепенец. Это моя официальная кличка. Что такое отщепенец? Точное определение знает только начальство. Я могу дать лишь примерное описание. Отщепенец — это ибанец, который набрался наглости публично высказать свое мнение, не согласующееся с мнением начальства, а значит — и с мнением всего остального ибанского народа, ибо ибанское начальство только тем и занимается, что выражает думы и чаяния ибанского народа. Начальство, например, заявляет, что в этом году хлеба собрали в два раза больше, чем в прошлом, и в десять раз больше, чем в Америке. Отщепенец ехидно усмехается и говорит, что это — брехня. Трудно сказать, что больше возмущает начальство — само слово «брехня» (брешут, как известно, собаки) или содержащийся в нем намек. И, выражая волю руководимого им народа, начальство заявляет, что слова отщепенца — злобная клевета. Народ всенародно одобряет заявление родного начальства и клеймит отщепенца, требуя принять суровые меры и очистить наше и без того здоровое общество от такого выродка. Некоторые требуют выгнать вон. Но их меньшинство. Большинство же требует посадить отщепенца. А выгнать — все равно что высшую награду дать. Куда выгнать? На Запад? На Запад мы и сами за милую душу отщепились бы. Нет, ни в коем случае. Сажать надо. Давно пора, а то распустились. Наиболее преданные делу ибанцы требуют поставить отщепенца к стенке, чтобы для других был воспитательный пример. И гуманнее к тому же. И поставили бы, да время не то. Рано еще. Вот преодолеем времен-

ные трудности, тогда... Поскольку отщепенцы в здоровом ибанском обществе появляются очень редко (две штуки на миллион в десять лет), то народ их клеймит с большим Энтузиазмом и вполне искренне. Потому как не выпендривайся. И без тебя, мол, знаем, что все это брехня. А видишь — помалкиваем. Да и начхать нам на то, что они там вверху брешут. Пусть себе брешут. На то они и начальство, чтобы пыль в глаза пускать и врать на каждом шагу. А ты помалкивай. Одобряй, доверяй, и дело с концом. Глядишь — образумятся сами. И улучшение какое-нибудь выйдет.

И все же отщепенцы появляются. Никто не знает, почему они появляются и откуда берутся. Появляются, и все тут. Как утверждает своевременно реабилитированная генетика, это — мутация в генах. Не буду спорить. Важно, что они появляются. И начинают орать на весь Ибанск: брехня, мол, все это. Так произошло и со мной. Правда, на весь Ибанск у меня не получилось. Я едва пискнуть успел, как мне глотку заткнули. И все же я пискнул. Об ибанских масштабах я вообще не думал. Просто пискнул, потому что это получилось само собой, помимо воли. Пискнул и даже сам удивился. А был я самым обыкновенный трижды адресированный и четырежды запуганный образованный ибанец. Интеллигент. Или, как теперь говорят, интеллектуал. Был примерным членом. И вместе с тем принимал сюрреализм и экспрессионизм. Предпочитал западные фильмы. Потихоньку почитывал Правдца. Стоял в очереди на выставку помоечных художников. Один раз женился. Один раз, как и все мои знакомые, развелся. Иногда получал премии. Был по туристической путевке в одной полузаграничной стране. И отщепенцем быть никогда не собирался. Даже тогда, когда я на том самом роковом собрании пробирался из последнего ряда из самого левого угла к трибуне, я еще не знал, что вот сию минуту я ляпну во всеуслышание: брехня, мол, все это! Когда я забирался на трибуну, сам директор нашего прославленного Института Очковтирательства Академии Наук (ИОАН) поощрительно мне подмигнул. Мол, наконец-то и ты, сукин сын, активным становишься! Никак квартиру просить собираешься? Или в старшие захотел? Это, брат, заработать надо. Заслужить. Революцию в белых перчатках не делают! А я вылез на трибуну и начал мям-

лить что-то невнятное. И тут представитель Верха сказал мне из президиума: мол, чего ты юлишь, говори честно и прямо, все как есть. Этого я стерпеть не мог и выпалил: мол, брехня все это! Мол, типичная липа! Мол, все это напоминает времена Хозяина! И так далее в таком же духе. Мол, прошлое живо. Оно не ушло. Оно есть. Если даже ни одной жертвы нет сейчас, оно есть, ибо оно было. Мы обязаны огромными буквами написать имена всех жертв, и всех палачей, и всех соучастников. Мы должны мстить за прошлое. А мы вместо этого... Зал на время замер от неожиданности. Кто мог подумать, что этот политически индифферентный тюфяк способен на такое! Но вскоре поднялся невообразимый шум, и меня лишили слова.

На том же собрании меня исключили из Братии. На другой день уволили с работы. Хорошо, еще не упекли в сумасшедший дом (а разговоры на эту тему были!). Все-таки прогресс. После тех, напумевших на весь мир историй Они пока не решаются применять это гуманное средство воспитания нового человека в широких масштабах. Год ходил без работы. Подрабатывал грузчиком, переводчиком, репетитором. Милиция требовала справку с места работы и грозила высылкой. Наконец, с большим трудом устроился вахтером в ночную смену в одну вшивую контору. Дипломы пришлось скрыть. Но скоро меня лишили их официально, так что я законно стал малограмотным. Полгода учился говорить и писать с ошибками. И матом ругаться. Без привычки и в зрелом возрасте было довольно трудно. Зато теперь имею легкую постоянную работу и массу свободного времени. Постепенно начал размышлять обо всем и кое-что записывать. Не для потомства. И не для Органов Охраны Народа (ООН). А просто так, назло Им. Раз отщепенец, значит, обязан сочинять всякую клевету на наш самый передовой строй, на наше мудрое руководство, на наш свободолюбивый народ и прочие прелести. И как только последний служащий конторы сматывается в свою удручающе скучную частную жизнь, которая в полном соответствии с теорией ибанизма находится в еще более полном согласии с жизнью общественной, я сажусь на старый скрипучий табурет. И, используя вместо тумбочки новейшую электронно-вычислительную машину, начинаю писать. И в голову мне приходят удивительные

мысли. И я рад их приходу. И даю им полную волю. Черт возьми, где же я был раньше?! Сколько лет потерял попусту! Тот, кто знает, что ему плохо, больше человек, чем тот, кто этого не ведает. Потому я иду в кабинет директора и дремлю несколько часов на его великолепном диване, предназначенном совсем для других целей, о которых напишу как-нибудь потом. Сначала я беспокоился: а вдруг жулики заберутся в контору. Не зря же меня поставили сторожить ее! Но вскоре я понял, что мои опасения наивны. За всю историю Ибанска не было ни одного случая, чтобы похитили наши липовые отчеты о наших выдающихся успехах, которые (отчеты, конечно, а не успехи) я призван охранять в ночное время за мизерную зарплату. По подсчетам наших экономистов на такую зарплату нельзя прокормить даже собаку. Породистую собаку, а не дворнягу. Дворнягу можно, ибо ее можно совсем не кормить. Эти подсчеты экономисты производили в либеральное время, когда это было модно. Либеральное время прошло, экономистов отчасти заменили, а отчасти перевоспитали, их ошибочные расчеты исправили. И согласно новейшим данным, моя зарплата немного уступает зарплате президента США. Бедный президент! То-то его тянет к нам в Ибанск.

ПРОГНОЗЫ

Сколько времени прошло, а я все еще не могу привыкнуть к новому своему состоянию. Всего одно выступление, и вся жизнь кувырком. В будущем наверняка такие случаи будут исключены. Как? Например, так. Все выступления заранее записываются на магнитофон. Так что на трибуне можешь болтать что угодно. Все равно никто не услышит. Услышат только магнитофонную речь. Причем не обязательно твою. Ты кривляешься на трибуне, а в зал доносятся речи какой-нибудь старой беззубой сплетницы. Эффект потрясающий. Или, допустим, ты уезжаешь в командировку, а твою речь включают тогда, когда на трибуну залезает ведущий прохвост и кретин учреждения. И все довольны.

Будущее. Каким оно будет? Допустим, потомки каким-то образом узнают эту мою писанину. Что они скажут? Ничего хорошего. Что-нибудь в таком духе. Позиция

Ночного Сторожа есть позиция клопа, который забился в узкую щель и видит мир плоско, фрагментарно, в карикатурно искаженном виде. Работу ему предоставлять не следовало. Это — грубая ошибка. Теперь такие ошибки исключены. Работа, какая бы она ни была, дает индивиду сознание стабильности бытия, без которого невозможно никакая литературная деятельность. Утверждение о том, что в истории Ибанска не было ограбления контор, фактически неверно. В эпоху Ночного Сторожа был случай, когда клеветники похитили пятилетний план, и ибанцы целых пять лет не знали, что делать, и не знали, выполнили они план или нет. К счастью, началось движение за выполнение этой пятилетки в две недели. А в другой раз эти же клеветники похитили настоящие планы и подложили на их место фальшивые, явно завышенные. И если бы ибанский народ не проникся сознанием важности момента, планы оказались бы невыполненными. И таких случаев было очень много. Так что временно снятый лозунг Хозяина насчет обострения классовой борьбы пришлось выдвинуть снова. Ученые Ибанска, руководимые самим Заведующим и всеми Заместителями, дали научное обоснование такому специфическому явлению ибанской жизни, когда классов давно уже нет, а борьба между ними все обостряется и обостряется. Дело в том, что борьба идет между пережитками революционных классов (это — ибанское начальство и руководимый им народ) и пережитками реакционных классов (это — два десятка отщепенцев на весь Ибанск, из которых десять сидят в исправительных лагерях, девять в психиатрическом диспансере, а насчет одного пока не могут никак решить, куда его посадить — туда или сюда).

ДОМ

Хотелось есть и спать. Первое желание удовлетворить не удалось. Мать уехала к одной из своих многочисленных сестер и заперла все свои шкафчики. И даже холодильник заперла на особый замочек. Хотя живем мы в основном на то, что мне удастся подработать. Ее пенсия идет полностью на ее карманные расходы. Лег спать на пустой желудок. Но и спать не удалось. Ко мне ворвались детишки моей младшей сестры со всеми вытекаю-

щими отсюда последствиями. Сначала мы слегка повоевали. Потом они повели меня пить чай. Потом сестра попросила меня посидеть с ребятами. Она заняла очередь за бананами. Бананы в Ибанске! Во какие фокусы выкидывает история! Исконные ибанские продукты, которые раньше производились в изобилии и стоили копейки, теперь стоят дороже бананов. Ничего не скажешь, прогресс! Зато мы делаем ракеты!

Сестра пришла злая как черт. Бананы кончились перед самым носом. Надо еще стоять два часа, пока завезут новую партию. Потом пришел милиционер, и я вспомнил, что надо взять справку на работе. И я побрел в контору. Отдел кадров был закрыт. Пришлось ждать. Справку мне дали с большим трудом. Зачем? Для чего? Куда? Кому? Я обозлился и заявил, что, если не дадут, немедленно подаю заявление об уходе. Помогло. Сразу выписали. И печать поставили, как положено. Теперь я знаю, как себя держать с ними. Найти человека, который согласился бы за гроши ночами торчать в этой богадельне, в Ибанске не так-то легко. Погодите, дайте только срок! Я еще из вас выжму соцстраховскую путевку в Дом Отдыха на двенадцать дней и безвозмездную ссуду на покупку полувоенной формы!

КОНТОРА

Хотя я не специалист в социологии, я все же знаю тривиальную истину всякой опытной науки: начинать надо с наблюдения фактов. И что бы там ни говорили наши теоретики о нашей жизни, для меня факт — то, что я сам вижу ежедневно и ежечасно вокруг себя, во всех местах, где мне обычно приходится бывать, — на работе, в магазине, на улице, в транспорте, в гостях, в кино, в театре и в библиотеке и т. д. Именно это есть реальность ибанизма, а не сказки, которые нам рассказывают теоретики некоего научного ибанизма (и надо полагать, за приличное вознаграждение!). И самая глубокая и вместе с тем самая поверхностная суть ибанизма проявляется там, где мы работаем.

Моя контора — одно из типичных учреждений Ибанска. Трудно понять, в чем суть ее производственной деятельности. Да это и не имеет никакого значения. Такие

учреждения возникают неисповедимыми путями и существуют хотя бы для того, чтобы несколько сот человек могли жить за их счет, убивать тут свое время, тратить тут свои лучшие чувства и таланты, получать жилье, путевки в дома отдыха и прочие житейские блага. Если такое учреждение возникло, никакая сила в Ибанске не способна его уничтожить, если даже всем известно, что оно ни к чему. И в этом смысле ибанец уверен в завтрашнем дне. Ему не грозит безработица. Во-первых, никто не позволит уничтожить такое учреждение, ибо число людей, заинтересованных в уничтожении, ничтожно мало. К тому же это обычно критиканы или молодые карьеристы, решившие пробиваться за счет новых веяний. А в Ибанске как тех, так и других не любят. Во-вторых, затраты на ликвидацию такого учреждения намного превосходят затраты на его существование. Ликвидация учреждения — это комиссии, комитеты, заседания, расчеты и т. п. Поскольку такое учреждение органически врастает в жизнь других, то его ликвидация означает перестройку десятков других. К тому же людей надо устраивать в другие места. Наконец, сама работа по ликвидации учреждения порождает комиссии и комитеты, которые сами вскоре превращаются в учреждения такого же типа, и на место одного привычного и спокойного учреждения приходят по крайней мере два молодых, агрессивных и растущих. На место одного павшего бойца приходят новые тысячи!

В моей конторе работает одна уборщица, три вахтера и несколько сот сотрудников самого различного сорта и ранга. Система их взаимоотношений очень сложна. Я так и не смог в ней разобраться. Сами же сотрудники прекрасно в ней ориентируются. Это и неудивительно, ибо их основная профессия — уметь ориентироваться в этой среде и ухитриться урвать для себя как можно больше. Их производственная деятельность здесь есть нечто вторичное, побочное. Не контора существует для дела, а дело терпят лишь постольку, поскольку должна существовать контора. Здесь дело есть лишь формальное средство распределять жизненные блага в соответствии с социальными законами Ибанска. Идеал, к которому стремятся учреждения такого рода, — превратить свое дело в чистую фикцию. И надо признать, что ибанцы будто самой природой созданы для такой жизни. Они самозабвенно по-

гружаются в трясину этой своей социальной жизни, наплевав на семью, на дружбу, на свое физическое и духовное совершенствование. Контора берет их целиком и полностью, выжимает все их телесные и душевные соки и выбрасывает потом в частную и уличную жизнь измотанными, опустошенными, злобными, скучными и серыми существами. Я работаю здесь уже несколько месяцев и ни разу не видел проявлений бескорыстного и бесцельного доброжелательства, веселости и любопытства к чужой человеческой душе. А ведь по меньшей мере четвертая часть взрослого населения Ибанска проводит лучшую часть своей жизни в конторах такого рода. Если дело и дальше пойдет так, то через полсотни лет весь Ибанск превратится в огромную контору по управлению фиктивным делом. Когда я эту мысль высказал одному молодому и, как мне показалось, умному инженеру, он презрительно пожал плечами и сказал, что я не учитываю прогресса электронно-вычислительной техники. Загляните в подвалы своей богадельни, сказал я ему. Они битком набиты первоклассными машинами. Посмотрите, сколько там машин новейших заграничных марок. Сколько валюты отвалили? А толку что? На сколько человек увеличилась ваша контора за последний год? То-то! Инженер удивленно посмотрел на меня. Но от дальнейшей беседы отказался.

ВОЗРАЖЕНИЯ

Я совсем один. У меня нет оппонентов. А без них нельзя развить ни одну мысль достаточно полно и четко. Я готов признать любого оппонента. И даже, например, такого. Ночной Сторож не понимает основной идеи ибанизма — лишить труд его унизительно утилитарного значения и превратить в мощное средство воспитания нового человека. Контора описана верно. И превращение общества в единую семью-контору как основная тенденция ибанизма схвачено верно. Но Ночной Сторож, как отщепенец, неверно расставляет акценты, меняет знаки на обратные. Прежние критики ибанизма представляли ибанизм кто в виде казармы, кто в виде концентрационного лагеря. Они ошибались. Но ошибка их состояла не столько в том, что они в казарме и в концлагере видели

только теневые стороны и не видели их положительных сторон (нас не запугаешь таким сравнением!), сколько в том, что они не заметили конторного характера казармы и концлагеря, то есть не могли понять того, что контора есть высшая форма, содержащая в снятом виде казарму и концлагерь. Она не нуждается во внешней дисциплине и охране. Она есть самоказарма и самоконцлагерь. Ночной Сторож это подметил, но отнесся к этому отрицательно. Потому он — более опасный враг ибанизма. Он готов признать в ибанизме все без исключения. Но отношение его к явлениям ибанизма противоположно нашему. Потому его бессмысленно опровергать. Чувства неопровержимы. Его надо просто уничтожить. Но у меня нет даже такого собеседника.

КАК ПРОЖИТЬ

Зашел Физик, мой старый приятель, уволенный с работы по другим причинам. Говорит, есть шансы немного подработать. Один прохвост, живший в их доме, получил великолепную новую квартиру. Надо отциклевать полы, подклеить обои, привести в порядок краны и петли, одним словом — привести квартиру в состояние, пригодное для жилья. А между прочим, дом принят в эксплуатацию с высшей оценкой. И строила его бригада прославленного Героя, который теперь чуть ли не каждый день делится опытом по телевидению и ездит за границу представлять ибанский рабочий класс в мировом масштабе. Я с радостью принял предложение физика. И тут мы обсудили идею создания подпольной бригады по ремонту квартир. Физик сказал, что у него есть знакомый кандидат наук, которому надо заработать деньги на кооператив. Я сказал, что мог бы давать заодно уроки английского языка. Физик высмеял меня за незнание ситуации в этой сфере бизнеса. Я сказал, что мог бы диссертацию кому-нибудь написать. Физик сказал, что он мог бы в месяц по две диссертации клепать. А что толку? Теперь проблема не в том, чтобы настроичить диссертацию, а в том, чтобы пристроиться где-то на защиту. В общем, мы оставили идею бригады по ремонту квартир как самую реальную, отвергнув все остальные.

На другое утро я направился к Физику. У него уже сидел Кандидат. В квартире Физика был ужасающий беспорядок. Что случилось? — спросил я. Жена в больнице, сказал Физик. Что-нибудь серьезное? — спросил я. Пустяки, сказал Физик. Решила лишний вес сбросить. Мода! Слыхали о новой системе Академии Здоровья? Не ешь хлеба — вредно. Не ешь мяса — вредно. Не ешь масла — вредно. Не ешь сахар — вредно. Ничего не скажешь, отличная система. Государству выгодно — легче планы перевыполнять, сельское хозяйство в конце концов можно поднять на уровень. И семье экономия. Можно объявить, что реальная заработная плата выросла. А жена? — спросил я. Пустяки, сказал Физик. Полная дистрофия. Все зубы вывалились. Шкура висит клочьями. И лысеть начала. Жуть! Во красotka будет! Это что, говорит Кандидат. Моя соседка по квартире занялась гимнастикой йогов. Новой, разработанной на базе ибанизма после присоединения Индии к Ибанску. Сунула ногу куда-то за спину, а обратно никак. В итоге — три вывиха и четыре перелома на одной ноге. Минимум полгода в гипсе в подвешенном состоянии. Правда, в квартире стало спокойнее.

Чин встретил нас с поллитровкой, как положено по ибанскому обычаю. Но большую часть ее выдул сам. И разболтался, мешая нам работать. Дом высшей категории, орал он, а сплошная халтура. Все ненадежно. Общество недобросовестных и ненадежных людей. Никому нельзя верить. Ни на кого нельзя надеяться. Где вам понять?! Вам лишь бы деньгу зашибить. А на интересы государства вам наплевать. А у меня душа кровью обливается. А как же ракеты? — съехидничал Кандидат. Ракеты, возмутился Чин. Да там еще хуже, если хочешь знать. Если там что-то и летит, так какой ценой! Болтовня Чина нам порядком надоела. Вдруг он взглянул на часы и мигом протрезвел. Заболтался я тут с вами, проворчал он начальственным тоном, а мне Туда нужно. Ну-с, давайте, давайте! Хватит филонить! И он укатил в своей служебной черной машине. А ведь мы вместе в школе учились, сказал Физик. Теперь он меня не узнает. А он нас не надует? — спросил я. А кто его знает, сказал Физик. Им ни в чем доверять нельзя. Прошлом лето мы снимали дачу у одного такого бывшего чина. В писательском городке, не где-нибудь. Хозяин — бывший Секретарь целого крупно-

го района. Жена — член какого-то комитета защиты угнетенных и освобожденных народов. Я вне их среды редко встречал таких мерзавцев. Настоящий уголовник. Тянул все, что под руку подвернется. Причем хитро, не подкопаешься. У нас он воровал деньги по мелочам, а иногда — по-крупному. И в заключение украл у жены кольцо — подарок матери, наследственное. С ними надо иметь дела только с позиций силы, сказал Кандидат. Надо плату потребовать еще до окончания работы. И если что, бросить дело в таком состоянии, чтобы после нас ему в два раза дороже обошлось. Разумная идея, сказал я. Они становятся честными только тогда, когда у них другого выхода нет.

После работы у Чина я вздремнул пару часов у Физика и вечером отправился на дежурство. Кандидат отправился в больницу — отнести кое-какие фрукты соседке. Жалко, сказал он. Это такая стерва, что никто не хочет ее навещать. А как у нас в больницах кормят, вы знаете. Я бы этого не стал делать, сказал Физик. Пусть подыхает. А ты, Сторож, как смотришь на это дело? Я сказал, что не знаю. Я вообще не знаю заранее, как я буду поступать в такого рода ситуациях. Скорее всего — как Кандидат. По натуре я беспринципный человек. Или, скорее, добрый. После той истории на собрании мне стало жаль наше институтское начальство. Бедняги, сколько у них неприятностей было из-за меня. Их до сих пор склоняют во всяких отчетах и постановлениях. А мои сослуживцы! Им есть из-за чего меня ненавидеть. На них обрушился такой шквал политико-воспитательной работы, что они до сих пор не могут очухаться. А меня из-за этого гложет совесть. Ты эгоист, сказал мне мой непосредственный шеф. Ты только о себе думаешь. А о товарищах забыл!..

По дороге в контору я вдруг подумал, что мы не так уж плохо живем. Мы имеем возможность подрабатывать. А наши потомки будут лишены и этого. Все будет очень просто. Если ты есть ибанец такой-то категории, то и получай свой харч по этой категории. И ни в коем случае не больше. Меньше можно (в распределителях разворовывают). Так, конечно, лучше. Спокойнее. Отволынчил на работе свое время, пробился (народу в транспорте — кошмар!) домой и живи в свое удовольствие. Телевизор смотри: хоккей, футбол, балет, речи. Читай газеты: хоккей,

футбол, балет, речи. Пей сколько хочешь. Этого добра у нас по потребности. С закуской только скверно. Кстати, а что такое мясо?

А о товарищах я, выходит, забыл. Товарищи — что это такое? И есть ли они у меня? И были ли вообще когда-нибудь? Сослуживцы, коллеги, собутыльники, собеседники, партнеры. Но не товарищи. Товарищество (то есть дружба) есть нечто иное. Я не припомню ни одного случая, когда со мной поступили по-товарищески. Я заступился за Неврастеника с риском для себя. Это по-товарищески, кажется. так? И что же? Он назвал меня провокатором. В Ибанске вообще нет условий для той формы поведения, которая называется товариществом. Говорят, что она сохранилась еще у уголовников. Но я не верю в это. Ибанские уголовники должны по идее нести на себе печать нашего общества.

ДИРЕКТОР

Сегодня мой директор задержался в своем кабинете с секретаршей сверх положенного времени — готовили отчет для министерства. Уходя, Директор сказал мне «ты», похлопал по плечу (точнее — по локтю, так как я на полметра выше его) и велел не спускать глаз. Секретарша кокетливо (о, ибанское кокетство! Об этом нужна особая глава) улыбнулась и обещала позвонить — проверить, не сплю ли я на боевом посту. Я сказал, что ради такого случая постараюсь на сей раз бодрствовать. Потом она спросила, как относится моя жена к такой работе мужа. Я сказал, что предпочитаю обходиться без жены. Потом в дверь заглянул шофер Директора, и секретарша испарилась. Пришла уборщица — не то тетя Хлюпа, не то тетя Тряпа. А я немножко подумал и начал писать. О чем? О чем угодно. Хотя бы о Директоре, секретарше и уборщице. По крайней мере, это — наиболее значительные фигуры в нашем убийственно унылом и бездарном заведении. Кабинет моего директора обычный шедевр безвкусицы, скуки, глупости и прочих качеств, неотделимых от ибанского руководителя любого ранга. Огромный письменный стол. Стол для заседаний, образующий с первым огромную зеленую букву Т. Сейф большой. Сейф поменьше. Один шкаф. Другой

шкаф. Третий шкаф. Телефоны. Стулья. Портреты вождей. Огромный диван, на котором Директор принимает иностранцев и высших начальников и занимается любовными делами с секретаршами. Секретарш Директор меняет (или, точнее, Директору меняют) довольно часто. Но не потому, что он — ловелас, а по причинам иного рода, о коих скажу ниже. Секретарш он выбирает (или, точнее, ему выбирают) всегда толстозадых, полногрудых и невероятно глупых и пошлых. Это — индивидуальная особенность моего Директора. Это — общепринято в среде ибанского начальства. Как гарнитур из красного дерева. Как ковры на стенках. Это — установка. И любовью Директор занимается с секретаршами не потому, что испытывает потребность тела, а потому, что ему это по чину положено. Раз положено, надо брать. Когда Директор едет на совещание в верхи, он нажирается дома до отвала. Но если там в буфете бесплатно дают бутерброды с икрой, он непременно скушает десяточек. Потому как положено. А раз положено — ешь! Был такой случай, когда один директор завел себе приличную, действительно красивую секретаршу. И чем все это кончилось? Жена — заявление за заявлением во все инстанции. Мол, семья рушится. Директора сняли, секретаршу с позором выгнали. А такие стандартные секретарши ничем не угрожают нашей здоровой семье и не подрывают устои. Наоборот, они укрепляют эти устои, все без исключения служа в качестве осведомителей в ООН. Сам Директор при описании своего портрета не заслуживает никакого внимания. Это, как правило, маленький толстенький человечек с коротенькими ручками и огромной наглой мордой. Исключения из этого правила весьма редки. Механизм, по которому именно такой физиологический тип становится директором, не изучен. Когда Директору в шутку говорят об этом факте, он обычно самодовольно усмехается и между прочим напоминает о Наполеоне, Хозяине и других выдающихся личностях прошлого. Своих секретарш Директор вознаграждает за счет конторы. Иногда позволяет на машине служебной съездить к портнихе. Иногда премию подкинет. Повысит оклад на десятку. Путевку выхлопочет. Благодарность в приказе. Но чтобы из своего кармана — на такой разврат ни один директор не пойдет. Не позволят. Один директор как-то сдуру купил в Па-

риже своей секретарше флакон духов из денег на карманные расходы. Скандал был невероятный. Другой устроил своей секретарше трехкомнатную квартиру из фондов конторы. На квартиру претендовал старейший сотрудник, ветеран, орденосец, многосемейный. И все сошло без звука. Поскольку Директор никакими индивидуальными особенностями не обладает (не положено!), писать о нем больше не хочется ни слова. Скучно. Правда, ибанская литература посвящает персоне директора сотни томов. Но что это за литература, вы сами понимаете. Даже сами директора ее не читают. Они сами говорят, что это — вранье сплошное. Но литература эта пишется для народа, а не для директора. Поскольку другого ничего читать не дают, то народ читает сказки о директоре. Плюется, но читает. И постепенно начинает верить, ибо другого выхода у него нет.

СЕКРЕТАРША

Позвонила Секретарша, и мы мило поболтали с ней минут сорок. Говорили о книгах, о фильмах, о модах, о сотрудниках конторы и о многом другом. И мне она показалась уж не такой глупой, как вначале. Ее оценки сотрудников обнаруживают великолепную наблюдательность и злой ум. И я подумал, что в таких полногрудых и пышнозадых девицах есть что-то такое, чем пренебрегать не следует. Не зря же их выдают крупным чинам. А им барахло давать не положено. В современных модах на тощих узкозадых баб есть что-то лицемерное.

Функции секретарш общеизвестны. В ибанском учреждении Секретарша выполняет еще специфически ибанские функции. Во-первых, она — любовница Директора. Во-вторых, она — осведомитель ООН. В-третьих, несмотря на свою глупость и пошлость (а может быть, благодаря им?), она быстро соображает выгоду своего положения и становится одной из влиятельнейших фигур в конторе. С точки зрения житейских дел (а что важнее их?!) она становится более важной фигурой, чем Председатель Месткома и даже сам Секретарь Бюро. Ее власть незаметна и неуловима, но реальна. Секретарша не тщеславна и не заинтересована в раскрытии механизма своей власти, и в этом ее преимущество. Пред-

седатель и Секретарь по крайней мере часть своей власти реализуют публично. И в этом их слабость. Переспав пару раз с Начальником Первого отдела (сотрудник ООН), разок-другой с Секретарем, оказав мелкую услугу Председателю, Секретарша может позволить себе действия, на которые не решится даже сам Директор. Например, оформляют за границу заведующего таким-то отделом. Директор хочет, но не может помешать: министерство настаивает. И проблему элементарно решает Секретарша: слегка затягивает оформление документов, пишет пару строк о настроениях командированного, который ей по пьянке в ресторане сказал якобы, что он не прочь бы там остаться. Но Секретарше обычно не хватает ума и выдержки своевременно остановиться. Лишь немногие знают меру. И тогда их выжить с их поста нельзя никакими силами. И тогда несчастный Директор должен время от времени вызывать к себе в кабинет подходящих сотрудниц или уборщицу тетю Тряпу. Разумеется, с ведома Секретарши, которая зажимает Директора мертвой хваткой и крутит им потом, как ей заблагорассудится. Зарвавшуюся Секретаршу переводят на другую работу, и Директору предлагают новую, хорошо проверенную Отделом кадров и Первым отделом. Раньше в народе секретарш звали секретутками. Но это время кануло в Лету. Теперь мамыши охотно отдают своих не в меру аппетитных дочерей в секретарши. И правильно делают. Как это ни странно, секретарши, обретя богатый опыт в любовных делах, легко находят себе мужей и обзаводятся семьями.

ЛЮДИ-ФУНКЦИИ

Вот я закончил описание второго персонажа нашей конторы, и меня поразило одно обстоятельство. Я беру Директора и рассматриваю его так, будто он сразу в готовом виде появился на свет в качестве директора и будет пребывать в таком состоянии всегда. Случайно это или нет? Я вспоминаю своих родственников, друзей, знакомых. Странно, я их воспринимаю как статичные фигуры, лишённые не только способности изменения, но даже способности перемещения. Мать. Не вижу и не чувствую ее сажающей меня на горшок или отправляю-

щей в первый класс школы. Вижу только раздражение, недовольство и требование исполнить сыновний долг. Сестра. Мы же вместе росли. Но я не вижу ее девочкой. Вижу только бесконечную стряпню и стирку. В чем же дело? Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Просто мы, ибанцы, воспринимаем друг друга исключительно как социальные функции, а не как автономные целостные существа, несущие в себе все ценности мира независимо от социальности. И потому мы легко меняем женщин, мужчин, друзей, соратников. Легко, потому что нам важна лишь функция, которую может выполнить любой подходящий индивид. Не этот, так другой. Мы, ибанцы, лишены индивидуальной истории. Не то чтобы мы не эволюционировали во времени. Это само собой разумеется. А то, что эта эволюция лежит вне нашей социальности, чужда ей и полностью элиминируется ею. Ибанское общество относится к своим членам так же, как старый служака армейский старшина относится к новобранцам: мясо есть, надо придать ему вид, соответствующий уставу.

Иногда я испытываю страдания оттого, что старые друзья не проявляют теплых чувств при встрече; мать никогда уже не погладит по голове и не скажет: поплачь, мой маленький, и тебе будет легче; когда-то любившая тебя женщина даже не взглянет на тебя; снесли старый дом, в котором ты вырос; умерла учительница, учившая тебя... И потому я неполноценный ибанец. Не подкованный. Не закаленный. Брак. В общем, отщепенец.

Но ведь и я для них тоже всего лишь функция. Ночной Сторож, и все. И какие у меня могут быть к ним претензии? Разве я захочу, чтобы со мной начал по душам толковать Директор? Или его заместители? Или кто-то другой? Избави Боже! Нет, милый мой Ночной Сторож, ты в ловушке. И выход у тебя только один: ждать конца. Не так уж много осталось. Так что никаких проблем.

ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД

Мы ходим на работу к Чину как на постоянную. С той лишь разницей, что это — не скучная рутина ибанского учреждения, а действительно творческий труд. Освоились

мы буквально за пару дней — результат образования и привычки к интеллектуальному труду. Даже сам Чин признал, что первый раз видит таких квалифицированных мастеров. Работа нам нравится. Так что делаем мы все на совесть. Это хорошо, говорит Физик. Если начнем халтурить, появится скука и усталость. Преждевременная усталость есть неизбежный спутник недобросовестного труда. Только вдохновенный честный труд не знает усталости. Любопытно, что работаем мы молча. Разговариваем только во время перекуров. Говорим о том, о чем обычно говорят сейчас все ибанские интеллектуалы.

Критиковать всякий может, говорит Кандидат. Ты попробуй предложи что-либо позитивное! То не так. Это не так. А посади тебя во главе, сам будешь то же вытворять. И хуже еще, чем Эти. Не волнуйся, говорит Физик. Непременно посадят. Только не во главе, а кула следует. Позитивными предложениями мы по горло сыты. Во как! Хватит! А критики у нас настоящей еще не было. Только начнем, как нам все кричат: хватит! И сами мы кричим: хватит, надоело, позитивное подавай! А почему ты думаешь, что критика — это негативное? Критика — это прежде всего стремление обратить внимание на реальность. На факты! Мы живем мифами, демагогическими лозунгами, враньем. Надо из фактов исходить! Без критики нет ничего реально (а не фантастически!) позитивного. Нам начать не дают, а ты: кончай, хватит. Почему, ты думаешь, на нас кидаются с таким остервенением, когда мы начинаем критиковать? За отсутствие позитивного? Чувшь! Именно за то, что мы, критикуя, с необходимостью движемся к реально позитивному. Посади во главе — сам такой будешь!! Пошлая формула. А разве требование разрешить людям ездить за границу не позитивно? А требование не преследовать за литературу, живопись? А требование разрешить кружки, общества, партии? А требование гласности? Меня не посадят во главе хотя бы уже потому, что я буду стремиться делать именно позитивное. Сдаюсь, говорит Кандидат. Я не то хотел сказать. А теперь я не могу даже сформулировать, что именно хотел и хочу сказать. Насколько я понимаю Кандидата, говорю я, он хочет каких-то преобразований общества в масштабах всего Ибанска как исполнение некоего постановления свыше. Хорошее, доброе и умное руководство, обдумав все и

приняв во внимание интересы всех, издает директиву. И после этого наступает улучшение. Это все тот же бюрократический способ мышления, только с обратным знаком. Мало было директив?! И все они сами по себе хорошие. А итог? Дорога в ад вымощена благими намерениями. Дело не в директивах и разумных планах, а в самом строе жизни, совершенно неподвластном начальству. Начальство лишь эксплуатирует этот строй жизни в своих эгоистических интересах. И больше ничего. Значит, выхода нет, говорит Кандидат. Есть, говорит Физик. Какой? — спрашивает Кандидат. Драка, говорит Физик. Только драка. Пустое, говорю я. Давили, давят и давить будут. Не позволят. Сколько нас, драчунов? Раз, два и обчелся. А Их — миллиарды. Дело решает, в конце концов, следующее обстоятельство: кто сильнее — те, кого устраивает такая жизнь, или те, кого она не устраивает.

ПУЖНЫ ЗАКОНЫ

Я недавно читал одну работу, говорю я. Неопубликованную, разумеется. Автор высказывает интересную мысль. Как, например, рождалось буржуазное общество? Огромный феодальный мир. Между прочим, идеологически монолитный. И единый, когда надо было уничтожать критиканов. И на периферии его в подходящих местах малюсенькие образования — Венеция, Генуя, Антверпен и т. п. Справиться с ними не смогли. И выгоду для себя извлекать стали. Нечто подобное повторится и в будущем. То, что весь мир обречен на ибанизм, это уже бесспорно. Но в будущем мировом Ибанске появятся какие-то небольшие очаги новой цивилизации... Если они появятся, говорит Физик. И какие? И когда? На что нам такое призрачное утешение! Мы живем сегодня. Мы — дети своего времени, и должны играть в теперешние игрушки. Когда-нибудь вся Солнечная система взорвется или сгинет другим способом. Ну и что? Живи сейчас. Я, как видишь, и живу, говорю я. Я ведь говорю это не в порядке некоей программы действий, а просто так, из любопытства. Я хочу заметить хотя бы приблизительные закономерности в этом бардаке. Не эти набившие оскомину абсолютные святые липы насчет производительных сил и производственных отношений,

а поприличнее что-нибудь. Когда найдешь, дай знать, говорит Кандидат. А сейчас, судя по всему, нам предстоит попотеть.

Чин привез целую машину разноцветного кафеля для кухни, ванной и уборной. Потом он привез черный унитаз новейшей системы. И наконец, во двор вползли два гигантских грузовика, груженные паркетными плитками. Хотя эти плитки были ничуть не лучше тех, какими были устланы полы в квартире, Чин решил перестелить паркет. Новые плитки он достал по благу за бесценок. Так почему бы не использовать такую возможность?! Мы пожалели плечами. Пожалуйста! Нам-то что?! Мы, если нужно, и кирпичи заменить можем. Лишь бы заплатили. Короче говоря, мы потребовали приличный задаток. И все деньги отдали Кандидату. У него подошел срок делать взнос в кооператив.

С унитазом мы справились довольно быстро. Образование все-таки дает себя знать, сказал Физик. Еще бы, сказал я. Как-никак, а мы — интеллигенция... И мы пустились в длинную дискуссию по поводу этого странного с точки зрения ибанской истории явления.

УБОРЩИЦА

Самая мистическая фигура любой конторы — уборщица тетя Тряпа, тетя Хлюпа, тетя Швабра или что-нибудь в этом роде. Психологически это — вечно жалующееся на свое бедственное положение существо. Она считается стоящей на самой низшей ступени социальной иерархии, хотя зарплату она официально имеет выше, чем подавляющее большинство молодых техников, учителей, младших и научно-технических сотрудников, библиотекарей, работников музеев и т. д. Местком регулярно устраивает ей бесплатные путевки. Дирекция регулярно подкидывает ей премии. Сотрудники время от времени собирают ей на подарок по какому-либо поводу. Касса взаимопомощи по крайней мере два раза в год дает ей безвозмездную ссуду на новую искусственную челюсть. К тому же по совместительству тетя Тряпа работает в соседней конторе, имея и там те же блага. Одновременно она профессионально занимается распространением сплетен. Занимает очереди за книгами и за редкими тряпками и затем уступает их

за небольшую мзду. Достает заграничные штучки. И квартиру ей дают в первую очередь. И надо признать, имеет она все это по заслугам, ибо неутомимо работает денно и нощно, проявляя поразительную изобретательность и осведомленность. К тому же обычных сотрудников (в том числе директоров) в Ибанске пруд пруди, а на должность уборщицы охотников не так уж много. Вращаясь в самом пекле ибанской жизни, тетя Тряпа ухитряется, однако, начисто игнорировать ее влияние на свои глубинные душевные качества. В глубине души она остается добрым и отзывчивым человеком. Она часто выручает молодых сотрудников в беде. У нас в конторе она — единственная, у кого можно на длительный срок занять крупную сумму денег. Без процентов. Просто так. Потому что ей приятно сознавать себя человеком, делающим добро. Дома тетю Тряпу обычно до нитки обирает шалопай сын, или непутевая дочь, или ультрасовременные внуки, предпочитающие носить обувь стоимостью в ее месячную зарплату. Число уборщиц в Ибанске катастрофически сокращается, ибо молодежь на эту работу не идет, а старухи теперь предпочитают жить на жалкую пенсию, но не работать. Сейчас в Ибанске число уборщиц стало вдвое меньше, чем число министров, секретарей и председателей, что является самым ярким доказательством правоты всепобеждающего учения ибанизма. По всей вероятности, уборщицы тоже постепенно перекачываются в число лиц, управляющих государством. Тетя Тряпа — единственная из сотрудников конторы — может позволить ко всем (включая Директора) обращаться на «ты». И даже Министру она может сказать: шляются тут всякие! Шляпу надел, а ноги не вытирает! В Ибанске пользуется успехом такой анекдот. Один лев дает совет другому, как питаться в Ибанске: надо есть министров, директоров, заведующих, профессоров, генералов и т. п., но ни в коем случае не уборщиц, ибо первых много и их исчезновения никто не заметит, а уборщица — одна.

Опять позвонила Секретарша и сказала, что ей скучно. И грустно. И одиноко. Я сказал, что я с удовольствием нарушил бы ее одиночество, но, увы, я обязан бдить и все такое прочее. Потом я ей рассказал несколько анекдотов, главным образом таких, за которые раньше ставили к стенке, потом просто сажали, потом наказывали местными силами, потом понемногу опять начали

сажать... Она весело смеялась и рассказала мне в свою очередь пару таких анекдотов, которые можно услышать только от сотрудников ООН, ибо им это позволено. Я на всякий случай сказал ей, чтобы она с такими штучками была поосторожнее. Но мне стало после этого немного не по себе. После того как тетя Тряпа, сделав свое дело, ушла, я решил поспать. И увидел я сон, будто пришел ко мне Директор моего бывшего ИОАНа и предложил вернуться на должность старшего научного сотрудника. И квартиру пообещал. Мне стало страшно. Я закричал: нет! И проснулся. Начинался новый обычный трудовой день обычной ибанской конторы. О Боже! Думал ли Ты, создавая человека, что он, пройдя тяжкий и долгий путь истории, закончит его в ибанской конторе? Если знал, то зачем ты все это сделал?!

СЮРПРИЗЫ

Когда я заскочил на минуту домой (переодеться и что-нибудь съесть), меня там ждал сюрприз: записка от моей бывшей жены, в которой она меня обзывала мерзавцем и требовала свою законную (по ее словам) долю из тех денег, которые я лопатой гребу (по ее словам) на левой халтуре. Иначе она заявит куда следует. Любопытно, откуда она узнала о том, что я подрабатываю? Придется занять и послать. Иначе она житья не даст. Тут ничего не поделаешь. На ее стороне — все гнусные силы этого общества. И нет от них спасения. Но что изменится, если пошлю? Она все равно будет везде вопить, что я ее граблю, скрывая тысячи и посылая ей (изредка, как она всем твердит) копейки. О дочери я уже не думаю совсем. Меня отучили от нее общими усилиями бывшая жена, теща, моя мать и другие их добровольные помощники. Каждый по-своему. Каждое свидание с дочерью мне приходилось добывать с боем. А они настраивали ее все время так, будто отец — закоренелый мерзавец, и она уже не проявляет желания видеть меня. В чем дело? Что происходит? Зачем это им нужно? Наша семья развалилась не по моей вине. И я наказан. Месть за свою неудавшуюся жизнь? За то, что не я, а она встала на путь измены? За то, что не я, а она проявила инициативу развода? За то, что я ушел, оставив ей абсолютно все, что

мы нажили вместе: квартиру, мебель, посуду, всякое барахло? Чем больше я отдавал и чем меньше брал, тем большую ненависть я испытывал с ее стороны к себе. А чему ты удивляешься, собственно говоря? Обнаружил слабость — и пиши пропало. Никто так нещадно не бьет слабого, как другой слабый, который чуточку сильнее его. Слабый всегда страдает. Надо быть очень сильным, чтобы прожить жизнь в качестве слабого.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В Ибанске слово «гнилой» настолько прочно срослось со словом «интеллигент», что одно без другого в принципе немыслимо. Когда ибанец слышит слово «интеллигент», то он тут же присоединяет слово «гнилой» и удовлетворенно усмехается, ибо в Ибанске гнилым может быть только интеллигент. Не мясо, не картошка... И уж конечно, не руководство. И тем более не он, рядовой трудящийся ибанец. А именно интеллигент. Когда же ибанец слышит слово «гнилой», он тут же присоединяет слово «интеллигент» и удовлетворенно усмехается. Если уж интеллигент, то непременно гнилой. Это — аксиома. Это доказано всем ходом... Тем более сами классики... Единственно, чего не знают ибанцы, так это что такое интеллигент. Хороший ибанец себя интеллигентом не считает. А остальные не сознаются в этом.

В самом деле, говорит Физик, что такое интеллигент. Я, например, интеллигент или нет? А ты? Что такое интеллигенция, в конце концов?! Ты задеваешь в высшей степени интересный вопрос, говорит Кандидат. Мы — языковая цивилизация. Сказать так — сказать нечто большее, чем признать важность языка. Привычные выражения, которые обычно фигурировали в суждениях на социальные темы, утратили смысл. Причин тому много. Две из них назову как важнейшие: изменился предмет суждений и изменился строй нашей духовной жизни. Вторая причина имеет силу независимо от первой. Я имею в виду здесь, в частности, влияние развития науки на языковую практику вообще. Выработка нового языкового аппарата, который позволил бы более или менее адекватно обсуждать проблемы нашей общественной жизни, предполагает какой-то минимум научности в анализе самой этой

жизни. Мы такого языка не имеем и потому треплемся впустую. Общество само всеми силами (идеология, пропаганда, образование, карательные акции и т. п.) препятствует выработке такого языка. И преуспевает в этом. Оно не заинтересовано думать о себе самом правдиво и откровенно. Что такое интеллигенция? Старые представления: врач — интеллигент, учитель — интеллигент, инженер, писатель, даже телеграфист и т. п. А теперь? Работник умственного труда? Большинство ибанцев таковы. Сколько у нас писателей, учителей, врачей, министров, инженеров, ученых... Надо различать: интеллигенцию как определенную социальную роль и как определенный социальный строй. В разное время роль интеллигенции могут выполнить различные социальные группы, или эти группы по преимуществу поставляют лиц на роль интеллигентов. Так что надо установить, в чем состоит эта социальная роль, которую можно назвать словом «интеллигенция» (или каким-то другим; лучше другим во избежание путаницы и спекуляций), и из каких групп общества главным образом выходят люди, играющие эту роль. Естественно, от характера этой роли зависит и то, кто ее реализует. Если эта роль связана с достаточно высоким уровнем интеллектуальности, то естественно ожидать, что выполнять ее будут люди с профессионально развитым интеллектом. Если она связана с риском, с боленьем за страждущих и т. п., то на эту роль вряд ли пойдут карьеристы, благополучные и т. п. Это очевидно. Как я уже говорил, общество в лице какой-то части своих членов может начать думать само о себе правдиво, беспощадно-откровенно. Если появились люди, которые сделали это главным делом своей жизни, если число их стало достаточно большим, если они вступили друг с другом в контакты и образовали связный слой, если этот слой стал воспроизводиться обществом во времени, появились преемственность, традиция и т. п., то можно сказать, что появилась особая социальная группа, реализующая правдивое самосознание и совесть общества. Как ее назвать? Это — деятели культуры. Но особого рода. Иногда под интеллигенцией имеют в виду именно эту группу. В Ибанске такой группы нет, нет социальной ткани (слоя, сети и т. п.) такого рода. Иногда назревают жалкие попытки создать ее. Но они быстро ликвидируются. И дело тут не только в том, что власти принимают меры против

нее. Дело главным образом в том, что в условиях жизни ибанского общества нет ничего такого, что порождало бы такую социальную ткань, воспроизводило ее и нуждалось в ней.

Речь Кандидата произвела на нас сильное впечатление. Ого, сказал Физик, ты никак в социологию ударился. Какая там социология, сказал Кандидат. Я вам кратко пересказал кусок из статьи Двuruшника о ибанской интеллигенции.

КОНТОРА

Я уже давно понял, что контора есть ядро и суть ибанской жизни вообще. Не контора суть средство какой-то иной ибанской жизни, а, наоборот, вся прочая ибанская жизнь есть лишь питательная среда, арена и средство жизни конторы. Ибанск в целом можно понять только как неимоверно разросшуюся контору — как контору контор. Я понял также, почему до сих пор никто не докопался до самой сути ибанской жизни — ни оппозиционеры, ни друзья, ни враги. Причина этого не только в том, что психологически трудно признать такое ничтожество, как ибанская контора, в качестве главного действующего лица этого грандиозного спектакля, но также в том, что трудно постичь этого героя в его ничтожном величии при великом ничтожестве. С точки зрения внешнего наблюдателя (а иначе научное наблюдение невозможно!), в конторе не происходит почти ничего, заслуживающего внимания. Чтобы в ней что-то заметить, надо жить в ней естественно, а это исключает возможность научного наблюдения вообще. В конторе, далее, все лежит на поверхности, все и всем известно. И вместе с тем здесь все скрыто. Как в хорошем детективе: все персонажи налицо, все факты налицо, а кто творит пакости, неизвестно. Более того, здесь даже известно, кто творит пакости. Здесь секрет что-то другое. Здесь неизвестно прежде всего то, что следует открыть. Наконец, нет общепринятого точного языка, на котором можно было бы хотя бы начать разговор на эту тему. Я теперь начитался социологических и исторических книжек всякого сорта. И не нашел в них ничего такого, что можно было

использовать для этой цели. Кое-что похожее есть. Но начнешь радоваться: нашел, мол! И тут же мысли автора уходят куда-то в сторону, не имеющую никакого значения в моем случае. Или я так и не набрел на то, что мне нужно. Или нужно все начинать сначала — разрабатывать язык и изобретать свой метод обдумывания.

Чувствую, что писать становится все труднее и труднее. Нужно делать некоторое усилие над собой, чтобы заставить себя написать хотя бы страничку. Раньше этого не было. Очевидно, бессмысленное безделье на работе больше выматывает, чем тяжелый, но разумный труд. Я устал. Зверски устал.

НЕВРАСТЕНИК

Погорел я из-за Неврастеника. Но я к нему никаких претензий не имею. Если бы не он, я погорел на чем-нибудь другом. Неврастеник в течение десяти или более лет считался в нашем ИОАНе обычным среднеуспевающим прохвостом. Единственное, чем он выделялся из общей серой массы наших старших сотрудников, — это знание каких-то иностранных языков, которым его знатные родители обучили еще с пеленок. Когда началась либеральная эпоха, Неврастеник завел знакомства с иностранцами. Сам неоднократно бывал за границей. Мы приписали это связям Неврастеника с ООН — тогда все считали всех стукачами. С одним иностранным журналистом у Неврастеника была даже близкая дружба, которой он очень гордился. И побаивался (он сам мне об этом не раз говорил, — в это время мы частенько пьянствовали в одной компании). А вдруг в ООН его за задницу возьмут за такое знакомство?! А вдруг журналист — стукач?! Они все такие! Иначе же не проживешь. Неврастеник постоянно излагал журналисту всякого рода умные мысли. Но мысли Журналиста вообще не интересовали. Его интересовали факты. Он охотно жрал и пил за счет Неврастеника. Иногда спал с его женой. Иногда — с его любовницей. Но не спешил написать очерк о еще неизвестной Западу богатой интеллектуальной жизни лучших представителей ибанской интеллигенции. А Неврастеник знал, что он, по крайней мере, один из

них. И продолжал неумолимо наводить тоску на Журналиста, образ мышления которого отличался от образа мышления рядовых ибанских чиновников лишь обратным знаком.

Как-то раз, когда речь шла (как обычно) о судьбах ибанской творческой интеллигенции и было наговорено много критического, обличающего, трагического и т. п., Журналист упомянул имя Неврастеника. Это — талантливый человек, сказал Журналист. Во всяком случае, это — личность. И уж в крайнем случае это — порядочный и интеллигентный человек. Так-то оно так, сказал Болтун. Но вы рискуете нарваться на неожиданности, поскольку ни бельмеса не смыслите в механизмах ибанской жизни и употребляете слова, взятые из неибанского житейского обихода. Вот, скажем, что значит: талантливый человек. Или: личность. Или: порядочный человек. Кто-то сказал, что это всякому известно. Начали выяснять, что именно известно всякому, и запутались. Начался дикий спор, кончившийся тем, что Неврастеника обозвали проходимцем, бездарью, приспособленцем и т. п. А между тем — напрасно. А между тем, сказал Болтун, Неврастеник действительно порядочный человек, талант и личность. Но — в ибанском смысле. И Болтун изложил чисто ибанское понимание этих явлений. Кое-что из речей Болтуна засело в моей памяти.

Но вернусь к Неврастенику. Он все-таки очень любопытная фигура в Ибанске. Отец — крупный чин. Типичный выдвиженец тех времен: три класса церковно-приходской школы, командир дивизии, какая-то академия, директор крупного завода, крупный работник ООН и т. п. Но сыну дал приличное воспитание: музыка, иностранные языки, литература. Поскольку Неврастенику никогда не надо было прилагать усилий ни в чем, он вырос в карьеристской среде абсолютно лишенным карьеристских качеств. Что такое реальная ибанская жизнь, он видел своими глазами с детства в своем доме и в домах других властителей. Одно время отец был начальником спецлагерей, и Неврастеник насмотрелся всего того, о чем потом Правдец написал много толстых книг и потряс все человечество. Народ? Неврастеник видел и народ. И питал к нему полное презрение. В общем, вырос человек, каких в Ибанске в это время наплодилось много: точку таланта; острый ядовитый ум; много цинизма; раз-

вязность, переходящая в наглость; способность болтать на любые темы; сознание безнаказанности: жажда комфорта, но нежелание трудиться и выслуживаться; готовность на сделки; трусость и нерешительность в серьезных делах; эгоизм и эгоцентризм; непомерное тщеславие; ненависть к подлинно талантливым людям; и при всем том — желание выглядеть порядочным, смелым и честным человеком. В ибанских условиях такие люди умели выглядеть прилично и чувствовали себя лучшей частью ибанской интеллектуальной среды.

ЖАЛОСТЬ

Ты мог бы стать хорошим поэтом, однажды сказал я Неврастенику. Чушь, сказал он. Посадили бы, и дело с концом. И никакой папа не помог бы. Кстати, он и не стал бы помогать. Может быть, он прав был. Но ведь и из откладывания его замыслов в конечном счете ничего не вышло. А жаль. Жаль. Я смотрю на нашего работодателя Чина, и его мне тоже жаль. Изо всех нас тоненькими ручейками вытекает и пропадает впустую что-то хорошее. Если бы эти ручейки собрались вместе, какая огромная река таланта получилась бы. А так — все впустую. Когда я эти соображения изложил Физику, он долго ругался и плевался. Ничего из нас не вытекает, кроме гноя, мочи и... — сказал он. И все это собирается в могучий вонючий поток, в котором утонет скоро весь мир. Зря ты так, сказал я. Зла и так много в этом мире. Нужны хотя бы крупницы добра. Физик пожал плечами и ушел в туалет с розовым кафелем. Через секунду мы услышали его дикие вопли и бросились выяснять, в чем дело. Оказывается, пол в туалете кишел огромными тараканами, которые лезли туда через отдушины. Идея, сказал Кандидат. Надо будет для полноты счастья наловить клопов и заклеить за обои.

МЕТОД МЫШЛЕНИЯ

Поскольку я теперь мыслитель, то я обязан отработать подходящим образом свой метод мышления. И тут я вспомнил Шизофреника. Тогда мы все над ним сме-

ялись. Теперь я вдруг понял, что в его бредовых речах было много здравого смысла. И я начал кое-что припоминать, кое-что выдумывать заново.

В ибанском обществе все прозрачно и в то же время все тщательно замаскировано. С одной стороны, видишь, как на твоих глазах совершается гнусность. А с другой стороны, видишь, что она есть благо. И разобраться в том, что происходит на самом деле, без научного подхода совершенно невозможно. Причем научный подход — не обязательно профессиональная наука. Последняя может быть еще менее научной, чем обывательское сознание. Научный подход — это определенный способ рассмотрения социальных явлений, который может быть выработан и вне официальной науки. Заключается этот способ в стремлении построить теорию — некоторую совокупность универсальных утверждений, объединенных в единое целое и позволяющих по определенным правилам выводить новые утверждения относительно данной области явлений. Принципиально важно здесь то, что никакая приличная социальная теория не может непосредственно объяснить конкретные явления действительности, — обстоятельство, служащее основанием бесконечных спекуляций за счет теорий и против них, но никогда не в пользу их. Хорошая социальная теория приложима к конкретным фактам лишь посредством некоторых промежуточных звеньев. По теории Шизофреника, например, всякий социальный индивид, желающий получить побольше кусок пирога на пиршестве ибанской жизни, должен убедить окружающих в том, что он есть среднеподлое и бездарное существо. И этот закон неотвратим. Но есть другие законы, модифицирующие и маскирующие его проявление. Представьте себе, в среду ибанских писателей, художников, ученых и т. п. приходит Ибанец и говорит: я — дерьмо. Хотите, я напишу донос. Подпишу гневное письмо, клеймящее Правднца. Напишу портрет Заибана. Будет он иметь успех? Конечно нет. Но все это делают и именно благодаря этому имеют успех. В чем дело? Имеется другой закон ибанской жизни, столь же неотвратимый, как и первый: в Ибанске бездарность должна принять форму подлинного таланта, подлость — форму добродетели, донос — форму заботы о благе народа, клевета — истины. Поэтому-то Ибанец для успеха должен первое

правило достижения успеха реализовать в форме, удовлетворяющей второму правилу. Он должен выглядеть прилично. Не имеет значения то, что всем очевидно: он — прохвост. Важно лишь то, что это — прохвост, который отвечает правилам ибанской жизни и выглядит согласно этим правилам как порядочный ибанец. Он должен быть формально неразоблачаем. Далее, всякий ибанец начинает сражаться за свой кусок пирога в ситуации, когда все роли уже распределены, выгодные места заняты, и владельцы их не отдадут их без боя. Может ли Ибанец ждать, когда его заметят и оценят? Конечно нет. Он должен проявить минимум активности. Как? Будет ли он иметь успех, если замахнется на очень многое? Например, начнет доносить на высших чинов в своей сфере? Нет. Имеется другой закон ибанской жизни — закон соразмерности. Ибанец должен убедить прочих прохвостов своей сферы в том, что его претензии не угрожают их существованию. Если Ибанец рискнет нарушить этот закон, он должен использовать другой из этой же категории, а именно — поставить власть имущих в ситуацию, когда у них нет иного выхода — дать Ибанцу слишком большой (по их мнению) кусок. Или использовать такую ситуацию. Но это бывает редко. Обычно же наряду с законом соразмерности действует закон постепенности. Ибанец должен претендовать на большой кусок, предварительно получив кусок поменьше, привыкнув к нему и приучив окружающих к нему как к вполне заслуженному. При этом его нарастающие претензии выглядят естественной платой за заслуги. Кроме того, на каждого прохвоста, начинающего жизненный свой путь, найдется другой прохвост, который имеет репутацию безмерного прохвоста. Это — тоже закон: ибанские прохвосты выталкивают из своей среды какую-то часть в качестве таких выдающихся негодяев, чтобы их собственная негодяйность не была так заметна. И путь начинающего прохвоста должен выглядеть как путь развития ибанского общества от большого негодяйства к меньшему, то есть как прогресс. Теория Шизофреника есть объективная теория, то есть теория, создаваемая с точки зрения некоего внешнего и бесстрастного (не запутанного во внутренних страстях общества) наблюдателя. Она предполагает возможность точных измерений и прогнозов с этой точки зрения. Но это не исключает

возможности использования ее в корыстных интересах каких-то групп самого общества. Со временем она будет детально разработана именно в этих интересах, причем как сверхсекретная теория, ибо она в корне противоречит официальной идеологии и пропаганде. Это — тоже проявление одного из законов ибанского общества. Но для общего понимания ибанской жизни нет необходимости детально разрабатывать такую теорию. Достаточно усвоить некоторую ориентировочную способность к анализу социальных явлений и сведению их хотя бы к некоторым ближайшим тенденциям и хотя бы приблизительно. Например, напечатали в газетах, что в такой-то стране повысили цены на продукты питания. Знай, что цены у нас повысились и повысятся еще более, ибо в глубине ибанской экономики лежит постоянно действующая тенденция сведения жизненного уровня населения к некоторому минимуму. Тут нет необходимости производить расчеты. А если и потребуется, можно отыскать некоторые огрубленные методы сравнительно легко. Поскольку описанный выше подход к пониманию социальных явлений сами ибанцы считают антинаучным, то его можно назвать антинаучным. Название не играет роли. Пусть подход антинаучен. Лишь бы он давал возможность хоть что-то понять в ибанской жизни в натуральном, а не в апологетически искаженном виде. И не в том виде, в каком Ибанск позволяют видеть иностранцам, а в каком ежедневно существуют сами ибанцы.

ОНА

Опять позвонила Она. Потом еще раз. Мы уже на «ты». Хочешь, я завтра возьму отгул, сказала Она. Миленькая, сказал я, я завтра работаю. Как, удивилась Она, ты же ночью работаешь. Неужели ты думаешь, что мужчина таких размеров, как я, и с такими духовными запросами может прожить на зарплату ночного сторожа, сказал я. Мне этих денег на одни книги не хватает. Жаль, сказала Она. Ну да мы что-нибудь придумаем. Давай, сказал я, думай. С твоей головкой непременно можно решить любую житейскую проблему. Я приеду к тебе, сказала Она. Жду, сказал я.

Я все время сам с собой веду ожесточенную полемику. Прежде чем записать что-либо, я часами воюю со своими мыслями. Мой главный аргумент против себя: а много ли таких, как ты?! Много ли таких судеб?! Много ли таких бригад, как наша?! Это же все нетипично. Так стоит ли об этом писать?! И так далее в таком же духе. И я не находил против этого защиты. Защита пришла совершенно неожиданно. Контора моя расположена довольно далеко от дома. Больше часа езды с двумя пересадками. Я, как всегда, с боем втиснулся в перегруженный автобус. За спиной у меня где-то внизу пищали две тонюсенькие девчушки. Они тыкали мне в спину чем-то острым и обвиняли меня во всех смертных грехах. Я не обращал внимания, хотя это было несправедливо. Я сдерживал напор по крайней мере половины автобуса. А обеспечить им комфорт, необходимый для сохранения достоинства личности, было не в моих силах. Когда народ в автобусе ужался более или менее равномерно, я прислушался к их писку. Это нетипично и нехарактерно для нас, пропищала одна. Нетипично — да, пропищала другая. Но насчет нехарактерности не согласна. Разве мир раньше был набит отеллами, робинзонами, онегинными? Но такие случаи были, не сдавалась первая. И отдельные черты во многих людях. Писатель обобщает... А Гулливер? — сердилась вторая. А Гаргантюа? А Фауст? А Ад? Нет, дело тут не в этом. Характерность может обнаруживаться и в исключительных явлениях. И в выдуманном ее можно показать. Даже лучше получается. Тогда она виднее. Девушки продолжали спорить. А я уже не слушал их. Мне было уже ясно, в чем дело. Характер общества отчетливее проступает именно в исключительных обстоятельствах. Сколько лет я проработал в ИОАНе?! Много ли было персональных дел вроде дела Неврастеника за это время? Пусть даже всего одно. Но именно в нем заметным образом проявились некоторые существенные черты ибанского общества. Они и раньше тут были. Они все время есть. Но обычно они действуют так, что их не видно. Их как будто бы и нет. Если не осуществляются массовые репрессии, это еще не означает, что общество не имеет таких свойств, которые проявляются в них. Пусть даже такие репрессии произошли один раз. Эти свойства могут быть постоян-

ными свойствами общества. Но они в других условиях могут действовать так, что до репрессий дело доходить не будет. Например, нам сейчас это невыгодно. Да и ни к чему. Те же результаты получаются другими методами. Зачем, например, человеку позволять вырастать в крупную и заметную величину и давить его на глазах у всех? Лучше в зародыше давить потенциальных, будущих отщепенцев. Тут подошло время выбираться из автобуса. А это не так-то просто. Пробиваясь к выходу, я забыл кучу красивых мыслей, которые минуту назад резвились в моей голове, и записал лишь корявые их обрывки. Все-таки письменный стол предпочтительнее автобуса и импровизированной тумбочки, если даже последняя считается продуктом современной чудо-науки и сверхчудо-техники. Кстати, у меня еще никогда не было своего письменного стола.

ИНОСТРАНЦЫ В ИБАНСКЕ

Не понимаю я иностранцев, говорит Физик. Включаю вчера телевизор — выступает английский банкир. Англичанин. Аристократ. Уж, кажется, должен презирать нас. Приехал, сделал свое дело, и мотай домой! А он по телевизору выступает! И что же он говорит? Потрясен тем, что в Ибанске строят красивые дома! Хорошо одето и выглядит довольным население! Прекрасно обслужили в ресторане! Приветлив и дружелюбен народ! Во как! Можно подумать, что он действительно общался с народом. Зашел бы в нашу столовку! Прокатился бы в автобусе! Что он, кретин? Или расчет какой? Не понимаю. Неужели до этих дегенератов не доходит, что они в таких случаях выступают как сообщники наших властей и вносят свою добровольную долю в свою будущую могилу?! Неужели они не замечают, что имеют дело не с реальным Ибанском, а лишь с некоторой образцово-показательной липой?! Да перестань ты плакать, говорит Кандидат. На наш век хватит. А там пусть их Запад катится ко всем чертям. Пусть заводят свой Ибанск у себя и наслаждаются. Ты придаешь выступлению этого англичанина не тот смысл, какой он сам в него вкладывает, говорю я. Для него это — пустая форма вежливости. Может быть, говорит Физик. Но для нашего начальства —

это реальная форма соучастия. Поймите же вы, это — не пустяки. Он десять минут потрепался из вежливости (только ли?), а у нас десяток мальчиков взяли в самом начале их пути и десятку мужей вроде вас дали по морде и лишили возможности нормально жить. Тут прямая связь. Люди уж так устроены, говорю я. Восторгаясь каким-то явлением нашей жизни, иностранцы часто в такой форме выражают лишь свою нелюбовь к каким-то явлениям западной жизни. Они не виноваты, что мы спекулируем на этом и извлекаем выгоду для себя. Подлость остается подлостью, говорит Физик, независимо от того, какими намерениями руководствуются люди. Кончай трепотню, говорит Кандидат. За дело!..

Но поработать нам на сей раз не пришлось. Приехал Чин и предложил такой вариант. Поскольку с деньгами у него туго, то мы можем старый паркет (хорош старый!) загнать, половину выручки — в счет уплаты за работу, половину — за операцию по продаже. Мы сначала забастовали. Но тут Физик вспомнил своего хозяина дачи, и мы согласились. Этот подонок купит все, что угодно, лишь бы в полцены, сказал он. И через несколько минут он уже созвонился с Хозяйчиком. Тот, разумеется, согласился. В придачу мы захватили ему «старый» унитаз и «старые» батареи (их пришлось тоже сменить). Заработали мы на этой операции пустяки. Но зато какую-то часть долга тем самым вытянули из нашего работодателя.

ЛИЧНОСТЬ

Ибанское общество в одном (среди многих прочих) отношении превосходит все прочие общества, которые имели место в прошлом и имеют место в других местах в наше время. Имеют место к великому сожалению ибанского начальства. Но имеют место, разумеется, временно. Впредь до особых распоряжений начальства. Ибанское общество превосходит все прочие в том отношении, что в нем невозможны в массовом исполнении индивиды, обозначаемые термином «личность». Это не следует понимать так, будто индивиды не могут вообще совершать поступки, свойственные личности. Пожалуйста, совершай, если хочешь. Ты волен совершать или не совершать

их. Это следует понимать так: если индивид совершил поступок, свойственный личности, то он устраняется с арены ибанской истории, в частности — уничтожается и как биологическое существо или насильственно изолируется. Ибанец может только однажды совершить поступок, свойственный личности. Но этого слишком мало, чтобы считать его личностью, ибо личность — социальный индивид, более или менее регулярно совершающий поступки такого рода. Конечно, бывают такие исключительные ситуации, когда ибанец завоевывает возможность на некоторое достаточно длительное время быть личностью. Таковы, например, Правдец, Мазила, Певец. Но ибанское общество так или иначе и рано или поздно очищается от таких индивидов. Кроме того, такие случаи — величайшая редкость. Они нетипичны и нехарактерны для ибанского общества. Для последнего типично и характерно именно отсутствие таковых или уничтожение (в том числе — выталкивание вовне) случайно уцелевших индивидов, набравшихся наглости быть личностями. Ибанское общество тяготеет к абсолютно однородному безличностному состоянию. Так спокойнее. И порядка больше. И начальству гораздо легче. И полный изм все ближе и ближе. И все полнее и полнее. Имеется метод измерения личностного потенциала общества. Он состоит в следующем. Во-первых, измеряется отношение числа поступков, свойственных личности (эти поступки оцениваются по определенным критериям, о которых ниже), к общему числу социальных поступков общества. Как это сделать конкретно, имеются хорошо разработанные общие методы статистики. Во-вторых, измеряется отношение числа людей с нормальным коэффициентом личности к общему числу социально активных индивидов данного общества. Нормальный коэффициент личности определяется чисто эмпирически (индивид должен совершать личностные поступки настолько регулярно, чтобы насторожить начальство). Личностный потенциал общества изменяется затем как особого рода функция от величин, указанных выше, и других величин, о которых здесь можно умолчать. Так вот, личностный потенциал ибанского общества имеет тенденцию сократиться до нуля. Это — эмпирически установленный факт. Но, как доказал Учитель, он может быть обоснован и чисто математически, исходя из некоторых очень общих допущений, против которых не

возражает даже ибанское начальство. Учитель также чисто математически вывел, что число личностей в Ибанске и продолжительность их существования на арене ибанской истории не могут превышать некоторые конечные и сравнительно небольшие пределы. Эмпирическое наблюдение подтверждает теоретические выводы Учителя. В Ибанске никогда не наблюдалось появление на арене истории одновременно более трех личностей, а активная их деятельность никогда не превышала (в абсолютной сумме) пяти лет (следует обратить внимание: и тут свои пятилетки! Между прочим, и тут они обычно выполняются досрочно!). И все же понятие личности применимо к ибанцам в некотором ослабленном смысле: здесь личность — социальный индивид, хотя бы однажды рискнувший совершить наказуемый поступок, свойственный личности в старом смысле, или находится в состоянии готовности совершить такой поступок (ему самому и некоторым лицам из окружения кажется, что он вот-вот...). При этом он может в состоянии готовности благополучно дотянуть до персональной пенсии и до места на почетном кладбище.

Интересно, подумал я, являюсь ли я личностью? Скорее всего, нет, ибо не чувствую в себе никакой потребности быть ею. Но кто знает. Иногда меня подмывает выкинуть какую-нибудь хохму. Без всякой причины. И я эту хохму потом выкинул. И вот вместо докторской степени и хорошо оплачиваемой должности старшего научного сотрудника — вахтер. Правда, сами старшие говорят, что по теперешним временам докторская зарплата — нищенская. Какова же зарплата младшего сотрудника? А младшего без степени? А вахтера? Потом приехала Она.

ПРИВИЛЕГИИ

Чинша попросила меня съездить с ней за продуктами в их закрытый распределитель. Сейчас выдают предпраздничный паек. А это довольно тяжело нести для женщины (Чин куда-то уехал, домработница в отпуске). Я слышал не раз о таких распределителях. Но то, что я увидел на самом деле, потрясло меня до глубины души. Во-первых, такие продукты им дают, какие в открытой

продаже я не видел ни разу. Как в сказке! Во-вторых, все это лишь за фиктивную плату. Когда Чинша сказала мне, сколько заплатила за все добро, я не поверил. А когда убедился, что это так, у меня глаза на лоб полезли. Теперь я могу поверить, что у высших чинов сравнительно небольшие оклады. Зачем им большие деньги, если они все имеют даром или почти даром? В-третьих, иерархия. Оказывается, все чины расписаны по рангам и категориям. Довольно сложная система. По одной какой-то линии наш Чин получил паек третьей категории, а по другой — доппаек по первой категории. От Чинши я еле вырвался. Ее намерения не оставляли сомнений, но не совпадали с моими. И, сославшись на то, что меня ждут на работе, я смылся. Когда я рассказал ребятам о том, что увидел, они подняли меня на смех. Ты что, с луны свалился, сказал Физик. Я и то получал спецпак. Да еще какой. У нас даже фильмы показывали в соответствии с чином. Если ты не доктор, тебе билет в кино на лучшие места не дадут. Был у меня друг, кандидат наук. Идем с ним в Дом Ученых обедать. Я сижу в одном зале, а он стоит в очередь в другой. Я бы на твоём месте, сказал Кандидат, зажал Чиншу и жил бы себе припеваючи. Она баба еще ничего себе.

ИНСТРУКЦИЯ ИНОСТРАНЦАМ

Я, говорит Кандидат, пропихнул как-то в журнале малюсенькую статейку. Ее тут же перевели на Западе. И только через два года я случайно узнал, что меня там выбрали в какое-то общество и несколько раз посылали приглашения. И ты удивляешься, говорит Физик. Когда я был в почете, мне десятками посылали всякие приглашения. Хотя я был абсолютно чист и причастен к власти имущим, мне все равно не сообщали об этом. А они там, кретины, обижались. Решили, что я элементарно невежлив. Мол, даже ответить не удосужился. Неужели они не понимают, в каком мы положении, возмущаюсь я. Понимают, но не чувствуют, говорит Физик. Слишком уж все это иррационально. У нас ребята разработали шуточную инструкцию для иностранцев, желающих иметь дело с ибанской интеллигенцией. В ней такие, например, пункты были. Если вам

сообщают, что интересующее вас лицо находится в отпуске и встретиться с вами не может, то знайте, что это лицо находится на работе и жаждет с вами встретиться в любую минуту. Если вы не получили от *Н* ответа на ваше письмо, то не считайте, что *Н* невежлив или не хочет отвечать. Просто *Н* не получил письмо или ответ его задержан. Какой-то сукин сын отнес инструкцию в Бюро. Оттуда она попала в ООН. И фигурировала в нашем деле как серьезный документ, подрывающий политику борьбы за мир.

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ НЕНАДЕЖНОСТЬ

Чин обещал нам выплатить часть денег сегодня. И разумеется, надул. Она собиралась взять отгул и сходиться со мной в Музей, а потом — в ресторан. Хотя бы раз как следует поесть. Клялась и божилась, что придет. Отгул Она взяла. Но не пришла. Ночью была где-то в гостях, днем отсыпалась. Физику велели прийти в одно Издательство и взять книгу для срочного перевода. Он отказался от других дел и согласился выполнить просьбу Издательства. Пришел. Оказывается, книгу отдали другому. И так — за что ни возьмись. Приехал Чин. Пьяный. Злой. Последними словами поносит своего Шефа. Этот старпер, говорит он, все эти годы обещал дать мне Отдел, когда освободится ближайшее место. Я, как идиот, вкалывал на него и день и ночь. А он? Назначил заведующим Отделом одного проходимца с периферии. Выскочку. Прожженного карьериста. Вот и надейся на них! Это все еще мелочи. Хряк обещал полный изм через пятнадцать лет. Где Хряк? Где полный изм? Бог с ним, с полным измом. Обещали отменить плату за общественный транспорт. А итог? Повысили эту самую плату. Бери выше, говорит Физик. Обещали райскую жизнь после победы пролетариата. Где она? Это из другой оперы, говорю я. Одно дело — иллюзии. Другое дело — обман. И третье дело — принципиальная ненадежность ибанца как форма поведения. Вот задача для социологов. Нет личной заинтересованности? Ерунда. Ибанец ненадежен и в тех случаях, когда дело касается лично его. Он ненадежен, если даже это во вред ему самому.

Весь день я думаю о тебе, говорит Она. А ты? Днем я работаю, говорю я. Хочешь знать, что говорит о тебе Сам? — спрашивает Она. Здоровый мужик. Глуповат только. Малограмотный. Наверно, псих. Точно, говорю я. Насчет здоровья ничего не могу сказать. Не думал об этом. А то, что законченный кретин, и малограмотный, и псих, — это верно. Нет, говорит Она, ты умнее всех, кого я знаю. Псих — это немножко есть. А что ты пишешь? Можно почитать? Можно, говорю я. Только это скучно. Ничего, говорит Она. Если твое, значит, не скучно. Она устраивается поудобнее на директорском диване и начинает читать мою писанину, а я иду выполнять служебные обязанности. Вспоминаю, что я написал какую-то чушь о секретаршах. Хочу вернуться, вырвать эти листочки. Но какое это имеет значение? Не собираюсь же я делать предложение.

Когда я вернулся, Она уже все прочитала. Это про меня, говорит Она. Нет, говорю я. Это про всех, а значит, ни про кого персонально. Ты меня презираешь, говорит Она, за Директора?.. Нет, говорю я. Это — твоя работа. Я глупая, говорит Она. Нет, говорю я. Ты умнее всех. Я вульгарная и некрасивая, говорит Она. Нет, говорю я. Ты красивее всех. Ты лжешь, говорит Она, но я тебе верю. Я становлюсь на колени и кладу свою седеющую тяжелую голову рядом. Я плачу. И Она плачет. Почему все так, говорит Она. Я хотела в институт. Из школы без протекции поступить невозможно. Меня устроили сначала к... потом к... потом перевели сюда. Это не имеет значения, говорю я. А что имеет значение? — спрашивает Она. Не знаю, говорю я. Может быть, страдание. В общем, не знаю и знать не хочу. А почему ты не женат? — спрашивает Она. И вообще, как ты живешь? Живу, говорю я. Пока живу. Институт. Аспирантура. Блестящая, как говорили оппоненты, диссертация. Хотели дать доктора. С большим трудом дали кандидата. Десять лет младший научный. Мальчик на побегушках. Статьи для начальства. Папа... не хочется о нем говорить. Двухкомнатная квартира. В одной — сестра с пьяницей мужем и двумя детьми, в другой — я и мама. Пенсионерка. Заслуженный отдых. Все ей обязаны. Исполнять ее капризы. Уступать место. Сестра с ног сби-

лась. А она пальцем о палец не ударит для нее. Хотя совершенно здорова. Почему ты не уйдешь от своих родственников? — спрашивает Она. Мог бы снять комнату. Мог бы, говорю я. Но ведь мать все-таки. Жаль. Все-таки близкий человек. Эх ты, горемыка, говорит Она. А я-то думала, одна я такая. Все такие, говорю я. Не все, возмущается Она. Директор не таков. Он — насекомое. Причем омерзительное. А как ты оказался здесь? Длинная история, говорю я. Как-нибудь потом расскажу. А теперь спи, малыш. Скоро работа. Она закрывает глаза и говорит, шепчет мне на ухо: скажи мне слово, и я тебе сделаю все. Буду ухаживать за твоей матерью. Буду стирать твоё бельё. Буду варить тебе суп. Уйду на любую другую работу. Одно только слово! Ну! Пока не могу, говорю я. Понимаешь, я так глупо устроен. Это слово должно сказаться само, помимо моей воли. Если это не произойдет само собой, я не смогу себя заставить сказать это слово. Я буду ждать, говорит Она.

СИСТЕМА ОЦЕНОК И ЦЕННОСТЕЙ

Одно дело — когда сам крутишься в житейской сутолоке, и другое — когда смотришь на нее со стороны. Все смотрится иначе. Когда я начал наблюдать нашу контору с позиции натуралиста, изучающего муравейник, стадо обезьян или скопление крыс, я был сначала потрясен кажущейся бессмысленностью подавляющего большинства действий сотрудников и несоразмерностью между событиями и реакцией сотрудников на них. Например, зачем эта масса уставших людей идет в актовЫй зал и часами мучается в нем, заранее зная, что от них ничто не зависит, что давно все решено и согласовано в соответствующих инстанциях. Зачем председатель собрания предлагает голосовать, хотя заранее знает, что большинство вообще не удосужится поднять руку, что он, не глядя даже в зал, скажет, что решение принято единогласно, что никто не пикнет по сему поводу и т. д. Или вот идет сотрудник А. И вид у него такой, как будто случилось величайшее несчастье. А что произошло на самом деле? А произошло то, что сотруднику В дали Почетную грамоту (опять — бессмысленная бумажка!), а ему, сотруднику А, объявили всего лишь благодарность в при-

казе (опять — бессмысленная строчка в бессмысленной бумажке!), хотя его заслуги (какие?) превосходят заслуги сотрудника В. И боже мой, какую удручающую картину являют люди, когда дело касается денег, путевок, квартир и т. п. Какие разгораются страсти!! И я смотрел в недоумении на этих людей и думал: неужели же надбавка зарплаты на пятерку заслуживает таких переживаний?! Какая разница — быть нищим на такую-то зарплату или на пятерку больше?! Не знаю, к чему бы я склонился в результате таких наблюдений — к презрению или к состраданию, если бы вдруг не вспомнил однажды слово одного замечательного (это я понял только сейчас) человека. Не помню его имени. Я тогда еще был студентом и случайно забрел на его лекцию. Потом этого человека вроде бы посадили. Или опять посадили. Этот человек тогда сказал: не осуждайте их, а поймите. И он рассказал тогда, как нужно все это понимать. Прошло много лет. Я встречал подобные мысли в работах наших социологов, критиковавших ненаших социологов и тем самым тянувших из работ последних кое-что для себя и про нас. Теперь я убедился в том, что при желании и сам могу придумать нечто подобное. Это не так уж сложно, если ты определенно и честно вышел на эту дорожку. Это очень простые истины. Но именно потому они даются труднее всего: для постижения их нужно нечто большее, чем способность понимать фразы. Нужен переворот во всем твоём существе.

Каждое общество характеризуется своей системой оценок и ценностей. Для первичной ясности полезно их различить и до некоторого момента рассмотреть по отдельности. Что такое оценки — каждому известно с пеленок. Съел кашку — молодец, хорошо поступил. Разбил чашку — нехороший ребенок, плохо поступил. Но далеко не каждому известно, что есть некоторые общие принципы оценок, одинаковые для всех обществ, для всех сфер жизни, для всех индивидов. Интуитивно мы это чувствуем в некоторых случаях. Так, если портной сшил плохой костюм, он сшил все равно плохой костюм, какими бы ни были его намерения. Если человек плохо поет, то он — плохой певец, будь он ночной сторож или директор. Если человек косноязычен, то он — плохой оратор независимо от того, является он главой государства или дворником. Правда, для главы государства этот

дефект незначителен. Но это уже другой вопрос. И тут-то начинаются некоторые мистификации специфически ибанского типа.

Оценки надо отличать от мнения. Мнение субъективно в том смысле, что нет общих, единых для всех критериев их высказывания. Мнение не является истинным и не является ложным. К нему эти слова неприменимы. Мнение может быть результатом того, что то или иное явление, событие, вещь и т. п. нравится или не нравится человеку. Оценка же объективна в том смысле, что имеются общепринятые критерии и правила, по которым они формулируются. И любой индивид, руководствуясь этими критериями и правилами, получит примерно ту же самую оценку данного явления. Бывают отклонения. Но не в них суть. В тенденции все же есть нечто устойчивое. Например, разные учителя в школе примерно одинаково оценивают ответы учеников. Бывают отклонения в один-два балла. Но если взять множество учеников и множество их оценок, реализуется устойчивая тенденция. Это — общеизвестно. Общий принцип оценок — именно наличие такой тенденции к объективности и независимость от субъективных мнений, точнее — от того, нравится или нет данное оцениваемое явление оценивающему индивиду. В житейской практике не для всех явлений имеются общие правила оценок. Имеет место смешение оценок и мнений. Но все это не влияет на само понятие оценки и принципиально не отвергает возможности общих критериев оценок для тех или иных случаев. В ибанском же обществе господствует такая система оценок, которая основывается именно на отказе от общих принципов оценки. Это уже не есть система оценок. Это — система антиоценок. Здесь оценка действий и способностей индивидов есть функция от социального положения индивидов, их намерений, их официальных заявлений о своих действиях, намерений и настроений окружающих и т. д. И даже от конкретности типа ситуации, в которой совершаются действия. Например, высшее начальство принимает решение прорыть канал из пункта *A* в пункт *B* и приказывает начать это делать. По общим принципам оценок и по правилам оценок технического и экономического порядка данное решение может быть оценено как в высшей степени идиотское. Но по ибанским правилам оно оценивается как верх гениальности. И это не пропа-

ганда. Это честно и искренне, ибо данная оценка получена как функция от намерений (облагодетельствовать народ, не ждать милостей у природы и т. п.), от социального ранга решающих (высшие чины, а они по определению гении), от особенностей ситуации (жрать нечего, надо ширли-мырли выращивать за Полярным кругом) и т. п. Предложение же одного ретивого параноика из Общества По Распространению прорыть этот канал, сделанное за неделю до этого, было оценено как вредное и даже как ревизионистское. Ибо кто ты такой, чтобы лезть со своими планами, не спросясь даже у заведующего группой. А ведь намерения у Параноика были те же: облагодетельствовать, повернуть вспять и не ждать милостей. Поскольку ибанская система антиоценок разработана с величайшей тщательностью и внедрена во все сферы жизни, то нет ничего удивительного в том, что ибанцы называют шедеврами идиотские фильмы, картины и книги, расхваливают плохо сшитые костюмы и гнилую картошку, возводят в гении потрясающе глупых руководителей и т. д. Кто мы? По ибанской системе оценок — отщепенцы, выродки, уроды.

Многие явления ибанской жизни, как и всякой другой, помимо их жизненной ценности имеют еще некое символическое значение, а некоторые — исключительно символическое значение. Например, увеличение зарплаты имеет жизненное значение, что очевидно. Но не только. Оно еще переживается индивидом как символ того, что его уважают, что труд его ценят, что он способен к росту и т. п. Благодарность в приказе имеет чисто символическую ценность. Однако не следует эту символическую ценность рассматривать только как некое духовное явление. Символические ценности суть показатели положения индивида в обществе, показатели его перспектив, показатели признания обществом этого положения и перспектив. Потому-то такие сильные страсти разгораются по поводу кажущихся пустяков. Премия — не просто сумма денег (обычно — небольшая), а признание прочности положения индивида и перспектив роста. Перестали человека избирать в президиум собрания — все знают, что положение его ухудшается. Здесь всякая неудача (какая бы мелкая ни была) есть угроза ухудшения, а всякая удача есть надежда на улучшение. А поскольку ибанцы все время живут в страхе ухудшения, каждый пустяк приоб-

ретаает для них смысл сражения за жизнь. Ибанец все время в бою. Пролететь без очереди — победа. Кто-то пролез без очереди перед тобой — поражение. Успел сесть в метро — победа. Перехватили место другие — поражение. Похвалили коллегу — твоя неудача. Поругали коллегу — твоя победа. Ибанская жизнь — это отнюдь не кишение мелких страстей, это бурление крупных страстей, но по пустякам. Жизнь ибанца — миллионы пустяков, требующих больших душевных сил. И есть только два способа избавиться от этого. И оба они фиктивны. Первый — пробиваться вверх. Второй — самоограничение. И в том и в другом случае ты лишаешься естественных человеческих потенций и превращаешься в искусственное существо. Нормальная ибанская жизнь — жизнь в трясине ее мелких дел. Я устал от этого. Нет, мыслитель из меня не выйдет. Думать об ибанской жизни, оставаясь в ней, — слишком тяжелое и скучное занятие. И совершенно бесперспективное. Зачем это все? По ибанским канонам это не имеет никакой ценности.

ТАЛАНТ

Понятие таланта в Ибанске точно так же отличается от такового в других обществах. Согласно ибанскому пониманию, Наполеон, Ньютон, Паскаль, Пикассо, Достоевский и т. п. были бы вопиющими бездарностями в начале их деятельности, и ибанцы ни в коем случае не допустили бы их появления. Зато, согласно ибанскому пониманию, Заибан, Заместители, Помощники и прочие суть таланты (конечно, пока их не скинули более талантливые Заибаны, Заместители, Помощники и прочие). Талант в ибанском смысле есть способность наиболее эффективно использовать общие социальные законы применительно к своим особенностям и к особенностям избранной сферы деятельности в данных конкретных условиях. Пусть X есть величина абстрактной способности к деятельности данного рода (талант в старом, буржуазном смысле) — к математике, живописи и т. п. Пусть Y есть величина социальной адаптивности индивида. Пусть Z есть величина таланта в ибанском смысле. Имеет силу правило: $Z = XYZ$, где Z есть коэффициент системности. Возьмем, например, двух индивидов A и B . Пусть для первого $X = 100$ и

$Y = 0, 1$, а для второго $X = 10$ и $Y = 2$. В старом буржуазном смысле второй есть полная бездарность сравнительно с первым. Но иначе обстоит дело с ибанским пониманием. Величина таланта первого из индивидов в ибанском смысле равна $10Z$, а второго — $20Z$. В ибанском смысле второй вдвое талантливее первого. Причем это — не просто конвенция идеалистов насчет смысла слов. Указанное измерение осуществляется практически. В реальности второму индивиду отдается предпочтение. Причем если учесть, что между X и Y имеет место обратно пропорциональная зависимость (чем больше X , тем меньше Y и наоборот), то ничего нет удивительного в том, что ибанское общество на всех парах идет к расцвету талантов и буквально кишит ими. Так что когда по радио и телевидению и через газеты начинают искать таланты, то эта суцая правда. Не думайте, что при этом врут и лицемерят. При этом действительно ищут таланты, но в своем, ибанском понимании, которое превосходит (само собой разумеется) всякое иное понимание по глубине, высоте, широте и по всем прочим параметрам. Когда Союз Художников характеризовал Мазилу как бездарность, а Союз Писателей характеризовал Правдеча как среднеспособного, то они не ошибались.

То, что я бездарен в ибанском смысле, это очевидно. Но был ли я талантлив в старом смысле слова? Учителя в школе говорили: да. Профессора в университете говорили: да. Коллеги в один голос говорили: да. А результат? Неврастеник напечатал четыре книжки. А где мои? Даже Эстет, посредственность из посредственностей и паразит из паразитов, имеет мировую известность. А я? Кто узнал о моих способностях, кроме небольшого круга лиц, приложивших немало усилий к тому, чтобы этот круг не расширился? Впрочем, какое это имеет значение. Если уж делать открытие, так чтобы это было действительно нечто выдающееся. А из-за пустяков волноваться не стоит.

НЕРАЗРЕШИМАЯ ПРОБЛЕМА

Когда я был моложе, говорит Физик, я тоже мечтал сделать выдающееся открытие и одним махом решить все проблемы: прославиться, обрести независимость и прочное положение, получить житейские блага и все такое

прочее. Но потом я от этого отказался. Нет, не из-за того, что в наше время индивидуальные открытия невозможны в силу сложности познания, как такового. Это — сказки. Такие открытия вполне возможны и фактически совершаются. Если, конечно, не принимать во внимание социальную среду науки. Такие открытия невозможны фактически, но — именно в силу законов социальной среды науки. Они невозможны социально, а если и совершаются фактически, мир об этом не знает, ибо в мир они приходят не как открытия отдельного гения, а как открытия крупных объединений, возглавляемых крупными чиновниками. В этом суть дела. Хотите, я вам расскажу по сему поводу одну коротенькую историю? Это не выдумка. Участники этой истории все живы. Одних вы знаете хорошо. Других — нет, ибо их знать не положено ибандам. С главным героем этой истории мы вместе учились в институте и даже слегка дружили. Мы его звали Гением, причем без тени юмора. Он был в высшей степени одаренный парень. Мы одновременно окончили аспирантуру, одновременно опубликовали первые статейки. Конечно, в соавторстве с руководителями и заведующими лабораторией. Нас обоих оставили в институте. Началась скучная бесконечная рутина, именуемая научной работой. Мне это осточертело. Мне повезло: женился на дочке... Вы знаете. Меня сразу назначили заведовать отделом, за какой-то пустяк дали докторскую степень, за какой-то другой пустяк — премию. Осточертела такая жизнь и Гению. Но он решил избрать другой путь. Дочки крупных чинов на улице не валяются. Да и на вид он был таков, что не имел шансов жениться даже на дочери завхоза института. Кстати, симпатичная была девчушка. И Гений решил сделать нечто из ряда вон выходящее. Вы, конечно, знаете, что проблема Чудака чуть ли не тысячу лет считалась неразрешимой и что ее недавно удалось решить в институте под руководством Погонщика. Они там все получили премии, а сам Погонщик стал пятирежды Героем. Но решил эту проблему Гений. Решил в одиночку. Лет десять он убил на нее. Причем десять лет ничего, кроме этой проблемы. Ни сна, ни отдыха. Ни семьи. Ни друзей. Только о ней. Только с ней. Над ним смеялись. По обрывкам бумаги, которые он иногда бросал в мусорную корзину, догадались, чем он занят. Его таскали в психиатрические больницы. Признали здоровым. Но на всякий случай начальство велело его

поставить на учет. А Погонщик даже слегка поощрял Гения. Иногда отечески похлопывал по плечу. Как-то раз даже дал творческий отпуск. Короче говоря, однажды Гений пришел на работу чистенький, выбритый, просветленный. И все поняли, что либо он окончательно свихнулся, или... Потом начался какой-то странный период. Гений оказался в сумасшедшем доме. А Погонщик получил очередного Героя и вошел в историю науки. Сейчас он член десятка западных академий. Но недавно один человек, которого обошли и обидели, по пьянке рассказал мне кое-что. Оказывается, Гений решил-таки проблеме Чудака. Трудно сказать, как об этом пронюхало начальство. Погонщик ринулся в самые верхи. Там — заседание специальное. Решили: нельзя это открытие доверять Гению. Кто он такой? Беспартийный. Замечен в порочащих связях. Высказывания допускает. Короче, на роль автора этого открытия нужна другая, более подходящая кандидатура. И началась дикая свара. В конце концов победил Погонщик: четырежды Герой, десятирежды лауреат, член такого-то Совета, член такого-то Комитета и прочая, и прочая, и прочая. Кроме того, открытие сделано в его институте. И, честно говоря, Гений лишь реализовал мои идеи, настаивал Погонщик. И добился своего. Гения забрали, произвели обыск, собрали все его бумажки, создали комиссию под председательством Погонщика. Комиссия без труда нашла основную идею Гения в его бумажках. А вскоре нашли рукопись Гения с подробнейшим изложением решения проблемы. Гения основательно подлечили. Но выпускать не собирались. Вдруг кое-что вспомнит и начнет рыпаться?! Однажды Гений вдруг разразился смехом и хохотал подряд несколько часов. Врачи решили, что он свихнулся окончательно, и выпустили его. На работу, конечно, не взяли. Дали копеечную пенсию. Недавно я встретил его. Разговорились. И у меня сложилось впечатление, что он вполне в своем уме. Я спросил о проблеме Чудака. Он махнул рукой. А ну их, сказал он устало. Они даже украсть как следует не умеют. Они не умеют даже с ума свести по-настоящему. Халтурщики! Ты знаешь, почему я начал смеяться? Я нашел ошибку в своих доказательствах. А эти кретины за счет ошибки отхватили премии, втерлись в историю. Ошибка, удивился я. Так ты на этом деле можешь теперь еще более громкое имя сделать себе! Зачем, пожал он плечами.

Проблема-то все равно пустяковая. Пусть считается решенной. Никто, кроме меня, сейчас ошибку не найдет. Может быть, лет через тысячу найдется такой же болван, как я, и угробит жизнь на эту чушь. И раскопает ошибку. Я совершил другую, более важную ошибку, которую уже не исправишь. Я думал, что в Ибанске можно за счет великого открытия стать Человеком. Ну а ты как? Стал ты Человеком? — спросил он меня. Впрочем, можешь не отвечать. Это и так видно, сказал он и, не попрощавшись, ушел.

ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ибанское общество внесло существенный вклад в общий социальный прогресс, породив особую категорию индивидов, невиданную ранее и не встречающуюся в обществах иного типа. Это — порядочный человек. Не то чтобы раньше не было порядочных людей или нет их в других странах. Раньше их даже больше было, а в современных обществах иного типа их неизмеримо больше, чем в Ибанске. В Ибанске их, может быть, вообще нет. Но дело не в этом. Дело в особой социальной роли индивидов. Подобно тому, как в достаточно больших и устойчивых группах непременно несколько человек (обычно один) выталкиваются на роль добровольных шутов, так в социальных группах Ибанска один или несколько (чаще один) индивидов выталкиваются на роль порядочного человека. Какие индивиды выталкиваются на эту роль? Разумеется, наиболее удобные и подходящие, умеющие извлечь из этой своей почетной роли ощутимую выгоду. Главное тут не в этом. Важно, какие зримые поступки регулярно совершают эти индивиды в этой своей роли и какова их скрытая социальная суть. Обычно сами порядочные люди и окружающие не осознают эту суть, что является одним из существенных проявлений самой этой сути. Порядочный человек совершает все те поступки, которые совершают прочие, но совершает их так, что на фоне этих прочих он выглядит воплощением доброты, чуткости, честности, смелости, принципиальности и прочих абстрактных добродетелей. Например, в некоторой группе громят индивида А. Все требуют закатить ему строгий выговор. Порядочный че-

ловек говорит, что можно ограничиться просто выговором. Не имеет значения, что индивид *A* ни в чем не провинился или даже заслуживает похвалы с абстрактной (буржуазной, конечно) точки зрения. Например — индивид *A* сказал, что Правдец — великий писатель. Или собирается некий Совет, на котором будут критиковать индивида *B*. Если кто-то заступится за *B*, он отделается пустяками. Порядочный человек возмущается тем, что ругают *B*, и обещает его поддержать на Совете. Но... он вдруг, к великому сожалению, заболевает и не попадает на Совет. А жаль, если бы он смог, все было бы иначе. Обычно порядочный человек потихоньку обдeldывает свои делишки. И обдeldывает их даже лучше, чем черносотенцы и реакционеры. Еще бы! Он получает вполне заслуженно, в отличие от них. Какова же реальная роль порядочного человека? Самим фактом своего существования он как бы говорит людям: смотрите, у нас в Ибанске можно быть добродетельным и притом не страдать, а даже вознаграждаться! Кроме того (а может быть, это главное), порядочный человек своим участием в разных организациях и свершениях как бы облагораживает последние, маскирует их подлинную суть. Индивида *A* выгнали с работы? Очевидно, не зря, раз порядочный человек *B* высказался за это. Такой-то журнал мразь? Не может быть, в редколлегию его входит такой порядочный человек, как *B*. Короче говоря, порядочный человек — одна из самых гнусных фигур в ибанском обществе. Именно порядочные люди прикрывают в глазах широкой публики гнуснейшие проявления ибанской жизни. Они не просто соучастники преступлений. Они надевают на последние маску добродетели или, в крайнем случае, печальной необходимости. Кроме того, они опасны. Они наносят удар в самое ответственное время и совершенно неожиданно, ибо ты надеешься на них, и тебе даже в голову не приходит, что это — самое уязвимое звено в твоей позиции. Начальство прекрасно отдаст себе отчет в том, какую роль играют на самом деле порядочные люди, и в известных пределах поощряет их, даже специально выдумывает, если таковые не появляются по естественным законам социальной жизни. Они избираются во всякие Бюро, награждаются премиями, ставятся в пример и т. п. Случаи, когда порядочный человек эволюционирует в оппозиционера, практически

исключены. Как только начальство замечает, что порядочный человек нарушает границы дозволенного, его немедленно ставят на место или вообще лишают данной роли. Как правило, с ним жестоко расправляются, ибо он для начальства — свой человек, почти что член их начальственной мафии. Его карают как предателя интересов мафии. Порядочные люди наряду с осведомителями и холуями образуют элементы неформальной системы власти в социальных группах ибанского общества. Обычно порядочные люди так или иначе сотрудничают с ООН. Таким образом, надо различать два смысла выражения «порядочный человек»: 1) человек, наделенный добродетелями; 2) человек, выполняющий указанную выше общественную роль. Можно быть первым и не быть вторым. Например, если ты не в коллективе, если коллектив аморфен и еще не обрел черты социального целого, если место порядочного человека занято и т. д. Но, как правило, второй не есть первый. Если первый начинает играть роль второго, это сразу замечают и принимают меры.

А кто был я? Я себя считал порядочным человеком. Но к счастью моему, я не попал на роль порядочного человека. А ведь мог. Если бы это место до меня не занял Эстет, непременно стал бы. Я же всего лишь человек. Да и роль эта весьма соблазнительна и выгодна. Вон — Эстет. Профессор. Доктор. Редактор всех сборников и монографий. Член всех Советов и Комитетов. Наверняка в этом году пройдет в Академию. А ведь все эти двадцать лет, какие я его знаю, пальцем о палец не ударил. Был, правда, у него один неприятный момент в его безоблачной жизни. Но он его стойко перенес. И по-прежнему процветает потихоньку. Эстет!.. Любопытная фигура в нашей ибанской жизни. В нем есть что-то общее с Неврастеником. И я их иногда объединяю в одно лицо.

ИСКЛЮЧЕНИЕ

В Ибанске, говорю я, невозможна большая художественная литература. Конечно, говорит Кандидат, невозможна. Попробуй напиши! Все равно не напечатают. Дело не в этом, говорит Физик. Она невозможна не в

силу запретов, а в силу отсутствия в самой ибанской жизни материала для нее. Великая литература предполагает высокий уровень духовности социально активной части населения. В Ибанске это — чиновничество, составляющее чуть ли не половину взрослого населения. А описывать образ жизни и психологию ибанского чиновника любого ранга — все равно что описывать образ жизни и психологию клопа. Может быть, это интересно для зоопсихологии, но не для настоящего художника. Большая литература предполагает практически действующую нравственность в более или менее образованной части населения. Не демагогическую и пропагандистскую, а именно практически действующую. Например, всем известно, что безнравственно про себя думать одно, а говорить и писать публично другое. Для нравственного человека написать или сказать что-то против своей совести — драма. Это — материал для литературы. Для ибанца — это пустяк, привычное дело. И никаких переживаний. Здесь нет материала для литературы, ибо нет проблемы для самих индивидов. И так во всем. Но имеются же какие-то исключения, говорит Кандидат. Имеются, говорит Физик. Например — Неврастеник. Кстати сказать, он также близкий друг Дегенерата. Да, того самого ведущего специалиста по Теории Сверхнаучного Ибанизма. Они совместно книжку написали. По особому спецзаказу. Для умственно неполноценных дебилов. Книжку сразу перевели на все иностранные языки и продавали за валюту иностранцам. Конечно, Неврастеник — самая тонкая и сложная в психологическом отношении фигура в Ибанске. Помимо тех книг и статей, которые он печатал в самых надежных издательствах Ибанска и которые ничем не отличаются от прочего ибанского дерьма на эту тему, он тайно сочиняет какие-то подпольные штучки. Он не может их не сочинять, ибо он — гений (это ему с детства долбила его сановная Мамаша и весьма крупный чиновник Папаша). Но он панически боится того, что надо их сочинять. А вдруг возьмут за жопу! Прощай тогда легкая работа (не бей лежачего, как говорят ибанцы) и хорошая (по ибанским масштабам) зарплата. Конечно, за его научные труды ему положено побольше. Не такой же он кретин, как его друг Дегенерат. Тот уже академик, а он... Ему вроде бы не светит. Хочется свои сочинения тиснуть где-нибудь

на Западе и прогреметь (то, что прогремит, в этом сомнения нет). И страшно. А вдруг схватят до того, как прогремишь, и мир не встанет на защиту новоявленного гения. И так далее в таком духе. Но это и все. Всей психологии здесь максимум на страничку. Для большой литературы маловато. В Ибанске возможна только одна книга на уровне большой литературы: книга о том, что в Ибанске невозможна такая литература.

Страшновато от таких мыслей. А если подумать, Физик прав. Взять хотя бы мою жизнь. Как ни копай, больше чем на страничку не накопишь. Но на страничку-то наберешь! Так пусть эта страничка будет написана. Иначе нельзя будет накопить на вторую страничку. По-моему, Физик упустил из виду один важный момент. Духовность общества не есть нечто непосредственно производное от социальной основы. Она может накапливаться сама по себе и становиться необходимым элементом образа жизни. Просто накапливаться без основ и без причин. Как самостоятельная реальность. Почему бы нет? Но высказать эту мысль Физика я не решился. Он ее разгромил бы в две минуты, я это чувствую. Грустно.

НАШИ НОЧИ

Ты помнишь ту идею реорганизации планового отдела? — говорит Она. Директор за нее премию отхватил. А кто ее придумал? В нашей конторе, говорю я, только один человек способен здраво мыслить: это — ты. Представь себе, действительно я, говорит Она. А что я за это имею? Шиш с маслом! Он даже словом не обмолвился, подонок! Почему так бывает? И ты еще спрашиваешь, говорю я. Я три года работал над диссертацией, душу в нее вложил. Принес статью в журнал. Конечно, провалили. Подходит потом ко мне один из членов редколлегии. Теперь это — крупная фигура. И предлагает сделать совместную статью на эту тему. Что делать? Согласился. Через пару месяцев без всякой редколлегии выходит статья. Смотрю — моя статья. Немного испорчена, но моя. И ничего сверх того. А подписана только одним именем. Но не моим, конечно. И только в конце в примечании мелким шрифтом сказано, что автор использовал

некоторые мои материалы. Вот как бывает! Друзья и сослуживцы поздравляли меня: успех! Им даже в голову не пришло посочувствовать и сказать: грабеж. Никому, хотя все знали, что статья вся моя. После этого меня десять лет не пускали в старшие сотрудники. Этот великий ученый (читай — великий прохвост) везде говорил, что рановато. И имени моего не мог слышать без гримасы. А за что? Вор-то он, а не я. А все очень просто, говорит Она. Потому что он знает, что ты знаешь о том, что он вор. И все-таки все это я не могу никак понять.

Попробую объяснить тебе попроще, говорю я. Что сам понял, конечно. Вот возьми нашу контору и ту, что на проспекте Победителей. Наша занимается липовым, фиктивным делом. А та пока еще делает серьезное дело. Говорят, что так. Но какая между нами разница? Никакой!! Отсюда напрашиваются совершенно очевидные выводы. Надо различать производственную организацию группы людей и социальную. Социальная организация группы в ибанских условиях совершенно не зависит от производственной. Она есть функция только от числа индивидов и, может быть, от какого-нибудь престижного или иного ранга. Видимость зависимости социальной структуры группы и вообще социальной жизни (скажем, социальнойности) от производственной создается за счет того, что не различают официально установленные (узаконенные) социальные отношения и неофициальные. Например, бывают официально установленные группы в сорок человек с одним начальником (как у нас, ты же знаешь). Но неофициально такие группы фактически распадаются на подгруппы. Обратная же зависимость имеет место, то есть производственные отношения тяготеют к социальным. Погляди на нашу контору. С чего мы начали и чем кончили? В конце концов, и твоя гениальная идея была последним шагом на пути превращения нашей конторы в классически социальное образование. Так что все эти идеи насчет базиса, надстройки, производственных отношений и производительных сил и т. п., которые ты долбил в своем Вечернем Университете Ибанизма, есть бред сивой кобылы. В применении к ибанскому обществу, по крайней мере. А зачем же нас этому учат? — говорит Она. Это уже другой вопрос, говорю я. Я еще сам в этом не разобрался. Правдец считает, что теория ибанизма — вздорная идеология. А ты? — говорит Она. То, что

это — идеология, это для меня ясно, говорю я. А вот насчет вздорности и вредности — сомневаюсь. По-моему, к идеологии такие понятия вообще неприменимы. Не бывает вздорных и вредных идеологий вообще. Ты читал Правдеца, говорит Она. Неужели это все правда? Не берусь судить, насколько все это верно фактически, говорю я. Но если был хотя бы один-единственный человек, с которым расправились по методам Хозяина (то есть в том стиле, как описано у Правдеца), появление книг Правдеца вполне оправдано с моральной точки зрения. Этот один имеет моральное право на такую месть. Это — моя точка зрения. А если их были миллионы?!

ТРАГЕДИЯ ЭМИГРАЦИИ

Хотя Правдеца, Двuruшника, Певца и многих других давно выгнали из Ибанска, разговоры о них до сих пор образуют ядро духовной жизни интеллигенции. И мы говорим о них почти каждый день. А что за них беспокоиться, говорит Кандидат. Живут себе припеваючи. Печатаются. Выступают. Имеют успех. И живут... не то что мы. И все равно, говорю я, их судьба трагична. Надо различать трагизм как субъективное переживание и трагизм как оценку объективной судьбы. Литератор, например, переживает свою жизнь как трагедию, ибо Правдец одним ударом низвел его с пьедестала великого писателя до уровня полного ничтожества. Но судьба Литератора не трагична. Правдец — веселый жизнерадостный человек в любой ситуации. Но судьба его трагична. Почему? Когда он был здесь, к нему относились на уровне религиозного обожания. Пусть немногие. Но Правдец знал это и чувствовал. Состояние религиозности было адекватно его жизни, его целям, его продукции. Там — колоссальный успех. Но успех иного типа. Скорее, социально-политический. А это чуждо ему. Религия, оторванная от породившей ее основы, в наше время перерождается в политику. Она умирает, обретя силу. И он должен это почувствовать. Сила религии не в успехе, а в неудаче и слабости. Вы можете вообразить себе Христа, выступающего по телевидению и дающего интервью десяткам журналистов? Трагедия типа трагедии Правдеца в той или иной степени свойственна и прочим. У него —

лишь в громадной степени и в чистом виде. То, что многие из них так или иначе ударяются в религию, не случайно. Религиозное сознание не есть заблуждение. Это — страдательная форма личностного самосознания. А в наше время эта форма самосознания неизбежно вырождается во что-то противоположное ей. Все это пустая болтовня, говорит Кандидат. Это только затемняет суть дела. Какую? — спрашиваю я. Суть дела именно в том и состоит, что люди сделали попытку рассказать правду о нашей жизни в прошлом и сейчас с целью как-то улучшить будущее если не себе, так детям, а на них накинута как на врагов, частично уничтожив их, частично деморализовав и запугав, частично выбросив во-вне. И не обнаружилось силы, способной защитить их. И нет такой силы ни вне Ибанска, ни в нем самом. Где же найти ее? Только в себе самом, в своей собственной душе. Религия и есть эта самая апелляция к своей душе. А слова «Бог», «вера» и т. п. — лишь языковое ее оформление. В этом нет ничего противоестественного. Это все поддается такому же строгому научному обоснованию и объяснению, как законы наследственности.

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Доминирующий цвет Ибанска — серый. Точнее говоря — уныло-серый, грязно-серый, безнадежно серый. Здесь все серо — праздники, будни, речи, книги, фильмы, успехи, поражения, преступления, радости, любовь, ненависть и т. д., короче говоря — все. И даже вранье (а врут здесь все от мала до велика и всегда и во всем), рассчитанное на то, чтобы представить ибанскую жизнь красочной, является ужасающе серым. Приглядитесь повнимательнее ко всему тому, что кажется ярким, и вы обнаружите серость как глубочайшую основу, содержание, суть, субстанцию и т. д. всего и вся. Тут уж ничего не поделаешь. Натура такова. Недавно в Ибанске произошло событие, которому ибанцы по идее должны были радоваться безумно и видеть мир во всех цветах радуги: на копейку снизили цену на тухлую картошку и на десять квадратных сантиметров увеличили максимум нормы жилищной площади на одного работающего члена семьи. Уж кажется, радостнее события нельзя придумать. И что

же? Провели по сему поводу грандиозную воспитательную кампанию с целью доказать всем преимущество ибанского образа жизни. Устроили многочасовые митинги и заседания. Приняли приветствия. Взяли обязательства. Встали на вахту. И в довершение всего отменили передачу хоккейных и футбольных матчей по всем каналам телевидения, поскольку в это время с большой речью об успехах выступил сам Заибан. Ибанцы, одуревшие от речей, митингов, собраний, воззваний и т. п. еще в утробе матери, немедленно впали в свое обычное уныло-серое состояние, делающее каждого из них способным управлять государством; мир утратил все на мгновение вспыхнувшие краски. Да и на что они нам в Ибанске? Мы — люди серьезные. Сознательные. Устремленные. Это там, на Западе, — стриптиз, порнография, гангстеры и все такое прочее. А мы на вахте стоим и принимаем приветствия родным начальникам. Историческая жизнь Ибанска состоит из речей, заседаний, съездов, встреч, проводов, посещений, награждений, юбилеев, годовщин, планов, преодолений и т. п. Откройте любую ибанскую газету, и вы сразу это увидите без всякого усилия. А ибанские газеты на редкость точно и полно передают историческую жизнь ибанского общества. Включите любой канал телевидения или радио. Полистайте любой журнал. Заибан принял Короля. Президент встретился с Заибаном. Хлеборобы Заибанья досрочно сожрали... прошу прощения, собрали кукурузу. На Великой Стройке стоит хорошая погода. Завод имени Заибана наградили медалью. Заместителя наградили орденом. Наша сборная выиграла... В сети политпросвещения... Короче говоря, идет серьезная, насыщенная, трудовая жизнь в полном соответствии с предназначениями. Иногда мелькнет что-нибудь этакое, необычное... Вроде: отщепенец и предатель Правдец напечатал очередную клеветническую книжонку. Пройдут массовые собрания, клеймящие и разоблачающие. И опять... Рыболовы Ибанючья перевыполнили план лова мокрожолуса (новый сорт рыбы, выведенный ибанскими учеными) вдвое. Заибан выступил с большой речью на Сессии... Когда-нибудь потомки подсчитают, сколько миллиардов тонн речей об успехах было сказано в Ибанске в нашу эпоху и сколько триллиардов тонн наград было выдано за успехи. Они будут потрясены высочайшим уровнем жизни в наше время. И, стоя где-нибудь

часами в очередях за тухлой картошкой, будут вздыхать и шептать (вслух нельзя, посадят): да, жили же люди! Что же касается неисторической, обывательской жизни ибанцев, то она... Что о ней говорить?! Не для этого же живут ибанцы! Они же для будущего живут, а не... В общем, обывательская жизнь ибанцев удручающе сера и бессобытийна. Повторение одних и тех же примитивных житейских операций и для некоторой части ибанцев — медленное продвижение по служебной лестнице, несколько модифицирующее повседневную рутину. И содержание сознания ибанского обывателя, вполне адекватное его бытию (здесь ибанизм есть абсолютная истина!), столь же уныло, серо, однообразно. Правда, иногда в душах отдельных ибанцев вспыхивают искры. И кажется им, что из них вот-вот возгорится пламя. Но проходят дни, месяцы, годы. Искры тухнут сами, или их тщательно затапывают друзья, соседи, коллеги, начальники, подчиненные... Все вместе. К чему нам в Ибанске какие-то искры?! Живи себе спокойно. Служи. Жри. Спи. Благодарю. Жди улучшений. И не рыпайся. И все же искры иногда вспыхивают.

О ДОНОСАХ

Слово «донос» для многих людей на Западе звучит омерзительно. Да и мы сами знаем с детства, что ябедничать нехорошо. Но мы так же хорошо знаем с детства, что нехорошо обманывать (а врем на каждом шагу!), думать одно, а говорить другое (мы по отдельности прогив, а все вместе за!) и т. п. То, что обозначается словом «донос», является настолько обычным делом ибанской жизни, что мы фактически не обращаем на это внимания и не придаем этому никакого глубокого морального смысла. Массовый донос уже не есть донос в старом смысле, а есть нечто другое. Доносчиков мы знаем. Мы с ними разговариваем, пьем. И даже дружим (в ибанском смысле!) годами. Человек, отказывающийся доносить, делает первый шаг на пути своего превращения в отщепенца. И это бывает очень редко. Не доносят лишь тогда, когда об этом не просят. Один мой хороший знакомый однажды рассказывал мне, как его принуждали писать донос на своих коллег, с которыми он ездил за границу, но

он якобы отказался. Это был приятный и умный человек. И я ему поверил. А совсем недавно узнал, что он просто осведомитель более высокого уровня, и предложение писать тот самый донос было ошибочно. Ему это не положено. Рядовой ибанец живет так, что никакой донос ему не страшен. А если и попадаетея иногда, то чисто случайно. Случайно не в том смысле, что случайно попадает на доносчика, а в том смысле, что случайно совершает нечто такое, что подлежит доносу (например, анекдоты по пьянке). Если же ибанец начинает совершать предосудительные поступки, он заранее принимает во внимание, что делает это как на сцене — в открытую. И если это сходит ему с рук какое-то время, то лишь постольку, поскольку его час не настал. Общая обстановка позволяет. Связи, известность. Очень редко ибанцу удается сохранить в тайне свою деятельность. И никогда на длительный срок. И это объясняется не хорошей работой ООН (там работают так же, как в любой другой ибанской конторе), а общей ибанской средой, для которой нет ничего святого. Странное явление, конечно. Мне кажется — беспрецедентное. Я, например, подозреваю, что Она куда-то сообщает обо мне. Но меня это не волнует нисколько. Это что-то глубоко безнравственное именно с моей стороны. А что поделаешь? Мы все живем так, как будто мы однажды подписали ту самую бумажку. Работал у нас когда-то один парень. В науке — типичный шарлатан. Заодно он еще занимался какими-то делишками. Однажды меня вызвали Туда и велели написать, что я думаю о нем. И я написал, что в науке парень — слабак, но в политическом и идеологическом отношении вполне пан, ибанский человек. Я думал тогда, что делаю благо. А на самом деле подписывал ту бумажку. Это я только сейчас начинаю понимать. А в чем я могу обвинить прочих? Где критерии оценки поступков? Где среда, которая следит за этим и принимает меры? Разве способен покончить с собой ибанец, которого друзья разоблачили как осведомителя?! А что касается репрессий, то теперь даже младенцам известно следующее. Не доносы порождают репрессии и не репрессии порождают доносы, а те и другие суть следствия и проявления одних и тех же условий. Количество репрессий не зависит от количества доносов. Но интенсификация репрессий имеет следствием интенсификации доносов.

фикацию доносов. Множество репресслируемых не совпадает с множеством лиц, на которые поступают доносы. Так что донос может показаться вообще бессмысленным явлением в ибанской жизни. Однако это не так. Благодаря доносам ибанец живет с сознанием, что ничего от Них не скроешь. Ибанские власти всегда имеют под рукой материал, позволяющий им расправиться с любым индивидом на достаточном основании (если не по праву). Далее, имеются редкие случаи, когда именно донос решает дело (например, именно доносчик выдал место, где группа Самосожженца печатала листовки). Поскольку для таких случаев нужна хорошо поставленная профессиональная работа криминалистов, которой в Ибанске нет и быть не может (ибо здесь все массовые органы плохо работают), то ее компенсирует всеобщая сеть доносов: авось что-нибудь попадетсЯ. Наконец, есть еще более редкие случаи, вроде моего, когда донос поставляет материал для ритуальных действий какой-то сатанинской специфически ибанской религии. В связи с делом Неврастеника было беснование такого рода, но оно прошло вяло и не дало желаемого эффекта. Я подлил масла в огонь, но со мной поспешили расправиться. И сделали глупо. Упустили возможность. Думаю, что Они это поняли и попытаются исправить. Беснования, о которых я говорю, могут охватывать любые группы лиц — от одного человека до всего населения Ибанска. Важна их качественная суть. Это еще мало изученное явление. Я знаю, что это такое. Но описать достаточно точно еще не могу. Это и исповедь, и причастие, и спектакль, и репетиция, и зрелище, и действие. Это — праздник ибанской души. Тут ибанская душа обнажается до самых своих глубин и выбрасывает из себя всю накопившуюся в ней мерзость. И вместе с тем ибанская душа тут заряжается новой мерзостью, еще более мерзкой мерзостью. И оказывается способной сделать еще один шаг вперед. Но на пути нужен более или менее доброкачественный материал. Иначе беснования не возгораются так, как нужно, и не дают удовлетворения. И тут донос необходим. Без него тут нельзя. В Ибанске за последние десять—пятнадцать либеральных лет таких беснований было сравнительно мало. Народ стосковался по ним. Ибанская душа жаждет очищения.

Физик шутил, но, не ведая того, попал в точку. Неврастеник действительно сочинял подпольные тексты. Писал он их тайно ото всех, измененным почерком и под разными псевдонимами. Желу при этом отправлял на концерт с Журналистом или с кем-нибудь из отечественных друзей. Пусть себе еб...я, говорил он про себя ехидно. Лишь бы не мешали, мерзавцы. Брал пачку специально просмоленных несгораемых и непромокаемых листочков бумаги, шел в туалет и садился на унитаз. Это было наиболее безопасное место в Ибанске. Кроме того, туалет был отделан розовым кафелем, на стенах висели репродукции абстракционистов и цветные фотографии голых девиц, так что проводить время в туалете было весьма приятно. И самое главное? — это избавляло от частой смены белья, ибо Неврастеник писал разоблачительные книги, в изобилии употребляя выражения «концентрационный лагерь», «репрессии», «духовная смерть», «тоталитаризм», «крепостное право» и т. п. Слова страшные, и Неврастеник знал, что в Ибанске полагается за их употребление. И потому после каждого написания их он заполнял унитаз ужасно вонючим веществом, нажимал спусковую кнопку и раздражался гневной речью. Откуда столько дряни берется, говорил он. Жрем что попало (это была явная ложь, ибо накануне он сожрал цыпленка табака, баночку икры, десять кусочков ростбифа, кучу всяких салатов и т. п. и выпил пару бутылочек отличного вина), а воняем как министры. Нет, с меня хватит! Отсюда надо бежать, пока полон сил и таланта. Исписанные листочки Неврастеник заклеивал в пакетики и прятал в квартире старого приятеля. Ха-ха-ха, говорил он себе ехидно. Найдут — вот будет потеха! С меня взятки гладки. Я не я, и хата не моя. А ему всыпят. В такие дни Неврастеник переставал здороваться со знакомыми, презирая их за полное творческое бесплодие и неспособность к самостоятельному мышлению. Потом ему начинало казаться, что за ним давно установлена слежка, что приятель — агент ООН (все они такие, никому доверять нельзя!), и его вот-вот возьмут. Истекая холодным потом и заражая атмосферу Ибанска чесночным духом, он мчался к приятелю, лихорадочно вытаскивал свои листочки, растворял в какой-то необычайно сильной смеси кислот. Уничтожив, он вздыхал с

облегчением. Нас голыми не возьмешь, говорил он про себя с большим удовлетворением. Не на того напали! Нака, выкусите! И он показывал в кармане мощный кукиш... страшно подумать... самим ООН. Через некоторое время, до потери сознания наслушавшись зарубежных передач о Правдеце и прочих отщепенцах, Неврастеник начинал все заново. И опять на нескораемоводонепроницаемых листочках появлялись слова «репрессии», «концлагеря», «тоталитаризм» и т. п. И опять казалось ему, что устои ибанского общества начинают раскачиваться, а карательные органы бросают все силы на поиски виновника.

Хотя Неврастеник держал свою подпольную деятельность в строжайшем секрете, по крайней мере человек десять знало о ней во всех деталях, но не придавало ей никакого значения. Знали о ней и в ООН. Как-то раз я встретил Сотрудника. Он меня довез до дому и по дороге высказался о творчестве Неврастеника с таким презрением, что мне стало немного жаль его. И я даже призвал Сотрудника к терпимости. А его не зажмут? — спросил я. Все зависит от обстоятельств, ответил он. Если произойдет что-то непредвиденное и мы окажемся вынуждены сообщить на работу, то у вас там наверняка раздуют дело. И тогда нам придется принимать меры. А пока все это детские пустячки. Передай ему только, чтобы он перестал путаться с Журналистом. Против него кое-что есть. Может быть, выдворять придется. Но на меня не ссылайся, понял?! Я все понял, но выполнять поручение Сотрудника отказался. Не знаю, правильно я сделал или нет. Просьба Сотрудника выглядела как поручение ООН. А я с ними сотрудничать не хотел ни при каких обстоятельствах. Не из каких-то там высших принципов, а просто так. Противно.

ПРОБЛЕМЫ

Послушайте, говорю я, а может быть, зря мы рыпаемся? Ведь живут же люди. И вроде бы неплохо живут. А кто наши оппозиционеры? Почти все они — дети бывших крупных чинов или сами так или иначе были чинами или имели положение и известность. Так в чем же реальная суть их оппозиции? Не кажется ли вам, что тут — либо обида за несчастья (несправедливые, с их точки зрения),

постигшие их отцов, либо обида за неудачи в реализации своих намерений, либо желание таким путем выйти на арену истории и обрести известность и т. п. Во-первых, говорит Физик, это не имеет значения. Не важно, почему они заговорили. Важно, о чем они заговорили и как общество отнеслось к этому. Во-вторых, оппозиция нам представляется в таком виде только потому, что выживают и становятся известными у нас только защищенные оппозиционеры. Например — защищенные именами своих отцов или своим собственным весом в культуре, в особенности — известностью на Западе. А прочие оппозиционеры либо остаются неизвестными, либо вообще не допускаются к трибуне и не реализуются. А сколько мальчиков и девочек бунтуют, не отдавая себе отчета в том, почему они бунтуют и чего хотят. Так что если бы было возможно восстановить точную картину явной, неявной и потенциальной оппозиции, то ты увидел бы, что лица названной тобою категории занимают в ней ничтожное место, являются самыми поверхностными и неустойчивыми. И самыми безобидными. Начальство это чувствует инстинктивно. И глубинную оппозицию оно уничтожает жесточайшим образом еще в зародыше. И уж во всяком случае, вырывает с корнем. Все это так, говорит Кандидат. Но это тоже не имеет значения. Не важно, кто мог бы и кто пытался заговорить. Важно лишь то, что заговорили именно эти, а не другие. И это есть факт истории, а не потенции. Это есть факт сегодняшней и даже прошлой истории, а не будущей, говорит Физик. Только сегодняшние потенции суть факт завтрашней истории. И игнорировать их при оценке наших перспектив нельзя. Все это диалектика, говорю я. Не слишком ли много усилий, чтобы сдвинуться на величину, практически неподдающуюся измерению? Не слишком ли много размышлений, чтобы сделать выводы, понятные даже самому глухому чиновнику? Ты прав, говорит Физик. Коэффициент полезного действия в этих делах у нас ничтожно низок. Ниже, чем у паровоза. Но ведь и паровоз когда-то служил делу. К тому же, говорит Кандидат, в обществе малые величины дают грандиозные последствия. Помножь их на миллионы людей, на миллиарды поступков, на десятки поколений. Хорошенькое утешение, говорю я. А как быть с индивидом? Для индивида-то эти величины надо не умножать, а делить. Вот тебе пример. В результате тита-

нических усилий добились того, что производство картошки увеличится на столько-то миллионов тонн. Грандиозно! А как это скажется на твоей судьбе? На одну гнилую картофелину в год больше? Ты ошибаешься, говорит Кандидат. Если хорошо подсчитать, то в результате такого картофельного прогресса ты не выиграешь, а лишишься гораздо большего за счет повышения цен на мясо. Но дело не в этом. Мы же говорим о социальном прогрессе. Ты имеешь в виду возможность ездить за границу и без последствий трепаться на собраниях, говорю я. Так, что ли? Да хватит вам, говорит Физик. Давайте лучше по последней и соснем часок-другой. А то скоро труженики бумажки заполнят наши солидные конторы, и нам придется опять окунуться в нашу социальную действительность, с таким трудом поддающуюся социальному прогрессу.

СЛУЧАЙ

Роль случая в истории изучена досконально. И нет надобности излагать общие соображения по этому поводу. Но вопрос о роли случая в ибанской истории не изучен совершенно. А она здесь совсем иная сравнительно с прочими обществами: здесь случай не играет абсолютно никакой роли, ибо здесь все есть дело случая. Представим себе такую ситуацию. В свое время (при Хряке) выяснили и всенародно объявили, что Хозяин был редкостным мерзавцем. Подошел юбилей Хозяина, и возникла идея пересмотреть прежнее решение как ошибочное и изобразить Хозяина опять в наилучшем виде. Собрались наивысшие правители страны. Проголосовали и большинством лишь в один голос решили сохранить статус-кво. Причем этот лишний голос оказался сугубо случайным: этот Заместитель, проголосовавший за статус-кво, задремал и по ошибке проголосовал наоборот (он был великим поклонником Хозяина). Случайность данного решения несомненна. Но сыграла ли она роль? Нет. Все равно в Ибанске уже совершались процессы фактической реабилитации Хозяина, абсолютно не зависящие от решений высших инстанций. Причем если взять каждый факт, свидетельствующий об этом, по отдельности, то можно убедиться, что он есть чистая случайность. Так, в ИОАНе подход либеральный

Погонщик, и вместо него назначили Погонялу — явно-го поклонника Хозяина. Причем при назначении никто не принимал во внимание этого обстоятельства. Наоборот, Погонялу очень любили иностранцы. А так как международные связи стали расширяться и наметили совместные исследования ибанцев и никаракурабурадур-ауанцев, то Погоняла оказался наиболее удобной фигурой. В Ибанске, в конце концов, все делается не случайно и не не случайно, а просто так, само собой. Как-то эдак, что даже и сказать ничего вразумительного нельзя. Просто стрясается что-нибудь, и ибанцам остается только руками разводиться: ну и ну! дела!! И ничего удивительного в этом нет, ибо ибанская история неопишима в обычных, нормальных человеческих понятиях. Для описания ее более подходят такие выражения: тьфу!.. твою мать!.. мать! ...!!! Если в прочих обществах случай есть то, что невозможно предвидеть, то в Ибанске наоборот: случай здесь всегда в принципе можно предвидеть. Но ибанцы этого не делают. Им просто в голову не приходит предвидеть случаи, которые с ними произойдут, и принять меры. К тому же это бесполезно, ибо ибанцы все равно бессильны что-либо предпринять. Произойдет случай или нет, значения не имеет. Не тот, так другой. Не здесь, так там. Не сегодня, так завтра. Не все ли равно.

ЖИВЕМ МЫ ВЕСЕЛО СЕГОДНЯ

Сегодня получка. В кассу, естественно, очередь. Но эту очередь я люблю. В ней много молодежи. Бывают приятные девочки. Анекдоты. Занимательные разговоры. И полная демократия. Здесь даже я могу на равных флиртовать и с маленькой экспедиторшей, у которой зарплата меньше моей, и с деревенеющей от сознания собственной значительности кандидатшей наук, которая получает в четыре раза больше меня, имеет двухкомнатную кооперативную квартиру и записана в очередь на автомашину новейшей марки «Ибанули». Подошла Она и предложила получить с другой стороны, без очереди. Я отказался. В очереди стали острить на мой счет. Защищаясь, я подкинул пару анекдотов на эту тему. В общем, было весело. Но по ибанским законам все хорошее дол-

жно быть так или иначе испохаблено. На сей раз инициативу в этом гнусном деле взяла на себя старая гримза — бессменный член Бюро. Ну и молодежь пошла, проскрипела она. Лишь бы похихикать. А все ноют, что плохо живем, поддержала ее средних лет ведьма — председатель Жилищной Комиссии. Даже американцы отмечают, что ибанцы — жизнерадостный народ, чего нельзя сказать о их собственных согражданах, включился в эту беседу молодой холуй — Молодежный Вожак конторы. Веселье разное бывает, сказал мой сменщик. Бывает веселье — нормальное состояние души. Это — праздник души. А настоящие праздники не часто бывают. И бывает веселье, которым люди от горя и уныния обороняются. Такого может быть сколько угодно. Оно может даже стать привычной формой поведения. Оно ничего не стоит. Вот сейчас мы смеемся. А чему? Денег много получим? Очередь ответила на вопрос Сменщика взрывом хохота. Ты, папаша, не туда гнешь, сказал Холуй. Безобразие, зашипела Гримза. Распустились, заскрежетала Ведьма. Настроение в очереди было испорчено. Люди разбились на мелкие группки и зашептались каждая о своем. Мы со Сменщиком получили свои гроши, заплатили профсоюзные взносы, взносы в Общество Содействия, в Общество Охраны, еще в какое-то Общество, отдали на подарки детям к ближайшему празднику, на похороны тещи завхоза и еще на что-то. Потом Сменщик предложил выпить, и мы отправились в забегаловку. По дороге он рассказал, как они в начале войны попали в мешок. Жрать нечего. Боеприпасов нет. Кругом болото. И прислали к ним лектора из армии. Лектор им два часа зубы заговаривал... прелестями высшей ступени изма. Мы хохотали до упаду, сказал он. А эти идиоты иностранцы все за чистую монету принимают. Говорят, например, что ибанцы хорошо одеваются. Не хорошо, а дорого. А это — иное дело. И дорого не потому, что слишком хорошо живут, а потому, что на более существенные траты денег не хватает, а девать имеющееся больше некуда. Кроме того, на виду болтается обычно такая публика, которая может себе позволить хорошо выглядеть. Паразиты всякие. Я сказал, что не понимаю таких людей, как Ведьма, Гримза, Холуй. Они такие же несчастные, как и прочие. Ради чего они стараются? Наш строй жизни, сказал Сменщик, делая

людей несчастными, делает их при этом отвратительными. Мы несчастные, которых к тому же не любят. Так что мы заслуживаем двойного сочувствия. А потому не имеем даже одного.

О НАУЧНОМ И РЕАЛЬНОМ ИБАНИЗМЕ

Случайно встретил Неврастеника. Прекрасно одет. Весел. И попахивает коньяком. Цветешь, говорю я. А я думал, тебя в порошок сотрут. Не на того напали, говорит он. Не те времена. Да и не за что. Действительно, говорю я, не за что. Где ты сейчас? В Академии Засирания Мозгов, говорит он. Я только свистнул от удивления: после такого скандала — и в научный ибанизм! Я что-то съехидничал насчет научного ибанизма. Неврастеник сказал, что я всегда был лаптем в теории. И мы разошлись каждый по своим делам.

По отношению к научному ибанизму и его воплощению в ибанскую реальность я прошел все стадии, какие проходят обычно ибанские гнилые интеллигенты: признавал научный и думал, что реальность еще далека от его идеалов; признавал научный, но думал, что реальность есть нехорошее отклонение от него; отвергал научный, но считал, что реальность и есть настоящий ибанизм; и т. п. и т. п. И в конце концов пришел к выводу, что все правы. И правы вот почему. Реальный и научный (слово «научный» здесь, конечно, не имеет смысла науки) ибанизм, по существу, адекватны. Но между ними есть небольшая разница. Эта разница аналогична разнице между добрым, благородным, великодушным, умным, слегка грустным крокодилом из детских книжек и мультфильмов и живым крокодилом. Последний тоже крокодил. Но это — тупая тварь, способная сожрать тебя с потрохами, даже не отдавая себе отчета в том, что она делает. У нее нет такого органа, которым можно было бы отдавать себе отчет в своих действиях и тем более удерживать себя от них. Раздумывая на эту тему, я пришел к совершенно неожиданному для меня выводу.

Среди апологетов ибанизма господствует такая точка зрения: наука о полном ибанизме давно существует, а вот самого этого полного ибанизма пока нет. Очень удобная точка зрения. Всегда можно сказать, что кошмары нашей

реальной жизни преходящи, что вот наступит полный ибанизм, и все будет прекрасно. А когда он наступит? Сначала называли точные даты. Но время проходило, а никаких признаков рая земного не было. И тогда от точных сроков отказались. Стали просто каждую свою акцию (план, съезд, пленум, отчет, пуск, запуск и т. п.) рассматривать как очередной шаг на пути к полному ибанизму. Оппозиционеры тоже в большинстве случаев стоят на этой позиции, хотя и с отрицательным знаком. Мол, где он, ваш обещанный полный изм?! Но на мой теперешний взгляд, все это — чушь. Дело обстоит как раз наоборот. Полный ибанизм существует давно. И самый полный он был при Хозяине. Не исключено, что еще полнее будет. Но вот науки об этом полном ибанизме пока нет никакой. Официальный «научный ибанизм» — чистая идеология. Наука об ибанизме должна иметь принципиально иной вид. Она должна исходить из самых-сильных допущений, а именно — что все основные идеалы ибанизма реализованы на самом деле. Я думаю, что у нас давно реализован принцип «от каждого по способности», каждому по потребности. Отмерла политика. Отмерла мораль. Отмерло право. Даже деньги. Разве это деньги? Что это за деньги, если чиновник из высших органов, например, получает меньше, чем получал я, а реально потребляет раз в десять больше (квартира, дача, санатории, закрытые распределители и т. п.). Надо скорее кончать квартиру и серьезно заняться этой проблемой. Я хочу в этом разобраться досконально. Жаль, не с кем поговорить.

ОБ ИСКУССТВЕ

Я заметил еще одно поразительное явление в ибанском искусстве, претендующем на изображение ибанского образа жизни. Если это искусство выглядит нормально и профессионально с точки зрения изобразительных форм искусства, оно лживо от начала до конца. Если же оно правдиво, оно кажется патологическим, непрофессиональным, неумелым, примитивным, нарочито карикатурным. В лучшем случае оно имеет вид среднеспособного капустника. И это касается лучших образцов как того, так и другого. Даже Правдец, Певец, Мазила и прочие крупные фигуры правдивого искусства кажутся

непрофессиональной самодеятельностью. Профессиональная среда их так и воспринимает. И относит их скорее к сфере политики, чем искусства. Причем вполне искренне. Находят и объяснения этому факту: мол, условия жизни и работы не дают им возможности стать профессиональными, политическая ориентация мешает развиваться способностям, а способностей на настоящее (то есть официально признанное) искусство у них, мол, маловато. Так ли это? Думаю, что нет. Дело тут главным образом (я не отрицаю влияния прочих факторов) в самом ибанском образе жизни, в характере его явлений. Попробуй, например, опиши в рамках привычной возвышенной поэзии собрание, контору, очередь, стукачей и т. п. Получится скучно и лживо. А точное их описание должно быть лаконичным, гротескным и, по видимости, карикатурным. Но это не карикатура на что-то хорошее. Это — хороший портрет карикатурного в самой действительности. Ибанск есть общество плохо работающих людей, делающих плохие вещи. И в социальной жизни так же: это — общество нормально-карикатурных персонажей и их действий. Они сами по себе смешны, уродливы, скучны, страшны и т. п. Книгу Правдеса с этой точки зрения нельзя рассматривать просто как описание репрессий в Ибанске во времена Хозяина. И нельзя ее оценивать на правдивость как исторический документ. Она может быть ложной в качестве такового. Но она правдива как художественное произведение, описывающее обычную ибанскую жизнь. Замените только в ней имена реальных лиц ибанской истории на вымышленные. Эта Книга есть явление в ибанской литературе, а не в политике и науке. Другое дело, социально правдивое ибанское искусство и наука немедленно оказываются в сфере политики и идеологии, с первого же своего шага вступают в оппозицию с ибанским образом жизни и властями. Это — тоже объективный факт ибанского общества.

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Плюнь на Них, говорит Кандидат. Не обращай внимания. Живи по-своему. Легко сказать, говорит Физик. А где живи? С кем живи? Они навязывают свой стиль

жизни всему обществу, во всем, всегда. Никуда от Них не денешься. Они лезут в твою душу, в твою любовь, в твою семью, в твоё творчество. От них нет спасения. Почему же нет, говорю я. Есть: стать Ими.

СМЕНЩИК

В забегаловке было битком народу. Накурено. Наплевано. Толпа в очередь. Толпа без очереди. Мат. Но через несколько минут я ко всему этому привык. Через полчаса я уже не замечал никакого убожества. А когда наконец-то приткнулись к заваленному окурками и огрызками столу, я почувствовал себя приобщенным к чему-то родному. Потом Сменщик рассказывал мне о своем детстве, о юности, о войне. И мне становилось стыдно за свою жизнь.

Если бы нам тридцать лет назад кто-нибудь сказал, что в Ибанске будет такая жизнь, как сейчас, мы бы ни за что не поверили, сказал Сменщик. А что же вы не ликуете? — спросил я. Сменщик пожал плечами. Лет через двадцать—тридцать в Ибанске будет такая жизнь, что если бы было можно ее показать сейчас вам, то вы тоже не поверили бы, сказал он. А вы ведь тоже не будете вопить от восторга, если доживете. Так в чем же дело? — спросил я. Жизнь меняется, сказал он, по какому-то закону. Она делает бессмысленными пережитые нами страдания и реализует не наши мечты. Наши мечты реализуются не нами. Наши страдания не окупаются и не приносят плодов. А текущая наша жизнь никакого отношения не имеет ни к тому, ни к другому. Как бы это вам пояснить? Вот, к примеру, я с женой сейчас имею отдельную комнату. Раньше людей, которые имели на двоих отдельную комнату, считали неслыханными богатеями. Мы жили в такой комнате восьмером. Мечтали? Да, мечтали брату с женой и ребенком отрезать от коридора шесть квадратных метров. Брат сейчас квартиру отдельную имеет. Через тридцать лет получил. Уже другим человеком, в другой жизни. И мечтал он уже совсем о другом: как бы разъехаться с соседями, конфликт с которыми из-за житейских пустяков перерос в непримиримый антагонизм. А мы, между прочим, даже в масштабах государства теоретически исключаем антагонизм.

Плохо мы тогда жили? Плохо. Но не хуже, чем теперь. И не лучше. Жизнь как-то сместилась относительно нас, и все. Вот у вас сейчас нет автомобиля. У большинства его нет. Я могу допустить, что через десять лет всякий сможет его иметь, как теперь большинство семей имеет холодильник и телевизор (мы в свое время даже не подозревали о такой возможности). Что от этого изменится? Жить-то мы живем, да не наша это жизнь. И работаем мы из чьей-то милости. И блага житейские имеем из чьей-то милости. Мы не хозяева этой жизни. Не наша это жизнь. Свобода слова, печать, гласность, за границу выпускать!.. Смешно все это. Надо не за улучшение жизни сначала бороться, а за участие в ней. А что это такое, не знаю. Чувствую, что собака тут зарыта, а как подступиться к этому, не знаю. Я спросил Сменщика, как он додумался до этого. Он назвал мне свою фамилию, одно время хорошо известную в Ибанске. Неужели тот самый? — спросил я. Тот самый, сказал он. Вот это — случай, сказал я. И рассказал ему свою историю. Это совсем не случай, сказал он. Для таких, как мы, Они специальные места отводят. Удобнее следить. Тут все для этого подготовлено заранее. В случае чего легко сострять новое дело. Мы сейчас сидим вдвоем, а уж кто-то донос об этом настроил. Группа! Вы думаете, случайно на эту контору натолкнулись? Вас заранее сюда определили. И постепенно клонили в этом направлении. Для таких, как мы, у Них случайностей не бывает. Мы недооцениваем Их. На что, на что, а на мерзости у Них ума и терпения хватает. Будьте осторожны. Обидно будет, если из-за пустяков погорите. Надо беречь себя для серьезного дела. Для какого? — спросил я. Не знаю, сказал он. Какое подвернется. Оно само придет. Ждите и готовьтесь к нему. Я спросил его, был ли он готов к своему делу. Он сказал, что его дело застало его врасплох. Но должны же мы начать извлекать какой-то опыт из своей жизни! На прощанье он пригласил меня заходить к нему домой. А группа? — сказал я. Теперь они все равно делают из нас группу, сказал он. Так задумано было. Раз они вас пристегнули ко мне, значит, вопрос решен.

Я шел домой пешком и думал о своем деле. Увы, никакого дела у меня нет. И не предвидится. И целей у меня никаких нет. И идеалов нет. Я случайно попал в оппозицию. Не то чтобы я был официально свой. Я для

Них чужой. Но и в оппозиции я не свой. Неужели мне судьба уготовила роль в чужих спектаклях? Не попал в порядочные, вытолкнули в отщепенцы. Теперь пристегивают к Сменщику. Пешка. Черная или белая, какая разница. Все равно пешка. Но если уж меня на эту роль толкают, так почему бы мне не использовать это и не выйти в фигуры?! А на каком материале? Время не то. Да и Сменщик сам теперь уже не фигура. Значит, будет новая липа? Чуть побольше липы Неврастеника, но липа. Зачем это им нужно? Кому? Где-то там зреет ничтожный замысел, готовится пустячная акция. А к нам вниз она спускается как зловещая трагедия. Нет, с этим надо кончать. Я не боюсь Их. Но я не хочу Им подыгрывать. Не хочу быть пешкой в Их пошлой игре. Надо от Них как-то ускользнуть. Завтра же подам заявление об увольнении и спрячусь от Них подальше. Пережду. А там видно будет.

И тут я понял, что уже поздно.

О ПУСТЯКАХ

Особенность разговоров в ибанской интеллигентной среде — серьезность пустяков и пустячность серьезности. Это — в характере ибанцев. Ибанец переживает обычную изжогу как мировую трагедию, а последнюю — как нелепый анекдот. Я помню, когда Неврастеник рассказывал нам (по книге Правдеца) о масштабах репрессий при Хозяине, мы... до упаду хохотали. Тогда весь день собравшиеся рассказывали веселые истории о расстрелах и лагерях. А когда хозяйка сказала, что в Ибанске исчез лук, мы все впали в мрачное состояние и вскоре разошлись по домам.

Когда мы работаем, мы, естественно, разговариваем. Ибанец немислим без разговоров. Разговариваем в типично ибанском стиле. Например, так. Если очистить, конечно, нашу беседу от нецензурных выражений, составляющих не менее девяноста процентов текста. К сожалению, от такой очистки страдает изложение, ибо именно нецензурная часть несет в себе основную смысловую нагрузку.

В газетах пишут, говорит Кандидат, что на Западе цены растут. Но не пишут, что зарплата выросла, гово-

рит Физик. И конечно, ни слова о том, что у нас цены растут с удивительным постоянством. Зато, говорю я, у них там за квартиру платят половину зарплаты, а мы — лишь три процента. Не будь идиотом, говорит Кандидат. Представь себе, я получаю тысячу денежных единиц и пятьсот из них отдаю за квартиру, а ты получаешь сотню и три из них отдаешь за квартиру. Сколько остается у тебя и у меня? В одних относительных величинах мы живем лучше всех. А в других? Мы избираем такой взгляд на жизнь и такие способы измерения, какие выгодны нашей демагогии и пропаганде. Но есть и другие позиции, и другие методы измерения. Какие из них более существенны? Человек есть мера всех вещей, говорю я. В конце концов, прошлая история человечества и текущая жизнь в мире так или иначе проникают в душу какого-то числа людей и через них распространяются в сознании и настроении наиболее интеллектуальной части общества, а потом — и во всем обществе. То, как эта интеллектуальная часть общества оценивает свое состояние и положение прочей части общества, образует объективную и абсолютную базу всех оценок фактов нашей жизни. Твои слова — бред, говорит Физик. Но я не берусь их опровергнуть или предложить нечто получше. Во всяком случае, с этой точки зрения можно объяснить причину ненависти наших властей и широких народных масс к интеллектуалам.

А Крючкотвора все-таки посадили, говорит Кандидат. После этого мы несколько минут работаем молча, каждый думая о своем. Какое нам дело до какого-то Крючкотвора? И все-таки он незримыми нитями связан с нами. И арест его есть факт нашей жизни. Более того, непреходящий фон всей теперешней нашей жизни. Посадили, говорит Физик, значит, есть хоть какая-то жизнь. Вот когда даже сажать некого будет, тогда... Я не думаю, что мы докатимся до такого кошмара, когда даже сажать перестанут, говорит Кандидат. Запад пока еще есть. Он не допустит. Разве что Запад, говорит Физик. Дай бог ему выбраться из кризиса. На Западе тоже сажают, говорю я. И не меньше, чем у нас. Так смотря за что сажают, говорит Физик. На сколько сажают. Как люди отбывают срок. Какова судьба их после этого. Сажают-то по-разному. Но я не сдаюсь из духа противоречия и начинаю яростно защищать Ибанск. Самое время закругляться, говорит Кан-

дидат, пока Сторож не успел зачитать нам последний доклад Теоретика. Заткнись, говорю я. Я истину ищу. А Теоретик ее уже нашел, говорит Физик. Обрати внимание, говорит Кандидат, какая у него шевелюра! Он нашему Чину сто очков вперед даст. Не знаю, как насчет начальства, но что касается отщепенцев, то тут явно работает случай. Наш отщепенец — просто неудавшийся начальник. Самый большой пост, какой я занимал в жизни, говорю я, — был санитаром в первом классе. А кое-кто из присутствующих, между прочим, одно время даже был директором института.

В этот момент отвалился большой кусок штукатурки с потолка вместе с гигантской и дорогостоящей люстрой. Я же говорил, что наша система не рассчитана на антиквариат, сказал Кандидат. Как вы думаете, во что обойдется нашему ублюдку эта затея? Думаю, ни во что, сказал Физик. Наверняка эту дрянь подарили ему подчиненные подхалимы. Они и отремонтируют за свой счет. Проблема — как это переживет Чинша? Бедняга, сказал Кандидат. Все-таки тебе, Сторож, придется с ней переспать в порядке компенсации. А я тут при чем, возмутился я. Конечно ни при чем, сказал Физик. А разве у нас расплачиваются виновные? Компенсация не есть наказание за вину. Это — именно компенсация за ущерб. Давай, снимай трубку и звони ей о случившемся!

ОПЯТЬ О НАУЧНОМ ИБАНИЗМЕ

Надо различать науку об ибанизме и научный ибанизм как особую форму идеологии. Я вовсе не отвергаю роли последнего. И не считаю, что тут что-то хуже, а что-то лучше. Это — разные вещи, играющие разные роли в общественной жизни. Идеологию ибанизма обычно сравнивают с религией и находят в ней некий вариант религии. Сходство есть, бесспорно. Это — претензии на роль духовного пастыря, свои иконы, святые и т. п. Но и не более того. Отличие же глубже. Это — религиеподобная идеология (и притом — наукоподобная). Но по сути она антирелигиозна. Наука не антирелигиозна. Она не религиозна. Но это — другое дело. Ибанизм антирелигиозен. Религия проникает в души

людей и проявляется в форме поведения людей, а не в их демагогии. Она есть регулятор поведения. Ибанизм является чисто внешним средством в поведении людей, а не самим поведением. Он не входит в души. Если допустить на минуту, что власти не стали бы настаивать на его признании и официальном подтверждении этого признания, люди скоро в массе своей забыли бы о нем. В нем нет внутренней потребности. Внутренняя потребность есть лишь в какой-то форме религии. И это не есть недостаток ибанизма. Наоборот, именно в качестве такового он есть адекватная для ибанского образа жизни идеология. В Ибанске все мелко, поверхностно, временно и т. п. Такова и идеология его. В силу указанного свойства ибанизм нуждается в постоянно действующей системе навязывания и контроля. Религия тоже имеет свой аппарат — Церковь. Но это — аппарат иного рода. Потребность в религии рождает Церковь. Здесь же аппарат навязывает людям антирелигиозную идеологию ибанизма как одно из средств в их социальном поведении — как средство существования многих лиц, как средство в борьбе за лучшие места в обществе, как средство опознавания своих и т. п.

Почему эта тема меня вдруг зацепила за живое? Она мне не даст покоя. Я чувствую полную беспомощность обрести хотя бы первичную ясность. Физик говорит, что в этой области работали тысячи специалистов. Тут были даже гении. И без специального изучения сделанного нельзя продвинуться вперед ни на шаг. Так ли это на самом деле? Кандидат считает, что все написанное на эту тему — чушь собачья. Надо все начинать заново, с какой-то новой стороны. Эрудиты никогда не делают открытий. Я сказал, что ищу не открытие, а ясность. Кандидат сказал, что это одно и то же. Физик сказал, что в этом деле ясность противопоказана. Ясность есть самоограничение, а последнее есть условность, навязанная извне или принятая добровольно. Как ни крути, а кончишь все равно на уровне популярного учебника ибанизма, ибо в нем истина в последней инстанции. В Ибанске действует такой закон: чем глубже ныряешь, тем ближе к поверхности вынырнешь. Но не вылезешь на поверхность, сказал Кандидат, а так и утонешь в одном миллиметре от спасения.

Приехал Чин и разболтал нам тайну величайшей государственной важности. Об этой тайне уже вторую неделю шептались все ибанцы. И заключалась она в том, что одного из высших чинов государства освободили от всех занимаемых постов не по состоянию здоровья, как было объявлено, а как главаря гигантской гангстерской банды. Чин говорил об этом деле так, что если бы мы не знали, кто он, мы бы его приняли за ярого клеветника. В банду Гангстера, оказывается, были вовлечены чуть ли не все высшие чиновники той части Ибанска, которую возглавлял Гангстер. Так что разделить официальный аппарат власти и его преступную банду было практически невозможно. Просто первый постепенно переродился во второй. Это — обычное дело, сказал Чин. Можно подумать, что это не случалось и ранее и в других местах! А разве во времена Хозяина не произошло это самое в масштабах всего Ибанска?! Гангстера отправили на пенсию, сохранив ему особняк, дачу, машины и значительную часть прочего награбленного имущества. Даже музейную древнюю вазу оставили. Чинов пониже слегка понизили в должностях и поставили на вид. У чинов еще пониже кое-что отобрали и объявили выговор. Чинов еще ниже кое-кого немножко посадили. И так далее вплоть до лиц низших категорий, которым дали большие сроки, а некоторых даже расстреляли (в частности — шофера Гангстера и смотрителя в его гареме). Дело представили так, будто Гангстер и другие важные персоны (больше сотни!) стали жертвами в руках двух-трех проходимцев. У нас все и везде воруют, сказал Чин. Без этого нельзя нормально работать. Но надо же знать меру! Гангстер зарвался. Стал жить как восточный царек. Даже сотрудников ООН менял по капризу любовниц. Столичному начальству завидно стало. Он нарушил наши законы субординации, карьеры и вознаграждения. Хочешь министром быть — гони монету. Хочешь депутатом — гони монету. Степени, звания, премии, поездки за границу, роли в кинофильмах, уклонение от призыва в армию и от тюрьмы — все это делалось за взятки. Наконец, он нарушил критические размеры воровства. У одной только его жены конфисковали драгоценностей на сумму, превышающую капиталовложения во все сель-

ское хозяйство Ибанска в какую-то пятилетку. Кстати сказать, до конца раскапывать деятельность банды запретили. В частности, сказал Чин, задумчиво облизываясь, о бизнесе с девочками нигде не было сказано ни слова, хотя он был поставлен на широкую ногу. До конца копать вообще нельзя: пришлось бы полстраны сажать. А ниточки оттуда тянулись и в столицу.

После того как Чин уехал, Кандидат подсчитал, сколько он сам хапанул с государства на ремонт своей новой квартиры. И что здесь любопытно, сказал он, так это наша роль в данном воровстве. Мы же соучастники! Однако мы не заинтересованы в разоблачении Чина. И даже не чувствуем за собой никакой моральной вины. Попробуй разоблачи, сказал Физик. Тебя же и посадят как клеветника. Представляю себе, сколько разоблачителей засадил Гангстер и его сообщники, прежде чем их скинули. Но в нашем гангстеризме есть свой плюс, сказал я. Наладили же эти жулики подпольный цех в одной комнатухе, который давал продукции больше, чем две передовые фабрики. И какой продукции! Ее загоняли как заграничную! Так что в руках нашего мудрого руководства гангстеризм, в отличие от гниющего Запада, может стать мощным рычагом прогресса. Хватит разговоров, сказал Физик. За дело! Как соучастники преступления, мы должны работать, и работать хорошо. Свои преступные денежки мы должны зарабатывать честно.

Потом я рассказал Сменщику об этой истории. Что поделаешь, сказал он. Диалектика! Наша система очень благоприятна для служебных злоупотреблений и гангстеризма. Служебные злоупотребления у нас фактически преступлениями не являются, если они осуществляются в определенных рамках. Это — просто служебные привилегии. Они неразоблачаемы и неразоблачимы по самому нормальному ходу жизни. Наша система порождает гангстеризм как выход за пределы официальной системы власти, как нарушение ее меры. И вместе с тем она исключает его именно как нарушение меры власти и стремится его пресекать. По возможности без шума, конечно. Как свои семейные делишки. Наша система власти искренне враждебна гангстеризму, ибо сама она имеет ту же самую природу. Она законна, а специфически ибанский гангстеризм есть ее двойник, незаконно узурпирующий се

функции и привилегии. Сменщик говорил еще что-то необычайно умное, но мне стало скучно. Это общество неинтересно даже с точки зрения его научного понимания. И в этом его сила. Вряд ли найдется человек, который способен исследовать его всесторонне и до самых сокровенных глубин. Любой исследователь содохнет от скуки, не пройдя и половины пути. Зачем нужны длинные и нудные исследования, если результат их известен заранее: оптимистическая стабильная бесконфликтная помойка, и больше ничего.

ПРОВАЛ НЕВРАСТЕНИКА

Провалился Неврастеник совершенно случайно. Были мы на дне рождения у одного нашего сослуживца. Обычный вечер. Обычный треп. Обычная жратва (добытая, кстати сказать, с большим трудом) и выпивка. Уходя домой, Неврастеник прихватил какую-то книжонку, изданную Там, на Западе. До утра, как водится в таких случаях. Дело обычное, такие книжонки мы почитывали регулярно, беря их порой у стукачей и даже у профессиональных сотрудников ООН и прочих высших органов Ибанска. Дорогой к Неврастенику прицепились пьяные ребята. Началась потасовка, и их всех забрали в милицию. Обыскали. Нашли книжку. И мирно отпустили домой. Было это случайно или специально подстроено, установить невозможно. Важен результат. Дома Неврастеник застал Журналиста, который заскочил якобы на минутку и собрался уходить. Но не успел. Зашел участковый милиционер и потребовал предъявить документы. Произошел маленький скандалчик. Журналист возмутился и сказал, что он это дело так не оставит. Потом пришли молодые люди из ООН. Они были безукоризненно вежливы. Неврастеник, утративший к этому времени остатки мужества, отдал им листочки, которые не успел отнести к приятелю, назвал приятеля, сослуживца, всех гостей сослуживца и всех тех, кто когда-либо слушал или читал его сочинения. Ему сказали спасибо. Но что поделаешь, служба — не дружба: сообщили на работу. И в институте завели персональное дело Неврастеника. Сотрудники пришли в возбуждение, шептались по углам, часами разговаривали на эту тему по телефо-

ну. Неврастеник ходил убитый ожиданием расправы. И выглядел героем. Жизнь обрела смысл. Неврастеник на глазах вырастал в личность. Вверху ему сказали: ты не бойся, в обиду не дадим, но на твоём примере проведем воспитательную работу. Главное — ты сам должен осознать все и помочь нам. Ты же наш человек, ибанист! Конечно, сказал Неврастеник, я ибанист, наш человек. Я готов сделать все, что прикажете. На этом можно было бы поставить точку в истории Неврастеника: ему объявили выговор без занесения в личное дело и перевели в другой отдел, в котором более здоровый и крепкий коллектив. Но произошла еще одна нелепость в цепи нелепостей: Журналист все-таки тиснул где-то заметочку о том, как зажимают творческую интеллигенцию в Ибанске, и намекнул в качестве примера на Неврастеника. И дело Неврастеника обрело совсем иной, далеко не комический вид.

О ХИМИКО-ПСИХИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ

Кандидат пересказал нам содержание статьи из американского журнала об успехах ибанских ученых в разработке химических методов воздействия на психику людей. Статья страшная. Авторы в заключение выражали недоумение, почему ибанские власти не используют открытия своих ученых в массовых масштабах. Неизвестно, сказал я, используют или нет. Может быть, давно уже используют. Вряд ли, сказал Физик. Палка о двух концах. Эти средства так или иначе разрушают волевые и творческие потенции. А современная жизнь невозможна без них. Даже твоя вшивая контора не может без них функционировать. Это — раз. А во-вторых, если даже применять эти средства выборочно, кого выбирать? Профилактика тут невозможна. А как средства наказания и пресечения они бессмысленны. Дело в том, что если человек проявил себя как оппозиционер, то обычно его роль на этом и кончается. Дальше начинается лишь более или менее растянутое наказание. А предупредить невозможно. Чтобы предупреждать, надо знать, что именно предупреждать и в каком множестве людей. Можно принять меры в отношении данных людей и дать гарантию, что не выкинут номер. Но это не дает еще га-

рантии, что какой-то номер не выкинет кто-то другой. При таком огромном количестве людей и при наличии каких-то устойчивых и массовых фактов бытия обязательно что-то произойдет. Причем никто не может дать гарантии, что кто-либо из Заместителей или даже сам Заведующий не сделают эту чрезвычайную акцию. Факты же были. Так что все эти страшные новые средства страшны лишь индивидуально, но они не играют роли в масштабах истории. Они страшны лишь тем, что существуют, и люди о их существовании знают.

Я слушал Физика, во многом был согласен с ним, во многом — нет, но возразить не мог. Что-то в его рассуждениях было чисто рассудочным. Во всяком случае, он не принимал во внимание реальных людей, находящихся у власти. А Сменщик как-то говорил, что эти химические методы уже применяются в чудовищных масштабах. Причем научились парализовать волю и творческие потенции индивидов в строго определенных пределах. И еще одно удивило меня. Раньше мы на такого рода темы тоже болтали. Но теперь я к подобным разговорам отношусь совсем иначе, чем раньше. Я начинаю превращаться в профессионального думателя в этой новой для меня области. Я обретаю новую профессию.

ФОРМА ЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ

Обратите внимание, говорит Физик, как выражается наш Чин. Многозначительно. С недомолвками. С ухмылочкой. Свысока. В общем, как человек, приобщенный к сокровеннейшим тайнам бытия и к их глубочайшему пониманию, недоступному нам, простым смертным, — неосведомленным, узколобым и т. п. Он работает Там, говорю я, наверно, в самом деле кое-что знает, что нам знать не положено. Ерунда, говорит Кандидат. Чистая форма. Ни черта они там не знают и не понимают. Их знания — крупички от того, что мы сами отправляем им наверх. Их понимание не идет глубже их референтов и консультантов. А кто эти последние? Вы же сами знаете. Это — самые ловкие проходимцы и совершенно беспомощные кретины именно с точки зрения способности понимания действительности. И эту свою суть они маскируют и компенсируют наглой самоуверенностью и

ложной значительностью. Не может быть, говорю я, чтобы туда не попадали умные и способные люди. В конце концов, их там — тысячи. А на каждую тысячу приходится... Чушь, говорит Кандидат. Этот закон имеет силу, если не производится отбор. На миллион отобранных карликов никогда не придется хотя бы один великан.

Приехала жена Чина. Сначала разнесла нашу работу. Потом слегка похвалила. Потом заявила, что стены в спальне она хочет обтянуть какой-то заграничной тканью. Мы, разумеется, согласились. И напомнили, что Чин хотел сегодня нам выплатить должок, но его задержали на работе. Жена Чина порылась в сумочке и отдала нам больше того, на что мы рассчитывали. Это была самая крупная наша удача. Физик приписал этот успех моим бицепсам. Подмигнул бы ты этой корове разок, сказал он, она бы с нами рассчиталась полностью. Упускать такие возможности!..

Потом приехал Чин и заявил, что он нас увольняет. Мы спокойно собрали свои манатки и направились к выходу. Чин сказал, что он впредь просит его жену в его финансовые дела не посвящать. С ним вместе приехала довольно смазливая девица. И он отпустил нас сегодня пораньше, подкинув нам еще пару сотен. А что, если мы сегодня кутнем, предложил Кандидат. Мы так и решили. Купили несколько бутылок вина, колбасы, сыра и еще какой-то ерунды и отправились к Физику. На дежурство чуть было не опоздал. Откуда-то появился начальник охраны (мы подчиняемся не Директору контролы, а своему начальству; у нас еще своя особая контора), учуял запах вина и сделал мне втык. Потом вытянул из меня на чекушку (иначе — вон!) и смылся в ближайшую забегаловку.

НАЧАЛО

Начал я с апологетики ибанизма, сказал Сменщик. Написал книгу о том, каким должен быть правильный ибанизм. Послал ее в высшие органы. Жду месяц, другой. Почти год прошел. Наконец вызвали. Собралось их там человек двадцать. И давай стружку с меня снимать. И знаете, в чем они меня обвиняли? В том, что я сочинил злобную карикатуру на наше общество. Я растерял-

ся, слова вымолвить не мог. На первый раз меня простили, поскольку действовал из лучших побуждений. На прощанье же посоветовали бросить писанину. Мол, не моего ума это дело. Лучше, мол, недостатки наши критикуй. Во как! Не надо хвалить! Критикуй! Пришел я домой. Решил перечитать свою книжку. Что там такого крамольного я написал? Читаю и чувствую, что волосы у меня начинают шевелиться: такой жуткой мертвечиной пахнуло на меня из моего сочинения в защиту ибанизма. Вроде все правильно, все в полном соответствии с классиками, с установками, с учебниками. А картина такая получается, что жуть берет. Когда я дочитал до главы о хороших методах перевоспитания отдельных отщепенцев, до меня дошла одна простая истина. Когда в нашем обществе отмечают недостатки, оно выглядит человеческим и перспективным в этом человеческом плане. А когда недостатки отбрасывают, оно обнажает свою подлинную глубокую положительную натуру. А натура-то эта страшенькая. Лагеря, репрессии, очереди, неурожай, бесхозяйственность, зажим художников и прочие наши общеизвестные прелести — все это, оказывается, пустяки по отношению к чему-то более фундаментальному. Они суть лишь преходящие проявления какой-то стабильной сути, но не сама суть. Недостатки всегда можно представить как исторические случайности, отклонения, упущения, перегибы и т. п. — как нечто исправимое и преодолимое. И факты есть, подтверждающие это. Исправь один такой недостаток из тысячи и раз в десять лет. Раструби об этом на всех перекрестках. Вот вам и факт. И понял я тогда, что эта самая стабильная всенорождающая суть заключена в самом положительном идеале ибанизма и в его самых лучших положительных качествах как реального строя общества. И тогда же я вдруг понял, что Они могут позволять критиковать любые наши дефекты. Даже самые страшные. Вспомните речь Хряка. Позволили же Они нанечатать первую книгу Правдеца! Но Они никогда не позволят беспристрастно описать самую суть и положительную основу ибанизма. Поняв это, я решил: нет, голубчики мои, я вас критиковать не буду. Я вас хвалить буду. Но так, что вы вззоете хуже, чем от Правдеца. Тут, конечно, я допустил ошибку. Надо было сказать: вы расправитесь со мной хуже, чем с Правдецом. Но такое постигается только

опытом. А у меня его тогда не было. А сейчас? — спросил я. Сейчас опыт есть, сказал он, но он уже никому не нужен.

И опять я засел за свою апологетическую книжку. Потом отпечатал в двадцати экземплярах, часть разослал во всякие ответственные органы, часть пустил по рукам. Наши передовые граждане (либералы, прогрессисты, оппозиционеры и т. п.) не поняли в моей затее ни бельмеса. Обозвали меня махровым реакционером и агентом ООН. Господи, какие же мы все идиоты! Про иностранцев и говорить не хочется. Те начали что-то соображать лишь после того, как меня упрятали в сумасшедший дом. Но наше начальство сразу смекнуло, в чем дело. Не такие уж они кретины, как мы порой думаем. Честно скажу, со мной там беседовали сотни раз, и на воле таких умных бесед мне никогда иметь не приходилось. Они имеют преимущество перед нашими умниками: они в таких случаях цинично откровенны и осведомлены. В общем, кончилась вскоре моя затея... Вы знаете, как она кончилась. Сейчас я на свободе. А толку что? Мне даже писать не запрещено. Но я уже не могу написать даже одной странички. У нас такие штучки научились делать хорошо. Даже не заметишь, как это делается. Только однажды вдруг почувствуешь, что затрудняешься написать записку жене. У меня нет жены, сказал я. Это хорошо, сказал он. Лучше, когда вообще никого нет. В душе у меня поселилась тревога. Когда я вышел на пустынную улицу, к ней присоединился страх одиночества. Что же делать? Я напряженно думал, но вывод напрашивался только один: ничего. Все равно я не властен изменить ход событий. Меня уже взяли в крепкие руки. Какой-то ничтожный всевластный игрок уже делает мною какой-то идиотский ход в своей неленой и зловещей игре. И я ринулся в забегаловку. В самом деле, кому нужен опустившийся подонок?! А может быть, я Им и нужен именно такой: глядите, мол, что собой представляют эти отщепенцы! Я чувствовал, что по отношению ко мне совершается бессмысленная и чудовищно жестокая несправедливость. Общество занимается самосохранением и вправе это делать, — конечно, это так. Я это понимаю. И принимаю. Так было всегда. И будет всегда. Но есть же какой-то закон соразмерности

борющихся сил, нарушение которого означает выход за пределы человеческого бытия. Этот закон нарушен.

Потом я устал думать и успокоился. Тебе сейчас зачитывают приговор, сказал я себе. Выслушай его мужественно и будь человеком хотя бы в оставшийся кусочек жизни и хотя бы перед самим собой.

Около забегаловки ко мне пристали трое молодых парней. Сначала они потребовали закурить. Потом обозвали меня нехорошими словами и потребовали пятерку. И я отвел на них душу. Потом... В общем, хорошо, что у меня сегодня свободный день. Очухался я далеко за полночь на полу в нашей квартире с разбитым носом и мощным фонарем под левым глазом.

ОНА

Долго ждал Ее звонка. Наконец, далеко за полночь, Она позвонила. Сказала, что была занята, устала, хочет спать. Я сказал, что безумно скучаю и с нетерпением буду ждать утра, чтобы хотя бы увидеть Ее.

Итак, я один. Впереди долгая, мертвенно-тихая ночь. Ни души кругом. Я думаю о Ней. И о себе. Эх, человек, человек! Много ли надо?! Чутьочку внимания. Чутьочку чувства. Чутьочку искренности. Чутьочку верности. И ты счастлив. Но именно этой чутьочки нет. Внимание есть, в изобилии, но избави Боже от него: это — внимание всякого рода органов, призванных смотреть, чтобы ты не сотворил чего-нибудь такого. И чувства имеются в огромном количестве, но какие: злоба, раздражение, ненависть, зависть. И искренность бывает: когда требуют поставить к стенке. И верность бывает: верность заветам Хозяина. Вот меня сейчас неудержимо тянет к Ней. Почему? Что нас связывает? Потому что я один. Абсолютно один. Мать? Это не в счет. Она для меня есть, но я-то для нее не существую. Теперь родители странные пошли: они равнодушны к детям, даже злобны к ним. Друзья? Это не надолго. Дружбы нет, ибо привычные привязанности недолговечны, а соратников в этом обществе нет. Есть лишь сослуживцы. И вот теперь Она. Глубоко ли это? И долго ли можно произносить возвышенные фразы, сидя в болоте или погружаясь в трясины?!

Только начал засыпать, появился зять. Просит трешку до получки, опохмелиться надо. Этих трешек я в свое время передавал уйму. И разумеется, до получки. Но он ни разу не вернул. Сестра умоляла не давать. А что делать? Я не дам, найдет в другом месте. Хуже будет, отдавать придется. Или кредиторы скандал подымут. А он и так на волоске висит у себя на работе (в каком-то журнале, младший редактор). Когда-то был способный парень, надежды подавал. Сейчас у меня денег нет. Зять обозвал меня жмотом. Сказал, что он мне это припомнит. И, хлопнув дверью, ушел. Вслед ему неслась брань сестры. Привыкшие к таким сценам ребятишки не обращали внимания. С меня достаточно, сказала сестра. Сегодня же подаю на развод.

О ПЬЯНСТВЕ

Пьянствуют, сказал Сменщик, во всем мире. И на Западе пьют, может быть, даже больше, чем в Ибанске. Но ибанское пьянство обладает такими специфическими признаками, которые выделяют его из всех пьянств человечества и делают его явлением исключительно ибанским. Вам, например, нужно занять денег на покупку новых штанов. Попробуйте, и вы убедитесь в том, что это — дело довольно трудное. Но если вам нужно занять на выпивку, вы сделаете это в течение получаса максимум. Причем не надо объяснять, на что вам нужны деньги. Ибанцы обладают особыми органами чувств, которые позволяют им точно установить, на что вам нужны деньги. Нужны деньги на выпивку, скажете — на штаны, все равно дадут. Или, допустим, вы пьянствуете. Все знают, что это — нехорошо. Приходите к знакомым. Ай-ай, как нехорошо, говорят они. И... ставят на стол отличную выпивку. А придите в гости просто так, непьющим. У них будет в заנачке бутылка, но не ждите ее появления на столе. Государство ведет непримиримую борьбу с пьянством, ибо оно наносит огромный ущерб. Но ведет ее так, что пьянство развивается пуще прежнего. Одним словом, в Ибанске в глубине души любят пьяницу и в глубине политики культивируют его. Почему? Имеется

множество объяснений. Психологи-моралисты (с тенденцией к психоанализу) считают, что ибанцам приятно видеть существа еще более жалкие и убогие, чем они сами. Тем более стремление к юродству есть природное свойство ибанской души. В интеллигентных кругах пьянство считают признаком таланта (все ибанские гении пьют!), а в либеральных интеллигентских кругах — признаком социального гнета, невыносимого для наиболее тонко мыслящей части и т. п. Творческие личности пьют для разрядки, для воображения, от избытка денег, которые больше некуда девать... Пьют, потому что пить дешевле, чем закусывать. А что еще делать, если не пить?! Пьют для душевной близости. Пьют, потому как положено. Это в основном большие начальники, заведующие магазинами и ресторанами, лица, бывающие на приемах, летчики, следователи и прочие, и прочие, и прочие. Социологи считают, что с точки зрения управления массами лучше пьяницы, чем оппозиционеры. Если человек бросит пить, что ему остается делать, если не критиковать несуществующие язвы нашего прекрасного общества! Экономисты говорят, что выгоды от пьянства все равно превышают ущерб, который оно приносит. В общем, если бы собрать все мнения ибанцев о причинах пьянства, образовалась бы книга в полсотни томов по тысяче страниц каждая. И притом мелким шрифтом. И нельзя сказать, что все ошибаются. Но нельзя сказать, что все правы. Проблема эта сложнее, чем проблема рака. Проблему рака можно хотя бы абстрактно решить так: есть вирус рака, найди его и уничтожь. Конечно, после этого у рака найдется все равно какой-то преемник. Те миллиарды причин, которые так или иначе фокусируются в вирусе рака, найдут себе другого вождя, представителя, выразителя. С проблемой пьянства так не поступишь. В конце концов, люди пьют потому, что есть алкогольные напитки. Уничтожьте их, и... И ничего не получится. В Ибанске пробовали в некоторых местах лишить людей этой вредной жидкости. Результат — ибанцы стали добывать ее сами из любых вещей. Да так, что получались напитки получше казенных. И потом властям долго пришлось доказывать преимущество последних. Лишь после того, как Академик опубликовал в Газете огромную статью о том, что казенные напитки (в отличие от искусственных!) не ведут к

снижению умственных и сексуальных потенций, к раковым заболеваниям и автомобильным катастрофам, местные жители направились в магазин купить с черного хода (поскольку в это время продажа спиртного запрещена!) бутылочку трижды раскритикованной казенной отравы. Но если даже уничтожить все алкогольные напитки и лишит условий производить их и изобретать самим, все равно остаются те миллиарды маленьких причин, причинок, причиненок, причинушек и т. п., которые сейчас фокусируются в пьянстве, а по уничтожении одного будут фокусироваться в чем-то ином. Так вот, специфика ибанского пьянства заключается не в том, что ибанцы пьют спиртное, а в этих миллиардах причин, которые избрали в качестве своего объединяющего и суммирующего начала, в качестве выразителя, представителя и вождя алкогольные напитки. Каждая эпоха, каждая цивилизация, каждый народ пьянствуют по-своему. Причем два пьянства не обязательно выражают одно и то же. Сходные множества причин могут в одном случае выражаться в пьянстве, в другом — в расцвете искусства, в третьем — в политической активности и т. д. В Ибанске упомянутая совокупность причин, по традиции, выражается не в творческой деятельности, не в предпринимательстве, не в политической активности, не в домоводстве, не в светской жизни, а именно в пьянстве. И вот что здесь особенно важно. Те ибанские потенции, которые выражаются в пьянстве, достаточно ощутимы, чтобы ибанец заметил их наличие, осознал себя в качестве носителя их (со всеми вытекающими отсюда психологическими последствиями). Но они недостаточны для того, чтобы избрать иной способ проявления и выражения. И тоже со всеми вытекающими отсюда психологическими последствиями. Грубо говоря, мы достаточно талантливы, чтобы заметить это и обрести вкус быть таковыми, но мы слишком мало талантливы для того, чтобы сделать свою талантливость деловым началом нашей жизни. Потому даже незначительные препятствия в виде государственных запретов для нас непреодолимы. Потому мы предпочитаем оставаться втихомолку страдающими холуями или пьяницами (или комбинацией того и другого).

Сменщик умолк, а я почувствовал в себе прилив демонических сил. Мы Им еще покажем, сказал я. И заказал

еще бутылку какой-то дряни. Впрочем, сказал Сменщик, все народы таковы. Только одним удастся изобрести какие-то защитные средства и средства охранять и поддерживать эти защитные средства. Нам это не удавалось никогда. Мы умели изобретать средства, пресекающие всякую возможность изобретения и сохранения таких средств. Впрочем... Потом мы пороли всякую чушь. Потом забегаловку закрыли. И мы поплелись на вокзал, где ресторан закрывается на несколько часов позже.

ВЫСШИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Так бы и отделался Неврастеник легким испугом, если бы не высшие государственные соображения. Высшему начальству потребовалось исправить недостатки и указать линию. Нашелся выдвиженец, который решил проявить инициативу и сделать на этом внеочередной скачок в своей удачно складывающейся карьере. Нашелся стукач и холуй, который донес ему, что в ИОАНе проявили гнилой либерализм и потерю бдительности. Выдвиженец вызвал Директора и Секретаря. В вашем институте в течение многих лет орудовал враг, сказал он. Что же вы думаете, он ничего другого не сделал?! У него сообщников не было?! А связи с враждебными кругами Запада? Надо разобраться более тщательно. Даю две недели сроку. Директор и Секретарь заверили Выдвиженца, что они делают все как следует, что они виноваты, что проглядели, что исправятся и т. п. Но в ИОАН они ехали унылые, ибо знали, что дни их сочтены. И действительно, вскоре Директор слег в больницу с инфарктом. Вместо него назначили другого. Секретаря освободили и избрали другого. ИОАН замер в ожидании катастрофы. Назначили специальную комиссию по расследованию дела Неврастеника, и его дело переросло в Дело. Председателем комиссии назначили Эстета.

ПРОБЛЕМЫ

Когда мы пришли утром на работу, квартира была открыта. Но никого в ней не было. Мы на всякий случай позвонили Чину. Тот примчался немедленно. Мы

все вместе вошли и увидели удручающее зрелище. Замки взломаны. Все тряпки со стен в спальне содраны. Украдено огромное зеркало с двери в ванной, остатки кафеля и многое другое. В том числе — куртка Кандидата. Надо в Уголовный Розыск сообщать, сказал Физик. Воры явно дилетанты. Наверняка местные жители или молодые ребята. Найдут в два счета. Ни в коем случае, сказал Чин. Начнут копать, что к чему. Нервотрепка. Дороже обойдется. Надо врезать новые замки. И один из вас будет здесь ночевать, пока не кончите. На том и порешили.

Что за жизнь говорю я, когда Чин уехал. Здесь все как-то страдают. Даже у Чина нет безоблачной жизни. Дом делали халтурщики — страдает. Надо нанимать левака — страдает. Тараканы — страдает. Жулики — страдает. А бедная Чинша! Она из-за этих тряпок до конца жизни мучиться будет. Это разве страдания, говорит Физик. Это — бытовые мелочи. Ты взгляни лучше на нашу жизнь. И Физик в общих чертах обрисовал то, что нам всем известно из собственного опыта. Кандидат, которому так и не удалось сорвать с Чина компенсацию за куртку, сказал, что мы нытики, и красиво выругался. Я попросил его повторить: мне это может пригодиться в моей конторе.

Во-первых, сказал Кандидат, страдания относительны. Во-вторых, страдания, о которых мы болтаем, свойственны лишь незначительной части ибанского общества. И в-третьих, основа этих страданий заключена не в ибанском образе жизни. А в чем же? — спросил Физик. В наших исторически преходящих претензиях, сказал Кандидат. Дело в том, что мы претендуем на роль наследников и продолжателей всего лучшего, что было создано в западноевропейской истории, и претендуем превзойти Запад именно в этом. Так что мы так или иначе знакомимся с лучшими явлениями западной цивилизации, живя по канонам ибанского образа жизни. Отсюда и идет все. Чтобы устранить наши эти специфически ибанские страдания, надо уничтожить источник беспокойных идей и базу для сравнения. Перестать говорить об английской и французской революциях, о восстании американских колоний. Запретить чтение Шекспира, Бальзака, Данте, Достоевского, Гете, Шиллера, Свифта и прочих великих писателей прошлого.

Запрятать полотна великих художников. Прекратить всякое общение с Западом. Это у нас и стремятся делать по мере сил, сказал я. Я считаю, сказал Кандидат, что в основе нашей экспансии вовне лежит именно это стремление уничтожить базу для сравнения. Не экономические и военные соображения, а именно это, то есть социальный инстинкт привилегированных слоев нашего общества увековечить свое господство. Если исчезнут экономические и военные соображения, наша экспансия усилится. Мы будем стремиться навязать всем свой ибанский образ жизни.

Потом наша беседа незаметно перескакивает на оценку общей ситуации в мире. Я с любопытством слушаю точку зрения Кандидата, хотя согласиться с ней не могу. Но у меня нет и аргументов против. Физик пытался что-то возразить, но махнул рукой. Сейчас в мире, говорит Кандидат, есть три силы: мы, Китай и США. Они непримиримы. Причем в основе вражды лежат глубочайшие расовые причины, а не вражда двух систем, не экономика и т. д. Расовые причины лишь преломляются через экономику, идеологию и т. д. Это в высшей степени важно понять. Это мы уже слышали, говорит Физик, от Адольфа Гитлера. Чушь, говорит Кандидат. Это похоже, но это совсем не то. Сравните христианство и мусульманство. Похожи. Но не одно и то же. Ищите различия, а не сходство. Надо различать два понятия расы: биологическое и социальное. Раса в социальном смысле есть обширное человеческое объединение, ядро которого образует группа лиц с определенными биологическими расовыми признаками. Прочие лица испытывают на себе их влияние до такой степени, что начинают себя вести так, как будто бы они и сами суть представители этой группы. Они испытывают влияние, но не от них исходит инициатива. Не в них источник их бытия как данной специфической общности. Бывают периоды в истории, когда именно некоторые расовые признаки, преломляясь через историческую судьбу объединения, оказываются решающими. Это бывает редко. Но бывает. Сейчас такой случай. Причем нет высших или низших рас. Есть разные расы. Сейчас — три основные. И каждая из них, учитывая опыт истории, способна привести человечество к одному и тому же результату. Разница в деталях. Но -- при условии уничтожения или

подчинения двух других. Примирение невозможно именно по расовым причинам. У Двурушника в книге все это разобрано досконально. Я не читал книги Двурушника, говорю я, так что разъясни подробнее. Но Кандидат махнул рукой. Все это похоже на правду, сказал он. Но мне это не кажется убедительным. Вернее, я бы не хотел, чтобы это было так. Я за то, чтобы все жили, и жили по-своему. Я тоже, говорю я. Но я все же хочу этот вопрос изучить: я должен знать, как на самом деле. Зачем это тебе? — спрашивает Физик. Я старомоден, говорю я. Я чувствую себя неполноценным без связи с прошлым и без понимания возможного будущего.

Чин забыл оставить нам деньги на новые замки и не договорился с нами об оплате этой работы. За врезание замков деруг ой-ой какие денежки, сказал Физик. Пусть Чин выяснит сам сколько. Пусть сам купит замки. И денежки за это пусть платит тут же. Иначе делать не будем. Так и решили. Позвонили Чину. Чинша, нануганная кражей, согласилась на все наши условия. Только попросила, чтобы замки купили мы сами. Она оплатит все. С женщинами все-таки лучше иметь дело, сказал Кандидат. Смотри с какими, сказал Физик. Как идут дела у твоей соседки-стервы? Отлично, сказал Кандидат. Она стала совсем другим человеком. Страдания облагораживают. Безусловно, сказал Физик. Переломай ей другую ногу и женись. Лучше бабы не сыщешь во всем Ибанске.

ЭСТЕТ

Эстет в течение многих лет был самым порядочным человеком в ИОАНе. Можно сказать, что его основная профессия состояла в том, чтобы быть таковым. Будучи однажды вытолкнут на эту роль, он затем ровным счетом ничего не делал: все делали за него другие, все делалось само собой. О нем заботились обстоятельства. Например, если возникала потребность разгромить хорошую статью, то заранее намечали на роль погромщика определенных лиц, исполнявших в ИОАНе функции прохвостов, — столь же обычные и нормальные, как и функции порядочного человека. Но ни в коем случае не Эстета. Считалось само собой разумеющимся, что он не

будет это делать. Не будет не по каким-то глубоко личностным качествам, а по положению, по его роли в ИОАНе. Если бы на него нажали, он сделал бы все, что угодно. Но на него не нажимали. Ему предназначалось нечто иное. Но он сам воспринимал это как проявление своей доброй воли, своей замечательной порядочности. И другие так воспринимали: ведь человек мог бы, да не захотел, потому как порядочный. Бывают-таки порядочные люди. Если же нужно разгромить плохую работу и начальство решается пойти на это, то функцию погрома возлагают на Эстета. Прохвосты не лезут — это не их работа. Тем более громимый — из их компании. Да они и не умеют делать такое дело. Их приучали к другому. Эстет смело громит халтуру и мракобесие в лице предназначенной для этого жертвы. Смотрите, как он смело Их лулит, умиляются сотрудники. И сам Эстет упивается своей ролью. И начальство хвалит: смелый, принципиальный, знающий человек. И так из года в год черные дела делают прохвосты, белые дела делают порядочные люди. И те и другие дела дозволены свыше. И все вместе делают одно и то же черно-белое, то есть удручающе серое дело. Но в этой серости есть оттенки.

Бывают в жизни любого учреждения Ибанска такие щекотливые моменты, когда дело нужно сделать крайне черное, но чтобы при этом оно не выглядело таковым; в таких случаях порядочный человек незаменим. У нас Эстет был в этом смысле фигурой выдающейся. Затевалось, например, дело против молодых ребят, которые что-то осмелились (по глупости, конечно) сказать по поводу последних событий в... когда мы ввели... и... Короче говоря, грязное дело. И надо этих ребят уничтожить, но так, чтобы это выглядело как благодеяние. И поручается это дело Эстету. Обычно и поручать не надо, ибо в такие трудные моменты он, как порядочный человек, единогласно избирался во всякие организации и становился обычно Секретарем Бюро. Народ ходил довольный. Хорошо, что Эстета назначили. Этот в обиду не даст! Эстет организует и с блеском проводит уничтожающий погром, все довольны: если бы не он, было бы хуже. И в самом деле, уже одно намерение придать погрому вид гуманной воспитательной акции делает его итоги более мягкими, чем в недавние прошлые времена. Заслуга приписывается Эстету, хотя он назначен на такой исход дела заранее.

Из года в год Эстет с блеском играл свою роль, придавая гнусностям более благообразный вид и облагораживая своей порядочностью намерения вышестоящих властей всякого сорта и ранга. Иногда, правда, происходили события, в которых, по слухам, Эстет играл весьма неблагоприятную роль. Но это — лишь слухи. И к тому же так редко, что в общем море добра, содеянного им, эта капля подлости осталась незаметной. И престиж его не могли поколебать никакие происки завистников.

Поговаривали, что его карьера в свое время началась с того, что он выдал друзей, вместе с которыми читал стихи одного запрещенного в то время (и прославляемого официально теперь) поэта. С тех пор и закрепилось за ним имя Эстет. Был слух, будто это — его псевдоним в ООН. Но поди докажи! Брехня все это. Не мог такой порядочный человек совершить такую подлость!

Однажды случилось у него большое горе — повесился сын. Историю замяли. Неврастеник как-то по секрету рассказал мне, что сын был вовлечен в группу студентов, писавших листовки. Его вызвали в ООН и нажали. Парень отказался назвать сообщников и рассказал обо всем отцу. Что у них там было, никто не знает. Только ночью он покончил с собой. В руке была зажата записка, в ней — одно слово: подлец. Неврастеник сам видел эту записку. Она потом куда-то исчезла, и самоубийство объяснили чисто личными мотивами: несчастная любовь. Что делал после этого Эстет? Обычные свои дела. Присвоил себе статью своего аспиранта. Председательствовал на одном международном симпозиуме. И все ему сочувствовали. И никто не носочувствовал его несчастному сыну. Бедняга, что он пережил в ту ночь?!

БАНКЕТ

В конторе пронюхали, что я — бывший кандидат, чуть ли не доктор, имею какие-то публикации, подавал надежды. И я удостоился великой чести: Кандидатша пригласила меня на свой день рождения. Моя Секретарша устроила по сему поводу сцену ревности. Пойдем со мной, предложил я. Вот забавно получится! Ни в коем случае, сказала Она. Я знаю, какая шпа-

на там собирается. Я их презираю. Как бы то ни было, я пошел. Банкет — обычный ибанский банкет. Пили, жрали, говорили чушь, затасканные анекдоты, смех, крики, хамство... Ко мне сразу все стали обращаться на «ты». Все сочувствовали мне. Поносили наше начальство всех рангов. Потом заговорили о последней речи Теоретика по поводу изобразительного искусства. Тут-то я с ними полностью согласна, искренне сказала либеральная Кандидатша. А то рисуют и лепят каких-то уродов. Черт знает что! Ничего не поймешь! Кандидатшу поддержали все присутствующие. Мне стало после этого гнусно. Я ляпнул что-то по адресу Теоретика. Наступила неловкая тишина. Потом начали танцевать. И я потихоньку смылся.

Эти высшие установки насчет искусства — не бред недоразвитых дегенератов, как думают многие. Они выражают общий уровень, и, главное, тип ибанского сознания. Если это кретинизм, то кретинизм всего общества, а не только его руководителей. Но я думаю, что это — не просто кретинизм. Это — нечто более глубокое и серьезное. Последние установки Теоретика, очевидно, будут неуклонно проведены в жизнь. И народ их поддержит. И сам народ проявит инициативу. Это — его собственные установки, лишь высказанные устами Теоретика. Итак, на изобразительном искусстве тоже можно ставить крест. Кто следующий? Вроде уже все области охватили. Остались мы. В качестве обобщающего и завершающего удара. А на каком материале у нас? У художников хоть было что-то на самом деле. А у нас? Чистая липа. А что, если Они меня готовят именно к этой акции на самом высшем уровне?! И Сменщика тоже. Нужен же им какой-то реальный материал. Я не удивлюсь, если Они нас специально спровоцируют на какой-то нужный для Них шаг. Сменщик предупреждал меня быть осторожным. А разве за всем уследишь?! Насчет Теоретика я высказался зря. А в общем — плевать!

Я позвонил Ей, сказал, что банкет — мразь, что я ушел, что мне тоскливо без Нее. Она сказала, что я — молодец, и спросила, не наговорил ли я чего лишнего, а то в этой компании было по меньшей мере пяток стукачей. Я сказал, что Она преувеличивает. Если каждого подозревать, то жить невозможно. У Кандидатши, одна-

ко, я основательно набрался. На площади Космонавтов ко мне прицепились дружинники. После короткой потасовки меня все-таки скрутили и приволокли в милицию. Теперь, надо полагать, будет «телега» в контору.

ЛЮБОВЬ

Она опять не пришла. И я опять один. Что поделаешь, придется философствовать. О чем? Да хотя бы о любви. Самое подходящее время. Сначала ибанцы были весьма скромны и сдержанны в любовных делах. Не было совсем противозачаточных средств. Аборты, которые за солидные (для ибанцев) вознаграждения делали чудовищно жадные, злобные и невежественные старухи, как правило, кончались инвалидностью или даже смертью. Родить внебрачного ребенка считалось смертельным грехом и несмываемым позором. Практически такая женщина уже не имела шансов выйти замуж. Еда была такая, что ибанцев особенно и не тянуло на любовные утехи. Да и негде было. По условиям ибанского климата под забором этим делом можно заниматься всего два-три месяца в году, когда не идут дожди и можно найти негрязное место. Конечно, бывали случаи и в другое время года. И об одном таком случае писали в газетах. Одна пылкая девица во время любовной связи примерзла задом ко льду речки Ибанючки, пока ее поклонник расстегивал свои штаны. Девица, лишившись чуть не половины зада, осознала свою вину. После этого в Ибанске началось движение по сдаче крови и кожи государству для переливания и пересадки. Поклонника судили как японского шпиона, поскольку прочие вакансии уже были заполнены. Все общественные организации тщательно следили за нравственностью ибанцев. И если замечали что-либо предосудительное, принимали суровые меры. В привилегированных слоях Ибанска, разумеется, все было не так. Там на другой же день после образования Ибанска начался отменный бардак. И продолжается по сие время. Прогресс в любовных делах в ибанском обществе пошел отсюда, а не под влиянием Запада, как сейчас утверждают бывшие развратные старухи. Запад оказал, конечно, свое влияние. Но скорее на технику дела, а не на суть. Теперь в Ибанске с

любовью положение не хуже, чем на Западе. Баб ибанцы имеют по потребности. С мужиками, конечно, хуже. Но в Ибанске есть некоторые специфические условия, порождающие ибанский стиль любовных отношений. Вот два типичных случая, поясняющие общую картину. Помощник моего Директора Жмот получает мизерную зарплату. У него две комнаты на пятерых (жена, теща, двое детей). Третий год он не может купить приличный костюм. У него есть любовница — сотрудница нашего же учреждения. Зарплата — невозможно выкроить на приличное мыло и модные трусишки. Живет в семье. Имеет койку за шкафом в комнате, где спят еще три человека. Дома делают все возможное, чтобы ее выжить. Катись куда хочешь! Кстати сказать — типичный пример взаимоотношений в теперешней семье. А куда идти? Снимать комнату? А на что жить? Замуж выходить — проблема. За кого попало не хочется. А такого жениха, как хотелось бы, нет. Вот и тянется годами унижительная и скучная связь со Жмотом. Без всяких перспектив. Где они встречаются? Как проводят время? И он выглядит в ее глазах мерзавцем, ибо эксплуатирует ее, ничего не давая. А ее жизнь идет прахом. Я посмотрелся на такие случаи. У нас в конторе они почти все такие. В Ибанске выработался общий стиль взаимоотношений в таких случаях. И даже тогда, когда любовник зарабатывает много денег, он редко тратится на любовницу. Неврастеник, например, имел приличную зарплату и гонорары. Но когда его любовница заикнулась насчет того, чтобы он снял комнатушку для нее, он разразился гневной речью о своих финансовых затруднениях. Потом он нам говорил по сему поводу, что бабы пошли стервы, поровяют урвать что-нибудь вместо благодарности за то, что он опускается до связи с ними. О Боже! Где мы живем!!

ЛИПА

Задачи комиссии — подготовить подходящую липу, используя которую определенная группа лиц намерена осуществить намеченное или вынужденное обстоятельствами мероприятие. Официально это выглядит как стремление объективно разобраться в существе дела.

Хотя тип липы заранее определен свыше, будучи реализована внизу, она попадает вверх как сигнал снизу, и вышестоящие инстанции затем лишь принимают разумное решение по поводу происходящего.

Не следует думать, что липа такого рода — сплошная ложь и что задумана она с какой-то злобно-коварной целью. В ней может не оказаться ни одного слова лжи. И появление ее может быть вполне рациональным мероприятием. Но дело не в этом. Комиссия призвана отобрать в прошлой жизни такие факты, которые, будучи собраны вместе и высказаны в данной ситуации, будут представлять индивида как морального урода и чуждого нам отщепенца, попавшего под влияние и т. д. А в жизни каждого человека такие факты могут накопиться в изобилии. Они не накапливаются только потому, что индивид не становится средством такого рода мероприятия. Когда-то вы развелись с женой. Однажды вы почему-то задержали деньги на ребенка. Вы потом отдали. Но в эти несколько дней задержки ваша бывшая озверевшая супруга сообщила по крайней мере сотне лиц, что вы — злостный неплательщик алиментов, и написала на вас такое письмо в бюро, что даже там говорили: ну и сволочь, спаси Господи! Вы добиваетесь встреч со своим ребенком, бывшая жена, забросившая ребенка на бабушку, делает все, чтобы этого не произошло. И при этом пишет письма к вам на работу, что вы забросили ребенка. Вы хотите завести новую семью. А по крайней мере десяток людей распространяет слухи, что вы — развратник. Это — только одна линия вашей жизни. А сколько других. Вы встретились и поговорили с иностранцем — вы вступили в порочащие связи с врагом. Вы передали прочитать вашу совершенно не секретную работу — вы передали сведения. Короче говоря, задача комиссии — не какие-то сложные исследования, а лишь подготовка правдоподобного текста, характеризующего избранных индивидов в том свете, в каком это нужно для данной цели.

Комиссия во главе с Эстетом превосходно справилась с заданием. Они отобрали подходящих лиц, которых можно определить в группу Неврастеника. Ни много (что скажут там!), ни мало (иначе из-за чего шум!). Таких, что начальство возражать не будет. И у самих рыльце в пушку. Избранные лица понимают, что рыпаться

бесполезно, и идут навстречу комиссии: помогают ей всеми силами. Комиссия в общем-то сидит в кабинете. Все сведения ей приносят сами жертвы. Или добровольные помощники. Жертвы признаются во всем и играют спектакль со вдохновением. Они стремятся лишь к тому, чтобы не была нарушена мера. Впрочем, это не в их власти. Мера предначертана свыше.

И не надо думать, что такие липы создаются на пустом месте. Ведь факты налицо: запрещенная книжка; связь с Журналистом, которого выдворили из страны; клеветническая заметка там, и не стоит особого труда, чтобы выяснить, кто имелся в ней в виду; стихи, порорящие наш образ жизни; какие-то люди стихи читали и одобряли, и сами кое-что писали и распространяли, и сборник начали готовить, а где его печатать хотели — легко догадаться. И таких фактов полно. И не зря затевается дело. Интеллигенты распустились, надо их к порядку призвать. А как? На поучительном примере. И пример создается по всем канонам ибанской социальной педагогики.

ТАКОВА ЖИЗНЬ

Мы уже готовились к окончанию работы. Но как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Утром мы застали потолок на кухне и в ванной в ужасающем состоянии. Очевидно, на верхнем этаже сломался какой-то кран. Или забыли закрыть. И такое бывает. Придется осваивать еще одну профессию, сказал Физик. Чудеса, сказал Кандидат. Чтобы в такой квартире нормально жить, надо постоянно содержать бригаду халтурщиков вроде нас. Или делать все самому, сказал Физик. Когда мы получили квартиру, я три года работал не столько в Лаборатории, сколько дома: доводил квартиру до состояния, пригодного для жилья. Только было довел, кусок стены обнаружил тенденцию вывалиться наружу. Что делать? В таком случае дом надо ставить на капитальный ремонт. Это значит — выезжать. Строители все испохабят. Опять ремонт делай. Я как вспомнил прошлые годы, волосы дыбом встали. И я решил сам. И что вы думаете — с блеском справился. Пришла комиссия во главе с каким-то строительным академиком. Мой метод

они одобрили. Но разумеется, авторство присвоили себе. И премию отхватили.

Примчалась Чинша. Сам Чин где-то кого-то не то встречает, не то провожает. Увидев потолок, Чинша расплакалась. Нам ее стало жалко. И мы ее утешали, как могли. Пообещали в кратчайший срок исправить положение и придать квартире прежний вид. Не помогло. Я с ума сойду с этой проклятой квартирой, сказала она. Я говорила мужу, переедем сразу, а там видно будет, что делать, что нет. Не послушал, идиот. Все вы, мужчины, такие. Втемяшится в голову какая блажь, ничем не свернешь. И Чинша опять пустилась в слезы. Только после того, как я популярно пересказал статью из одного идиотского журнала об отрицательных эмоциях, Чинша прекратила реветь.

Потом мы отправились на верхний этаж, выяснить, в чем дело. Оказывается, хозяева перекрутили кран, и он ночью сорвался. Мы привели их в нашу квартиру (!), показали последствия и потребовали возместить ущерб. Иначе, мол, приведем комиссию. При слове «комиссия» хозяева побледнели и выплатили все, что мы потребовали. А что, сказал Кандидат. Все справедливо. Почему Наши (они уже наши!) должны страдать из-за этих хмырей?! Не лицемерь, сказал я. Ты же знаешь, что это — единственный способ получить деньги за наш труд. Наши хозяева ни за что на свете нам за это дело не заплатят.

БУИТ

Все уже было ясно. Собрание проходило именно так, как хотело начальство. Представитель Отдела был доволен. И было пора уже закругляться. Кто-то выкрикнул, что пора подвести черту, то есть прекратить прения. И председатель просто так, для красного словца спросил, кто еще хочет высказаться. Он был уверен, что желающих не будет, ибо всем известно, что все желающие были намечены заранее и уже выступили. И тут во мне сработала какая-то пружинка. Я поднял руку и сказал, что хочу несколько слов добавить к выступлениям предыдущих ораторов. Поскольку я на собраниях никогда не выступал и считался политически пассивным, мое на-

мерение произвело ошеломляющее впечатление. Зал замер на мгновение. Потом поднялся доброжелательный шумок, и все заулыбались. И мне дали слово в порядке исключения. Единогласно причем. Одни хотели, чтобы я тоже приобщился наконец-то к настоящей полнокровной жизни коллектива. Другие хотели, чтобы я наконец-то перестал ходить в чистеньких и превратился в такую же способную на любую пакость дрянь, как и все они. Это — наши либералы. Они особенно были довольны. И лица их выражали поощрительное презрение. Мол, и ты такая же дрянь, как и мы. А тоже мне, прикидывался столько лет независимым. Бескорыстным. Бессребреником. В старшие небось захотел. За квартиру старается. Теперь пойдет! У нас таких любят. Порядочный. Незапятанный. В общем, пробрался я из самого последнего ряда из самого левого угла к трибуне. Взошел и почувствовал, что положение на трибуне ко многому обязывает. На тебя уставились сотни лиц. И выглядят они теперь совсем иначе, чем в кабинетах и коридорах. Наверно, так выглядят лица вражеских солдат, когда в бою встречаешься с ними в рукопашной. Лица врагов всегда кажутся безобразными. Я сначала растерялся. Начал что-то лепетать весьма интеллигентное. Но потом разозлился. Да кто ты, в конце концов, сказал я себе. Такая же мразь, как и эти? Хватит. И тут-то я и выпалил. Мол, все дело Неврастеника — липа. Мол, никакой группы нет. Мол, такую грязь можно развести для любого из нас. Мол, вообще все это напоминает времена Хозяина. И судя по всему, мы заметно тяготеем к нашему недавнему гнусному прошлому. И так далее в таком же духе. И наговорил бы я бог знает что еще, если бы меня не лишили слова. Я вернулся на свое место. Никто на меня не смотрел. Я уже не существовал для них. Я не оправдал их ожидания. Потом с последним словом выступил Неврастеник и его сообщники. Они все, разумеется, признали свои ошибки. Они все осудили мое выступление как враждебную провокационную вылазку. Просили не исключать их из Братии, ибо они не могут без нее. Клялись искупить свою вину на любом участке нашего строительства, куда их пошлет Братия, и т. д. Потом решали, как с ними поступить. Потом стали решать, как поступить со мной. Представитель Отдела сказал, что таким, как я, не место в Братии. На другой же день меня

уволили. Почему меня не забрали, не пойму до сих пор. Впрочем, это никогда не поздно. Они ничего не забывают. Рано или поздно мы получим по заслугам. Они лишь откладывают возмездие до более подходящего момента. Они знают, когда следует взять. Им виднее.

О МАШИННОМ ИСКУССТВЕ

Вчера по телевизору, говорит Кандидат, была грандиозная передача о машинном искусстве. Весь цвет нашей ибанской литературы, музыки, живописи и техники участвовал. А болтали ужасающие банальности. Все в один голос твердили, что машина не может заменить человека как творца произведений искусства. А примерами доказывали, что можно создать машины, которые будут писать стихи, рисовать картины и сочинять музыку не хуже людей. Мол, это все даст возможность лучше понять законы творчества и двинуться к дальнейшему расцвету и т. п. В этом деле, говорит Физик, есть аспект, о котором они, конечно, ни слова не вякнули: что власти оставят для людей, а что сочтут целесообразным передать машинам? И каким машинам? Машину можно построить так, что она будет сочинять романы в духе ибанического реализма. Как по-вашему, допустят у нас машины, которые будут рисовать в духе Мазилы? А кто будет заведовать машинами? Представляете картинку: правительство дает задание институту — сочинителю романов создать к будущей неделе сотню романов на такие-то и такие-то темы. И точно в срок романчики готовы. И никаких хлопот. В полном соответствии с требованиями теории и текущего момента. И сбудется затаенная мечта ибанских властей назначать в великие поэты, художники, композиторы проверенных и заслуженных лиц из своей же среды. Ох и драться же они между собой начнут за это. Будут распределять по рангам, говорит Кандидат. Пять романов и десять опер в год — Заведующему. По два романа и по три оперы в год — Заместителям. И так вплоть до низших чинов. Им — стишата, рисуночки, песенки. Шутки шутками, говорю я, но тут у них есть одна здравая мысль: машинизация искусства позволяет лучше разобраться в законах творческой деятельности. Возможно, говорит Физик. А что это даст? Что, мы благодаря этому научим

наших писателей (а их — сто тысяч, как минимум!) сочинять лучше Шекспира, композиторов (а их сколько?!) — лучше Бетховена, художников (а их, этих, сколько?!) — лучше Рафаэля?! Неужели ты думаешь, что уровень искусства зависит от способа и глубины познания его законов? Да и в этом ли действительные законы творчества? Абстрактно рассуждая, говорит Кандидат, человека можно заменить машиной в любом деле, какое он делает. Мыслима даже машина-муж. А машину-вождя даже я берусь построить. Но люди-то все равно остаются. А у них — интеллектуальные и творческие потенции. И свои проблемы. И разные проблемы. Одни у начальства, другие у нас с вами. Одни у одной группы начальства, другие — у другой. В общем, все эти передачи исключительно для засирания мозгов рядовых идиотов нашего века. Пыль в глаза пускают. Внимание отвлекают. А в это время потихоньку душат талантливых писателей, художников, архитекторов, композиторов. Но есть же в этом хоть что-то положительное, говорю я. Конечно, говорит Физик. Только слово «положительное» тут не подходит. Просто в этой области живет и самоутверждается определенная масса людей. Делаются какие-то открытия и изобретения. Это влияет на общее состояние культуры. Это банально. И совсем на другую тему. С этой точки зрения даже космические исследования имеют какое-то «положительное» значение. Обидно, говорит Кандидат, такие средства вкладываются, выдающиеся умы работают, и все лишь для того, чтобы посредственнейшие проходимцы могли со временем сочинять сверхпосредственнейшую белиберду с помощью сверхгениальнейших сооружений. Творческие потенции людей, говорю я, все равно найдут себе выход в чем-то другом, если не в искусстве. Разумеется, говорит Физик. В бюрократии, карьеризме, стукачестве, трепачестве, надзоре, пресечении. И отчасти — в плясках и хоровом пении. Впрочем... А я вот обдумываю свою идею искусственного мужа, говорит Кандидат. Представляете, какой взлет науки и техники нужен для этого! Зато какие мужья пойдут! Получку не пропивают. В очередях стоят часами. По бабам не бегают. Дома — никаких склок. А нас куда? — спрашиваю я. Нам, говорит Кандидат, остаются высшие функции, в которых машина не может заменить человека: проектировать и усовершенствовать механических мужей, сидеть на собраниях и принимать

резолуции, осуждать и, самое главное, обслуживать механических мужей в момент исполнения ими супружеских обязанностей. Красота, говорит Физик, зато законы этого самого дела мы познаем с необычайной глубиной. А что касается наших потребностей — будем заниматься онанизмом. Да здравствует прогресс науки и техники, сказал Кандидат. Послушайте, с этими тараканами надо что-то делать! Они сожрали рукав у моей нейлоновой куртки!!

ТАКОВА ЖИЗНЬ

Пришла Она, и мы отправились в наш кабинет. Но по Закону Всемирного Свинства именно в этот момент появился Поверяющий. Пришлось ставить бутылку и битый час выслушивать его бессвязную болтовню о том, какой он хороший. Не то что другие. Когда я вернулся, Ее лицо выражало скуку и желание спать. Она небрежно бросила тетрадь с моими записками на директорский стол и зевнула. Что за идиотская работа у тебя, сказала Она. Мне надоело. Надо с этим кончать. Послушай, вернись ты на старую работу. Напиши Им что-нибудь. Покайся. Пусти слезу. У нас это любят. Что тебе стоит?! Это же пустяки. У тебя будет хорошая работа. Вступим в кооператив. У меня кое-что есть. Папа подкинет. Займем. Сделай это ради меня. Пожалуйста! Как мы заживем! Ладно, сказал я. Я подумаю. Только вряд ли Они меня возьмут обратно. А ты попробуй, сказала Она. Я уверена, возьмут. Потом я спросил о своей писанине. Она сказала, что ничего не понимает. Слишком уж это все заумно. Верно, сказал я. Я сам вижу, что это дело надо забросить. Дилетантство это. Если уж такими проблемами заниматься, так надо становиться профессионалом. Человечество не первый год существует. И умники вроде меня водились и в прошлом в большом количестве. И наверняка додумались до всего задолго до моего появления на свет. Ты молодец, сказала Она. Я тебя люблю. Мне хорошо с тобой. И мне, сказал я. И мы были счастливы. В конце концов, годы страданий и раздоров стоят минуты счастья. Ладно, сказал я. Завтра же зайду в ИОАН.

В ИОАНе мне сказали, чтобы я не смешил людей. Мол, мне предоставляли возможности, но я их не ис-

пользовал. Теперь поздно. Вообще-то говоря, они проконсультируются с кем следует. Но надежды мало. Если, конечно, я сумею доказать всем, что осознал, тогда может быть. В общем, зайди через недельку. По дороге на квартиру я ругал себя последними словами. И мне было стыдно. Потом я вспомнил о Ней. И говорил себе: что ты в Ней нашел? Таких баб кругом сколько угодно. И получше. Но я тут же ловил себя на том, что лгу. Не нужна мне никакая другая баба, кроме Нее. Мне нужна Она, и только Она. И дело тут не в Ней, а во мне самом: я уже поместил в Нее свою душу. И обратно ее взять я уже не могу. И не хочу. Итак, остается одно: ждать. О Господи, какой же я тогда был идиот! И из-за кого?! Из-за полнейшего ничтожества!!

КРИК ДУШИ

Иногда мне хочется выйти на улицу и закричать: люди, остановитесь на минуту! Одумайтесь! Вот ты — зачем тебе этот идиотский дорогой гарнитур? Купи старенький шкаф и стол, а остальные деньги проживи — своди свою жену в ресторан, съезди с семьей куда-нибудь подальше, мир посмотри. Или ты — на что тебе эта зверски дорогая шуба? Купи дешевенькое пальтишко. Все равно в шубе ты не будешь лучше выглядеть. А оставшиеся деньги проешь. Но я не буду кричать. Бесполезно. Я однажды вдруг понял, почему люди стремятся покупать дорогую мебель и одежду, приобретать квартиры и машины. Вовсе не потому, что хотят лучше жить. А потому, что боятся хуже жить. Рядовой ибанец всю жизнь проходит не с надеждой на лучшее, а со страхом худшего. Надежда на лучшее у него появляется только тогда, когда его жизненный уровень опускается ниже всякого мыслимого и немыслимого предела, — когда хуже уже невозможно. И лишь тогда начинается улучшение и появляется надежда. И за нею следом идет страх худшего. Страх худшего — это наивысший жизненный уровень, на который подымается ибанский обыватель. Страх худшего есть симптом того, что ибанец достиг вершины, перевалил ее и начал свое неумолимое движение к худшему, к самому худшему и даже еще ниже.

МЕЧТА

Ты знаешь, о чем я мечтаю, говорит Она. Чтобы у нас была хорошая квартира. Хорошая мебель. Продукты в магазинах хорошие. И без очереди. Веселый малыш. Ты бы пришел с работы. Я бы приготовила вкусный обед. Я, между прочим, могу хорошо готовить. А ты о чем мечтаешь? Я мечтаю хотя бы один день прожить спокойно и беззаботно, говорю я. Не думая о прошлом, о будущем, о начальстве, о социальных проблемах... Поехать бы за город. Повалиться на траве... И кажется, все это — достижимо. Кажется, все наши мечты примитивны. А попробуй начни их достигать! Все это достигается, но как! Никакой радости уже не остается. Даже на траве повалиться — проблема. Как до нее добраться? Где поесть? Где ночевать? Ты говоришь, вкусный обед. Для него надо пол-Ибанска обегать за продуктами. Да и доставишь ли то, что нужно. А очереди! Ну тебя, говорит Она. Дай хотя бы помечтать! А ведь есть же люди, которые все это имеют. Хотя бы Директор. Или твой Чин. Имеют, говорю я. А какую цену они платят за это?! Холуйство. Страх потерять место. Лавирование. Просиживание на заседаниях. Одно удовольствие им остается: сознание того, что они имеют многое такое, чего нет у нас. Но и оно призрачное. Нет, милая моя, в этом обществе есть что-то такое, что делает всех людей по преимуществу несчастными нытиками.

СМЕШЩИК

Самое главное в нашем положении, говорит Сменщик, — твердо держаться выбранной линии. Если дрогнешь хотя бы на мгновение и хотя бы чуточку проявишь слабость, ниши пропало. Там ведь тоже не дураки сидят. Не верьте тем, кто считает Их дураками. Слабину они сразу заметят и начнут давить на нее с ужасающей силой. Я не знаю ни одного случая, чтобы человек после этого устоял. Так что, если вы не чувствуете в себе силы выстоять до конца, лучше не лезьте. А если уж встали на эту дорожку, то жгите за собой все мосты. Пути назад нет. Попытка вернуться назад — это даже не слабость, а полная капитуляция.

Сменщик говорил, а я чувствовал себя самым препаскуднейшим образом. Неужели я уже капитулировал — и перед собою, и перед Ними?! Легко сказать — держись. А для чего? Неужели для этих пустяковых записок?! После того, что написали Правдец, Певец, Двuruшник и многие другие о нашем Ибанске, мои записки — капля в море. Правда, все они, как мне кажется, говорили о второстепенных и поверхностных явлениях нашей жизни, лишь мимоходом или случайно касаясь самой ее сути. А я, как мне кажется, вроде бы набрел на дорожку, ведущую к пониманию этой сути. И что же я установил? А лишь то, что для этого надо становиться профессиональным ибанологом. Надо изобрести еще самую эту профессию. А уж где там небанальные результаты. Под силу ли это мне? Вряд ли. Я один. И я слишком слаб в качестве одиночки. В этом я признаюсь себе честно. Так что же остается?

А если я капитулировал, то ради чего? Реально ли то счастье, которое чуть-чуть засветилось на моем темном горизонте? Порыв души — насколько он глубок у меня и насколько адекватна ответная реакция на него?

Вчера ко мне заявился Поверяющий, говорит Сменщик. Вот сволочь-то так сволочь! Решил разыграть из себя человека ООН. Потребовал сведения дать о вас. А сам, гадина, рассчитывал лишь на поллитровку. Я его, конечно, под зад коленом. Разорался. Грозился доложить куда следует про нашу шайку. У нас с вами уже шайка! Не обращайтесь внимания, говорю я. Эта мразь вряд ли из ООН. Там таких не держат. Просто спекулянт и шантажист. Так-то оно так, говорит Сменщик. Но вы напрасно таких гадов недооцениваете. Они вреда приносят очень много. По крайней мере, можете считать, что один лжесвидетель против нас уже есть. Когда они меня начали разыгрывать по своим нотам, то я буквально с ног до головы был обделан именно такими гадами. Вы представить себе не можете, какое омерзительное состояние бывает, когда тебя насильно погружают в среду такого дерьма! Я не понимаю одного, говорю я, почему такое могущественное государство в борьбе с такими ничтожествами (с их точки зрения), как мы, опускается до таких подлых средств борьбы. Я думал об этом, говорит Сменщик. По моим наблюдениям, тут накладывается множество различных жизненных слоев. Во-первых,

самодетельность подонков, спекулирующих на ситуации. Во-вторых, карательные органы должны изображать деятельность по общим канонам ибанской жизни. Надо же им оправдывать свой кусок хлеба, получать звания и награды. В-третьих, публика такого рода, как мы, тоже ведь не лыком шита. Среди нас появляются такие изворотливые экземпляры, что нужно много попотеть, прежде чем с ними справишься. В-четвертых, мы пробиваемся к самому сердцу ибанского общества — к правде о нем, и потому мы самый опасный враг для него. Можно назвать еще целый ряд резервов жизни, играющих тут роль. И учтите ко всему прочему различие точек зрения. С вашей точки зрения, например, вы с большим трудом нашли низкооплачиваемую ночную работу. А с Их точки зрения? Но Они же сами, как вы утверждаете, меня сюда направили, говорю я. Это не имеет значения, говорит Сменщик. Если раздуют дело, официально это будет выглядеть так, будто вы обманным путем (скрыв диплом) пробрались в ответственное учреждение и свили там антиибанское гнездо. И это будет правда, с точки зрения судей.

Где же выход, думал я, расставшись со Сменщиком. А за каким чертом тебе нужен этот выход? Да пропади он пропадом! Единственный выход из безвыходного положения — не искать никакого выхода, а пребывать в нем. Плевать на безвыходные положения! Да здравствуют жизненные тупики! И я поспешил в забегаловку.

СОБУТЫЛЬНИК

Каждая вошь стремится использовать тебя в своих интересах, говорит мне новый случайный собутыльник. И при этом не как-нибудь, а во имя интересов Государства, Народа, Братии, Института, Отдела, Искусства и прочей священной общности с большой буквы. И все врут, сволочи. И ничего не поделаешь с их враньем. Хочешь воевать с ними — сам выступай от имени Государства, Народа... А это значит — сам рвись в заведующие, директора, лауреаты... Значит, сам будешь с ними! И ведь единственный честный путь действовать ради Государства, Народа... — это послать на... всю их демагогию о Государстве, Народе... А кто ты тогда есть?.. То-то!

Потому-то я и положил на всех и на все с прибором... Осточертело все во как!.. Надо, брат, так настроить себя, чтобы не видеть ничего этого. И получать удовольствие просто оттого, что жив. Что пока на воле. И в общем сыт. И вроде бы одет. И выпить можешь. Чего тебе еще?! Живи, наслаждайся. И пусть они там сами разбираются между собой, кто во имя, а кто нет. Ты прав, говорю я. Хорошо так, если есть какие-то минимальные гарантии. А если их нет? Если тебя вот-вот лишат этого всего? А ты не лезь, говорит Собутыльник, вот тебе и гарантии. А если, говорю я, уже поздно? Случилось так, что ты влез. Тогда как? А у тебя есть гарантии, что не влезешь? Вот ты сегодня с шефом поругался. А ты уверен, что он это оставит без последствий? А если раздуют дальше? Я бы принял твою концепцию, если бы была гарантия, что возврата к прошлым порядочкам нет. А такой гарантии нет. Наоборот, все говорит о том, что поворот уже начался и идет на всех парах. Так что твой идеал скоро лопнет, как мыльный пузырь, хотя он и примитивен до безобразия. Неужели ты сам не чувствуешь? Твоя позиция Их вполне устраивает, но не как постоянная установка, а как временное средство. Потом Они с тебя шкуру сдерут. За что? За то, что не помогал Им активно. Нет, брат. Нейтрал в нашей жизни — сначала помощник Им, а потом — жертва. Ты меня не пугай и не агитируй, говорит Собутыльник. Все равно я другим не стану. Мы все равно другими не станем, и в этом суть дела. Все решает то, сколько в обществе таких, как я, как твой Сменщик, как ты, как Правдец, как Двuruшник... Чтобы у нас произошли реальные перемены, нужны определенные изменения пропорций лиц таких типов. А это — история, а не результат постановления или призыва. Сейчас в Ибанске количественное соотношение основных социальных типов людей таково, что возможен только возврат в прежнее состояние. Сроки, скорость и форма возврата зависят не от сопротивления лиц типа Сменщика, Правдеча и т. п., а от чисто технических возможностей властей восстановить статус-кво. И только от этого. Издадут наши власти указ вернуться в состояние, какое было при Хозяине, или указ не возвращаться, все равно мы в это состояние вернемся. Возвращаемся уже. Скорость возврата не увеличится, если завтра во всех газетах напечатают портрет Хозяина и призыв восстановить

его порядочки. Скорость возврата зависит от размеров страны, от числа людей, от числа учреждений, от иерархии учреждений, от иерархии власти и т. д. Она не может быть больше некоторого максимума.

Забегаловка постепенно заполняется всякого рода сбродом вроде нас. Крики, мат, дым, грязь, вонь. А уходить отсюда не хочется. И мы с Собутыльником постепенно упиваемся. И все окружающее нам уже не кажется убогим. Наоборот. Убожеством кажется все то, что вне забегаловки и этого скопления пьяных людей. Что за жизнь, говорит Собутыльник, — заранее переживать будущее зло! Делать предложение девушке с сознанием, что она тебе изменит! Заводить разговор с человеком с мыслью о том, что он настучит! Начинать книгу, зная о том, что ее не напечатают или, хуже того, что за нее тебе дадут по шее, если узнают о ее существовании! Еще несостоявшаяся радость несет с собой сразу же яд огорчения. Так что лучше ничего вообще не начинать. Пусть происходит неожиданно и случайно. Я шел сюда, не зная, что встречу такого приятного собеседника, — нечаянная радость. А вась баба какая-нибудь подвернется — маленькая, но тоже радость. И никаких априорных огорчений. Попробуй поживи так год-другой. Сам убедишься, что так лучше. У меня это не получится, говорю я. К тому же поздно. Вряд ли у меня будет этот год-другой для житейских экспериментов.

Не верь тому, что я тебе тут наплел, сказал Собутыльник на прощанье. Ничего из этой затеи все равно не выйдет. Только на время забудешься. Знаешь, какое открытие я сделал сейчас? Если даже кошмары времен Хозяина не повторятся, то общество обречено вечно жить под угрозой их повторения. Это проклятие на века. В основе нашего общества лежит преступление. А на преступлении нельзя основать безмятежно счастливую жизнь. Правдец прав, единственное спасение от этого кошмара памяти — полное и чистосердечное признание во всем. Но мы не способны на это. Мы стремимся и будем стремиться замалчивать. И потому мы никогда не забудем. Пока!

И мы разошлись, даже не пожав друг другу руки на прощанье. Кто ты, человек? Из какой судьбы ты возник? Куда ты ушел? Почему такие, как мы (как я, Сменщик, Собутыльник), не прилепляемся друг к другу? Встретимся раз-другой и расползаемся кто куда.

Заехал Чин и развел демагогию о том, что начальство не даром ест хлеб, ибо трудится больше всех и вкладывает в дело выдающиеся таланты. Мы не стали спорить: если человек убежден в правоте своих слов, его не переубедишь. Однажды, сказал Кандидат, когда Чин уехал, нас заставили обрабатывать данные, собранные одной закрытой социологической лабораторией. И мы установили строгий математический закон, который знали еще до обработки опытных данных: чем выше ранг руководителей, тем легче труд, меньше требуется талантов и выше вознаграждаемость. Именно большая легкость труда, меньшая надобность в таланте и лучшая вознаграждаемость являются самыми привлекательными качествами руководящей деятельности в Ибанске — истина, известная даже младенцам. А знаете, зачем социологи собирали сведения? С целью улучшения работы аппарата управления и очищения его от карьеристов. А видели вы где-нибудь публикации на эту тему? И не увидите. Это — сверхсекрет. Когда нам поручали обработку сведений социологов, с нас взяли подписку о неразглашении государственной тайны. Из-за нее меня до сих пор не выпускают даже в Берлин. Какой же это секрет, если все заранее известно даже младенцам, сказал я. Очень просто, сказал Физик. Во-первых, подтверждение. То, что мы знаем без социологии, это — лишь наше мнение. Его можно оспаривать, приводя противоречащие примеры. Во-вторых, масштабы и реальные величины. Пока ты знаешь, что начальство прожирает больше тебя, это естественно. А когда узнаешь неоспоримый факт, что оно прожирает больше тебя в сотни раз, это заставляет волноваться. Смешно, сказал Кандидат. В Лаборатории Творчества в те же либеральные времена разработали систему тестов для определения умственных способностей. Социологи попытались по ним исследовать соотношение способностей и ранга руководителей. Намерения были самые добропорядочные: оправдать существующее положение. И что же? Им запретили это делать в самом начале. Ходил слух, будто сам Заибан сказал однажды по пьянке, что им и без науки известно, какими дегенератами укомплектован у нас аппарат управления. Боже мой, воскликнул Физик, до чего же у нас все скучно!

Чего от нас хотят? Чтобы мы считали существующий порядок справедливым и наилучшим. Чтобы мы уважали и любили начальство. Чтобы мы любовались их кривляниями, считали их мудрыми и талантливыми. В общем, чтобы мы обеспечивали спокойствие и приятность их идиотского образа жизни. И больше ничего! Вот вам и вершина развития материи!! Физик начал последними словами поносить... таракана, который по глупости заскочил в кабинет Чина, который мы в данный момент изолировали от раздражающих звуков внешнего мира.

ЖИТЕЙСКИЕ МЕЛОЧИ

Зятю потребовались какие-то справки. Три часа потерял в самой вшивой конторе нашей системы всеобщего конторства — в домоуправлении, и без толку. Пришел домой злой, понося все на свете. Безобразие, кричал он. Каждая вошь над тобой куражится! Ты зря возмущаешься, сказал я. Ты же сам в своей последней статье писал о подлинно народном характере ибанской власти. И она действительно такова, ты сам сегодня испытал это на собственной шкуре. Зять сказал, что таких, как я, давно пора (что именно?), и ушел, хлопнув дверью. Опять надрызгается, мерзавец, сказала сестра.

Я попытался заснуть, но не смог. Стал думать, о чем бы я сейчас пожалел, если бы сию минуту пришлось расстаться с жизнью. И не смог назвать ничего. Вспомнил о Ней. Но мысль тут же ушла в унылое детство. Если в Ибанске человек становится отщепенцем, он погибает в силу своих внутренних психологических причин задолго до того, как его ликвидируют внешние силы. Мистика? Нет. Я такого рода примеры встречал в работах историков, изучавших первобытные народы. Очевидно, человеческое «я» есть лишь постольку, поскольку есть какое-то «мы», с которым оно органически связано. Отрицание «мы» имеет следствием отрицание «я» — законное наказание за дерзость восстания против самой природы ибанского общества, против самой глубинной основы общественности вообще.

В конторе меня ожидало новое наваждение, совместное заседание Жилищной Комиссии и представителей Дирекции, Месткома и Бюро. Оказывается, Конторе

выделили десять квартир. А включенных в очередь нуждающихся по меньшей мере полсотни. И по меньшей мере полсотни нуждающихся сотрудников не имеет перспектив даже быть включенными в очередь: или потому, что у них на каждого члена семьи приходится чуть-чуть больше минимума метров, либо по другой причине. Меня, например, когда брали на работу, предупредили, чтобы я не рассчитывал получить жилье за счет Конторы. И заставили подписать бумажку, что я претензий по этой линии не имею. А сколько молодых специалистов готово подписать любую бумажку, лишь бы не ехать на периферию! Комиссия заседала до полуночи. Ближайшие претенденты ждали и переживали. Зрелище — для античной трагедии. Нескольких отпаивали лекарствами. Двоих отвезли на «скорой помощи». Претенденты один за другим подходили ко мне и изливали душу. И странно, я не заметил ни одного случая, чтобы положение было действительно катастрофическим. Помню, когда нам на шесть человек дали двухкомнатную квартиру, мы были безумно рады. А тут сражение шло за комнату на двоих и даже на одного. Прогресс! И страсти пропорционально возросли.

Потом мы разговаривали на эту тему со Сменщиком. Я все это и раньше замечал, сказал я. Но никогда не придавал значения. Знаете, среди некоторой части наших идиотов еще пользуется успехом принцип: быть выше житейских мелочей. Удобный принцип, сказал Сменщик. Раньше им пользовались повсюду. Теперь поклонников у него все меньше и меньше. Я под его обаянием всю жизнь проходил. Удобный принцип. Для начальства, конечно. Да и для нищеты тоже. Успокаивает. Внимание отвлекает. А заведующий справочной группой умер от инфаркта, сказал я. Квартиру вместо него дали какому-то Холую, родственнику Начальника Главка. Ничего себе братство! Борьба между людьми за жизненные блага — извечный закон человеческого бытия, сказал Сменщик. Это тривиально. Важно установить, в чем конкретно в данном обществе заключаются жизненные блага, за которые идет борьба, какими средствами она ведется и кто имеет преимущества в этой борьбе. Одно дело — борьба за более легкую работу, за грошовую надбавку к зарплате, за дополнительный метр жилплощади... Другое дело — борьба за работу, требую-

щую отдачи всех сил и способностей, но дающую большие средства существования, за большие прибыли, за более высокое качество продукции, за новые рынки сбыта... Если, например, борьба идет за обладание женщиной и борющиеся имеют в своем распоряжении лишь зубы, мускулы и дубины, получится один эффект. Если борющиеся имеют при этом в своем распоряжении смазливую рожу, острый язык и способность танцевать, получится другой эффект. Если же борющиеся располагают или не располагают такими средствами, как возможность устроить в институт, на хорошую работу, в аспирантуру и т. п., повысить зарплату, дать премию и т. п., то получится уже третий результат. В одних случаях в борьбе имеет преимущество талантливый, образованный и добросовестный человек. В других — бездарный холуй и жулик. Я вовсе не утверждаю, что общества строго различаются набором всех этих показателей. В любом обществе найдешь все примеры. Я утверждаю лишь то, что в каждом типе общества что-то преобладает, воспроизводится, поощряется, имеет преимущества. Собственно говоря, именно это-то и определяет тип общества и его главную тенденцию. Посмотрите на наше ибанское общество. Какие жизненные блага стали у нас предметом борьбы? Все самые необходимые и обычные: еда, жилье, одежда, отдых, зрелища. Что становится главным оружием в борьбе за это? Социальное положение. Место в служебной иерархии. Личные связи (знакомства, взаимные услуги, блат, взятки). Кто имеет преимущества? Это известно даже младенцам. Отнюдь не талант, не бескорыстный трудяга. А интриган, карьерист, хануга, холуй, приспособленец, доносчик, бездарь, серость. Разумеется, есть исключения. Местами даже могут преобладать иные, противоположные качества. Но в целом и в главном дело обстоит именно так, как сказал. Именно это, а не лозунги, программы и прочие идеологические штучки определяют основные черты нашего общества и его основные тенденции. Они лишь оформляют, украшают, усиливают и охраняют эту прозаическую суть дела. Выходит, спросил я, навечно? Не обязательно, сказал Сменщик. Какая-то часть людей, начав борьбу против этого, может породить другую тенденцию. Может сложиться устойчивая традиция такой борьбы. Могут изобрести защитные средства. Могут сложиться влиятельные

сферы жизни, без которых общество не может жить и в которых картина будет иной. Да мало ли что может произойти. Человечество найдет выход. Или погибнет. В лучшем случае — превратится в окончательную мразь. На это нужны века, а не годы, сказал я. Ну и что, сказал Сменщик. Мы же с вами пока живем. Мы кое-что понимаем. И кое-что вносим в желаемый поворот истории. Слабое утешение, сказал я. Физик считает, что все наше шебаршение не оставляет никаких следов в истории. Оно социально не ощущается, как мы не ощущаем ультразвук. Вот Правдец... Как знать, сказал Сменщик. И Правдцы выходят из таких, как мы. К тому же дело не в этом. Если ты окружен жестоким и беспощадным врагом, выход один: дерись до последнего вздоха.

Вы получили эту жизнь в готовом виде, сказал Сменщик. У вас нет чувства вины. А я это общество строил. Защищал. Оправдывал. Я вот сейчас пытаюсь подсчитать, сколько человек в свое время погибло и пострадало по моей вине. Страшно... У нас за преступления многих всегда расплачиваются одиночки. Я еще и сейчас не уверен в том, что прав я, а не Они, мои бывшие соучастники. К тому же у вас впереди еще есть какое-то время, а у меня — нет. У меня его тоже нет, сказал я. Но у меня и прошлого нет. Нет даже чувства вины — по крайней мере, этого настоящего человеческого чувства. И выбор у меня простой: либо я вместе со всеми участвую в нелепой ритуальной пляске разукрашенных дикарей нашего просвещенного века, либо я должен стать ритуальной жертвой в их идиотской оргии. Третьего не дано. И я чувствую, что меня сейчас как будто специально готовят именно для роли ритуальной жертвы. И никто не отдает себе отчета в реальной сущности происходящего. А мы еще гордимся тем, что познали законы природы и общества, и высоко смотрим на чудом уцелевших музейных дикарей, на древних египтян, инков, ибанских язычников и прочие недоразвитые (на наш просвещенный взгляд) народы. Но к чему все это?! Ни к чему, сказал Сменщик. Просто так. Просто это есть нормальная жизнь этого трижды нормального общества. Это — его натура. И знаете, что меня больше всего страшит? То, что я не вижу никаких иных средств улучшения, кроме тех, которые декларирует наша официальная идеология и демагогия, — кроме реальной борьбы за воплощение идеалов ибанизма в жизнь.

Пришел Поверяющий. На сей раз не один. Его сопровождал человек, принадлежность которого к ООН ощущалась даже через запертую дверь. Поверяющий остался вместо меня на посту, а мы с Сопровождающим ушли в кабинет Директора. Вы догадываетесь, откуда я? — спросил Сопровождающий. Вижу, ответил я. Прекрасно, сказал он. Вам, очевидно, известно, кто такой ваш сменщик. В общих чертах, сказал я. Он пытается установить с вами контакты, не так ли? — спросил Сопровождающий. Мы изредка с ним встречаемся по службе, сказал я. А вне службы? — спросил он. Иногда, сказал я. В забегаловке, по поводу полочки. И о чем вы разговариваете? — спросил он. О чем все говорят, сказал я. Обо всем. А конкретно, спросил он. Не помню, сказал я. Я не стремился запоминать. К тому же это обычно полупьяный сумбур. В нем нет никакой последовательности и связи. Хорошо, сказал он. Вот вам списочек вопросов. Я его оставляю вам. Постарайтесь ответить на них. Потом поставьте здесь свою подпись. И не валяйте дурака, вы же не младенец. Содержание ваших бесед со Сменщиком нам хорошо известно и без того. Мы вам даем шанс. Учтите, это — последний шанс. Утром я зайду к вам.

Потом позвонила Она. Сказала, что безумно скучает, но прийти не может. Грипп. Так что дней пять мы не увидимся. Потом я перелистал вопросник. Десять листов. На первой странице вверху напечатано: Я... (фамилия, имя, отчество, год рождения, партийность, национальность, место жительства, место работы) считаю своим долгом сообщить следующее о моих отношениях с... (фамилия, имя, отчество и прочие известные вам сведения). Затем все двадцать страниц — вопросы с левой стороны страницы, а с правой — место для ответов. В конце двадцатой страницы — место для даты заполнения и подписи. Более ста вопросов. Бог мой, каких только среди них не было! Что говорило упомянутое лицо о Заведующем, об ибанском искусстве, о внешней политике, о западном образе жизни, о Правдце... Не замечал ли я, что упомянутое лицо занимается гомосексуализмом, спекуляцией, совращением малолетних, сочинением и распространением текстов... Вопросник меня заинтересовал, и я даже забыл на время, для какой

цели он оказался передо мной. Данные интересующего Их лица — Сменщика — уже были впечатаны в анкету на машинке. Оказывается, он не такой еще старый. А выглядит как дряхлый старик. Любопытный документ, эта анкета-вопросник!! А что, если передать ее кому следует?! Вот шумок поднимется! А кому? У меня же никаких знакомств и связей. Сопровождающий сказал, чтобы я не валял дурака. Связаться с кем-нибудь Они не дадут. Это ясно. Ну что, многоуважаемый Правдец, как бы ты поступил на моем месте? Ходит слух, что даже ты в свое время кое-что подписывал. И что-то не слышно было, чтобы ты этот слух опроверг. Так как же? Вот я сейчас возьму и разорву эту анкету. И что? Поза! А для кого? Нет, на этом тоже только идиотов ловят...

Опять позвонила Она. Говорит, не спится. Говорит, думает о нашей будущей квартирке. Скоро отпуск. Может быть, вместе махнем на юг? Конечно, вместе. У нее блат в месткоме. Пара путевок гарантирована. Ну, не скучай. Целую, пока!

Зачем все-таки это Им нужно? Ведь человека нет давно. Одна тень осталась. А я? На что я им нужен? Кто я такой, с их точки зрения? Ничтожество. Полоумный. На что я-то им? Нужен, значит. Раз работают, значит, нужен. Самый трудный час, говорит Сменщик, не тот, когда ты ждешь приговора. Тут от тебя уже ничто не зависит. Тут выбора нет. Самый трудный час — это когда надо сделать выбор: или на эшафот, или домой в теплую кровать. И выбор зависит только от тебя самого. Верно! Но выбор-то приходится делать разным людям в разных условиях. И есть еще форма или способ сделать этот выбор. И цели. И тактика. Мне на Них, в общем, плевать. И что будет со мной — тоже плевать. И не из-за желанья попасть в теплую кровать. Я не могу объяснить почему. Я мог порвать анкету. Но это — поза для литературы и для воспомина- ний уцелевших. Дело, в конце концов, не в том, заполню я ее или нет, а в том, как я ее заполню, если буду запол- нять. Заполнять ведь тоже можно по-разному. Уловка? Возможно. Без уловки нельзя. Без уловки тебя все равно раздавят как идиота. Уловка перед самим собой? Ну и что. Без этого не найдешь лучшего решения. С какой точки зрения лучшего? Все упирается в одно: чего ты хочешь! Пока я хочу выстоять, уцелеть. Не ради спасения своей шкуры. Я чувствую, что я могу Им подложить свинью.

И где-то в глубине души хочу этого. И хочу, чтобы моя свинья была поболее. А вдруг удастся?! Ты же, Сменщик, сам говорил мне как-то, что надо сумеешь жизнь продать подороже!

И я начал заполнять анкету. И мне даже весело стало. Главное — заполнить так, чтобы она не могла стать документом против Сменщика. Это уже вопрос литературной техники. Чтобы никакой кусочек из нее нельзя было изъять в качестве свидетельского показания. Или хотя бы чтобы он звучал издевательски и смешно. Поэтому я ради точности снабдил все речи Сменщика отборным матом. Например, на вопрос о том, что Сменщик говорил об ибанской литературе, я написал: он говорил, что наши интеллектуалы считают наших ибанских писателей проститутками и м...и, а напрасно, так как наши писатели точно отражают нашу жизнь (надо только уметь читать их), и пишут они для народа, а народ любит именно то самое, что они для него пишут. А на вопрос о том, что Сменщик говорил об ибанских руководителях, написал: он говорил, что они вовсе не такие уж кретины, как думают наши оппозиционеры и на Западе. На вопрос же о том, что Сменщик говорил об ООН, написал: он говорил, что интеллектуальный и нравственный уровень ООН сейчас неизменно выше таковых Академии Наук, Союза Писателей, Союза Художников, Союза Композиторов и прочих творческих организаций Ибанска. В таком духе я заполнил всю анкету. Конечно, поза получилась не очень театральная. Но мне не предстоит стоять перед судом истории.

Утром пришел Сопровождающий. Мельком просмотрел анкету. Негусто, сказал он. Впрочем, для начала сойдет. Он уверен, что будет продолжение, а я уже не надеюсь даже на это.

ЗАКРЫТОЕ СОВЕЩАНИЕ

У входа в контору меня ждал... Неврастеник. Мне с тобой серьезно надо поговорить, сказал он. Ты знаешь, конечно, что состоялся закрытый Пленум по вопросам идеологии? Хотя мне хотелось спать и совсем не хотелось разговаривать с Неврастеником, я невольно настоужился. И тебе известны подробности? — спросил я.

Кое-что, сказал он. Это «кое-что» оказалось довольно солидным: Неврастеник бубнил мне больше часа. Трудно сказать, что в его сообщении было правда, что слухи, что собственные домыслы. Да это не важно. Важен лишь сам факт Пленума на эту тему и его общая ориентация. А тут и без знакомств в высших сферах заранее ясно: ослабили воспитательную идеологическую работу, притупили бдительность, допустили nepзволительную терпимость к влиянию враждебных теорий, нарушали принцип партийности и т. д. и т. п. А что мне до всей этой бодяги, спросил я, когда Неврастеник исчерпал свои сверхсекретные сведения. Судя по всему, сказал он, нашу историю опять будут раздувать. У меня к тебе в связи с этим просьба. Не мог бы ты написать письмо... И он путано начал объяснять мне, какого рода письмо требуется: я должен помочь ему выбраться сухим из воды и переключить огонь на себя, поскольку мне теперь все равно, а у него докторская погорит. Могут и выгнать. В общем... В общем, сказал я, я согласен. Только как это сделать конкретно, думай сам. Лишь бы я не выглядел подонком и идиотом. И потом, мое письмо — это глупо. Пусть кто-нибудь еще напишет, а со мной пусть придут побеседовать. Так лучше будет. Это — идея, сказал обрадованный Неврастеник. И мы дружески расстались.

Идея Неврастеника проста: вали все на меня! Но он — благородный человек. Он должен согласовать это со мной, предупредить. Кретин! Если мне суждено сыграть в истории роль, какую ты мне хочешь навязать, так не от тебя это зависит. Но скорее всего он — не кретин. Наверно, он что-то пронюхал и на этот счет. И на всякий случай подыгрывает. И нашим, и вашим. Больше вашим, чем нашим. Представляю себе, какая суетня теперь идет в наших идеологических кругах! Точнее — в Их кругах! В рассказе Неврастеника мелькнуло выражение «идеологическая диверсия». Я сначала не обратил на него внимания. Мало ли у нас таких выражений употреблялось!.. Но сейчас, кажется, оно мелькнуло не случайно. По всей вероятности, именно в этом суть дела! Для меня важно не столько то, что будет зажим (это не ново!), сколько то, в какой форме он будет осуществляться. Если в форме борьбы с идеологическими диверсиями, то Неврастенику не поздоровится. Ну и мне, само собой разумеется. И еще неизвестно, кому больше.

Кажется, этот прохвост хочет выглядеть невинной жертвой... чьей?.. Очевидно, моей. А то и поглубже. Через меня — жертвой Сменщика? Впрочем, хватит. Так можно додуматься бог знает до чего. А откуда он узнал, что Сменщик работает вместе со мной?

ШАНТАЖИСТ

В забегаловке к нам подсел веселый, подтянутый мужчина лет пятидесяти. Разговор пошел о ничего не значащих пустяках. Но я все время ощущал в речах собеседника какое-то глубоко скрытое напряжение. Кто такой? — спросил я Сменщика, когда наш собеседник ушел. А вы разве его не знаете, удивился Сменщик. Это же Шантажист. Фигура в Ибанске довольно известная. Многие считают его сумасшедшим. Не без этого, конечно. У нас в Ибанске без этого нормальный человек не может обойтись. Но если даже он сумасшедший, это — очень сильный и опасный кое-кому человек. И Сменщик рассказал мне историю Шантажиста.

Еще в юности Шантажист начал собирать вырезки из газет и журналов, фотографии. Записывать анекдоты и слухи политического характера. Что его побудило начать заниматься этим, неизвестно. Во всяком случае, когда Хозяин в свое время расправился со своим Конкурентом, Шантажист по свежим следам проделал свое расследование убийства Конкурента и насобирал кучу интересного материала. А ведь он тогда был совсем мальчишка! Потом — война, и новые материалы. После демобилизации сбор и обработка материалов, обличающих режим Хозяина, стали делом его жизни. Потом Хозяин умер. Речь Хряка. Либеральная эпоха. Шантажист сильно переживал: опоздал! Но вскоре он понял, что дело не только и не столько в Хозяине. И еще понял, что судьба дает ему неповторимый шанс: время! И он занялся своим делом всерьез и профессионально. Окончил два факультета. Жил впроголодь. Работал за десятерых. И создал целую систему сбора документов, свидетельских показаний, фактов и т. д. Ему поставляли информацию даже крупнейшие лица Ибанска (не зная, конечно, для каких целей и куда идет информация). Он собрал компрометирующие до-

кументы на всех ведущих руководителей. Например, он достал фотокопии с нескольких десятков доносов, которые еще в юношеские годы и затем в годы начала своей карьеры писал на своих друзей и коллег Теоретик. Дело Конкурента он расследовал до самой глубины. Несмотря на многократные чистки, уцелело, оказывается, несколько десятков косвенных и несколько прямых свидетелей. Потом — новое огорчение: выступления Правдеца. Однако и это пошло ему на пользу. Он сократил работу в этом направлении и полностью сосредоточился на более важных сторонах ибанской жизни. Короче говоря, за тридцать с лишним лет такой деятельности он собрал материалы огромной обличительной силы, обработал их в книгу. И какую! Десять огромных томов. Переправил ее Туда. Там нашлись заинтересованные лица. Книгу надежно спрятали в какой-то банк. Эксперты оценили ее в полмиллиарда!!! Составили завещание, в котором учли все возможные случаи. Например, если Шантажиста посадят в тюрьму или в сумасшедший дом, книгу начнут немедленно издавать. Книга хранится как золото или бриллианты. Банкирам выгодно. И прочим участникам дела какая-то доля перепала. А издание книги будет вдвойне выгодно. Причем весь гонорар он завещал употребить на оплату статей в газетах и журналах, передач по телевидению и радио, кинофильмов и т. д. Все продумано. Удар получится грандиознее, чем было с книгой Правдеца. Пока он не хочет печатать книгу. Он, видите ли, ибанец. И хочет добра ибанскому народу. А книга, как он боится, сейчас может принести только вред. Он хочет, чтобы ибанцы стали жить на уровне западных народов. Хочет спокойного обсуждения путей к этому. Впрочем, кто его знает, какие у него замыслы.

Насколько всему этому можно верить? — спросил я. Трудно сказать, ответил Сменщик. Я его знаю давно. Иногда он высказывается так, что производит впечатление в высшей степени осведомленного человека. Иногда его суждения мне кажутся фантастическими. Не берусь судить. Вместе с тем откройте хотя бы сегодняшние газеты. Даже теперь можно сделать не один десяток вырезок, которые через десять лет могут стать обличительным материалом. А ведь в те годы у нас в прессе не церемони-

лись. Была полная уверенность в безнаказанности. А либеральные годы?! Разоблачительные материалы буквально валялись под ногами. Так что нет оснований не верить ему. А как к этому относятся в ООН? — спросил я. Знают, ответил Сменщик. И пока они не решаются его взять. А вдруг?! Как-то они решили раскопать кое-какие его дела. Тогда он и всучил им фотокопию одного из доносов Теоретика. И предупредил, что, если они не прекратят, его книгу начнут печатать по условиям завещания. Представьте себе, прекратили! Шантаж, сказал я. Нет, сказал Сменщик. Тут серьезнее. Если нет Бога, функции следователя, прокурора и судьи может взять на себя любой человек. Это его моральное право. А разве Правдец не выполнил именно эту роль?! Не шантаж, а угроза разоблачения безнравственной и бесчеловечной подоплеки поведения отдельных людей, групп и целых слоев населения. И даже целых народов. Если допустить, что такая книга есть, каков будет эффект от ее публикации? — спросил я. Думаю, что колоссальный, ответил Сменщик. Он может перейти все границы и стать смертельно опасным для ибанского народа вообще. Дело в том, что в мире сейчас назрели огромные антиибанские силы. Если их объединить, дать им знамя, оправдание, удар может получиться сокрушительный. Книга Правдца была первой стихийной попыткой такого рода. А если будет более всеобъемлющий материал и сознательная широкая организация реакции на него?! По-моему, опасения Шантажиста вполне здравы. Я бы на его месте тоже не сразу решился бы на публикацию таких материалов. А может быть, вообще не решился бы. Вы поймите, для таких людей не играет роли известность, успех и прочие земные блага. Они не корыстны и не тщеславны. У них другие мотивы и цели.

Всю ночь я обдумывал проблему Шантажиста. Несколько раз звонила Она (я уверен, что Она), но я не снимал трубку. И спать мне не хотелось. Я искал в себе силы и способности сделать нечто подобное. И в конце концов решил проблему тривиальным образом: если бы я даже захотел повторить дело Шантажиста, мне бы не дали этого сделать. Время не то. И судьба моя не та. У меня другая судьба. И я не волен изменить ее. Правдец явил образец Суда. Шантажист навис над ними как постоянно действующая угроза расплаты в будущем. А я? Я —

ягненок, которого вот-вот должны принести в жертву нашим Ибанским Идолам. Я — лишь песчинка в том материале, который соберет будущий Шантажист. Если, конечно, эта песчинка попадет в поле его внимания. Молю, чтобы она попала. И ничего больше мне не надо. Пусть хотя бы песчинка. Хотя бы даже без имени.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ИБАНЦЫ

Удивительное дело, сказал Физик. Я бывал в самых разнообразных компаниях: академиков, писателей, генералов, министров... Я был однажды в гостях даже у Самого! И повсюду одни и те же разговоры: жратва, тряпки, квартиры, дачи, машины... В лучшем случае — бабы. Менялись только уровни и виды. И лишь чуточку — выражения. Академик, например, говорил «переспать», генерал — «отодрать», министр — «задуть», писатель (как самый воспитанный, естественно) — «еб...ь». А так — одно и то же везде. И только после того, как меня вышибли отовсюду, я стал иногда вести с людьми содержательные интересные разговоры. У кого что болит, тот о том и говорит, сказал я. Нам не остается ничего другого, кроме умных разговоров на социальные темы. Кстати, сказал Кандидат, кооперативные квартиры подорожали вдвое. А цены на золото увеличили вдвое, сказал я. Золото — черт с ним, сказал Кандидат. Напрасно, сказал Физик. Это — самый точный показатель. В ближайшее время все товары подорожают по крайней мере вдвое, помяните мое слово!

Потом Кандидат предложил свою новую модель ибанского общества: много-много тараканов и клопов, поменьше муравьев и пчел, еще поменьше обезьян и попугаев (для искусства и идеологии, разумеется), во главе всего этого поставить полчища крыс, и поселить это сообщество в районе помойки. Идея Кандидата вызвала живой интерес у всех членов нашей бригады. Мы прекратили работу, развалились на куче строительного мусора и принялись разрабатывать ее в деталях.

Потом мы опять заговорили о предстоящем идеологическом зажиме. Что-то будет, сказал я. Ничего особенного, сказал Физик. Будет то же самое, только еще хуже. А что касается нас, могу вам нарисовать точную перс-

пективу. Слушайте! Идеологическая диверсионная группа Сменщика своевременно разоблачена сотрудниками ООН и по заслугам обезврежена, — так сообщат в прессе. Помимо Сменщика, в группу входили Ночной Сторож, Физик, Кандидат, Собутыльник и Секретарша. Диверсанты пытались затянуть в свои сети Неврастеника и Чина, но им вовремя помешали. После разоблачения группы ибанский народ еще более уверенно двинулся вперед к зияющим высотам полного изма и начал (под мудрым руководством, конечно) поднимать окончательно запущенное сельское хозяйство. Из Америки привезли десять живых коров (блестящий пример разрядки напряженности!). Забыли, правда, закупить быка. Однако наши мужественные разведчики приложили титанические усилия и достали бычка. Но он, увы, оказался уже непригодным для этой цели. И тогда замечательные ибанские ученые изобрели механических коров, которые жрали ужасающе много силоса (как живые!), но пока еще не давали молока. Ученые взяли на себя обязательство научить их этому к концу пятисотой пятилетки. Какая дерзкая мечта! Капитализму такое не под силу! Кандидат надрывается от хохота. А мне почему-то не смешно. Мне грустно.

ТЕОРЕТИК

Доклад на Юбилейном Заседании делал сам Теоретик. А что за Юбилей? Газет я не читаю теперь. Впрочем, черт с ним, с Юбилеем. Важно не то, какой Юбилей, а то, что доклад зачитывал Теоретик.

Теоретик — Заместитель Заведующего Ибанском по вопросам идеологии. Поскольку в Ибанске все пронизано идеологией, то Теоретик хозяйничает над всем Ибанском в идеологическом разрезе. Роль его при этом настолько значительна, что его побаивается даже сам Заибан. История Ибанска не знает ни одного примера, чтобы решающая роль в снятии или назначении Заибана не принадлежала Теоретику. Только Начальник ООН может конкурировать с Теоретиком во влиянии на ход дел в Ибанске. Теоретик — необычайно глупый и невежественный ибанец. Среди высших руководителей глупее и невежественнее его не бывает никто. Даже

от прочих ибанских руководителей Теоретик, как правило, отстаёт на пятьдесят лет. К тому же он необычайно злобен. По любому вопросу он прежде всего требует поставить к стенке. Кого и за что, не имеет значения. Поставить, поскольку заслужил! И для примера! И лишь после этого он пытается осознать, кого он велел поставить к стенке и за что. И вообще, какой вопрос обсуждается. Теоретик беззаветно предан делу, которому служит и о котором имеет весьма смутное представление из немногочисленных цитат из классиков, которые для него выискивают помощники и референты. Именно эти качества и дают Теоретику колоссальные преимущества. Он очень крепко держится за свое место. Обычно он пересиживает по крайней мере трех-четырёх Заибанов. Все попытки конкурентов спихнуть Теоретика кончаются крахом. Если он уходит, то уж насовсем: в Стену. А это бывает редко, ибо Теоретик как человек слабого здоровья живет бесконечно долго. Зато Теоретику закрыта дорога в Заибаны. В Ибанске еще не было случая, чтобы Теоретик стал Заибаном. Это — в полном согласии с ибанской историей, в которой светская власть всегда торжествовала над духовной. Теоретик имеет большое число помощников и референтов, которые составляют для него речи и доводят до его сумеречного сознания, о чем говорят окружающие и что надлежит ему самому говорить и делать. Собственно говоря, для него делать — значит говорить, так что слово «делать» здесь излишне. Помощники и референты составляют часть личности Теоретика и сами по себе никакими признаками не обладают. С другой стороны, и он без них ничто. Так что целостное явление тут образует весь аппарат, возглавляемый (или завершаемый на вершине) Теоретиком. Характеристика Теоретика есть характеристика этого аппарата. А последний грандиозен. Мы с Кандидатом как-то решили подсчитать, сколько человек занято в этом аппарате. Но потом плюнули на это дело, ибо огромное число людей, занятых в других сферах жизни, так или иначе выполняют идеологические функции (подобно тому, как функции сотрудников ООН выполняют миллионы ибанцев, не имеющих прямого отношения к аппарату ООН). Так что ибанская система власти в полном смысле слова есть самодетель-

ность населения. И для нашего начальства проблема заключается в том, чтобы пробудить самодеятельность населения в желаемом направлении, как это бывало ранее, чтобы население само с радостью начало то, что пока начальству приходится решать в виде своих распоряжений и брать на свою совесть, попадая тем самым в положение ответственных перед миром и историей. А чтобы найти средство пробудить население и взять всю ответственность и исполнение на себя, нужна идеологическая подоплека и идеологическое оформление. И начальство эту штуку давно ищет. Пока безуспешно. И пока магическая формула не будет найдена, Теоретик будет фактически фигурой номер один в системе нашей власти. Он возглавляет главную задачу настоящего момента — оформить людскую злобу в приличную форму и направить ее в нужном направлении.

Когда я закончил эту импровизацию, Сменщик сказал, что она, к сожалению, верна. Но по его мнению, и на сей раз у Них ничего не выйдет масштабного. Зато дров наломают, сказал я. Наломают, сказал Сменщик. Они все время выкручиваются за чужой счет. Обидно, голову Они нам скрутят, а зря. Даже для себя Они из этого не извлекут никакой пользы. Бедненькие, сказал я. Мне Их жаль. И помочь мы Им бессильны. Если бы я смог, устроил бы Им настоящую идеологическую диверсию. Но ей-богу, я не знаю, что это такое. Да и где ее взять?!

ДОЗВОЛЕННОЕ И НЕДОЗВОЛЕННОЕ

После книги Правдеца в Ибанске стали в большом количестве выдавать разоблачительные статьи, очерки, рассказы, фильмы, спектакли. Но удивительное дело, на них не обращали внимания или плевались, хотя временами разоблачения бывали даже в более резких выражениях, чем у Правдеца. Очевидно, правда — штука не такая-то простая, ее трудно подделать. Потому-то даже проверенные ибанцы в официально допущенной правде сразу чуют ложь. Раз правда одобрена официально, она самим актом одобрения впитывает в себя ложь. Или она потом запрещается. Попробуй найди где-либо разобла-

чительную речь Хряка! А она — лишь одна сотая доля правды. Даже слабое обличение, идущее от души и мнущее официальные каналы, производит неизмеримо больший эффект, чем все официально дозволенные признания, вместе взятые. Подлинная правда запретна по существу, независимо от ее размеров.

Моя Секретарша достала (по блату, конечно!) пару билетов в Главный Театр. Показывали как раз такой необычайно смелый обличительный спектакль. Я еле досидел до конца. Очень интересно было, не правда ли, сказала Она. Да, сказал я. Особенно мне понравилось то, что в списке действующих лиц персонажи расположены не по степени важности их ролей в спектакле, а по бюрократическим рангам. Министр произносит лишь одну фразу, а в списке действующих лиц идет первым, играет его Народный Артист, и получил он наверняка в два-три раза больше, чем артистик, игравший вора. Не придирайся к пустякам, сказала Она. Главное — как здорово они стукнули по репрессиям! Видишь, если можно, у нас сами критикуют. Критикуют, сказал я, но как?! Обрати внимание. В пьесе один злодей и два холуя на согню хороших персонажей. А как было в реальности? Много ли... не то что честных и смелых... хотя бы более или менее мягких судей, следователей, охранников и т. п. приходилось на океан злобных, трусливых, продажных, жадных и т. п. подонков и мерзавцев?! А сейчас как? А посмотри нашу контору!

Одним словом, мы крупно поругались и разошлись не попрощавшись. Потом Она звонила и плакала. Потом я звонил и просил прощения за резкость. Потом... Потом... Потом...

Никаких ПОТОМ!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В высших сферах произошли серьезные перестановки в руководстве, говорит Сменщик. Что собой представляют вновь назначенные люди? Общего признака у них нет, говорю я. Кто хуже, кто лучше, кто такой же. А в общем, какое это имеет значение?!

И в самом деле, имеет ли это какое-нибудь значение?

Действующие лица нашей истории совершенно одинаковы. Различия их настолько ничтожны, что иностранцы их вообще не замечают. Чтобы заметить их, надо родиться и вырасти в Ибанске и достаточно длительное время вращаться в данной сфере ибанской жизни. Например, если ты никогда не сталкивался по своим делам со Старым Академиком и Молодым Академиком, то тебе даже в голову никогда не придет мысль, что это — не одно и то же лицо. А между тем для ибанцев, занятых в этой области, разница между ними колоссальна: Старый Академик для них — подлинный ученый, светоч прогресса, образец мужества и порядочности; а Молодой Академик — безграмотный и бездарный болтун, спекулирующий ученым званием, черносотенец, холуй и продажная тварь. Когда в Ибанске стали модными идеи механизации интеллектуальных и творческих потенций человека, были созданы две лаборатории — одна для изучения творчества Старого Академика, другая для изучения творчества Молодого Академика. Когда потом попытались с помощью машин установить, кто является автором заданного текста — Старый или Молодой Академик, — то потерпели неудачу. Машины оказались не способными различать их тексты и устанавливать их авторство. Однако это не обескуражило ибанскую науку. Наоборот, именно это обстоятельство позволило сделать гордый вывод о том, что машина никогда не сможет полностью заменить человека в его интеллектуальной деятельности. А между тем рядовой научный сотрудник Циник с завязанными глазами на слух по одной лишь фразе мог точно сказать, взята эта фраза из работы Старого или Молодого Академика. Другой научный сотрудник Ловкач несколько уступал Цинику: ему для той же цели иногда требовалось послушать две фразы. Но это и понятно. Дело в том, что Циник первые десять лет своей деятельности писал работы только за Старого Академика, а последующие десять — только за Молодого. Тогда как Ловкач писал попеременно как за того, так и за другого. Точно так же невозможно различить взаимоотношения действующих лиц без специальной подготовки и знания конкретной ситуации. Например, Дегенерат и Сука суть непримиримые враги в один период времени по данному вопросу, но они же нераз-

лучные друзья в это же время по другому вопросу или в другое время по этому же самому вопросу. Причем Дегенерат друг Старому Академику в то время, когда последний враг Молодому, а Молодой друг Прохвосту, который враг Дегенерату, но друг Старому Академику и Суке, которая враг Дегенерату и т. д. Однажды Сопляк попытался установить взаимоотношения действующих лиц с помощью бесконечномерного графа и потерпел неудачу. Оказалось, что тут нужна не математика, а диалектика, ибо как только Сопляк приходил к концу решения своей задачи, отношения действующих лиц в корне менялись, и вся проделанная работа шла насмарку. Именно это обстоятельство позволило младшему научному сотруднику без степени Червяку сделать следующий вывод. Бессмысленно выяснять взаимоотношения действующих лиц ибанской истории, ибо они неустойчивы. А неустойчивы они потому, что они несущественны. Существенно здесь иное, а именно — какие действия и как будет совершать данное активное лицо независимо от его взаимоотношений с другими. Можно точно установить лишь основные характеристики индивидов, которые постоянны. Например, Теоретик и при Хозяине, и при Хряке, и при последующих Заибанах всегда требовал закручивать гайки и ставить к стенке. Это — его атрибут не как данного конкретного лица, а как определенной функции. Вместе с тем только лицо с такого рода качествами может быть допущено до этой функции. Так что это есть и свойство данного конкретного лица.

Не имеет значения, говорю я, кого сняли и кого назначили взамен. Важен лишь сам факт смены: раз уж она произошла, то будут приняты более жесткие меры, чем обычно. Какие же, например? — спрашивает Сменщик. Не мне вам говорить об этом, говорю я. Думаю, что на сей раз кое-что перепадет и нам. Вам что-нибудь говорит такое выражение: идеологическая диверсия? Ах вот оно что, говорит Сменщик. Теперь мне многое стало ясно. Знаете, меня ведь вызывали в одно место. И беседу имели... Идиоты, говорю я. Круглые идиоты! Халтурщики! Бездари! Обленились! Они даже провокацию толком организовать уже не могут!

О ПРАВДЕЦЕ

А кто такой Физик? — спрашивает Она. Старый знакомый, говорю я. Вместе работали. Это, случайно, не тот самый? — спрашивает она. Тот, говорю я. Кстати, он погорел из-за Правдцеа. Когда книга Правдцеа вышла на Западе и просочилась в Ибанск, Физик организовал кружок по ее изучению. Причем сделал это открыто. Заседания кружка проводил прямо в Лаборатории. Власти долго ничего не могли с ним поделывать: сам величина, тесть величина. Но в конце концов нашли подходящего провокатора из его учеников, запутали и устроили дело. Лишь из почтения к его прошлым заслугам (а скорее всего, благодаря хлопотам тестя) его не засадили. Расскажи еще что-нибудь о Правдцее, говорит Она. Мне интересно. Судьба Правдцеа трагична, говорю я. Здесь его не знают и знать не хотят. А там он имеет успех по тем же законам, по каким завоевывают успех кинозвезды, футболисты, гангстеры. Странно, говорит Она. Правдец сказал миру правду, говорю я, страшную и великую правду. И сказал ее с целью, чтоб Мир больше не возвращался в то ужасное состояние. Дай Бог, чтобы было так, говорит Она. Только что-то не похоже, чтобы Мир не хотел возвращаться в то ужасное состояние, говорю я. Он лезет в него со страшной силой. Он мчится в свое прошлое. А мы не видим этого. Делаем унитаз какому-то чиновному подонку. Чтобы ему срать приятно было. А что поделаешь, говорит Она. Ничего, говорю я. Надо плюнуть на все это и устроить свой маленький мирок на двоих. Неплохо бы, говорит Она. Но в ее голосе я чувствую что-то тревожное, тоскливое и безнадежное. Неужели все-таки мои худшие подозрения верны? Нет, не хочу верить. Мне нельзя в это верить. Иначе зачем жить?

КОНЕЦ РАБОТЫ

Наконец-то мы закончили квартиру. Чин, конечно, нас надул. Кандидат был взбешен. И, уходя, он что-то сделал в новейшем спусковом механизме унитаза. Пусть эта сука теперь помучается, сказал он. Теперь он будет ремонтировать свой нужник по крайней мере два раза в

неделю. И водопроводчики вынут из него в десять раз больше, чем он нам недодал. Кретин! Ну а дальше что, сказал я. Повторим? Нет, сказал Кандидат. С меня хватит. Пропади пропадом моя отдельная квартира, но я так больше не могу. Я отупел за это время до такой степени, что даже наши академики могут со мной конкурировать. С меня тоже довольно, сказал Физик. Лучше переводами буду заниматься. Денег меньше. Зато хоть какая-то гарантия есть. И унижений меньше. А ты? А я, сказал я, намерен в корне изменить свой образ жизни. Сегодня я скажу одно такое слово, что все будет иначе. И мы распрощались. Было грустно. Но, увы, в Ибанске теплые чувства к людям появляются только тогда, когда ты их безвозвратно теряешь.

Я шел по улице, имея в кармане сумму денег, которой у меня не было давным-давно. И чувствовал великий душевный подъем. Сейчас, думал я, куплю племянникам замечательные игрушки. Чего-чего, а игрушек у нас полно. Маме куплю модные сапоги. К чему ей сапоги? Все равно будут в шкафу стоять, пока не выйдут из моды. Бог с ней! Раз хочет, ее дело, как она с ними поступит. Ну и старухи пошли. Жуть! Под старость она стала такие штучки носить, какие ей не снились в лучшие времена отцовской карьеры. Что ж, заслуженное!.. А сестра в рванье ходит. А мать еще требует, чтоб она ей помогала. Жуть! Что с людьми происходит? А Ей, что я куплю Ей? Надо что-нибудь особенное. Необыкновенное. Кофточку? Гарнитур? Туфли? Нет, я давно к этому приглядывался. Дрянь ужасная. Надо у спекулянтов доставать, а я этому не обучен. Может быть, колечко? Это идея!.. Я заглянул в ближайший ювелирный магазин, и понял, что моя идея утопична. Самое большее, на что я способен, — это серебряная ложечка или идиотское железное кольцо со стекляшкой, раскрашенное под золото и рубин. Ну да ладно. Это потом. Начнем с игрушек. И тут меня тоже ожидало разочарование.

Когда смотришь на наши магазины глазами незаинтересованного прохожего, поражает обилие всевозможных товаров. Но если у тебя появляется потребность что-то купить приличное, то вскоре убедишься, что сделать это или невозможно вообще, или возможно только при условии невероятных ухищрений. Скажем, игрушки. Я пересмотрел их сотни, и ни с одной не хотелось

бы поиграть, если бы я был ребенком. Кроме того, они ломаются уже тогда, когда продавщицы (молодые, но хамски грубые девицы) пытаются объяснить тебе, как с ними обращаться. Я пришел домой разбитый до основания и протянул сестре сотню. Вот, купи чего-нибудь ребятишкам по своему усмотрению, сказал я. Или себе, как хочешь. Сестра, первый раз в семейной жизни получившая такой подарок, заперлась в ванной и вышла оттуда через полчаса с покрасневшими глазами и распухшим носом. А знаешь, сказал я, ты, оказывается, красивая баба. Сапоги маме я все-таки достал. Из-под полы. Втридорога. А Ей? Гони монету, сказала сестра. Я знаю, что Ей купить. Посиди с ребятами. Я мигом. И действительно купила нечто заслуживающее внимания. И не так дорого. Во всяком случае, у меня оставалась еще мелочишка на бутылку вина.

На дежурство я пошел чистеньким, выбритым, поглаженным. Я шел сказать свое слово. Оно рвалось из меня наружу. И я уже не мог его сдержать. Когда я уходил, мама сказала: спите где хотите, только не в моей комнате. Она употребила другое выражение, более народное. Я не решусь его повторить. Ладно, сказал я. Я уйду отсюда. Как-нибудь проживем. Главное — во мне есть это слово, и я готов его сказать. Вдогонку мама крикнула мне, что, если бы она знала, что из меня вырастет такой черствый эгоист, она сделала бы аборт. Если ты уйдешь, сказала сестра, она мне житья не даст. Господи, что с людьми творится!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Она наконец-то пришла. И я преподнес Ей подарок. Вот, держи, сказал я. Заработал! Это — только начало. Я теперь горы сверну. Она сразу поняла, что я готов сказать заветное слово. Нам надо серьезно поговорить, сказала Она. И я сразу понял все. Я понял смысл многого того, что происходило с нами в последние дни и от чего я отмахивался как от мелочей. Не надо, сказал я. Не надо говорить. Я сам знаю и понимаю. Но это не имеет значения. Я боролась, сказала Она. Они меня заставили. Что я могла поделывать? Они — сила, а я — дерьмо. Я не сержусь, сказал я. Забудь об этом. Не могу, сказала Она.

Я уже не могу услышать твое слово. Я слепа и глуха. И в душе у меня пусто. И Она протянула мне подарок обратно. Пожалуйста, возьми, сказал я. Очень прошу. Не для меня, а для себя. Может быть, когда-нибудь ты вспомнишь обо мне и это тебе поможет. Нет, сказала Она. Я ухожу. Твои записки у Них. Что теперь будет?! И Она ушла. И я остался один — Ночной Сторож, сочиняющий (вернее — сочинявший) бессмысленные бумажки на скрипучем старом табурете в новейшей конторе Ибанска. Что дальше? Дальше ничего. Сейчас вот допишу последние фразы. Напишу свое последнее заветное слово. Вложу эти листочки в свой несостоявшийся подарок (я только сейчас заметил, что он изготовлен на подпольной фабрике Гангстера). Положу к Ней на стол. И буду ждать. Теперь осталось совсем немного. И я чувствую, что в душе моей нет ни страха, ни сожаления, ни грусти, ни надежды, ни гнева, ни обиды. Нет ничего. Пусто. Осталось только одно: ожидание. Я жду.

Часть десятая

КОНЕЦ ЗАТЕИ

ТОСКА О ПРОШЛОМ

Тоска о прошлом есть верный признак реакционности мировоззрения, если она не освещает дорогу в будущее, говорит Автор хорошенькой технической сотруднице редакции, желая компенсировать свою заурядную внешность блестящим умом и эрудицией. А что прикажете делать? Раньше в Москве без особого труда можно было найти уютное местечко, где можно было прилично выпить, закусить и поболтать в хорошей компании. А теперь Москва на глазах превращается в образцовый коммунистический город, и потому вы сутками можете бродить по ее распрекрасным улицам без всякой надежды найти такое уютное местечко или попасть в него. А о компании и говорить нечего. Раньше даже самая скверная компания была хорошей. Теперь же даже самая хорошая никуда не годится. Покопайтесь в своей памяти, и вы сами увидите, что нынешние компании ни в какое сравнение со старыми не идут. Раньше, например, будущий помощник самого высокого лица в стране не гнушался компании бесперспективного младшего научного сотрудника. Вы скажете, что тогда помощник еще не был таким значительным лицом, как сейчас, и сам сшибал трешки и пятерки на выпивку, обычно забывая их возвращать? А какое это имеет значение? Все равно это не мешало ему проводить время в обществе некоего младшего сотрудника. А теперь? Теперь даже паршивый заместитель главного редактора журнала третьего ранга гнушается пойти уже со старшим (!) сотрудником отметить публикацию его весьма удачной статьи в упомянутом журнале. Говорит, неправильно истолковать могут. А разве существует пра-

вильное истолкование?! Теперь вообще все стало не так. Вот раньше!.. Как-нибудь при случае я вам расскажу. Как сказал один мой друг, ныне безвестный поэт:

Какие слышались слова!
Какие всюду мысли спели!
И даже в трезвых головах
Мозги идеями кишели!

КОМПАНИЯ

Отмечать статью пошли ответственный секретарь, один старший редактор, два младших редактора и внештатный консультант с увеличенным самомнением, приложивший немало усилий, чтобы провалить статью. По выходе из редакции к ним присоединились член редколлегии, с мнением которого никто не считался, и человек без имени, который в таких случаях возникал словно из-под земли и прилипал ко всем компаниям. Все знали, что человек — сотрудник КГБ, и он сам этого не скрывал, но принимали его в компанию охотно, поскольку не принять все равно не могли и поскольку считалось, что своих он не закладывает. А своим он становился уже после третьей рюмки, когда он вытаскивал свое служебное удостоверение и показывал всем желающим. После этой процедуры в компании можно было спокойно говорить что угодно и о чем угодно. Но все равно это уже не меняло положения существенным образом. Раньше, когда удостоверений не предъявляли и каждый подозревал в собеседнике стукача, было куда поинтереснее. Как сказал друг Автора, ныне безвестный поэт:

Мы не жалели на попойки
Не только дней, но и ночей.
И, словно братья, у помойки
Вникали в души стукачей.

ИДЕЯ

Устроились, как обычно, в «стекляшке» на перекрестке проспекта Буденного и улицы Сусликовской. Здесь можно было раскидывать приносимые с собой спиртные

напитки при том условии, что пустую посуду оставляете уборщице и на закуску берете безропотно ту дрянь, которую вам предложат, причем за двойную цену. Пили молча и вяло. Скучно. Консультант учил всех уму-разуму. Все ценности относительны, бубнил он, поедая с жадностью одну порцию фиолетового картофельного пюре с тошнотворным шницелем за другой. Никто не мог объяснить, почему эта жвачка именовалась шницелем. Только сонная, разжиревшая на даровых харчах кассирша твердила одно: это — шницель согласно меню на сегодняшней год. Все ценности, повторяю, относительны, цедил сквозь непережевываемый шницель Консультант. Я помню, когда я был мальчишкой, у нас во дворе было одно чахлое деревце, потрескавшийся асфальт, мусорный ящик, какие-то доски и коробки. А между тем мы среди всего этого хлама сооружали себе волшебные дворцы. А теперь? Прекрасные дворы. Детские площадки. Парки. Потрясающие игрушки и книжки. И все равно скучно! Почему? Потому что люди узнали, что есть места, где все это гораздо лучше, сказал Член редколлекции. Дело не в этом, сказал Автор. Ценности относительны лишь в западной цивилизации. У нас же вырабатывается система абсолютных ценностей, и в этом наше преимущество. Что я имею в виду? Поясняю примером. Мы носим вот эти штаны, и мы довольны, что мы не без штанов. Мы не различаем штаны по рангам ценностей. Для нас либо есть штаны, либо их нет. Для нас все штаны суть штаны, как таковые. И если мы в каких-то штанах, мы в штанах. И у нас нет никаких проблем штанов. Мы счастливы. Это — абсолютная система ценностей. В ней любое жильё есть жильё, любая еда есть еда. И так во всем. Возьмите теперь Запад. Там дело не просто в том, что ты ходишь в каких-то штанах, живешь в какой-то квартире, жрешь какую-то еду, читаешь какие-то книги. Там дело в том, какого сорта штаны ты носишь, в каком жильё спишь, что именно жрешь и пьешь. Это — система относительных ценностей. Она касается того, что есть, а не того, чего нет и может не быть совсем. Мы были счастливы в своей абсолютной системе ценностей. Потом нам показали Запад и навязали чужую нам систему относительных ценностей. И мы стали несчастными. Надо возвращаться назад. Секретарь на это сказал, что он не согласен, что он оптимист-ленинец,

что коммунизм мы все равно построим. И в США мы тоже построим коммунизм, а всех черномазых отправим в Сибирь. Консультант сказал, что он полностью согласен с Секретарем, только предложил перед отправкой негров в Сибирь содрать с них джинсы. Старред сказал, что он лично оставил бы в Москве десять тысяч негритянок. Говорят, у них дьявольский темперамент, любопытно было бы попробовать. Один из редакторов сказал, что его проблема коммунизма вообще не волнует. Секретарь безмерно удивился этому. Младред сказал, что его неверно поняли. Он не сомневался в победе коммунизма. Если бы это было не так, то это не было бы записано в программе партии. Его волнует, что будет потом, после коммунизма. Старред сказал, что коммунизм будет установлен навечно, после него уже ничего не будет, а негров лучше отправить в Африку, пусть с арабами е...я. Уборщица сказала, что пора выметаться. Секретарь сказал Автору, что ему надо с ним потолковать об одном важном деле, а младших редакторов попросил отнести Члена редколлегии домой.

У меня идея, сказал Секретарь после того, как им удалось сбавить безымянного человека на растерзание Консультанту, на которого напал зуд поучительства. Надо сделать статью о том, как товарищ Сусликов пришел к открытию стадии высокоразвитого социализма и конкретных путей перехода от него к подлинному коммунизму. Я тебя свяжу с Помощником. Ты его знаешь? Еще бы, сказал Автор, я с ним не одну бочку водки в свое время выпил. Об этом забудь, сказал Секретарь. Водку он больше не пьет совсем, перешел на коньяк. Но будь готов к тому, что у тебя может появиться соавтор или что статью подпишет кто-то другой. Ясно, сказал Автор, не в первый раз. Как говорил в свое время мой друг, ныне безвестный поэт:

И не жалели мы открытий
Кому попало так отдать.
И проявляли больше прыти
По той причине наподдать.

А что, если?! Это — идея, сказал Секретарь. Правда, жена будет скрипеть... А ну их, жен, сказал Автор. Как говорил все тот же мой друг:

И даже жен мы не боялись,
И слали на х... партбюры,
Когда до змия надирались
Какой-то с градусом муры.

ЗАМЫСЛЫ И УМЫСЛЫ

Домой Автор заявился, окрыленный перспективой. Рассказал жене о разговоре с Секретарем, и она отменила намеченную сцену. Требуя трехкомнатную квартиру, сказала она. Это — единственный шанс. Сейчас или никогда, не будь растяпой. Я сама поговорю с Помощником, напомню ему, как он когда-то сшибал у нас трешки без отдачи. Ни в коем случае, сказал Автор, загубишь все дело. Всю ночь Автор не спал. Статья в его воображении выросла до размеров брошюры, а последняя разрослась в объемистую монографию. Сам товарищ Сусликов встречается с Автором. Его переводят в аппарат ВСП. Он становится помощником товарища Сусликова. Ему доверяют отдел в ВСП. Какой? Допустим, науки. Нет, лучше пропаганды. Затем избирают в члены ВСП. Разумеется, большая квартира в «Царском Селе». Дача. Машина. Поднявшись в воображении на вершины власти, Автор начинает скрупулезно продумывать систему мероприятий, которые должны продвинуть страну далеко вперед и вписать его имя навеки в историю человечества. Лежи спокойно, шипит рядом жена и возвращает Автора на землю. Не ворочайся! Ты можешь дрыхнуть весь день, а мне вставать чуть свет, ребенка в детский сад вести, вам поесть приготовить и на работу бежать! Спи! Но Автору не спится. Сознание его начинает крутиться совсем в другую, даже в противоположную сторону. Свою фамилию под этой идиотской статьей ни в коем случае не поставлю. Иначе ребята засмеют. Какая могла быть творческая эволюция у этого серого и бездарного болвана?! Впрочем, можно делать по-умному, так, что умные люди сразу поймут что к чему. Роман бы написать на эту тему. Это идея! Через переживания Вождя показать суть нашего общества. Здорово! Это — находка! В литературе были уже случаи, когда общественная жизнь изображалась через переживания лошади, волка, собаки. А через переживания Вождя — этого еще не

было. И задачка эта потруднее, чем через эмоции собаки показать общественные коллизии. У этого болвана наверняка и эмоций-то никаких нет. Им эмоции держать не положено. Но тема любопытная. А что, если поработать, собрать материальчики да и напечатать книжонку на Западе. Вот шумиха подымется! Измученный бессонницей, Автор заснул под утро. И ему приснился прекрасный теоретический сон на высоком идеологическом уровне.

И даже сны тогда нам снились
В небесно-голубых тонах.
Мы в бой в тачанках уносились
В тех подзаборных старых снах.

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Каждый новый вождь в Стране, придя к власти, первым делом делал три основные дела: 1) начисто забывал о том, что реальный коммунизм в Стране был построен давным-давно, еще при Сталине; 2) начисто забывал о том, что научный коммунизм, предсказанный классиками, есть бред сивой кобылы, что возможности построить его в действительности не превышают возможностей построения стоэтажного небоскреба на опоре из одной спички, расположенной к тому же сбоку; 3) начисто забывал о том, что реальный коммунизм при этом был построен в строгом соответствии с научным. И, забыв обо всем этом, новый вождь на другое же утро начинал думать о том, как бы все-таки ухитриться поднять общество еще на одну ступень, а то и в коммунизм махнуть. Неудачи предшественников не смущали. Предшественники делали ошибки и ничего не понимали в подлинном коммунизме. В соответствии с только что сформулированным законом действовал и товарищ Сусликов, став Вождем Партии и Главой Государства. Идею высокоразвитого социализма он вынашивал еще с юности и панически боялся, что ее перехватят конкуренты.

Заседание ПБ ВСП, на котором обсуждался вопрос о высокоразвитом социализме, было острым и содержательным. После того как товарищ Сусликов внес предложение объявить всенародно о том, что у нас построен

высокоразвитый социализм (а то ведь сами не догадаются, сволочи!), сразу же слово не взял, а схватил новый Начальник ОГБ, только что назначенный из числа комсомольских руководителей, женатых на родственницах товарища Сусликова. Это гениальное предложение, воскликнул Начальник ОГБ. Давно пора! А то совсем распустились, сволочи! Бараки давно приготовлены. Конгресс США все-таки утвердил решение Президента продать нам сто миллионов тонн колючей проволоки по сниженным ценам. Так что пора! Я всецело и всесторонне за гениальное предложение товарища Сусликова, перебил Начальника ОГБ завидовавший ему (и всем прочим, между прочим) Главный Идеолог, истекая слюною умиления. Очень современно! Только, может быть, товарищ Сусликов сделает небольшое дополнение, разъясняющее само понятие высокоразвитого социализма, а именно, что это — почти что полный коммунизм, что никаких промежуточных состояний между высокоразвитым социализмом и коммунизмом не будет. А вдруг ежели что, перебил его Начальник ОГБ, заглядывая в глаза товарища Сусликова и всем видом своим изображая готовность (мол, если надо, так он и самого Идеолога, а то разболтался тут, старый болван!). Товарищ Сусликов, понимая, что еще не время, счел замечание Идеолога серьезным, но не заслуживающим внимания, потому что всегда может случиться что-нибудь такое, из-за чего... Помните, Хрущев обещал полный коммунизм «нонешнему поколению»? Транспорт бесплатный обещал. Отдельные квартиры всем. А нам пока в интересах и для приходится повысить плату за транспорт. А установку на отдельные квартиры отменить как ошибочную.

Остальные члены ПБ молчали, что означало полную поддержку. Им было наплевать не только на развитый и высокоразвитый социализм, но и на полный коммунизм. Они много десятков лет назад с большим трудом спихнули экзамены по «научному коммунизму» в Заочной ВПШ и думали только об одном, как бы их самих не спихнули с постов, к которым они приросли душою и телом и расставаться с которыми не хотели ни в коем случае. Предложение товарища Сусликова было принято, таким образом, единогласно. Объявить высокоразвитый социализм товарищ Сусликов счел целесообразным на Чрезвычайном Пленуме ВСП. В связи с этим, сказал

он Начальнику ОГБ, когда члены ПБ расползлись по своим постам, надо принять профилактические меры, чтобы не было чего-либо такого, что можно было бы истолковать не так, как следует, и очистить Столицу от неустойчивых элементов.

МЕРЫ

Каждый раз, когда в Стране собираются устраивать выдающиеся исторические события, а это бывает каждый раз, проводятся грандиозные профилактические мероприятия по очистке и оздоровлению. Из дворов домов, расположенных близко к центру и центральным улицам, начинают вывозить мусор, скопившийся в районе помоек. Сажают в сумасшедшие дома всех лиц, состоящих на учете в психиатрических диспансерах и имеющих хотя бы самое отдаленное отношение к политике и идеологии. Причем сажают не только лиц с тенденцией к оппозиции режиму, но и с тенденцией к апологетике. Последних в первую очередь, ибо они более склонны к разоблачению недостатков с целью введения улучшений. Первые же, хотя и разоблачают, улучшений никаких не требуют, ибо не верят в них, причем разоблачают именно лучшие стороны нашей жизни, которые улучшить все равно уже никак невозможно. Одновременно вешают амбарные замки на все множительные аппараты, в учреждениях начинается круглосуточное дежурство сотрудников, проверяются огнетушители, увеличивается число нарядов дружинников и число дружинников в каждом наряде, милиционерам выдают белые краги и ремни и через одного по пистолету с настоящими патронами. Амнистированных жуликов отправляют обратно в лагерь. Точно так же поступают с теми, кто отбыл срок. Отдают в распоряжение вырезвателей здания клубов, расположенных поблизости. Сообщения об очередном повышении цен на продукты питания и предметы ширпотреба печатают в провинциальных газетах, преподнося это как свидетельство стабильности политики цен и уверяя, что эта мера временная. Старики смеются: при Хрущеве повысили цены на то-то и на то-то, обещали через три года понизить, прошло... Одним словом, ха-ха-ха! Но все-таки верят. И главное, понимают, что так нужно во имя и для. В уч-

реждениях отсылают в дальние командировки лиц, относительно которых нет полной уверенности, что они не выкинут номер, но на которых еще нет пока установки сажать. Составляют и утрясают списки лиц, за которыми надо глядеть в оба. И выделяют лиц, которые глядят за ними в оба. Всех низших чинов ОГБ выгоняют на улицы города на оперативную работу для тренировок и впечатления. Их принадлежность к ОГБ видна за версту (что поделаешь, молодежь! показать себя хочется! романтика!), и это действует на граждан устрашающе и успокаивающе. Захочешь пальнуть в кого-нибудь, пистолет не успеешь вытащить, схватят! Да и в кого палить?! Они же в бронированных машинах ездят, гады! Вот если бы бомбочку! А где ее взять? Кстати, о бомбах. Случаи взрывов в метро и гостиницах основательно напугали граждан и власти. Хотя гипотеза насчет того, что это — дело рук диссидентов, не подтвердилась пока, идея связать случаи такого рода с диссидентами, то есть с иностранными разведками и идеологическими диверсиями (Начальник ОГБ так прямо и сказал о попытке взрыва бомбы на одном из вокзалов Столицы, что это — идеологическая диверсия), еще не снята с повестки дня. Скорее даже наоборот. А случай на вокзале, о котором только что упоминалось, весьма симптоматичен на этот счет. Откуда-то с юга приехала группа молодых людей с длинными волосами и бородами и оставила чемоданы в камере хранения. Там, где сами опускают монеты, набирают шифр из цифр, захлопывают дверцу и идут спокойно по своим делам со свободными руками. И напрасно, так как очень возможно, что со свободными руками придется убраться восвояси. Именно так произошло на сей раз. Пара столичных жуликов, специализировавшихся на вскрытии таких автоматов-хранителей, сперла чемоданы молодых людей. Отойдя на почтительное расстояние от вокзала, они присели отдохнуть: слишком тяжелы были чемоданы этих пижонов! И тут они услышали... тиканье! В чемоданах явно работали часовые механизмы! А жулики, как известно, тоже суть наши честные советские люди. Услышав тиканье и ассоциировав это с недавними взрывами, жулики сначала кинулись наутек. Но потом чувства ответственности перед народом, долга перед Партией и Правительством, преданности, национальной гордости взяли свое, и жулики снесли чемоданы в милицию. В милиции тоже снача-

ла среагировали так, как среагировали жулики сначала, а потом среагировали так, как среагировали жулики потом, — еще одно лишнее свидетельство монолитного единства нашего общества. Вызвали специалистов. Не то минеров, не то разминеров. Чемоданы отвезли далеко за город. Вскрыли. Но никаких бомб не обнаружили. Обнаружили лишь обычные будильники, без коих невозможно обойтись студентам (молодые люди оказались студентами) в общежитиях. Возникло подозрение, что жулики выкинули бомбы по дороге. После третьего допроса жулики чистосердечно признались, что выбросили бомбы в мусорную урну, а в какую именно, не помнят. Началась грандиозная работа милиции, ОГБ и трудящихся по прочесыванию мусорных урн и помоек... Если бы знал, что эти м...и так с нами обойдутся, сказал один из жуликов другому, придерживая разбитую челюсть, сам бы засунул в эти чемоданы по паре бомб. Я же говорил тебе, что с Ними всякое сотрудничество кончается плохо, сказал другой жулик, придерживая разбитый нос и глаз, а ты... не те, видите ли, времена!! Историю, видите ли, вспять не повернешь! Тьфу. Теперь если стяну чемоданы даже с атомной бомбой, ни за что не поделюсь с этими подонками...

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Речь товарища Сусликова на Чрезвычайном Пленуме ВСП произвела ошеломляющее впечатление на Западе. В стране ее восприняли обычно, так как давно к этому привыкли, и все ожидали, что ничего другого ожидать и не следует. И не ошиблись. Зато Запад! Мы-то думали, вопил Запад, что они (это они нас называют «они») скоро с голоду загнутся, а они (то есть мы) вместо этого еще шаг вперед к полному коммунизму сделали! Парадокс!!

Нас спрашивают, сказал товарищ Сусликов (на самом деле никто его не спрашивал, это выражение на самом деле есть ораторский прием), чем отличается высокоразвитый социализм от простого развитого и чего ему не хватает, чтобы стать полным коммунизмом? В чем дифференциация специфика, как говорили древние греки, этой ступени развития общества к полному коммунизму? В чем, можно сказать, специфические отличительные

особенности этой высшей на сегодняшний день ступеньки развития низшей ступени коммунизма, то есть социализма? Развивая далее марксистско-ленинское учение и делая в него новый выдающийся творческий вклад, мы должны со всей откровенностью признать, что никаких специфических особенностей высоко развитый социализм сравнительно с развитым не имеет, и в этом-то и состоит его специфика, особенность и качественное отличие. Особенность его состоит прежде всего в том, что он гораздо ближе к полному коммунизму, чем развитой социализм, ибо он есть очередной шаг вперед на пути... В частности, на предыдущей ступени мы несколько подпустили евреев, арабов, американцев и еврокоммунистов. Теперь этого нет и не будет впредь. Теперь мы будем следить, чтобы...

Речь товарища Сусликова неоднократно прерывалась бурными аплодисментами, переходящими в овации и вставание. Когда товарищ Сусликов сказал, что наконец-то мы покончили с диссидентами... В этом месте надо быть документально точным, поскольку... Сами понимаете почему. Товарищ Сусликов, заложив правую руку за борт кителя, сказал: У НАС БЫЛИ ДЭСЫДЭНТЫ, У НАС ТЕПЕРЬ БИХ НЭТ, ТОВАРЫШИ!!! И БЫТ ТЫПЕР БОЛШЕ НЭ МОЖЭТ!!! Когда товарищ Сусликов это сказал, весь зал не то что встал или даже вскочил на ноги, а взлетел на ноги. И начались такие аплодисменты... Не овации, а гром, грохот, атомный взрыв аплодисментов! Остановить их так и не удалось. Слышите? Они до сих пор грохочут. И теперь будут грохотать вечно. Наподобие Вечного огня. Так сама жизнь подсказала новый прекрасный обычай — Вечные Аплодисменты.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОД

Наше общество, говорит Однорукий, держится на трех догматах дьявола. Первый догмат: все неопределенно. Обратите внимание: у нас нет четко очерченных форм. Ложь почти ничем не отличается от правды, а правда — ото лжи. Злодей выглядит добряком, добряк — злодеем, дурак — умником, умный — дураком. Это очень удобно: любой индивид и любое явление могут выполнять любую оцениваемую роль или выполнять роль так,

что применима любая оценка... Эта тенденция к универсализации индивидов и их действий, делающая бессмысленной прежнюю систему оценок, проявляется в том, что здесь не любят непорочных. Здесь индивид принимается как свой, если только он приобретает некий моральный изъян, низводящий его до общеуродливого уровня. Отсюда второй догмат дьявола: все мы говно. Хотите верьте, хотите нет, но я сам видел, как опытные женщины лишали девочку невинности, поскольку мы, мужчины, были не способны это сделать, и как взрослые мужчины выбивали красивому мальчику передние зубы (через один!). Мрачно? Но мы еще не дошли до третьего догмата: предай ближнего. Почему? Потому что предательство есть характерное проявление обрыва всех тех связей между людьми, благодаря которым возникла человечность, но которые оказались здесь чужеродными и ненужными. Само общество рождается как акт предательства по отношению к породившему его прошлому. Но ведь и основатель цивилизации Христос был предан, говорит Ученик. Да, говорит Однорукий. Но Его предал один, и Он был предан один, а мы предаем все и предаем всех. У нас это догмат бытия, а не повод для жертвы. И не занимайтесь софистикой, юноша! Лучше проверьте свои карманы, наверняка где-нибудь в загибашке найдется мятый рубль, а за подкладкой — немного медяков. Ведь не может же быть, чтобы в ваших карманах не было ни одной дырки!

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОД

Ты отдал марксистской философии лучшую часть жизни, говорит Физик. Пошел в нее добровольно, работал в ней добросовестно и увлеченно. И не корысти ради. Человек ты неглупый, не мог не понимать, с чем тебе приходилось иметь дело. Значит, есть все-таки в этой марксистской философии какая-то соблазнительность, притягательная сила? Есть, говорит Философ, и немалая. Скорее, даже огромная. Она меня до сих пор держит. Вероятно, я никогда не смогу порвать с ней до конца. В чем тут дело? В двух словах не скажешь, будет наверняка односторонне, всегда можно будет это оспаривать. Марксистская философия удивительным образом соответствует

строю жизни нашего общества с самых различных точек зрения: с точки зрения затрачиваемых проблем (она — обо всем на свете), изучения, сдачи зачетов и экзаменов, сочинения статей и книг, защиты диссертаций, преподавания, удовлетворения тщеславия, удовлетворения шизофренических притязаний. Она глубоко наша со всех точек зрения. Хотя ее и занесли к нам извне, это не меняет дела. Она здесь обрела себе более адекватную родину, чем на Западе. Картошку, между прочим, к нам тоже завезли из-за границы, а она стала нашей национальной едой. Скажите нашим людям, что не так давно у нас картошка вообще не водилась, не поверят. Если бы марксистскую философию к нам не занесли, мы все равно выдумали бы нечто подобное самостоятельно. Наши до-революционные мыслители, как известно, к этому «подошли вплотную». Дело в том, что марксистская философия — это есть специфически коммунистический способ обращения с идеями, аналогичный коммунистическому способу обращения с людьми, с природой, с материальными явлениями вообще. Интересно, что коммунисты первоначальную тренировку прошли (и проходят) именно в области манипулирования с идеями и расправ с неудобными идеями. Посмотри, как Маркс и Энгельс произвольно обращались с идейным материалом и расправлялись со своими противниками. Маркс полистал несколько книжек по математике и уже учит математиков, как нужно понимать дифференцирование. И насочинял такую галиматью, что с ним не сравнится ни один кретин за всю историю науки. Энгельс полистал пару плоских книжек по логике и тоже учит, как нужно понимать логику. А ведь в это время уже была математическая логика. И Ленин туда же. Получив четверку по логике в гимназии и полистав Гегеля, он уже поучает. Возьмите, мол, предложение самое простое («Листья дерева зелены», «Лошади кушают овес»), и вы найдете в нем диалектику! Такую чудовищную безграмотность можно встретить только в сочинениях классиков марксизма. И наших философов, конечно. Заимствования, фальсификация, мордование — вот неизменные орудия основателей марксизма и ленинизма. «Анти-Дюринг» Энгельса и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина — вот вам школа будущих концлагерей, пыток, насилий, лжи, клеветы. Изначальная склонность произвольно манипулиро-

вать духовным наследием, подгонять под априорные шаблоны, исказить противника, унижать, оскорблять, преследовать. Это — поразительно злобная философия, лишь маскирующаяся под гуманность. Она плоска, пошла, цинична, а прикидывается глубокой, эрудированной, принципиальной. Это — философия без сдерживающих начал, без угрызений совести, способная на любую пакость, если позволят обстоятельства. Повторяю, она прекрасно ложится на нашу систему жизни. Имея дело с нею, имеешь дело с материалом, со стороны которого не встретишь сопротивления, подобно тому, как наши многочисленные руководители манипулируют миллионами людей, практически не встречая с их стороны заметного сопротивления. Только в философии еще удобнее на этот счет. В жизни все-таки приходится что-то строить реальное и считаться с фактами. А тут возможности неограниченные. Ты сам знаешь, как сдают экзамены и зачеты по философии на всех уровнях. Лишь бы был какой-то приблизительный треп. А исследовательская (творческая!) работа в области философии — любого дегенерата можно обучить делать «открытия» через каждые две строчки. Главное — научиться держаться в таких рамках, чтобы тебя не обвинили в искажении основополагающих принципов. А так городи любой вздор, проверить тебя все равно невозможно. Другой дегенерат, вроде тебя, если и будет тебя опровергать, то сам нагородит такой же вздор в порядке творческого развития своей точки зрения. Подобно тому, как наших руководителей затягивает неудержимое движение вперед к коммунизму, решения, планы, отчеты, успехи, триумфы и прочие атрибуты имитации великой исторической драмы, так и в рамках философии даже самые тупые индивиды, решившиеся утвердиться в ней, могут добиться успехов. Успехи кажущиеся, но этого и достаточно. Складывается всеобщая ситуация игры в настоящее, и кажимость успехов никто не разоблачает. Наступает упоение победами. А для бездарей это — величайшее благо. И для потребителей философии имеется много соблазнительного. Быстро удовлетворяется тщеславное стремление «теоретически мыслить», например. Даже крупные ученые иногда клюют на эту удочку. Что поделаешь, они тоже люди. Хочется сказать нечто эпохальное. Вот и говорят, не подозревая, что говорят чушь и банальности. Вся «творческая» деятельность в рамках

марксистской философии есть целиком и полностью имитация творчества, воображение творчества, игра в творчество. Это захватывает, возвышает. И чем ничтожнее человек, тем больше ему хочется открыть новую «категорию», «черту», «закон», «ступень», «этап». И это на самом деле пустяки. Теперь даже третьекурсник, решившийся пойти по этому пути, элементарно может переплюнуть классиков марксизма. А что касается лучшей части жизни, то ведь и ты ее отдал деятельности такого же рода, только не в области руководства идеями, а в области руководства людьми, окончившими другие факультеты, чем я. Так что какая разница? К тому же я хотел улучшить эту помойку, придать ей более пристойный вид.

СЛУЧАЙНЫЕ СТРАНИЧКИ

Я рад, что вы освоились, говорит Учитель. Рефераты вы научились делать вполне квалифицированно, а подготовленные вами материалы являются, пожалуй, лучшими. К празднику я представляю вас на повышение зарплаты. Это, конечно, немного. Но для начала хорошо. Благодарю, сказал Ученик. Это мне очень кстати. Могу я задать вам вопрос чисто личного порядка? Как вы сами избрали эту свою необычайную профессию? Это было очень давно, сказал Учитель. Вас еще на свете не было. Жил один впечатлительный мальчик. И почему-то этот мальчик возненавидел наших руководителей. Он ночами не спал, думая, как бы отомстить Им за все, — он считал Их повинными в зле, которым была залита Страна. В мечтах он изобретал мощные бомбы, взрывающие Их в момент, когда Они все в сборе, смертоносные лучи, пронзающие Их на расстоянии, и многое другое. Потом ему пришла в голову гениальная, как он сам считал, идея: изучить их биографии и написать книгу о Них. Он так и сделал — начал изучать факты Их жизни. И делал он это вполне официально, поскольку получил подходящее для этого образование и поступил работать в учреждение, где как раз этим и занимались. Только параллельно с официальными изысканиями он проводил свое тайное исследование, вернее — расследование. И к ужасу своему он убедился в том, что ненавистные ему

лица... непорочны! Он до деталей изучил жизнь многих из Них и не обнаружил ни одного значительного действия, достойного сильной эмоции. Все поступки Их оказались до такой степени лишены чувства и интеллекта, что он усомнился не только в Их психической полноценности, но даже в самом факте Их реального существования. Они предстали перед ним как пустые формы, которые можно заполнить любым человеческим материалом. И тогда ему в голову пришла действительно гениальная идея: делать описание Их жизни и творимой Ими истории именно так, как это хочется Им самим, ибо Их желания вполне адекватны Их сущности. И он сделал попытку сделать такое описание. И с тех пор он здесь. А у вас не сохранилось что-либо из тех описаний? — спросил Ученик. Нет, конечно, сказал Учитель. Только несколько страничек случайно уцелело. Хотите посмотреть?

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОД

Нельзя во всем винить высшее руководство, говорит Командированный. Вот вам характерный пример на этот счет. На Политбюро обсуждали вопрос о прогулах на заводах вследствие пьянства. Знаете, каких масштабов они достигли? В одной только Москве за счет таких прогулов впустую работает предприятие масштаба автозавода. Приняли, естественно, решение усилить политико-воспитательную работу среди рабочих. Откуда это известно? Я тогда был лектором в Райкоме Партии, нам об этом рассказали на инструктаже. На уровне Министерства Внутренних Дел это решение интерпретировали более конкретно: слишком либеральничаем с ними (с кем именно, не было уточнено). На уровне городских, областных, районных и т. п. инстанций конкретизировали установку далее: нечего с ними церемониться! С кем именно, опять-таки не уточняли. С одной стороны — на всякий случай, а с другой — вроде бы и уточнять нечего, и так все ясно. На уровне отделений милиции, Народных судов, комиссий Районных Советов и т. п. приступили к практическому исполнению высшей установки. Я тогда также и дружинником был, все это своими глазами видел. В милициях стали бить еще более бесцеремонно, чем ра-

нее, фальсифицировать дела. В судах стали лепить сроки всем, кто не способен дать хорошую взятку и не имеет защиты со стороны коллектива, родственников, знакомых. Комиссии принялись выселять в отдаленные места безобидных непьющих интеллигентов. Число прогулов из-за пьянства возросло. А сделалось то, что было нужно: началась «очистка» от людей, которые кому-то в чем-то мешали, и поставка дешевой рабочей силы в отдаленные места, во «вредные» отрасли производства. А что было делать? Выяснить постоянно действующие причины данного отрицательного явления — массовых прогулов из-за пьянства? Принимать меры на уровне этих причин? Увы, пустое занятие. Руководители, принимающие меры, сами порождены этими же причинами. Они не могут подрывать основы своего существования. К тому же лишать руководимых собратьев удовольствия выпить и прогулять работу — негуманно и непрактично. А кто тогда работать будет?! А меры какие-то принимать нужно. Вот и принимаются абстрактные меры, которые конкретно реализуются естественным для нас образом. И между нами говоря, эти прогулы из-за пьянства в общем-то фикция. Я, например, сейчас числюсь на работе. О вас я не спрашиваю. Судя по глубоким морщинам на ваших лбах, вы еще не остыли от интеллектуального напряжения своего ЧМО.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОД

Западноевропейские коммунистические партии, говорит Математик, уже нельзя считать коммунистическими в собственном смысле слова. Не могу с этим согласиться, говорит Философ. Одно дело — обещания, которые они дают применительно к ситуации, и другое дело — практические действия, которые они будут вынуждены совершать. Если хочешь знать, к какому типу общества будет стремиться та или иная партия, если она придет к власти или будет влиятельной силой во власти, посмотри на нее как на зародыш будущего общества, как на общество в миниатюре. Что бы ни обещали эти партии, они по своей организации и по взаимоотношениям людей внутри себя суть партии «нового типа». Они по самой своей природе будут стремиться к единовластию, не

брезгуя никакими средствами, а к организации всего общества по принципам, аналогичным нашим, то есть по принципам мафии.

СЛУЧАЙНЫЕ СТРАНИЧКИ

В 19... году Партия направила товарища Сусликова на самый трудный и ответственный участок коммунистического строительства — в город Вождянск (ныне Суслыанск). Это был период, когда советский народ, завершив строительство развитого социализма, приступил под водительством ленинского ЦК к строительству условий непосредственного постепенного перехода к высшей стадии коммунизма — к полному коммунизму. Но наши выдающиеся успехи не давали покоя врагам коммунизма всех сортов. Стали неправильно вести себя некоторые арабские страны. Пришлось их поправить и принять ответные меры. Используя замешательство, империалисты исказили принципы нашей внешней ленинской политики и попытались вбить клин в нашу нерушимую дружбу с народами Центральной Африки, строящими с нашей бескорыстной помощью социализм. Пришлось послать еще один самолет с медикаментами, и контрреволюция была подавлена внутренними силами. В этот момент активизировались изменники коммунизма, так называемые еврокоммунисты. Но благодаря мудрой политике ленинского ЦК с этим так называемым «коммунизмом» вскоре было покончено. На первом этапе (с января по апрель) был выдвинут лозунг «С итальянцами на испанцев при нейтрализации французов». На втором этапе (с мая по октябрь) в связи с изменением конкретной ситуации был выдвинут лозунг «Вместе с итальянцами и частью французов против другой части французов». Наконец, на третьем этапе (с ноября по декабрь) был выдвинут лозунг «Вместе со всеми против итальянцев». И единство международного коммунистического движения было восстановлено. Одновременно американские реакционеры сенатор Томсон, профсоюзный деятель Макси и миллиардер Абрамович, используя открытый процесс против изменника нашей Родины Исаака Хаймовича, хотели сорвать поставки хлеба в СССР. Но мы заявили, что хлеба у нас своего в избытке, а по-

купаем мы только для разрядки напряженности и из желания спасти американских фермеров от разорения. И под давлением прогрессивных сил США коварный замысел врагов уморить голодом нашу юную шестидесятилетнюю развитосоциалистическую державу провалился. Наконец, к злобному хору врагов коммунизма присоединили свой голос иностранные разведки, организовав на свои деньги провокационную кампанию за так называемые права человека.

Экспертиза, сказал Учитель, сразу же обратила внимание на выражение «на свои деньги» и истолковала это место так, как у нас принято толковать ситуацию, когда человек пьет, но пьет на свои.

ЯЗЫКОВЫЕ ТОНКОСТИ

Наш язык, говорит Однорукий, тоже поразительно приспособлен к нашему образу жизни. Конечно, он приспособлялся к нему за эти шестьдесят лет, фиксируя в себе факты нашей жизни. Но в подавляющей своей части он сложился до революции и в большой мере способствовал укреплению нашего строя, давая колоссальные возможности для демагогии, пропаганды и вообще всей деятельности по оправданию возвеличивания происходящего. Вся наша официальная жизнь делала и делает вклад в наше языковое творчество. Но сама она сначала происходила из этого источника. Безудержное словоблудие есть наша исконная национальная черта. А возьмите всю нашу историю за сто лет до революции. Что это? Прежде всего словоблудие. Вот и наблюдали на свою шею. Все языки такие, говорит Старая Девица. И все-таки, говорит Однорукий, в нашем языке есть некая фундаментальная предрасположенность к словоблудию, которая в других языках не столь развита. Возьмите, например, многосмысленность языковых выражений. Это явление повсеместное. Но у нас оно имеет особый вид, отличающий наш язык от прочих. У нас в самых, казалось бы, безобидных случаях многосмысленности заключена некая изначальная социальная тупость, с одной стороны, и ехидность, ядовитость, насмешка — с другой. По нашим языковым штучкам можно нашу социологию изучать, не производя никаких наблюдений и вычисле-

ний. Вы все, конечно, бывали в нашей поликлинике. А обратили вы внимание, какой лозунг висит в регистратуре? Нет, конечно. Мы к лозунгам привыкли и вообще их не читаем. А там висит любопытный лозунг: «Ваше здоровье — наше богатство». Аналогичный лозунг в нашей районной поликлинике, говорит Молодая Девица: «Ваше здоровье есть народное достояние». А что тут особенного? А вы вдумайтесь, говорит Однорукий. Конечно, говорит Старая Девица, тут что-то есть. Но ведь так во всем можно найти скрытый смысл. В юности я работала в одной заводской газетенке. Кажется, что особенного в лозунге «С именем Ленина—Сталина мы победим!»? На Политбюро наверняка одобрили. И все же в нашей газетенке ухитрились придать ему иной смысл, напечатав первую часть лозунга на одной странице, а вторую — на другой. И в результате всю редакцию посадили.

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Проблема создания избытка предметов потребления, по мнению товарища Сусликова, не самая трудная и не самая главная. Это — производная проблема, и мы ее могли бы разрешить в два года, если бы думали только об этом. Более серьезной является проблема возникновения многого такого, что не предусмотрено, не контролируется до конца, является излишним, отвлекает внимание, засоряет перспективы и горизонты. Например, в свое время у нас в год выпускали всего пятьдесят кинофильмов. Выход каждого на экран был выдающимся событием. По каждому из них принимались решения ПБ. Вождь Партии лично просматривал каждый из них, давал советы при их подготовке. А что теперь? Теперь в год выходит на экраны Страны более двухсот художественных фильмов. Более сотни задерживается по тем или иным причинам. Около пятисот находится в производстве. А сколько детских, научно-фантастических, научных, документальных и прочих! Может ли ПБ и лично Вождь Партии уследить за всем этим? Конечно нет. Значит, дело так или иначе пускается на самотек. Конечно, есть особый Комитет кинематографии, есть сектор в Отделе Культуры в

ВСП, есть отдел в Министерстве Культуры. А что это такое? Это тысячи и тысячи людей. А сколько людей занято в производстве фильмов! И думаете, положение с фильмами лучше, чем раньше? Ничуть! Раньше каждый фильм запоминался, смотрелся миллионами людей, выполнял огромную воспитательную роль. Теперь выходят сотни фильмов, а смотреть нечего. Даже хорошие фильмы забываются сразу же после просмотра. Я думаю, говорил товарищ Сусликов, нам надо вернуться к прежней форме работы в этой области. Нынешняя ситуация есть во многом результат ослабления партийного контроля над искусством и уступок Западу. Каждому здоровому гражданину с высокоразвитым коммунистическим сознанием достаточно и десяти (ну, от силы — двадцати) высокохудожественных фильмов в год. В результате повысится уровень кинопромышленности, укрепится партийный контроль в этой области, высвободится несколько сот тысяч здоровых и грамотных людей, которых можно будет использовать, допустим, в сельском хозяйстве, в химической промышленности или других отраслях хозяйства Страны.

Или возьмите, например, производство одежды. Здесь избыточность типов тканей, фасонов одежды одного типа, различных видов одежды достигает чудовищных размеров. Экономисты подсчитали, что если свести эти типы и виды к необходимому минимуму, то резко повысится качество продукции, производство ее можно будет сконцентрировать в нескольких строго контролируемых местах, удобных со всех точек зрения (транспорт, хранение, рабочая сила). И опять-таки высвободится до миллиона человек по всей Стране. В результате такого рода мероприятий мы сможем увеличить вдвое средства на идеологическую работу, на Органы Безопасности и на оборону. Предполагаемое увеличение армии вдвое (для начала) вполне можно будет покрыть за счет таких мероприятий, если их осуществить комплексно по всем аспектам жизни Страны.

И в таком духе товарищ Сусликов прошелся по всему, что существенно для нашей жизни. Вплоть до отпусков, поездок на отдых, туристических походов, квартир, туалетов, посуды, мыла... У меня сложилось впечатление, что это — не просто мечты выжившего из ума дегенерата, а реальные планы, вынашиваемые там во мно-

гих мудрых головах. Стремление к контролю надо всем неизбежно порождает мечту о предельном упрощении и даже примитивизации всего строя нашей жизни.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОД

История — это события, говорит Командированный. В истории происходит нечто, решаются важные проблемы. Исторически у нас свергали царя, гнали помещиков и капиталистов, отражали интервенцию, восставляли хозяйство, создавали промышленность... Но чтобы решать эти исторические задачи, нужны были миллионы и миллионы незначительных неисторических пустяков — нужна была мелкая и незаметная с исторической точки зрения социология. Например? Например, размещение людей по домам, расстановка столов в канцеляриях, выписывание справок, подписи, печати... Получение штанов, пайков, званий... Исторические задачи решались и исчезали. Исторические события происходили и тоже исчезали. Исчезали, оставив после себя миллионы и миллионы тех самых социологических пустяков, которые складывались без поз, без гимнов, без манифестаций, без речей, без которых не были бы возможны сами ушедшие явления истории. Именно они оказались остающимся продуктом великой истории, будучи в принципе неисторичными, а не те выдающиеся события, которые претендовали на смысл истории. И были таковыми на самом деле. Вот в чем дело! История неслась во главе конной лавины с шашкой наголо и в развевающейся бурке, произносила зажигательные речи с броневигов. А в это время незримо делала свое дело социология. Она, повторяю, расставляла столы в канцеляриях, подписывала бумажки, назначала на должности... История расчистила арену для чего-то такого, что уже было до этого, рвалось и затем заполнило собою все, но о чем история даже и не помышляла. Проследите лозунги и программы революционеров и реформаторов всех сортов, и вы будете потрясены полным пренебрежением к этому враждебному истории нечто. Это нечто и есть будничная социология. Вот тут и нужно копать, а не историю пережевывать. История отвлекает внимание не

в ту сторону. Марксизм не случайно настаивает на историзме. Историзм в принципе антисоциологичен. Марксизм был политичным, потом стал идеологичным. Но он никогда не был социологичным. Он историчен по сути. И потому он не способен познать истину о нашем обществе, если бы даже захотел. Какой из этого напрашивается вывод? А вот какой! Денег у нас кот наплакал. Даже на бутылку самой дешевой дряни не потянем. Видите, цветы бабка продает? Двадцать копеек букетик. Берем, и в ресторан. Там наверняка какой-нибудь банкет есть. В свое время мы частенько так поступали. Вышибалы нас запомнили и пропускали без звука, принимая за стукачей. Но потом настоящие стукачи приняли нас за диссидентов, собирающих сведения для иностранных журналистов. И наша лафа кончилась. Здесь, надеюсь, до этого не дойдет.

СЛУЧАЙНЫЕ СТРАНИЧКИ

Товарищ Сусликов прибыл в Вождянск в трудный период. Город выполнил план по сдаче государству мяса, масла и хлеба и взял на себя повышенные обязательства к предстоящему юбилею. Однако безответственные элементы, подпавшие под влияние западной антисоветской пропаганды, совершили ряд враждебных вылазок. На стенах некоторых зданий среди хулиганских надписей стали появляться антисоветские лозунги, например — «Ленька дурак!» (намек на первого секретаря Горкома Партии), «Пососи мой ...!» (намек на отсутствие мяса в магазинах), «А сами-то вы кто?!» (защита диссидентов) и другие. На площади Хо Ши Мина произошло надругательство над нашими святынями посредством пририсовывания усов руководителям Партии и Правительства и вставления папиросы в рот портрета самого Генерального Секретаря. Наконец, члены диссидентской группы, окопавшиеся в ЧМО, начали систематическое обгаживание намятников выдающимся деятелям нашей Страны путем делания около них по-малому и даже по-большому, а также написания на постаментах слова из трех букв углем и мелом. В результате досрочное выполнение и перевыполнение повышенных обязательств оказалось под угрозой срыва. Прибыв в Вождянск, товарищ Сусликов собрал расши-

ренное совещание актива и призывал всех трудящихся города в соответствии с решениями Сентябрьского Пленума ЦК КПСС подойти творчески.

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Много всяких выдающихся вкладов внес товарищ Сусликов в сокровищницу марксизма-ленинизма. Но самый значительный из них — это теория всеобщего паскудства, которую товарищ Сусликов вставил в пустое место, образовавшееся в этом месте после изъятия из него безнадежно устаревшей теории диктатуры пролетариата. Жаль было, конечно, классиков марксизма. Они так гордились своей теорией диктатуры пролетариата! Они так надеялись на пролетариат! Они готовы были все свои бессмертные открытия отдать предшественникам, лишь бы за ними (за классиками) сохранили самое главное: доведение всего и вся именно до диктатуры пролетариата. Кто бы мог подумать, что пролетариат сам окажется доведенным, как говорится, до ручки! Да, трудно было товарищу Сусликову решиться на такой шаг эпохального значения, очень трудно. Полдня он колебался. Пообедал без особого аппетита. Вторую половину дня он опять колебался. И лишь поздно вечером отдал распоряжение подготовить для него к утру подходящую теорию, с помощью которой он решил заполнить пустое место в марксизме, образовавшееся после постепенного и неприметного изъятия из него той самой злополучной теории диктатуры пролетариата.

Тотчас же Помощник позвонил Секретарю и приказал немедленно разыскать Автора и доставить его, живого или трезвого, в ВСП. В одиннадцать ноль-ноль Автора нашли в Опорном Пункте милиции, где дружинники били ему морду за неповиновение, и доставили в поликлинику ВСП, где его привели к виду, пригодному к беседе на высоком уровне. В двенадцать ноль-ноль его ввели в кабинет Помощника. Привет, Старик, сказал Помощник. Давненько не видались. Ты неплохо выглядишь. Экстренное задание: чтобы к утру была теория! Вклад, понимаешь?! Понимаю, сказал Автор. Но у меня условия: трехкомнатная квартира! Будет тебе квартира, сказал Помощник. Дудки, сказал Автор. Сколько раз вы

меня надували?! Сначала квартира, потом теория. Пока не въеду, за теорию не сяду. Но сейчас же ночь, сказал Помощник. А мне какое дело, сказал Автор. Они все дрыхнут, а я изволь выдумывать им вклад в сокровищницу их бредовых идей?! Сейчас двенадцать. За четыре часа можно оформить квартиру. Два часа нам на переезд. А за оставшиеся два я продиктую новую теорию. Ладно, сказал Помощник Автору. Иди домой и жди. Послушай, сказал Помощник по телефону Начальнику ОГБ после ухода Автора, прикажи твоим ребятам, пусть они этому кретину изобразят квартиру. Он просит трехкомнатную. Что? Ха-ха-ха! Валяй пятикомнатную. Вот потеха будет! Что потом? Это очевидно, он может наболтать много лишнего. Спокойной ночи!

СЛУЧАЙНЫЕ СТРАНИЧКИ

Согласен, говорит Ученик, все они всплыли главным образом за счет того, что ничего существенного не делали, а только делали вид, что они делают грандиозные дела по претворению в жизнь высоких постановлений. Но были же в их биографии какие-то особенные события, которые оправдывали в глазах окружающих их выдвижение? Когда как, сказал Учитель. Общей закономерности я не заметил. Тужильников, например, сделал головокружительную карьеру так. Он заведовал Отделом пропаганды в Горкоме Партии, когда праздновали юбилей Сусликова. Совсем случайно он раскопал (конечно, не сам, а кто-то из его инструкторов) в районной газете маленькую статейку о каком-то совещании, на котором выступал молодой Сусликов. Статью зачитали на торжественном заседании ЦК, и в ближайшее время Тужильников был избран делегатом на съезд Партии, на съезде был избран в ЦК. А дальше от него требовалось одно: сидеть и ждать. И он дождался, как вы знаете. Сам же Сусликов возвышался сравнительно плавно, постепенно. Но у него был один решающий скачок. Заметил он как-то в газете статью директора местного музея о том, что найдены новые документы, согласно которым Вождянск был основан девятьсот лет назад. Потом выяснилось, что документы были липовые, но это уже не играло роли. У Сусликова, естественно, мелькнула

мысль торжественно отметить юбилей города. Создали юбилейную комиссию, которую он возглавил сам. И, наплевав на все хозяйственные и прочие дела, Сусликов развил бурную деятельность по подготовке юбилея. Тут ему пришла (сама собой или по подсказке, что всего вероятнее, кардинальная идея: 1) организовать желание трудящихся присвоить городу имя Бражнянск; 2) пригласить самого товарища Бражника посетить город в день юбилея. Расчет оказался безошибочным. Товарищ Бражник город Бражнянск посетил, произнес речь, городу и всем руководящим лицам дали награды, Сусликову присвоили звание Героя и отозвали в Москву в аппарат ЦК на ответственный пост. Город Сусликов оставил в ужасающем состоянии. За дни юбилея в магазины пустили чуть ли не весь годовой запас продовольствия, чтобы создать видимость изобилия.

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Созданная товарищем Сусликовым научная теория всеобщего паскудства представляет собою конкретный план перехода от высокоразвитого социализма к полному коммунизму в условиях неуклонно ухудшающегося жизненного уровня трудящихся и усиливающихся репрессий в отношении инакомыслящих. Чем хуже мы живем, учит Сусликов, тем стремительнее мы должны двигаться вперед к коммунизму. Когда жить хорошо и с каждым днем жизнь улучшается, коммунизм построить и дурак может. Много ума и сил на это не нужно. Вот когда жить скверно и с каждым днем жизнь ухудшается, вот тогда-то и требуется наше гениальное учение и коллективная мудрость партии.

Мы должны отказаться от мещански-мелкобуржуазного, потребительского понимания коммунизма как некоего рая земного, в котором будут течь винно-молочные реки с огуречно-кисельными берегами, учит товарищ Сусликов. Коммунизм — это прежде всего новые грандиозные трудности, которые трудящиеся будут героически и самоотверженно преодолевать под мудрым руководством ВСП и лично товарища Сусликова. Эти трудности временные, и в этом состоит их сила. Наша сила именно в тех трудностях, которые нам предстоит преодолеть и

с которыми не способно справиться ни одно капиталистическое государство. По трудностям, выпадающим на душу населения, мы уже давно превзошли даже самые отсталые капиталистические страны и вплотную приблизились к недоразвитым странам третьего мира. В этом-то и состоит притягательная сила нашего примера для всего прогрессивного человечества.

Такой правильно понятый коммунизм, учит товарищ Сусликов, уже не за горами. И если мы умножим усилия по бессмысленному разбазариванию средств на идиотскую внешнюю политику и еще более идиотскую внутреннюю политику, то мы можем построить коммунизм еще при жизни нынешнего поколения (если, конечно, оно уцелеет до того времени). Коммунизм, учит товарищ Сусликов, можно было бы построить и в одной отдельно взятой стране. Но это было бы несправедливо, во-первых, по отношению к трудящимся других стран, поскольку им было бы обидно и завидно, что они еще не достигли и не вошли. Это было бы несправедливо, во-вторых, по отношению к трудящимся страны, построившей у себя коммунизм. Интернациональный долг обязывает трудящихся других стран (желательно — всех) взять на себя свою долю трудностей, чтобы у трудящихся, построивших в своей стране коммунизм, в свою очередь не осталось чувства обиды и зависти: мы, мол, тут в дерьме живем, а они там от жира бесятся, сволочи. Тут должен быть соблюден принцип подлинного интернационализма: погибать, так всем вместе!

Необходимым условием перехода к правильно понятому коммунизму, учит товарищ Сусликов, является создание обстановки всеобщего паскудства. В этом — ядро учения товарища Сусликова, превосходящее устаревшее учение о диктатуре и гегемонии. Всеобщее паскудство есть такое состояние общества, когда каждый человек может сказать о любом другом следующее: о Господи, и откуда только такая мразь берется?! Такое состояние нужно для того, чтобы люди могли без всяких угрызений совести (с кристально чистой совестью, что возможно лишь при полном отсутствии совести — не может быть грязным то, чего нет) идти в коммунизм, нисколько не стыдясь надвигающегося своего будущего. Чтобы противно не было. Чтобы не тошнило. Чтобы люди при этом могли спокойно сказать себе и друг другу, что таким гнусным

тварям ничего другого и не остается, как впасть в полнейший коммунизм. Туда им и дорога! Чтобы людям было просто неловко идти назад или вбок, где их от одного взгляда друг на друга начало бы выворачивать наизнанку, хотя бы у них и не было с утра ни в одном глазу. Одним словом, чтобы мы на своем знамени могли написать прекрасные слова, выражающие вековые чаяния лучших дочерей и сыновей народа: «Все мы — говно!»

СЛУЧАЙНЫЕ СТРАНИЧКИ

Насчет идеи высокоразвитого социализма одно время были разногласия, говорил Учитель. Сначала ходил слух, будто стадию высокоразвитого социализма придумали в шутку безответственные элементы, которые в те времена развелись в огромных количествах из-за ошибочного либерализма. Но я досконально изучил этот период. И смею вас уверить, что открыл эту стадию сам товарищ Сусликов на том самом совещании. И все, что тут написано, истинная правда.

Среди вопросов, заданных товарищу Сусликову на том историческом совещании, был вопрос: а что будет после того, как кончится развитой социализм, сразу коммунизм или еще что-то? Товарищ Сусликов ответил, что решать такую важную проблему будет высшее руководство Партии коллегиально. И все будет зависеть от конкретной обстановки, как нас учит марксистская диалектика. Не исключено, что будет высокоразвитый социализм, поскольку переход к полному коммунизму будет постепенным. В высокоразвитом социализме уже многие стороны жизни будут протекать как при полном коммунизме, но многие другие еще будут протекать как при развитом социализме. Впоследствии товарищ Сусликов развил это свое гениальное предвидение в докладе на съезде Партии.

СЛУЧАЙНЫЕ СТРАНИЧКИ

У нас нет иных критериев различения значительного и ничтожного, кроме величин, относящихся к социальным структурам, говорит Учитель. Например, идея

высокоразвитого социализма в качестве хохмы бражнического забулдыги есть явление ничтожное даже с точки зрения юмора; в качестве предположения Секретаря Горкома Партии — заслуживающая внимания мысль; а в качестве заявления Генерального Секретаря ЦК КПСС — величайший вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Когда мы рассматриваем поступки людей, как таковые, они все нам кажутся ничтожными, поскольку любой из нас способен их совершить не хуже. Но если учесть ступень, на коей стоит человек, число глаз, направленных на него, число лиц, на коих сказывается его само по себе ничтожное действие, отрезок времени, в течение которого сказываются последствия этого действия, силу, распространение и продолжительность отражения этого действия в средствах пропаганды, то картина получается уже иная. И знаете, что любопытно? Начиная с некоторой величины, значительность поступков крупных фигур начинает снижаться, если реакция среды на эти поступки остается однообразной. При этом условием сохранения значительности становится наличие отрицательных реакций, в частности — критики, оппозиции. Поэтому наши руководители, подавляя своих противников и критиков режима, сами занижают свою социальную значимость. А наши оппозиционеры и критиканы, насмехаясь над юбилейными речами вождей, над теоретическими «открытиями», конституциями и прочими акциями, тем самым вносят свой вклад в превращение этих пустяков в великие исторические события. А что нужно, чтобы это не произошло? — спросил Ученик. Игнорирование или похвала, сказал Учитель. Всеобщее одобрение возвращает ничтожеству его подлинную ценность такового.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОД

С точки зрения исторического подхода, говорит Командированный, имеют значение такие факторы, как вера в идеалы, фанатизм, незнание фактов, непонимание происходящего, перегибы, искривления, ошибки, просчеты, злоупотребления и т. д. С научной же точки зрения все эти явления сами суть производный продукт определенной нормальной социальной позиции людей и стремления занять какие-то естественные позиции. От

таких явлений надо отвлечься в первую очередь, объяснив их как следствия и приняв их затем во внимание как обстоятельства, затемняющие суть дела. В исходном пункте научного подхода мы должны принять, что люди совершают поступки с пониманием ситуации и ближайших последствий поступков. Между прочим, это имеет силу для подавляющего большинства фактически совершающихся социально значимых поступков людей. Вы меня понимаете, надеюсь, поскольку вы — представители подлинной науки, судя по вашим потертым штанам и пустым карманам. И конечно, по безумному желанию продолжить начатое нами дело. А наши диссиденты, будучи сами типичными продуктами советского общества, начисто отвергают всякие попытки научного подхода, ибо они на первых порах выглядят как апологетика.

А вообще, говорит Командированный некоторое время спустя, никаких теоретических проблем, которые не были бы тривиальными, тут нет. Все очень просто. В любом обществе лишь небольшая часть населения страны может жить социально активной жизнью. В современном обществе эта часть колеблется в пределах от одной десятой до одной пятой. И цель социально активной части — устроить жизнь социально неактивной части так, чтобы последняя не стремилась изменить существующее устройство с ущербом для первой. А вся история затем идет как спектакль социально активной части населения. Эта идеальная схема нарушается только из-за того, что отдельные представители социально активной части выбирают для себя необычные роли и вовлекают в игру представителей неактивной части, то есть нарушают правила игры. И ничего нет удивительного в том, что от них стараются избавиться.

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Как это ни парадоксально на первый взгляд, учит товарищ Сусликов, но именно создание всеобщего паскудства является самой трудной проблемой на пути построения правильно понятого коммунизма. В семье, как говорится, не без урода, а одна паршивая овца может испортить все стадо. Недавно потушенная вспышка диссидентского движения свидетельствует о том, что даже

В условиях комплексного коммунистического воспитания людей отдельные индивиды сохраняют некоторые пережитки буржуазного индивидуализма, которые складывались веками, — личное достоинство, совесть, честь, независимость духа, правдивость, озабоченность судьбами людей. А дурной пример заразителен. Без поголовного же превращения граждан в холуев, пошляков, дураков, подхалимов, трусов, доносчиков, крохоборов, циников, лжецов, хапуг ни о каком коммунизме и думать нечего.

Нет покоя и вождям долгими ночами:
Очень трудно всех людей сделать сволочами.
Непременно хоть один где-то заведется,
Что с насмешкой про дела наши разорется.
Без понятия проблем, без почтения к чину.
И испортит, негодяй, гладкую картину.
Научились мы вести массы за собою.
От прохвостов-холуев нет у нас отбою.
Нам на новую ступень надобно стремиться,
Чтоб не вылезла нигде эта единица.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОД

В нашем обществе предпринимаются титанические усилия, чтобы помешать этому самопознанию. Армия специально обученных и хорошо оплачиваемых людей систематически занимается искажением нашей и вообще мировой истории, фальсификацией нашей текущей жизни, разработкой и распространением ее ложного понимания. Мощнейший аппарат карательных органов бдительно следит за появлением малейших зародышей научного понимания фактов и законов нашей жизни и беспощадно их искореняет. Нет более тяжкого преступления, с точки зрения не только властей и привилегированных слоев населения, но и вообще большинства населения, чем высказывание правды о нашем обществе и стремление постичь его закономерности. Наше общество объективно устроено так, что научное понимание его воспринимается как разоблачение его неприглядной, всеми скрываемой преступной природы. Общество имеет неограниченные возможности расправиться со всяким,

кто дерзнет сказать о нем правду, затрагивающую самую его суть. У нас скорее примирятся с деятельностью, направленной против общества, чем с научным его пониманием, осуществляемым в его же интересах. Самопознание общества есть (по крайней мере, в наших условиях) глубокая и ожесточенная борьба внутри этого общества. Так что когда вы требуете «больше дела и меньше слов», вы фактически избираете более легкий путь. Насколько мне известно, наша деятельность вообще резюмируется в двух словах. А если вы словами здесь называете научное (то есть обобщенное и абстрактное) описание нашей жизни, так пора бы понять, что без этого вся прочая наша деятельность обречена на ничтожно малые результаты или на полный провал.

Но если мы хотим разобраться в том, что из себя представляет наше общество, научиться правильно оценивать происходящие события, предвидеть последствия тех или иных важных мероприятий, мы должны делать это профессионально, по правилам научной деятельности, а не ограничиваться кустарщиной. Я вас не призываю превращаться в ученых историков, социологов, экономистов, психологов и т. п. Я вас призываю усвоить лишь некоторые важные методологические принципы, дающие возможность правильной методологической ориентации в весьма сложном потоке событий нашей жизни. Что это такое, постараюсь пояснить на таком примере.

Возьмите любое значительное событие нашей истории, и вы обнаружите отсутствие единого и бесспорного его причинного объяснения. Причем это имеет место не только в тех случаях, когда о событиях многое неизвестно, но и в тех случаях, когда о них собрана подробнейшая информация. В этих случаях даже хуже. Здесь предполагается больше вариантов объяснений, и споры между ними острее. И бесспорное объяснение нельзя получить из объединения различных объяснений, ибо само стремление найти объяснение таких событий истории вообще лишено смысла с методологической точки зрения. О них можно более или менее подробно рассказать. Можно описать предшествующую ситуацию и последующие события. Можно сравнить с другими событиями того же рода и т. д. Но нельзя причинно объяснить. Чтобы бесспорно утверждать, что данная совокупность

событий *A*, предшествовавших событию *B*, породила это событие *B*, нужно иметь возможность повторить историю в тех же условиях и с *A*, в тех же условиях, но без *A*, или иметь некоторую бесспорную теорию, в которой как следствие дедуцируется утверждение «*A* породили *B*». Повторить историю, вы знаете, невозможно. Попробуйте, например, повторить период гитлеризма или сталинизма. И потому опытные суждения о причинах, породивших *B*, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Что же касается теории, то в случае построения теорий для таких сложных, многообразных и изменчивых процессов, как исторический процесс, они имеют совсем иные цели и иную ориентацию внимания. Утверждения таких теорий могут давать возможность предсказания будущих событий, но из них не выведешь эмпирические утверждения типа «*A* породили *B*».

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Необходимо ввести, учит товарищ Сусликов, идеологический час в каждый рабочий день, идеологический день в каждую неделю, идеологическую неделю в каждый месяц, идеологический месяц в каждый год и идеологический год в каждую пятилетку. Какой смысл мы вкладываем в понятие идеологического часа, дня, недели, месяца, года? Огромный! В этот отрезок времени трудящиеся обязаны будут работать с удвоенной энергией, отдавая сверхплановую продукцию безвозмездно в фонд строительства коммунизма. Одновременно трудящиеся в это время будут обязаны изучать произведения классиков марксизма и лично товарища Сусликова. Сдавать по ним зачеты и экзамены в сети политпросвещения. Одновременно трудящиеся в это же самое время обязаны будут образцово вести себя в быту, активно участвовать в избирательных кампаниях, субботниках и воскресниках, строительных и уборочных отрядах, народных дружинах и других видах подлинно коммунистического труда и самоуправления. В упомянутые идеологические отрезки времени все газеты, журналы, издательства, радио, кино, телевидение, театры, клубы и прочие средства информации, развлечения, просвещения, пропаганды и т. д. должны быть целиком и полностью нацелены на идеологическое

просвещение и убеждение трудящихся. Будут в это время также проводиться практические мероприятия, в которых трудящиеся смогут наглядно наблюдать образцы паскудства, тренироваться в паскудстве и демонстрировать товарищам по паскудству, что они достигли нужного уровня паскудности и могут быть допущены в правильно понятый подлинный коммунизм.

И тот, кто циничней, пошлей и подлей,
Взойдет на истории нашей страницы.
И будут вокруг мириады нолей.
И не встретишь нигде единицы.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОД

— Что ты мне все твердишь о науке, — говорит Философ. — С точки зрения науки человек есть бесструктурный кирпичик в миллиардном скоплении таких кирпичиков. С точки зрения науки общество борется за свое существование. При этом действуют такие-то законы. Здесь люди исчисляются миллионами и миллиардами, а эпохи — столетиями и тысячелетиями. Наука отвлекается от того, что человек имеет неповторимое индивидуальное «я», личную судьбу, короткую жизнь. Отвлекается от того, что человек нуждается в сочувствии, защите, жалости и т. д. Короче говоря, позиция науки в принципе нечеловечна. А позиция индивида в принципе антинаучна. Какое дело человеку до того, что понятие смысла жизни бессмысленно с точки зрения науки. Он спрашивает о смысле жизни и ищет его. Какое дело человеку до того, что с точки зрения науки люди обречены лгать, лицемерить, доносить, хапать, ставить подножку и т. п. Он хочет честности, искренности, надежности, отзывчивости, помощи и т. д. По науке тела падают. А человек мечтал не падать. И видишь, он полетел. Я думаю, что прогресс общества зависит от антинаучных мечтаний и стремлений человека не в меньшей мере, чем от достижений науки. И притом антинаучны ли они на самом деле? Они просто реальный факт жизни людей, как те гнусные качества людей, появление которых имеет научное объяснение.

— Но ты же признаешь, что они не имеют оснований в социальных законах общества, — говорит Математик.

— Но они имеют какие-то другие основания, — говорит Физик. — Почему бы, например, не допустить некий закон негативизма, заложенный в психической природе человека, по которому в определенном проценте случаев люди поступают вопреки здравому смыслу социального бытия? Я не думаю, что всегда в основе благородных поступков людей лежит скрытая корысть. Бывают же бескорыстные импульсивные порывы. Они и случаются по этому закону.

— Возможно, — говорит Математик. — Но вы не построите на этой чисто негативной гипотезе теорию, дающую подтверждаемые прогнозы.

— А много ли надежных прогнозов дает твоя научная теория? И почему именно теории строить?! Люди просто чего-то хотят и действуют согласно своим хотениям. И из этого что-то получается. Ведь все достижения западной цивилизации достигнуты вопреки законам общественного процесса, благодаря желаниям людей, идущим вразрез с этими законами. Нет, я категорически против того, чтобы выработать нашу программу в соответствии с законами общества. Коммунисты тоже ссылались и ссылаются на законы. На другие, правда. Но чем они хуже тех, на которые собираемся ссылаться мы? Нам лично надо изучать это общество научно, чтобы делать выводы для своей деятельности. Но людям мы должны предлагать не законы, а нечто понятное им и отвечающее их интересам. Какое удовольствие людям оттого, что мы дадим обоснование тенденции к снижению жизненного уровня населения и покажем, что нынешний хронический дефицит продуктов питания есть неизбежное следствие социальной системы, а не плохой погоды? Мы должны дать объективную справку о продовольственном положении в Стране и потребовать мер улучшения. Пусть эти меры противоречат законам нашего общества. Цивилизация вообще есть расстановка перегоронок и подпорок, выдумывание противоестественных мер.

— Я согласен с этим, — говорит Физик. — Наши Хроники стали смахивать на бюллетени Научного Студенческого Общества. Думаю, что их надо сделать менее академичными, но более мужественными и деловыми. Конечно, материалы теоретического порядка

надо давать, но короче и не так часто. Сейчас у нас главная проблема — подготовка материалов по ИСИ. Что они там тянут?

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Под водительством товарища Сусликова был создан Воспитальник — сборник проповедей, которые должны произносить вслух или про себя воспитуемые и воспитующие в тех или иных случаях жизни. Воспитальник состоит из двух частей. В первую часть (Воспитан) входят воспиталки, которые воспитующие относят сами к себе. Во вторую часть (Воспитал) входят воспиталки, которые воспитующие относят к воспитуемым. Пример воспиталки первого рода: «Родная Партия! Благодарю тебя за все те неисчислимыя блага, которые ты дала мне. Только благодаря твоему мудрому руководству я имею хлеб насущный, кров, свободу и здоровье. Да святится имя твое в веках! Да будет мудрое руководство твое вечно! Да будет воля твоя как на всей земле, так и в космосе!» Пример воспиталки второго рода: «Наши Партия и Правительство дали тебе все, что нужно для счастливой жизни, открыли тебе все пути для раскрытия твоих творческих способностей и честного служения Родине, Народу, Партии. А ты, мерзавец... твою мать, бросил окурочку мимо урны! Нагнись, пока я тебя не свел в милицию, где тебе зубы посчитают, подыми и брось как следует! О Партия родная! Да святится имя твое в веках! Да будет мудрое руководство твое вечно! Да будет воля твоя как на всей земле, так и в космосе!»

В каждой части Воспитальника содержатся воспиталки на все основные случаи жизни людей применительно к их возрасту, положению, полу, образованию и т. д. Оптимальная классификация их была достигнута с помощью электронно-вычислительных машин. Первоначально был составлен беспорядочный перечень всех встречавшихся в нашей житейской практике воспиталок из двадцати миллионов штук. С помощью машин их удалось не только упорядочить, но и минимизировать, то есть выделить такую тысячу основных, из которых логически следуют все остальные, причем с такой логической очевидностью и неотвратимостью, что спорить с этим бесполезно. Напри-

мер, из воспиталки «Тебе Партия и Правительство дали все, а ты!!!...» следует практически бесконечное число конкретных воспиталок вроде «Тебе Партия и Правительство дали ученую степень и звание, квартиру и хороший оклад, а ты отвечаешь за это черной неблагодарностью!». Черная неблагодарность может быть конкретизирована как встречи с иностранцами, пьянство, выражение недовольства по поводу отсутствия продуктов питания или повышения цен на них. Любой гражданин научается легко делать выводы производных воспиталок из основных после окончания двухнедельных общеобязательных Курсов Комплексного Воспитания при Районных Комитетах Партии.

На Чрезвычайной сессии Государственного Совета был принят закон, по которому все граждане обязывались учить Воспитальник с детства наизусть и читать воспиталки вслух в положенное время и в положенных местах. Уклонение от этого расценивалось как преступление, караемое содержанием в специальных лечебно-трудовых лагерях.

И сбылися, наконец, замыслы кретина —
Воплотилася сполна нужная картина.
Снизу — стройные ряды дружного народа,
На трибунах же — вожди всяческого рода.
Массы лозунги несут и вопят: «Да здрасьте!»
С высоты им верный путь указуют власти.
И шагают день за днем стройными рядами,
А куда они идут, догадайтесь сами.

ПУТИ ИСПОВЕДИМЫЕ

— Жить ниже своих возможностей — правило, пожалуй, одно из самых главных. Я вот по своим интеллектуальным данным доктором наук мог быть или начальником главка. Но я не такой дурак, чтобы клюнуть на это. Смотрите, старые дома и мосты... и вообще любые вещи... делали с избытком прочности. И они до сих пор стоят и живут. А теперь? Теперь впритык, а то и вообще... А результат? Верно, не успели построить, как ремонтировать надо. Или едва вождь вылезет в боги, как ему под зад коленкой давать надо и разоблачать как

круглого болвана. Но есть, братцы, еще одно в высшей степени интересное правило. Открыть-то я его открыл, а сам до сих пор удивляюсь ему. Вот это правило: не имей ничего и будешь иметь все! Я, например, самый низкооплачиваемый сотрудник в нашей конторе. Несколько раз мне хотели повысить зарплату. Но я ни в какую. Что-нибудь придумывал, чтобы не было этого. Один раз заместителю директора бутылку коньяку сплил, чтобы он меня из списков на повышение вычеркнул. А почему? А вот почему. Путевка в дом отдыха, например, стоит сотню. А я имею ее за семь рублей, со скидкой, соцстраховскую. Потому что я низкооплачиваемый. Безвозмездная ссуда пару раз в год. Премии за хорошую работу (всем ясно, что работа тут ни при чем). Одним словом, подсчитать — раз в десять больше повышения получается. И почет сохраняется: низкооплачиваемый! Тут недавно молодежь организовала экскурсию по историческим местам на неделю. На автобусах, с питанием, с гостиницами. Предложили мне присоединиться. Я, говорю, не против, но сами понимаете, я же низкооплачиваемый. Они говорят, пустяк. Местком оплатит вашу долю. Раз так, говорю, пишите. И еду. А экскурсия эта не столько по историческим местам, сколько по значным местам в районе этих исторических мест. А тут ребятам нужен не столько толковый экскурсовод, сколько толковый кабаковод. И в учреждении спокойны: раз я поехал, все будет в порядке. Пить будут, но головы не потеряют, потому как с ними опытный... старый член партии... Понятно? Семь дней сыт, пьян и нос в табаке. И насчет женщин... ну, это вопрос особый. Повторим? После экономии на костюме я спрятал в записочку двадцать рублей. Минуточку... Вот они, миленькие! Итак...

Потом мы опять заговорили о нашей партийности. Один сказал, что теперь осторожно принимать стали. У них в учреждении на этот год всего два места выделили. Другой сказал, что это для интеллигенции и чиновников стало труднее. А рабочих и крестьян заманивают, а те не идут. Зачем им в партию? Карьеру они все равно не делают. А свой кусок хлеба они и без партии зарабатывают. Вспомнили анекдот про Абрамовича, которого исключили из партии и который увидел сон, как американский президент выступил в конгрессе с требованием восстановить Абрамовича в партии, иначе, мол, амери-

канцы нам хлеб продавать не будут. Выяснилось, что имеется более десяти вариантов этого анекдота. Четвертый сказал, что отношение русского человека к партии точнее выражает такая хохма. Вышибли Ивана из партии за пьянку. С горя он напился и набил морду постовому милиционеру. Его в суд. Судья спрашивает, как он дошел до этого. А он говорит, что напился с горя, поскольку из партии выгнали, а он ради партии на все готов, он ради партии готов набить морду самому Генсеку, а не то что постовому. Судья Ивана оправдал, а на работе его восстановили в партии, ограничившись выговором.

О СОЗНАТОРИЯХ

Вот что рассказал один из членов оперативной группы Комитета Гласности, проработавший в сознатории около года в качестве воспитателя.

— Сознаторий есть ублюдочный вариант концлагеря, и не более того. Несколько ослабленный и более «гуманный». Попытка найти такую смягченную форму концлагерей, которая позволила бы впоследствии избежать разоблачений. Значит, побаиваются. Не очень-то они верят в победу в мировом масштабе.

Сначала сознаторию хотели придать вид идеологического оздоровителя. Но от такой видимости отказались даже сами организаторы. Нас, идеологических воспитателей, терпели только потому, что мы были положены по инструкции. Обычно нас использовали совсем для других целей. Я, например, натаскивал сына начальника отделения по английскому языку. Главным средством воспитания «нового человека» сначала были уколы. Что за уколы, не знаю. Да и вообще в лагере никто не знал их состава. Но действие их наблюдал систематически. Уже после трех уколов люди становились покладистыми, миролюбивыми, сонливыми. Между прочим, мамани в Городе использовали эти уколы для своих детишек и были весьма довольны. Незначительная доза, и ребенок спит двенадцать часов. Можно в гости сходить. В очередях постоять. Главный врач говорил (я услышал это случайно), что скоро вступит в строй комбинат, и дозу уколов придется уменьшить, а может быть, вообще придется от них отказаться. Иначе оздоравливаемые не смогут работать.

В сознатории были и женщины. Их прежде всего использовал обслуживающий персонал и охрана. Вследствие уколов у мужчин, очевидно, наступало ослабление сексуальных потенций. И хотя встречи мужчин и женщин не запрещались, те и другие предпочитали спать, причем в одиночку.

Еще до того, как вступил в строй комбинат, жизнь в сознатории стабилизировалась. Произошла дифференциация в среде оздоравливаемых, появилась иерархия, обозначились отношения господства-подчинения, сложились группы. Наладилась связь с Городом. Появились водка и наркотики. Мужчины за деньги стали откупаться от уколов. Причем установилась твердая такса. В общем, стала складываться обычная наша система жизни, правда с более трудными лагерными условиями и потому более явная.

Когда пустили комбинат, охрану вообще сняли. Корпуса оздоравливаемых превратились в дома с коммунальными квартирами. Уколы сократили, а потом отменили совсем. Люди переженились. Пошли дети.

Побеги? Бывали, но редко. Уколы делали свое дело. Уже после первого укола исчезало желание к переменам. Хотелось одного: лишь бы не голод, не холод, не побои. К тому же сравнительно с обычными лагерями условия тут более сносные, а все воспринимали свое помещение в сознаторий как тюремное заключение. К тому же пропаганда поставлена так, что большинство было убеждено, что на воле еще хуже.

После пуска комбината все оздоравливаемые стали работать в нем. Работа всякая, но не из приятных. Люди стали поразительно быстро стареть, разрушаться и впадать в мрачную апатию. Участились странные заболевания со смертельным исходом. Ранняя инвалидность. Дети очень часто уроды и слаборазвитые.

Приезжала комиссия из центра. Хватались за голову. Плевались. Но решили, что другого выхода нет. Кому-то тут работать надо. Предложили усилить охрану всего района комбината как сверхсекретного объекта. Постепенно всю идеологическую и медицинскую мерзость, с помощью которой хотели ускоренным порядком воспитать «нового человека», выкинули. Вернулись к старым, надежным методам.

— И чем кончилась эта комиссия?

— Клеветников наказали, анонимщиков выявили и судили. Сейчас с этими анонимщиками сурово поступают, если клевета. Анонимки пиши, только чтобы они с генеральной линией совпадали, а не против шли.

— Вот так сами же мы и покрываем свою мразь.

— А что сделаешь? Там стройки грандиозные. Начни копать — половину начальства судить надо. А кто работать будет? Вы же туда не поедете? Нет? То-то! Не так-то все это просто. Есть естественный ход жизни, который не исправишь никакими лозунгами. У меня для этого есть свое правило: не пытайся исправлять природу!

ИЗ «ЕВАНГЕЛИЯ ДЛЯ ИВАНА»

Один закон для всей Вселенной —
Как ни тужись, как ни потей,
Для эпохальных их затей
Конец наступит непременно.
И мы узрим итог не тот,
Какому нас их свора учит, —
Лишь дряни жиденские кучи,
Не пики блещущих высот.

ДИСКУССИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

— Никакого общественного мнения у нас нет, — говорит один интеллигент другому в коридоре одного солидного учреждения.

— Ерунда, — возражает другой. — Оно есть, только никто не знает, что это такое.

— Грубая ошибка, — настаивает на своем первый. — Все знают, что это такое, но не имеют. Могу обосновать свой тезис. Начнем, естественно, с начальства. Начальство отвергает существование общественного мнения по очень простой причине, о которой само оно и не подозревает. Оно боится того, что если оно существует, то оно против него. Кто и что здесь есть «оно» и «него», роли не играет, ибо если одно против другого, то другое тем более против первого. А раз его нет (на сей раз определенно речь идет об общественном мнении, ибо не бывает так, чтобы не было начальства), то с ним можно

и не считаться. Начальство, поголовно сдавшее на пятерку марксистско-ленинскую философию в Университете Миллионов (в Вечернем Университете Марксизма-Ленинизма, который, по слухам, окончили даже Моше Даян, Голда Меир, Киссинджер, престарелый маршал Броз Тито вместе с Илонкой, Вилли Брандт и сенатор Джексон), твердо знает одно: общественное мнение есть (далее идет цитата из классиков) объективная реальность, пересаженная в руководящую задницу и преобразованная там до такой степени, что... (Тут цитата кончается, и далее идут нецензурные выражения.) Народные массы знают другое «одно»; но это «одно» совсем не то «одно», что знает начальство, ибо народные массы по определению суть те, кто Университет Миллионов не посещал. Массы знают другое «одно», а именно — какое все это сплошное г...о! А глас народа — Божий глас. А Бога все равно нет, хотя потребность в нем ощущается (а в чем, скажите, мы не ощущаем потребности?!). Так что с народом никаких теоретических затруднений нет. Что касается практических затруднений, то они вовсе не затруднения, а трудности. Последние же (опять-таки по определению!) у нас всегда временные. Остаются передовые борцы за. За что именно, вы сами знаете. Так что лучше промолчим, чтобы не вызывать справедливый гнев начальства. Тем более, что это было бы явным вмешательством в наши собственные внутренние дела. Тем более эти самые штучки, за которые передовые борцы борются (боролись, скажем точнее), у нас есть в изобилии и гарантированы новой конституцией. Мы не просто их имеем, мы обязаны их иметь и отвертеться от них не можем ни в коем случае, хотя они нам совсем ни к чему. Во всяком случае, если бы даже их у нас не было, они были бы у нас все равно лучше, чем на Западе. Так вот, передовые борцы за считают... Прошу прощения, считали. Теперь они уже не считают, ибо считают, сколько лет им остается досиживать. Так они считали, что общественное мнение — это лишь они сами, а поскольку их уже нет (заметили, насколько спокойнее стало без них?!), то и общественного мнения нет.

— Но не надо смешивать факт и мнение о его существовании или несуществовании.

— В данном случае факт есть мнение, а мнение о мнении и есть мнение. Если есть мнение, что нет мне-

ния, то мнения нет. А если есть мнение, что мнение есть, то оно есть.

— А если нет мнения о том, что есть мнение?

— То его, разумеется, нет.

— Есть еще четвертая возможность. Согласно твоей логике, отсутствие мнения...

— Означает все равно отсутствие мнения.

— Я склоняюсь к тому, — говорит третий интеллигент (он как раз выскочил из зала с партийного собрания под тем предлогом, что ему надо помочиться), — что у нас общественное мнение в самом деле существует. Его лишь невозможно выяснить, ибо оно по самой природе таково, что применение к нему любых средств исследования немедленно уничтожает его. Вот в чем дело! Тут ситуация потруднее, чем в физике. Там если направить луч света познания на частицу, так она от удивления и неожиданности лишь переменит место в пространстве или повернется к вам задом. А как же иначе? Вот вы, допустим, в два часа ночи пристроились выпить из горла на троих в темной подворотне, и на вас вдруг падает луч света от милицейского фонарика. Что вы сделаете в первую очередь, автоматически, инстинктивно, рефлекторно? Верно! Так чего же вы хотите от частицы?! Но дело-то в том, что частица (да и вы с вашими собутыльниками) не перестает от этого существовать! Спросите любого, даже самого глупого профессора философии... А глупее профессора философии может быть только доцент философии, ибо если уж доцент философии не может стать профессором этой самой философии, то по глупости он превосходит даже профессора философии, каковым он стремится стать... И вам он ответит с четкостью и ясностью классиков марксизма: э-э-э-э... видите ли, вопрос... э-э-э-э... как бы точнее... э-э-э-э... Ладно, черт с ним. Пусть себе мямлит. Мы-то с вами точно знаем, что если не частица, то вы с собутыльниками (смаетесь ли вы немедленно за углом или покорно последуете в участок) остаетесь существовать (как — другой вопрос, не мешайте закончить мысль!) объективно. А общественное мнение немедленно исчезает, стоит его коснуться светочем разума хотя бы самым нежнейшим образом. Вот, например, идет по улице человек. Одет вроде прилично, ибо одет по древнегреческому принципу: все мое ношу на себе. Лицо вроде интелли-

гентное, ибо сейчас у него как раз обострение язвы, а в столовых кормят таким... И в глазах человека невыносимая тоска, ибо ему только сейчас отказали в улучшении жилья, поскольку у него на душу населения приходится три целых и четыре десятые (!) квадратных метра. А вы, допустим, иностранный журналист, приехавший к нам с благим намерением описать объективно, что думают о своей жизни трудящиеся нашей Страны. Вам, конечно, невдомек, что сотрудники ОГБ волокут спереди вас, сзади, с одного боку и с другого боку по десятку специально подготовленных «случайных» прохожих. Но вот почему-то они зазевались, и вы успели сунуть микрофон под нос того самого ошалевшего человека, у которого тоска в глазах. И с места в карьер один вопрос за другим. Как? Что? Почему? Зачем? И что, вы думаете, произойдет с этим человеком? Верно, об этом-то мы и говорим. Язву как рукой снимет. Глаза засветятся верой в наше передовое учение и любовью к Партии и Правительству и лично к товарищу... Вы меня поняли?

— Ладно, — соглашается первый (Скептик). — Пусть оно существует, это ваше дурацкое общественное мнение, раз вам так хочется. Хотя, честно признаюсь, не могу понять, как оно может существовать, если его познать невозможно.

— Ты что?! — орут в один голос оппоненты. — Забыл о печальной участи Канта, Маха, Авенариуса, наших отечественных эмпириокритиков и наших сокурсников Иванова, Петрова и Сидорова, которых выгнали с первого курса за сомнение в сверхгениальности эпохального труда...

— Ладно, — капитулирует Скептик под мощными ударами ленинской критики субъективного идеализма и агностицизма. — Философию я сам когда-то славал на пятерки. Я же не об этом. Ваше общественное мнение, если даже оно существует, все равно не играет никакой роли.

— Посмотрите на этого лаптя, — наслаждаются своим триумфом оппоненты. — Если оно играет роль, оно существует, а если не играет роли — не существует! Оно же существует именно в том, что играет роль!

— Эй вы! — говорит четвертый интеллигент, выходя в коридор из зала (под тем предлогом, чтобы прекратить шум в коридоре). — Прекратите шум! О чем речь? А!..

Ну, это — задачка для начинающих. Конечно существует. И роль играет. Но роль про-ти-во-по-лож-ну-ю!! Поняли? Или, как говорил наш преподаватель-кретин... помните... по истории партии: противолопажную или обратно перпендикулярную. Послушайте, братцы, а что, если?..

МНЕНИЕ ВОЖДЯ СТОЛИЦЫ

Что Они Там мудрят с этими психо-химо-физическими средствами, ворчит Вождь столичной партийной организации, претендующий со временем стать Вождем всей Страны. Стоят эти средства бешеных денег, а толку от них чуть. Раньше жить было куда хуже, а обходились без них. Голод косил людей. Репрессии бесконечные. Это же факт, между нами говоря. А люди все равно верили. А почему? Да потому, что более надежные средства применяли. Какие? Книжки хорошие печатали: «Как закалялась сталь», «Чапаев», «Железный поток». Кинокартины хорошие делали: «Светлый путь», «Кубанские казаки», «Чапаев» опять же, «Ленин в Октябре», «Юность Максима». Песни хорошие пели: «Утро красит», «Широка страна моя родная», «Легко на сердце». Показать такое, спеть такую песню, прочитать такую книжку — все равно что людям десятков уколов сделать. Надежных. И без вредных последствий в виде шумихи на Западе. Сделай пару хороших фильмов с песнями, подкрепи парой процессов над шпионами и идеологическими диверсантами. И руководи спокойно. Нет, вы меня не переубедите. Зря мы тогда пошли на уступки. Запад тоже надо в постоянном страхе держать. А то распустились, сволочи!

МНЕНИЕ МАТЕМАТИКА

Не надо думать, что Они там едины, говорит Математик. Они сами друг другу готовы глотку перегрызть. Вождь Столицы хочет стать Вождем Страны. Идеолог Столицы метит тоже в главные идеологи. Поэтому он поддерживает своего непосредственного вождя и копает яму главному. Начальник ОГБ готовит какую-то па-

кость, благодаря которой он рассчитывает стать фигурой номер один и сделать Вождя своей марионеткой. Главный Идеолог чувствует это и трясется за свою шкуру. Он сам мечтает стать фактическим закулисным правителем. Вот я тут набросал примерную схему расстановки сил в правящей верхушке. Видите? Судя по всему, Начальник ОГБ обречен. Они его все боятся. И потому сплотятся против него. А с его падением рухнет вся их эпохальная затея. Одно дело — газетный треп, другое дело — конкретная работа. А Начальник ОГБ — душа этой затеи и вдохновитель. Без него начнется маразм, и нас утопят в навозе, так, между делом. Надо спешить!

МНЕНИЕ ЗАБУЛДЫГИ

Зря вы смеетесь над диалектикой, говорит неопознанный Забудыга случайным собеседникам. Диалектика вещь серьезная, если к ней отнестись серьезно. Возьмите, например, учение диалектики о форме и содержании. О чем оно говорит? В двух словах: не верь глазам своим! Скажем, формой существования нашей науки является воровство в самом широком смысле слова (то есть не только как плагиат, но вообще как законное присвоение продуктов чужого труда) и пустозвонство. А по содержанию? Величайшие открытия за всю историю, бескорыстное служение истине, героическое служение народу. Правда, нельзя точно установить, что тут форма, а что содержание. Но диалектика — не догма, а руководство к действию. Точно так же и в области социальной истории. Формой (или содержанием) социальной истории у нас является пошлая интрига, а по содержанию (или по форме) это — вехи, этапы, свершения, поступь. Согласно диалектике, происходит отставание формы от содержания (или наоборот) и сбрасывание старой формы (или наполнение новой формы). Одним словом, диалектика. История подобна змее, вылезаящей из своей старой шкуры. Процесс долгий и мучительный. Только в отличие от змеи здесь вехи и этапы образуют обрывки старой шкуры. А живая змея истории все время уползает неведомо куда. В общем, как сказано в «Евангелии для Ивана»:

Что будет, знаем мы заранее.
Мы знать не можем лишь одно:
Кто влезет на вершину здания,
А кто опустится на дно.

Но в этой идиотской их Затее уже сейчас совершенно точно можно предсказать следующее: Начальник ОГБ горит, Вождь Столицы оттирается на второй план, создатели вырождаются в бараки для рабочих...

МНЕНИЕ ИДЕОЛОГА, ВОЖДЯ И НАЧАЛЬНИКА ОГБ

Секретарь по Идеологии встретился с Вождем в присутствии Министра Вооруженных Сил и намекнул ему, что Начальник ОГБ намерен убрать Вождя на пенсию и занять его место. Не случайно он через свою агентуру распространяет на Западе слухи о предстоящем омоложении руководства Партии на десять лет. На Западе называют Начальника ОГБ наиболее вероятным преемником Вождя, так как прочим членам ПБ ВСП уже за семьдесят. Вождь сразу смекнул, в чем дело. И, зная, что Начальник ОГБ слушает их, сказал миролюбиво, что ему действительно пора на покой, что надо молодежь выдвигать, что Начальник ОГБ талантливый и опытный руководитель и есть смысл обдумать его кандидатуру, но с поста Начальника ОГБ нельзя сразу переходить на пост Вождя, надо поработать сначала на посту, близком к общеполитическому руководству Страной и т. д. Начальник ОГБ сразу понял, куда гнет Вождь. Но выхода не было. Отказаться — покажется подозрительным. Но уйти с поста Начальника ОГБ теперь — значит потерять все. Арестовать этих негодяев? Время не то, ничего не выйдет. Дело наверняка кончится провалом, как тогда у Берии. Надо их перехитрить! И он решил дать свое согласие. Но куда они меня переведут? Так я и думал! Вот негодяи! Это пронеслось в его мозгу в тот момент, когда он услышал предложение Идеолога передвинуть его на пост руководителя Профсоюзами. Прекрасно, сказал Вождь. Пусть поруководит Профсоюзами лет пять или десять. Профсоюзы, как говорил Ильич, суть приводные ремни... И Вождь начал мямлить длинную речь с цитатами из классиков о роли профсоюзов как школы коммунизма.

Оперативная группа Комитета Гласности накопила достаточно материалов, чтобы сделать бесспорные выводы относительно ИСИ. Но руководитель группы не решался передавать материалы в Комитет Гласности для открытого использования. Ряд обстоятельств его настаивал. Во-первых, необычайная легкость получения некоторых сведений и копий с документов. Впечатление такое, как будто их подсовывали специально. Во-вторых, странная двойственность в организации работы ИСИ и в тематике исследований. С одной стороны, сравнительно легко обнаруживались чудовищно жестокие и нелепые эксперименты на нормальных (при поступлении) людях, в которые отказывается верить даже разум граждан Страны, привыкших ко всему. А с другой стороны, в ИСИ проводились исследования, о характере которых неизвестно ничего. И хотя группа провела скрупулезную работу буквально с сотнями сотрудников ИСИ, ни один из них не обмолвился об этих исследованиях ни единым словом. И в системе руководства ИСИ обнаружилось несоответствие номинальной и фактической субординации. Создавалось впечатление, будто ИСИ есть чудовищная бутафория, скрывающая какие-то реальные и еще более грозные приготовления совершенно иного порядка. Какие именно? Наконец, на территории ИСИ началось строительство каких-то грандиозных корпусов. Что это за строительство, выяснить не удалось, хотя обычно такое узнавалось тривиальным образом. И к тому же где расположены те многочисленные корпуса ИСИ, о которых говорили как о чем-то бесспорном?

— Не будем спешить, — сказал Руководитель.

— Но мы можем опоздать, — сказал один из членов группы. — А что, если они построят тут очередную пронагандистскую липу и пустят туда иностранцев? Смотрите, мол, сами! Как тогда мы будем выглядеть! Нет, я считаю, надо немедленно начинать публикацию материалов и передачу их в западную прессу.

— Если мы опоздаем, — сказал другой член группы, — мы можем вообще отказаться от предания материалов гласности от имени Комитета. Их можно будет напечатать от имени частного лица или анонимно. А если мы поторопимся, мы можем угробить все дело.

Новому Начальству ОГБ доложили о том, что КГ медлит с заявлением относительно ИСИ. Весьма возможно, что они почуяли что-то. А что, если они вообще откажутся от таких заявлений? Тогда работа огромного коллектива в течение многих месяцев и колоссальные затраты пропадут даром. Будет упущено время. Будет потерян единственный и вполне безупречный процесс. Этого допустить нельзя! Нельзя допустить, чтобы эти проходимцы из КГ вылезли сухими из воды и уклонились от выполнения своих священных обязанностей. Раз призваны разоблачать, так извольте выполнять свой долг! Иначе зачем же мы их держим?! И Начальник дал указание Человечку предложить агентам ОГБ активизироваться и настоять на быстрейшем разоблачении подлинной сущности деятельности ИСИ. В ночь, когда состоялось заседание КГ, на котором было принято решение опубликовать имеющиеся материалы, на всех подъездных путях к территории ИСИ появились огромные щиты с изображением комплекса зданий и надписью «Строительство крупнейшей в Стране психиатрической лечебницы». А Хроники КГ уже расползались по Стране и Столице. «Голоса» уже начали передачу материалов от имени КГ.

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА

Психиатрическую больницу строили ускоренными темпами. Ход строительства систематически освещали в печати. Многим строителям присвоили звание Героев Труда. Группе архитекторов присудили Премию. В журналах и газетах печатали статьи видных ученых о замысле лечебницы и о новых гуманных методах лечения. Иностранные делегации и отдельные видные деятели культуры Запада дневали и ночевали на строительной площадке, мешая работать. Но их терпели. Паломничество прекратилось лишь после того, как подъемный кран, провалившись одним боком в яму, упал на автобус с делегацией освобожденных народов Африки, а в другом месте под землю провалилась группа прогрессивных деятелей Запада. Поскольку в далекой африканской

республике произошел коммунистический переворот, делегацию вообще не искали, а прогрессивные силы Запада дело замяли из любви к прогрессу.

ПРОВАЛ КГ

Сразу же после того, как Комитет Гласности опубликовал материалы о деятельности ИСИ, последовало правительственное заявление о том, что эти «материалы» — нелепый вымысел и клевета. Всем желающим было предложено посетить территорию, указанную в «материалах», на которой строится психиатрическая лечебница. И она совсем не такова, как говорится в «материалах». Скоро лечебница вступит частично в строй. Правительство Страны готово допустить любую международную комиссию, желающую ознакомиться с диспансером и методами лечения, которые тут будут применяться. Членам Комитета Гласности было предъявлено обвинение в заведомой клевете на социальный и политический строй Страны, а также на целую группу видных ученых и государственных деятелей. Чтобы облегчить ход следствия и соблюсти строгую законность, все члены Комитета и связанные с ними лица были арестованы. Было объявлено, что процесс будет открытым и даже будет транслироваться по телевидению, что неопровержимо установлены связи Комитета с разведками различных западных государств, которым члены КГ регулярно поставляли секретные сведения. Все понимали, что вся эта история — липа. Но придаться было не к чему. В Стране сообщение об аресте деятелей КГ не произвело почти никакого впечатления, за исключением тех кругов, с которыми члены КГ соприкасались лично. А на Западе стали ждать исхода дела просто с любопытством. Страстей не было. Но история с КГ породила новый, нежелательный и неуправляемый процесс, в котором сосредоточилось все недовольство, накопленное обществом за прошедшие годы. История с КГ давала опору и притяжение, повод для обобщения, все возрастающую нищу для размышлений и глухих разговоров. Основное направление умов выражалось простой формулой: они там с этими смутьянами е..., а тут бардак везде и жрать нечего!

КОМИССИЯ

Международная комиссия, расследовавшая слухи о злоупотреблениях медициной, посетила новую психиатрическую лечебницу, открытую недавно на том самом месте, где, по сведениям Комитета Гласности, находился ИСИ. Вот что сказал директор лечебницы членам комиссии.

Наша лечебница является пока уникальным заведением такого рода в мировой медицинской практике. Когда станет окончательно ясно, что применяемые здесь методы дают положительный эффект и вполне отвечают принципам коммунистического гуманизма, мы по этому образцу построим все психиатрические учреждения Страны.

Вы, очевидно, заметили полное отсутствие охраны. И это оправдало себя: ни одного случая побега отсюда до сих пор не было. Мы придерживаемся таких принципов. Если родственники или сослуживцы сообщают нам о странностях в поведении индивида, мы предлагаем последнему посетить нашу лечебницу добровольно и предлагаем ему отдельную комнату со всеми удобствами с правом покинуть территорию лечебницы в любое время. Прожив несколько дней, предполагаемый больной выражает согласие подвергнуться курсу лечения. Предварительно мы разъясняем, что психические заболевания суть обычные заболевания, в которых нет ничего позорного. Лишь после этого предполагаемый больной подвергается тщательному обследованию. Если случай несерьезный, мы направляем индивида на консультации и лечение в обычные районные или ведомственные поликлиники. В лечебнице оставляются лишь лица, имеющие серьезные психические заболевания.

Подавляющее большинство больных сохраняет здесь возможность продолжать учебу, заниматься научной работой или творческой деятельностью, поддерживать контакты с семьей, друзьями и коллегами. Это благотворно влияет на ход лечения. У нас имеются кружки самодеятельности, устраиваются концерты силами больных, хорошо поставлена спортивная работа. Больные совершенно не чувствуют себя неполноценными. И эффект поразителен. Мы еще не можем говорить о стопроцентном излечении. Но сейчас этот процент приближа-

ется уже к восьмидесяти. Многие выздоровевшие просят оставить их на дополнительные сроки. Но пока мы не можем на это пойти, так как число коек у нас всего около десяти тысяч.

О стоимости лечения. У нас, как известно, бесплатное медицинское лечение. Но наша лечебница особого рода. Больной имеет отдельную комнату, санаторное питание и все средства обычной жизни граждан. Так что больные, получающие зарплату по месту работы, стипендию, пенсию, гонорары или имеющие иные источники дохода, вносят на свое содержание определенный процент своих доходов, не превышающий соответствующие траты вне больницы. Но это играет скорее воспитательную роль, поскольку поступления такого рода составляют лишь около десяти процентов средств, отпускаемых государством на содержание лечебницы.

Теперь вам будет предоставлена возможность наблюдать деятельность лечебницы всесторонне. Вы сможете беседовать с любым сотрудником и больным. Сможете наблюдать действие применяемых психохимических препаратов. Хочу обратить ваше внимание на то, что эти препараты дают положительный эффект только тогда, когда строго соблюдается весь комплекс процедур, существенное место среди которых занимает коммунистическое воспитание больных.

Члены комиссии сделали кислые мины при последних словах директора. Они восприняли их как дежурные слова, которые они слышали ото всех, с кем приходилось сталкиваться. И совершенно напрасно. Половина комиссии состояла из шпионов различных разведок и фармацевтических фирм Запада. Когда они познакомились с методами и препаратами, применяемыми в лечебнице, и сообщили о них своим хозяевам, там все эксперименты с этими препаратами кончились полным провалом. И в души западных деятелей и обывателей закрался ужас: неужели коммунизм на самом деле есть знамение времени?!

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

После Пленума состоялось секретное заседание ПБ ВСП, на котором обсуждали два вопроса. Первый вопрос — о зарождении новых форм религиозных веро-

ваний. Идеолог сказал, что это явление, хотя оно и опасно и вредно и бороться с ним нужно, однако оно не столь серьезно, чтобы... Одним словом, надо поручить обществу «Знание» усилить антирелигиозную пропаганду, прочитать цикл лекций... Усилить преподавание марксистско-ленинской философии в учебных заведениях... Начальник ОГБ сказал, что усиливать тут дальше некуда. Еще одно усиление, и число верующих удвоится. Тут нужна кропотливая работа с расчетом на много лет. Надо заслать сотрудников ОГБ в религиозные группы и организации, которые приобретут в них влияние, возможно, вообще захватят инициативу и руководство, будут разлагать движение изнутри или направлять в сторону от важных проблем. В какую? Например, в сторону традиционного православия, йоги, нравственного самосовершенствования и т. д. Неожиданно для всех Вождь зачитал бумажку, на коей было написано, что упомянутые религиозные веяния — дело серьезное, ибо они могут вырасти в идеологическое течение, противостоящее марксизму-ленинизму в глобальных масштабах. Второй вопрос, обсуждавшийся на том заседании ПБ, был более важным и насторожил всех членов и кандидатов в ПБ. Это — вопрос о надругательстве над нашими святынями — памятниками и портретами руководителей Партии и Правительства, лозунгами, плакатами. Известны многочисленные факты такого рода. Например, в городе *К* прокололи портрет Вождя и вставили в дырку бутылку из-под водки; в городе *Д* таким образом надругались над портретами всех членов и кандидатов в ПБ, вставив в отверстия сосиски из синтетического «мяса»; в городе *В* хулиганы в течение месяца регулярно, извините за выражение, срали около памятника самому товарищу Сусликову и писали на нем, извините за выражение, неприличное слово «х...». Эти факты, товарищи, сказал Министр ВД, дурно пахнут. Еще бы, сострил Министр ИД. Я не в том смысле, обиделся Министр ВД, я хотел сказать, что, начав с обсирания, прошу прощения, руководителей нашей Партии и Государства, хулиганы начнут в них стрелять и бросать бомбы. Я думаю, сказал Начальник ОГБ, выход у нас один. Надо портреты и лозунги вешать и устанавливать так, чтобы хулиганы до них

не могли достать. А памятники надо сооружать так, чтобы обсираие их было сопряжено с непреодолимыми трудностями. Поручим это дело Министерству Культуры.

ИЗ РОМАНА АВТОРА

Исторический период, начавшийся на другой день после снятия прежнего Вождя Партии и Главы Государства, разоблачения культа его так называемой личности (собственно говоря, тут и разоблачать ничего не надо было, ибо какая уж тут была «личность!») и избрания вместо него верного ленинца товарища Сусликова, является самым историческим в истории нашей славной и героической истории. Начался этот период именно на другой день, ибо ночью товарищ Сусликов хотя и не спал, но период еще не начинал, а только еще готовился начать. Ночью он и его ближайшие соратники сидели и мучительно думали, неужели и этот слизняк Сусликов учредит свой культ и все такое прочее. Смешно! Чтобы Сусликов?! Ха-ха-ха! А другого никого нельзя, ибо любой другой еще хуже. Иванов не допустит, чтобы Петров, а Петров не допустит, чтобы Иванов, и оба они не допустят, чтобы Сидоренко, а уж насчет Кирильчука и речи быть не может... И что бы такое учинить, чтобы эта вонючка Сусликов не учредил свой культ и все такое прочее? Товарищ Сусликов настаивал на коллегиальном руководстве и уверял всех, что он — круглый дурак и что не с его хилыми силенками... И в его годы... И вообще не в его интересах... Уроки истории... Пора, в конце концов... Не за горами полный коммунизм... На носу высокоразвитый социализм, который почти что... Одним словом, лишь утром товарищ Сусликов был облечен доверием, избран и... лег спать. Так что новый исторический период начался, если быть более точным, во второй половине дня. Восставши ото сна, новый гений всех времен и народов первым делом поинтересовался, надежно ли охраняется его предшественник. А то этот болтун может наговорить глупостей...

Остальное все затем сделалось само собой.

ПОЗИЦИЯ ГОРИСПОЛКОМА

Все зло, говорит Председатель Жилищной Комиссии Исполнительного Комитета Городского Совета Депутатов... в отдельных квартирах. Жили в коммуналках — никаких диссидентов не было. В коммуналках долго не засидишься и не разболтаешься. Детишкам и старикам спать надо ложиться, значит, гостей с дивана сгонять надо. Соседи потребуют шум прекратить, всякими словами обзовут, настроение испортят. Тут вам не до высоких идей. И Органам облегчение большое. Так что я склоняюсь к тому, чтобы строить дома не с отдельными малогабаритными квартирами, а с большими квартирами на две-три семьи минимум. Конечно, надо строить дома с квартирами на одну семью. Но это не для всех, а только для проверенных и надежных товарищей. Для руководящего состава, для ответственных работников. Можно для спортсменов и артистов. Скажем, если артист играет в театре самого Ленина. Значит, положено звание Народного. Не поселишь же его в коммуналку! А раз он Ленина играет, он в своей квартире диссидентов не допустит. Так ведь... А прошлые ошибки надо исправлять. В случае надобности надо из отдельных квартир переселять в коммунальные, под надзор народа. А то отрываться от народа стали, мерзавцы! Поэтому предлагаю утвердить для нового жилого района...

Предложение Председателя Жилищной комиссии... было принято единогласно.

ПОЗИЦИЯ МИЛИЦИИ

Вы ученые, сказал начальник милиции, вам и карты в руки. А у нас другие задачи. Вот вам данные по городу за этот месяц. Подобрано валявшихся в пьяном виде на улицах... Из них днем в рабочее время... Состоялось драк... с увечьями и убийствами... квартирных краж... изнасилований... Как видите, цифры впечатляющие. Учтите, поскольку город включился в движение за звание образцового коммунистического города, Горком Партии дал указание... Сами понимаете, если бы мы фиксировали все случаи, цифры пришлось бы увеличить раз в пять. Секретарь Горкома заявил, что у нас теперь нет ни

одного случая политических преступлений. Прекрасно! А как нам прикажете быть вот в таком случае: один рабочий завода «Автоприбор», старый член партии, семьянин, отличный производственник и все такое прочее, в пьяном виде набил морду бюсту Ленина. Это — на площади перед главным входом на завод. На виду у всех. Многие стояли и смеялись. И даже подзадоривали. Политика или нет? Хорошо, мы его оформим как хулиганство в общественном месте. А этих, которые поощряли, по какой статье брать?

И вообще, продолжал начальник милиции, я не понимаю, в чем проблемы? Дайте мне санкцию, и я в два дня очищу город от всех нежелательных элементов. Мы уже сейчас наметили к изъятию около пяти тысяч человек, без которых город может обойтись без всякого ущерба. Это помимо изъятия людей обычным путем через Народные суды. А вы уверены, что после этого в городе наступит благоденствие? — спросил руководитель социологической группы. Я уверен, что оно не наступит, сказал начальник милиции. Но мы и существуем на то, чтобы стоять на страже общественного порядка. По нашим подсчетам, в городе ежегодно накапливается до трех тысяч человек, которых можно изымать без ущерба для нормального хода жизни. Этот избыточный человеческий материал можно использовать там, где в нем ощущается дефицит. Тем самым автоматически решается проблема перевоспитания отсталых элементов. Не мне вас учить. Вы знаете историю Страны. Несколько десятков лет тому назад проблемы такого рода мы прекрасно решали без всякой науки. Я думаю, к прошлому нельзя относиться нигилистически.

ИЗ РОМАНА АВТОРА

За пять лет руководства товарищем Сусликовым Партией, Государством, Народом и всем Прогрессивным Человечеством в Стране было сооружено и вступило в строй бюстов и статуй товарища Сусликова на пятьдесят процентов больше, чем статуй и бюстов его предшественника за все пятнадцать лет его так называемого руководства. Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сусликова (ИМЭЛС) подготовил к трехлетнему

юбилею восьмидесятилетнего юбилея товарища Сусликова издание его сочинений в неограниченном количестве томов, сразу на всех языках и с картинками. Издание на английском языке полностью закупили США в обмен на зерно и мясные консервы. Недобитые диссиденты болтали, будто закупили на макулатуру. Но это — явная клевета. Все потребности США в макулатуре мы могли бы покрыть «сочинениями» предшественника генералиссимуса Сусликова, но американцы заявили, что им это г...о даром не нужно. Значит, они собираются сочинения товарища Сусликова читать. К тому же, если бы им была нужна только бумага, они купили бы чистую бумагу. Но чистая бумага, сказал по сему поводу Экономист, стоит в два раза дороже, чем та же бумага с отпечатанными на ней сочинениями классиков и вождей, ибо в последнем случае она идет как безнадежно испорченная. И вообще, добавил он уже без повода, не могу понять, чем думают там вверху. Проблема выеденного яйца не стоит. Пока существует сельское хозяйство, будут трудности с продовольствием. Надо отменить сельское хозяйство вообще, и все трудности, связанные с ним, исчезнут. Логично? То-то! Что же касается еврокоммунистов, сказал Кибернетик, морду им набить, и дело с концом. Если человеку морду набить, сразу станет как шелковый. С нами же иначе нельзя.

МНЕНИЕ РАБОТЯГИ

Жил у нас в доме мужик, сказал подвыпивший Работяга. Тихий, хороший семьянин. Унес как-то пустяковую шутовину с завода, получил три года. Через год выпустили, попал под юбилейную амнистию. Вернулся. Напугался там он основательно, даже пить бросил. Но вот его опять засадили, на сей раз — за воровство в транспорте. Липа, конечно. Он — честный человек. А в автобусе специально подстроили, будто он в карман кому-то залез. «Свидетели», конечно, нашлись. В чем дело? Очень просто. Мастер он отличный. А там, где он отбывал срок, после амнистии нехватка таких мастеров. Вот и дали указание любыми путями тех мастеров вернуть обратно. А у него двое детишек. Вот вам и правосудие. Все мы

под Богом ходим. Я вот с вами лясы точу, а там, может быть, уже придумали, под каким соусом меня отправить в нужное место. Я сварщик. Здесь работы для меня в обрез. А в Сибири, говорят, сварщики на вес золота.

ОТКРОВЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОГЬ

Вы не хотите говорить? Дело ваше. Только не думайте, что вы нас этим огорчаете. Нас устраивает любая форма вашего поведения. Раз обвиняемый говорит, значит, он в какой-то мере признает вину и раскаивается, о чем бы он ни говорил. Раз обвиняемый отказывается говорить, значит, ему есть что скрыть, и тем самым он в какой-то мере признает вину и боится ее раскрытия. Вы не догадываетесь, к чему я клоню? Нет? Жаль. И все же я прочитаю вам маленькую лекцию, если вы не возражаете. Не возражаете? Это не входит в мои обязанности. Я это делаю из чисто человеческих чувств. Вы молоды еще, вы еще можете со временем наладить нормальную жизнь и стать полезным обществу. Я буду говорить несколько сумбурно. Но не придавайте этому значения. Мы ведь не в университете, не правда ли?

Начнем хотя бы с того, что вы считаете нас дураками. Это, молодой человек, ваша первая грубая ошибка. Не спорю, у нас много дураков, как и везде. А где их нет?! Может быть, мы каждый по отдельности дураки. Но как организация, выполняющая определенные функции в обществе, мы воплощаем в себе высшую мудрость этого общества. В качестве членов организации мы никогда не совершаем ошибок. Думаете, это — заимствование из принципов работы Органов сталинских времен? Нет, дело не в этом. Я говорю не о принципах, а о сути. Поясню вам примерами, что я имею в виду. Помните, к вам заходил «студент» с бородкой? Верно, это был провокатор КГБ. И вы сразу разоблачили его. И были очень этим горды. Когда он ушел, вы захлебывались от восторга, рассказывая друзьям, как вы ловко его разоблачили. Что за идиоты работают Там, говорили вы. Юноша, откуда вам было знать, зачем к вам был послан тот «студент»? Ну а если он был послан именно с такой целью, чтобы вы его «разоблачили»? Он назвал вам несколько фамилий, и по вашей реакции нам стало ясно, что вы этих людей не зна-

ете. Именно это нам и нужно было узнать. Откуда мы узнали о том, как вы наслаждались своей «победой» над провокатором? От одного из ваших друзей. Вы так и не поймете, о чем я толкую? Да о том, молодой человек, что вы никогда не знаете и не можете знать, что мы хотим узнать о вас и от вас, ибо любое наше соприкосновение с вами приносит нам ту или иную информацию. Наше преимущество — преимущество ищущих. Мы хотим знать именно то, что находим. А отнюдь не так, будто мы хотим найти нечто заранее определенное и ищем именно это. Бывает, конечно, и так. Но очень редко. И это не есть принцип нашей деятельности.

Следующее наше преимущество перед вами заключается в праве на интерпретацию. Что это такое? Опять-таки поясню примерами. Я уже говорил, что мы можем истолковать как ваше молчание, так и откровенный разговор так, как это нам требуется. Причем нам ничего не нужно искажать, ибо истолкование есть право самой нашей позиции в обществе, не вызывающее сомнения даже у наших врагов. Но вот другой пример. Мы вызвали на допрос в качестве свидетеля одного из ваших друзей. Благородный юноша, ничего не скажешь. Смелый. Презирает КГБ. И вас он, конечно, всячески выгораживал, доказывал нам, что вы не совершили ничего преступного. И конечно же гордился потом, что достойно вел себя на допросе. О, святая простота! Да разве можно достойно вести себя на допросе?! Хотите взглянуть на протокол допроса вашего друга? Нет? Как хотите. Но он, защищая и выгораживая вас, оказал нам большую услугу. Он сказал нам именно то, что нам было нужно. Между прочим, на сей раз нам хотелось, чтобы он высказывался именно в таком духе. Он, конечно, не знал, что именно это нам требовалось. Но можете себе представить, как он будет удивлен, когда мы дадим его показаниям свою интерпретацию! Одно и то же слово, молодой человек, играет различную роль, будучи помещено в различный языковой контекст. От нас зависит, в каком месте и как использовать ваши слова и описания ваших поступков, ибо мы представители целого и потому мы суть истолкователи смысла отдельных слов и поступков происходящего вокруг.

Как представители целого мы обладаем правом и возможностью отбора материала и комбинирования его, то

есть правом и возможностью создания желаемой картины вашего поведения. Помните тот случай, когда один иностранный журналист попросил вас быть переводчиком в его беседе с одним нашим социологом, скомпрометировавшим себя впоследствии? Какое имеет значение, что тогда этот социолог был членом партии и был даже на хорошем счету?! К моменту суда и даже начала следствия по вашему делу он уже стал считаться враждебно настроенным к нашему обществу, а затем и эмигрировал. Он — враг. Во время вашей встречи он был хуже, чем враг: он был враг скрытый, замаскировавшийся. Итак, журналист встретился с социологом, вы переводили беседу. Потом журналист опубликовал статью, явно враждебную нашему строю. Я знаю, что он не воспользовался в этой статье материалами беседы с социологом. Но какое это имеет значение? Была беседа. Журналист — враг, агент иностранной разведки. Социолог — враг. Социолог инструктирует журналиста, как поносить наш строй. Выходит клеветническая статья журналиста. А вы? Вы же организатор или посредник, что еще хуже, в этой акции — это не вызовет сомнения ни в одном суде.

И это еще далеко не все. Это даже не главное. Есть пунктики поважнее. Позволю себе напомнить вам процессы сталинских времен. Думаете, устроители их не знали, что мир им не верит? Мы не такие наивные, молодой человек. Но никто тогда не догадался об одной из важнейших (если не самой важной) целей этих процессов: моральной дискредитации конкурентов и противников Сталина. На процессах они предстали в таком жалком виде, что всем было очевидно: таким моральным уродам (они же все клеветали друг на друга!) доверять управление государством нельзя! А возьмите недавний процесс членов Комитета Гласности. Липа? Пусть липа. Но в каком моральном свете предстали они перед лицом общественности?! Так вот, молодой человек, на нашей стороне сила, а сила дает моральное преимущество. Запомните, только сила дает моральное преимущество. Слабый по положению дискредитируем как аморальное явление. Обратите внимание, когда американские политики заговорили о морали в политических отношениях? Силенку некоторую почувяли. Но стоит нам проявить в чем-то свою превосходящую силу, как все эти разговорчики умолкают.

Это, молодой человек, очень существенно. Слабый может быть дискредитирован сильным морально, сильный — нет. Это по самому их взаимному положению. Мы уже сейчас из сопоставления показаний разных лиц, привлеченных по этому делу в качестве обвиняемых и свидетелей, можем преподнести общественности картину морального разложения всей среды, в которой вы вращались и действовали. Вы знаете, сколько лиц опрошено только по вашему делу? Десятки? Нет, побольше. Думаете, пустая трата сил и средств? Ошибаетесь, молодой человек. Каждый вовлеченный нами в ваше дело — это определенные показания, поведение, разговоры. Десятки людей обсуждают каждый их шаг. Сотни мнений, допущений, слухов, вымыслов. Если бы сейчас вам показать, что творится с этой точки зрения вокруг вас, вы пришли бы в ужас. Сказано все самое худшее, что вообще могут люди сказать друг о друге в подобной ситуации. Вам приходилось знакомиться с материалами процессов сталинских времен? Хорошо, не будем ворошить прошлое. Представьте себе такой пустяк: на столе стоят бутылки с вином, стаканы, закуски. Помните ту вечеринку у вашей... скажем, приятельницы? Конечно, конечно, это была обычная вечеринка — день рождения. Знаю, молодой человек, продукты на закуски целый месяц доставали с трудом. Но мы же вас об этом и не спрашиваем. Это нам не нужно. Мы спросим вас, какие именно бутылки стояли и закуски, кто где сидел и т. п. Пустяки? Конечно, ничего в этом криминального нет. А вот облик моральный для посторонних будет вырисовываться какой нужно. Продовольственные затруднения, а они коньяк пьют, икру и севрюгу жрут! Вот куда идут продукты, которые нам теперь и не снятся! Так, молодой человек, народ будет думать. И иностранцы призадумаются, с кем им дело иметь приходится. Кстати, где вы ночевали в ту ночь? Вот ваш друг показал, что вы остались ночевать у своей приятельницы. Еще штришок! Какое это имеет отношение к делу? Прямое. Помните, кому вы звонили из этой квартиры? Знаем, разговор был безобидный. Но ведь был же. И вопросик вам тут же: а не в этот ли раз вы назначили встречу и т. д.? Откуда мы узнали об этом телефонном разговоре? Вот показания вашей приятельницы. Вот показания одного из гостей... Это-то как раз пустяки.

Вы смотрите на свое дело со своей чисто личной точки зрения. Но личная точка зрения на важность дела не всегда совпадает с государственной. Важность дела зависит от того, какую степень важности придает государство, а не от того, что вы лично думаете о нем. Мы долго обдумывали самые различные варианты, прежде чем остановить свой выбор именно на вас. Согласен, в вашем деле нет ни одного поступка, который был бы преступен сам по себе. Согласен с тем, что простая сумма непроступных действий не дает еще преступления. Но система непроступных по отдельности действий может создать преступление — вот в чем суть дела. Мы вас, собственно говоря, и предпочли прочим претендентам, если так можно выразиться, на эту роль именно потому, что вы совершили много поступков, каждый по отдельности из которых не преступен, но определенная комбинация которых может создать впечатление тягчайшего преступления, а именно — измены Родине. Да, молодой человек, именно, измены Родине. Очевидно, такое именно обвинение вам и будет предъявлено. Насколько мне известно, такое решение в высших инстанциях уже состоялось. Я это вам говорю неофициально, из чисто человеческих чувств. У вас нет иного выхода, если вы хотите защищаться — говорить! Для первого раза, пожалуй, хватит. Вы не устали? Нет? Вот и прекрасно. Итак, приступим...

ИЗ «ЕВАНГЕЛИЯ ДЛЯ ИВАНА»

Природы ход суров и строг,
Один нам всем грядет итог:
И теоретика-лжеца,
И диссидента-правдеца,
Прелюбодея гомосека,
И даже самого Генсека,
Шпану у винного ларька
И прохиндея из ЦеКа,
С центральной улицы стилиягу
И заводского работягу,
Энтузиаста пионера
И без зубов пенсионера,
И мудреца, и дурака —
Уносит времени река.

По пустынным улицам ночного города идет человек. Он подставляет лицо холодному ветру. Он думает трудную мысль.

Каждая эпоха имеет свой специфический поток жизни. Что это такое? Совокупность происходящего в данном пространственно-временном объеме? Это верно, но пусто. Все дело в том, как это воспринимается и переживается участниками эпохи и что получается из суммирования миллионов ручейков их переживаний. Но дело даже не в общем понятии такого потока — оно вряд ли возможно. Дело в конкретных типах таких потоков. А еще точнее — в особенностях жизненного потока нашей эпохи. Бесспорно, что вся она окрашена одной главной темой: коммунизм. Ибо это есть главная болезнь времени.

О коммунизме написаны горы книг, статей, фраз, слов. Но во всей прокоммунистической и антикоммунистической литературе не сказано ни одного слова о самой главной черте коммунистического строя жизни, которая сделала его таким привлекательным для миллиардов людей, несмотря на очевидные и общеизвестные ужасы становления и бытия его. Это главное состоит в органической способности порождать идеи и средства, организующие жизненный поток в единое осмысленное целое. Затея, материалы которой мы зачем-то сначала обрабатывали, а затем уничтожали, и была классическим примером проявления этой способности нашего общества. Пожалуй, в этом суть дела.

Прежде всего нужно понять, что организующая идея не есть нечто реально существующее. Это есть всего лишь воображаемая точка, в которую фокусируют свои цели, желания, усилия, надежды, страхи и т. п. миллионы людей, осуществляющих свой жизненный путь в реальном потоке бытия. Строй нашей жизни порождает такие воображаемые точки постоянно. Почему он порождает — другой вопрос. Здесь важно пока, что такие точки суть факт. Хотя такая точка есть лишь нечто воображаемое, она обладает необычайной прочностью и устойчивостью. Она устойчивее, чем реальные личности, участвующие в процессе жизни. Устойчивее даже правительств и крупных организаций. Дело в том, что

она воображаема не в том смысле, что она есть продукт деятельности воображения людей, а в том смысле, что мы как посторонние наблюдатели можем представить ее себе так, будто люди в нее проецируют свои жизненные линии. На самом деле ничего подобного не происходит. На самом деле по законам коммунизма люди живут так, как будто бы они осуществляют упомянутое проецирование. А его на самом деле нет.

Вместе с тем, несмотря на призрачность организующей идеи, на нее накладываются прочие реальные жизненные явления. Просматривая материалы Затеи, мы должны были заметить, какие огромные массы людей и материальные средства были приведены в движение в связи с нею. И должны были заметить, что ее единственный итог — прошлое. Просто прожитый отрезок времени. Значит, в ней бессмысленно искать цели, ибо она сама и есть цель, как таковая, если здесь вообще уместно говорить о целях. Скорее, тут целеподобие. Даже не целесообразность, а именно целеподобие. Или имитация целесообразности. Игра в жизнь, а не жизнь в собственном смысле слова. Что такое игра в жизнь? Вы были, конечно, в театре, как вы думаете, что получится, если актеры отождествят себя с исполняемыми ролями? Верно, сумасшедший дом. Нечто подобное происходит у нас во всем обществе. Но в более сложных формах, более опосредованно, не столь явно. Реальная человеческая жизнь есть деятельность по добыванию средств существования, удовлетворение естественных потребностей, самозащита. Когда-то в ней зародился игровой или театральный элемент. Он был обусловлен какими-то историческими причинами. Не наше дело искать этому объяснение. Мы должны констатировать как факт, что в наше время театральный элемент жизни достиг гипертрофированных размеров и заслонил собою реальную и фундаментальную человеческую жизнь. Он стал господствовать над вторым. Все или почти все активные члены общества не просто живут, а разыгрывают определенного типа роли — роли вождей, полководцев, государственных деятелей, деятелей искусства, ученых. Именно играют роли по принятым правилам игры. Причем чем ничтожнее они сами по себе, тем серьезнее и старательнее они исполняют свои роли. Разыгрывается грандиозный спектакль, который навязывается всему обществу как реаль-

ная и главная жизнь. Этот спектакль лишь отражается в реальную жизнь, порождая в ней далеко не театральные эффекты. Возьмите, к примеру, закон о трудовой дисциплине. На уровне спектакля вся история с ним разыгрывалась как мудрое историческое решение, имеющее целью поднять производительность труда и сознательность. Сколько было проведено съездов, собраний, совещаний, заседаний! Сколько было сказано слов! Сколько было принято поз! Для участников этого спектакля все эти собрания, позы, слова и были их настоящей жизнью, а значит, и настоящей жизнью для всех. Но в реальной жизни этот спектакль отразился совсем в иных явлениях — в форме гигантского числа судебных процессов за «прогулы», «опоздания», «пьянки», которые поставляли принудительным порядком даровую рабочую силу в отдаленные районы и на трудные производства. Кроме того, в реальности это привело к прочному прикреплению людей к месту жительства и работы, к состоянию перманентного страха в среде интеллигенции. Но не подумайте, что спектакль имел целью причинить такие последствия в реальной жизни. Здесь отчасти произошло совпадение, отчасти случилось непредвиденное, отчасти сработало безразличие к реальности (для участников спектакля ее нет). А по крайней мере в некоторых случаях творцы и участники спектакля жизни бессознательно стремятся к созданию жизненных кошмаров, ибо последние усиливают эффект театральности и создают ощущение великой исторической драмы. Актеры жизни, уверенные в своей безопасности, стремятся к грандиозным жизненным трагедиям для других. Такое систематическое отождествление ничтожеств с исполняемыми ими ролями значительных личностей не проходит даром. Мания величия становится нормой. Все виды психических заболеваний с поразительной закономерностью распространяются по гигантской массе деятелей общественного муравейника.

НЕНАПИСАННЫЙ НЕКРОЛОГ

Он появился еще тогда, когда русские женщины вопили «Извела меня кручина», «Пред иконою святой слезами зальюся»... И казались ему их крики Песней. Еще

лучше пели в церкви. Но это было очень редко, когда ребятишек водили на исповедь и причастие. А скоро это и совсем прекратилось. Церковь порушили, попа куда-то увезли. Много лет спустя он познал музыку Бетховена и Чайковского, но она не могла затмить тех стонов и плачей детства. Они непрестанно звучали в нем, эти крики Прекрасной души, навеки закованной в Уродливое тело. Лучшие годы его жизни прошли тогда, когда все русские люди пели «Эх, хорошо в стране советской жить!», «Я другой страны такой не знаю, где так вольно дышит человек»... Пели и миллионами погибали от голода, в концлагерях, на полях войны. Он исчез. Никто уже не знает, что он сделал в этой жизни, да и был ли он в ней вообще. Мир праху его! Да будет суровая и истерзанная русская земля ему пухом!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. И. Греков. Сатира Александра Зиновьева</i>	3
--	---

ЗАТЕЯ

Предисловие	9
<i>Часть первая. В МОЗГУ РОССИИ</i>	12
<i>Часть вторая. В ЗАДНИЦЕ РОССИИ</i>	94
<i>Часть третья. ЗАТЕЯ</i>	147
<i>Часть четвертая. ИСПОВЕДЬ ОДИНОКОГО МУЖЧИНЫ</i>	226
<i>Часть пятая. ИСПОВЕДЬ ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ</i>	265
<i>Часть шестая. ИСПОВЕДЬ САМОСОЖЖЕНЦА</i>	288
<i>Часть седьмая. ИСПОВЕДЬ ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА</i>	311
<i>Часть восьмая. ИСПОВЕДЬ СЕКТАНТА</i>	340
<i>Часть девятая. ИСПОВЕДЬ ОТЩЕПЕНЦА</i>	359
<i>Часть десятая. КОНЕЦ ЗАТЕИ</i>	489

Литературно-художественное издание

Зиновьев Александр Александрович

ЗАТЕЯ

Редактор *Л.И. Греков*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Корректор *О.А. Левина*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 28.02.2000
Формат 84x108^{1/8}. Бумата офсетная. Гарнитура "Таймс"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 30,70
Тираж 7000 экз. Заказ № 476

ЗАО "Издательство "Центрполиграф"
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOI@DOL.RU

Огнечагано в ГУП Издательско-полиграфический
комплекс "Ульяновский Дом печати"
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

УДК 82-96
ББК 87.3(2)6
363

В оформлении книги
использована картина *А. Зиновьева*

Художник И.А. Озеров

Зиновьев А.А.

363 Затея. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. — 555 с.

ISBN 5-227-00684-9

В своей книге всемирно известный писатель продолжает сатирическое описание советского общества, начатое им в романах «Зияющие высоты» и «Светлое будущее». Общественные отношения, образ жизни народа, его нравы, культура и быт в советский период становятся для писателя предметом научного исследования и осмысления. Затея строительства коммунизма, по версии Зиновьева, была задумана советской властью для идеологизации населения. А когда есть глобальная «затея», то под это дело можно смело пить, гулять и развлекаться...

УДК 82-96
ББК 87.3(2)6

© Зиновьев А.А., 2000
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф»,
2000

ISBN 5-227-00684-9

В книге известного писателя и ученого-социолога Александра Зиновьева в сатирическом ключе описывается советское общество семидесятых годов. Коммунистическая идеология, пронизавшая его сверху донизу, как считает автор, — это некая затея, задуманная советской властью и компартией для «идеологической обработки» населения, чтобы превратить людей в послушных и безропотных исполнителей воли партии и правительства.

Затейное строительство нового, небывалого в истории общества привело к неожиданным и неадекватным результатам. Эти результаты уже были видны в те, семидесятые годы, когда и была написана книга. Сатира Александра Зиновьева на Советское государство беспощадна и резка, но в ней нет злого умысла — он высмеивает все негативное и застойное, что присутствует в обществе, но при этом считает наше тоталитарное прошлое яркой страницей истории России.

ISBN 5-227-00684-9

9 785227 006844

ЦЕНТРОЛИГРАФ